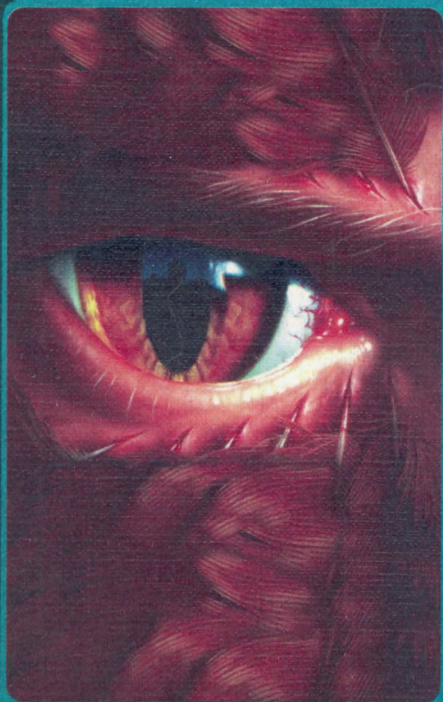

ЕВГЕНИЙ
ГУЛЯКОВСКИЙ
СТРАТЕГИЯ
ЗАХВАТА

ЕВГЕНИЙ
ГУЛЯКОВСКИЙ
СТРАТЕГИЯ
ЗАХВАТА

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ

СТРАТЕГИЯ ЗАХВАТА

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ

СТРАТЕГИЯ ЗАХВАТА

**СТРАТЕГИЯ
ЗАХВАТА**

роман

**ПЛАНЕТА
ДЛЯ
КОНТАКТА**

повесть

ВЕСТА

повесть

**ЗАПРЕТНАЯ
ЗОНА**

повесть

«ЭКСМО»
1997

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4
Г 94

Разработка серийного оформления
художника *И. Г. Саукова*

Серия основана в 1997 году

Иллюстрации художника *Fred Gambino*

Г 94 **Гуляковский Е. Я.**
Стратегия захвата: Фантастические произведения. —
М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1997. — 576 с. (Серия «Клас-
сика приключений и научной фантастики»).

ISBN 5-251-00088-X

Земная федерация подверглась нападению жестоких инопланетных захватчиков. Никто и никогда не видел таинственных пришельцев, но всем известны их зловещие следы: взрывы, разрушения, человеческие жертвы. Чтобы обезвредить террористов-невидимок, сотруднику Управления безопасности Земли Логинову приходится искать пути в иное измерение родной планеты.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-251-00088-X

© Гуляковский Е. Я., 1997 г.
© Оформление. ЗАО
«Издательство «ЭКСМО», 1997 г.

СТРАТЕГИЯ ЗАХВАТА

==
роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОМАНДА НОЛЬ-ОДИН

1

Город затаился в ночи после очередного удара, словно большое раненое животное. Город старался стать незаметнее, неподвижнее, замереть под безликими очертаниями каменных холмов зданий. Но Логинов знал, чувствовал это всем своим существом: под мертвой оболочкой домов скрывался гнев. Он скапливался там, сдавленный тесным пространством. Неощутимо, незаметно набирал мощь и лишь ждал повода, крохотной слабину в хорошо отработанном и безупречно организованном плане захвата.

«А был ли захват?» — спросил он себя и лишь удрученно покачал головой. Ежели уж он, один из ведущих специалистов Управления Внешней и Внутренней Безопасности, не мог со всей очевидностью ответить на этот вопрос, то однозначного ответа на него скорее всего просто не существовало.

С одной стороны, захват определенно был, поскольку правительство федерации получило ультиматум с требованием ежегодной контрибуции и вынужденно на него согласилось. С другой стороны, никто до сих пор так и не видел ни самих захватчиков, ни их кораблей.

Ночью город напоминал огромное кладбище. Все, кто только мог, забивались в укромные местечки. Не видно было ни собак, ни кошек, ни вездесущих крыс. Остались лишь те, что прятались в подворотнях в человеческом обличье, поджидая добычу.

Логинов поежился и ускорил шаг. Он торопился на встречу с секретным агентом УВИВБа. И хотя сотрудники безопасности редко подвергались нападению мароде-

ров (те по внешнему виду с одного взгляда умели определить, представляет ли жертва серьезную опасность), все же в такой поздний час всякое могло случиться.

С момента захвата режим секретности во всех операциях Управления усилился многократно, но никто не знал, давало ли это хоть какой-нибудь результат. Ничего определенного не было известно о том, куда именно внедрились осведомители захватчиков, по каким каналам передавали они свою информацию и что собой представляли. Не вызывала сомнения лишь осведомленность противника обо всех делах федерации, о ее вооруженных силах и наиболее уязвимых местах.

Руководство Управления Безопасности могло противопоставить этому всего лишь ужесточение режима секретности. Логинов ничего не знал о человеке, для встречи с которым вынужден был теперь идти по ночному городу. Только его оперативную кличку: Пайзе Перлис — за этим мог скрываться какой-нибудь азиат, вряд ли европеец выберет себе подобное имя, хотя чудачества среди сотрудников УВИВБа встречались довольно часто...

Логинов лишний раз с удовлетворением вспомнил о том, что для своего задания добился от руководства белой карты и сам мог теперь определять состав будущей группы.

Шорох в подворотне на секунду привлек его внимание, но те, кто там прятался, уже отступили в глубь двора, освобождая ему дорогу.

Впервые на улицах города, в котором прошли многие годы его жизни, Логинов чувствовал себя чужим. Возможно, это ощущение создавалось черными глазницами мертвых, выгоревших зданий. Третий удар, в точном соответствии с расписанием ультиматума захватчиков, обрушился на столицу федерации два дня назад.

И опять не было ни кораблей, ни реактивных бомб, ни ультразвуковых пушек... Здания, точно по мановению волшебной палочки, взрывались одно за другим, наливаясь изнутри черно-красными полотнищами пожаров.

Небольшие взрывные устройства, подложенные в закрытые энерговоды хорошо охраняемых административных центров, были произведены на заводах федерации — это доказали эксперты, и оставалось совершенно непо-

нятным, как они попали на место взрыва. Следов вскрытия самих энерговодов так и не было обнаружено...

Все это можно принять за дурацкий розыгрыш, дикий сумасшедший фарс, если бы не сотни трупов, извлеченных из-под обломков зданий... В конце концов правительство выполнило все требования ультиматума, и диверсии прекратились. Надолго ли?

Логинов прекрасно понимал, что тот, кто уступает шантажу и силовому давлению, всегда проигрывает. Впрочем, понимал это не он один...

Сколько времени им отпущено до следующего ультиматума? Первый пришел по почте... Он хорошо помнил день, когда, разорвав конверт со штемпелем северного административного округа, прочитал четыре сереньких листочка убористого текста, пожал плечами и, подумав о том, что ненормальных в этом городе с каждым годом становится больше, отправил их в корзину для мусора.

Но листочки с одинаковым текстом получили в этот день большинство управлений федерации, и, сколько они потом ни бились, пытаясь определить, кто именно опустил их в пневмопочтовые ящики, установить это не удалось. Многочисленные экспертизы, проверки, следственные эксперименты заставили сделать вывод, что пневматические капсулы попали в почтовые линии земной связи необъяснимым для современной науки путем.

А через три дня, по расписанию, приведенному в ультиматуме, начали взрываться административные здания и автокары видных правительственных чиновников. Последняя мера оказалась, пожалуй, самой эффективной.

«Побежденные платят контрибуцию. И мы платим ее не только материальными ценностями, — подумал Логинов. — Унижение великой расы, завоевавшей дорогу к звездам, чувство неуверенности в завтрашнем дне, растерянность и паника — вот далеко не полный перечень результатов захвата».

Он пересек уже четвертый радиант; ближе к центру пешеходные магистрали не пострадали, и скорость его передвижения значительно увеличилась. За центральным кругом облик города изменился. Следы захвата здесь почти незаметны. Они остались разве что в угрюмых, подавленных лицах редких прохожих. Но Логинов

знал, как быстро они забудут обо всем, погрузившись в повседневную суету своих маленьких дел. Лишь те, кто обязан был обеспечить их безопасность, долго еще будут помнить о собственных унижениях.

Наконец сбоку мелькнула нужная ему вывеска. Он едва успел сменить магистраль и вовремя затормозить. В маленьком бистро было человек пять, и никто не походил на его агента. Впрочем, до встречи оставалось еще несколько минут. Логинов заказал фруктовый коктейль с хмельником и с наслаждением глотнул обжигающе холодную жидкость. Впервые за этот долгий вечер у него выдалась свободная минута, когда он мог позволить себе полностью расслабиться, вытянувшись в удобном пневмокресле.

Вращающаяся входная дверь повернулась, прозвонив старинным колокольчиком, и впустила в зал высокую женщину в ярко-синем тесиловом платье. Еще не видя ее лица, Логинов почувствовал нечто похожее на удар. Были ли тому виной безупречная фигура, подчеркнутая мягким полупрозрачным тесилом, или нездешний аромат ее духов? Впрочем, были ли это духи? С детства Логинов обостренно чувствовал запахи и, постепенно развивая в себе эту способность, научился проникать за их внешний, грубый барьер, доступный обычному человеческому обонянию. В школе ему это здорово помогало. По едва заметному изменению спектра запахов человеческого тела он научился следить за сложной сменой настроений и чувств своих собеседников. Часто в его сознании возникала цветная картина, соответствующая определенной смеси запахов, иногда гармоничная, иногда грубая, даже болезненная.

Сейчас он видел вспышку синего и розового пламени, завернутого в спираль лепестков. Что-то вроде тропической орхидеи.

Интересно, каким ветром ее занесло в этот окраинный бар? Здесь не место для подобных женщин, да еще в столь поздний час.

Он никак не мог оторвать от нее взгляда и поймал себя на том, что повторяет про себя одну и ту же фразу: «Она прекрасна, Боже, как она прекрасна...»

Женщина обладала той редкостной красотой, кото-

рая иногда встречается при смешении разных рас и наиболее часто проявляется у некоторых народностей Полинезии.

У нее были резко очерченные полные губы, огромные темные глаза, золотистая загорелая кожа и пышные медные волосы. Не обратив на присутствующих ни малейшего внимания, даже не заметив Логинова, она заказала хмельник и, нетерпеливо глянув на часы, расположилась за угловым, затененным столиком.

Впрочем, если она надеялась остаться незамеченной и укрыться здесь от завсегдатаев бара, то ей это не удалось. Двое молодых людей в расхристанных куртках «спортпижо» тут же подсели к ней, вызвав у Логинова неожиданную для него самого досаду. От обоих исходил сероватый запах настоящей опасности. Несмотря на требования конспирации, ему, похоже, придется вмешаться...

Высокий, нагнувшись к девушке, что-то тихо ей говорил, и Логинов все никак не мог уловить момент, когда его вмешательство станет необходимым. Лицо незнакомки оставалось совершенно бесстрастным, а высокий «пижо» неожиданно уткнулся носом в столик и лежал теперь неподвижно. Второй, ничего не понимая, вскочил на ноги.

— Забирайте своего приятеля и уходите, — ровным, спокойным голосом произнесла женщина.

— Что ты с ним сделала?! — визгливо выкрикнул второй парень.

— Он перебрал хмельника. Не поднимайте скандал, иначе ночь обоим придется провести в полиции.

Угроза подействовала, и незадачливые ухажеры двинулись к выходу.

Логинов успел пройти половину расстояния до ее столика, прежде чем эпизод был исчерпан, и лишь теперь заметил крохотную красную искорку на внутренней поверхности своей правой контактной линзы. В помещении находился Пайзе Перлис — человек, для встречи с которым он сюда пришел.

Логинов неторопливо обернулся и, не обнаружив в бистро ни одного нового лица, вновь с удивлением уставился на молодую женщину. Индикатор вспыхнул ярче. Сомнений не оставалось — Пайзе Перлис оказался жен-

щиной. Справившись с легким шоком от этого открытия, Логинов включил на браслете наручных часов свой личный идентификатор и присел за ее столик.

— Могли бы и раньше это сделать, — спокойно произнесла Перлис, откровенно его разглядывая. — Вызов на встречу с вами связан с захватом?

Он все еще не полностью справился с собой и лишь молча кивнул, не понимая, что, собственно, вызвало в нем такой всплеск эмоций. В конце концов, половина конспиративных агентов УВИВБа — женщины.

— Тогда понятно, откуда такая таинственность. Чего же от нас хотят?

— Экспедиция на Таиру. Я подбираю команду.

— Почему туда?

— Предполагается, что именно там на федерацию будет оказано следующее воздействие. Мы должны будем установить... да что там, получить хоть какую-нибудь информацию о наших противниках. Возможно, если мы успеем прибыть до начала акции, у нас появится шанс.

Он говорил какие-то общие фразы, не обмолвившись о сути задания, все еще не решив, нужен ли ему для такой сложнейшей экспедиции сотрудник-женщина.

— И если захват на Таире начнется, мы, конечно, окажемся в самом пекле?..

— Это уж точно. Такая работа...

«Интересно, если ее сейчас поцеловать, она закроет глаза или сделает то самое, неуловимое для постороннего глаза движение, после которого человек теряет сознание и роняет голову на стол?» — подумал Логинов, так и не справившись с дурацкими, не имеющими никакого отношения к делу мыслями.

— Вам требуется мое согласие?

Он медленно, с сожалением отрицательно покачал головой, словно разорвал невидимую нить.

— Нет. Это категория ноль-один. Все, что связано с захватом, проходит по этой категории. Если ваш психологический индекс подойдет к остальной команде, вам придется согласиться. Хотя там действительно будет не просто. Если говорить откровенно, я не ожидал, что Пайзе Перлис окажется женщиной. Одним словом, если

вы откажетесь, я постараюсь найти вам замену. — Он выдавил из себя этот витиеватый отказ, не зная даже, отказ ли это.

— Спасибо. — Она едва заметно усмехнулась. — Это компьютер подобрал вам мой индекс или кто-то из руководства?

— Вначале компьютер, потом я все же проконсультировался...

«Почему они мне не сказали, что ты женщина, что ты такая женщина? Что же я теперь буду с этим делать?» Он медленно и безнадежно барахтался в темных озерах ее ставших насмешливыми глаз. Слишком хорошо она знала, какое действие могут оказать на мужчину ее глаза, слишком привычно пользовалась своим преимуществом. И все же он ни на секунду не пожалел, что предоставил ей самой право выбора.

— Чем, собственно, мы будем заниматься на Таире? Ходить и смотреть? Ждать, пока по планете нанесут очередной удар?

— Все не так просто. После каждого нападения информация постепенно накапливается. Мы собираем ее по крохам, квалифицируем. На Таире есть объект, возможно, непосредственно связанный с методами их проникновения и воздействием на наши планеты.

Ее глаза сузились.

— Я была маленькой девочкой, когда это случилось в первый раз. Наш дом загорелся, родители успели вынести меня, но спаслась только мама. Это была одна из причин, почему я оказалась в УВИВБе.

— Была и другая причина? — Он спросил это как можно мягче, но почти сразу же пожалел, что не сумел избежать разрушающего хрупкое доверие вопроса. Он должен был его задать.

— Работая на фабрике, я не смогла бы заработать на единственный перелет за всю свою жизнь. УВИВБ дал мне возможность увидеть все шесть планет федерации.

— Плата не показалась вам чрезмерной?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, за эти путешествия вам пришлось заплатить собственной свободой, возможностью создать семью, наконец...

Ее глаза подернулись льдом. Он чувствовал, как хрустит этот лед при каждом произносимом им слове.

— Вы имеете в виду плату за информацию?

Он не решился даже кивнуть.

— За мной всегда оставалось право выбора. Я шла на это, только если партнер мне нравился. А разве вы, мужчины, поступаете иначе?

— Вы не ответили, согласны ли войти в нашу команду? — Он спросил это помимо своей воли, по какой-то необъяснимой инерции или, может быть, браваде. Он все еще ничего не решил...

— По категории ноль-один я не могу отказаться. Так что решать придется вам самому. Но, знаете, я ведь вам не прощу этого разговора. Может, пока не поздно, подберете другую кандидатуру?

Стараясь разрядить обстановку, он подозвал бармена и заказал себе и ей еще по одному хмельнику. Она не отказалась. Ему нравились ее решительность, резкость. Но эта женщина слишком хорошо знала себе цену, и этого он почему-то не мог ей простить. В жестких условиях экспедиционной команды она попадет в полную зависимость от его решений. Любой его приказ станет законом. Любой. Она прекрасно знала служебные инструкции, не хуже, чем он. И сейчас с особым удовольствием он произнес: «Я беру вас с собой» — не отрываясь от ледяного колодца ее глаз и понимая уже, что начал поединок, исход которого не смог бы сейчас предсказать никто.

— Будут еще какие-то указания, командир? — Она не скрывала откровенной насмешки.

— Нет. Пожалуй, нет. Каждую минуту мы можем стартовать к Таире. Вы должны быть готовы. Любые материалы по этой планете могли бы нам пригодиться.

«Что еще я должен ей сказать? Вот так просто встать и уйти?» Это казалось невозможным. А ее подчеркнуто официальное, да еще и приправленное насмешкой обращение «командир» горело в его сознании, будто след пощечины. Он чувствовал себя рядом с ней бесконечно старым и усталым, словно груз одиночества, к которому за последний год, расставшись с Ирлен, он начал привыкать, неожиданно потяжелел вдвое.

2

Часто одно непродуманное решение влечет за собой следующий неверный шаг, и человек постепенно становится заложником собственной ошибки. Нечто подобное произошло с Логиновым.

Лишь на следующий день к нему вернулась способность здраво оценивать происшедшее, и только тогда он понял, насколько сильно подействовало на него обаяние Пайзе Перлис...

Ему нужен был надежный помощник в деле чрезвычайной сложности, соратник, на которого можно положиться. Ему нужен был в этой экспедиции абсолютно надежный тыл, а приобрел он вместо этого еще одну маленькую войну. Увлекательную и старую, как мир, но все же войну... И теперь, приняв правила этой войны, он уже не мог быть до конца объективным в своем следующем решении.

Вслед за помощником в списке его команды значился пилот. Это должен быть человек, способный без навигатора провести космический корабль между всеми мирами федерации, знающий в совершенстве по крайней мере три специальности, способный в обстановке военных действий и всеобщей паники не только сохранить корабль, обеспечив им тем самым возможность возвращения, но и произвести, если понадобится, сложный ремонт, подзаправиться любым подвернувшимся горючим, обеспечить уход за ранеными и больными...

Найти такого универсального специалиста — задача сама по себе непростая; теперь она еще больше усложнилась. Из списка возможных кандидатов Логинов вычеркнул двоих только потому, что они показались ему слишком молодыми.

Недостаточно опыта... В этом ли дело? И какую роль в его окончательном выборе сыграли темные холодные озера женских глаз? Не конкуренции ли он опасался?

Гильдия пилотов не подчинялась УВИВБу. Чем он их сможет привлечь — высокими окладами? Но в космфлоте оклады и так немалые...

В конце концов он договорился о встрече с Бекетовым только потому, что помнил его по экспедиции к

Ангре и еще потому, что Бекетов недавно ушел в отставку, отслужив на флоте весь положенный срок. Логинов знал, как строга в таких случаях медицинская комиссия, и понимал, что означает для человека, всю жизнь прошедшего в управляющей рубке, оказаться навсегда прикованным к Земле. С белой картой на руках у него была возможность не посчитаться с выводами медиков, вот только выдержит ли сердце старого пилота? Бекетову было за пятьдесят — предельный возраст для полетных перегрузок...

Он пригласил его к себе, хотя терпеть не мог официальных встреч. Разговор предстоял слишком серьезный, а в здании Управления их труднее подслушать. Приходилось соблюдать повышенную осторожность во всем, связанном с захватом.

За те годы, что Логинов не видел Бекетова, тот несколько погрузнел, хорошо тренированные мышцы подзаплыли жирком. И вновь шевельнулось сомнение: правильно ли он поступает, рискуя здоровьем и жизнью старого пилота?

После взаимных приветствий Бекетов с удобством расположился в мягком кресле для посетителей и, добродушно усмехаясь, в свою очередь внимательно рассматривал Логинова, не спеша начинать разговор.

— Хочешь снова вести корабль? — Логинов сразу перешел к главному вопросу, не считая себя вправе ходить вокруг да около в разговоре со старым другом. Он решил рассказать ему почти все, что знал, и лишь проверил, включены ли системы защиты. Только о тм-генераторе он не имел права обмолвиться ни единым словом. Но сам по себе этот прибор мало что значил в деле, которое им предстояло.

Да ему и не пришлось слишком много распространяться о целях и задачах экспедиции.

— Захват? — сразу же спросил Бекетов.

Логинов кивнул.

— Какой корабль?

— Туристская шлюпка.

Бекетов поморщился:

— Для такого дела во флоте крейсеров не нашлось?

— Мы не должны привлекать к себе внимания. Крей-

сера сейчас гибнут чаще всего. Если в регенератор подложить взрывное устройство, оно разнесет в клочья любой корабль. Никакая защита не поможет. Статистика — безжалостная вещь: большие корабли гибнут в первую очередь.

— Как они это делают? Неужели на каждом взорванном корабле находится камикадзе, уничтоживший сам себя?

— Честно говоря, это самый трудный вопрос. Я вообще не верю в диверсии.

— Тогда как же?

— Какое-то новое, неизвестное нам оружие.

— Оружие или метод... Новый научный принцип. Наши противники, должно быть, намного опередили нас в техническом развитии.

— О них почти ничего не известно. Ультиматумы в конвертах сами собой появились в почтовых ящиках. И можешь не усмехаться, я говорю вполне серьезно. Взрывные устройства сами собой оказались в энергопроводах... Понимаешь, при таком массовом воздействии, при тысячах диверсий, у них должен был быть хоть один прокол! Хоть один диверсант должен был нам попасться! Не такие уж профаны работают в УВИВБе. Но нет ни одного случая! Не духи же они, в самом деле! Нет, я не верю в диверсии, — проговорил Логинов, успокаиваясь. — Здесь нечто совсем другое. Мы попытаемся это выяснить на Таире.

— Выходит, что-то вы все же нащупали?

— Каждый раз от получения ультиматума и до начала воздействия по объявленному ими графику проходит не меньше двух месяцев...

— Время разгона и торможения корабля перед прыжком в оверсайде!

Логинов отрицательно покачал головой.

— Если мы соглашаемся с ультиматумом — воздействие прекращается в тот же день.

— А каким образом вы их об этом оповещаете?

— Отправкой автоматического транспорта с указанным в ультиматуме списком грузов.

— Куда именно?

— Они всегда дают координаты в свободном космосе.

— И вы не пытались снабдить транспорт соответствующими устройствами, чтобы выяснить, что с ним происходит?

— Еще как пытались!

— И что же?

— Груз через какое-то время исчезал. К транспорту не подходили корабли, никто не появлялся на его борту. Груз попросту исчезал.

— Они всегда довольствуются выполнением условий контрибуции?

— Если бы... Нет, старина, они пытаются нас обескровить. Вывести из строя наши космические базы, порты, военно-промышленный комплекс. Возможно, все происходящее — всего лишь подготовка, а контрибуция — это так... Отвлекающий маневр.

— Подготовка к вторжению?

Логинов кивнул.

— Скорее всего. Видишь ли, давление на федерацию постепенно усиливается. Каждый следующий цикл по своим разрушительным последствиям оказывается страшнее предыдущего. Для активного противодействия у нас не так уж много времени. Я почти не сомневаюсь, что при следующем цикле от столицы федерации, да, в сущности, и от всей нашей планеты, мало что останется. Мы держимся пока лишь потому, что наши основные промышленные и военные комплексы размещены в нескольких мирах. Таира не подвергалась воздействию захвата.

— Кстати, почему «захват»?

— Наши прогнозисты считают конечной целью противника именно захват планет федерации. Это всего лишь удобное кодовое название.

— Что же ты собираешься выяснить? Что вообще сможем мы выяснить с помощью одной туристской шлюпки там, где весь флот и все ваши отделы оказались бессильны?

— Есть одно обстоятельство... Каждый раз незадолго до начала воздействия в местах очередных диверсий многочисленные очевидцы видели призраки...

— Призраки?

— Что-то вроде прозрачных человеческих фигур. Едва заметные светящиеся контуры. В местах, где они были

замечены, через несколько часов начинались взрывы... Мне необходимо найти их. На Таире работает один из наших мощнейших научных институтов, они сумеют помочь разобраться с этими призраками. Если только мы не опоздаем. Ультиматум Таирой уже получен. До начала диверсии осталось чуть больше двух месяцев.

— Значит, они знают о нас не все, если этот институт до сих пор цел?

— Может быть. Но, скорее всего, нас выручают пока размеры федерации. Они, видимо, не могут действовать одновременно на фронте в десятки световых лет, на нескольких планетах одновременно. Возможно, для их секретного оружия требуется слишком большая мощность или само это оружие имеется у них в единственном экземпляре. Как бы там ни было, они появляются только в одном месте и к следующей нашей планете летят не меньше двух месяцев.

— Значит, все-таки оверсайд... Не такие уж они призраки.

— Возможно... Возможно, какой-то генератор невидимости... Дальше начинаются догадки. Сейчас ты знаешь почти столько же, сколько и я.

Оба надолго замолчали, каждый погрузившись в свои собственные раздумья. Логинов не торопил Бекетова, понимая, сколь трудное решение принимает в эти минуты старый пилот.

— Ну так что, капитан, берешь ты наш корабль под свое начало?

— Мог бы и не спрашивать... Я уже слишком стар, чтобы просыпаться по ночам от взрывов в соседних домах и ждать, когда твой собственный взлетит на воздух.

— Тогда возьми вот это. С этой минуты ты член команды. — Он протянул ему браслет с часами и небольшую коробочку с контактными линзами.

— Что здесь?

— Аппаратура прямой связи. Таких браслетов всего пять. Они настроены на собственную узкую частоту. Эту связь практически невозможно подслушать. Ты должен быть готов к вызову в любой момент. Положение неустойчивое. Есть основания предполагать скорое начало новой волны захвата. Думаю, на этот раз они не станут

нас предупреждать. Так уже было на Ригоне. В любой ситуации мы должны улететь. Корабль оснащен и законсервирован. С экспедиционными грузами и всем, что связано с предполетной подготовкой корабля, тебе придется разбираться самому. У нас маленькая команда, и чем меньше людей узнает о нашей экспедиции, тем больше шансов добраться до цели. В этой папке все необходимые полетные и таможенные документы. С кораблем можешь познакомиться уже сегодня.

— А это что? — Открыв коробочку, Бекетов с недоумением разглядывал контактные линзы.

— Глазные линзы. Их ты наденешь прямо сейчас и не снимай до конца экспедиции.

— Но у меня хорошее зрение...

— Зрение здесь ни при чем. Между двумя тончайшими пленками вмонтированы сложнейшие электронные молекулярные схемы на жидких кристаллах. По сути, это целый дисплей. Там есть и прибор ночного видения, и наша прямая связь, о которой будем знать только мы с тобой. Если увидишь сразу две красные точки — это сигнал вызова. Ну а дальше, в случае необходимости, телеграфным кодом можно передать целое сообщение. Мигание крохотной точки на внутренней поверхности линзы никто, кроме тебя, не заметит. Есть и еще кое-что. Внимательно прочти инструкцию.

На следующий день Логинов явился на работу задолго до положенного времени. Пришлось предъявлять охранному автомату белую карту, разрешающую доступ в Управление в любое время.

Логинов и раньше любил работать в эти тихие утренние часы, пока город спал, сегодня же он твердо решил закончить подбор группы, проверить психологические параметры всех ее членов и убедиться, что с этим у него все в порядке.

Он надеялся путем перестановки и тщательного подбора кандидатов свести к минимуму проблемы, всегда возникающие в небольшой изолированной группе, если в нее входила одинокая молодая женщина.

Еще вчера, уходя из Управления, он дал компьютеру

задание вычислить наиболее подходящих по всем параметрам кандидатов на две остающиеся у него вакансии. И вот теперь, едва войдя в кабинет, сразу же обнаружил в ящике под терминалом готовую карту данных.

Штат УВИВБа, охватывающий местные отделения шести планет, был огромен, и фамилии кандидатов ничего ему не говорили.

Первым значился Абасов Султан Муратович — командир спецподразделения. Опытный офицер, если верить карте. Шесть полетных заданий... И все успешные. Вот только молод... Слишком молод. Всего тридцать... Да нет, для внешнего десантника это предельный возраст... Тем более — уже капитан... Машина просто обязана была все учесть. Не зря же он составлял для нее особую программу, — возможно, Абасова не слишком интересуют женщины...

Второй кандидат — Томас Маквис. Специалист по Таире, переводчик и проводник.

Напротив этой фамилии стоял значок спецотдела. Логинов возмутился. Белая карта, выданная руководством Управления, предоставляла ему полную свободу в подборе группы. Неплохо бы выяснить, какой из отделов пытался навязать ему своего агента.

Всегда так было. Во все времена. Сотрудники учреждений, занимающихся разведкой, никогда не доверяли друг другу. Воспитанные на глухой закулисной борьбе, на интригах и подкупках, они собирали компромат друг на друга, иногда просто так, из любви к искусству, в надежде, что материал пригодится, если тот или иной сотрудник неожиданно выдвинется. А тут еще руководство старалось держать всех под постоянным надзором, иногда двойным или тройным. Одним словом, он чувствовал, что избавиться от Маквиса будет не так-то просто.

«Ладно. Маквис подождет», — решил Логинов. Гораздо важнее заполучить настоящего боевого офицера. Хорошего специалиста в этой кадровой группе найти очень трудно. К тому же, если на Таире они попадут в серьезную переделку, от этого человека будет зависеть их жизнь.

Едва Логинов набрал номер личного кода Абасова, как на экране сразу же появилось изображение массивного человека, одетого в какой-то странный комбинезон с огромным количеством карманов. «Наверное, для военного это удобно», — покорно подумал Логинов.

— Султан Муратович?

— Слушаю вас.

— Я набираю группу на Таиру. Мне нужен командир...

— Мы незнакомы. Сообщите вашу фамилию и индекс.

Начало выглядело многообещающим. Однако машина редко ошибалась в своих рекомендациях. При подборе анализировалось огромное количество факторов, вот только он весьма ограничил выбор из-за Пайзе... Так что придется терпеть все остальное. Вздохнув, он назвал цифры своего индекса и фамилию.

— Повторите вызов через полчаса. Тогда я смогу вам ответить.

Прежде чем начинать важный разговор, Абасов, в свою очередь, решил выяснить, с кем ему придется иметь дело. За это его нельзя упрекать. Пусть выясняет.

Логинов решил ничего не говорить о нулевом коде своего задания. И тут же принял неожиданное решение — навестить Абасова самому. Вполне возможно, что в ходе такого визита вопрос о вербовке отпадет сам собой. Ничто так не говорит о человеке, как его жилище.

Без приглашения визит выглядел немного странно, но, пожалуй, не больше, чем манера Абасова начинать разговор с человеком, требуя сообщить его регистрационный номер.

Капитан жил в стандартном управленческом блоке. И через несколько минут Логинов звонил в дверь его квартиры.

Хозяин ничуть не удивился визиту незваного гостя или, во всяком случае, ничем не выдал своего удивления.

Однако он не предложил Логинову даже традиционного хмельника. Лишь холодно кивнул в сторону кресла

и сам сел напротив. В его осторожных, плавных движениях было что-то тигриное, нечто такое, что можно увидеть только у профессионалов. У людей, умеющих убивать и каждую секунду ожидающих ответного удара.

— Насколько я понимаю, вы пришли узнать, готовы ли я присоединиться к вашей команде?

— Вы угадали.

— Такая спешка?

— В общем, да. Это связано с захватом.

— Захват меня не интересует.

— Вам безразлична судьба федерации?

— Федерация здесь ни при чем. В захвате нет конкретного противника.

— Противник рано или поздно появится.

— Вот я и жду, когда это случится.

— Возможно, это произойдет именно на Таире.

Усмехнувшись, Абасов ничего на это не ответил, и Логинов впервые позволил себе осмотреться. Квартира выглядела по-солдатски неуютной, слишком простой и вызывающе, по-казенному, стандартной.

Если он надеялся заметить в подборе вещей нечто личное, то его ждало разочарование. Не было ни старинных книг, ни репродукций картин. Помнится, такие репродукции входили в стандартный набор... Значит, он их попросту выкинул. Логинов усмехнулся. Это тоже кое о чем говорит. Молчание становилось почти неприличным. Логинову оставалось лишь встать и уйти — или воспользоваться, вопреки первоначальному решению, своим единственным козырем. Подумав, он выбрал последнее, уж очень не хотелось ретироваться, даже не начав серьезного разговора.

— Я мог бы задействовать категорию ноль-один...

— Знаю. Со мной это не пройдет. — Абасов небрежно бросил на стол пластиковую карту. Не скрывая удивления, Логинов поднял ее и, все еще не веря, внимательно рассмотрел с обеих сторон. До сих пор ему приходилось лишь слышать о подобной категории сотрудников УВИБа.

Свободный охотник... Засекреченный агент с правом полной самостоятельности. Человек, который сам выбирает себе подходящее задание. На него не распространя-

ются приказы служащих Управления, тревоги, коды и вся прочая ерунда... Приказать ему мог только начальник Управления. И Логинов подумал, что, если даже удастся за оставшееся время пробиться на столь высокий уровень, кроме отказа, он там ничего не получит. Абасов ему понравился своей независимостью, обстоятельностью и, главное, высоким профессионализмом. Лучшего начальника боевого звена ему не найти...

— Жаль, что мы не подошли друг другу. Иными словами, вы отказываетесь...

— Я этого не говорил. Сейчас все дела так или иначе связаны с захватом. Рано или поздно мне придется в это включаться. А что касается вашего конкретного случая, я могу предложить кое-что... Вы слышали о гаместоне?

— Это что-то вроде азартной игры?

— Ну, не совсем... Скорее это дуэль внутри компьютерного пространства. Искусственная реальность, созданная машиной совместно с человеком. Поединок воображаемых противников.

Теперь он вспомнил. Одна из модных новинок. Компьютерная игра, в которой два партнера, мысленно управляя машиной, вели поединок. Он слышал об эффекте полного присутствия и весьма высоких ставках, назначаемых в этой игре, а также и о том, что игра довольно опасна для плохо подготовленных партнеров.

— Никогда бы не подумал, что человек вашего склада и положения...

Абасов поморщился.

— Давайте без громких слов. В нашем случае это единственный способ быстро выяснить, чего вы стоите в качестве партнера. Насколько мне известно, в списке вашей команды нет даже штатного боевого звена. В случае любой заварушки я могу рассчитывать разве что на вас да на пятидесятилетнего пилота.

Оставалось лишь позавидовать осведомленности этого человека и тому, с какой скоростью Абасову удалось получить абсолютно секретную информацию Управления.

— Звено я собирался набрать на Таире.

— До Таиры сначала надо долететь. И там нет настоящих профессионалов. Ну так что вы решили?

— Мы будем играть на деньги?

— Разумеется, нет. В случае вашего выигрыша вы получаете меня без всяких дальнейших условий. Ну, а если выиграю я... То вы и тут не останетесь внакладе. Я все равно полечу с вами, но у меня появится хоть какая-то гарантия.

— Что-то я не совсем понимаю... Гарантия чего?

— Гарантия от некомпетентного приказа, например, от глупой ошибки, которая может стоить нам всем жизни. Иными словами, в случае вашего проигрыша командование в некотором роде будет возложено на меня. Не во всем, конечно, и, разумеется, негласно. Кроме нас двоих, об этом никто не будет знать.

— То есть вы сами будете решать, какой приказ вам выполнять, а какой нет?

— Вот именно. И обещаю при этом не вмешиваться ни во что, непосредственно меня не касающееся. Иными словами, наш договор будет распространяться только на боевую оборону корабля и экипажа. Ну как? Нравится вам мое предложение? — Абасов хитровато прищурился, с откровенным интересом ожидая ответа, а Логинов столь же откровенно растерялся.

Он ожидал чего угодно от этой встречи, но только не предложения включить в команду человека с правом не подчиняться приказам командира, да еще выигранным в ходе азартной игры... Ему никогда не приходилось слышать ни о чем подобном. С другой стороны, он не мог не признать в плане Абасова некой странной логики. И одновременно с раздражением ощущал к этому человеку столь же странную, ни на чем не основанную симпатию.

Он понятия не имел, как играют на гаместоне, и, следовательно, без специальной тренировки почти наверняка проиграет. Но от Абасова исходило ощущение невозмутимой надежности. И он подумал, как много потеряет, если в трудную минуту этого человека не окажется рядом. Логинов умел ценить нужных людей, умел с достоинством проигрывать и всегда полагался на свою интуицию. Возможно, именно поэтому ему и доверили руководство экспедицией на Таиру.

Гаместон-центр занимал целый комплекс зданий размером с футбольное поле, и Логинов пожалел, что до сих пор не удосужился побольше узнать об этой популярной игре.

До начала партии игроки, партнеры или противники (Логинов так и не разобрался до конца, что они собой представляли) должны были пройти довольно утомительную процедуру полного медицинского освидетельствования.

Затем последовали многочисленные анкеты, специальный договор с условиями предстоящего поединка, скрепленный печатью потар-автомата. В графе «игровой приз» было написано: «Устный договор между сторонами».

Постепенно, в ходе приготовлений, Логинов проникся сознанием серьезности всего предприятия. Особенно внушительными показались ему многочисленные психологические тесты и самое современное оборудование, которым был оснащен медицинский отдел гаместон-центра. Не удержавшись, он спросил психолога о необходимости столь сложного медицинского контроля.

Врач, молодой медик, одетый в специальную синюю форму гаместон-центра, посмотрел на него с удивлением.

— Вы же не в игровой автомат собираетесь зайти. У нас происходит полное слияние человеческого и машинного интеллекта. Это очень сложный и до сих пор не полностью изученный процесс. Зачастую последствия невозможно предсказать. Есть типы психики совершенно несовместимые, но с этим у вас, кажется, все в порядке...

Наконец последняя бумага была подписана, и перед Логиновым открылась дверца игровой кабины. С момента входа в здание он не видел Абасова, даже когда подписывал договор, на котором уже стоял небрежный росчерк его партнера.

Все приготовления проходили в разных помещениях. К своему удивлению, он не обнаружил Абасова и внутри игровой кабины. В ответ на его вопрос техник объяснил, что вход в машину происходит совершенно индивидуально, а сам контакт возникает уже на уровне машинного интеллекта. Он мало что понял из этого объяснения.

Кабина показалась ему маленькой и тесной. Она вы-

глядела почти убогой. Кроме кресла со стандартным мыслешлемом, здесь ничего не было. Толстый кабель выходил из затылка шлема, змеей извивался по полу и заканчивался где-то за массивной стеной.

— Я так и не увижу своего противника до конца поединка? — растерянно спросил Логинов.

— Увидите, но не его самого. Он имеет право предстать перед вами в любом выбранном образе. Чтобы не мешать максимально полному взаимодействию с машиной, мы в конце концов вынуждены были изолировать помещения друг от друга. Раньше игры проводились в общем зале, но это приводило к нежелательным последствиям.

Служитель не стал уточнять, к каким именно.

— Когда почувствуете себя полностью готовым, наденьте шлем и нажмите вот эту кнопку. Никакого иного управления не требуется. Единственное условие — кнопку надо нажать до того, как таймер подойдет к красной черте. У машины должен быть небольшой резерв времени для адаптации к вашему мозгу. Ну вот и все. Можете начинать.

Щелкнул замок на входной двери, и, не успев возразить, Логинов остался один. Звук закрываемой на замок двери не лучшим образом подействовал на его нервы. Он чувствовал себя так, словно попал в западню, выбраться из которой можно было одним-единственным способом — начав поединок.

Хронометр на стене стремительными скачками несся к красной черте. У него не оставалось времени, чтобы еще раз все обдумать. Если вовремя не нажать кнопку, поединок скорее всего отменят и ему придется объясняться с Абасовым. Логинов ясно представил его усмехающуюся физиономию и негнушимися пальцами потянулся к тефлоновому мыслешлему. Весь перед закрывал светонепроницаемый черный щиток. Логинов представил, как будет выглядеть в этом шлеме, когда санитары вынесут его из кабины... Почему-то он не сомневался именно в таком конце и тем не менее на ощупь нашел на подлокотнике кнопку и нажал ее. Шлем словно только того и ждал. Он скользнул вниз по его голове, занимая

нужное положение. Пневматические присоски плотно прижались к плечам.

В нижнюю щель со свистом втягивался наружный воздух, но в шлем совершенно не проникал свет. Логинов очутился в абсолютной темноте. Что-то угрожающе урчало в глубине этого мрака. Там ворочались огромные, еще более плотные сгустки тьмы. Проклиная себя за всю эту идиотскую затею, Логинов с нетерпением ждал начала или, может быть, конца? Невесть откуда взявшиеся металлические захваты плотно прижали его руки к подлокотникам кресла. Теперь он уже был не властен ни отменить поединок, ни даже приостановить начавшийся процесс проникновения машинного интеллекта в его сознание. Нечто холодное, чужое и абсолютно равнодушное медленно вползало в его голову.

Неожиданно мир раскололся от ослепительной вспышки фиолетового света. Логинов ощутил себя стоящим на чем-то твердом. Кресло исчезло. Ничто больше не удерживало его руки. Он стоял на огромном поле, состоящем из струящихся световых полос, упругих и непрочных. Они казались твердыми, как листы железа, но по ним, то и дело вздымая гибкую ненадежную поверхность, проходили волны.

Так бывает в ночном кошмаре, когда человек хочет проснуться, но вместо этого все больше и больше затягивается в глубины сна.

Постепенно над головой Логинова проявилось небо. Оно выглядело неестественно фиолетовым с какими-то синими прожилками и напоминало плохо сваренное мясо. Металлический голос, ударив ему в уши, хрипло произнес:

— Первая стадия поединка!

4

Неожиданно Логинов увидел себя стоящим на посыпанной песком дорожке. Он был одет в старинный плащ, а в руках сжимал музейную шпагу. Ощущение реальности этих предметов наполнило его страхом. Тем самым иррациональным страхом, который всегда рождается в

человеке, выброшенном из привычного мира. Логинов не знал, что с ним случится через минуту. От стального лезвия в его руке исходил едва ощутимый холодок, и этого было достаточно, чтобы отбросить всякие сомнения в подлинности оружия и скрытой внутри его угрозе.

Четырехгранное лезвие заканчивалось узко заточенным острием. Логинов не знал, что делать с этой крайне опасной штукой, и лишь минуту спустя вспомнил, что в старинных фильмах на такие лезвия нанизывали живых людей. Одно воспоминание об этом заставило его содрогнуться и опустить лезвие к самой земле. Вскоре, однако, появился его противник. Мрачная фигура в шляпе с плюмажем не оставляла ни малейших сомнений в серьезности его намерений. Шпага сверкнула над головой, как молния. Свой плащ он отбросил в сторону и, разминаясь, начал делать на дорожке короткие выпады, поражая концом своей шпаги невидимую пока цель.

«Да это просто какой-то убийца», — с горечью и ужасом подумал Логинов. Он старался убедить себя, что это только игра, но с каждой минутой игра становилась все реальнее. Ее детали, порой странные сами по себе, складывались тем не менее в строгую, логически неопровержимую картину. Взять хоть это небо цвета вареного мяса...

Машина все больше оккупировала его мозг, забираясь в подсознание, нащупывала рефлексy. Логинов постарался сжаться, стать незаметнее, сгруппировать рассудок и волю. Однако это плохо удавалось. Он еще мог думать о себе как о сотруднике Управления Безопасности, однако образ этого человека становился все расплывчивей, все неопределенней. Зато все рельефнее и четче проступали в его мозгу детали окружающего. Плоский камень сбоку дорожки. Выломанный кусочек металла на эфесе шпаги... Ему так и не удалось вспомнить, как пользоваться этим оружием, хотя он больше не сомневался, что очень скоро с его помощью придется защищать свою жизнь.

Главное сейчас — не забыть, кто он такой, не поверить в происходящее до конца. Он слышал о том, что из подобных поединков люди довольно часто не возвраща-

лись... Он не верил в эти бредовые басни, но, возможно, в них была правда...

В конце концов Логинов взял шпагу за среднюю часть лезвия, благо заточка была лишь на самом конце. Получилось что-то вроде палки «лао», употреблявшейся для защиты и нападения в дуизме. По этому виду борьбы у него в школе второй ступени появились неплохие оценки. Теперь придется вспомнить все, что он знал... Вот когда он пожалел о пропущенных тренировках.

Логинов приподнял шпагу над головой, по-прежнему держа ее за середину лезвия, и попробовал вращать в разные стороны, как это полагалось в защите «синто». Гарда сильно мешала. Неуравновешенная «лао» не желала повиноваться.

Тем временем дуэлянты сошлись на дистанцию атаки, и утробно-металлический голос машины произнес: «Начинайте!»

Однако его противник, совершенно не похожий на капитана Абасова, не спешил. Словно развлекаясь, он описал концом лезвия сверкающий круг у самого лица Логинова и спросил:

— Ты знаешь, почему мы здесь?

Логинов пытался вспомнить, есть ли у кибернетических двойников возможность разговаривать от имени управляющих ими людей. В правилах и описаниях гаместона, с которыми он успел познакомиться во время подготовки к поединку, ничего подобного не упоминалось. Скорее всего это отголоски его собственных мыслей, а машина играет с его сознанием, как кошка, поймавшая мышь. Пересохшими от гнева губами он ответил коротко:

— Да. Я знаю.

— Я не уверен, что ты знаешь все.

— Чего же я не знаю?

— Экспедицией на Таиру должен был руководить совсем другой человек.

Неожиданно шпага, описав очередной ложный круг, рванулась к его груди. Логинов едва успел боковым вращением своей металлической палки отвести в сторону жалящее лезвие. И все же не до конца парировал удар.

Лезвие коснулось его левой руки, и неожиданная жгучая боль пронзила предплечье.

— Разве боль может быть здесь настоящей? — спросил он сам себя.

— Здесь все настоящее. Все, во что ты веришь, — медленно пришел ответ. — Чтобы победить боль, нужно совсем немного. Ты должен забыть, кем ты был.

Шпага вновь с легким свистом ринулась вперед, но на этот раз Логинов был настороже и успел отбить удар.

— Зачем тебе это нужно?

— Что именно?

— Зачем тебе Таира?

— Судьба Таиры уже решена. Когда тебя не станет, экспедицию отдадут мне. Ее должны были поручить мне с самого начала. — Шпага вновь сверкнула. Кончик лезвия, нацеленного в левое предплечье Логинова, двигался слишком быстро. Но «лао» на этот раз, по счастливой случайности, оказалось в нужной позиции. Логинову пришлось лишь ускорить ее вращение, и с легким «дзиньк» две металлические полосы соприкоснулись.

Выпады его противника становились все более стремительными, все более изощренными и опасными. С отчаянием Логинов начинал понимать, что от окончательного поражения его отделяют всего несколько мгновений.

Больше всего мешала неуравновешенность «лао». Гарда с рукояткой замедляла вращение одного конца металлической палки. В самые ответственные моменты его рука на долю мгновения запаздывала, и оружие не попадало в нужное место.

— Скажи, на кого ты работаешь? Чьи поручения выполняешь? Перед смертью принято говорить правду. У тебя осталось всего несколько секунд!

Неожидано в голове Логинова (или то была голова машины?) родилась спасительная мысль. Нужно выиграть несколько мгновений, чтобы воплотить ее в жизнь. Резко, со всей возможной силой он ударил по шпаге противника, отбил ее далеко в сторону, а сам отпрыгнул назад, перехватил свою шпагу и ударом о колено сломал лезвие у самой чашечки гарды. Теперь в его руках оказалось грозное оружие — стремительный, вращающийся кусок стали, против которого шпага бессильна.

Возможно, его противник понял это, возможно, просто воспользовался удобной ситуацией. Прежде чем Логинов успел занять оборонительную позицию, металлическое лезвие коснулось его груди. Расширенными от ужаса глазами он видел, как оно погружается все глубже. Он ожидал невыносимой боли, потока крови из раны — но ничего этого не было. Лишь тонко, надсадно заняло сердце, и мир фиолетовых облаков, похожих на вареное мясо, стал стремительно вращаться вокруг него.

Он падал сквозь него до тех пор, пока не увидел над собой манипуляторов медицинского робота.

Врач за столиком что-то записывал в медицинскую карту. Совсем рядом стоял Абасов. Он внимательно разглядывал Логинова, словно бабочку, наколотую на булавку.

— Что со мной? — тихо, одними губами спросил Логинов, повернувшись к врачу.

— Сердце, — ответил тот, — у вас очень здоровое сердце.

— Вы думаете, он выкарабкается? — Это голос Абасова.

— Он уже выкарабкался.

— Вы добились своего? — произнес Логинов одними губами.

— Конечно, нет. Ведь победили вы.

— Это ложь.

— Вы победили еще до поединка самим согласием на неизвестную для вас игру. Вы мужественный человек, Логинов. Мужественный и достаточно находчивый. Чтобы это узнать в обычных условиях, понадобились бы годы. Я должен был выяснить, кто окажется рядом со мной на Таире. Я не знаю другого такого верного и быстрого способа установить подлинную цену каждого из нас. Не ожидал, что вы примете все настолько серьезно. Простите меня.

Все казалось правильным, вот только было что-то еще. Что-то такое, что он должен был запомнить из этого неудачного поединка, какие-то слова, сорвавшиеся в пылу боя и оставшиеся в памяти машины...

В конце концов, он приобрел для себя неплохого со-

трудника. Кажется, именно это являлось его главной целью. Остальное неважно...

Ему пришлось проваляться в медицинском отсеке гаместон-центра весь остаток дня. Лишь к вечеру удалось уговорить врачей отпустить его. Не хотелось возвращаться в свою такую же, пожалуй, как и у Абасова, холодную и пустую холостяцкую квартиру.

Вместо этого он пересел в вагончик надземки, идущий к Управлению. Последнее время он часто приезжал на работу в неурочное время. Среди сложной техники, среди аппаратов, делавших мысль почти вещественной, почти осязаемой физически, он никогда не испытывал скуки. Но на этот раз, оказавшись в своем кабинете, Логинов ощутил странный дискомфорт и долго не мог включиться в прерванную утром работу. Что-то было не так. Он не чувствовал ни малейшего желания погрузиться в непривычный мир логических формул, безупречных доказательств и бесспорных выводов...

Долгий вчерашний день и все сегодняшнее утро в нем подспудно и неосознанно нарастало желание увидеть Перлис. Увидеть прямо сейчас, хотя бы на фотографии. Лишний раз убедиться в том, что на самом деле существует это невероятное сочетание огненных медных волос и бездонных черных глаз. Что он не ошибся, не выдумал всю эту немыслимую красоту...

Он понял это неожиданно и не сумел справиться со своим желанием. Рука произвольно, словно бы сама собой, потянулась к консоли вифона. Личный код Пайзе Перлис ему не нужно было вспоминать, хотя он пользовался им всего лишь раз, когда настраивал индикатор перед встречей в баре... Одна только мысль о ней заставила учащенно биться сердце. И он вздрогнул, не в силах справиться с потрясением, когда машина, следуя стандартной процедуре, высветила в центре его кабинета цветную объемную голограмму Пайзе. На голограмме она была изображена в полный рост в синей форме Управления с тремя молниями на петлицах. Глаза смотрели чуть презрительно в сторону, словно она понимала, что он делает что-то недозволенное.

У Логинова было одно правило, которое он старался не нарушать. До встречи с новым сотрудником он не

пользовался сведениями, хранящимися в личной карточке. Казенный язык этих разграфленных вопросников мешал ему составить первое, самое важное впечатление о человеке. Но даже и потом без крайней необходимости он старался не обращаться к кадровому банку данных.

И вот теперь он почувствовал себя мальчишкой, заглянувшим в чужой дневник без разрешения хозяина. Ему пришлось напомнить себе обстоятельства предстоящего дела, прежде чем на дисплее поплыли строчки ее биографии.

Двадцать пять лет... Замужем не была... Детей нет... Ого! Серебряный браслет по дзеву — неудивительно, что парень в баре неожиданно заснул... Этот недавно разработанный вид рукопашного боевого искусства объединял в себе все лучшее из старинных методик. Шесть успешно выполненных заданий... Об их характере нет ни единого слова, и это значит, ее использовали лишь в самых важных операциях. Две благодарности. Родители погибли во время первого захвата... Она сказала только об отце, почему? Не хотела вызвать к себе жалость? Нет. Она знала, что рано или поздно он познакомится с ее личной картой. Скорее всего проверяла, не сделал ли он этого до встречи. Она умна — в этом ей не откажешь...

Он все не решался выключить проектор с ее голограммой, и Пер (так он ее про себя теперь называл) стояла посреди кабинета в чуть напряженной официальной позе, с детски беспомощным выражением на лице... Иногда сильные люди именно так чувствуют себя перед объективом фотоаппарата, он знал это по себе.

Ему вдруг мучительно захотелось увидеть ее живое лицо, вновь почувствовать запах южных орхидей, ощутить волну холода, исходящую из ее глаз. А почему бы и нет? Кто может ему помешать назначить встречу своему собственному сотруднику?

Он потянулся к инфону, набрал незнакомый внешний номер, считывая цифры с дисплея компьютера, и в кабинете, пропитанном бумажной пылью, вдруг поплыл звук ее мелодичного голоса, словно где-то вдалеке за окном пропела птица. Он секунду молчал, вслушиваясь в этот замерший звук, и потом коротко произнес излишне официальным тоном:

— Логинов. Прошу завтра в шесть вечера быть у Нортон-сквера. Вторая остановка наземки.

— Слушаюсь, Артем Леонардович. Вещички захватывать?

Он едва сдержался, чтобы не сказать какую-нибудь глупость, и молча повесил трубку.

Что она о себе воображает? Как она разговаривает со своим непосредственным начальником? Надо бы прочесть ее, заставить ждать попусту, а затем назначить встречу снова, сославшись на чрезвычайную занятость. Впервые он чувствовал себя так неуверенно и глупо.

С раздражением Логинов включил компьютер и попытался начать работать. Надо хотя бы план на завтра набросать, тем более что намечался обычный нелегкий день. Придется разбираться с этим Маквисом, а времени для подыскания достойной кандидатуры на место подсуного ему чужого агента остается слишком мало.

В воздухе остро чувствовалась нарастающая тревога. Он ощущал ее по участившимся сводкам, по их надрывному, иногда почти истерическому характеру. Саботаж, поломки, волны насилия... Все это, как правило, предшествовало новой стадии захвата. Беда могла грянуть каждую минуту, каждый час.

Нужно успеть подготовить отлет корабля до того, как это случится.

5

Маквиса он нашел в зале для встреч иностранных делегаций. Только что прибыл посол с Арктура-три, и в помещении было полно народу. Маквис выполнял обязанности официального переводчика. Пришлось ждать, пока он освободится.

Много столетий назад на Арктур высадились земные колонисты и, к своему удивлению, обнаружили там гуманоидов, как две капли воды похожих на исчезнувших на Земле представителей цивилизации индейцев майя. Постепенно колонисты смешались с аборигенами. Их язык, обычаи, привычки — все изменилось за пятьсот

лет так сильно, что сейчас арктурианцы, по сути дела, представляли собой новую расу.

Логинов с интересом следил, как они время от времени перебрасываются друг с другом короткими чирикающими фразами. Он знал, что скорость их речи намного превосходит древний английский язык, давно ставший официальным языком федерации, и удивлялся, как это Маквис ухитряется улавливать суть каждой фразы. Переводчик, во всяком случае, он был неплохой.

Напротив делегации арктуриан сидели всего два сотрудника УВИВБа, уполномоченные вести переговоры. Одного из них, заведомо внешних сношений Грушенко, Логинов давно недолюбливал, прежде всего за то, что этот человек занимал свой пост не по праву, а, так сказать, «по наследству». В высших кругах федерации давно уже сформировалась особая каста избранных, имеющая возможность устроить своих детей в наиболее престижные академии, а потом, всеми правдами и неправдами, обеспечивающая им продвижение по крутой служебной лестнице.

Наблюдая за доверительной, слегка подобоострастной манерой, с которой время от времени обращался к заведующему отделом внешних сношений Маквис, Логинов заподозрил, что назначение переводчика в его группу не обошлось без участия этого человека.

Рядом с Грушенко сидел его заместитель Лидов, один из самых профессиональных сотрудников УВИВБа, тащивший на своих плечах весь отдел. Сейчас он было потянулся к стакану с соком, но, так и не отпив, поставил его перед собой и сухо заметил:

— Я все же не понимаю, для чего арктурианам нужна полная независимость в проведении стандартной операции по обезвреживанию какой-то банды! Почему они так упорно отказываются от нашей помощи? Вы можете это объяснить? — обратился он непосредственно к Маквису, игнорируя явное неудовольствие своего начальника.

— Пожалуй, да. Дело в том, что во время закрытых операций, проводимых местными властями без нашего контроля, улики обычно бесследно исчезают.

— У нас нет данных о том, что цирконий-два был вы-

везен с Таиры! — вмешался Грушенко, и Логинов сразу же насторожился.

Громкое дело о краже радиоактивного циркония из института Таиры было ему достаточно хорошо известно, поскольку оно непосредственно касалось его задания, связанного со сверхсекретным тм-генератором, разработанным в институте Таиры.

Радиоактивный цирконий входил в состав очень сложного топливного брикета, на котором работала установка тм-генератора. Каким-то не совсем понятным Логинову способом с помощью этого генератора ученые института Мартисона надеялись разобраться с техникой проникновения в нашу вселенную нематериальных светящихся объектов, обнаруженных в местах диверсий. С этой минуты все происходящее в зале начало интересовать Логинова чрезвычайно.

Он знал, что из института похитили не само топливо, а лишь одну его составную часть. До сих пор считалось, что цирконий пропал бесследно, и вдруг теперь он узнал о его переправке на Арктур-три. Сразу же встал очень важный вопрос: для чего арктурианам понадобился цирконий? По данным Логинова, этот радиоактивный препарат имел весьма узкую сферу применения.

Неужели им что-то известно о тм-генераторе? Арктур не входил в земную федерацию. Единственная гуманоидная раса в известной вселенной, которая почему-то не желала этого сделать...

Посол нетерпеливо чирикнул в самое ухо Маквиса, и тот, вежливо склонившись в церемониальном поклоне, с минуту отвечал ему на арктурианском, затем перевел:

— Господин посол настаивает на полной самостоятельности. В противном случае все наши аккредитованные на Арктуре сотрудники будут лишены своих виз.

— Скажите ему, — не скрывая раздражения, бросил Грушенко, — что мы можем рекомендовать нашему правительству пересмотреть условия контракта на поставки энергана.

— Этого не следует делать, — вежливо, но настойчиво вмешался Лидов. — Цирконий мы в любом случае не вернем и весьма затрудним работу всех наших служб на Арктуре.

Переводчик тактично выдерживал паузу, ожидая решения Грушенко.

— Ладно. Черт с ним, с цирконием! В конце концов, за это дело несет ответственность отдел внешней охраны.

Логинов поморщился. Грушенко вел себя недипломатично. Если уж не сам посол, то хотя бы один из сопровождавших его лиц наверняка знал английский. Кроме того, Логинов не мог согласиться с утратой ценнейшего материала, не попытавшись выяснить, куда именно ведут концы этого дела. Он прекрасно понимал, что поднимать этот вопрос в чужом отделе, да еще в присутствии иностранного посла, он не имеет никакого права. Потеряв массу времени, придется выходить с этим непосредственно на руководство Управления, и, скорее всего, тогда уже будет поздно. Никто не станет отменять решение, принятое с участием арктуриан.

Вспомнив, что во время официальных переговоров переводчиков на всякий случай снабжали каналом прямой связи с руководством, он принял неожиданное решение. Отойдя в глубину зала, откуда его не было слышно, Логинов вызвал по личному фону центральную диспетчерскую Управления. Вовсю используя свою белую карту, особый характер задания и чуть ли не шантаж, в течение нескольких минут ему удалось-таки добиться связи с Маквисом через каналы руководства. Увидев вспыхнувший на контактной линзе зеленый огонек, Логинов прошептал в крохотный микрофон:

— Говорит Логинов. Постарайтесь выяснить у посла, известен ли ему вес украденного циркония? Это очень важно.

Прошло несколько секунд, пока аппаратура превращала его слова в цепочку световых импульсов, переданных затем на незаметную для окружающих контактную линзу в глазу Маквиса. Аналогичной аппаратурой он совсем недавно снабдил Бекетова и хорошо знал все ее особенности. Наконец в правом верхнем углу его глаза вспыхнул ответный красный огонек. Он знал код наизусть, для перевода не понадобился даже анализатор.

Впрочем, Маквис передал всего два слова: «Попробую. Ждите». В принципе Маквис мог и отказаться. Мало того, если исходить только из субординации и слу-

жебных инструкций, он и должен был отказаться, поскольку Логинов вообще не имел права пользоваться этим каналом связи. Существовало лишь одно объяснение: Маквис знает о своем новом назначении, и если это так, в игру вступало одно негласное, всегда соблюдаемое сотрудниками УВИВБа правило: интересы команды превыше всего. Выполнив просьбу Логинова, Маквис поступил согласно этому правилу. Этот человек нравился Логинову все больше.

Переговоры продолжались еще минут пятнадцать, и ничего интересного Логинов больше не заметил. С нетерпением ожидая, когда иссякнет бесконечный поток любезностей, в котором обе стороны прятали скупые зернышки информации, он попробовал рассчитать, удастся ли его фокус с каверзным вопросом послу.

Раз арктурианцам понадобился радиоактивный цирконий, использовавшийся исключительно в тм-генераторах, то это скорее всего означало, что они вели параллельные исследования, связанные с техникой захвата, и продвинулись в этом весьма далеко... Если им первым удастся разобраться с принципом абсолютного оружия захвата — земная федерация может оказаться под двойным давлением...

Если он не ошибся, то посол должен знать критическую массу циркония — сорок пять граммов. Сверх этого веса искусственно созданный элемент существовать не может. Практически любой ответ посла поможет увивбовским аналитикам сделать интересные выводы.

Совещание наконец закончилось, и Логинов понял, что с Маквисом на этот раз поговорить ему так и не удастся. Тот не мог ни на минуту отойти от арктурианского посла. Вся делегация столпилась у дверей, вежливо пропуская друг друга. И в этот момент, совершенно нехстати, его заметил Грушенко. Он тут же стал пробираться к Логинову через весь зал, широко улыбаясь и полностью игнорируя растерянные взгляды арктуриан. По опыту Логинов знал, что улыбка на лице этого человека не предвещала ничего хорошего.

— Привет, старина! Интересуешься нашими делами?

Грушенко схватил его за руку и тряс ее так долго, словно встретил лучшего друга после долгой разлуки.

— Меня интересовал Маквис. Видишь ли, его назначили в мою экспедицию по разнарядке Управления. Ты случайно не в курсе, кто это организовал?

— Слышал, слышал! — Он наконец отпустил его руку. — Давай присядем, у меня к тебе срочный разговор. Я понимаю, что говорить надо было раньше, до того, как приняли решение. Но тут такая запарка с арктирианами. Сам видишь, каково мне приходится...

— В чем, собственно, дело?

— Так получилось, что у меня нет ни одного человека на Таире, а там назревают важные события...

— И при чем тут я?

— С помощью твоей экспедиции я отправлю своего человека на Таиру быстрее всего.

— Ты всегда неплохо устраивался. Но почему ты думаешь, что это мне понравится?

— Ну, ты не останешься внакладе! Во-первых, ты получишь первоклассного специалиста. Поверь, как знаток Таиры и полиглот Маквис не знает себе равных. А во-вторых, если не будешь поднимать этот вопрос перед руководством, я, в свою очередь, смогу помочь тебе в одном немаловажном деле.

— Это в каком же?

Грушенко порылся в своей папке, извлек оттуда пластиковый листок и передал его Логинову.

— Что это такое?

— Наряд на получение двух «резоннов». Ты, кажется, пытался выбить их для своей «Глэдис»?

Надо отдать должное — Грушенко был прекрасно осведомлен о его проблемах. В течение целой недели Логинов обивал пороги снабженцев, пытаясь получить эти ультрасовременные двигатели. Он знал, что Управление наложило лапу на два опытных образца, только что поступивших с уральских верфей и еще не прошедших полного цикла полетных испытаний. Эти двигатели обладали огромной мощностью и были способны сократить время разгона почти вдвое. Но самое главное — практически ни один корабль не смог бы нагнать «Глэдис», будь у него эти двигатели, но «резонны» — как в воду канули...

Не веря себе, он еще раз перечитал строчки наряда.

В графе «получатель» оставалось пустое место, но все остальное, вплоть до печати и подписи самого Шведова, оказалось на месте.

— Да не сомневайся ты. Там все в порядке. Если уж я предлагаю соглашение, то свои обязательства выполняю полностью. — Это было, пожалуй, правдой.

— Как тебе это удалось? — не скрывая удивления, произнес Логинов.

— Секрет фирмы. Ну так как, договорились?

Логинов подумал, что пара этих двигателей для него дороже собственных амбиций. К тому же гораздо выгоднее знать, кто из членов команды пишет руководству отчеты о его деятельности. Такой человек в любом случае окажется в экспедиции, и скорее всего не один.

Вот так неожиданно решился вопрос с последней вакансией в команде Логинова.

Желание скорее получить резонаторы оказалось настолько сильным, что он решил даже отложить на время разговор с самим Маквисом. Следовало действовать немедленно, пока кто-нибудь не перехватил этот лакомый кусочек.

Предупредив Бекетова о своем визите, Логинов поспешил на космодром, все еще не понимая, с чего бы это Грушенко так расщедрился. Или он не знает истинной цены резонаторам, или придает уж слишком большое значение своему агенту на Таире. Что-то тут было неладно. Логинов интуитивно ощущал опасность, скрытый подвох в закулисной возне.

Разбираться со всем этим у него не оставалось времени — события стремительно покатались по накатанной кем-то для него дорожке...

6

Вопреки опасениям Логинова, оформление «резонанса» прошло без всяких проволочек и неожиданностей. Осталось сообщить об этом новшестве Бекетову. Логинов чувствовал угрызения совести оттого, что не получил его согласия на столь важное решение. Формально он был обязан это сделать. Любые изменения в комплекта-

ции судна утверждал капитан. Но «резоны» свалились им на голову слишком неожиданно, он все время опасался какого-то подвоха, а теперь дело уже сделано...

«Глэдис» Логинов обнаружил не сразу, хотя сам выбирал место ее стоянки. В этом заброшенном углу космодрома размещались старые списанные корабли, и найти среди их гигантских, покрытых многочисленными шрамами, искореженных корпусов маленькую прогулочную яхту оказалось совсем не просто.

Пришлось пройти несколько километров, и в конце концов он окончательно запутался в лабиринте чудовищной металлической свалки.

Солнце стояло еще высоко, и на небе не было ни единого облачка, но даже при ярком освещении картина мертвых кораблей вызывала тягостное ощущение. Это ощущение возникало у Логинова почти всегда, когда он сталкивался со сложными творениями человеческих рук, превращенными в ненужный хлам. Бесчисленные километры проводов, тонны драгоценных сплавов, миллиарды киловатт энергии и бесчисленные часы тяжелого, напряженного труда инженеров, рабочих, техников... Все это застыло в неподвижных грудях металлолома, словно свидетельствуя собой, какой была цена их долгой дороги к иному миру.

Стоила ли она таких усилий? Если прибавить сюда еще и сотни жизней? Что они получили взамен? Не явился ли результатом их прорыва к звездам и сам захват? Не есть ли он всего лишь бумеранг их собственной деятельности, как эта мертвая свалка? Он чувствовал нарастающую тревогу и понимал, что ее причина не имеет отношения к свалке кораблей. Его беспокоило затянувшееся молчание Маквиса...

Задумчивость Логинова нарушило равномерное завывание сервомоторов. Из-за лежащего на земле распиленного корпуса корабля показалась цепочка кибов, несущих на своих платформах ящики со снаряжением. Кроме «Глэдис», в этом месте трудно найти корабль, которому могли понадобиться такие грузы. Пристроившись в хвост длинной, скрипящей и завывающей процессии, Логинов через несколько минут убедился в правильности своего предположения.

До яхты оставалось метров триста, когда в хвостовом отсеке линкора «Хешбрук» мелькнул световой блик. Он привлек внимание Логинова только потому, что солнце било ему в глаза и бликов с той стороны, где находился полуразрушенный корпус мертвого линкора, не должно было быть...

Логинов не остановился, не изменил даже темпа своих шагов, но теперь все его внимание сосредоточилось на «Хешбруке». Незаметным движением левой руки он поправил браслет с часами и одновременно включил аппаратуру обнаружения. Почти сразу же на внутренней поверхности контактной линзы вспыхнула крохотная зеленая стрелочка, указывающая в сторону «Хешбрука». Итак, за ним велось наблюдение. Впрочем, расставшись с Грушенко, он почти не сомневался в том, что это произойдет. Удивление вызывала лишь неуклюжесть, с которой оно велось. В отделе Грушенко работали неплохие профессионалы, и если наблюдали за ним не они, тогда это становилось чрезвычайно интересным.

Миновав правый стабилизатор «Хешбрука», Логинов, оказавшись теперь за его надежным прикрытием, изменил направление и неожиданно бросился к грузовому трапу линкора.

Для того чтобы ремонтные кибы, постепенно демонтировавшие старые корабли, могли свободно проникать в любые помещения, они стояли с раздвоенными люками и спущенными трапами. «Хешбрук» не оказался исключением, но Логинов не учел, что пустая металлическая коробка корпуса превратилась в отличный резонатор.

Едва он очутился в коридоре нижнего яруса, как его шаги громовым эхом разнеслись по пустым отсекам. Дальше скрываться не имело смысла, и он бегом бросился к верхнему пандусу дальней связи, на котором заметил подозрительный блик.

Разумеется, там уже никого не было. Но в сотне метров от линкора стремительно набирал высоту маленький коптер. Очертания машины показались ему незнакомыми, и, наведя на него линзу идентификатора, буквально через несколько секунд Логинов получил из центральной базы данных УВИВБа исчерпывающий ответ: «Коптер принадлежит арктурианскому кораблю. Регистраци-

онного номера не имеет. Дипломатический статус на эту машину не распространяется».

— В таком случае задержите его! — потребовал Логинов.

Почти сразу же два патрульных катера, дежуривших над космодромом, получили соответствующий приказ и, резко снизившись, взяли арктурианскую машину в клещи. В солнечных лучах желтый шар взрыва в том месте, где только что находился коптер, показался совсем бледным. Через секунду лишь черные кляксы обломков и темное облако гари напоминали о том, что в этом месте только что находилась металлическая стрекоза.

— Какого черта! Патруль, вы что, с ума сошли? Кто вам разрешил открывать огонь?! — прокричал Логинов в микрофон.

— В машине не было людей, и в нее никто не стрелял, — пришел ответ.

Он должен был это предвидеть...

— Понятно. Спасибо за помощь, — буркнул Логинов, отключая связь.

Автоматический заряд самоуничтожения срабатывал при любом внешнем воздействии. Обезвредить его практически невозможно.

Итак, у арктуриан неожиданно прорезался к его особе столь значительный интерес, что они решили рискнуть дипломатическим скандалом и дорогой автоматической машиной для того, чтобы получить сведения о его действиях. Каких же именно? На этот вопрос, как и на многие другие, ответа пока не было. Маквис все еще не выходил на связь, и вопросов постепенно становилось гораздо больше, чем ответов.

Оставшийся путь до «Глэдис» Логинов проделал без каких-либо происшествий. Погрузка дополнительного снаряжения на яхту шла полным ходом. Логинов с удовлетворением отметил, что Бекетов не терял времени даром.

Полетный вес был уже превышен на три тонны, и старый капитан с откровенным огорчением вычеркивал из списка «предметы второй необходимости», как их окрестил про себя Логинов. Однако он и сам не прочь был увеличить количество снаряжения, которое могло им

пригодиться на Таире. Если в больших транспортных или разведочных кораблях планетарный комплекс сам по себе вмещал почти все необходимое, то на «Глэдис» приходилось учитывать каждую мелочь. Однако теперь у них появился лучший выход.

Бекетов колдовал над своими бумагами в самом нижнем грузовом отсеке. Время от времени он отрывался от реестра, чтобы продолжить яростный спор с главным кибом по поводу веса только что установленного в штабель ящика.

— Здесь не может быть пятисот килограммов! Это гнусная выдумка портовиков! Ты обязан был проверить вес лично!

— Сопроводительная ведомость. Графа три. Брутто комплекта — пятьсот килограммов, — монотонно повторял кибер на все возмущенные выкрики Бекетова.

— К черту брутто! В таком случае сдерите всю упаковку и выбросьте ее на свалку! Вы будете учитывать только нетто!

— Инструкция по погрузке, пункт четыре. Допускается погрузка и дальнейшая транспортировка только в специальной упаковке...

— Проклятый кусок металла! Ты еще будешь читать мне инструкции! Делай что тебе сказано!

— погоди, Виктор Прокофьевич, у меня есть для тебя новости. Посмотри-ка вот на это. — И Логинов протянул Бекетову недавно полученный от Грушенко наряд на инфрарезонаторы.

— Это еще что такое, новый груз?!

— Да нет же, нет. Это резонаторы! Двигатели, способные развить мощность в четыре раза больше стандартных и потребляющих топлива... Да не нужно им, в сущности, никакого топлива, они работают за счет энергии внешних магнитных полей.

— Я о них слышал, конечно, но они вроде бы находятся еще в стадии разработки...

— Как видишь, уже не находятся.

— И что же, они прошли все положенные предполетные испытания?

— Ну, может быть, не совсем все... Но ведь и наш

полет можно считать в какой-то мере экспериментальным. Заодно испытаем новые двигатели.

— Мне это не очень нравится.

— Да ты подумай, сколько веса мы сможем сэкономить на одном топливе! Резервный запас можно уменьшить как минимум вдвое, а то и совсем не брать. Это же сорок тонн дополнительного оборудования!

— А монтаж, стендовые испытания и все прочее? Установка новых двигателей займет около года!

— Я проконсультировался с энергетиками. Они обещали помочь. Через час здесь будет специальная монтажная бригада. Думаю, эти ребята управятся самое большее за неделю.

— Ты шутишь, надеюсь? Что-то я не слышал, чтобы новые двигатели кому-нибудь удавалось установить и опробовать за неделю!

— Не обязательно проводить испытания по полной программе. Никто не собирается демонтировать старые двигатели. Инфрарезонаторы приварят к внешнему ободу корпуса — и только. Считай, что это наш резерв.

— Тогда при чем здесь экономия веса?

— Да при том, что мы уменьшим штатный запас топлива, а в случае крайней необходимости используем резонаторы!

— Ты всегда был авантюристом, Артем, но это уж слишком! Ведь резонаторы работают только в глубоком космосе. Как ты собираешься сфартовать с Таиры, если у нас не останется горючего?

— На Таире два космодрома, сорок городов, двенадцать производственных комплексов. Если мы там не сможем заправиться...

В этот момент внимание обоих привлек шум в нижней части погрузочного пандуса. Сразу четыре кибя приволокли гигантский ящик, от веса которого пандус затрещал и слегка прогнулся.

— Это еще что такое?! — спросил совершенно потрясенный Бекетов. — В реестре не было грузов больше пятисот килограммов!

— Это, наверно, универсальный планетоход второй степени защиты. Мне только что удалось выменять его у транспортников на лишнее горючее.

— Два космодрома, сорок городов, двенадцать производственных комплексов... И на этой планете нам может понадобиться планетоход второй степени защищенности?!

— Ну... не знаю... Надо быть готовым к любым неожиданностям. — Логинов выглядел явно смущенным. — Если мы попадем в захват, на этой машине можно будет передвигаться в любой обстановке. У него есть антигравы, а двойное поле способно отразить прямое попадание протонного заряда. Есть неплохое вооружение. «Глэдис» ведь вообще не имеет своего наземного транспорта.

— Насколько я понимаю, резерва горючего у нас уже нет?

— Ну... в общем, я думал, ты не станешь возражать... В крайнем случае, сделку еще можно расторгнуть...

— Сколько он весит?

— Около двух тонн...

— Ты хоть понимаешь, что теперь мне придется заново перекантовать весь уложенный груз?

— Извини, Виктор Прокофьевич, но я не мог упустить подобного случая. Машина совершенно новая, в упаковке. Нам просто сказочно повезло! В случае крайней необходимости с ее помощью мы добудем горючее на Таире, что бы там ни произошло.

В конце концов сорок тонн лишнего снаряжения, которое они могли теперь взять с собой, заставили Бекетова сдаться.

Путь в пространстве для земных кораблей был усыпан отнюдь не цветами, и хотя они собирались на хорошо освоенную планету, где земная колония насчитывала не одну сотню лет, и Логинов и Бекетов хорошо понимали, как много сюрпризов может их там ожидать.

Едва закончили установку вездехода, как пришло долгожданное известие от Маквиса. Крохотная точка на поверхности линзового дисплея Логинова отмигала свое краткое сообщение: «Арктурианцам известна критическая масса циркония-два. Маквис».

Логинов почувствовал тот резкий знакомый холодок, который он всегда ощущал, если обнаруживалось нечто

чрезвычайно важное и опасное. Отныне не оставалось сомнений в том, что арктуриане знают о назначении тм-генератора. Не оставалось сомнений и в том, что им известно его местонахождение.

В ближайшее время Таира неизбежно превратится в арену схватки. Он не знал, в какой конкретной форме вспыхнет борьба за обладание тм-генератором, но в том, что ситуация усложнилась чрезвычайно, в том, что время утекает от них как вода и они уже опоздали на несколько ходов, — во всем этом сомнений у него больше не осталось.

7

Весь этот долгий день в нем ясно жило ожидание встречи. Оно прорастало сквозь все проблемы, огорчения и сложности, уменьшая их мрачную окраску. Что бы он ни делал, о чем бы ни думал, в голове, независимо от его воли, продолжался странный скользящий поток мыслей, состоящий из полунамеков, полуслов, неоконченных фраз... Впрочем, он не мог бы с уверенностью ответить на вопрос, к кому именно обращен его монолог. Пожалуй, даже и не к самой Перлис. Скорее к некоему отвлеченному образу, созданному его воображением и похожему на ожившую голограмму из его кабинета...

«Сегодня целый день идет дождь, и мне хочется целовать твои пальцы... Дождь шуршит по листьям так, словно он пришел из иной страны, в которой ты живешь... Два часа я копался в твоей биографии. Служебная целесообразность, как плесень, разъедает границы твоей страны. И все же мне хочется надеяться... судьба часто бывает благосклонна к сумасшедшим желаниям таких, как я, горемык, впервые в жизни расколовших серую скорлупу униформы...»

Едва остановился вагон наземки, как он сразу же увидел Перлис. Она не удостоила его даже опозданием. Это лишь женщины имеют привычку опаздывать на свидания. Сотрудники УВИВБа не опаздывают.

Он не успел заранее заготовить первые ничего не значащие вежливые фразы, создающие тем не менее весь

последующий настрой разговора. Растерялся почти как мальчишка, подавленный ее красотой и холодной служебной отчужденностью.

На этот раз на ней была свободная одежда, совершенно скрадывавшая ее фигуру, через плечо небрежно перекинута довольно большая сумка. Лицо пряталось под спортивной шапочкой с козырьком и большими темными очками — и все это не имело ни малейшего значения, потому что он все равно видел ее такой, какой она была в ночном баре, когда раз и навсегда он погрузился в колодец ее холодных темных глаз.

— Мы так и будем здесь стоять? Что с вами случилось? Зачем вы меня вызывали? — спросила наконец Перлис, так и не дождавшись от него хотя бы банального «здравствуйте».

Случилось?.. Неужели это настолько заметно? Надо бы ей ответить... Понимала ли она, что с ним творится? Наверняка понимала... Все женщины это понимают:

Наконец он вырвался из темного омута в привычную атмосферу повседневности.

— Мне нужно обсудить с вами очень важный вопрос. Одну возникшую проблему... официально вы теперь мой заместитель.

— Здесь, в парке?

— Неважно... Мы можем пойти ко мне, или к вам, или в тот самый бар, в котором уже встречались.

— Ненавижу бары. Лучше уж в Управление. — Она словно бы не услышала остальных его предложений.

— Тогда останемся здесь. В Управлении слишком много скрытых ушей, а то, что я хочу вам сказать, пока еще не факт. Всего лишь мое личное предположение, и все же... Мне надо с кем-то посоветоваться, прежде чем оформить его в официальный доклад. Если я решусь на что-нибудь подобное... Просто послушайте и скажите, как это воспринимается со стороны.

Ему пришлось прерваться, пока мимо проходила группа молодежи с громко орущим фоном.

— Подождите. Кажется, я знаю место, где можно спокойно поговорить.

Перлис провела его вдоль неработающего павильона аттракционов. С тех пор как во время первой фазы за-

хвата были взорваны основные энергетические магистрали, почти все увеселительные центры города перевели на голодный паек.

В центре длинного, с полкилометра, здания полукруглая анфилада венчала вход. Дверь оказалась распакнутой настезь. Касса, как и все остальное в этом здании, не работала. В запыленные окна пробивался жиденький тусклый свет.

Это был зал ожидания перед отправкой в неведомые страны. Туннели расходились в разные стороны, и надписи на безжизненных платформах обещали экзотические ландшафты: «саванна», «тайга», «джунгли», «подводный мир кораллового рифа»...

Из туннелей не доносилось ни звука. Только уныло посвистывал ветер в одном из разбитых окон.

«Как глубоко им удалось уже разрушить нашу жизнь... — подумал Логинов. — А ведь это только начало».

Они сели в зале ожидания на пластиковые кресла, с которых предварительно пришлось смахнуть занесенные с улицы сухие осенние листья. Тишина в этом зале лишь подчеркивала запустение.

— Я слушаю вас, — мягко, но настойчиво сказала Перлис, возвращая его к суровой и скучной реальности. За этой полуфразой словно прозвучало ее продолжение — «мы теряем попусту время»... И тогда музыка, звучавшая внутри его весь этот день, стала почти совсем неслышной.

Логинов начал говорить короткими точными фразами, на ходу складывающимися в единое логическое целое и не имеющими уже отношения ни к Перлис, ни к нему самому.

— Мне придется начать с общеизвестных истин. Терпите, возможно, позже вам это покажется интересным. Итак, захват. Он начался с появления первого ультиматума, неизвестными для нас путями попавшего в каналы межконтинентальной почты. Чуть позже возникло воздействие на наши жизненно важные объекты, и опять методы остались для нас необъяснимыми, хотя средства... В общем, это наши земные средства разрушения, в нужное время и в нужном месте приведенные в

действие. Захватчики не принесли в наш мир ничего нового, ничего своего, за исключением, пожалуй, самого метода. Весь захват держится на этом методе, принципе, устройстве — называйте его как хотите. Стоит определить, каким образом происходит проникновение к нам нематериальных объектов, способных производить вполне ощутимые воздействия на вполне материальные предметы нашего мира, стоит лишь понять, как они это делают, — и с захватом будет покончено. А теперь представьте, что одному из федеральных научных институтов удалось вплотную подойти к разгадке их метода, и захватчики, прекрасно информированные обо всех наших делах, об этом узнали... Возможно, далеко не все. Режим секретности за последнее время ужесточился в несколько раз, даже ведущие сотрудники Управления Безопасности ничего не знают об этом институте. Все, что я вам говорю, не более чем мои догадки! Но давайте представим себе, что все произошло именно так. Каковы, на ваш взгляд, будут действия захватчиков в этой ситуации?

— Ну, они, разумеется, попытаются перехватить инициативу — уничтожить институт, например...

— К счастью, он оказался на одной из самых отдаленных планет федерации, а принципы устройства, с помощью которого захватчики воздействуют на наши миры, таковы, что они не могут слишком быстро перемещать его в пространстве.

— Но ведь нет никаких сведений о подобной установке!

— Конечно, нет. Я уже сказал — все это не более чем мои предположения. Но давайте все же рассмотрим такой вариант до конца. И учтите еще, что толком они ничего о работе института не знают. Так, одни намеки, догадки, предположения, какие-то косвенные факты...

— Ну, в таком случае они скорее всего попытаются сначала получить полную информацию.

— И получить ее проще всего именно там, где расположен сам институт... Но беда в том, что на этой планете без своей установки они вынуждены действовать самыми обычными методами, да к тому же оказалось, что сам институт надежно защищен. Я не знаю, каким именно образом, но скорее всего он расположен в труднодоступном

месте, со всеми современными средствами защиты. Сотрудникам наверняка запрещено покидать этот район, и наладить с ними контакт оказалось практически невозможно. И все же даже в этой ситуации остаются косвенные, но весьма действенные способы разведки. Вспомните историю с немецкими ракетами второй мировой войны. Английская разведка, воспользовавшись данными о различных грузах, перевозимых по железным дорогам Германии, смогла почти с абсолютной точностью рассчитать местоположение и характер деятельности немецких подземных заводов. Нечто подобное произошло на Таире...

— Вы хотите сказать, что история похищения циркония-два как-то связана с этим институтом?

— Несомненно. Цирконий-два — один из компонентов топлива какой-то сверхсекретной установки. И вот дальше начинается самое интересное... Здесь кончаются мои предположения и начинаются голые факты. Группа, похитившая цирконий на Таире, вывозит его на дельту Арктура. Наши разведслужбы садятся им на хвост и устанавливают место транспортировки похищенного материала. Арктуриане отказываются сотрудничать с нашими органами в поимке и разоблачении этой группы, хотя до этого почти во всем проявляли максимальную готовность к сотрудничеству. И наконец, последний и самый интересный факт. Арктурианскому послу, человеку, которого в принципе не должно интересовать ни дело с похищением циркония, ни тем более технические подробности его применения, известна критическая масса этого искусственного радиоактивного элемента. Вы ее знаете?

— Нет... Разумеется, нет!

— Ее не знают даже ведущие специалисты. Этот элемент синтезирован совсем недавно на Таире, и данные о нем еще даже не попали в технические справочники. Да они и не могли туда попасть, поскольку все, что связано с работами по тм-генератору, подпадает под параграф государственной секретности.

— Тм-генератор?

— Считайте, что это мой собственный термин. Название не имеет значения. А вот то, что арктурианский посол знает критическую массу циркония-два, имеет огромное значение.

Они молчали несколько минут. Слышен был лишь шелест листьев на полу, шум дождя с улицы совсем сюда не доносился. Он смолк так же, как смолкли звуки произнесенных слов.

«Вокзал, на который никогда не приходят поезда, — подумал Логинов. — Возможно, мы опоздали, возможно, последний поезд давно отправлен и уже ничего не удастся исправить». Он все еще надеялся, что это не так. Наконец Пайзе задумчиво произнесла:

— Здесь может быть только две возможности. Или арктурианцы в своих разработках продвинулись дальше нас, или они узнали на Таире гораздо больше того, что нам хотелось.

— Есть еще одна возможность. Арктуриане могут быть связаны с захватом самым непосредственным образом. Но это всего лишь предположение... А вот то, что в этой ситуации захватчики попадут в цейтнот и начнут действовать без малейшего промедления, не вызывает сомнения.

Он все еще боялся оформить в окончательные выводы свои самые худшие предположения.

— Вы хотите сказать, что следующая фаза захвата начнется в ближайшие дни?

— Возможно, даже часы. Они постараются покончить с нами здесь как можно скорее, развязать себе руки и все свое внимание переключить на Таиру.

— Вы должны доложить все свои выводы руководству.

— Разумеется, я это сделаю. Для этого, собственно, мне и нужен был ваш совет. Я сам только что понял, насколько все это серьезно.

Он протянул ей маленькое колечко с синим камешком, которое давно выбрал в арсенале технических средств Управления, хотя и мечтал сделать ей совсем не такой подарок... Тем не менее, догадавшись, она улыбнулась.

— Приемник разовой связи?

Он кивнул.

— Как только получите сигнал, где бы вы ни были, что бы ни происходило вокруг, приходите в Нортон-парк на станцию наземки, в то место, на котором мы встретились сегодня. Я буду там ровно через час после

сигнала. Ситуация непредсказуема. Вполне возможно, мне не удастся связаться с вами по обычным каналам.

После того как она ушла, он долго еще пытался восстановить ту нежную, едва уловимую мелодию, с которой началось сегодняшнее утро. Ничего у него не получилось. Скорлупа униформы сомкнулась вновь, листья стали обыкновенными листьями, а дождь разучился шептать свои письма.

8

Почти час понадобился Логинову для того, чтобы после ухода Перлис решиться на звонок начальнику Управления Шведову. Он был почти уверен, что в это время на месте окажется разве что ночной дежурный, и нажал кнопку вызова на своем фоне скорее всего просто для очистки совести.

К его удивлению, ответил секретарь Шведова. Логинов узнал его вечно недовольный хрипловатый голос.

— Ну, что там у вас?

— Мне необходимо встретиться с Игорем Владимировичем.

— Ночью?

— Еще только семь часов, и это код ноль-один.

Секретарь молчал, наверно, с минуту, очевидно, получая инструкции по своим каналам связи. Наконец динамик фона щелкнул и произнес:

— Можете приходить.

— Прямо сейчас? — растерялся Логинов, не ожидавший столь скорого исполнения своей просьбы.

— Шведов вас ждет.

Фон отключился. Логинов пожал плечами. У него не спросили даже, через сколько времени он сможет быть в Управлении. Ему не верилось, что номер кода произвел на секретаря Шведова такое сильное впечатление. Скорее всего Логинов понадобился начальству по какому-то другому делу. В любом случае встречей следует воспользоваться, чтобы обсудить его предположение. Только сейчас он вспомнил, что, увлекшись «резонами» и встречей с Перлис, он так и не успел подать ежедневного рапорта,

и в Управлении все еще ничего не знают об арктурианском после и критической массе циркония.

Полчаса спустя Логинов входил в здание Управления.

Охраны на втором этаже он не увидел. При той степени электронной защиты, которая задействовалась по окончании рабочего дня, в ней не было никакой необходимости. В здание не мог войти ни один посторонний человек.

Шаги Логинова гулко отдавались в пустом коридоре, несмотря на толстый синтетический ковер. Он не знал, какие именно устройства безопасности и контроля скрывались под его пятнистой поверхностью. Здесь пахло затхлостью, пылью и мышами. Извечный запах канцелярии, переживший все реформации и нововведения. Из-за мышей система безопасности частенько давала сбои и ложные вызовы. С мышами упорно и пока что безрезультатно боролись. Их опрыскивали ядами, раскладывали отравленные приманки, обрабатывали на них новинки биологической лаборатории — все оказывалось бесполезным.

Пройдя коридор второго этажа, Логинов, к своему удивлению, обнаружил на массивных дубовых дверях приемной Шведова светящийся красный квадрат.

Похоже, его не дождались. Во всяком случае, начальства на месте не было. За дубовой дверью в небольшом «предбаннике» не оказалось даже личного секретаря Шведова.

Это показалось Логинову совсем уж странным. В Управлении не принято вызывать сотрудника к руководству и ничего не сообщать ему в случае, если такой вызов отменялся...

Голубоватым холодным светом мерцали на стенах экраны многочисленных дисплеев. Даже в отсутствие хозяев техника продолжала нести свою бессменную вахту.

Может быть, произошло что-то экстраординарное и где-то здесь для него оставлена почта? Он нагнулся над столом секретаря. Перед самым его лицом, на противоположной стене, сверкала массивная дверь сложнейшего электронного сейфа. Он не знал, какие тайны хранила в себе его металлическая утроба. При нем этот сейф никог-

да не открывали. Логинов не сомневался, что даже взвод хорошо подготовленных саперов не сумел бы справиться с этой дверью. Ее надежность словно символизировала собой всю мощь УВИВБа.

Не найдя на столе секретаря ничего адресованного лично ему, Логинов повернулся к регистратору, чтобы засвидетельствовать свой визит в приемную. На какое-то время дверь кабинета Шведова оказалась у него за спиной. Вставив в щель свою личную карту и нажав кнопку регистрации, он совсем было собрался выйти из приемной, но, заметив боковым зрением у себя за плечом какое-то движение, резко обернулся. Прямо перед ним, напротив окна, занавешенного плотной шторой, стоял светящийся призрак...

Призрак казался совершенно прозрачным; если бы в комнате не были задернуты шторы, Логинов бы его вообще не увидел. Светящийся силуэт человека медленно двигался.

Логиновым руководили скорее инстинкт и страх, чем холодный расчет. Он выхватил растер — повседневное оружие сотрудников Управления, с которым никогда не расставался, и не задумываясь нажал на спуск.

Растер в худшем случае мог оглушить человека, лишить его сознания, парализовать, но не убить. Впрочем, это зависело от регулируемой мощности луча... Он увидел, как луч из его оружия прошел сквозь светящийся контур человека в районе груди, уперся в стену сейфа и погас, не причинив непрошеному визитеру ни малейшего вреда. Призрак не обратил на выстрел внимания. В его поведении вообще ничего не изменилось, казалось, он попросту не видел Логинова и продолжал свое медленное плавное движение. Он пересек комнату, остановился перед сейфом, затем сделал еще шаг, выставив перед собой руки, как ходят слепые.

Потрясенный Логинов стоял совершенно неподвижно. Тем не менее его тренированный мозг, несмотря на панику и какой-то древний, иррациональный страх, отмечал мельчайшие детали происходящего. Когда призрак повернулся к нему боком, его очертания изменились. Теперь у него появилось лицо! Вернее, не само лицо, а лишь профиль, какие иногда вырезают из темно-

го листа бумаги уличные художники. Только у призрака профиль был светлым на темном фоне. Полупрозрачный светящийся туман заполнял изнутри более яркую линию контура. Их разделяло теперь не более метра.

Он видел перед собой светлый абрис человеческого тела во весь рост. Он отметил, что человек высок, что у него длинные руки и узкие плечи... Возможно, именно сама тождественность с человеческим телом вызывала страх у всех, кому доводилось сталкиваться с призраками раньше.

Эта последняя мысль вспыхнула в его мозгу как сигнал тревоги. Появление призрака означало начало новой волны захвата! А призрак между тем коснулся своей вытянутой рукой поверхности сейфа. Затем он сделал странное движение, словно засовывал руку в какую-то глубокую дыру, и тут же извлек ее наружу. Во внешней обстановке и в самом сейфе ровным счетом ничего не изменилось.

Логинову удалось наконец взять себя в руки и приглушить остатки страха. Необычность ситуации сама по себе не могла вывести из равновесия его тренированную психику, но наглость и безнаказанность, с которой их враги орудовали в самом сердце штаба землян, руководящего всеми операциями по борьбе с захватом, потрясли его.

Призрак не спеша продолжал свою работу у сейфа. Логинов видел движение его рук и тела, но во внешней обстановке по-прежнему ничего не менялось. Логинов бросил отчаянный взгляд на панель приборов охраны. Их датчики не отметили ничего постороннего! Не велась даже съемка помещения! Она прекратилась в тот момент, когда приборы закончили опознание самого Логинова. Возможно, свечение призрака было слишком слабым, возможно, оно существовало лишь на сетчатке его собственных глаз...

Покончив с сейфом, все так же осторожно призрак двинулся к стене кабинета Шведова и пропал в ней. Вернее, даже не пропал, а каким-то неведомым образом втянулся в панель. И как бы растаял в ней. Логинов лихорадочно искал на столе кнопку общей тревоги... И вдруг

замер. Тревога давно должна была включиться самостоятельно. Любое физическое воздействие на аппаратуру этого кабинета, даже движение обыкновенной мыши, должно было вызвать тревогу, но ее не было, а следовательно, не было никакого воздействия. Это всего лишь галлюцинация, проекция в его мозг, весьма похожая на те психологические проекции, которые совсем недавно сыграли с ним злую шутку в зале гаместон-центра. Возможно, это остаточные явления после припадка в игровом зале, а вовсе не настоящий призрак. В призраках отмечали отсутствие материальности, но не до такой же степени, чтобы сверхчувствительные системы охраны этого кабинета ничего не заметили!

Если сейчас он поднимет тревогу, ни один прибор не подтвердит того, что здесь только что произошло. И не будет никакого призрака. А будет долгое, тоскливое разбирательство, бесконечные психологические тесты... А экспедиция на Таиру тем временем уйдет без него...

Он проглотил горький комок этих мыслей и все же потянулся, преодолевая себя, к кнопке тревоги. И тут щелкнул лазерный выстрел.

Логинова спасло лишь обостренное чувство опасности. Крохотная красная точка, появившаяся на панели одного из охранных устройств за секунду до выстрела, осталась бы незамеченной обычным посетителем. Однако Логинов увидел ее и, не успев еще понять, что произошло, плашмя бросился на пол. Верное излучение боевого лазера прошло над его головой. Он знал, что в охранных устройствах запрещено использование оружия, работающего на поражение. Тем не менее скрытый в панели входной двери лазер выстрелил.

Логинов неподвижно лежал на полу, задержав дыхание. Он боялся даже шевельнуться. Любое его движение могло привести в действие какое-нибудь из многочисленных охранных устройств.

Он не знал, какие еще сюрпризы его ожидают. Автоматы выведены из-под контроля программ, в этом не оставалось сомнений. Они программировались так, что не могли открывать огонь на поражение по живому человеку. После его опознания по контрольной карте должны

были заблокированы все боевые системы. Тем не менее этого не произошло. Кожа на обожженном затылке горела, луч пронесся над ним буквально в нескольких миллиметрах. Только сейчас он начинал понимать, что произошло. По фону с ним говорил не секретарь Шведова, а кто-то другой, хорошо умеющий подделывать голос. Он попался на уверенности в том, что канал прямого фона нельзя подслушать. Используя именно этот канал, его и заманили в ловушку.

С леденящим спокойствием, словно речь шла о ком-то постороннем, он подумал, что на этот раз ему не выбраться. Операции, связанные с захватом, рассчитывались противником безупречно, и, раз уж они удостоили его персону своим особым вниманием, ему не уйти отсюда живым.

Его спасали пока лишь выдержка да хорошее знание охранных систем. Те, кто подстроил ловушку, хотели покончить с ним одним ударом. Но лазер реагировал только на движение, и, насколько он помнил, верное излучение, простреливающее весь кабинет, немного не доходило до пола. Однако ему совершенно не хотелось проверять, как низко мог опуститься луч лазера, на собственной шкуре.

Он лежал в неудобной позе, рука онемела и затекла, неестественно выгнутая шея ныла и чесалась, а ковер, к которому прижималась его щека, отвратительно вонял какой-то гадостью. Возможно, так пахла мышьяковая отравка. В поле его зрения находилась ножка стола, желанный и недостижимый порог входной двери, ведущей в коридор...

Интересно, насколько еще его хватит и как скоро стянутые болью и усталостью мышцы непроизвольно сократятся, вызвав тем самым очередной треск лазерного разряда или волну парализующего газа...

Неожиданно в дальнем конце здания прогрехотал взрыв. Пол под ним заходил ходуном, и, прежде чем Логинов успел сообразить, что, собственно, происходит, входная дверь распахнулась, и в ее проеме появился человек.

Логинов крикнул, стараясь предотвратить несчастье,

но ворвавшийся в приемную человек обладал реакцией, не уступающей логиновской, и знал, что его здесь ожидает. Он прыгнул вверх и, разворачиваясь в прыжке, ударил из тяжелого скотчера по панелям охран-автоматов. Брызнули осколки пластмассы и развороченных панелей микросхем. Прежде чем человек коснулся пола, откуда-то снизу, от самой кабинетной двери, по нему хлестнул луч еще одного выстрела.

Прежде чем Логинов успел понять, что произошло, скотчер рявкнул снова, и в том месте, где только что сверкнул предательский красноватый огонек, образовалась огромная дыра.

Схватив Логинова за руку, незнакомец одним движением, словно мальчишку, поставил его на ноги и швырнул в спасительный проем двери. Уже за своей спиной Логинов услышал, как скотчер рявкнул еще дважды. Весь коридор наполнился удушливым дымом. Где-то глубоко внизу, в подвальных этажах здания, прогрехотал новый мощный взрыв. Световая панель под потолком, мигнув, погасла, и коридор погрузился в полумрак.

Все произошло в считанные секунды. Едва Логинов успел подняться на ноги, как его спаситель оказался в коридоре, и только теперь, разглядев отливающую серебром поверхность комбинезона высшей защиты, Логинов понял, почему огонь охранных автоматов оказался безрезультатным. Такие комбинезоны выдавались лишь космическим десантникам, и только в глубоком космосе, в чрезвычайных ситуациях, их разрешалось использовать.

Мягкий пластик упал на плечи, и вместо безликой шарообразной поверхности шлема Логинов увидел перед собой знакомое человеческое лицо.

— Какие проблемы, командир? Вы в порядке?

— Абасов... Как вы узнали, что я здесь?

— Расскажу позже. Сейчас отсюда надо выбираться как можно скорее. Спасательную команду внизу завалило. Слышите, что творится?

— Захват? Следующая стадия?

Абасов кивнул. Здание вновь затряслось от мощных взрывов.

9

Четвертая, наиболее сильная волна захвата началась в одиннадцатом часу вечера. Город, похожий на большого израненного зверя, умирал медленно, но неотвратно. Точно рассчитанный удар, нанесенный в его энергетические артерии, почти сразу же превратил жилые и административные районы в беспорядочные груды мертвых зданий, лишенных привычных механизмов обслуживания, транспорта и защиты.

Серии взрывов, прокатившись из конца в конец кварталов, вызвали панику. Толпы людей, давя друг друга, хлынули на улицы, и тогда наступило время тех, кто пользуется любой бедой, чтобы под шумок урвать чужой кусок.

Их было не так уж и много, укрывшихся в подворотнях, парках и подвалах подонков, совершающих оттуда свои короткие безжалостные вылазки, но они действовали согласованно в пределах районов, отведенных каждой отдельной шайке, и обезумевшие от страха, беспомощные горожане стали для них легкой добычей.

Наиболее жестокий удар захватчики нанесли по городским службам, которые могли противостоять окончательному развалу. Город лишился своего защитного плаща, подразделений полиции, спецслужб, пожарных команд, медицинских бригад «скорой помощи». Они были частично уничтожены и лишились возможности действовать эффективно из-за отсутствия связи и единого руководства.

Логинов и Абасов выбрались из здания Управления через пролом во фронтальной стене тогда, когда четвертая серия взрывов достигла центра.

Огромный обломок стены у них над головами оторвался от здания и теперь падал вниз неестественно медленно, разваливаясь в воздухе на тысячи кусков. На секунду все вокруг застыло, осталось только это вращающееся месиво каменных обломков, летящих прямо на них.

Их спасла лишь быстрая реакция, выработанная долгими тренировками. Оба успели нырнуть обратно в про-

лом, прежде чем обломки врезались в мостовую. Брызнувшие во все стороны осколки щебня глубоко рассекли Логинову щеку. Абасов, прикрывая его, принял на свой защитный комбинезон основной удар, и теперь оба скрылись в облаках пыли. На какое-то время окружающее для них исчезло за серой пеленой. Когда стало ясно, что после обвала проход все еще свободен, Абасов спросил:

— Куда теперь? На космодром?

— Да. Нужно прорываться в порт, к кораблю, если он уцелел...

Логинов нащупал на руке браслет и включил сигнал общего экстренного сбора команды.

— Но нам нужны документы, оружие, личные вещи...

— Сейчас не до формальностей. Самое необходимое есть на «Глэдисе».

Пронзительный женский крик донесся из верхних этажей здания. Абасов рванулся к подъезду, и Логинову пришлось остановить его.

— Мы им уже ничем не поможем. Помните только о нашем задании — это единственное, что мы можем сделать для оставшихся в живых.

— Хотел бы я хоть раз увидеть лица тех, кто проделывает с нами эту подлую штуку. — Абасов задыхался от бешенства.

— Я бы тоже этого хотел, — сквозь зубы ответил Логинов. — Если доберемся до Таиры, — возможно, нам удастся это сделать. А сейчас не теряйте времени. В порт вам придется прорываться одному. Старт в двенадцать, через час после сбора, как было условлено. Если меня не будет — стартуют те, кому удастся добраться до корабля. На Таире свяжетесь с Мартисоном и дальнейшее руководство экспедицией передадите ему. И ни в коем случае, что бы ни случилось, не выходите на связь. Полное радиомолчание — наша единственная надежда сохранить корабль. После того что произошло со мной в Управлении, нельзя доверять ни одной нашей системе защиты от прослушивания.

— А вы? Куда вы теперь?

Этот человек только что дважды спас ему жизнь и имел право задавать вопросы, на которые никому другому Логинов не стал бы отвечать.

— Мне придется исправлять собственную глупость. Один из членов нашей команды получил приказ ждать меня в условленном месте после объявления общего сбора...

— Может быть, лучше нам пойти вдвоем?

— Я не имею права рисковать еще одним человеком. Слишком многое поставлено на карту. «Глэдис» должна стартовать в любом случае. Даже если только один человек из нас окажется на борту. Это приказ. Передайте его Бекетову. Стартуйте ровно в двенадцать. У меня такое ощущение, что времени почти не осталось. Если они обнаружат готовый к старту космический корабль, его наверняка уничтожат.

— Ну что же, командир, удачи!

Через секунду Абасов скрылся из виду. Пыль, окутавшая весь квартал, казалось, стала еще плотнее. Двигаясь почти на ощупь, Логинов свернул в переулок, ведущий к остановке наземки. Аппаратура ночного видения, управлявшая контактными линзами, не могла пробиться сквозь плотную завесу, хотя инфракрасная часть спектра помогала немного ориентироваться в окружающем хаосе. Мир вокруг казался Логинову набором синих размытых пятен.

Нащупав на браслете крохотную кнопку маяка, он нажал ее и увидел стрелку направления и цифры — пять километров до парка. Ему придется раздобыть какой-то транспорт, иначе он не успеет до старта, от парка до космопорта приличное расстояние...

Скорее всего, в парке ее не будет. Инструкции недвусмысленно предписывали в нештатной ситуации выполнять задание любой ценой. Сейчас она, наверное, уже в районе порта, и он понапрасну теряет время... Но он сам назначил ей эту встречу и не знал, как поступит в сложившейся ситуации такая женщина, как Перлис.

Переулок наконец кончился, с широкого проспекта Ларисона потянуло удушливым запахом гари, зато волна более чистого воздуха разогнала наконец пыль. Линзы переключились в режим обычного дневного видения.

Из-под рухнувшей стены соседнего здания Логинов увидел чью-то сведенную судорогой руку. Далеко в стороне завывали сирены спецмашин, и сразу же оттуда доне-

слись новые взрывы. Это выглядело так, словно неведомый наводчик безжалостной рукой направлял свои снаряды, точно зная, какие цели необходимо поразить в первую очередь.

У тех, кто попал под обломки зданий и, возможно, был еще жив, почти не оставалось надежды. С аварийными службами города покончено. Через несколько дней уничтожение довершат эпидемии... Они разделились с людьми эффективным и дешевым способом. Всего через несколько месяцев с цивилизацией на Земле будет покончено — так уже было на Ригоне. Но захватчики осторожны. Они не спешат с последней фазой вторжения. Они будут выжидать и наносить все новые удары по планетам федерации, пока не останется надежды на помощь внешних колоний. И вот тогда они придут...

Он знал, что не остановится и не сдастся даже в том случае, если то же самое произойдет на Таире, если экспедиция потерпит крах. Даже тогда он не покорится захватчикам, и таких будет большинство. Они уйдут в леса, они постараются унести с собой остатки оружия, они сделают новое и будут ждать. Будут ждать столько, сколько понадобится, пока придет час расплаты.

Стиснув зубы, стараясь не смотреть по сторонам, Логинов упорно продвигался к проспекту, обходя завалы. Минут через пять он вышел к трассе и понял, что в этом месте на противоположную сторону ему не перебраться. Видимо, под дорожным покрытием проходила взорванная энергетическая магистраль, и теперь в обе стороны, насколько хватало взгляда, проезжая часть проспекта превратилась в непроходимый ров с изорванными, покрытыми копотью стенами. Обход займет слишком много времени. К счастью, он вспомнил о проходившем недалеко подземном переходе. Если его не завалило...

Переход залегал глубоко под трассой энерговода и оказался почти не поврежденным, но в нем укрылись от взрывов массы людей. Перед Логиновым открылось море голов, стиснутых в узком туннеле. Оттуда доносились душераздирающие крики о помощи. Если его затрут в этой толпе, обратно уже не выбраться. Тем не менее он потерял почти полчаса, стараясь наладить хоть какой-то порядок в этой дезорганизованной, пораженной паникой

толпе, прежде чем отчаяние не заставило его двинуться дальше.

Вскоре ему повезло. В сотне метров от перехода стены рва сошлись достаточно близко. Используя обломки деревьев и куски дорожного покрытия, ему в конце концов удалось соорудить нечто похожее на шаткий мостик, и он оказался на противоположной стороне.

Но буквально через пятьсот метров Логинов вновь наткнулся на препятствие. На этот раз улицу перекрыл полицейский кордон, и было совершенно непонятно, почему среди всеобщего хаоса оцепили единственный квартал. При всей осведомленности Логинов не мог вспомнить в этой части города ни одного важного объекта, достойного такой охраны. Разве что квартиры и особняки членов городского магистрата.

Время неумолимо приближалось к назначенному часу старта. В запасе у него оставалось не больше сорока минут. И тут он заметил перед оцеплением полицейского офицера, сидящего в кабине моцицикла.

Видимо, только эти маленькие индивидуальные машины, способные в случае необходимости преодолевать часть пути по воздуху, сохранили способность передвигаться по разрушенному городу. Остальной транспорт, не имеющий индивидуальных блоков питания, после взрыва энергоцентралей оказался полностью парализованным.

Бледный молодой офицер, излишне обрюзгший, с бегающими, красными от воспаления глазами, видимо, находился на грани нервного срыва, потому что сразу же начал орать на Логинова, даже не взглянув на протянутое удостоверение:

— Вы что, не видите оцепления?! Куда вы прете!

— Мне нужен ваш моцицикл. — На секунду офицер, казалось, опешил от подобной наглости, потом, так и не взглянув на удостоверение, которое Логинов держал в вытянутой руке, отстегнул от пояса электрошоковый хлыст.

— Сейчас я покажу тебе моцицикл, ублюдок!

Но он так и не успел поднять свое оружие. Логинов прыгнул и, развернувшись в воздухе, ударил полицейского обеими ногами, выбивая его из кабины. Тот пова-

лился на землю, хлыст отлетел в сторону, и, пока он к нему тянулся, Логинов успел рвануть машину вверх. Люди в оцеплении только теперь поняли, что произошло. Внизу сверкнули синеватые огоньки запоздалых выстрелов, но их почти сразу накрыла волна пыли от нового обвала.

Логинов был уже на уровне верхних этажей высотных зданий. Он старался выжать из машины все, на что она была способна, понимая, что каждую секунду с центрального пульта городского дежурного ему могут отключить двигатель. Ожидая падения, он вынужден был снизиться почти до самой мостовой и, рискуя разбиться об углы зданий, тем не менее неся вперед на большой скорости, сворачивая из переуллка в переулок.

Двигатель ревел ровно на высокой ноте, и минут через пять Логинов успокоился. То ли офицер не успел послать сообщение до взрыва, накрывшего оцепление своей волной, то ли связь не работала, а скорее всего пульт полицейского управления давно был уничтожен.

Логинов беспрепятственно добрался до парка и благополучно миновал высокую ограду.

Когда пыль от его посадки развеялась, он осмотрелся. Вокруг не было ни души. Логинов хорошо знал, почему здесь так безлюдно. Парк — не лучшее место для свиданий в такое время.

Тщательно замаскировав машину грудой сухих листьев, он двинулся по знакомой дорожке к выходу. До остановки, где его должна была ждать Перлис, оставалось метров пятьдесят, когда он увидел пустую платформу и удивился глубине своего разочарования. Рядом с платформой выделялось темное пятно, похожее на лежащее ничком человеческое тело...

Он сделал оставшиеся несколько шагов, чувствуя, как гулко бьется сердце, и лишь подойдя совсем вплотную, понял, что это не Перлис. Преодолевая внутреннее сопротивление, он перевернул труп незнакомого мужчины. Грудь залита кровью от ножевой раны, дыхания и пульса не было. В этот момент за спиной раздался шорох, и Логинов резко повернулся.

— Долго вы заставляете себя ждать... В такое время.

Несколько секунд он разглядывал ее молча, стараясь хотя бы не показать своих чувств.

— Что здесь произошло?

— Их было трое. Кажется, они поссорились из-за меня, ну, и один из них пырнул другого ножом. Наверное, я казалась им слишком легкой добычей.

— А остальные?

Перлис пожала плечами.

— Одному из них пришлось тащить приятеля на себе, не знаю, надолго ли его хватило... В той стороне началась стрельба.

— Нам нельзя терять времени. До старта остается меньше двадцати минут. У капитана приказ — не ждать, если мы опоздаем. Мне удалось раздобыть модцикл. Не знаю, выдержит ли он двоих... Но если снять багажник... В любом случае придется попробовать.

— А вы, оказывается, не теряли времени даром.

Только сейчас он обратил внимание, как она одета.

Спортивный костюм, плотная повязка на лице, большие темные очки... Он даже линз ей не выдал... ладно, с этим теперь успеется. Хорошо, что она хоть немного замаскировала свою внешность. В порту это может пригодиться.

Они бегом преодолели расстояние до укрытия с машиной. Вокруг по-прежнему никого не было.

— Здесь действует какая-то банда. Нортон-парк еще до захвата пользовался дурной славой.

— Что же вы мне раньше не сказали?

— Ну, я не думала, что это имеет какое-то значение.

— Она вновь пожала плечами. — Во всяком случае, пока не началась атака.

Он уже отвинчивал гайки багажника. Кабина казалась слишком маленькой для двоих. Кроме того, он опасался, что у двигателя не хватит мощности. Хорошо хоть, у Перлис не оказалось багажа... Только сейчас его это удивило.

— Вы ведь успели переодеться после тревоги. А вещи?

— В подобных ситуациях я обхожусь без багажа. Вещи найдутся где-нибудь по дороге.

— Вы правы... — Он лишний раз удивился ее не-

женской логике. — Самое необходимое есть на корабле. Только бы туда добраться...

Вышвырнув соединительную стенку, сиденье и колпак, он превратил машину в узкую металлическую раму.

— Хорошо. Теперь попробуем на ней разместиться...

— Может быть, лучше мне сесть впереди? Сзади места побольше.

— А управление?

— Справлюсь.

— Нет, это слишком рискованно. В любой момент нас могут обстрелять, и тогда потребуются выжить из этой машины даже то, на что она не способна.

— У меня есть растер.

— Это кстати. Все время держите дорогу впереди нас под прицелом. И сразу же открывайте огонь, если заметите что-нибудь подозрительное. От вашего парализатора серьезно никто не пострадает.

Модицикл заревел и затрясся, но в конце концов покатился по дорожке, постепенно увеличивая скорость, потом вдруг подпрыгнул метра на два и с воем понесся вперед над самой землей. Они мчались сквозь клубы дыма и пыли, постепенно, буквально по сантиметрам, набирая высоту.

Внизу горел город. Он разгорался медленно, с трудом. В его конструкциях давно уже не было дерева. Зато там было много пластика и камня. Камень не горел, а пластик разгорался медленно, но зато, разгоревшись, он наполнил город клубами удушливого черного дыма. Логинов знал, как трудно тушить такие пожары, как долго хранят они под своим пеплом частицы огня, готовые вспыхнуть вновь.

Лишь сейчас, убедившись, что машина повинуется ему, Логинов смог перевести дух и только тогда осознал, что вместо спинки сиденья, стиснутая узким ободом металлической рамы, к нему плотно прижалась Перлис... Он вдруг ощутил ее тело, упругую плотную грудь, круглые колени; удушливая волна жара ударила в голову, но даже и сейчас, не оборачиваясь, а лишь ощущая это молодое, сильное женское тело, он видел ее такой, какой увидел в первый раз, — без черного платка в пол-лица, с гривой свободно несущихся по ветру медных волос.

И знал, что сделает все от него зависящее, чтобы она смогла вновь сбросить с себя этот платок, вновь заговорить с ним насмешливо и надменно.

Он думал о том дне, когда война кончится, но она, увы, пока еще только начиналась, и никто не мог предсказать, сколько дней, недель, месяцев отделяло их от ее конца. Они были в самом начале долгого, трудного и неведомого пути, и Логинов поблагодарил провидение за то, что в этот раз он уходил в поход не один.

Плох тот воин, который не оставляет за своей спиной родного дома, и страшен становится он для врага, если сзади осталось одно пепелище.

10

«Включены антигравитационные накопители! Планетарные двигатели в режиме запуска! Стартовая готовность! Нет подтверждения на старт. Продувка охлаждающих рубашек двигателей! Гидравлические контаватели: перегрузка сорок процентов. Нет подтверждения на старт!»

Голос корабельного компьютера доносился из динамиков, монотонно перечисляя цифры задействованной мощности, градусы температуры, готовность электронных систем.

Целый каскад технической информации обрушивался на пятерых согнувшихся в полетных креслах, ожидающих рывка перегрузок людей. Трое из них тревожно переглядывались, не понимая толком, что происходит. Из всего этого потока технической белиберды лишь одна фраза, настойчиво повторявшаяся в каждом сообщении, в конце концов заставила Логинова сдвинуть кружок ларингофона и сквозь свист и вибрацию запущенных планетарных двигателей спросить у Бекетова:

— Что со стартом?

— Нет подтверждения от диспетчерской службы. Возможно, им просто не до нас.

— Подождите еще пять минут и стартуйте без подтверждения.

— Мы не можем ждать пять минут. Нужно или стар-

товать немедленно, или выключать планетарные двигатели, а затем запускать их снова по полной программе. Вызвать диспетчерскую?

— Нет. Приказ о полном радиомолчании остается в силе. Они должны были получить оповещение о нашем старте по каналам Управления. Начинайте подъем.

— У меня нет коридора... По какому радианту я должен выходить в зону спутников?

— Наш корабль оснащен антирадаром. Берите по пеленгу любой свободный коридор и стартуйте, пока еще можно! Посмотрите, что творится на космодроме!

Боковые обзорные экраны осветились яркими вспышками новых взрывов. Когда пришла взрывная волна, корабль закачался на своих гидравлических опорах, но вновь, к удивлению Логинова, выстоял. Медлительность Бекетова начинала действовать ему на нервы.

— Пока это пиротехника, — тихо проговорил Абасов, — но если взрывы серьезно заденут хотя бы один «Консул», отсюда никто уже не взлетит.

— Сколько там?

— Не меньше сорока килотонн в каждом. В нашем секторе космодрома четыре корабля класса «т-шесть» оснащены этими двигателями.

Чтобы принять окончательное решение, Логинову понадобилось несколько секунд. Убедившись, что антиперегрузочные устройства каждого кресла работают нормально, он проговорил отрывистым командирским тоном, тем самым, которым так не любил разговаривать со своими подчиненными без крайней необходимости:

— Десятисекундный отсчет. Старт по нулю на планетарных.

— Мы не имеем права использовать планетарные в атмосфере! — выкрикнул Бекетов. В его голосе слышалось отчаяние.

— Это приказ!

Хотя формально никто не имел права приказывать пилоту во время старта, он знал, что Бекетов подчинится. Неприятный разговор предстоял позже, однако сейчас уже было не до сантиментов.

Ровно через десять секунд навалилась волна перегрузок. Двигатели взвыли. Огненные столбы ударили в бе-

тонное покрытие космодрома, безжалостно сминая и оплавляя камень.

Почти сразу же все корабельные динамики, взревев от возмущения, заорали на них голосами моментально объявившихся диспетчеров:

— В восьмом секторе! Стартовый номер шестнадцать! Немедленно выключите планетарные! Затушите реакторы! Запрет на старт! Ваш корабль арестован!

— Позвольте мне хотя бы ответить! — взмолился несчастный Бекетов. — За подобные нарушения меня навсегда лишат полетной карты...

— Забудьте о рации и продолжайте подъем! Карта вам больше не понадобится... — Последнюю фразу он проговорил так тихо, чтобы Бекетов его не услышал.

— А если они начнут стрелять? — задумчиво спросил Маквис. Он один сохранял полное спокойствие. На желтоватой коже его лица нельзя было заметить даже капельки пота. Абасов усмехнулся, с трудом преодолевая перегрузки, повернул к нему голову и ответил:

— Не думаю, чтобы у них было на это время. Им уже не до нас.

Кольцо взрывов внизу расширилось. Здания космодрома пылали. Вспышки огня, зарево пожаров, шлейфы дыма — все это постепенно удалялось от них, уходило вниз, становилось чужим и нереальным.

— Кто-то еще стартует за нами! — нервно выкрикнул Бекетов. Нарушение всех правил устоявшейся годами процедуры старта совершенно выбило его из колеи.

— Дурные примеры заразительны... Но если это патрульный катер, нам от него не уйти, — спокойно констатировал Абасов.

Одна лишь Пайзе за весь старт не проронила ни слова. Украдкой глянув в ее сторону, Логинов заметил, как побелели ее пальцы, вцепившиеся в подлокотники кресла, и это был единственный признак волнения. Молодая женщина держала под контролем все свои эмоции, подавая пример мужчинам.

— Полная мощность на оси планетарных! — стараясь контролировать тон своего голоса, отдал Логинов очередную команду. Ему вовсе не хотелось подменять в эти решительные минуты пилота корабля, но иного вы-

хода не было, они все еще не вошли в режим, и со стороны диспетчерских служб можно было ожидать серьезного противодействия. — Начать продувку водородных реакторов!

Красный столбик неонового индикатора скорости на широком панно, полукругом обхватившем все пространство во рубки, лениво переполз в следующий сектор шкалы.

Внизу под кораблем вспыхнул факел длинного синего пламени. Рев двигателей постепенно переходил в пронзительный вой, от которого на секунду заложило уши. Волна вибраций тряхнула корабль, индикаторы скорости переползли еще один сектор. Горизонт под ними начинал закругляться, появились очертания морей и материков.

Корабль шел уже в верхних слоях стратосферы. Опасность обстрела миновала, и Логинов несколько расслабился. Пару минут назад он воспринимал эту угрозу вполне реально. Слишком просто их могли принять за пособников тех, кто устроил внизу огненную свистопляску. Даже с такой высоты темные пятна городов, покрытые черными шапками дыма от пожарниц, выглядели зловеще.

Бекетов взял себя наконец в руки и выполнял теперь сложные маневры расхождения со спутниками и телекоммуникационными станциями безукоризненно. Отпала надобность в контроле за его действиями, и все своё внимание Логинов переключил на светлое пятнышко преследовавшего их корабля.

В том, что это преследователь, сомневаться не приходилось. Он повторил все их сложные маневры и вышел в тот же квадрант набора высоты.

Они шли пока в обычном режиме разгона, но если придется использовать «резонансы», догнать их на форсаже сможет, пожалуй, лишь патрульный иглокатер.

— При таком ускорении они догонят нас примерно через шесть часов. Может быть, пора увеличивать скорость? — В голосе Бекетова все еще слышалось волнение, и Логинову это совсем не нравилось.

— Мы и так привлекли к себе излишнее внимание, стартовав с нарушением всех правил. Не стоит опове-

щать всю федерацию о том, что на частной прогулочной яхте установлены резонаторы.

— Как вы думаете, — обратился он к Абасову, — почему они нас преследуют? Должна быть очень серьезная причина, чтобы в подобной обстановке отправить за нами в погоню патрульный корабль.

— Возможно, она у них есть. — Абасов казался сторонним наблюдателем, можно было подумать, что все происходящее не имело к нему ни малейшего отношения.

— Что вы имеете в виду?

— Мы стартовали настолько оригинально, что они, скорее всего, приняли нас за виновников катастрофы.

— Тогда они будут очень стараться нас догнать и, возможно, начнут стрельбу, едва достигнув зоны контакта. Странно, что они не сделали этого на космодроме.

— Первые взрывы разрушили диспетчерскую. Они просто не могли открыть огонь из наземных орудий, — холодно констатировал Маквис. Казалось, он один солидарен с Бекетовым в отрицательной оценке их сумасшедшего старта.

Зона защитных спутников осталась далеко позади. Их преследователи, очевидно, развили максимальную скорость, на которую были способны. В ближайшие четыре часа вряд ли что-нибудь изменится. «Глэдис» шла с ускорением в полтора «же». При такой тяжести они могли покинуть антиперегрузочные кресла.

Логинов предложил команде разойтись по каютам и отдохнуть. Последние часы перед стартом вспоминались как непрерывный кошмар. Все были до предела вымотаны.

У каждого из них было свое, хоть и маленькое, но отдельное, помещение, и вскоре Логинов с наслаждением вытянулся на узкой койке.

Чудовищное напряжение последних дней постепенно накапливалось и сейчас не давало ему уснуть. Перед глазами вставали картины уничтоженного города. Раздавленная детская коляска, втопанная в грязь обезумевшей в переходе толпой. Рука, торчащая из-под развалин...

Мучительно захотелось пить. С минуту он боролся со спазмами в желудке, потом жадно глотнул холодной минеральной воды с какими-то успокоительными добавками, услужливо намешанными корабельным компьютером.

Стук в дверь вырвал Логинова из глубокого сна, в который он провалился совершенно неожиданно. Несколько секунд он не мог сообразить, где находится. Он заснул, сидя на койке, привалившись спиной к стене каюты. От неудобной позы и чрезмерной тяжести ломило шею. Сколько же времени прошло?

Стук повторился.

— Войдите! — сказал Логинов, приглаживая волосы и расправляя, к счастью, немнущуюся силовую куртку.

Во время перелетов, находясь на задании, он никогда не запирает дверей своей каюты, словно не желал возводить между собой и внешними обстоятельствами даже такой хрупкой преграды.

Вошел Маквис. Склонился в традиционном восточном полупоклоне. И уставился на него своими разноцветными, ничего не выражающими глазами. Ох уж эта восточная вежливость...

— Садитесь, Су Томас. Рад вас видеть. — На языке все время вертелась насмешливая фраза: «Как поживают ваши предки?» И он с трудом сдержался, чтобы ее не произнести. В сущности, это хорошо, что Маквис зашел к нему сам, без вызова. Об этом человеке он знал меньше всего.

— Я хотел спросить у вас, командир, пытались ли вы связаться с базой после нашего отлета?

— Неоднократно. Но они пока не отвечают.

— Конечно, так и должно быть... Дело в том, что у меня остались дома жена и ребенок. Я не успел зайти домой и ничего не знаю об их судьбе...

— Как только связь появится, я сразу же сделаю запрос.

— Если появится... Но все равно спасибо. Я не за этим к вам зашел. Я знаю, меня назначили в группу без вашего согласия. Каждый месяц я обязан отправлять рапорты в Управление и в отдел Грушенко. Наверное, они им теперь не понадобятся...

— Я догадывался. Все это сейчас действительно не имеет уже никакого значения, но все равно — спасибо.

Маквис не имел права упоминать о своем задании ни при каких обстоятельствах, и то, что он пошел на это, говорило о многом.

Возможно, главная причина того, что с ними случилось, крылась в них самих. Дрязги, интриги, непомерные амбиции, постоянное стремление к власти. Все было так хрупко. Захватчикам не пришлось особенно стараться, стоило только нажать — и кожура гнилого плода лопнула.

— Теперь мы похожи на беглецов... — тихо произнес Маквис. Казалось, он думал о том же самом.

— Это зависит только от нас самих. Еще есть шанс. Не все потеряно. Им не удастся справиться с нами так просто на Таире.

— Вам пригодились мои данные о критической массе циркония?

— В какой-то степени... Они несколько запоздали, но мне лично помогли многое понять.

— Скорее всего арктуриане имеют отношение к захвату. Они вели себя очень странно...

— А вы говорите — беглецы. Если только мы сумеем доставить эти данные на Таиру... Там неплохой флот. До сих пор мы проигрывали одно сражение за другим, так и не увидев лица своего врага. К сожалению, нет прямых доказательств участия арктуриан в войне. Наши предположения мало что значат.

Но он ошибался. В эту самую минуту пропел зуммер корабельной связи и хриплый взволнованный голос Бекетова произнес:

— Нас преследует не патрульный катер. У него слишком большая для таких кораблей скорость. Он уже вошел в зону наших локаторов ближнего действия.

— Ладно. Не тяни. Что это за корабль?

— Посольский крейсер арктуриан.

— Похоже, доказательства появились быстрее, чем мы могли ожидать...

11

Крейсер арктуриан выглядел на кормовом экране вытянутой светящейся каплей. На нижнем индикаторе то и дело сменялись длинные ряды цифр. Центральный компьютер «Глэдис» сообщал данные о меняющихся ус-

корени, углах схождения и расстоянии до преследователя, которое постепенно сокращалось. Они потеряли много времени, принимая этот корабль за обычный патрульный катер. Теперь, похоже, было уже слишком поздно.

По команде Логинова Бекетов включил наконец инфрарезонаторные двигатели. Вначале никаких видимых изменений не произошло, разве что появилась мелкая зудящая вибрация, от которой заныли зубы и изображения на всех экранах слегка смазались. Но как только двигатели вошли в рабочий режим, их прижала к спинкам кресел неудержимо нарастающая волна перегрузок. Столбики индикаторов скорости, изменив своей обычной привычке лениво переползать от одного деления к другому, стремительно рванули вперед.

Бекетов, глянув на сменяющие друг друга цифры, проворчал сквозь зубы:

— Они тоже увеличивают скорость, но наша масса намного меньше, поэтому мы быстрее разгоняемся. Теперь все зависит от того, какую мощность они смогут подать на свои двигатели.

— Но ведь мы от них уходим! — воскликнула Перлис.

— Это еще неизвестно, все станет ясно часа через два, когда они наберут свою максимальную скорость.

— Ты думаешь, у них остался большой резерв?

— Нет. Скорее всего они включили форсаж и не смогут использовать его долго без риска повредить двигатели. Но они подошли слишком близко. Теперь им достаточно сократить расстояние между нами всего на несколько парсеков, чтобы открыть огонь.

— Зачем вообще мы понадобились арктурианам? — спросил Абасов, обращаясь почему-то к Маквису.

— Скорее всего они что-то узнали о нашем задании и оно им не понравилось.

— До такой степени, чтобы использовать посольский крейсер?

— Видимо, они нас все-таки проморгали, — вступил в разговор Логинов. — Это похоже на жест отчаяния.

— Или на полное игнорирование противника, — возразил Маквис. И тут же пояснил: — Они считают, что на Земле с нами покончено.

— Ну, это мы еще посмотрим! — воскликнула Перлис, и все невольно повернулись к ней. Руки молодой женщины, вцепившиеся в подлокотники кресла, были напряжены, волосы разметались, а горевшие гневом глаза ни на минуту не отрывались от крохотной светлой капли преследовавшего их корабля. — До сих пор им слишком легко все сходило с рук. Но теперь мы знаем, кто наши враги, где расположены их базы и по каким целям следует нанести ответный удар!

— К сожалению, пока что, кроме нас, об этом никто не знает, и неизвестно, удастся ли нам доставить эту информацию на Таиру.

— Во всяком случае, арктуриане сделают все, чтобы этого не случилось.

Вскоре стало ясно, что «Глэдис» не сможет уйти от арктурианского крейсера.

Расстояние все еще было велико для уверенного поражения, и синие стрелы протонных зарядов, настигая «Глэдис», почти полностью рассеивались в пространстве, однако теперь их гибель представлялась неизбежной.

— Что дальше, командир? — спросил Бекетов, получив на экране рассчитанное компьютером время, необходимое их преследователям для уверенного залпа. — У нас осталось четыре часа.

Никто из пятерых не мог оторвать взгляда от этой роковой цифры. Четыре часа. Всего четыре часа, после которых в пламени аннигиляционного взрыва растают стены крохотной скорлупки их корабля. Они попали в западню, из которой не было выхода. Увеличить скорость еще больше они не могли. Маневр на такой скорости практически невозможен. Их защитные поля против залпов крейсера не выстоят и нескольких секунд, а радиус поражения арктурианских орудий в два раза превосходил расстояние, на котором действовали их собственные противометеорные пушки. Через четыре часа их корабль превратится в беззащитную мишень.

— Какая у нас скорость?

— Две девятки.

Это означало, что они подошли вплотную к световому порогу. Их скорость составляла девять целых и девяносто девять сотых от скорости света. Однако нормаль-

ный вход в пространственный прыжок был возможен лишь после третьей девятки. И медленней всего набиралась именно эта, третья девятка после запятой... При скорости в три девятки генератор оверсайда вырубал для них в пространстве узкий коридор, и корабль исчезал из обычного пространства.

В подпространстве им были бы не страшны никакие арктуриане. Материальное взаимодействие в этой среде вообще невозможно. А последовать за ними к Таире арктуриане не посмеют. Там находился мощный земной флот.

— Кто-нибудь пробовал уходить в оверсайд с неполным набором скорости? — спросил Логинов, стараясь не смотреть в сторону Перлис.

Бекетов отрицательно покачал головой.

— Мне такие случаи неизвестны. Если кто-то и пробовал, то рассказать об этом ему так и не удалось.

Вблизи светового порога перед кораблем как бы образовывалась волна спрессованного времени. В нормальном режиме корабль проскакивал сквозь нее за доли микросекунды. Что с ним случится, если прыжок растянется и возникнет взаимодействие между материальным телом корабля и волной спрессованного, ускоренного в миллиарды раз времени?

Однозначного ответа на этот вопрос не было ни в одной теоретической работе по оверсайду. Корабли, нарушавшие режим входа или выхода, бесследно исчезали из нашей вселенной.

— У нас есть выбор из двух возможностей: превратиться в мишень для арктурианских пушек или попробовать внережимный переход, — проговорил Логинов, по-прежнему старательно избегая взгляда Перлис, словно чувствовал себя виноватым именно перед ней.

— Переход с недобором скорости невозможен. Это самоубийство! — сразу же возразил Бекетов.

— Третьей возможности у нас нет. Ты можешь предложить что-нибудь еще?

— Если бы мы стартовали по правилам, этого бы не произошло! Мы могли сразу обнаружить погоню, вове-

мя набрать скорость и уйти в оверсайд! — Бекетов почти кричал. Казалось, он был на грани нервного срыва.

— Спокойней! — потребовал Абасов. — Такие вопросы должна решать вся команда. Я против бессмысленного боя с заведомо известным концом.

— Это верно, — поддержал его Логинов. — Именно это я и хотел сказать.

— Я за то, чтобы принять бой, — сразу же возразил Маквис. — И не надо искать виноватого. Нам просто не повезло. По крайней мере, мы погибнем в бою, как положено солдатам, а не превратимся в обреченных на медленное умирание скитальцев пустого пространства.

Эта возможность казалась вполне вероятной. Внержимный прыжок скорее всего выбросит их в стороне от звездных скоплений...

— Итак, двое против двух... — подытожил Логинов, и все головы повернулись в сторону Перлис.

Впервые на лице молодой женщины стали заметны следы волнения. Она слегка прикусила губу, и темные круги под глазами обозначились резче. Возможно, во всем была виновата запредельная усталость и нервная перегрузка этого сумасшедшего полета.

Перлис слегка пригнулась в кресле, словно физически ощутила груз непомерной ответственности, свалившейся на ее плечи.

— Я бы тоже хотела погибнуть в бою... — Она виновато глянула в сторону Маквиса. — Но информация, которой мы располагаем, слишком важна, и надо использовать даже тень надежды в попытке ее сохранить.

— Да нет у нас никакой надежды, нет! Неужели вы не понимаете?! — выкрикнул Бекетов.

— Успокойся! — сурово потребовал Логинов. — Итак? — обратился он к Перлис, понимая, что подобное дело не терпит недосказанности.

— Мы должны лететь дальше...

— Команда использовала свое исключительное право. Решение принято. Приступайте к запуску генератора. — Голос Логинова казался мертвым, лишенным всякого выражения, словно динамик корабельного компьютера.

И в то роковое мгновение, когда свет панелей и экра-

нов померк, когда тело выворачивалось наизнанку, а в ушах стоял отвратительный хруст переборок, Логинов почувствовал на своем запястье узкую женскую руку... Означал ли этот жест нечто большее, чем последнее прощание? — этого он так и не узнал.

Предметы медленно и постепенно обретали прежнюю четкость. Первой среди серого тумана, поглотившего маленький мирок корабля, появилась приборная панель. Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем Логинов понял, что они все еще живы. Впрочем, это могла быть всего лишь отсрочка. Все индикаторы стояли на нулях, двигатели не работали. Слепые бельма экранов смотрели ему в лицо.

Его спутники зашевелились, постепенно приходя в себя, и лишь Перлис все еще была без сознания; впрочем, ее дыхание и пульс давали основания надеяться, что обморок вскоре пройдет.

— Экипаж? — хриплым голосом спросил Логинов, стараясь разорвать плотную тишину, висящую в рубке, как серая вата, и вновь беря на себя обязанности капитана.

Они ответили, все, кроме Перлис. Маквис, на котором по совместительству лежали обязанности корабельного врача, уже хлопотал подле нее с дежурной аптечкой в руках.

— Что с энергией? — спросил Логинов, так и не сумев включить на своей приборной доске ни один сенсорный датчик.

Под потолком замогильным синим светом горела только аварийная лампа, снабженная индивидуальным радиационным источником питания. Не отвечая ни слова, Бекетов возился со своей приборной доской. Наконец он открыл с нижней стороны панели скрытый карман и, щелкнув невидимым ручным выключателем, произнес:

— Есть энергия только в аварийных цепях. Не работает ни один прибор!

— Это уже кое-что. Переходите на ручное управление и попробуйте запустить старт-генератор.

— Нет контакта! Вообще ничего нет! Ни одного отзыва!

— Где мы, черт побери, находимся? — Абасов рас-

стегивал ремни противоперегрузочных устройств. Только сейчас Логинов понял, что невесомости нет, несмотря на то что все двигатели молчали, и это поразило его больше всего. Корабль трянуло так, словно он превратился в лодку. Затем последовал еще один толчок, от которого их вжало в кресла. Корабль заметно накренился.

— Этого не может быть... — прошептал Маквис, не отрывая пальцев от манипулятора медавтомата, который, похоже, не работал, как и все остальное. Перлис, приходя в себя, застонала. Корабль повело в сторону, он еще больше накренился и почти сразу же выпрямился.

— Похоже на мощные турбулентные потоки. — Бекетов все еще пытался включить хотя бы один прибор.

— Ты думаешь, мы в атмосфере?

— Подобная качка невозможна в открытом пространстве.

— Но как? Как мы могли сюда попасть?..

— Если выход произошел в непосредственной близости от планеты, автоматика успела включиться и перевела корабль в планетарный режим, прежде чем все полетело.

— Сейчас я это проверю, — уверенно произнес Абасов, проворачивая в гнездах ручные запоры наружных заслонок.

В планетарном режиме управляющая рубка должна была выдвинуться над поверхностью обшивки, а сама яхта, приспособленная для полетов в атмосфере, превращалась в некое подобие самолета. Затаив дыхание, все следили за тем, как запоры один за другим со скрипом проворачивались в гнездах, уступая недюжинной силе этого человека.

Наконец титанитовый щит, закрывавший передний иллюминатор, с грохотом поехал вниз. Вначале в образовавшуюся щель брызнул красноватый свет, показавшийся им после полумрака рубки невыносимо ярким. Лишь через минуту-другую смогли они оценить открывшуюся панораму.

Корабль несся на высоте нескольких километров. Внизу под ними, насколько хватало взгляда, раскинулась поверхность незнакомой планеты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗА ГРАНЬЮ СУДЬБЫ

12

Испытание тм-генератора закончилось неудачей. Собственно, произошел полный провал. Мартисон понял это по застывшим лицам людей, покидающих зал. Слишком велика была цена поражения, ибо она означала для них гибель последней надежды, падение последнего бастиона человеческой расы, еще стоящего на пути захвата...

Тм-генератор возвышался посреди зала в переплетении энергетических и информационных линий. Техники, обслуживавшие эксперимент по просьбе Мартисона, покинули зал.

Прежде всего это его личное поражение. Это он — известный всей федерации ученый, на исследования которого были выделены огромные средства и энергетические ресурсы, это он лично оказался несостоятельным, обманул ожидания и надежды тысяч людей. Возможно, так случилось потому, что практический результат для него всегда оставался на втором плане и гораздо важнее казался сам процесс проникновения в глубины неисследованного, в область чистой теории.

Что могло быть более увлекательным, более захватывающим, чем охота за фактическими данными, способными подтвердить красивую, логически стройную и математически безупречно обоснованную теорию?

Именно таким и должен был стать неудавшийся эксперимент. Он хотел доказать существование материального мира за той гранью времени, которая в обиходе называлась настоящим, сиюминутностью, жизнью, если угодно...

Мартисон пытался в своих работах рассчитать длительность неуловимого мгновения, когда будущее уже

наступило, но еще не успело превратиться в прошлое, той тонкой пленочки на поверхности временной волны, вместе с которой вот уже миллионы лет катится, против течения временного потока, из прошлого в будущее жизнь...

Имела ли его теория хоть какое-то отношение к захвату? К тому сверхоружию, что надеялись получить из его рук военные инженеры? Или хотя бы к решению загадки самого метода захвата?

Этого он не знал, и, если быть совершенно честным, это его почти не интересовало. Гораздо важнее, в тысячи раз увлекательней и значительней казалась возможность проникновения, пусть пока чисто теоретически, хотя бы на долю микросекунды, вперед, во временной мир, лежащий перед катящейся волной настоящего.

О том, что такой мир существовал не только в его воображении, свидетельствовали многочисленные факты прорыва человеческого сознания в отдаленное будущее, позволяющие в отдельных случаях в мельчайших деталях предсказать грядущее событие... Взять, например, пророчества Нострадамуса или апокалипсис Иоанна Богослова.

Есть сотни других, не таких громких свидетельств, происходивших со многими людьми в их повседневной жизни. Вещие сны, гадания на картах, картины сновидений, воплощавшиеся наяву по прошествии какого-то времени... События, словно предначертанные чьей-то невидимой рукой...

Он дерзнул попытаться, только попытаться, проникнуть в недра этого плана судьбы, и за его гордыню наказание не замедлило последовать. Он предчувствовал, что за подобную дерзость придется заплатить очень высокую цену, и по опыту знал, что его предчувствиям такого рода суждено сбываться.

Ну что же, он был готов к расплате. Но прежде должно было произойти само событие.

Так что же все-таки случилось? Вернее, почему ничего не случилось?

Вначале все шло в соответствии с расчетами. Включились энергетические каналы реакторов, расположенных глубоко в подземных штольнях под зданием инсти-

туда, и перебросили реки сконцентрированной энергии на накопители тм-генератора. Затем заработал и сам генератор — его заунывный, подавляющий все остальные звуки гул невозможно было спутать ни с каким другим звуком. От него стыла кровь в жилах и мороз продирал по коже даже у искушенных техников.

Сразу вслед за тоскливым воплем самого генератора, или, точнее, одновременно с его возникновением, в пространство был выброшен сконцентрированный сгусток энергии мощностью в десятки гигаватт... Неоновые столбики индикаторов на долю секунды коснулись заветных отметок и сразу же, рывком, откатились назад.

Мартисону показалось даже, что в это мгновение изменились очертания самого генератора. Смазались, стали нерезкими... скорее всего причину этого явления следовало искать в вибрации. В мелкой зудящей дрожи, сменявшей октаву за октавой по мере накопления мощности и перешедшей в конце концов в комариный писк, в недоступный человеческому уху диапазон...

Изменения очертаний генератора никто не заметил... Хотя, при таком напряжении энергетического поля, сопровождавшегося ультразвуковой вибрацией, нельзя было полагаться на наблюдения очевидцев. А приборы не зарегистрировали ничего... Во всяком случае, ничего существенного...

Сколько раз уже так бывало, когда техника отставала от задачи эксперимента, будучи не в состоянии уловить тончайшие изменения материи, и раз за разом, от эксперимента к эксперименту, приходилось доводить, подтягивать саму технику. У него не будет подобной возможности. Слишком дорого обошлись испытания. Слишком велики были ожидания и слишком сильна обратная сторона всего этого — психологический фактор. Разочарование в утраченной надежде...

«Так почему же все-таки ничего не произошло?» — в который уж раз спросил он себя.

Мартисон встал и подошел к передаточной камере генератора. На серой стальной плите в беспорядке громоздилась куча предметов. Они не собирались в это первое испытание проверять возможность переброски массы.

Важно было установить хотя бы сам факт передачи, тем не менее в последний момент площадку все же завалили разным барахлом. Так, на всякий случай...

В конце концов, в каждом живет мальчишка, и надежда на чудо неистребима... Если бы прорыв удался, на какое-то время все эти предметы должны были исчезнуть из настоящего, превратившись затем в бесценные сувениры... Но они не исчезли, и передаточный фиксометр застыл на нуле...

Интуитивно он чувствовал, что эксперимент прошел неправильно. Куда, к примеру, делись сотни гигаватт, выброшенные накопителями в пространство? Не могли же они исчезнуть бесследно! Ведь если передача не произошла, мгновенное выделение такого количества энергии должно было сопровождаться сильнейшим взрывом...

«Ваше счастье, — сказал руководитель центра, академик Амостин, — что не было взрыва!» И самое непонятное во всей этой истории как раз это — почему его не было.

Мартисон протянул руку и осторожно коснулся полированной поверхности передаточной площадки, ощутив холод, слишком глубокий для металла, словно он нес внутри себя ледящее дыхание той бездны, на которую человек замахнулся.

Мартисон повертел в руках чей-то хронометр, выуженный из кучи барахла, лежащего на площадке; часы даже не остановились...

Сотрудники всех отделов сочли своим долгом сунуть хоть что-то в уфурмер, словно это делало их участие в эксперименте более вещественным, более зримым...

А затем, торопливо покидая зал, хозяева хлама постарались забыть свою причастность к происшедшему. Кому хочется разделять неудачу?

В последний момент он попросил дежурного техника на всякий случай сделать опись предметов, надо будет проверить, все ли на месте... А, собственно, зачем? Чтобы лишний раз убедиться в педантичности Флоранса? Ведь это именно его клетки с мышами он не видел сейчас среди экспонатов... Хотя вот она, клетка. Задвинулась за угол уфурмера, и нечего разводить панику, волно-

ваться так, словно пропал по меньшей мере сейф с драгоценностями... Просто у него мелькнула шальная надежда.

Сердце не желало мириться с поражением, замерев на секунду, оно рвануло теперь с места и никак не хотело успокаиваться. Мысль упорно искала малейшую зацепку, опровергавшую отрицательный результат. Но ее не было.

И все же он снова и снова перекладывал с места на место экспонаты, разбросанные на площадке, словно искал ответ среди них. Ошибка в расчетах? Или неверна сама теория? Существует ли квант времени и что он собой представляет? Какова его природа — волна, частица? Сколько необходимо энергии, чтобы перевести экспериментальную массу с одного энергетически-временного уровня на другой?

Он не знал. Никто этого не знал. Чем сложнее проблема, тем абстрактнее, непостижимее для человеческого воображения выглядит ее математическое выражение. Разве можно представить себе давно знакомый электрон, существующий одновременно в нескольких местах? А ведь люди научились оперировать им не только в расчетных формулах...

Решение проблемы, на которую он замахнулся, не укладывается в рамки одной человеческой жизни. Возможно, через сотни лет сегодняшний эксперимент войдет в учебники по хроноанализу... Ему-то что из того? Вот она, его площадка, холодна и безжалостна. «Отрицательный результат — тоже результат». О, сколько раз этими словами утешали неудачников!

Что-то щелкнуло в выключенной машине. Остывал раскаленный металл генераторов, сжимались охлаждающие рубашки накопителей...

Формулы математических расчетов никогда не могли охватить всей проблемы в целом. Они выделяли из неведомого лишь малую часть, прорубали в нем узкий коридор, нередко заканчивающийся тупиком. И при этом бесчисленные ходы вариантов оказывались отброшенными, и именно в них чаще всего терялось заветное зерно истины.

Вот лишь одно из следствий его теории, так и не прочитанное до конца: при попытке пробить временной барьер он аккумулирует в себе затраченную энергию и

через время, обратно пропорциональное расстоянию пробоя, возвращает ее назад.

«Парадокс маятника» — так красиво была названа эта незавершенная часть теории; на просчет всех вариантов не хватило бы нескольких жизней, а его единственная давно перевалила за половину... Не стоит оправдываться... И, хотя бы себе самому, он имеет право признаться, что и сегодня не понимает, что это значит.

Древние алхимики, блуждая в потемках, смешивали флагистон с водотроном и вместо золота открывали серную кислоту, оставаясь не в состоянии даже оценить значение сделанного открытия. Не похож ли он сегодня на них? Так бывало всегда, когда теория отставала от практики, когда с помощью одного только опыта пытались вырубить очередную ступеньку в скале, по которой тысячи лет карабкается человечество. Впрочем, соблазнительная видимость приглаженной, логически завершенной теории существовала всегда, и не надо быть выдающимся математиком для того, чтобы, слегка изменив структуру формул, получить желаемый результат...

Что-то тихо загудело в уформере, чуть заметно качнулись стрелки приборов. Прыгнул к красной черте столбик одного из индикаторов...

Мартисон ничего не заметил. Он рассматривал клетку с морскими свинками, ту самую, что незадолго до эксперимента установил в самом центре площадки своими собственными руками. Позже вокруг набросали много различных предметов, и он наткнулся на нее лишь сейчас.

Он помнил, что запор на клетке заклинило. Он проверил его, подумав о том, что в зале будет полно приглашенных и публике вряд ли понравится, если по залу начнут разгуливать морские свинки... Но запор заело так прочно, что он не сумел открыть клетку и оставил это занятие. Помнится, он еще подумал, что лаборант вивария Малкин не сумеет извлечь отсюда своих питомцев без помощи хорошей ножовки... Сейчас эту клетку с заклинившимся запором и прочно закрытой дверцей он держал в руках. Не было только самих свинок... «Значит, они сумели сбежать из запертой клетки или запор на время «отклинило»... Он нарочно старался успокоить

себя этими простенькими, ничего не значащими словечками, потому что сердце опять рванулось к самому горлу, и только теперь он услышал ровный, нарастающий гул.

Генератор, площадка, на которой он стоял, да, кажется, и весь зал мелко вибрировали. Шкалы накопителей наливались малиновым светом, сигнализируя о поступлении на их приемники сотен гигаватт мощности... Невольно его растерянный взгляд метнулся к центральному энергетическому щиту, словно он не помнил, что все прерыватели разомкнули полчаса назад... Но в воздухе пахло озоном, а над кожухами накопителей тут и там вспыхивали голубые огни святого Эльма. Энергия, израсходованная в процессе эксперимента, возвращалась обратно.

«Вот он, эффект маятника! — молнией пронеслось в голове Мартисона. — Через несколько секунд здесь все превратится в плазму».

13

В жизни бывают моменты, которые потом уже не повторяются никогда. Если человек сумеет распознать свой счастливый случай, не упустить его — он становится на какое-то время баловнем судьбы. Но если он ошибется и примет желаемое за действительное — расплата может оказаться чрезмерно высокой.

Мартисон, стоявший на вибрирующей платформе генератора в центре пустого зала, чувствовал, как ледяная дрожь проникает в глубины его существа, сковывая мышцы. Лишь голова стала почему-то кристально ясной. В эти оставшиеся у него мгновения, когда еще можно было что-то изменить, он успел многое понять и о многом подумать. Он знал, что, если останется на площадке, бросок скорее всего повторится, маятник стремительно рванет в обратную сторону. Вся неизрасходованная энергия генератора уйдет на переброску его восьмидесятикилограммовой массы за барьер времени... Теперь он понял, что перемещение возможно лишь для живой ма-

терии. И не знал, останется ли она живой по ту сторону барьера.

Он подумал еще, что если сойдет с платформы, то не успеет добежать до вивария, да и не донести ему восьми-десяти килограммов живого веса, необходимого для компенсации энергетического броска... И тогда неизрасходованная энергия обрушится на этот зал. Вокруг полыхнет синее безжалостное пламя взрыва, и вместо здания института останется лишь глубокая воронка...

В этом была его собственная вина. Прежде чем братья за подобный эксперимент, следовало просчитать до конца все побочные эффекты... Вот только времени не хватило — слишком часто за последние месяцы его сердце становилось холодным замирающим комком, а так хотелось успеть, увидеть хоть какой-то результат... Вот теперь он его увидит и, возможно, успеет понять... Ради этого стоило рискнуть. Он стоял окаменев, стиснув руки, один на один с пустым залом, смотрящим на него в этот последний решающий миг холодными глазами циферблатов.

А затем его завернуло в тугую спираль, завязало в узел и швырнуло в ледяной мрак.

Очнулся Мартисон, лежа на знакомой площадке генератора. В пустом и темном зале не светился ни один огонек. Мысли текли неторопливо, медленно, следуя друг за другом, как поезда на полустанке.

Значит, был всего лишь обычный припадок. Он потерял сознание от сердечного приступа. Какая глупость — придумать себе несуществующий волшебный миг удачи... Ему было холодно, слишком холодно для обычного приступа. Он медленно, лениво приподнял руку. Мышцы повиновались с трудом. Почти без всякого удивления он не обнаружил на себе никакой одежды — ни единой нитки.

Всемирно известный ученый, руководитель нашумевшего проекта лежал на площадке своего детища совершенно голым. Этот второстепенный в общем-то факт показался ему чрезвычайно важным. Именно он заставил его преодолеть инерцию полузамороженного тела и, приподнявшись на руках, осмотреться — на спинке кресла, недалеко от платформы, висел чей-то рабочий халат. За-

кутавшись в него, Мартисон медленно побрел к выходу, тщетно пытаясь сообразить, который теперь час. Сколько времени он провалялся голым и почему, черт возьми, его раздели. Если это шутка лаборантов, то весьма странная... Воров в институте замечено не было.

Дверь вопреки его опасениям открылась сразу же, не работало ни одно электронное охранное устройство — и это поразило его больше всего остального.

Холл наполняли серые сумерки. В широкие окна не пробивался ни один луч света, хотя облака на Таире явление чрезвычайно редкое. Еще более странным показалось ему отсутствие за окнами холла привычного строительного ряда канадских сосен. Только сейчас он понял, что во всем огромном здании института, всегда полном жизни, стояла абсолютная, плотная, как вата, тишина.

Двигаясь словно во сне, он приблизился к выходной двери. Вахтера не оказалось за стеклянной кабинкой проходной. Вообще вокруг он не видел ни одного живого существа. Здание словно вымерло. Может быть, не только здание? Преодолевая неожиданно накативший страх, он рывком распахнул дверь. Центральный подъезд выходил на небольшую, украшенную соснами и газонами аллею. Не было ни газонов, ни аллей. Перед ним тянулся какой-то незнакомый бесконечный забор, весьма смутно напоминавший институтскую ограду. И в то же время он готов был поклясться, что это был все тот же самый забор — вот только внешний облик его неузнаваемо изменился. Он раздался, вытянулся в длинную линию, упиравшуюся в нескольких километрах отсюда в зеркальную стену. На стену Мартисон вначале не обратил особого внимания и обернулся, желая удостовериться, что, по крайней мере, здание института не изменилось, — однако знакомый до мелочей фасад растянулся вместе с забором до самого горизонта.

Странное состояние нереальности происходящего овладело Мартисоном, он словно находился в кошмарном сне и одновременно понимал, что все происходит наяву. И это понимание рождало внутри его какой-то первобытный ужас. Он попытался крикнуть, позвать кого-нибудь на помощь — губы искривились в напрасном усилии и не издали ни звука. Его окружал безмолвный и страшный

мир. Где-то вдалеке, уже у самого горизонта, в противоположной от барьера стороне, предметы теряли свою определенность, четкость контуров исчезала, забор как бы соединялся с фасадом дома, постепенно закручиваясь, вплетаясь в единую систему некой гигантской трубы или туннеля, внутри которого уже ничего нельзя было рассмотреть.

Оттуда несло ледящим душу холодом, хотя никакого ветра не ощущалось. словно он знал, что в этой трубе или, может быть, даже ближе, в сером тумане распадавшихся предметов, скрывается что-то ужасное.

Пока Мартисон разглядывал туннель, мир, в котором он находился, дрогнул. Тяжелый гулкий удар потряс его до основания, земля заходила под ногами. Единственный звук, сопровождавший этот удар, больше всего походил на заунывную жалобу колокола. И сразу же восстановилась полная тишина, предметы вновь обрели определенность и четкость. В первое мгновение ему показалось, что ничего не изменилось, но вскоре Мартисон заметил, что барьер, отрезавший всю восточную часть здания, теперь приблизился...

Привыкнув несколько к ощущению скрытой опасности, исходящей от туннеля, Мартисон попытался двинуться к нему, лишь бы отдалиться от барьера, как бы символизировавшего собой окончательную границу мира, в котором он пребывал.

Он шел вдоль забора по тому месту, где раньше находился газон. Сейчас под ногами у него лежала рыхлая мертвая полоса земли, без единой травинки. Первый же шаг в этом направлении потребовал значительного усилия, словно ему мешала идти некая невидимая упругая мембрана, с каждым шагом наращивающая сопротивление. Сил у него хватило на десять-двенадцать шагов, но едва он остановился, как давление исчезло. Повернувшись, Мартисон попробовал двигаться в обратную сторону и убедился, что таинственная сила, остановившая продвижение к туннелю, теперь как бы подталкивает его. Казалось, ему в спину дул сильный ветер, грозящий оторвать его от земли и понести навстречу барьеру. Ему вовсе не хотелось пассивно подчиняться этой невесть от-

куда взявшейся силе. Едва он остановился, как давление вновь исчезло.

Даже в этих экстремальных обстоятельствах Мартисон прежде всего оставался исследователем. И, возможно, именно это заставило его еще раз сменить направление. Теперь он удалялся от института и приближался к забору, не испытывая при этом никакой помехи своему движению.

Раз уж он очутился в мире кошмарного сна, следовало изучить его законы и получить максимум возможной информации. Инстинкт заставлял его держаться подальше от барьера. Свободными для движения оставались лишь два направления — зал, из которого он вышел, оканчивался глухой стеной. Значит, ему придется перелезть через забор... Лет двадцать тому назад такая задача показалась бы ему случим пустяком.

В конце концов ему все же удалось преодолеть это препятствие, и он очутился на улице. Посреди дороги в полной неподвижности застыл кар без пассажиров. Мартисон подумал, что середина проезжей части вряд ли подходит для стоянки и что причина в другом... Он еще не пытался анализировать полученную информацию, мозг с трудом справлялся с лавиной новых фактов.

Беспрепятственно перейдя дорогу, Мартисон очутился перед входом в здание ремонтных мастерских, неестественно вытянувшихся на несколько кварталов так же, как и сам институт.

Сердце бешено колотилось, и шум крови в ушах был единственным звуком, сопровождавшим его движение. Он чувствовал нарастающую панику. Логика мира, в котором он теперь находился, противоречила всему его опыту и знаниям, к тому же здесь таилась скрытая и все нарастающая угроза. Оттого, что он не мог понять, в чем она заключалась, он чувствовал постепенно усиливающийся страх. Он боялся войти в здание и боялся оставаться на улице. Он чувствовал себя беспомощной крошечной букашкой, муравьем, попавшим на чужой стол и навсегда потерявшим обратную дорогу к родному муравейнику...

Вдруг снова прогрохотал удар невидимого маятника (или, может быть, колокола?). Мир вокруг него вновь

содрогнулся. В этот раз он успел увидеть, какой огромный прыжок сделал по направлению к нему устрашающий серебристый барьер...

Его поверхность слегка колыхалась, по ней беспрестанно пробегали яркие блики, словно барьер находился внутри гигантского, поставленного набок аквариума. Такой видят поверхность моря аквалангисты, когда смотрят на нее из-под воды? Что произойдет, если барьер коснется его тела? Как долго хватит у него сил сопротивляться его роковому приближению? Мартисон понимал, что времени до того, как барьер коснется его, осталось совсем немного.

Вдруг он заметил, что блестящая пленка барьера на секунду выгнулась, приобретая зримые очертания человеческого тела, словно кто-то с противоположной стороны пытался преодолеть препятствие... И это ему удалось... Пленка посветлела в том месте, где вырисовывалась фигура, а еще через мгновение на дороге, в сотне метров от Мартисона, появилось человеческое существо... Это был мужчина средних лет, одетый в строгий черный костюм. Едва позади него сомкнулась пленка барьера, как он сосредоточенно, не обращая никакого внимания на окружающее, зашагал по дороге к тому месту, где стоял Мартисон.

Когда расстояние между ними сократилось до нескольких метров, Мартисон заметил, что глаза незнакомца закрыты... Он шел как сомнамбула, механически переставляя ноги в своем целеустремленном движении к черному раструбу, которым заканчивалась эта дорога.

— Эй! Послушайте, кто вы? Почему вы здесь оказались?

— Харисон Петр. В предыдущем мире мой путь закончен. — Ответив ему, человек не изменил своего движения и не открыл глаз.

— Вы знаете, где находитесь?

— Конечно. Это мир, в который уходят все умершие.

Человек двигался очень быстро и, по-видимому, не испытывал сопротивления среды, которое совсем недавно остановило Мартисона. Наконец незнакомец поравнялся с ним и пошел дальше, даже не посмотрев в сторону того, кто задавал ему столько вопросов. Впрочем, его

бледные, плотно сжатые губы не шевельнулись ни разу, голос звучал в голове Мартисона.

— Вы знаете, как отсюда выбраться?

— Конечно. Идите за мной.

Мартисон попытался это сделать и вновь ощутил на себе неумолимое давление, словно на плечи ему обрушилась чудовищная тяжесть. Он отстал на первых же шагах и вскоре был вынужден остановиться.

— Вы не могли бы подождать меня?! — Он прокричал это вслед Харисону с отчаянием, понимая уже, что навсегда теряет едва обретенного и единственного здесь спутника.

— На этой дороге нельзя останавливаться. Прощайте.

Вскоре фигура его недавнего собеседника уменьшилась, постепенно сливаясь с серым туманом, клубящимся у начала черной трубы. Внутри этого тумана возникло какое-то зловещее движение. Сверкнули красноватым блеском два огромных, узких в разрезе глаза и тут же исчезли.

Дорога вновь опустела. Раздался следующий удар гонга, и барьер приблизился к Мартисону еще на десяток метров...

14

С той стороны, куда скрылась фигура Харисона, подул ледяной ветер. Мартисон не ощущал его давления. Ветер словно дул внутри его, замораживая желание двигаться и саму надежду выбраться отсюда.

С трудом преодолевая его парализующее влияние, он подобрался к двери, ведущей в проходную ремонтных мастерских.

Он хорошо знал эти службы и потому надеялся здесь укрыться, отдышаться, прийти в себя... Вот только солидная металлическая дверь с внутренней системой запоров будет, конечно, закрыта, и ему не преодолеть такого препятствия... Но вопреки его худшим опасениям дверь легко подалась, и он очутился в длинном полутемном коридоре, освещенном все тем же тусклым сумеречным светом, струящимся в окна.

Коридор, однако, заканчивался не турникетом пропускного автомата, который должен был тут находиться, а широкой мраморной лестницей, устланной ковром и ведущей на второй этаж, откуда доносились музыка, звон бокалов и гул голосов — первые звуки, услышанные им в этом мире. Его так поразил вид этой несуразной в здании ремонтного завода лестницы и шум пирушки, доносящийся со второго этажа, что он замер подле захлопнувшейся за его спиной двери и стоял там неподвижно, вслушиваясь в неясный шум и пытаясь понять по отдельным звукам, что, собственно, здесь происходит. Но ничего, кроме ровного гула, разобрать так и не сумел.

Он хорошо помнил: в этом здании вообще не было второго этажа, и тем не менее вот она, перед ним, лестница, ведущая наверх... Неожиданно до него донесся звук, заставивший Мартисона вздрогнуть и прислушаться.

Да, несомненно, в глубине коридора, слева от лестницы, слышался тихий, едва слышный женский плач и всхлипывания.

Крадучись Мартисон направился в ту сторону, раздираемый противоречивыми чувствами и каждую секунду ожидая расплаты за свою смелость.

Женщина сидела в темном закутке подле лестницы, упершись лбом в колени, и тихонько, горестно всхлипывала. Широкий бесформенный плащ свисал с ее плеч. Мартисон не мог рассмотреть лица женщины, зато невольно отметил длинные полные ноги, обнаженные значительно выше колен сбившимся плащом. Старинные эластичные пластиковые чулки на них показались ему слишком уж вызывающими.

Ошарашенный, сбитый с толку всем увиденным, он остановился подле женщины и, не отводя взгляда от ее ног, спросил почему-то равнодушным, без всякого намека на участие голосом:

— Отчего вы плачете?

Женщина подняла голову, тряхнула ею, освобождая лицо от волны темных волос, и посмотрела на Мартисона совершенно сухими и тем не менее странно блеснувшими в полумраке глазами.

— Я оплакиваю твою судьбу, Эдмунд. Я оплакиваю всех, кто сюда приходит.

Ее лицо, словно вырезанное из мрамора, показалось ему слишком бледным. Проглотив комок, застрявший в горле после ее слов, он произнес внезапно пересохшими губами совершенно дурацкую фразу:

— Но здесь, кажется, довольно весело проводят время...

— Ты так считаешь?

Ему показалось, что ее глаза под копной темных волос светятся медным металлическим блеском. Неожиданно одним движением ног она встала. Ни один акробат не сумел бы проделать подобный фокус, не коснувшись руками пола. Но ей это удалось. Сбросив плащ из грубой материи, она вдруг оказалась в открытом вечернем платье, усыпанном золотыми блестками. Не глядя ему в лицо и едва заметно усмехаясь, она произнесла:

— Тогда пойдем повеселимся.

Он хотел возразить, но ее рука с неожиданной силой легла на его плечо, и ноги, словно сами собой, понесли Мартисона вслед за ней к лестнице. Наконец, собравшись с силами, он сказал:

— Я пришел сюда вовсе не веселиться. Куда ты меня ведешь?

— Сюда многие приходят не за тем, что находят. Тем не менее никто еще не сумел изменить предначертанного в нашем мире.

Они уже поднимались. Он все еще надеялся внести какую-то предварительную ясность, узнать хоть что-то о неведомой цели, к которой его вели, не замечая его робких попыток остановиться.

— Видите ли, я ученый, я построил машину, способную проникать в будущее, очень недалеко, но все же... И я совершенно не понимаю, что здесь происходит, куда я попал?

— Люди часто старались достигнуть того, что им абсолютно не нужно. Они никогда не считались с законами жизни, с правами других существ. Они слишком долго оставались безнаказанными. Но теперь это изменилось.

Прежде чем он решил, что ей возразить, лестница кончилась.

Верхний зал не походил на зал для развлечений — скорее это была какая-то контора. Шум застолья доносился из-за стены, в которой виднелась наглухо закрытая дверь. К ней между рядами длинных столов вела ковровая дорожка. За столами сидели то ли чиновники, то ли служки какой-то секты в белых бесформенных балахонах. Над каждым столом красовался написанный крупными буквами прейскурант. Тут и там кучками робко толпились странные, неопределенного вида личности. Над чиновником, к которому женщина подвела Мартисона, тоже висел большой белый лист. Мартисон прочитал:

«Первая ступень приобщения — сто кредосов. Разговор по душам — двести. Вдыхание сатрической энергии — пятьсот кредосов. Благоговение в братской среде — тысяча кредосов».

Лихорадочно роясь в карманах своего дырявого халата, Мартисон уже понял, что выбраться из этой переделки будет стоить весьма недешево. Однако, как ни странно, прейскурант подействовал на него успокаивающе.

— Кого ты привела, Лила? — спросил «брат», к которому они подошли.

— Особый случай. К его преподобию.

— Хорошо. Тебе виднее, куда его определить.

Стол сам собой повернулся, словно он и был тем турникетом, который Мартисон тщетно пытался обнаружить на первом этаже. Открылась небольшая темная дверца без всяких дорожек и украшений. Чтобы пройти в нее вслед за Лилой, Мартисону пришлось нагнуться.

В просторной комнате, в высоком кресле из черного мореного дуба, спал мужчина в малиновой рясе. Небольшая темная бородка на холемом полном лице и капризно изогнутые брови придавали ему выражение высокомерия даже во сне. Впрочем, насчет сна Мартисон был не вполне уверен, потому что, не меняя позы и не открывая глаз, преподобный спросил:

— Ну, что там еще? Опять ракшасы?

— Нет, ваше святейшество. Визитер из внешнего мира.

Глаза моментально открылись. Мартисон отметил про себя их раскосость, отсутствие зрачков и тот же странный металлический блеск в глубине радужной обо-

лочки, который он заметил у Лилы. Мужчина как-то весь подтянулся, под одеждой напряглись стальные мускулы, взгляд стал жестким и словно бы приобрел способность проникать в глубь сознания Мартисона.

— Чего ты хочешь?

— Я? Собственно, ничего... — Не готовый к этому вопросу, Мартисон совершенно растерялся.

— К нам, карменам, не приходят ради развлечения. Итак, что тебе нужно?

— Я действительно не знаю... Я не ожидал встретить здесь людей...

— Мы не люди. — Мартисону показалось, что, прозвучав слово «люди», преподобный не удержался от презрительной гримасы. — Странное вы племя. Всей жизни лет восемьдесят, и большую половину проводите в погоне за ненужным барахлом. Тебе нравится лежать в постели?

— Спроси его о захвате... — прошептала Лиля, нагнувшись.

— Наши дома сжигают. Нам кажется, захват приходит из вашего мира...

— Что такое «захват»?

— Так мы называем разрушение городов и целых поселений, входящих в федерацию.

— Ах это... Да, действительно, к нам обращались с подобной заявкой.

— Кто они?

— Это коммерческая тайна. Мы не выдаем секреты своих клиентов.

— Но зачем? Что им от нас нужно?!

— А зачем вы вырубаете леса? Потому что вам нужна древесина, не так ли? А теперь, когда кому-то понадобились планеты, на которых вы живете, вы сразу начали возмущаться. Займись им, Лиля. Я отдаю тебе этого ученого глупца.

Утратив интерес к беседе, преподобный вновь закрыл глаза. Лиля, прижав палец к губам, направилась к выходу, потащив Мартисона за собой.

Вскоре они очутились в комнате, обставленной с древней роскошью. Здесь стоял массивный дубовый стол, уставленный старинной посудой и яствами. Марти-

сон сразу же почувствовал необычайно сильный приступ голода, хотя до этого и не думал о еде.

Посреди стола, окруженная роскошно сервированными блюдами, возвышалась задняя бабка токарного станка, покрытая машинным маслом и ржавчиной. Совершенно потрясенный, Мартисон уставился на этот неуместный здесь кусок металла.

— Извини, иногда они прорываются, — сказала Ли-ла непонятную фразу, провела над столом рукой, и бабка исчезла, сменившись широкой вазой с цветами.

«Показалось? — подумал Мартисон. — Нет. Здесь что-то не то». Он потрогал гладкую поверхность вазы, словно желая убедиться в ее реальности, и вопросительно уставился на Лилу. Та лишь пожала плечами, не считая нужным ничего объяснять, присела рядом с ним, налила бокал вина.

Сдерживая свой усиливавшийся с каждой минутой голод, он засыпал ее вопросами, большинство из которых она попросту игнорировала.

— Откуда ты знаешь о захвате?

— Ваш мир находится рядом с нашим, сразу за первым барьером. Мы стараемся узнавать как можно больше о делах ближних соседей. С противоположной стороны, в десяти ударах маятника, расположен мир ракшасов. Они причиняют нам много беспокойства.

— Но каким образом вы получаете информацию о нашем мире? Разве барьер для вас прозрачен?

— Нет. Но некоторые особо одаренные наши чародеи умеют проходить через него.

— Вы можете влиять на наш мир, на исход войны?

— Это нетрудно. Наш мир называют «истоком». У нас берут начало все вещи вашего мира. Здесь находятся их зародыши, чертеж, по которому развиваются события после того, как они попадут за барьер времени, в настоящее вашего мира. Стоит слегка их подправить, изменить расположение некоторых предметов... Ну ешь, не стесняйся. — Ли-ла внезапно потеряла интерес к беседе. Она встала и прошла в угол комнаты к пузатому комоду с многочисленными ящиками.

Занявшись утолением своего зверского аппетита, Мартисон не сразу сообразил, что она делает.

Голова кружилась от целого потока мыслей, никогда ранее не посещавших его. Выходит, люди каким-то образом сами виноваты в захвате? Они сами навлекли его на себя безответственными действиями? И, значит, кто-то взвешивает меру их поступков, определяя ту самую карму, которая затем обрушивается на них из будущего? Неужели в эти мгновения он находится там, где это происходит? Но вместо того, чтобы разбираться во всем этом, он лопает крабы под майонезом и, кажется, почти доволен судьбой. Вот разве что эта женщина слишком уж холодна к нему.

Лила нагнулась над комодом, платье четко обрисовало ее крутые бедра, тонкую талию, и лишний раз ему пришлось напомнить себе о возрасте и обо всем прочем. Хотя что он знает о законах этого мира, о своих новых возможностях и правах? Раз уж он сумел, может быть, первым среди миллионов людей прорваться сюда сквозь непреодолимый барьер, должна же быть за это какая-то награда. Он как раз думал о несправедливости собственной кармы, когда на роскошном кожаном диване появилась белая льняная простыня, заставшая знаменитого ученого врасплох, и он спросил, заикаясь:

— Вы что же, спать собираетесь? Я, наверное, мешаю?

— Собираюсь. С тобой. Посмотрим, на что ты годишься.

Аппетит у него как-то сразу пропал, и только сейчас, после этих слов, он понял, насколько ошеломляющей, неземной красотой красива эта женщина, насколько она может быть желанна и насколько недоступна для него своей молодостью, всей несуразностью этой, возможно, и не существующей даже в его реальном мире встречи. Его покорила прямота и безапелляционность сделанного ею предложения, и, не отрывая взгляда от ее бедер, он слабо возразил:

— Я как-то, знаете ли, не готов... У нас так не принято. К тому же — возраст. Сердце иногда пошаливает...

Лила перестала разравнивать простыню и, повернувшись к нему лицом, начала медленно расстегивать какую-то брошку у себя на плече.

— Ты, кажется, хотел отсюда выбраться?

— Да, конечно... Но при чем тут?..

— Мог бы и заметить, что в нашем мире за все положено платить.

— Но у меня здесь нет денег... Даже одежда не моя!

— Не будь дураком! Кому нужны твои деньги?!

Она наконец справилась со своей брошкой, и платье неожиданно, все сразу, упало к ее ногам. Он почти предвидел, что под ним не окажется ничего, кроме прозрачных чулок и пояса. И все же вид ее обнаженного тела подействовал на него, как удар. Она стояла перед ним во всей ослепительности своей наготы. Кожа этой женщины слегка отдавала бронзой, словно тот же неведомый металл, что светился в ее глазах, оставил отпечаток и здесь. Мартисон попытался отвести взгляд, но не смог этого сделать и тотчас сказал себе, что это не имеет значения. Он любит ее, как любят прекрасными бронзовыми статуями в музее... Увы, это было не так... К тому же Лила шагнула к нему и неожиданно очутилась совсем рядом.

Дом содрогнулся от удара уличного метронома, и Лила прошептала, нагнувшись к самому его уху:

— Поспеш, дурачок. У нас очень мало времени.

15

Это был бесконечный день, похожий на сотни одинаковых, как осенние листья, таких же дней. Даже любимая работа ничего не меняла. Хуже всего было сознавать, что вечер тоже принесет мало нового.

Мартисон стоял у окна своей лаборатории. Он теперь часто стоял у этого окна. Может быть, потому, что отсюда хорошо был виден угол плоского здания, в котором размещались ремонтные мастерские, — того самого здания... Ничего в нем не было, кроме грязи, ржавого металла да старого хлама. Ничего. Именно этот хлам он и увидел вокруг себя, когда очнулся после возвращения. Хорошо хоть ночью это произошло и никто не заметил шефа проекта в рваном рабочем халате, наброшенном на голое тело...

Он до сих пор не понимал, почему в одну сторону ма-

териальные предметы не переносились, а обратно... Многого он пока не мог объяснить, один эксперимент — ничтожно мало для установления законов целого мира.

Кое в чем, однако, за прошедшее время ему удалось разобраться. Например, ему стало ясно, что для возвращения нужно было лишь дождаться, пока истекут те самые десять наносекунд, на которые вынес его вперед энергетический импульс тм-генератора.

За барьером, в его биологическом, объективном времени, они равнялись примерно десяти часам. И нет такой силы, которая могла бы задержать или продлить эти часы... Ему не надо было просить о возвращении, и, следовательно, она его обманула, потребовав плату за услугу, в которой он не нуждался... Она называла это платой...

Он вспомнил ее губы, сухие, горячие, и ногти, впившиеся в его плечи. До сих пор, если хорошенько всмотреться, можно заметить их следы... Но они скоро пройдут, как пройдет и забудется все остальное.

В ее мире трудно отличить реальность от воображаемых фантомов. Он вспомнил деталь станка, превратившуюся в вазу с цветами. Вернувшись, он увидел ее вновь, не вазу, конечно... И подумал, что все случившееся с ним так же эфемерно и неповторимо, как эта ваза.

И самое неприемлемое для него состояло как раз в том, что так трудно было объяснить, втиснуть в рамки человеческой логики законы мира, в котором она существовала.

Мир десяти наносекунд... Он успел узнать о нем так мало... Он и представить себе не мог, что внутри тончайшей пленочки времен может скрываться целый мир, населенный живыми, разумными обитателями. Он и сейчас не мог полностью посвятить себя изучению законов открытой им новой вселенной.

Гораздо более насущные, более важные проблемы властно предъявили претензии на его время.

Правительство получило ультиматум. Таире в ближайшие два месяца придется испытать на себе первую стадию захвата. Он хорошо представлял, какой она может быть.

Институт работал теперь только на оборонные зака-

зы. Хотя никто из военных не мог объяснить, с кем, собственно, они собираются сражаться. Сегодня, в который уж раз, заседает совет обороны. Они снова будут разгребать ворох добытых Мартисоном фактов, искать возможность защиты. Опять ему придется отвечать на неудобные вопросы.

Он рассказал им все. Почти все... Кроме самого способа перехода и кое-каких событий, происшедших с ним лично. Он попытался представить это как некое психологическое проникновение чистого сознания, поддержанного мощным энергетическим импульсом... Как ни странно, они вполне поверили в эту белиберду. Ему приходилось лишь заботиться о сведении теоретических концов с собственными «наблюдениями».

Но стоило скрыть хотя бы один эпизод, как логическая цепочка разрушалась. Словно могла существовать какая-то логика во всем, что с ним приключилось... Словно все это не было его личным делом... Словно был кто-то, кто мог судить об этом лучше его самого...

Подошел старший лаборант Эстебан Флоранс и попросил вырубить систему защиты в нижнем складе. Что-то ему там понадобилось. Мартисон не стал вникать в подробности. Они работали вместе много лет и полностью доверяли друг другу. Лишь они двое одновременно могли отключить защиту своими разными ключами. Сегодня Мартисон испытал особенно сильный приступ раздражения по поводу громоздких и совершенно бессмысленных в случае начала настоящего захвата мер безопасности. К тому же его неожиданно оторвали от созерцания ремонтных мастерских, а он не любил, когда это происходило. Много изменилось в его характере и привычках после возвращения.

Он даже не спросил Эстебана, что ему понадобилось в хранилище генераторного топлива.

Он просто вставил свой ключ в контрольную панель, повернул его и постарался скорее забыть об этом. Через два дня намечались новые испытания тм-генератора, и он хотел предусмотреть каждую мелочь в организации этого мероприятия, чтобы повторить еще раз предыдущий трюк с преодолением барьера.

Он даже не попытался добиться от совета официаль-

ного разрешения на новый эксперимент. Ему достаточно было представить, что начнет твориться в его родном институте, если только они узнают о самой возможности прохождения барьера человеком... Он вообразил себе космического десантника, в полном снаряжении стоящего на металлической платформе генератора, и потом его же, но уже совершенно голого, входящего в комнату, украшенную коврами...

Поздно вечером, после заседания «оборонщиков», Мартисон вышел из здания совета и направился к своему персональному кару.

Он миновал внутреннюю линию охраны, в четвертый раз предъявил свою карту личности и опознавательный код и уже совсем было собрался сесть в машину, когда из бокового подъезда к нему решительно направились двое людей в униформе охранников.

— Эдмунд Юрг Мартисон?

— Да, это я. Что вам угодно?

— Пройдемте с нами.

— Что это значит?

— Вам все объяснят.

— Я что, арестован?

— Ну разумеется, нет. Нам лишь приказано пригласить вас для беседы.

— Кто вы такие? Предъявите ваши...

Он не успел закончить фразы, из ствола парализатора хлестнула голубая молния. Мартисона ловко подхватили под руки и усадили в его собственную машину. Один из оперативников сел за руль, второй — сзади.

Когда к Мартисону вновь вернулась способность двигаться, его кар уже несся по загородному шоссе. Едва они свернули на боковую дорогу, как Мартисон понял, куда его везут. Дорога вела к федеральному Управлению ВИББа. Ему следовало догадаться об этом раньше. Местные власти никогда бы не осмелились вести себя подобным образом с членом совета обороны.

Но и это ничего не объясняло. Даже УВИВБ не стал бы арестовывать представителя местной администрации, да еще известного ученого, без очень серьезной причины. Мартисона не просто арестовали, против него при задержании применили оружие без особой на то необходимос-

ти, а это уже совершенно другая статья... С ним обошлись как с серьезным злоумышленником.

Должно было произойти нечто уж вовсе из ряда выходящее, чтобы УВИВБ решился на подобный шаг. И он, человек, только что проведенный на заседании совета обороны несколько часов, ничего об этом не знал. Существовало лишь одно правдоподобное объяснение. Вернее, два: или что-то случилось на протяжении последнего часа и новость не успела пройти через информативные каналы совета, или ее тщательно скрывали даже от членов совета... В обоих случаях это не сулило ничего хорошего.

Ему не пришлось слишком долго ломать голову над неразрешимой загадкой. Машина развернулась перед серым невзрачным зданием, и вскоре Мартисон очутился в небольшой камере. «Разве что наручники не надели», — подумал он с горечью, почти не испытывая возмущения. Он подозревал, что это, как и выстрел парализатора, всего лишь психологический прием, направленный против задержанного, позволяющий сломить его волю к сопротивлению и добиться нужной информации.

Вот только он не знал, какой информации от него добывались, и сколько ни прогонял в своей памяти события последних дней, включая эксперимент с тм-генератором, не мог найти среди них ничего такого, что могло бы вызвать подобные действия УВИВБа. Конечно, он скрыл некоторые факты и обстоятельства последнего эксперимента, но это касалось его лично, возможно, администрации института, но уж никак не Управления Безопасности.

Он воспринял свой арест почти как должное, как нечто само собой разумеющееся, будто в глубине души считал себя человеком, преступившим закон. К этому примешивалось еще и какое-то непонятное равнодушие, словно ему было совершенно безразлично то, что с ним происходило в данный момент.

Лишь часа через два его пригласили на допрос. Дознание вел старый опытный сержант зверского вида. Уже по его званию Мартисон понял, что это продолжение психологической атаки, и отказался отвечать на во-

просы кому бы то ни было, кроме Грумеда, руководителя местного отделения УВИВБа.

Его упорство дало результаты — не прошло и получаса, как он сидел в кабинете Грумеда, которого прекрасно знал по докладам и совместным дискуссиям в совете обороны.

— Прошу меня извинить за превышение полномочий моими сотрудниками. В связи с началом захвата некоторые из них совершенно потеряли голову.

— Давайте обойдемся без сантиментов. Скажите просто, в чем меня обвиняют?

— А вы не догадываетесь?

— Понятия не имею.

Грумед тяжело вздохнул, передвинул на столе коробку с компьютерными дисками и проговорил, пристально глядя в глаза Мартисону:

— Два часа назад со склада вашего института исчез цирконий-два. Весь его запас. Я хотел бы выяснить, куда он мог деться из помещения, доступ в которое имели всего два человека, один из которых убит.

Наверное, рухнувший потолок не смог бы произвести на Мартисона большее впечатление. Он почувствовал, как ледяная рука схватила его за горло, сдавила сердце. Суетливо рассыпая на столе какие-то крошки, он достал капсулу сердечного нейтрализатора и лишь через минуту-другую вновь обрел способность говорить.

— Хорошее средство, — одобрительно проговорил Грумед, очевидно, полагая, что нейтрализатором Мартисон воспользовался исключительно для того, чтобы обдумать ответ.

Мартисон всегда недолюбливал этого внешне безукоризненно вежливого, холодного человека, бывшего оперативника, добившегося за короткий срок слишком большой власти в провинции. За показной интеллигентностью Грумеда скорее всего скрывалась жестокость, любовь к интригам и холодный расчет.

Однако после известия о похищении циркония Мартисона перестал интересоваться и сам Грумед, и его проблемы, да, пожалуй, и весь УВИВБ вообще.

Если цирконий действительно пропал (а сомневаться в этом не было никаких оснований, характер его ареста

говорил о происшествии именно такого масштаба), если цирконий не найдут в ближайшие несколько дней, то повторное испытание тм-генератора, на подготовку которого он затратил столько сил и времени, не состоится вообще...

— Давайте начнем наш анализ событий с периода более раннего, с того самого момента, когда, как мне кажется, и была заложена основа того, что произошло сегодня. Я хотел бы вернуться к вашему докладу на совете обороны об испытании тм-генератора, — гнул свое Грумед.

— Вы наверняка знакомы с моим докладом. Там есть что-то неясное?

— Конечно. Вот, например, вы говорите о том, что транспортировка каких-либо предметов или субъектов за тм-барьер невозможна. Каким же образом вам самому удалось через него пройти?

— В физическом плане я там не был. Транспортировалось лишь мое сознание.

— И, следовательно, вы утверждаете, что никакое воздействие на тм-мир невозможно?

«Уже и название придумали», — устало, без всякого раздражения подумал Мартисон.

— Возможен лишь взаимный обмен информацией, в том случае, если вы, конечно, сумеете заинтересовать в подобном обмене противоположную сторону.

— Оставим пока информацию. Как вы объясните собственное исчезновение из камеры транспортировки в момент броска?

Мартисон похолодел. Однако ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Хорошо. Тогда посмотрим небольшой фильм.

Грумед нажал на панели своего стола какую-то кнопку, и сразу же перед ними возникло четкое цветное голографическое изображение транспортировочной камеры тм-генератора. Мартисон стоял посреди круглой стальной площадки, стиснув руки и словно стараясь стать незаметнее. Часы на стенде показывали восемь пятнадцать — точное время начала эксперимента. Затем что-то щелкнуло в аппаратуре. Какое-то время, кроме вихря

помех, ничего не было видно. Но почти сразу же четкость восстановилась. Прямо перед ними в воздухе на долю мгновения застыл его собственный костюм. Пиджак, рубашка, галстук, туфли и даже часы существовали теперь в пространстве без своего хозяина.

Лишь через секунду все это рухнуло на пол беспорядочной грудой. И почти сразу же съемочная камера отключилась.

— Что вы на это скажете?

— Прежде чем устанавливать у меня в институте подобную аппаратуру, вы обязаны были зарегистрировать ее и получить мое согласие. Эта съемка незаконна и, следовательно, не может быть использована как доказательство на судебном процессе.

— Никакого процесса и не будет. После начала захвата здесь объявят военное положение. Его законы предоставят в мое распоряжение особые полномочия. Будьте уверены, я сумею ими воспользоваться. Если, конечно, мы не договоримся о сотрудничестве. Подумайте об этом на досуге.

16

Знакомый голос шептал в голове Мартисона неуловимо странные слова... Он лежал на тюремной койке в одиночной камере. Время в одиночке тянется бесконечно. Явь плавно переходит в сон, переливается обратно... Где-то на грани сна и яви возник этот шепот, похожий на шелест трав.

Несколько минут он пытался вспомнить хотя бы одно слово, но ничего не осталось в памяти, кроме самого звука. Впрочем, и звука никакого не было. Шелестели в сознании тени каких-то слов и уходили без следа, не в силах пробиться на грань понимания.

— Лила? — спросил он просто так, на всякий случай, потому что сам звук этого имени был ему приятен.

И шепот ответил:

— Наконец-то ты вспомнил, как меня зовут...

— Я не забывал о тебе. Я хотел прорваться через барьер еще раз, но ничего не вышло.

— Я знаю. Теперь, когда ты назвал мое имя, я могу с тобой хотя бы говорить.

— Хорошо. Поговори со мной, пока я сплю.

— Ты не спишь.

— В самом деле? — Он встал и прошелся по камере. Четыре шага от двери до стены с зарешеченным окном — четыре шага туда, четыре шага обратно. — Ты все еще слышишь меня, Лила?

— Я слышу. Каждый раз, когда ты вслух назовешь мое имя, мы сможем разговаривать.

— Ты можешь видеть меня?

— Нет. Я даже не знаю, в каком месте ты находишься. Но преподобному известно все, что с тобой произошло, и случайно я узнала, что человек, которого зовут Грумед, хочет тебя убить. Тогда я постаралась пробиться к тебе хотя бы во сне, и наконец ты ответил...

— Убить? Зачем ему меня убивать?

— Ты можешь помешать захвату. Машина, которую ты сделал, позволяет вступать с нами в контакт, и они этого очень боятся.

— Но при чем здесь Грумед? Разве он имеет отношение к захвату?

— Он ваш враг. Ты не знал этого?

— Грумед должен был бороться с захватом... А ты не ошибаешься?

— Преподобный никогда не ошибается. Я слышала, как Грумед разговаривает с ракшасами, они разрушают один из ваших миров, находящийся в другом месте. Не помню, как он назывался.

— Земля?

— Да, кажется, так. Что ты собираешься делать?

— Еще не знаю. Мне надо подумать.

— Я могла бы помочь тебе...

— Помочь? Мы даже разговариваем с трудом. Что ты можешь сделать?

— О! Очень многое! Не забывай, что все предметы вашего мира сначала проходят через наш...

Вдруг его осенило.

— Ты можешь свободно менять их местами?

— Конечно. И не только это. Именно так и воздействуют на ваши миры те, кто руководит захватом. Они до-

говорились с ракшасами, и я хорошо знаю, как они это делают. Вот только назначение большинства предметов в вашем мире для меня непонятно. Но если ты скажешь, что я должна делать...

— А почему вообще ты решила мне помочь?

— Не догадываешься? Мы обменялись с тобой противоположными энергиями. По законам нашего мира я обязана теперь тебя опекать. Это и есть договор, или союз, как это называется у вас. Он сохраняет силу до самой твоей смерти. Кроме того, ты мне понравился. Я ведь сама тебя выбрала, никто меня не заставлял. Путники из внешнего мира появляются у нас так редко... Некоторые ждут своего избранника по нескольку тысяч лет, так что мне еще повезло...

Ему не очень понравилось ее признание, но он не стал ничего уточнять.

После скудного ужина его вновь вызвали на допрос. Грумед на этот раз выглядел озабоченным и почти не скрывал раздражения. Что-то у него явно не ладилось в хорошо продуманной операции с арестом Мартисона. Он даже не счел нужным скрывать причины своего настроения.

— Не ожидал, что из-за вашего исчезновения поднимется такой шум. Мне приходится выдерживать очень серьезное давление не только со стороны правительства Таиры. Даже Земля вмешалась... Несмотря на захват, они сумели отправить специальный корабль. От меня требуют, чтобы я немедленно нашел похитителей. — Он нехорошо усмехнулся. — Так что к моменту прибытия специальной земной группы, которая должна помочь в ваших розысках, мне придется прятать все концы этого дела. Очень вы всем нужны, Эдмунд Юргович. И, кажется, я догадываюсь почему...

— Вы правильно догадываетесь. Без меня тм-генератор не будет работать.

— Ну, существуют разные методы заставить вас сотрудничать. У нас неплохие специалисты ментальных методов проникновения в сознание. Есть и набор психотропных средств...

— Я предусмотрел подобную возможность. — Грумед весь напрягся и подался вперед. Чувствовалось, что

он попал в цейтнот, в чем-то просчитался и именно поэтому становился по-настоящему опасен. Мартисон, усмехаясь, продолжил: — Откровенность за откровенность. Я создал матрицу центрального управляющего процессора тм-генератора на жидких гелях специально для того, чтобы защитить заложенную в него информацию от посторонних. Как только отключается питание, его структура возвращается в желеобразное состояние. Сейчас это просто кусок студня.

— Но структура должна восстановиться после включения питания!

— Разумеется, нет. В этом и состоит изюминка моего изобретения.

— Так скажите, что нужно сделать, чтобы ее восстановить! Не вынуждайте меня прибегать к крайним мерам.

Выдержав эффектную паузу, Мартисон совершенно искренне произнес:

— Я не знаю, как восстановить структуру процессора тм-генератора.

— Не говорите ерунды. Как же вы им пользовались?

— Существует сложная система предварительных команд, подаваемых на расчетник. Эта серия команд разделена на три отдельные части. Мне самому известна лишь одна треть. Человека, знающего вторую, вы уничтожили.

— Это был Флоранс?

— Именно он.

— А кто третий?

— Вряд ли это имеет значение. Достаточно потерять одну часть ключа — и весь процессор придется воссоздавать заново. Но только математическая разработка проекта заняла у меня три года, так что...

С минуту Грумед мрачно обдумывал услышанное, нервно поигрывая на клавиатуре своего настольного компьютера и что-то подсчитывая.

— Если вы не лжете, мне придется от вас избавиться. Коль скоро вы не можете запустить тм-генератор, ваша ценность для нас становится весьма незначительной, и нет смысла ссориться с правительством Таиры. Вас обязательно найдут в самое ближайшее время. Похитители будут схвачены и наказаны. Но перед этим...

Он нажал на пульте кнопку селекторного вызова.

— Гировский? Подготовьте аппаратуру для глубокого зондирования... Да. Мы должны быть уверены в том, что он не знает всего ключа... Я понимаю, что мозг будет разрушен. Сейчас это уже не имеет значения.

Мартисона волокли вдоль длинного коридора два дюжих санитара. Он не ожидал столь быстрого развития событий и теперь любой ценой старался выиграть хотя бы несколько секунд.

— Лила! — К счастью, вслух он должен был произнести только ее имя.

— Кажется, он уже рехнулся! — заметил один из охранников, еще сильнее заводя Мартисону руку за спину. Боль стала почти невыносимой, а ему нельзя отвлекаться...

«— Коридор в здании УВИВБа, верхний этаж. Ты должна найти его очень быстро!»

«— Мне не надо его искать. Я чувствую, где ты находишься».

«— С правой стороны глухая стена окрашена в голубой цвет. Не ошибись».

«— Да. Это именно здесь. Что нужно сделать?»

«— С левой стороны пропусти четыре двери от лестницы, во всех остальных комнатах ты должна уничтожить любую медицинскую аппаратуру. Начиная с пятой комнаты и круши все подряд, неважно, если перестараться. Главное — поторопись».

Почти сразу же за дверью, мимо которой волокли Мартисона, послышались звон и крики.

Санитары недоуменно переглянулись и еще быстрее потащили Мартисона дальше. Из его мысленных переговоров с Лилой они не могли слышать ни звука. И так, это была не пятая дверь... Если она не успеет...

Операционная оказалась совсем крохотной, в ней едва помещалась узкая койка с надежными ремнями и аппарат глубокого зондирования. Его длинные гибкие щупальца заканчивались острыми иглами.

«— Лила! Ищи аппарат с двенадцатью иглами на концах манипулятора! Если ты не успеешь, мы уже никогда не сможем разговаривать!»

«— Здесь все так запутано! — пожаловалась она. —

Как жаль, что я не могу тебя видеть... Аппараты все одинаковы, они похожи друг на друга».

« — Перестань болтать и поторопись! Сейчас они со мной покончат!»

« — Я специально перешла вплотную к барьеру, чтобы тебе не приходилось ждать, — обиженно проворковала она. — Но работать здесь очень трудно. Все расплывается, вещи не стоят на местах. Вот что-то похожее. Сейчас я попробую...»

Ремни затянули. Аппарат хищно заурчал. Все его двенадцать игл приподнялись; к счастью, им требовалась томография мозга. Это займет не меньше пяти минут... Она должна успеть...

Неожиданно в верхней части аппарата появилась большая вмятина. Звука удара не было слышно. Просто металлическая коробка хирург-автомата деформировалась, словно превратилась в картон. Раздался треск разрядов, комната наполнилась дымом и вонью сгоревшей изоляции.

— Что, черт возьми, происходит?!

« — Не прерывай контакт! — мысленно попросил Мартисон. — Нам предстоит еще многое сделать. — Он быстро осваивался со своим новым положением. — Рядом с аппаратом, который ты только что разбила, есть койка с ремнями. Ты ее видишь?»

« — Да. Ремни приподняты, словно... Неужели ты здесь?!»

« — Вот именно. Поэтому действуй осторожней. Перережь ремни».

« — У меня нет ножа...»

« — Так возьми его на столе. Там много хирургических инструментов».

« — Он слишком мягкий... Правда, ремни тоже... Сейчас я попробую их разорвать».

« — Не торопись. Прежде чем ты это сделаешь, у меня должно быть оружие. Найди коробку с круглым ремнем, расстегни ее и положи предмет, который там находится, на мою койку, только потом разорвешь ремни».

Она не могла видеть вооруженного охранника, но сам бластер вместе с костюмом, неподвижно висящим в воздухе, наверняка находился прямо перед ней.

Минуту спустя Мартисон освободился от пут и поднялся, сжимая в руках рукоятку бластера. Санитары, отвлеченные катастрофой с хирург-автоматом, потеряли бдительность. Никогда раньше Мартисону не доводилось стрелять в живых людей. Ему пришлось напомнить себе, что они сделали с Флорансом и что ждало его самого, опоздай Лила хоть на пару минут...

Он бежал по коридору, сжимая в руках оружие и на ходу решая, что делать дальше. Несмотря на помощь Лилы, шансов выбраться из здания УВИВБа было не слишком много.

Как только они поймут, что происходит, они сделают все от них зависящее, чтобы избавиться от грозного противника, каким он теперь стал. Стрельба будет открыта немедленно. Всеми имеющимися средствами они постараются его уничтожить. Он начал действовать слишком поспешно, не продумав план своего спасения и не изучив толком всех новых, открывшихся в связи с помощью Лилы возможностей.

Его приперли к стенке, заставив действовать без промедления. Ему это очень не нравилось, к тому же в том цейтноте времени, в котором он теперь оказался, ему еще приходилось постоянно отвлекаться, сообщая Лиле маршрут своего передвижения. Ему необходимо было все время иметь ее рядом с собой. Не без основания он полагал, что его умения обращаться с оружием окажется недостаточно, чтобы прорваться сквозь вооруженную охрану и систему внутренней и внешней электронной защиты, прикрывавшей это здание. Следовало немедленно что-то предпринять.

Если бы ему удалось выиграть хоть немного времени! И тут в его голове возникли сразу две неплохие идеи. Раз уж он оказался, может быть, первым из людей в логове тех, кто связан с захватом, было бы слишком просто и непростительно глупо сбежать отсюда, ничего не предприняв.

Неизвестно, когда еще представится такая возможность. Теперь они будут в сотни раз осторожней. А выяс-

нив, какую опасность он для них представляет, они сумеют тихо и без особых сложностей его ликвидировать.

Так что у него оставался один-единственный шанс — самому нанести упреждающий удар. Несмотря на всю кажущуюся смехотворность такого плана, только так и мог он чего-то добиться...

«Один человек против целого Управления ВИБа... Не совсем один, — тут же поправил он себя. — Со мной Лида».

У этой идеи была еще одна положительная сторона: если он из беглеца превратится в нападающего — его противники, не ожидая этого, какое-то время окажутся в невыгодном положении... а уж искать его в кабинете Грумеда будут в последнюю очередь.

Достигнув лестничного пролета, Мартисон решительно повернул вверх. На первом этаже взвыла сирена тревоги и раздался топот сапог. Задыхаясь, он попробовал идти быстрее, но силы постепенно оставляли его. Проклятое сердце! Только не сейчас!

Третий этаж, четвертый... Он все еще никого не встретил. Вот и пятый, теперь поворот... Ну, естественно, кабинет Грумеда не мог обойтись без охраны.словно заправский десантник, он приподнял оружие к плечу и открыл веерный огонь по всему коридору, благо бластер выбрасывал достаточно широкий луч.

«Вторая дверь справа. Там сложная система запоров. Ее нужно сломать и как можно быстрее открыть дверь!» — четко произнес он в уме подготовленную заранее фразу.

Лида, видимо, втянулась в эту стремительную игру. Наверно, ей казалось увлекательным участвовать в поединке, оставаясь неуязвимой и ничем не рискуя. Как бы там ни было, когда он добрался до кабинета Грумеда и, переступив через трупы двух охранников, толкнул дверь, она распахнулась без всякого сопротивления.

С удовлетворением он отметил, что Лиле требуется все меньше пояснений для выполнения его распоряжений. Они начинали понимать друг друга с полуслова.

В кабинете Грумеда никого не было. Ему не пришлось вновь применять оружие.

С минуту поколдовав с терминалами, он включился в информационную сеть Управления, но сведения, кото-

рые его интересовали, не могли находиться в каналах прямого доступа.

Пришлось разбираться с личным сейфом Грумеда. По его просьбе Лила извлекла оттуда капсулы с компьютерными записями, и вскоре дисплей запестрел данными, фамилиями, адресами...

От раскрывшегося перед Мартисоном чудовищного плана уничтожения целой колонии, всего, что за две сотни лет их трудом было создано на Таире, кровь застыла в жилах...

Информация, до которой он добрался, представляла собой чрезвычайную ценность. Город просто кишел законспирированными под государственные учреждения организациями захватчиков. Если раньше он надеялся дозвониться из кабинета Грумеда до совета обороны и попросить прислать сюда десантников, то теперь понял, что такая возможность полностью исключалась. Их перехватят по дороге. Противник располагал слишком большими силами.

Придется выбираться из УВИВБа самостоятельно и уж потом просить помощи.

17

«— Проверь, пожалуйста, есть ли на крыше этого здания площадка для моциклов, — попросил Мартисон Лилу, не отрываясь от экрана дисплея».

«— Я не знаю, что такое моциккл».

«— Прости. Все время забываю об этом. На крыше, за загородкой, должно стоять несколько металлических яиц на колесиках, они такие большие, что ты в них свободно поместишься. Только не вздумай залезать внутрь. Стой рядом и жди, когда я туда доберусь».

Телепатическая связь позволяла им общаться на любом расстоянии, пока контакт не был прерван. Лила оставалась невидимой и неосязаемой в пределах нашего мира. Ей же место, в котором обитал Мартисон, представлялось застывшим муляжем из неподвижных вещей и механизмов. Она не замечала ни одного живого существа, не видела травы и цветов...

Мартисон хорошо понимал, каким унылым и страшным может показаться страна карменов тому, кто привык к зеленому миру растений, к живому щебету птиц; Лида вообще не представляла, что это такое. И вряд ли он смог бы ей объяснить. Он сам превратился для нее всего лишь в шепчущий голос. И не знал, как долго она будет помнить их короткую встречу. Так ли уж сильны древние правила ее мира? Ему вовсе не хотелось остаться один на один с осиным гнездом врагов, которое он основательно разворошил.

Вдвоем они представляли мощную силу. Захватчики, возможно впервые, почувствовали на самих себе, что значат удары невидимого и неуязвимого противника... Содержимое сейфа самого Грумеда лежало сейчас перед ним, и никакие электронные ухищрения защиты не смогли остановить Лилу.

Самое значительное открытие он сделал, вставив в приемник случайно подвернувшийся под руку кристалл с записями. Ему пришлось дважды прочитать инструкцию «подготовки биологического объекта», прежде чем он понял, что под «биологическими объектами» подразумевают людей. А дальше очень буднично и по-деловому сообщалось о том, какие именно психотропные препараты следует ввести для того, чтобы полностью нейтрализовать волю, отключить мозг и превратить человека в комок безвольного мяса... Зачем им понадобилась такая чудовищная жестокость?! Ведь не из садистских же побуждений проделывали они достаточно сложный комплекс воздействия на человеческую личность, превращая ее в безвольную куклу, не способную даже говорить? Но тогда для чего?

В ворохе информации, беспорядочно сваленной на столе огромной грудой, наверняка находились ответы на все его вопросы, но потребуется слишком много времени, чтобы разобраться в этом. Здесь наверняка действует специальное защитное поле. При попытке вынести эти кристаллы из кабинета записи скорее всего будут уничтожены. И у него не оставалось больше времени, чтобы продолжать свои исследования во владениях Грумеда. Ему и так сказочно повезло, не следовало и дальше испытывать судьбу.

Все же он не удержался и вставил в приемник еще один кристалл.

По мере чтения им овладевал гнев, постепенно переходящий в ярость. Можно обмануть человека, можно его унижить, обокрасть... Но всему есть предел. В их планах человеческая жизнь стоила не больше жизни крысы. Они собирались уничтожить их, «очистить планету от гуманоидов». Так кто же они сами? Откуда взялись эти не знающие жалости существа? Как они выглядели, наконец?

Об этом не было ни слова... И самым непонятым, самым невероятным во всей истории захвата оказался неизвестный ранее факт вербовки большого количества резидентов из числа тех самых, подлежащих поголовному уничтожению, гуманоидов... Чего-то он здесь не понимал. Чего-то очень важного...

Взять хотя бы УВИВБ. Почти наверняка все сотрудники Таирского отделения содействуют захвату. Если бы это было не так, захватчики не смогли бы создать здесь такую мощную базу. Что же двигало этими людьми, какие идеалы? Какие посулы смогли склонить их на сторону тех, кто собирался уничтожить всю человеческую расу? Неужели оказалось достаточным всего лишь обещания сохранить жизнь в вакханалии поголовного уничтожения всех остальных? Он не мог в это поверить.

В любую секунду в кабинет Грумеда могла войти вооруженная охрана, которая давно прочесывала все здание. Пора было уходить. Он с сожалением окинул взглядом стеллажи, уставленные кассетами компьютерных кристаллов и папками с магнитокартами. Здесь хранились бесценные сведения, способные помочь в борьбе с захватом, раскрыть секреты его стратегии и тактики. Но все ближе и ближе доносился до него шум облавы, еще несколько минут промедления — и ему не удастся унести даже тех сведений, которые он обнаружил.

Отыскав подходящую металлическую коробку с толстыми стенками, Мартисон торопливо набил ее кристаллами с наиболее интересными записями, надеясь, что хотя бы часть информации сохранится при воздействии защитных полей. Затем он приоткрыл дверь приемной и выглянул в коридор — на этом этаже пока еще было

тихо. Его расчет на то, что кабинет Грумеда станут обскивать в последнюю очередь, полностью оправдался.

«— Лила! Ты нашла площадку?»

«— На крыше нет ничего похожего. Какие-то тарелки, провода...»

Только этого не хватало. Оставался путь вниз по этажам, полным вооруженных охранников... Мартисон задумался всего лишь на мгновение. За последние дни, с самого момента возвращения, с ним происходило нечто странное... Ускорились реакции, обострилось восприятие. Сердце беспокоило все реже; даже там, на допросе, Грумед оказался почти прав — он достал стимулятор скорее по привычке. Мартисон чувствовал себя так, словно время стремительно покатило вспять, навстречу давно прошедшей молодости. И никогда раньше он не замечал за собой такой четкой и быстрой работы мысли.

Может быть, причина «в обмене противоположными энергиями», как называла это Лила?

Вот и сейчас верное решение пришло словно само собой, не потребовав долгих раздумий.

Он попросил Лилу спуститься в подвальные помещения УВИВБа. Хотя время между его распоряжениями и результатами ее действий увеличивалось вместе с расстоянием, план, который у него возник, того стоил.

Искать оружейный склад пришлось наугад, но титанитовые двери со сложной системой запоров в конце концов помогли его обнаружить. Вот когда пригодилась способность Лилы беспрепятственно проникать сквозь любые стены...

В мире Лилы существовал лишь образ этих стен, их бестелесный чертеж. Впрочем, и оружие оставалось для нее столь же нереальным клочком тумана. Но когда она переносила этот полупрозрачный мягкий макет в другое место, ровно через десять наносекунд, по масштабам реального времени Мартисона, оно появлялось там, где она его оставляла. Оружие возникало из «ниоткуда». Оно являлось весомым и грозным, перепачканным смазкой, иногда даже запечатанным в пластиковые мешки.

К сожалению, во всем, что касалось оружия, Мартисон был полным профаном, и ему приходилось читать инструкции, прежде чем сдвинуть с места любой рыча-

жок. Но в конце концов потеря времени компенсировалась результатами.

Мины с часовым механизмом, включенные с интервалом в тридцать секунд и разложенные Лилой по его указаниям на всех этажах, порой под самым носом охраны, срабатывали одна за другой. Ему не приходилось беспокоиться о безопасности своей помощницы, взрывы так же, как любое движение в мире Мартисона, Лида попросту не замечала — слишком разные масштабы времени управляли их жизнями.

Здание затряслось от серии мощных ударов. Тактика захватчиков обернулась против них самих. Охране стало не до Мартисона... Нижние этажи превратились в огненную мясорубку.

Как только стихла последняя волна взрывов, Мартисон начал осторожный спуск. Он находился на пятом этаже, и ни один лифт, естественно, не работал. К счастью, сохранилась пожарная лестница, и вскоре он благополучно миновал четвертый этаж.

Однако третий заполнился дымом настолько, что пришлось вернуться и подождать, пока Лида отыщет на оружейном складе противогаз с регенератором воздуха. Только после этого он повторил попытку. Теперь следовало торопиться. Охрана могла оправиться от внезапной атаки.

Дым несколько рассеялся, но Мартисону все еще приходилось пробираться на ощупь. Пол загромождали обломки стен, повсюду торчали разорванные кабели лазерной связи. Провода энергетической подпитки беспорядочными толстыми клубками вываливались из треснувших панелей. Захватчикам придется изрядно потрудиться, прежде чем это осиное гнездо сможет вновь нормально функционировать.

Вдруг он подумал, что, если сумеет выбраться отсюда живым, — этого не случится вообще.

Сжимая в руках оружие, Мартисон продолжал спуск. Вскоре показалась табличка с цифрой «два» — до выхода оставалось совсем немного.

Панели здесь почти совсем выгорели, и хотя лестницей не пользовались много лет, предпочитая гравитационные лифты, ему она сослужила неплохую службу.

В сумке, доставленной Лилой, кроме противогаза, осталось еще несколько малогабаритных мощных мин с дистанционным радиоуправлением, и он не сомневался, что на нижних этажах найдет для них достойное применение.

На этот раз Грумед, кажется, поймал слишком большую рыбу, сумевшую разорвать его невод. Впервые за весь этот долгий, нелегкий день Мартисон улыбнулся. Ему было приятно чувствовать рядом с собой невидимое дружественное существо, он с трудом воспринимал сейчас Лилу как женщину, с которой совсем недавно был близок.

Последний пролет наконец кончился. На первом этаже дыма почти не осталось. Пожар бушевал выше. Только благодаря чудом сохранившейся лестнице ему удалось миновать опасную зону.

До выхода оставались какие-то метры, и Мартисон прекрасно понимал, что наружные посты охраны не позволят ему покинуть здание. Прежде чем выйти, необходимо их обезвредить...

Лучше всего действовать в обстановке хорошей паники. Но на открытом пространстве создать ее значительно сложнее. Впрочем, если придумать что-нибудь неожиданное, что-нибудь древнее, но действенное... Он лихорадочно перебирал в уме свои отрывочные сведения по военной тактике, большинство из которых почерпнул в исторических романах. И, кажется, откопал в конце концов нечто стоящее.

Ему нужна была дымовая завеса или что-то вроде хорошего пожара. Такого, чтобы дымом заволокло весь двор. Лишь после этого можно попробовать прорваться.

Пока Лила выполняла новые инструкции, у него появилось несколько свободных минут. Первый этаж пострадал от взрывов меньше, чем остальные, но и здесь обломки завалили весь коридор. Они еще тлели, и даже сквозь маску пробивался удушливый запах жженого пластика. На этом этаже размещались какие-то лаборатории, а в самом конце длинного коридора просматривался перегороженный обвалившейся стеной вестибюль. За баррикадой обломков виднелась разбитая стеклянная дверь.

Мартисон внутренне весь подобрался, готовясь к своему последнему, самому опасному броску через двор. Он ожидал лишь появления дыма за этой стеклянной дверью.

Неожиданно до него донесся стон, а затем мучительный глухой кашель. Он попытался убедить себя в том, что это не его дело, что это враг, что у него нет на это времени, наконец! — все оказалось напрасно. Где-то здесь, в двух шагах от него, страдало человеческое существо, и он был виновником этих страданий...

В конце концов он бросился к двери, из-за которой доносились стоны.

Расшвыривая искореженные куски пластиковых стен и не поспуившись на глухие проклятья, Мартисон увяз в целой груде обломков. Лишь после нескольких минут изнурительной работы ему удалось разобрать завал и очистить заклинившую дверь.

К этому времени со двора донеслись крики, и, оглянувшись, он увидел густые клубы дыма за наружной дверью.

Самые благоприятные первые минуты были упущены. Охрана очень скоро оправится от нового нападения, вызовет пожарных, отойдет в дальний конец двора, рассредоточится и выставит дополнительные посты... Но отступать от своего намерения Мартисон не собирался.

Дверь наконец распахнулась. На койке, с замотанной бинтами головой, оставившими свободными лишь глаза и нижнюю часть лица, лежал человек. Собственно, достаточно было одних глаз.

Грумед солгал. Его старый товарищ, Эстебан Флоранс, обладатель одного из ключей для запуска тм-генератора, находился пред ним и пока еще был жив...

18

Тяжелый шестиместный кар, разбив алюминиевые литые створки ворот, понесся вдоль улицы, петляя из стороны в сторону. Левое переднее колесо оказалось пробитым, но фторопластовая шина пока еще справлялась с повышенной нагрузкой, однако машину все время

заносило, и Мартисону с трудом удавалось удержать ее на дороге.

На его счастье, двигатель у этой модели был расположен сзади, иначе он разбил бы его, проламывая ворота.

Самые большие неприятности грозили от двух модициклов с гравитационными подушками. Они уже зависли над дорогой, и, хотя не успели пока набрать нужную скорость, Мартисон несколько не сомневался, что через несколько минут они окажутся у него над головой и в считанные мгновения прожгут потолок кабины своими лазерами.

Мартисон бросил беглый взгляд на Флоранса. Тот все еще был без сознания, и его тело безвольно переваливалось на сиденье, удерживаемое лишь страховочными ремнями.

Случилось то, чего он больше всего опасался с самого начала этой заварушки: куда-то исчезла Лила и не отвечала на его настойчивые вызовы. В самый ответственный момент он остался один на один со своими могущественными противниками. Кроме модициклов, его преследовали по крайней мере четыре полицейских кара. Он не знал, действительно ли они принадлежат полиции, и у него не было ни малейшего желания это выяснять.

Почти пустая магистраль, идущая от УВИВБа к городу, вызывала недоумение. Грохот взрывов и стрельба должны были привлечь внимание оборонных служб города. Однако до сих пор не появилось ни одного патруля. Несмотря на пробитую шину, колесо продолжало держать дорогу. Мартисону удалось даже увеличить скорость. Если он сумеет запустить верхний двигатель, под машиной образуется воздушная подушка, и тогда пробитое колесо потеряет значение; но пока что на это не оставалось времени.

Иногда на обочинах дороги, в тех местах, куда ударили желтоватые при дневном свете разряды бластеров, вспухали пыльные кратеры. Один заряд задел крышу, и в ней образовалась порядочная дыра с оплавленными краями. Пока огонь вели одни кары. При такой скорости прицелиться в несущуюся машину они не могли. Однако

интенсивность стрельбы свидетельствовала о серьезности намерений его противников.

Мартисону нечего было терять, о его бегстве из УВИВБа знали, очевидно, уже все, кроме городской администрации. Он включил передатчик кара. Преследователи наверняка слышали все его переговоры. Но, возможно, это даже несколько поубавит их пыл. Убийство члена совета среди бела дня, да еще после переданной в эфир просьбы о помощи — не такое уж безобидное дело... Впрочем, и упустить его они не могли себе позволить. Он узнал слишком много...

С того самого момента, как он оказался в кабине кара и нажал педаль газа, Лила замолчала. Может быть, она осталась снаружи? Но он неоднократно убеждался в том, что никакое расстояние не мешает ей свободно передавать информацию. Скорее всего что-то у нее случилось... Это его очень беспокоило.

Наконец на вызов ответил дежурный на коммутаторе совета. Хоть здесь ему повезло. Благодаря личному коду удалось, минуя многочисленных секретарей, выйти на завсектором обороны Каримова. Этому человеку непосредственно подчинялись недавно созданные специальные отряды быстрого реагирования. Он отличался решительностью и самостоятельностью суждений, за что в совете многие его недолго любили. Но, возможно, именно эти его качества, импонировавшие Мартисону, позволили создать внутри совета нечто вроде коалиции, выступавшей за упреждающие силовые методы. Пока реального противника не было, эта их декларация выглядела несколько странно, но никто не сомневался, что противник вот-вот объявится, и к этому моменту они должны быть готовы сразу же вступить в активное противодействие. Больше всех возражал, разумеется, УВИВБ, требовавший подчинить ему вновь создаваемые военные формирования.

Им удалось отстоять собственную точку зрения, и теперь сектор обороны располагал независимыми от УВИВБа и полиции силами. Сейчас они им очень пригодятся!

— Камиль Акдамович! Я нахожусь на трассе «а-12». Меня преследуют примерно четыре полицейских кара и два мотоцикла. Необходима ваша срочная помощь.

— Кто и почему вас преследует?

— Как мне кажется, это УВИВБ, но, возможно, и полиция тоже. Я располагаю материалами, доказывающими причастность Таирского отделения УВИВБа к захвату.

— Я подозревал что-то подобное. Но не было доказательств.

— Доказательства есть у меня.

В это время машина содрогнулась от очередного залпа. Только непредсказуемость езды Мартисона, довольно неуклюже управляющего каром, мешала его преследователям как следует пристреляться.

— По вам что, ведут огонь?!

— Вот именно. И если вы не поспешите, материалы, о которых я говорил, недолго останутся в нашем распоряжении. Мне удалось установить, что они используют очень сложных биологических роботов. Но это особый разговор. Важно другое. Я уверен, что меня преследуют и пытаются уничтожить наши дорогие гости. Те самые, что ведут захват.

— В какой машине вы находитесь?

— Черный шестиместный кар модели «бта».

— Я сделаю...

Связь прервалась лавиной помех. УВИВБовские передатчики наконец-то нащупали частоту, на которой он вел переговоры, но, похоже, несколько опоздали. Своим вмешательством они только подтвердили слова Мартисона о серьезности создавшегося положения.

Не прошло и минуты, как со стороны города появились четыре черные точки, висащие над дорогой. Вскоре они превратились в звено стратосферных истребителей класса «форсун».

Каримов действовал в своей обычной манере. Он использовал все, что оказалось под рукой. Заходившие на посадку после патрулирования истребители, выполняя его личный приказ, вновь убрали шасси и через несколько секунд появились над шоссе «а-12». При их скорости они смогли сделать лишь один отсекающий ракетный залп, однако после него на шоссе позади кара Мартисона мгновенно образовался широкий ров.

Взрывная волна от этого залпа едва не перевернула кар самого Мартисона, но больше всего досталось низко летящим модициклам, на полной скорости врезавшимся в ставшую на их пути стену огня.

На нижнем этаже совета пришлось наскоро оборудовать госпиталь. Его первым пациентом стал Флоранс, но Мартисон не сомневался, что это только начало. Огненная спираль схватки, развернувшаяся у здания УВИВБа, постепенно охватывала весь город. Впервые захватчики просчитались, впервые в этой затянувшейся космической войне им был нанесен упреждающий удар, к которому они не успели подготовиться.

Отдельные очаги схваток, тут и там возникавшие по всему городу, постепенно затихали. Держалось благодаря мощным оборонительным линиям пока только здание УВИВБа, его штурм планировался на следующее утро.

Оставалось, однако, неясным, насколько серьезна одержанная ими победа...

Мартисон был уверен, что их противник под влиянием прежних легких успехов допустил лишь небольшой просчет, введя на планету раньше времени передовой отряд захвата. И было совершенно непонятно, каким образом им удалось доставить на Таиру такое количество своих людей и почему многие из граждан таирской колонии стали изменниками, хотя кое-какие догадки на этот счет у него уже появились.

Он не сомневался, что атака повторится, как только противник подтянет свои главные силы. Мартисон слишком хорошо знал, каковы эти силы, слишком хорошо представлял их возможности и понимал, что лишь помощь карменов поможет им устоять, когда здесь начнется вторая стадия захвата. Но Лила по-прежнему молчала...

И значит, придется начинать сложную и опасную работу по восстановлению работоспособности тм-генератора. Если связь не восстановится — ему придется снова отправиться к карменам.

К вечеру Флорансу стало лучше, и врачи разрешили Мартисону навестить его. Мартисон с трудом узнал своего старого друга — прежде веселый и жизнерадостный

человек превратился в мрачного небритого субъекта, в глазах которого сквозило неприкрытое отчаяние.

У изголовья кровати висел небольшой плоский экранчик, демонстрирующий последние новости. Флоранс даже не повернул головы, когда вошел Мартисон.

— Мы их остановили, Эстебан. Здесь у них не получилось.

— Ты так думаешь? Надолго ли вы их остановили? Ты хоть знаешь, какая бездна разверзлась перед нами?

— Бездна? Что ты имеешь в виду?

— Пока надо мной проделывали подготовительные процедуры в их лаборатории, я многое понял. — Он замолчал, и Мартисон терпеливо ждал, не прерывая его молчания. Наконец, вздохнув, Эстебан продолжил, перейдя почему-то на шепот: — Они надевают наши тела, как одежду. Они примеряют их на себя и пользуются ими, уничтожив прежнюю личность. Нам никогда с полной достоверностью не удастся установить, кто из нас уже подвергся захвату. Мы обречены теперь постоянно сомневаться во всех. Во всех, кого мы знали. Во всех, кто что-то значит в нашей жизни. В тебе, например... Откуда мне знать, что внутри тебя не сидит монстр, использующий твою внешность и память для маскировки? Откуда ты знаешь, что он не сидит во мне? Постепенно и незаметно они захватят все руководящие административные и военные должности в нашем государстве. И, уничтожив лишних, начнут жить вместо нас...

— Кто же они такие, ты их видел?

Эстебан отрицательно покачал головой.

— Только слышал разговор о том, что должен быть какой-то «хозяин».

— У нас остается надежда на...

— Надежда? Какая надежда?! Надежда, что тебя убьют не первым?

— Тм-генератор... Он позволяет перейти в мир карменов, и мне удалось найти там друзей. Они помогут нам справиться с захватом.

— Ты не сможешь даже повторить запуск!

— Это почему же?

— Потому что они не дураки! Потому что прежде всего они постарались захватить ключ к генератору.

Ключ и топливо — этого вполне достаточно, чтобы превратить генератор в бесполезную кучу хлама.

Мартисон почувствовал, как холодная волна страха прошла по его спине.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да. Дагер у них. Я видел его, когда меня переводили из камеры в лабораторию.

— Мы должны немедленно предпринять вылазку в здание УВИВБа!

Это требование Мартисона вызвало у Каримова лишь усталую усмешку.

— А до утра это не подождет? Утром я доставлю вас туда без всяких хлопот.

— Утром будет слишком поздно. Даже сейчас уже может быть поздно. В их руках находится человек, от которого зависит запуск тм-генератора. Это один из моих сотрудников. Как только они поймут, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, они его уничтожат.

— Неужели вы думаете, что из-за одного человека я стану рисковать своими десантниками? Каждый из них сегодня стоит десятка ваших «умников».

Мартисон сдержал гнев и закончил спокойно:

— Только тм-генератор даст нам реальный шанс отразить захват. Без Дагера я не смогу воспользоваться ключом запуска. Или вы мне поможете, или я отправлюсь туда один. Кроме всего прочего, появилась возможность выяснить, каким образом они вербуют сторонников среди граждан Таиры. К моменту, когда ваши войска овладеют зданием, даже следов от этих материалов там не останется.

В конце концов после получаса упорных споров и совместного повторного визита к Флорансу ему удалось убедить Каримова отдать приказ о ночном рейде.

19

«Вас хочет видеть лейтенат» — эта короткая фраза еще долго звучала в ушах Мартисона. Может быть, потому, что никогда раньше ему не приходилось встречаться с легендарными космодесантниками. Он лишь читал о

них, видел в галло-фильмах. И вот теперь живой космодесантник стоял в его кабинете.

Десантник не выглядел слишком уж мускулистым и был, пожалуй, не очень высоким. Разве что глаза смотрели настороженно и дерзко, но, возможно, ему просто показалось.

— Хорошо. Пусть он войдет.

— Лейтенант занят подготовкой ночного рейда. Вам придется пройти к нему.

— Придется?

— Мне приказано проводить вас.

Из этой сказанной безразличным тоном фразы следовало очень многое. Например, что приказы не обсуждают — им подчиняются, или что любые возражения — пустая трата времени. Как бы там ни было, Мартисон оценил возможность предварительного знакомства с теми, от кого нынешней ночью будет зависеть его жизнь, и не стал возражать. Через несколько минут он входил в казарму особого подразделения.

Лейтенант оказался молодым человеком, почти мальчишкой, голубоглазым, с русыми волосами. Видевшему его впервые казалось совершенно непонятным, каким образом ему удавалось, не повышая голоса, командовать громилами вроде того, что стоял сейчас на посту у входа в казарму.

Лейтенант, вежливо поздоровавшись, сразу же приступил к делу:

— Мы получили сегодня довольно странное задание. Я решил поговорить с вами лично, поскольку, как мне сказали, идея этого рейда принадлежит вам. Так вот, я хотел узнать, ради чего мои люди должны будут рисковать жизнью?

Вопрос искренне удивил Мартисона. Он считал, что приказы в армии выполняются без обсуждений, и потому спросил довольно сухо:

— Разве в полученном вами распоряжении нет необходимых данных?

— Конечно, они есть. Их более чем достаточно для формального выполнения приказа.

С минуту они молчали, рассматривая друг друга.

— Понимаете, те, что туда пойдут сегодня ночью, и в особенности те, кто, возможно, не вернется обратно, имеют право знать, ради чего они рискуют жизнью, — пояснил лейтенант.

— Хорошо, — сказал наконец Мартисон. — Возможно, прав Каримов, запретивший упоминать об этом задании, но ваши доводы показались мне слишком убедительными. Человек, которого мы должны вызволить из УВИВБа, знает пароль запуска тм-генератора. Кроме него, этой части пароля не знает никто, без пароля запуск вообще невозможен. Этого для вас достаточно?

— Конечно, нет. Все это было в ориентировке. Я не уверен, что нам вообще нужен тм-генератор в такой момент. Что он собой представляет?

— Боюсь, это трудно объяснить... Ну а если я скажу, что с помощью этого устройства мы сможем наконец установить, кто разрабатывает и осуществляет стратегию захвата? Вот уже несколько дней мы воюем с нашими собственными согражданами. Мы убиваем людей, которые вообще не понимают, что делают. Их превратили в статистов, в кукол. Я хочу выяснить, кто и каким образом осуществляет этот дьявольский план. Мне кажется, в здании УВИВБа, превращенном в штаб захвата, скрывается настоящий режиссер кровавого спектакля, который они разыгрывают на наших планетах, и это, конечно, не Грумед. Когда я был там в первый раз, я что-то почувствовал, что-то почти понял, но у меня не хватило времени, и я был один.

Глаза лейтенанта сузились, он встал и протянул Мартисону руку.

— Вы меня убедили. Мои люди сделают все от них зависящее, чтобы помочь вам, профессор.

Здание УВИВБа молчало. Оно возвышалось у них над головами черной обгоревшей громадой, ни один звук не доносился из темных коридоров. Приборные линзы позволяли шести десантникам, сопровождавшим Мартисона, видеть в полной темноте.

Проникнув в подвалы из системы подземных коммуникаций, они миновали внешние укрепления и посты охра-

ны противника. Сейчас все шестеро напряженно застыли, вылавливая малейший подозрительный шорох. Мартисон ожидал суетливости, паники при подготовке к утреннему и, может быть, последнему бою, но не этой мертвой тишины.

Условным жестом лейтенант отдал безмолвный приказ, и тройка десантников исчезла в завалах первого этажа — им предстояло обследовать камеры подвалов и лаборатории. Именно они должны были найти Дагера. Однако тишина, царившая в здании, оставляла мало надежды на успех основной части операции. Разве что наверху, в кабинете Грумеда, им удастся обнаружить какие-то материалы...

Ежеминутно останавливаясь, они двинулись вперед короткими бросками. Знакомая Мартисону пожарная лестница выплыла из темноты в фиолетовом свете линз ночного видения, и он обрадовался ей, словно встретил старого друга.

Лейтенант отослал двух десантников на несколько метров вперед, они по-прежнему изъяснялись условными жестами, и, хотя у каждого была встроенная в шлем индивидуальная связь, Мартисона предупредили, что на задании лучше соблюдать полное молчание.

Они миновали пролеты двух этажей, когда сверху донесся первый посторонний звук. При всем желании Мартисон не смог бы его описать словами. Впечатление было такое, словно хлопнула пробка от огромной бутылки шампанского. Но звук не походил на взрыв или выстрел. Он был более протяженным, более гулким, и долгое эхо сопровождало его по всему зданию. Они замерли, вслушиваясь, но больше ничто не нарушало плотную тишину.

Лейтенант вопросительно посмотрел на Мартисона, но тот лишь пожал плечами. Через несколько секунд, повинаясь приказу своего командира, десантники двинулись дальше. Они продвигались совсем медленно, каждую секунду ожидая засады, — но теперь здание казалось совершенно вымершим.

В кабинете Грумеда не было ни коробок с компьютерными записями, ни папок с магнитокартами. Зев распа-

хнутого сейфа красноречивее всяких слов говорил о том, что они опоздали.

Лейтенант показал вниз, подавая беззвучную команду к возвращению. Придется уходить ни с чем... Если и первая группа потерпела неудачу — все их предприятие с вылазкой окажется напрасным. В последний раз Мартисон окинул взглядом опустевший кабинет и шагнул к выходу. И в этот момент наверху, прямо над ними, опять что-то грохнуло, послышался звон разбитого стекла, и по потолку кто-то шлепнул со всего размаха огромной голый ладонью. От этого шлепка содрогнулось все здание, сверху посыпалась штукатурка.

— Пора посмотреть, что там такое! — сказал лейтенант, нарушая свой собственный приказ о молчании. — Румин, что там у вас? Нашли что-нибудь?

— Да, лейтенант. Объект с нами.

— Хорошо. Оставайтесь внизу, мы проверим верхний этаж и сразу возвращаемся. Охраняйте люк.

Три темные тени бесшумно перекатились из коридора к лестнице. Лишь один Мартисон задержался, не в силах справиться с непонятным волнением. Что это было? Предчувствие? Страх?

— Лила? — спросил он просто так, на всякий случай. И вдруг услышал в ответ:

«— Я тебя слышу, но не могу помочь».

«— Но почему, Лила, почему? Что с тобой случилось? Я звал тебя столько раз...»

Долгое-долгое молчание в ответ и вопрос лейтенанта:

— Мартисон? У вас все в порядке?

— Да. Я сейчас нагоню вас.

— Мне показалось... Впрочем, неважно, оставайтесь здесь. Мы осмотрим верхний этаж и сразу же вернемся.

«— Эдмунд? Ты меня еще слышишь?»

«— Я слушаю тебя, слушаю! Скажи же, наконец, что случилось!»

«— Это ракшасы... Я больше не могу говорить с тобой. Они следят за каждым моим шагом... Один из них прорвался в ваш мир специально, чтобы убить тебя. Они боятся, что ты вернешься... Они сказали — только ты можешь остановить захват».

Снова шлепнула гигантская ладонь по потолку, потом еще раз и еще. Затем раздался жуткий вой, переходящий в рев, рассекаемый треском бластерных выстрелов. Топот ног бегущих людей...

Наконец перекрытие не выдержало. Прямо на глазах у застывшего от ужаса Мартисона оно прогнулось, и большая потолочная панель, оторвавшись, рухнула вниз. И тогда посреди этого обвала, среди груды обломков и отвалившейся штукатурки, возник светящийся силуэт, через мгновение налившийся изнутри темнотой. Раздавшись вширь, словно воздушный шар, он мгновенно заполнил почти всю комнату.

Чудовище в три человеческих роста, макушкой подпиравшее остатки потолка, стояло в двух метрах от Мартисона. Его огромная синеватая морда, изборожденная глубокими кожными складками, была повернута в его сторону. Огромные раскосые глаза пылали изнутри дьявольским огнем. Мартисон подумал, что где-то уже видел такие полные злобы глаза.

Монстр протянул к нему лапу, заканчивающуюся толстыми грубыми когтями... Совершенно парализованный его видом, Мартисон не в силах был даже крикнуть. Но тут из отверстия в потолке понеслись огненные трассы бластерных разрядов. Они ударили в лапу чудовища и одновременно в голову. В это огромное, состоящее из одних складок лицо, которое теперь уже не казалось Мартисону похожим на морду... Во всем облике монстра было что-то странно знакомое, карикатурно увеличенное и все же несомненно человеческое.

Отмахнувшись от жалящих огненных струй, не способных нанести ему серьезного вреда, чудовище взревело и бросилось на Мартисона. В воздухе мелькнула лапа (или рука?). Очевидно, не сумев еще приспособиться к условиям нового для него мира, монстр не рассчитал своей силы, от прикосновения его тяжелой ладони Мартисон отлетел в сторону, когти со скрежетом скользнули по защитному костюму, в который его облачили перед походом космодесантники. Ударившись о стену, Мартисон рухнул на пол, в глазах потемнело от боли. Он уцелел

только благодаря неловкому удару ракшаса. Лапа прошла вскользь и не смогла пробить защитной оболочки.

Монстр зарычал от бешенства. Огромная ступня, поросшая рыжей шерстью, приподнялась и двинулась к Мартисону.

Но за те секунды, пока происходили эти события, в отверстие потолка успели выпрыгнуть все трое десантников. Прежде чем чудовищная нога опустилась на Мартисона, в пятку, в одно из самых уязвимых мест ракшаса, вонзилось несколько бластерных молний.

Зарывав от боли, чудовище отдернуло ногу и бросилось на новых врагов. Однако десантники успели включить защиту. Ракшац наткнулся в воздухе на невидимую силовую сеть.

Мощности генераторов в скафандрах космодесантников было вполне достаточно, чтобы связать слона. Бывали случаи, когда своими генераторами они изменяли орбиты не слишком больших космических тел, но остановить разъяренного ракшаса им все же не удалось. И хотя его движение замедлилось, он продолжал, волоча за собой всех троих десантников, приближаться к стене, возле которой лежал беспомощный Мартисон.

Силовая сеть не была сплошной и напоминала скорее рыбацкий невод. Постепенно ракшас запутывался в ней все больше.

Вместо того чтобы сменить тактику, он, посинев от натуги, пытался разорвать сеть. Но это оказалось не по силам даже ему. Воя от ярости, он вертелся на месте и лишь запутывался еще туже. Десантники вертелись вокруг него, как пауки, прикрепленные в добыче невидимыми нитями своей силовой паутины. Какой-то блестящий предмет, сорванный вместе с поясом у лейтенанта, упал рядом с Мартисоном. Все произошло в считанные мгновения. Мартисон приподнялся и потянулся к упавшему возле него антипротонному скотчеру.

Он не знал, что пользоваться этим оружием в пределах обитаемых планет запрещалось, одного выстрела скотчера было достаточно, чтобы превратить в радиоактивное облако здание института вместе со всеми его обитателями. Но Мартисон понятия не имел о том, что такое скот-

чер. Опершись спиной о стену, он сел, приподнял широкий ствол и, направив его в ракшаса, нажал на спуск.

— Не делайте этого! — крикнул лейтенант, но было уже поздно. От удара при падении предохранитель соскочил, скотчер рывкнул, и из его ствола вырвалась голубая торпеда протонного заряда.

Она ударила точно в середину живота монстра и бесследно исчезла в его глубинах. Ракшас как-то странно осел, его фигура начала плавиться, терять форму, но прежде чем это окончательно определилось, прежде чем грянул радиоактивный взрыв, ракшас исчез.

Какое-то время на том месте, где только что стояло чудовище, светился его голубой силуэт, но и он постепенно бледнел, бесследно растворяясь в воздухе.

Отряд медленно продвигался по извилистому подземному туннелю энергетических коммуникаций.

А впереди двое десантников несли так и не пришедшего в сознание Дагера.

— Мне все это не нравится, — сказал лейтенант.

— Вы имеете в виду протонный заряд?

— И это тоже.

— Мне кажется, он унес его с собой, туда, откуда они к нам приходят, и ничего плохого я в этом не вижу.

— Возможно. Но мне не нравится Дагер.

— Его состояние?

— Я не врач, и это не моя область. Мне непонятно, почему во всем здании, из которого вывезли все, что только было возможно, остался один-единственный человек, причем именно тот, кого мы искали... Нас пропустили обратно без всякого сопротивления, хотя грохот мы подняли такой, что не услышать его они не могли.

— Да. Мне тоже это кажется странным.

Что-то нечисто с Дагером.

— И не только с ним... Нам нужен надежный способ для проверки всех, кто входил в прямой контакт с ракшасами... Я убежден, что Грумед не был предателем. Использовали лишь его тело и, возможно, память. Флоранс

говорил, что они натягивают на себя наши тела, как перчатки...

— Это тот, кто вместе с вами вырвался из УВИВБа?

— Да.

— Мне кажется, и его придется проверить.

— К сожалению, это так. И это именно он сказал, что теперь мы будем подозревать всех, кто нас окружает.

Они быстро продвигались вперед; судя по отметкам, сделанным лейтенантом по дороге сюда, отряд миновал последние передовые посты противника и находился уже на своей территории.

Мартисон думал о том, что нельзя оставлять у себя в тылу вражеские глаза и уши. Оборотни могли затаиться в важнейших государственных структурах и ждать начала захвата...

— Мы не сможем просвечивать рентгеном всех подряд, — сказал лейтенант, словно прочитавший его мысли.

— Рентген здесь не поможет. Я думаю, гораздо эффективней окажется система тестов, способная ненавязчиво, но безошибочно установить отклонения от нормальной человеческой логики. Любой психолог сможет написать подобный тест. Спросите такое существо: сколько лет его маме? Какого цвета листья на дереве? Холодна ли сегодня вода для купания? Спросите то, что известно любому ребенку, и скорее всего оно не сможет ответить.

Мартисон оказался прав. Психологические тесты в конце концов стали их самым эффективным оружием. После успешного возвращения отряда здание за зданием, учреждение за учреждением подвергались повальной проверке. И шаг за шагом очищались от подставных префектов, фальшивых полицейских, жуликоватых банкиров.

Приходилось удивляться тому, как много этой нечисти успело незаметно просочиться в организм небольшой в общем-то колонии, где многие жители знали друг друга в лицо.

И лишь в двух людях, вызывавших у Мартисона наибольшие подозрения, система тестов не выявила ни малейших отклонений в психике. Дагер и Флоранс ничем не отличались от обычных людей.

20

Мыс, на котором расположился институт Мартисона, выдавался в море на шесть километров и заканчивался узкой песчаной косой.

На восточной, наиболее широкой части мыса парк постепенно переходил в девственный лес, покрывавший весь Каргдатский материк. Дикие пространства Каргдата никто не пытался осваивать из-за многочисленных опасных животных и ядовитой растительности. Именно фауна Таиры в свое время явилась причиной создания мощной силовой защиты, отгородившей территорию института от первозданных джунглей.

Теперь эта защита помогла колонистам Таиры создать здесь надежно закрытую от резидентов захватчиков базу обороны. Понадобилось лишь хорошо организованное прикрытие с воздуха и несколько лазерных генераторов, охраняющих побережье. Локаторы засекали любой двигавшийся по направлению к мысу предмет задолго до того, как он появлялся в поле видимости. Конечно, все эти предосторожности окажутся бесполезными против настоящей стадии захвата, но пока что люди чувствовали себя в этом укромном уголке, превращенном в крепость, в относительной безопасности.

Мартисон любил прогуливаться по песчаной косе, возможно, потому, что здесь разрушалось впечатление резервации, замкнутой, отгороженной территории, которую представлял собой в настоящее время его институт, отделенный от столицы тысячекилометровыми водными пространствами.

Коса в самом конце становилась настолько узкой, что при малейшем ветре волны свободно перекатывались через нее. Сейчас же, в штиль, Мартисону казалось, что за его спиной нет тяжеловесных, слишком уж функциональных строений института. Можно было вообразить себя стоящим на носу корабля, стремительно вспарывающего морские просторы. Иллюзия становилась еще полнее, если слабый бриз дул с запада и наносил на оконечность мыса из глубин океана невысокие гребешки волн.

Это зрелище отвлекало его от безрадостных дум.

После битвы с ракшасом связь с Лилой вновь и, похоже, окончательно прервалась.

Последней его надеждой, рубежом всех устремлений и усилий стала теперь работа по запуску тм-генератора.

И никому на свете он не признался бы в том, что всеми его помыслами, всеми этими планами и приготовлениями управляло одно-единственное, тайное даже и от него самого желание — увидеть ее вновь... Ощутить на своих губах прохладные и такие странные, податливые и одновременно твердые губы. Обмен противоположными энергиями? Но разве имело значение, как называлось то, что могло сделать человека счастливым?

Он не сомневался, что Лила попала в беду, и скорее всего именно он явился причиной ее несчастий. Вряд ли он сможет хоть чем-то помочь ей. Слишком далекими и непонятными, слишком нечеловеческими были законы мира, в котором она жила. Он мог попытаться лишь разделить ее судьбу, какой бы горькой она ни оказалась. И уж потом, если немного повезет... Сказала же она, что он сможет остановить захват... Знать бы еще, как это сделать...

Все заводы Таиры, используя оставшиеся в их распоряжении энергетические ресурсы, срочно восстанавливали запасы похищенного циркония. Хотя это дело близилось к завершению.

Пробный пуск генератора прошел успешно, вопреки всем его опасениям. Процессор, восстановленный с помощью Флоранса и Дагера, действовал, и не оставалось уже никаких причин откладывать основной запуск.

Не очень-то он верил в то, что сможет вернуться из нового прыжка за временной барьер. Лишь одна горькая радость оставалась неизменной: никто, кроме него, не претендовал на роль подопытной крысы в этом затянувшемся научном эксперименте.

Отвлекая его от невеселых раздумий, на локаторной вышке взвыл ревун. К мысу приближалось какое-то судно или летательный аппарат, не имеющий специального допуска. Такие ошибки случались, и обычно инцидент заканчивался одним предупреждением. Однако в этот раз ревун не смолкал слишком долго.

Вскоре они появились. Пять боевых кораблей, подержанных звеном гравитационных бомбардировщиков. Океан в сотне метров от Мартисона неожиданно взметнулся вверх огромной крутой волной. Только сейчас он понял, какую допустил оплошность, не подчинившись общему сигналу тревоги. Он бежал по косяе к зданию института, понимая уже, что не успеет. Защиты со стороны океана не было, они слишком полагались на свои локаторы и лазерные батареи. В этот момент батареи вступили в действие, но для Мартисона это уже не имело значения. Он не видел, как красноватые лучи рубиновых лазеров скрестились посреди вражеских машин, словно гигантские мечи, кромсая металл. В считанные секунды от бомбардировщиков осталось лишь облако обломков.

Но в тот момент, когда лазеры опустили ниже, преграждая путь кораблям противника, волна цунами от первого и единственного гравитационного залпа, который успели сделать до своей гибели бомбардировщики, накрыла косяе.

Удар десятиметровой водяной стены был страшен. Он вдребезги разнес мол и ближнюю береговую батарею лазеров. Одну из локаторных башен унесло водой, однако до самого здания института, стоящего достаточно высоко, вода так и не дошла.

Впрочем, ничего этого Мартисон уже не видел. Угрожающе запрокинувшись вниз своей побелевшей от ярости вершиной, морской вал подхватил его и, завернув в бурлящую морскую воду, понес прочь от берега.

Мартисон задыхался, непомерная громада волны грозила раздавить барабанные перепонки, но в молодости он занимался плаванием и успел набрать полную грудь воздуха. Задержав дыхание, он успешно противостоял взбесившейся морской стихии, постепенно пробираясь к поверхности моря.

Водоворот затянул его слишком глубоко, и, когда наконец ему удалось вырваться из глубины, сознание от недостатка кислорода готово было покинуть его каждую секунду. Прекрасно понимая, что это означало верную смерть, Мартисон отчаянно боролся с надвигавшейся черной пеленой.

Наконец удалось немного отдышаться. Сердце колотилось как бешеное, но приступ так и не начался. За последние месяцы его больное сердце все больше удивляло его, совершенно перестав напоминать о своем существовании.

Приподнявшись, насколько это было возможно, над водной поверхностью, он осмотрелся.

Вал, перемахнув через косу, ушел в открытое море. О нем напоминало теперь лишь небольшое волнение да многочисленные обломки, плававшие вокруг. В той стороне, откуда появились неприятельские суда, не видно было ничего. Бой закончился.

Мартисона отнесло от берега метров на пятьсот, и вскоре он понял, что главная причина этого в сильном течении, продолжавшем уносить его в открытое море.

Он все еще надеялся справиться с этой новой бедой или хотя бы продержаться на поверхности до подхода спасателей, не позволяя унести себя слишком далеко от мыса. Спасатели должны были прибыть с минуты на минуту, но каймар появился раньше...

Никогда прежде Мартисону не приходилось видеть этих чудовищных обитателей больших глубин. Он лишь слышал жуткие рассказы о коварных и хитрых тварях, способных раздробить своими челюстями обшивку небольшого корабля.

В прозрачной воде двадцатиметровое тело каймара, неторопливо плывущего у самой поверхности навстречу Мартисону, было отлично видно.

Животное напоминало помесь гигантского земного кальмара с аллигатором. Мощный лопатообразный хвост с водометным движителем венчали толстые, как стволы деревьев, щупальца, усеянные красноватыми присосками.

Спереди туловище каймара постепенно переходило в длинную голову, защищенную чешуей. И Мартисон тут же представил, какая пасть может разверзнуться под этой трехметровой мордой.

Положение казалось настолько безнадежным, что смертельный ужас полностью парализовал волю Мартисона к сопротивлению. Он покорно ждал своей участи.

Каймар не спешил. Его глаза, слегка приподнятые

над водой, выглядели необычайно подвижными на окостеневшей аллигаторской морде. Казалось, животное внимательно изучает свою будущую жертву. Что-то осмысленное уловил Мартисон в этом несущем смерть взгляде, что-то похожее на внимание... Потом он почувствовал толчок, шершавая, жесткая, как терка, кожа проехала по бедру, оставляя на ноге кровавый след. И в ту же секунду вода вокруг него забурлила. Берег начал вдруг стремительно приближаться.

Лишь через несколько мгновений он понял, что до сих пор жив. Больше того, он сидел верхом на каймаре, позади его кошмарных глаз, и этот ненормальный каймар со скоростью торпедного катера летел прямо к песчаной косе. Прежде чем Мартисон окончательно пришел в себя, прежде чем он сумел по достоинству оценить возникшую ситуацию, тупая зубастая морда уткнулась в песок. Легким, осторожным движением одного-единственного щупальца его высадили на берег. Голова каймара отодвинулась. В последний раз сверкнули умные, слегка насмешливые глаза чудовища, и водная поверхность сомкнулась над ним.

Первым среди подбежавших к Мартисону людей был лейтенант Прентис Стоун. Тот самый космодесантник, с которым они вместе сражались с ракшасом. Мартисону стоило немалого труда добиться от совета его перевода, и теперь он руководил институтской береговой охраной.

Они испытывали друг к другу взаимную симпатию. Этот молодой военный был, пожалуй, единственным человеком в многочисленном штате институтских служащих, кому Мартисон безоговорочно доверял и с кем позволял себе вести доверительные, неофициальные беседы.

Вот и сейчас, когда первые восторги по поводу его чудесного спасения остались позади, когда он облачился в сухую одежду и присел у электротерма, потягивая из чашки горячий хмельник, Прентис остался с ним.

Едва последний из медиков покинул комнату, как Мартисон сразу же отставил чашку, сбросил с себя напускной расслабленно-умиротворенный вид и спросил Прентиса без обиняков:

— Ну и что вы об этом думаете на самом деле?

— Думаю, что вам чертовски повезло.

— Я не о том. Мне кажется, у бессмысленного на первый взгляд нападения на хорошо защищенный мыс была одна очень важная цель: сорвать завтрашний запуск тм-генератора.

— Если вы правы — они должны быть прекрасно осведомлены о наших делах.

— Вот именно.

Лейтенант плеснул в свою чашку еще немного хмелика и, небрежно развалясь в кресле, задумался. Оставаясь наедине друг с другом, они давно уже чувствовали себя совершенно непринужденно и забывали о субординации. Раньше в этом кресле часто сиживал Флоранс, но после возвращения из камеры УВИВБа в характере этого человека произошли значительные изменения. Он стал подозрителен, мрачен и в конце концов начал избегать старых друзей, несмотря на все их усилия противодействовать этому.

— Ваши прогулки по косе... Вы не заметили, что почти каждый день совершали их в одно и то же время? — спросил Стоун, задумчиво рассматривая Мартисона через свою полупрозрачную чашку.

— Вся моя жизнь здесь подчинена строгому расписанию.

— Этим могли воспользоваться. Похоже, психологические тесты действуют далеко не во всех случаях.

— Я давно это подозреваю. Можно к ним подготовиться, если заранее знаком с содержанием. Мне кажется, произошло что-то подобное. Я ни на минуту не сомневаюсь, что здесь у нас находится не один шпион захвата. Слишком уж интересен для них этот объект.

— Почему же не принимаются меры по их обнаружению?

— Это хлопотно и к тому же бесполезно. Вместо одного обнаруженного шпиона сразу же появятся два новых.

— Вы хотите отменить завтрашные испытания?

— Наоборот. Именно этого они от нас ждут. Мне не хочется оставлять им время для повторных нападений. И есть одно обнадеживающее обстоятельство. История с каймаром.

— Вы по-прежнему утверждаете, что это был каймар?

— Я ведь не похож на сумасшедшего, Стоун. Скажем так — это был не совсем обычный каймар... Мне кажется, кто-то чрезвычайно заинтересован в том, чтобы я как можно скорее попал в Кармин.

— Кармин?

— Так называют свою страну существа, обитающие за временным барьером.

— И этот «кто-то» могуществен настолько, что способен управлять каймарами?

— Возможно, это не самый сильный фокус из его арсенала... Во всяком случае, меня эта история обнадежила. Может быть, мы найдем могущественных друзей там, где этого совершенно не ждали.

Зал генератора с момента начала отсчета мало чем отличался от диспетчерской космического порта во время старта корабля, разве что более детальной и менее торопливой проработкой отдельных стадий запуска.

В особом, специально охраняемом бункере за компьютерными терминалами сидели три человека. Часы перед каждым из них отсчитывали последние секунды. Наконец отсчет закончился, прозвучал специальный, запрограммированный на включение их гипнопрограммы сигнал. Все трое одновременно наклонились вперед, и клавиатуры под их руками затрещали пулеметными очередями. Начался ввод тройного электронного ключа, содержащего в себе структуру основного процессора тм-генератора. Ни один человек в нормальном состоянии не смог бы запомнить тот огромный объем информации, который переходил теперь от каждого из них на компьютерный пульт и исчезал в недрах машины, чтобы превратиться затем в команды предстоящего запуска.

Никто не знал электронный ключ весь целиком — даже сам автор. Никто из людей не сумел бы проверить правильность вводимой нескончаемым потоком информации. Что-то было неверно в этом действии, создатели которого, похоже, перемудрили самих себя.

Как бы то ни было, контрольные системы автоматов и расчетных машин не заметили ни одного сбоя, ни од-

ной неточности, ни одной неверной константы. А между тем треть передаваемой математической структуры не соответствовала изначальному... Усилились вспомогательные коэффициенты, изменились локальные, закрытые от анализа внутренних цепей второстепенные программы... И в результате всего этого...

Повторное испытание тм-генератора закончилось неудачей. Собственно, это был полный провал. Мартисон понял это по застывшим лицам людей, покидающих зал. Слишком велика была цена поражения, ибо она означала для них лишь одно — гибель последней надежды, падение последнего бастиона человеческой расы, еще стоявшего на пути захвата...

Тм-генератор возвышался посреди зала, в переплетении энергетических и информационных линий. Техники, обслуживающие эксперимент, по просьбе Мартисона покинули зал. Он дождался, пока за последним человеком захлопнется дверь... И лишь тогда повернулся к Стоуну Прентису.

— Сейчас это начнется. Вы должны будете мне помочь.

— Вы уверены? Ведь все энергетические линии отключены...

— Об этом не беспокойтесь. Энергия вернется. Эффект маятника — я открыл его во время предыдущего запуска.

Что-то тихо загудело в машине, чуть заметно качнулись стрелки приборов. Прыгнул к красной черте столбик одного из индикаторов...

Наконец они услышали ровный нарастающий гул. Генератор, площадка, на которой стоял Мартисон, да, кажется, и весь зал мелко вибрировали. Шкалы накопителей быстро наливались малиновым светом, сигнализируя о поступлении на их приемники сотен гигаватт мощности... Пришел пронзительный резкий запах озона, а над кожухами машин вспыхнули голубые огни святого Эльма.

— Что-то не так! — хрипло проговорил Мартисон. — Энергия возвращается слишком быстро, и ее в несколько раз больше, чем должно быть...

— Так отмените эксперимент!

— Слишком поздно. Если не израсходовать всю мощность на транспортировку биологического объекта весом в восемьдесят килограммов — произойдет взрыв. Здесь все превратится в плазму.

— Вы не объект! Вы человек! Выключите генератор!

Если бы он мог это сделать... Под зонтом модулятора сверкнуло голубое пламя. Фигура Мартисона налилась изнутри нездешним, запредельным светом, постепенно растворяясь в его сиянии. Раздался хлопок, словно некто невидимый откупорил огромную бутылку шампанского, и человек, стоявший на площадке, исчез.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КОНЕЦ ЗАХВАТА

21

Костер из местных растений горел почти невидимым голубоватым пламенем и не давал дыма. Впрочем, и света тоже, в его синеватых лучах лица людей напоминали лики мертвецов. В сторону Перлис Логинов предпочитал не смотреть.

За их спиной возвышалась безжизненная стальная громада космической шлюпки. Ни один огонек не вспыхивал в глубинах ее ослепших иллюминаторов.

Первая ночь после посадки на планете, к которой выбросил их неуправляемый оверсайд, напоминала Логинову огромный бумажный мешок с редкими дырочками звезд над головой.

Возможно, причина этого мрачного ощущения заключалась в необъяснимом, едва слышном шелесте, ползущем к ним со всех сторон, или в ужасной духоте, от которой не спасали даже кислородные маски.

Ночь придавила, прижала их к земле, навалилась сверху, как огромное пыльное покрывало, закрывшее весь горизонт. Логинову казалось, что он физически ощущает тяжесть ночного неба на своих плечах.

Перлис добровольно взяла на себя обязанности повара с того самого момента, когда, вздохнув в последний раз, замер корабельный генератор. Сейчас она раздавала коробки неприкосновенного запаса, слегка разогретые над костром.

Есть совершенно не хотелось, и, преодолевая себя, Логинов с усилием разорвал вакуумную упаковку пакета. Молчание становилось слишком тягостным, но он все

еще не нашел подходящих слов, чтобы как-то снять напряжение, ободрить доверившихся ему людей.

Слишком многое оставалось непонятным. Последний бросок сквозь разорванное, смятое пространство выплынул их на эту планету, так не похожую на место, к которому они стремились. Оставалось по-прежнему неясным одно обстоятельство, факт, который он так и не сумел объяснить даже самому себе: картограф успел сделать перед посадкой серию снимков, и очертания побережья, на котором они приземлились, в точности, до мельчайших подробностей, совпали с картами Таиры. Но только это была не Таира... Вернее, не та Таира, куда они хотели попасть. Страшная догадка уже начала рождаться в голове Логинова, и напрасно он гнал ее прочь...

Не один он догадался о провале во временную щель.

— Так куда же мы все-таки попали, командир? Лет на четыреста вперед или, может быть, на тысячу назад? Здесь нет человеческих поселений. Мы успели сфотографировать все восточное побережье. До мыса, где должен находиться институт Мартисона, около тысячи километров, но там сейчас девственный лес. — Лицо Абасова оставалось бесстрастным, и лишь блеск глаз выдавал волнение. Логинов не успел ответить. В разговор вмешался Бекетов, сильнее всех переживавший фактическую потерю корабля.

— Помнится, кто-то говорил, что на Таире два космодрома, сорок городов, двенадцать производственных комплексов. Их нет на снимках. На снимках нет ничего, кроме океана, пустыни и леса. Где мы найдем топливо на обратную дорогу? Баки энергана пусты. Что дальше? Что мы будем делать теперь? — Бекетов смотрел на Логинова почти без упрека, скорей с горечью.

— По крайней мере, мы остались живы. У нас был один шанс на целую тысячу оказаться после неуправляемого броска вблизи хоть какой-то планеты. Тем не менее нам удалось приземлиться. Это не так уж мало — остаться живыми в такой передрыге... Давайтеждемся утра, осмотримся, возможно, все не так трагично, как кажется сейчас. Институт Мартисона могли уничтожить, если здесь начался захват. На снимках много неясного. В рай-

оне института есть какие-то строения или развалины, там могли остаться подземные склады. У нас слишком мало данных для окончательных выводов.

Никто не стал возражать, во всяком случае вслух, но у костра висело такое же тяжелое, так эта ночь, непробиваемое отчуждение. Если это так — они очень скоро перестанут быть командой. Каждый начнет бороться за собственное выживание. Каждый в отдельности — надолго ли их хватит?

— Мы слишком неосторожны, — сказал Маквис, оглянувшись на шлюпку, — над нами нет защитного поля, а в лесах Таиры опасная фауна. — Похоже, шелестящая тишина, обступавшая их все плотнее, сильнее всего действовала на его нервы. Наверное, он был прав, но никому не пришло в голову вернуться обратно в стальную камеру шлюпки. Слишком свежи еще были воспоминания о беспомощных букашках, которыми они себя ощутили, когда трещавший по всем швам корабль падал сквозь бездну развороченного пространства.

— Это не Таира, — убежденно возразил Абасов, — и здесь нет жизни. Мы попали в абсолютно мертвый, стерильный мир. Анализаторам не удалось обнаружить ни одной местной бактерии.

Словно желая возразить Абасову, Логинов отломил ветку кустарника за своей спиной. В свете костра она казалась полупрозрачной и абсолютно бесцветной. Абасов фыркнул:

— Картонный макет. В ней нет соков. Нет жизни — вот откуда этот непрекращающийся шелест! Мы попали в бумажный лес.

— Должны же были как-то вырасти все эти растения. Если они мертвые, как они вообще здесь появились? Не хочешь же ты сказать, что кто-то специально утыкал всю планету искусственными макетами деревьев?! — Бекетов почти кричал.

— Это не картон. Что-то совсем другое. Когда мы пойдем...

Абасов вдруг весь подобрался и одним неуловимым движением перебросил лазерный скотчер в боевую позицию. Теперь и остальные слышали шаркающие шаги, сопровождаемые усилившимся хрустом и шелестом.

Прежде чем Логинов успел что-то сказать, на поляне появился серый карлик, одетый в дурацкий рваный камзол неопределенного цвета. Любому из них это существо едва ли доставало до пояса.

Не обращая никакого внимания на грозно смотрящий ему в лицо ствол скотчера, карлик степенно прошествовал к костру, присел на корточки и стал греть над огнем руки, словно не замечая потрясенных людей. Лицо карлика каким-то неуловимым образом все время менялось, словно по нему проходили невидимые волны. На широком поясе у гостя висели нож в ножнах с широким лезвием; помятая грязная кружка и такая же грязная ложка.

— Пожрать у вас не найдется, ребята? — спросил карлик на чистом интерлекте, так и не взглянув в их сторону. Похоже, ни они сами, ни темная туша космического корабля интереса у него совершенно не вызывали, словно земные космонавты каждый день разгуливали по этому лесу целыми табунами.

Казалось, одна Перлис сохранила самообладание в этой невероятной ситуации и молча протянула карлику надорванный пакет с разогретым ужином. Карлик немедленно отправил все его содержимое в свою огромную кружку, тщательно размешал и не торопясь принялся есть, понемногу выковыривая кусочки перемолотых с гарниром тефтелей.

— Невкусная у вас еда.

— А ты, однако, нахал, — сказала Перлис. — Ничего, сойдет, мы тебя к столу не звали.

— Так ведь и вас сюда никто не звал, — проворчал карлик, с чавканьем пережевывая ужин.

— Что верно, то верно, — примирительно согласился Логинов, стараясь взять ситуацию в свои руки. — Мы к вам попали не по своей воле.

— Ну так и валите обратно, пока не поздно.

— Мы бы и рады, да не можем. Топлива нет.

— Дело поправимое. Трех контейнеров энергана для старта вам хватит? Ну, значит, договорились. И поспешите. Хозяин велел ждать только до утра. А ты девочка хорошая. Ласковая девочка, — неожиданно закончил карлик свою потрясающую тираду, обращаясь к Перлис.

Его тоненькая цыплячья рука, потянувшись к моло-

дой женщине, вдруг удлинилась и коснулась ее щеки. Вздвогнув от отвращения, она, не успев еще осознать, что произошло, с размаху рубанула ладонью по этой тоненькой паучьей лапке. Логинов хорошо знал, каким может быть удар у Перлис, но карлик его словно бы и не заметил. Он покровительственно похлопал ее по щеке, повернулся и, шагнув в сторону зарослей, мгновенно исчез.

— Что это было? — хриплым свистящим шепотом спросил Бекетов. Его рука, сжимавшая бластер, слегка дрожала, и лишь в глазах у Абасова прыгали неуместные в данной ситуации веселые чертики.

— Такие вот здесь аборигены, очень голодные и грамотные, прекрасно разбираются в интерлекте и энергане...

— Но этого просто не может быть! — воскликнул Бекетов.

— Конечно, не может. Тем не менее пойди и проверь энерган, — решительно потребовал Логинов.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— Ты проверь, проверь, потом поговорим.

Тягостное молчание висело над костром несколько минут, понадобившихся Бекетову, чтобы подняться в кабину шлюпки. Вскоре он вновь присоединился к ним и долго хранил молчание. Казалось, его лицо за эти несколько минут заострилось еще больше, резче легли тени под глазами, горящими нездоровым, лихорадочным блеском.

— Как ты мог догадаться? Ты что-нибудь знаешь о них? — Он кивнул в сторону опушки, туда, где скрылся карлик.

— Не больше, чем ты. Сколько там энергана?

— Баки полны.

— Мы можем стартовать?

— Конечно, нет. Нужны верфи, нужен капитальный ремонт всей системы двигателей.

— Жаль, что ты не сказал об этом нашему визитеру... Времени у нас, похоже, только до утра.

— Да что же такое здесь, наконец, происходит?! — Маквис почти кричал.

Впервые Логинов услышал, как Маквис повысил голос, и потому ответил очень обстоятельно и спокойно:

— Аборигены, кто бы они ни были, вежливо попросили нас убраться с планеты. Похоже, они не желают вступать ни в какие переговоры. Нас не хотят здесь видеть, и, судя по тому, с какой легкостью были переброшены в топливные баки двенадцать тонн энергана, могущество, которым они располагают, нам даже не снилось.

— Но на Таире не было обнаружено никаких аборигенов!

— Это не Таира. Вернее, это не та Таира, которую ты знаешь, — еще раз уточнил Абасов. — А если Бекетов сумеет запустить двигатели, ты дашь команду на старт? — В глазах Абасова все отчетливее плясали насмешливые огоньки. Впервые при посторонних он позволил себе это дружеское «ты» в обращении к Логинову, словно давая понять, что обстоятельства, в которые они попали, уничтожают любые условности. — Сдается мне, что вся эта история с карликом как-то связана с захватом, не зря мы сюда ломимся...

— Возможно, ты прав... — задумчиво согласился Логинов. — Будем считать, что экспедиция продолжается. И до тех пор, пока мы не узнаем, что произошло на Таире, мы все находимся на задании. Прошу не забывать об этом. Сейчас три часа. К предупреждению, которое мы получили, следует отнестись вполне серьезно. И именно поэтому все должны выспаться. Если нужно — используйте аппараты гипносна.

— Кто-то должен остаться дежурить, заметил Абасов.

— Только не ты. Завтра от тебя будет зависеть слишком многое. Дежурить будут Маквис, Бекетов и я, каждый по часу.

Настал предрассветный час, когда Логинов заступил на дежурство. Его товарищи забылись коротким сном. Вокруг остались лишь безмерная пустота, одиночество и шелест.

Логинов перебросил скотчер на другое плечо, думая о том, что мощь земного оружия совершенно бесполезна в этом мире фантомов, шелестов и вздохов.

Усталость кружила вокруг его глаз белыми хлопьями снега. Он задыхался от жары, а видел снег своей юности на далекой отсюда планете.

Он оперся рукой о ствол дерева — так было удобнее стоять, вслушиваясь в тишину, утонувшую в шорохе миллионов бумажных листьев, и неожиданно услышал шаги за своей спиной...

Кто-то шел к нему от ночного лагеря. Кто-то не сумел заснуть, несмотря на приказ. Кто-то чувствовал себя в этом враждебном, полном неведомых опасностей мире так же одиноко, как он.

Логинов замер, боясь поверить, боясь шевельнуться. Он не двинулся и тогда, когда узкая женская рука легла на его запястье.

— Ты думаешь, мы сможем вернуться? Когда-нибудь кончится весь этот кошмар и мы снова сможем спокойно спать в своих домах? Мне ведь нужно так немного! Разве мы заслужили такую судьбу?

— Возможно, заслужили, — тихо, как эхо, отозвался Логинов. — Мы шли к ней долгие годы, калеча природу, заботясь лишь о собственных удобствах, наше честолюбие не знало границ. Нам всего было мало. Мало денег. Мало жилищ. Мало пищи. И вот, наконец, мы получили все это в достатке, так и не сумев обуздать свою жадность, подмяв под себя живую душу собственной планеты. А потом начался захват...

— Чем же виноваты мы, простые люди? Мы не хотели слишком многого...

— Но неудовлетворенных и ненасытных — миллионы. Желания их, сложившись, перетянули чашу весов, и вот мы здесь, мы вынуждены противостоять захвату. И если те, кто им управляет, окажутся разумнее и дальновиднее нас...

— Ты думаешь, мы не сможем вернуться?

— Я не знаю, Пер. В этом мире не ощущается жизни. Мы здесь слишком чужие. Возможно, мы останемся в нем навсегда. И на земле даже не узнают... Даже не вспомнят о нас. Но пока мы команда — мы будем идти вперед, мы будем выполнять то, за чем нас послали. И до тех пор, пока это так, у нас еще остается надежда...

А потом он повернулся и никого не обнаружил рядом с собой. Лишь затихающий издевательский смех прозвучал высоко в кронах деревьев и растворился в шелесте бумажной листвы.

22

После подъема Логинов чувствовал себя совершенно разбитым. Торопливо позавтракав специальными тонизирующими галетами и запив их чашкой крепкого кофе, они начали работы по расконсервации вездехода высшей защиты, представлявшего собой довольно мощное средство обороны и их единственный теперь транспорт.

Вскоре им удалось опустить грузовой пандус шлюпки, раскантовать крепления вездехода и загрузить его необходимым оборудованием, водой и продовольствием.

Было решено подождать несколько часов, пока солнце поднимется достаточно высоко, и, если никто из ночных «доброжелателей» не появится, начать прорыв к полуострову, на котором раньше был расположен мартиноновский институт. В конце концов, тысяча километров для вездехода класса космического танка — расстояние небольшое.

Когда решили наконец трогаться, оказалось, что двигатель вездехода не запускается, хотя автоматика подтверждала его полную исправность. Вскоре выяснилось, что энерган, доставленный на корабль столь таинственным путем, с рассветом улетучился, испарился, исчез... Баки вновь оказались пустыми. Легко можно было представить, что случилось бы с кораблем; если бы они стартовали на этом горючем. К счастью, на «Глэдис» оказалось достаточно собственного горючего для заправки одного из блоков вездехода.

— Энергана осталось ровно столько, чтобы нам успеть набрать приличную высоту и затем...

— Ты думаешь, они об этом знали?

Логинов лишь пожал плечами в ответ.

Наконец все было готово. Неуклюжая с виду черепаха вездехода стояла на гравитационной подушке, мелко сотрясаясь от работающих двигателей. Его лазерная и антипротонная пушки грозно смотрели в побелевшее небо Таиры.

Все заняли свои места в тесной кабине. Абасов расположился в стрелковой башне, Бекетов сел за рычаги управления, а Маквис, Логинов и Перлис оказались плотно стиснутыми на заднем сиденье. Духота, преследовавшая

их всю ночь, стала почти невыносимой, несмотря на вентиляцию. Все, включая Перлис, постепенно расставались со всеми возможными частями одежды. Логинов изо всех сил старался не думать о том, что обнаженное плечо Перлис плотно прижато к нему, но это плохо удавалось. Судя по учатившемуся дыханию Маквиса, он испытывал те же чувства.

Солнце наконец поднялось над лесом, и сквозь узкие щели, защищенные прозрачной броней, они увидели окружавшие их огромные пилоны полупрозрачных белесых призраков, весьма смутно напоминавшие деревья. Ни единый луч солнца не отражался от их шероховатой поверхности. Не было ни красок, ни движения в этом мертвом лесу. Напряжение ожидания выматывало нервы, и, когда в течение часа так ничего и не произошло, Логинов отдал наконец приказ к отправлению.

— Я думаю, нам лучше всего двигаться вдоль побережья. Полоса свободного от леса пространства идет до самой реки, — предложил Бекетов.

— А как мы переправимся через реку? — спросил Маквис.

— Для вездехода это не препятствие. Он рассчитан на преодоление водных преград. Гравитационная подушка удержит его на поверхности.

С хрустом подминая под себя странно упругие стволы деревьев, вездеход двинулся к побережью. Он шел удивительно плавно. Чуткие приборы, мгновенно регулировавшие мощность антигравов, своевременно компенсировали любые неровности местности. Через какую-то сотню метров лес кончился, и они оказались среди песчаных дюн на берегу океана.

— Внимание! — крикнул сверху Абасов. — Похоже, нас атакуют.

Теперь они все увидели среди ближайших песчаных холмов мелькающие серые спины каких-то огромных животных. Их трудно было рассмотреть из-за дюн, но скорость передвижения этих существ казалась почти фантастической. Буквально через несколько секунд первая тварь, распахнув трехметровую пасть, попыталась ухватить вездеход за левую стойку. Защитное поле из-за экономии энергии не было включено, да и кому могло при-

ти в голову, что для защиты от хищников может понадобиться защитное поле? Вот только это были не совсем обычные хищники... Завизжала сталь, вездеход содрогнулся, и затем леденящий душу хруст сообщил им, что левая стойка антиграва прекратила свое существование.

— По-моему, она ее перекусила! — сообщил потрясенный Бекетов. Вездеход сразу же осел на левый бок. Антиграв все еще держался на одной стойке, но центровка и синхронизация полей были теперь нарушены.

— Чего ты медлишь? Почему не открываешь огонь? — не выдержал Логинов.

— Трое из них уже в мертвой зоне!

— Так отсекай остальных!

Бластерная пушка протяжно ухнула, и фиолетовый луч вонзился в ближайший холм. Река расплавленного песка преградила дорогу целому десятку взъерошенных остервенелых тварей.

— Включай защитное поле! — выкрикнул Логинов, услышав, как вновь захрустела обшивка.

— Если мы это сделаем, хода останется всего на пять минут.

— Тогда к черту поля! Разворачивай машину и уходи от них на полной скорости!

Пушка снова рявкнула, и на этот раз луч задел одно из чудовищ. Остальные, занявшись своим собратом, задержались, но те трое, что уже были рядом с машиной, не отставали от них ни на шаг. Снова завизжала сталь.

— Если им удастся перекусить вторую стойку, мы потеряем ход! — выкрикнул Бекетов, пытаясь удержать на прямой рыскавшую из стороны в сторону машину.

Логинов, срывая со стены бластер, молча поднялся.

— Я с вами, командир! — крикнула Перлис, рванувшись следом. — Два ствола надежней, а в соревновании по стрельбе в Управлении мне не было равных.

Он не нашелся что возразить, да и не время сейчас было спорить. Поднявшись по узкой лесенке мимо согнувшегося у прицелов лазерной пушки Абасова, он отодвинул в сторону крышку целевого люка и выглянул наружу. Сухой горячий воздух ударил в лицо. Почти рядом с собой он увидел подернутые бешеной синевой гла-

за чудовища, намертво вцепившегося во вторую стойку. Вездеход волочил его следом за собой, и двигателю не хватало мощности, чтобы набрать приличную скорость с таким дополнительным грузом. В любую секунду они могли лишиться левого двигателя... Одна из тварей, видимо задетая лучом лазерной пушки, отстала. Зато вторая неслась рядом, слегка опережая вездеход.

Логинов дважды выстрелил в морду монстра, висящего на стойке. С такого расстояния энергетические заряды должны были разнести череп животного на мелкие куски, но этого почему-то не произошло. Лишь два аккуратных черных отверстия образовались в голове в местах попаданий. К счастью, этого оказалось достаточно, чтобы монстр на мгновение разжал свою мертвую хватку.

Машина дернулась, выпрямилась и рванулась вперед. Туча песка, подброшенная двигателями, скрыла от Логинова преследователей. Однако последний из прорвавшихся к машине монстров все еще представлял собой серьезную угрозу.

Вездеход дергался, мешая Логинову прицелиться. Энергетические заряды вспарывали песок сбоку и позади монстра, и в этот момент зверь прыгнул; Логинов видел, как его передние лапы, заканчивавшиеся кривыми когтями, вытянулись в воздухе в его сторону. Лохматое шарообразное тело развернулось и стремительно приблизилось. В этот самый миг рядом с его ухом дважды щелкнул лазерный пистолет, и женская рука с неожиданной силой рванула его вниз. Прежде чем корпус машины содрогнулся от удара тяжелого тела, люк над их головами захлопнулся. Внизу под ними еще раз ухнула лазерная пушка, и все смолкло. Бой, похоже, закончился. Толчки прекратились, и до них донесся голос Бекетова:

— Они отстают, командир, кажется, мы оторвались!

Он стоял совсем рядом с Перлис в узкой трубе металлической башенки, разгоряченный этим первым боем и первой одержанной победой. Неожиданно его руки сами собой легли на плечи Перлис. Лицо девушки вдруг оказалось рядом, так близко, как никогда не было раньше, и он поцеловал ее в эти горячие, такие желанные и недо-

ступные для него все это время губы. А затем услышал спокойный, отрезвляющий голос:

— По-моему, вы сошли с ума, командир. Что подумает о нас остальная команда?

— Я не знаю. Мне все равно, что она подумает! Я сделал то, что давно хотел сделать, я все время думал о вас...

— С вами ничего не случилось? — спросил внизу под ними Абасов.

Вскоре после того, как за дюнами скрылся последний преследователь, им пришлось остановиться и заняться машиной.

Повреждения оказались не слишком серьезными. Больше всего Логинова беспокоило то обстоятельство, что повреждения вообще оказались возможны. Во всей известной людям Вселенной не было зубов, способных оставить на титанитовой стали такие шрамы. Тем не менее с фактами приходилось считаться, и если нападение повторится...

Самый печальный вывод касался их ультрасовременного лазерного оружия. Оно оказалось малоэффективным в местных условиях, а ведь это только первая атака, и неизвестно, что их ждет дальше. Пока Бекетов с Маквисом занимались укреплением поврежденной стойки двигателя, Абасов не покидал пушечной турели, но едва ремонт закончили, как он спустился вниз и подошел к Логинову.

— Ты уверен, что в сложившихся обстоятельствах мы сможем добраться до института?

— Честно говоря, не очень.

— Тогда, быть может, лучше вернуться?

— Чтобы медленно сгнить внутри неподвижной шлюпки?

— Чего-то я все же не понимаю... Животных, способных перегрызть титанитовую сталь, не существует. У тебя есть какие-нибудь соображения относительно места, в которое мы попали? Даже если сейчас здесь другое время, это не объясняет существования карликов, знающих интерлект, и тварей, питающихся титанитом.

Подошел Маквис; очевидно, он слышал последнюю фразу Абасова, потому что ответил именно ему:

— У меня есть кое-какие соображения на этот счет. Я давно хотел вам сказать, но, знаете, служебные инструкции...

Логинов упорно молчал, не желая облегчать ему признания.

— Дело в том, что перед нашим отлетом поступила информация с Таиры от нашего засекреченного агента в штате местного УВИВБа. В сообщении говорилось, что их ведущему ученому Мартисону удалось запустить тм-генератор и перейти временной барьер. Я не совсем понимаю, что это означает, но в сообщении говорится, что он вернулся из мира карменов живым. Не в этом ли мире мы теперь находимся?

— Возможно, вы правы... во время оверсайда вся наша ракета могла превратиться в гигантский тм-генератор, забросивший нас в зону сжатого времени — это даже не будущее, иная вселенная со своими физическими законами, о которых мы почти ничего не знаем. Мир карменов? Странное название...

— Ничуть не хуже любого другого, — холодно заключил Абасов.

— Аналитический отдел подтвердил весьма высокую вероятность успеха эксперимента Мартисона, но после испытания он бесследно исчез. Собственно, именно из-за чрезвычайной важности этих событий меня и включили в вашу группу.

— Косвенные сведения об этом дошли и до моего отдела. Похоже, мы действительно попали в какую-то иную Вселенную, с отличными от наших физическими законами. Лишь очертания материков напоминают здесь известную нам Таиру.

— Во что бы то ни стало мы должны добраться до института Мартисона. Только там мы сможем хоть как-то разобраться в случившемся. Вся история Таиры и тм-генератора напрямую связана с захватом. Разгадка где-то здесь, совсем близко...

— Кто-нибудь из вас помнит, как они выглядят? —

Абасов возвращал их к текущим делам, что-то напряженно обдумывая.

— Кого ты имеешь в виду? — повернулся к нему Логинов.

— Тварей, которые на нас напали.

— Ну, что-то очень зубастое... Помню морду с метровыми клыками.

— Странная получается история. Мы почти час сражаемся с какими-то монстрами, а когда бой окончен, никто не может их толком описать. Одному запомнилась пасть, другому когти, но в целом ни у кого нет представления, на что они похожи.

— Действительно... — Маквис выглядел искренне удивленным. — Возможно, причина в том, что они постоянно, едва уловимо, менялись. То они походили на колючий шар, то на гигантских волков.

— А что если их структура пластична и беспрерывно обновляется с высокой частотой?

— Это могло бы объяснить их неуязвимость или, во всяком случае, огромную стойкость при поражении. Нужно ухитриться попасть в него в момент смены фаз. Лишь тогда действие заряда окажется эффективным, в противном случае пораженная часть мгновенно регенерирует... Но мне никогда не приходилось слышать о существовании подобных организмов.

— Это не организмы. Это искусственно созданные боевые машины, и весьма эффективные к тому же.

— Даже если это так, у нас нет иного выхода, кроме прорыва к институту Мартисона. Что бы собой ни представляли напавшие на нас твари — первый бой мы выиграли. Возможно, это заставит их призадуматься, прежде чем решиться на новое нападение.

— Если бы не дефицит горючего, мы могли бы им вполне успешно противостоять, а так... — Маквис удрученно покачал головой.

— Даже если мы проиграем — это лучше, чем сидеть внутри неподвижной ракеты, ожидая медленной смерти. Вперед, друзья, и да здравствует наша команда! — закончил Абасов.

Эта старая ритуальная фраза космодесантников оз-

начала, что отныне интересы команды ставятся превыше всего. Превыше служебных инструкций, превыше личных привязанностей и возможных обид. Молча они пожали друг другу руки. И Логинов знал, чувствовал, что часть этой фразы специально адресована ему. Его последний разговор с Перлис, увы, не остался незамеченным, как он надеялся...

23

Нападение, которому они подверглись, не прошло бесследно. Центровка левого двигателя нарушилась, и вездеход теперь двигался и подпрыгивал, словно старая телега. В сочетании с усилившейся к вечеру жарой езда стала почти невыносимой.

Чтобы хоть немного встряхнуться, Логинов взял телескопический бинокль и поднялся на площадку батарейной башни. Впереди, в нескольких километрах, виднелся обрывистый берег реки, через которую им предстояло переправиться. По обе стороны узкой и относительно ровной полосы побережья тянулись однообразные цепи песчаных холмов, справа переходящие в низкий берег океана, на который с грохотом одна за другой накатывались волны.

Высоко вверху, в бесцветном белесом небе, появился едва заметный след. Странная белая полоса, сквозь которую, разрывая ее длинную ленту, неслась стая каких-то птиц. В бинокль они показались Логинову огромными и странно округлыми. В этом мертвом мире не должно было быть птиц...

К вечеру вездеход вышел к берегу реки.

Опасаясь за машину, они не рискнули переправляться в сумерках. Решено было сделать привал, а утром соорудить что-то вроде понтона, чтобы хоть немного облегчить нагрузку на антигравы, которые должны были тащить над водой многотонную машину.

Никому не улыбалась перспектива еще одной ночевки вблизи леса, стеной стоящего на противоположной

стороне узкого песчаного побережья, но иного выхода не было. Отдыхать решили в машине.

В тесной кабине они натянули на себя спальные мешки, чтобы уберечься от ночной прохлады, моментально пробравшейся сквозь броню, как только выключили двигатель. Несмотря на то что спать пришлось сидя, вскоре всех, кроме часового в стрелковой башке, сморил глубокий сон.

На этот раз Логинов уступил настояниям Абасова. Ему выделили первое, самое легкое дежурство.

Река сверкала в смотровом иллюминаторе, как ртуть. Ее вода казалась неподвижной, густой и ядовитой, словно этот жидкий металл. Небо над ними не окрашивалось вечерней зарей, но по тепенно наливалось изнутри нездоровым ярким туманом.

Ни движения, ни шороха вокруг, даже шелест леса сюда не долетал. Стояла глухая, как вакуум, тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием спящих внизу людей.

В этом походе редко выдавались минуты, когда Логинову удавалось побыть наедине с собой. Его мысли невольно, раз за разом, возвращались к тому случаю в башне, когда он, совершенно неожиданно для самого себя, решился поцеловать Перлис. С тех пор она не сказала ему ни слова и старалась как будто даже не смотреть в его сторону. Он так и не смог понять, какое ответное чувство вызвал в ней этот случайный поцелуй...

Неужели вечно будет давить на них служебное положение командира и подчиненного, с которого началось их знакомство? Казалось, больше всего ее волновало, что о ней подумают остальные. Но, возможно, для нее это действительно важно...

Неожиданно Логинов почувствовал за своей спиной осторожное движение. Перлис, прижав палец к губам, очень медленно и почти бесшумно поднималась по лесенке за его спиной.

— Ты куда? — шепотом спросил Логинов, чувствуя, как волнение сдавило горло. Теперь уже одного ее появления оказалось достаточно, чтобы вывести его из равновесия!

— Мне нужно выйти.

— Это невозможно. Одна ты не можешь покинуть вездеход.

— Жаль, что ты не женщина, Артем, и не можешь оценить всех достоинств туалета на этой железной колымаге. Я специально дождалась, пока все уснут. Мне надо хотя бы умыться.

— Это очень опасно, Пер. Я не могу позволить тебе выйти одной.

— Ну так проводи меня. В конце концов, ты просто отвернешься.

— Не обещаю даже этого... — прошептал он внезапно пересохшими губами — впервые она назвала его по имени, впервые сказала «ты», и он никак не мог справиться с волнением, вызванным ее словами, и с тем оглушающим впечатлением, которое они призвели на него после всех его ночных терзаний.

Она молча поднималась, и ему ничего не осталось, как, переведя бластер на боевой взвод, последовать за ней.

Небо этой планеты, которую они так и не решились называть Таирой, напоминало огромный ком грязной ваты. Ни разу не удалось им увидеть здесь ни солнце, ни луну. Сквозь плотный перламутрово-белесый слой, заполнявший небосвод планеты от горизонта до горизонта, с трудом пробивался рассеянный свет. Сейчас небо потемнело, но света все же оставалось вполне достаточно, чтобы различать под ногами даже мелкую гальку.

Они подошли к самому берегу, и от реки потянуло холодным, тревожным туманом. Вода выглядела совершенно черной и кое-где слегка красноватой, словно застывшая кровь. Сейчас река уже не блестела, как час назад, и казалась холодной и смертельно опасной.

— Подожди! — попросил Логинов. Молодая женщина даже не оглянулась, лишь слегка замедлила шаг. Отвернув рукав, он направил на воду невидимый луч универсального анализатора и уже через секунду знал, что в реке нет ничего, кроме самой воды. Возможно, ученого такой состав воды, начисто лишенной солей, минералов и всякой органики, заставил бы насторожиться, но для Логинова оказалось вполне достаточно того, что эта жидкость не представляла собой опасности для человека.

Они прошли еще с десяток метров, пока прибрежный кусок скалы, закрывший от вездехода небольшую бухточку, не заставил Логинова остановиться. Отсюда он мог подстраховать Перлис, одновременно не выпуская из поля зрения и вездеход, стоявший на открытом песчаном холме.

Не возражая против его выбора и ничуть не смущаясь его присутствием, Перлис начала раздеваться. Она сбросила на песок всю свою одежду и, совершенно нагая, повернулась к Логинову, задорно и чуть вызывающе улыбаясь.

Их разделяло не больше метра... Он видел ее высокую, смутно белеющую в полумраке грудь с приподнятыми розовыми сосками, скрытую под бронзовой кожей нежную мускулатуру живота. Узкая талия подчеркивала бедра, и они казались ему широкими, словно он смотрел на статую древней богини, хотя на самом деле фигура Перлис не имела ничего общего с мертвой статуей. Она вся дышала живым трепетным огнем, и снова, в которой уж раз, он затаенно повторил про себя: «Боже... Как она прекрасна...»

— Может быть, ты все-таки отвернешься?

«Даже если бы захотел, я не смогу этого сделать; и что бы с нами ни случилось в дальнейшем, я сохраню память об этой минуте, как о чем-то самом прекрасном в моей жизни». Впрочем, ничего этого он так и не сказал вслух, а лишь отрицательно и очень серьезно покачал головой. Тогда она засмеялась, вдруг шагнула к нему, чмокнула в щеку и сразу же с размаху бросилась в воду. Он даже не успел опомниться. Этот ее мимолетный поцелуй совершенно ошеломил его, лишив способности в эти такие драгоценные мгновения трезво оценивать ситуацию. А вода между тем раздалась в обе стороны, словно две огромные холодные ладони приняли тело женщины и сразу же сомкнулись над ней, завязываясь в тугий узел, в широкий водяной смерч.

Мгновение спустя Логинов услышал, как она закричала, и, отбросив бесполезный бластер, бросился за ней в воду.

Но мягкий упругий удар холодной поверхности того, что на самом деле вовсе не было водой, швырнул его обрат-

но на берег. Логинов яростно закричал, вновь хватаясь за оружие и всаживая в эту ледяную равнодушную воду заряд за зарядом...

Смерч давно ушел к середине реки и постепенно исчезал из глаз. Логинов видел, как от вездехода к нему бежит Абасов, сжимая в руках ненужный скотчер; бессилие, ярость и отчаяние черной пеленой постепенно заволакивали его мозг.

С рассветом они обшарили все побережье на несколько километров вокруг. Ни движения, ни жизни. Мертвый лес. Мертвая вода. Равнодушно, лениво и почти величественно река катила свои воды.

Не сразу осознали они утрату, которую понесли. Перлис, словно живой огонек, своим присутствием одухотворяла их мрачную, чересчур запрограммированную на одну цель компанию. Одна среди этих четверых оторванных от дома и близких молодых мужчин, она, с удивительным тактом выдерживая между собой и каждым из них определенную дистанцию, сумела добиться того редкого уважения, которое далеко не всегда возникает в подобных ситуациях.

Абасов, снарядив портативный акваланг и невзирая на протесты Бекетова, опустился на дно. Один Логинов, не принимая ни в чем участия, сгорбившись, сидел на крыле вездехода. Он не сдвинулся с места даже тогда, когда Абасов вылез из реки и обреченно отрицательно покачал головой.

Все это уже не имело значения, как не имела значения и вся его дальнейшая жизнь.

Ему что-то говорили, он слушал, соглашался, помогал перетаскивать какие-то бревна, вязать плот. Он двигался как живой автомат, как лишенная жизни, заведенная кукла. Он был похож на те самые человеческие «костюмы», которые обнаружил Мартисон в здании УВИВБа.

К обеду в мрачном молчании они начали переправу. Еще теплилась какая-то надежда на той стороне реки обнаружить следы существа, унесшего Перлис. Но и там

они не нашли ничего. Песок был первозданно чист, словно лежал здесь неподвижно целые века.

Очевидно, желая исправить впечатление от благополучной переправы, река выплюнула им вслед дюжину липких тварей, похожих не то на мокриц, не то на огромных рогатых пиявок, и Логинов, не пожалев заряда, выстрелил по этой нечисти из второго ствола башенного орудия, того самого, что выбрасывало в цель сконцентрированное облачко антипротонов.

Взрыв был ужасен. Ослепительное голубое пламя прошло вдоль берега реки, все сжигая на своем пути и оплавляя даже камни. Фиолетовый шар термоядерного взрыва, мазнув по берегу, погрузился в воду и, разорвав смертоносное чрево реки, вышвырнул к небу столб черного пара.

Никто не упрекнул Логинова, не возразил ни словом. Лишь Абасов сокрушенно и сочувственно покачал головой, однако антипротонную пушку заблокировал своим личным ключом. Впрочем, этот единственный выстрел возымел какое-то положительное действие. Словно утрашившись чудовищной мощи земного оружия, их наконец оставили в покое, и весь остаток дня вездеход беспрепятственно двигался вперед, к цели, которая все дальше и дальше уводила их от того места, где они потеряли Перлис.

24

Ущелье, по которому двигался вездеход, становилось все круче и в конце концов вывело их на водораздел невысокого горного хребта.

Два утеса впереди напоминали остатки гигантской арки ворот. Вначале они приняли их странную форму за причудливую работу ветра, но вскоре под подушками вездехода появились следы старой дороги, ведущей к арке. Полуразрушенные многометровые плиты кое-где выглядывали из-под осыпей, и их ровные стыки свидетельствовали об искусственном происхождении этих гигантских образований.

В момент, когда вездеход оказался под аркой, пискнул

зуммер наружных датчиков, измерявших лучевое воздействие на машину. Бекетов недовольно поморщился.

— Это не похоже на естественный фон. Скорее неизвестный нам вид энергии.

— Какая мощность?

— Тридцать микрорентген. Почти на уровне естественного фона, и все же мне это не нравится.

— Но ведь теперь его нет?

— В том-то и дело... Воздействие ощущалось лишь в момент прохода под аркой.

Внизу сверкал, разбиваясь о камни, бурный приток той самой реки, через которую они недавно переправлялись. Наклон ложа в этом месте был так крут, что вода разбивалась о камни миллиардами капель. Радужный сверкающий туман почти полностью скрывал противоположный берег. Дорога заканчивалась крутым обрывом, совершенно непроходимым для вездехода.

— Не могли же эту дорогу прокладывать к пропасти!

— Конечно, нет. Ей не одна тысяча лет, когда-то здесь, возможно, был мост.

— Он и сейчас здесь есть, — впервые вступил в разговор Логинов, и головы всех троих сразу же повернулись к нему. — Посмотрите внимательней, и не на берег, дальше.

Теперь все увидели этот странный мираж. Высоко над пропастью сверкала лента моста, словно сотканная из радужного тумана. В те редкие моменты, когда картина становилась четче, можно было рассмотреть даже перила и поддерживающие арки, круто уходящие в пропасть. Вездеход раскачивался, и мост то появлялся, то исчезал — в зависимости от угла зрения.

— Радужный мост... — задумчиво проговорил Максис, — я что-то слышал об этом... Есть древняя таирская легенда о мосте через реку времени. Души мертвых проходят по такому мосту на пути в иной мир.

«Если легенда не лжет, — подумал Логинов, — то, возможно, именно по этой дороге ушла от нас Пер...» Он вдруг решительно приподнялся на своем сиденье.

— Остановите машину. Я хочу посмотреть на него вблизи.

Когда он подошел к краю обрыва, мост как будто уп-

лотнился, стал четче. Прямо перед собой, в нескольких метрах, он видел шероховатые полупрозрачные плиты, отлитые будто из цветного стекла. Они уходили в неведомое далеко и в десятке метров впереди, растворяясь в тумане, исчезали. Мост содержал в себе некую тайну. Он притягивал путника, с неодолимой силой вызывая желание поставить ногу на его призрачную ленту и сделать шаг в небытие.

Человеческая логика с трудом справлялась с этим иррациональным желанием. Быть может, напрасно? Никто не знает, куда на самом деле ведут такие мосты... Логинов почти решился. Подошва правой ноги оторвалась от каменной ступени берега... За его спиной оставалась скучная повседневность, обязанности, суета, борьба — все то, что люди называют жизнью. То, что теперь, без Пер, утратило для него всякий смысл.

— Не делай этого. Обратного пути не будет. — Голос, глухой и незнакомый, шел словно бы из глубины пропасти, из сверкающего радужного миража водяных брызг. Он рождался из грохота водопада, из шелеста водяных струй. Логинов, вздрогнув, задержал движение и поднял глаза.

Прямо перед ним, в нескольких метрах, на призрачных плитах моста стоял глубокий старец. Седая борода развевалась на ветру. Могучая грива выбеленных временем волос опускалась на плечи. Простой широкий балахон домотканого грубого сукна укрывал его фигуру. В руках старец держал деревянный посох, искусно вырезанный из корня ямшита.

— По какому праву ты пытаешься остановить меня?

— Я уже прошел по этому пути, юноша. Я тоже оставил позади дорогое мне существо и никогда не сумел избавиться от горечи утраты. Не стоит ступать на дорогу, с которой нет возврата, пока не испробованы все другие пути. Потому что твоя Перлис жива...

— Откуда ты знаешь?! Откуда ты можешь это знать? Кто ты такой?

Старец усмехнулся.

— Включи свой универсальный идентификатор. Данные моей личности наверняка есть в его блоке памяти.

Дрожащей рукой Логинов отвернул рукав и нащупал

нужную кнопку. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем на крошечном дисплее зажглись слова: «Эдмунд Юрг Мартисон».

— Но этого не может быть! Мартисону сорок лет!

— Мое биологическое время текло по иным законам... И если ты раздумал ступить на мост — давай поговорим. Возможно, ты почерпнешь немало полезного из нашей встречи, которую я ждал так долго.

— Где Перлис?! Ты знаешь, где она?! — Логинов почти кричал. Он протянул руку, словно желая удостовериться в реальности того, кто только что подарил ему надежду, — но рука не ощутила ничего, кроме пустоты.

— Она пленница Амутала, предводителя шайки ракшасов. Но не спеши. Прежде чем ты сможешь ей помочь, тебе многое следует узнать, многому научиться. Могущество Амутала велико, но оно не беспредельно.

Мартисон легко, почти не передвигая ног, двинулся вперед. Со стороны казалось, что фигура старца плывет в воздухе над самой землей, не касаясь ее поверхности.

Он приблизился к Логинову, прошел сквозь него и поплыл дальше. Как шорох водяных струй, в сознании Логинова прошелестели слова:

— Пойдем, мой друг, я расскажу тебе все, что знаю сам. Здесь, недалеко, есть пещера, в которой я обитаю. Возможно, она покажется тебе странной, но так уж получилось, что я оказался в иной временной фазе и почти полностью выпал из вселенной, в которой ты существуешь. Наши общие враги сделали все, чтобы избавиться от меня. Они предвидели эту встречу и боялись ее. К счастью, им не удалось до конца осуществить свои цели.

Потрясенный экипаж держался от призрачного старца на почтительном расстоянии, и беседу вел один Логинов. Они спускались вниз по узкой тропинке. И Мартисон двигался медленно, давая возможность Логинову не отстать на крутом спуске. Казалось, для него вообще не имеет значения дорога, по которой они шли.

— С тех самых пор, как нашим врагам удалось вмонтировать в тм-генератор фальшивый блок, со дня этого ужасного эксперимента, я влачу жалкое полуреальное существование в дальних мирах. Меня забросило в такие бездны, о которых я ничего не могу рассказать вам. В че-

ловеческом языке нет нужных понятий, чтобы описать эти ужасные разреженные миры. Но годы шли, и вместе со всей своей вселенной я постепенно приближался к рубежам более плотных времен. И наконец настал долгожданный момент нашей встречи, предсказанный мне ведантами задолго до вашего прихода.

— Кто такие веданты?

— Смотрители, они следят за равновесием в мире. Когда ракшасы организовали захват наших планет, равновесие нарушилось, и веданты начали принимать меры для его восстановления. Одной из таких мер и было мое пребывание в их мире. Сами они, к сожалению, не могут напрямую воздействовать на нашу более плотную вселенную и вынуждены прибегать к услугам посланников.

— Ракшасы похожи на светящиеся призраки?

— Ракшасы вполне реальны. Это племя демонов, обитающих в одной из временных фаз Таиры. Светящиеся призраки — всего лишь отражение в вашем мире тех, кому они поручают непосредственные действия.

— Кто же это?

— Иногда сами люди, иногда арктуриане. Важно, что участники акции не осознают того, что делают. Ими управляют ракшасы. Они научились завладевать телами людей и использовать их в своих целях. Их подставные фигуры глубоко проникли в жизненно важные структуры человеческих поселений на всех мирах.

— Наше оружие обладает достаточной мощностью. Сможем ли мы его использовать против ракшасов?

— В очень ограниченной степени и только пока вы здесь, а это продлится недолго. Вам нужно беречь каждую минуту, если вы хотите справиться с захватом. Энергетическое воздействие, способное разрушить структуру ракшаса, должно быть чрезвычайно мощным. Вообще-то ракшасы бессмертны и благодаря очень быстрой смене структурных фаз даже в эпицентре ядерного взрыва способны сохранить свои основные жизненно важные центры. Так что вам следует избрать иной путь борьбы.

— Что же это за путь?

— Древний путь магии.

— Мне помнится, вы были ученым...

— Я им и остался. Но за эти годы понял, что магия

тоже может стать предметом изучения. Предвзятость слишком часто мешает нам понять подлинные законы мира.

— Даже если вы правы, у нас не хватит времени, чтобы освоить новый вид борьбы. Захват почти завершен. А магия, как я понимаю, требует длительного изучения и практики...

— Это не совсем так. Часто те, кто овладевает предментами или талисманами, заключающими в себе большую силу, становятся могущественными без всякой специальной подготовки; все, что им нужно, это знать правила управления силой, которой они владеют.

— У нас нет таких талисманов.

— Но один из них находится здесь, на этой планете. Он принадлежит ракшасам. Сами они не могут воспользоваться его могуществом, поскольку полностью подчинены силе Бладовар. С тех пор как им удалось завладеть талисманом, они вышли из-под контроля и теперь пытаются навязать свое господство всем обитаемым мирам. Теперешний герцог ракшасов, Амутал, не расстанется с Бладоваром ни на минуту. Это именно он похитил вашу невесту. Единственный шанс остановить ракшасов — завладеть Бладоваром. Мне это не удалось... Но, возможно, вам повезет больше.

— Вы сказали — невесту?..

— Полно, Логинов, перестаньте скрывать от себя очевидные для всех вещи. Вы любите эту женщину, и вы на ней женитесь, если, конечно, сумеете вырвать ее из лап Амутала и останетесь после этого живы.

25

Когда холодные, липкие руки сдавили тело Перлис, она закричала скорее от неожиданности и ужаса, чем от боли. Руки были достаточно мягкими, достаточно осторожными, хотя и обладали нечеловеческой силой.

Они приподняли ее над водой, и мир сразу же завертелся. Стиснув зубы, она пару раз дернулась в этих отвратительных, огромных ладонях, но те лишь сомкнулись плотнее вокруг ее обнаженного тела. Перлис слышала

свист, какой-то залихватский вой и ничего уже не видела, кроме серых полос бешено вращавшегося мира. Скорость была так велика, что у нее не успела закружиться голова. Она чувствовала, что ее поднимают все выше и куда-то несут.

Когда бешеный волчок прекратил наконец свое вращение, она увидела себя стоящей на пороге огромной хижины. Настолько огромной, что ее потолок, сложенный из гигантских стволов лесных великанов, терялся в полумраке у нее над головой, хотя в очаге горело яркое пламя, а в окна лился тусклый, равнодушный свет.

Только теперь, справившись с головокружением после внезапной остановки вращения, она поняла, что рядом с ней находится невысокий старичок с сухонькими длинными руками, одна из которых обнимала ее за обнаженные плечи с неожиданной силой. Она тотчас же узнала его лошадиную вытянутую физиономию с шалыми раскосыми глазами, слишком большими для такого маленького сморщенного лица. Это был тот самый старик, что навестил их в первую ночь после посадки.

Инстинктивным движением она отстранилась, заметив, как откровенно забегали его похотливые глаза по ее обнаженному телу. Рука послушно убралась, а старик маслено ухмыльнулся.

— Вот мы и дома, женщина. В этой хижине не хватает хозяйки. Некому проследить за тем, чтобы котлы были как следует вычищены, а каша вовремя сварена. У меня много слуг, но все они давно распустились, отбились от рук — нужна хорошая хозяйка, чтобы за ними следить. Я надеюсь, ты справишься с этим. И со всем остальным тоже... — Он опять ухмыльнулся.

— Дай мне одеться!

— Ну, разве что для первого раза. Вообще-то я предпочитаю, чтобы красивые женщины прислуживали мне обнаженными.

Он свистнул, и с потолка слетело облачко тумана, мгновенно обтекло тело Перлис и превратилось в свободную домотканую тунику.

— Во дворе и в подвалах живут рабы — с ними ты не должна общаться. Убежать от меня невозможно, — в этом ты вскоре убедишься. Ходить можешь где хочешь,

но не выходи со двора хижины. За той стеной мой дом продолжается, — он указал на противоположную стену, в которой виднелась точная копия двери, через которую они вошли, — я не знаю, как далеко. Мне никогда не удавалось дойти до его конца. Не советую и тебе бродить по этим местам. Там легко заблудиться. Ужин приготовишь к восьми ухам. Если я останусь недоволен тобой — отдам рабам. Это все, женщина. Увидимся вечером.

Раздался звук, словно рядом запел гигантский волчок, и старик исчез. Потрясенная Перлис стояла за гигантской дверью шестиметровой высоты. Стол возвышался перед очагом, как Домский собор. В огромное, в три человеческих роста, окно со двора заглядывала какая-то отвратительная морда. С потолочной балки вниз головой свесилось нечто, смутно похожее на земного филина, и ухнуло подряд три раза.

И самым странным во всей этой истории оказалось то, что земная женщина не чувствовала ни страха, ни отчаяния; только гнев, оскорбленная гордость и желание отомстить тому, кто посмел поднять руку на ее чувство, владели ею в эти минуты. И все же Перлис прекрасно понимала, что, если с первого раза не угодит Хозяину, она лишится той небольшой степени свободы, которой еще обладала. И поэтому, отложив планы побега, она занялась приготовлением ужина.

Время неумолимо приближалось к восьмому «уху», а заказанная «каша» все еще не была готова. Перлис с трудом удавалось управлять двумя демонами, приставленными к титаническому очагу. На ее счастье, оба они были невидимы и молча выполняли любые ее приказания в тех немногих случаях, когда ей удавалось объяснить, что от них требуется. Ложка, которой мешали похлебку, напоминала бочку, привязанную к телеграфному столбу.

Она никак не могла понять — почему размеры утвари, очага, самой хижины не соответствовали маленькому, щедедушному тельцу Хозяина. Здесь что-то было не так, чего-то она не понимала...

Если бы не помощь маленького домового Яруты, проникнувшегося к ней неожиданной симпатией, ей никогда бы не удалось справиться с непосильной задачей

приготовления ужина, рассчитанного на десяток великанов.

Ярута выполнял в доме обязанности потолочных часов. Это именно он каждый час, высунувшись из своей меховой шубы, отвратительно ухал, подражая то ли филинам, то ли совам, которых здесь не водилось. Он знал немало секретов этого места и дал ей массу дельных советов по управлению демонами очага.

Началась их дружба с того, что она услышала слабенький голосок, просящий еды, и, увидев тоненькую худую ручку, не испугалась, не почувствовала отвращения, а прониклась сочувствием к этому несчастному голодному бедолаге. Накормила и напоила Яруту. В ответ на ее заботу он объяснил, что демонами очага управляют с помощью специальной плети, которая висела тут же на крюке, Хозяин использовал ее каждый вечер, наказывая своих нерадивых слуг. Но Перлис решила иначе...

Она долго выспрашивала невидимых демонов о той жизни, которую они ведут, о тех неудобствах и горестях, которые испытывают несчастные пленники, намертво прикованные к очагу страшными заклинаниями Хозяина. Она постаралась, насколько это было в ее силах, облегчить положение демонов, позволила передвинуть котел в более удобное для них место, вымела сор с лежанки, на которой они отдыхали, и, к полному изумлению Яруты, вскоре оба демона без всяких ссор и препирательств включились в общую работу.

Перлис прекрасно понимала, что обещание Хозяина отдать ее рабам на нижний двор — вовсе не пустая угроза. И потому решила поближе познакомиться с перспективой, которая ожидала ее в том случае, если в опасной игре, план которой постепенно складывался в ее голове, она все же проиграет... Улучив свободную минуту, пока нагревался котел, уже запрошенный всем необходимым, она выскользнула во двор и заглянула в длинный сарай, где содержались рабы. Странная и унылая картина предстала ее глазам.

Толпа людей с баулами, колясками и титаническими ящиками, с глазами, горящими неугасимой страстью к наживе, бесконечной вереницей двигалась вдоль сарая. Кто-то тащил на плечах огромный сникерс, кто-то порт-

фель с банковскими бумагами, сквозь которые просвечивали миллионы, украденные у голодных старух...

Очевидно, с Земли только что прибыла новая партия завербованных. У ворот стоял гусеничный транспорт, из которого невидимые надсмотрщики, щелкая бичами, гнали толпу вдоль бесконечного сарая к другому концу, к пещерам, где их ждала незавидная судьба хозяйских рабов, а возможно, и нечто другое, гораздо более страшное...

Несколько свободных минут, которыми она располагала, кончились слишком быстро, и ничего больше она не успела узнать.

Когда Ярута, взобравшись на потолок, ухнул в седьмой раз, каша все еще варилась, а на дворе уже раздались шаги, от которых затряслись стены хижины. Дверь распахнулась, и в дверях появилось чудовище четырехметрового роста, поросшее рыжей шерстью, с огромной лысой головой, остроконечными ушами и удлинненными красноватыми глазами. Из оскаленной пасти с длинных клыков капала слюна. Замершая от ужаса Перлис не сразу поняла, что это и есть похитивший ее Хозяин в своем подлинном обличье. Лишь через минуту, словно вспомнив о чем-то, он стал уменьшаться в размерах, постепенно превращаясь в того самого старика, которого она видела раньше.

Вместе с Хозяином поразительным образом уменьшились размеры хижины и всех предметов вокруг.

— Ужин готов? — сиплым голосом осведомился старик.

— Рано прибыли. До ужина еще целый час! — ответила она, сумев с немалым трудом спрятать свой страх, не показать его хотя бы в голосе.

— Ярута! — позвал чародей, и с потолочной балки еще раз донеслось семь ухов с каким-то немыслимым скрипом, означавшим, очевидно, минуты.

Серdito хлопнув дверью, старец вышел во двор, и у Перлис появилась возможность наверстать упущенное. Сейчас, когда кухонная утварь стала наконец доступной для ее собственных рук и у нее не было больше необходимости по каждому пустяку прибегать к услугам трудноуправляемых демонов, работа закипела, и еще до воз-

вращения хозяина дымящаяся «каша» стояла на столе. Что это была за «каша», Перлис старалась не думать. Крупа напоминала пропущенное через мясорубку, плохо просушенное мясо. А сама «каша» отвратительно пахла какой-то дохлятиной.

Когда в дверях вновь появился ракшас, Перлис, набросав во вторую миску подвернувшихся под руку салатных листьев и плеснув туда немного масла, уже сидела за столом, положив перед собой чистую ложку и всем своим видом изображая терпеливое ожидание. Ярута под потолком ухнул восемь раз и затаился в ожидании неминуемой расплаты за такую неслыханную дерзость.

— Что это ты делаешь за моим столом? — рявкнул ракшас.

— Жду, когда соизволишь явиться. Ужин давно готов.

— А ну брысь отсюда, женщина!

— Может, у вас, у ракшасов, так принято, а у людей женщина обедает вместе с тем, кому накрывает на стол!

— Не собираешься ли ты мне перечить в моем собственном доме?! — В голосе ракшаса послышалось рычание, он как будто слегка увеличился в размерах, но Перлис не дрогнула, не уступила. Не отрывая взгляда, внутренне вся заледенев, она смотрела, как приближается к ней это ужасное чудовище, прикрывшееся личиной безобидного старца.

Неизвестно, чем бы закончился их поединок, но входная дверь распахнулась, и голос невидимого существа с порога произнес:

— Капитан Линк, к вашему нисходительству!

Ракшас не успел ответить, как дверь распахнулась и вошел человек в форме капитана арктурианского крейсера в сопровождении двух офицеров, сжимавших в руках темные раструбы бластеров. Офицеры встали по бокам двери, капитан небрежно отдал честь и, сделав несколько шагов по направлению к столу, проговорил:

— Мы прибыли с новым грузом. Две тысячи тел землян и еще три тысячи завербованных добровольцев. Я думаю, этого хватит для последней стадии захвата. — Только сейчас он увидел Перлис, и его глаза слегка сузились.

— Что, нравится? — спросил ракшас, переводя взгляд с девушки на опешившего капитана.

— Не то слово... Она прекрасна!

— Других здесь не бывает. — Ракшас сел наконец на свое место рядом с Перлис. — Тела сдашь, как обычно, в нижний склад. Завербованных уже принимают. Наш отряд будет готов к утру.

— Мне нужны продовольствие и горючее.

— Оставь список. Все доставят.

Капитан почему-то мялся и не уходил.

— Ну, что еще?

— Эта женщина... Если она рабыня, нельзя ли ее обменять за обычную цену?

— Рабыни не сидят за моим столом! — рявкнул ракшас, и арктуриан сдуло ветром. Его мощный порыв с такой яростью хлопнул за ними дверью, что с потолка, с того места, где сидел Ярута, посыпался какой-то мусор.

Перлис понимала, что игра, которую она затеяла, смертельно опасна, почти безнадежна, и у нее не было никакого иного оружия, кроме гордости, чувства собственного достоинства и еще, пожалуй, красоты. Но раз уж судьбе было угодно забросить ее в самый центр той кровавой каши, которую называли коротким и страшным словом «захват», она решила узнать об этом все, что удастся.

Перлис вспомнила город, объятый пожарищами, над которым они летели с Артемом. Как давно это было и как невозвратно...

Неожиданно герцог ракшасов встал и подошел к стене. Одним движением отодвинул часть ее в сторону, и в том месте открылось старое, потемневшее от времени зеркало.

— Вот он, твой город, смотри!

И вновь она летела над почерневшими улицами... Уже не было пламени и не было самих улиц. Остались одни обгоревшие скелеты, одни развалины... Что она может с этим сделать? Она, слабая земная женщина? На что она посмела замахнуться? Мысль, отраженная в зеркальном стекле, усиленная, возвращалась к ней бумерангом — чужая мысль...

— Это теперь твой город! Мы построим другие...

— Что ты можешь, несчастная? Ты даже не в состоянии прикрыть собственную наготу!

Одежда, дарованная ей ракшасом, исчезла. Он знал, как проще всего ее обезоружить, как унижить. Он читал любое мимолетное движение ее мысли...

— Верни мне одежду! — приказала она демону очага, и тот немедленно повиновался.

Гнев ракшаса был страшен. Он мгновенно раздулся, как огненный шар, превращаясь в то самое чудовище, которое недавно стояло на пороге хижины, и, разбрызгивая пену, бросился к очагу.

Стол тотчас превратился в гору, стены хижины унеслись в сторону, и крошечная человеческая мышка стояла на бесконечном полу... Но и у мыши есть свои преимущества — мышшь трудно поймать... Ее почти невозможно обнаружить, стоит лишь шмыгнуть в нужном направлении. Например, вот туда, за дверь, в которую ей запретили входить...

26

Пещера Мартисона показалась им вполне материальной. Вот только ни одного предмета, которыми пользовался старец, они не смогли увидеть. Голые камни, и ничего больше... Но Мартисон растопил очаг, зачерпнул невидимым ковшом воду из ручья и поставил его на огонь, которого они тоже не увидели, хотя почувствовали тепло.

Беседа продолжалась. Больше всего Логинова интересовало место, где сейчас находилась Перлис, но в ответ на его настойчивые расспросы Мартисон лишь осуждающе покачал головой.

— Ты слишком торопишься. Перлис в доме ракшаса на Черном плато. Это плато есть на вашей карте, но вы все погибнете, если проникнете во владения Амутала, не овладев Бладоваром. Амутал обладает огромной силой, и бороться с ним простым смертным бессмысленно. К тому же у него на плато есть специальные стражи, не позволяющие никому вторгаться в его владения. С другой

стороны, овладеть Бладоваром невозможно, не встретившись с Амуталом лицом к лицу... В свое время мне так и не удалось разрешить эту задачу. Но даже овладев амулетом, вы не сможете им воспользоваться, если не будете знать, какое из двух заклинаний, написанных на нем, истинно. Ошибка приведет к ужасным последствиям.

Именно поэтому веданты поручили мне научить вас использовать силу Бладовара. К нему можно обратиться всего один раз. Правильно прочитанное заклинание на тысячу лет остановит время в мире ракшасов, но тот, кто возьмет амулет в руки, все время должен помнить о страшной опасности, исходящей от него...

Мартисон вдруг прервался, его глаза расширились от ужаса. Он смотрел в пустую стену пещеры, где они не видели ничего, кроме мертвого камня.

— Это черный герцог — хозяин Амутала... Против него я бессилен, благодаренье Богу — он не может проникнуть в вашу вселенную. Кажется, он узнал... Прощайте, друзья, больше я не смогу вам помочь...

Вспышка голубого холодного пламени ослепила их на мгновение, клуб тумана еще некоторое время расплзался по пещере от того места, где только что стоял Мартисон. И это было все. Им никогда не дано было узнать, что произошло за гранью времен. Да и не до того им стало в этот миг, потому что на них самих навалилась черная свора вполне реальных подручных ракшасов.

Люди не ожидали нападения и подпустили врагов слишком близко. Стрелять теперь было поздно. Вокруг мелькали оскаленные пасти, каменные челюсти, горящие злобой красные глаза... Они отчаянно боролись за свою жизнь и вдруг поняли, что чудовищные твари боятся стали гораздо больше, чем выстрелов самого совершенного энергетического оружия. Малейшая рана, царапина, нанесенная обыкновенным ножом, или даже просто прикосновением металлического предмета заставляли их с воем кататься по земле, постепенно обугливаясь и распадаясь, превращаясь в тот самый черный туман, из которого они только что явились.

Абасов, прекрасно владеющий всеми видами холодного оружия, первым понял это спасительное обстоя-

тельство и, орудуя бластером как дубинкой, отеснил волколавов — так окрестили они эту новую разновидность своих врагов — к выходу из пещеры, освободив проход для остальных.

Они бежали к вездеходу, время от времени останавливаясь и отбиваясь на ходу от преследователей, которые после гибели многих своих сородичей действовали гораздо осторожнее.

И вдруг Логинов, стараясь задержать нападавших, чтобы выиграть время и дать возможность команде занять свои места в вездеходе, допустил совершенно неожиданную ошибку... Упав за ближайший камень и тщательно прицелившись в передних волколавов, он трижды нажал на спуск. Три энергетических заряда врезались прямо в клыкастые морды... До сих пор они так и не могли определить, что собой представлял внешний облик их противников. Их тела, как и тела врагов, нападавших раньше, все время менялись с частотой, недоступной человеческому глазу, и оттого казались нерезкими, размазанными в пространстве. Из темного, стремительно несущегося облака на мгновение выглядывала оскаленная пасть, огромная когтистая лапа или горящие злобой глаза.

Но теперь все неузнаваемо изменилось. Из облака выделились три отдельных клуба, те самые, в которые попали заряды Логинова. Они на глазах раздувались, наливались огнем, увеличивались в размерах, как бы вбирая в себя всех остальных чудовищ. Теперь всего три монстра неслись к машине — но зато их холки достигали гребня ближайшей скалы. От их рева сыпались камни. От шагов содрогалась земля...

— Прекратите огонь, скорее в машину! — крикнул Логинов. Они едва успели развернуться. В нескольких сантиметрах от кормы с грохотом лязгнула чудовищными клыками десятиметровая пасть, вполне способная проглотить вездеход целиком.

Но тут взвыли турбины двигателей, и удар гравитационной волны отбросил монстра назад. Остальные два старались обойти их с боков. Несколько секунд оставалось неясным, кто преуспеет в этой бешеной гонке. Но

вот мимо них мелькнула арка, скрипнули плиты старой дороги, принимая на себя вес машины.

Едва волколавы, несущиеся вслед за ними, соприкоснулись с завесой неизвестного излучения, закрывавшего проход под аркой, как послышался громовой удар. Молния сверкнула позади вездехода, и лишь клубы черного тумана, уносимого ветром, напоминали о том, что здесь только что произошло.

Через пару часов вездеход остановился у двухсотметровой скальной стены центрального плато. На картографических снимках его поверхность почти не просматривалась. Лишь в одном месте сквозь заросли виднелись какие-то странные пятна правильной формы.

— Думаешь, это и есть место, о котором говорил Мартисон? — спросил Логинова Абасов, внимательно рассматривая карту и делая пометки в своем блокноте.

— Другого плато здесь нет. И потом, посмотри на локатор...

— Отчетливый след в стратосфере... Похож на ракетный.

— Можешь не сомневаться, — произнес Бекетов, подкручивая визиры. — Я засек ее минуту назад. Это была грузовая посадочная шлюпка с арктурианского крейсера.

— Значит, арктуриане летели на Таиру...

— Не просто на Таиру. Им нужен был тот же нестандартный оверсайд, та же пространственно-временная фаза, вот почему они нас так настойчиво преследовали.

— Спешили к своему Хозяину... Похоже, мы попали в самую точку, к истокам захвата...

— Что из того? — возразил Маквис. — Мартисон не успел сообщить нам самого важного. Если на плато действительно находится логово ракшаса, как ты собираешься с ним сражаться, уж не бластером ли? Вспомни, что произошло с волколавами...

— На месте виднее. Все равно кому-то придется начинать. И не забывай — там Пайзе.

Начало смеркаться, когда тщательные сборы, проверка снаряжения и оружия были закончены. Абасов, к

которому перешло командование на все время этой боевой вылазки, дал приказ выступать. Поиски пологого подъема окончились неудачей. Плато окружала сплошная скальная стена, непроходимая для вездехода. Машину загнали в расщелину и, замаскировав ветками, оставили внизу.

Первые десятки метров восхождения показали, насколько сложен подъем на плато даже для опытных альпинистов.

Расщелина, с которой они начали движение, становилась все круче и в конце концов кончилась. Они оказались перед отвесной каменной стеной. К счастью, не сплошной, а сложенной незнакомой Логинову породой, обладавшей «лестничной» структурой. Отдельные ее слои, тут и там выдаваясь из общего монолита, давали возможность поставить ногу или закрепить альпеншток. Но порода выглядела скользкой и гладкой, как зеркало. Им то и дело приходилось прибегать к услугам веревки и слишком много времени тратить на забивку страховочных крюков. Вскоре стало ясно, что надеждам Абасова заветло закончить подъем не суждено оправдаться.

Закатные лучи солнца, отражаясь от бесчисленных зеркальных плоскостей камня, создавали странный эффект глубинного цвета. Скала словно наполнялась изнутри ослепительной радугой всевозможных оттенков. Зрелище было фантастически красиво, но слишком утомительно для глаз. Не помогали даже защитные фильтры. От пестрой фантазмагии красок люди с трудом видели идущего впереди.

Группу возглавлял Абасов. За ним поднимались Маквис и Бекетов. Логинов шел последним. Равномерный однообразный ритм подъема не мешал ему вспоминать, и мысли раз за разом возвращались к последним мгновениям, когда Перлис еще была рядом с ним. Он вспоминал ее смех и мимолетный, невзначай подаренный ему поцелуй. Лишь теперь, когда возродилась надежда, он позволил себе думать о ней вновь.

Словно для того, чтобы показать, как ничтожны все их надежды у преддверия этого плато, какие-то огромные летающие рептилии обрушились на них сверху. Вот они, стражи, о которых упомянул Мартисон!

Это произошло у самой кромки карниза. По крайней мере, эта новая разновидность врагов оказалась более вещественной, хотя перепончатые трехметровые крылья с острыми когтями на сгибах и длинные, усыпанные зубами клювы делали их не менее опасными, чем волколавов. Двигались рептилии в воздухе удивительно легко, используя крылья в основном для атаки, словно их трехметровые тела не весили ничего... В этой вывернутой наизнанку вселенной то и дело нарушались все известные Логинову законы физики.

Стражей было штук пять, и, видимо, они давно уже выжидали за карнизом подходящего момента для нападения. Во всяком случае, появились они именно тогда, когда группа оказалась наиболее уязвимой. Голова Абасова появилась над кромкой, но закрепиться он еще не успел, и остальные трое едва держались на совершенно сгладившейся в верхней части стене.

Передний страж вцепился в Абасова, не давая ему возможности приподнять бластер. А двое других спикировали ниже и, развернувшись, пошли в атаку на Логинова. Его позиция оказалась более удобной. Во всяком случае, он сумел освободить одну руку и, прежде чем первый нападающий приблизился вплотную, открыл огонь. Веерное излучение бластера рассекло рептилию пополам, и вниз по скалам покатился бесформенный комок слизи и костей. Теперь, когда Логинов убедился, что энергетическое оружие действует на стражей самым сокрушительным образом, он почувствовал себя уверенней. Но и стражи на ходу усваивали полученные уроки. Вторая рептилия, вблизи карикатурно похожая на небольшого дракона, изменяла направление полета так резко, словно ничего не знала об инерции. Дважды луч бластера унесся в пустоту. В конце концов дракон зигзагом обошел Логинова и напал на Маквиса сзади. Хлопнули метровые стальные челюсти, мертвой хваткой вцепившиеся в ногу человека. Вскрикнув от боли, не ожидавший нападения снизу Маквис выпустил веревку.

К счастью, страховочный пояс не позволил ему сорваться, но теперь он раскачивался над бездной и стал практически беспомощен перед своим противником. Стре-

лять Логинов не мог — энергетическое излучение бластера слишком широко. Он наверняка задел бы Маквиса.

Положение ухудшалось с каждой секундой, раздумывать было некогда, и Логинов рванулся вверх, к месту схватки, подтягиваясь за веревку одними руками. Добравшись до стража сзади, он отпустил веревку и вцепился в толстый шершавый хвост, покрытый колючей чешуей. Видимо, от неожиданности рептилия разжала челюсти, и Логинов вместе с ней обрушился вниз.

Петля страховочной веревки, конец которой остался прикрепленным к его поясу, натянулась и через несколько метров рывком остановила падение.

Логинов успел сгруппироваться и развернуть своего противника так, что удар о скальную стену в основном пришелся по стражу, но и сам безвольно обвис на веревке. Карабин не выдержал нагрузки, Логинов видел, как медленно, одна за другой, лопались державшие его нити. Последнее, что он запомнил, — безостановочное скольжение вниз.

27

Огромная дверь осталась за спиной Перлис. Комната, в которой она очутилась, казалась точной копией той, где обитал ракшас. Разве что пыли стало побольше.

На своем обычном месте стоял котел, висела посуда. Но огонь не горел, и в котле ничего не варилось. Это была другая комната...

Стараясь уйти как можно дальше от ракшаса, Перлис пересекла комнату и миновала еще одну дверь. За ней открылась такая же комната. Так же стоял очаг, висела посуда... Пыли стало еще больше, и утих рев ракшаса. Едва отдышавшись, она вновь бросилась к спасительной двери. Новая комната. Тишина. Размеры предметов постепенно приближались к нормальным. Ей некогда задумываться над тем, например, почему в окнах меркнет свет. Она спешит, она хочет оставить между собой и жутким чудовищем как можно больше дверей, как можно больше пространства.

Но вот наконец девушка остановилась. Прислушалась.

Ни шороха, ни тени. Мертвая тишина... Все так же стоял очаг. На своих местах висела посуда, но на дворе почему-то сгустились плотные сумерки, хотя в восемь часов на Таире еще только начинается закат... Она подошла к окну — знакомый двор. Ни одного живого существа. Нет даже привычной фигуры стража у барака с рабами. Перлис не помнила точно, сколько комнат, похожих друг на друга как две капли воды, она уже миновала. Десять, пятнадцать?

Она поставила на пыльной полке возле очага небольшой крест, вышла в следующую комнату и сразу же, не отходя от двери, вернулась. Креста не оказалось на месте. Она попала в другую комнату. Обратная дорога не вела назад. Ее охватили страх и чувство такого одиночества, какого она не испытывала ни разу. Она поняла, что безнадежно заблудилась..

Очнулся Логинов наверху. Бой закончился без него. Им все же удалось подняться на плато... Маквис заканчивал обработку его многочисленных ссадин и ушибов.

— Здорово тебе досталось, командир, — проворчал Абасов, не спускавший глаз с кромки обрыва. — Если бы не Маквис... Он успел добраться до тебя, прежде чем лопнул последний страховочный трос.

— Как твоя нога, можешь двигаться? — спросил Логинов Маквиса, приподнимаясь. Тонизирующие средства из аптечки приглушили боль, и он чувствовал себя вполне сносно.

— Этому летающему крокодилу не удалось прокусить защитную ткань комбинезона. Несколько синяков и небольшое растяжение.

— Задерживаться нам нельзя. Стражи начали слишком своевременно. Похоже, наши противники знают, где мы находимся. С минуты на минуту здесь могут появиться арктуриане.

Неожиданно вершина утеса за спиной Маквиса, метрах в десяти от них, начала деформироваться. Она вытягивалась, удлинялась и вдруг лопнула, как скорлупа огромного яйца, выбросив наружу голову с человеческим лицом. Голова по форме напоминала боб и была никак не

меньше метра от подбородка до бровей, под которыми сверкали два огромных круглых глаза. Внизу голова заканчивалась относительно тонкой и длинной шеей, похожей на тело питона. Логинов мгновенно выхватил бластер и, направив перекрестье прицела в середину этой отвратительной голой морды, выстрелил.

На вершине утеса взлетело облако дыма. Но сама голова за какое-то мгновение до попадания заряда успела издевательски ухмыльнуться и исчезнуть...

— Куда ты стрелял? — спросил Абасов.

— Кажется, показалось...

— После такого удара — неудивительно. Старайся без крайней необходимости не нажимать на курок. Мы слишком близко от места посадки арктурианской шлюпки... Часовые могут услышать звуки выстрелов.

— По-моему, они о нас уже знают. Куда девались твари, которые на нас напали?

— После того как мы перевалили через карниз, они исчезли.

— Ты хочешь сказать, они улетели?

— Да нет, пожалуй, — неохотно ответил Абасов, явно не желающий обсуждать то, что не укладывалось в обычную схему земной логики. — Они растворились, исчезли. Мгновение назад я их видел, а потом их не стало.

— А трупы?

— До них было довольно далеко, но, по-моему, там тоже ничего не осталось...

— Внешние формы существ, с которыми мы здесь сталкиваемся, скорее всего фантомы. Что-то вроде материализованной голограммы. К сожалению, обладающей вполне реальными возможностями для нападения. Внешне они могут быть как угодно разнообразны. Чтобы с ними эффективно бороться, нужно найти центр, из которого они направляются.

— Я думаю, этот центр сам скоро нас найдет! — проворчал Абасов.

— Весь этот мир похож на фантом, — задумчиво проговорил Маквис. — Здесь нет ничего неизбежного, ничего настоящего. Даже краски в скалах — всего лишь

отражение чужого солнца. Солнце зашло, и все вокруг вновь стало безжизненно-серым...

— Боль здесь вполне настоящая, — возразил Логинов, — и смерть, я думаю, тоже.

Только когда совсем стемнело, Абасов рискнул вывести группу к передовым постам охраны посадочной площадки. Арктуриан они обнаружили в том месте, которое указал компьютер вездехода после того, как его локатор засек шлюпку.

Среди высоких скелетов мертвых деревьев их взорам предстала стометровая стальная сигара.

Они довольно долго неподвижно лежали в засаде, оценивая обстановку. Караул сменялся через каждый час, широкое кольцо расчищенного пространства вокруг шлюпки исключало возможность скрытого подхода. На сотню метров все просматривалось и простреливалось с верхних галерей шлюпки, где тоже время от времени, сменяя друг друга, прохаживались часовые.

Поисковый «РЕМ» — прибор, способный уловить на расстоянии нескольких километров слабое излучение наручного идентификатора Перлис, — фиксировал одни помехи.

— Может, она его выключила?

— Это невозможно. Полностью этот прибор не отключается никогда.

— Но его могли у нее отобрать и вскрыть.

— Или она находится от нас дальше трех километров... или ее вообще здесь нет, а возможно, и никогда не было...

— До сих пор все, что говорил Мартисон, оказывалось верным: мы нашли Черное плато, обнаружили арктурианскую посадочную площадку. Терпение, командир! Мы еще не видели их основной базы. Здесь только площадка для посадки ракет. Они должны хранить где-то хотя бы запас топлива на обратный путь.

И тут они увидели, как от грузового пандуса ракеты отвалил небольшой кар и под охраной четырех солдат направился в глубь плато.

— Скорее за ним! — скомандовал Абасов. — Нам нельзя потерять его след. Они наверняка выведут нас к базе!

Преследование продолжалось в полной темноте. Постепенно они отставали — пешеход не может сравниться в скорости с транспортом на воздушной подушке, но им наконец-то повезло. Через несколько сот метров кар остановился, и солдаты, громко переругиваясь, принялись копаться в двигателе.

По знаку Абасова они обрушились на них из темноты с разных сторон. Бой был коротким и тихим. Оружие не применялось, да оно и не понадобилось — все кончилось в несколько секунд. Одного из охранников оставили в живых, чтобы выяснить путь следования машины, — но это оказалось излишним. В автоводе находилась карта с маршрутом, и едва Бекетов запустил двигатель, как платформа кара бодро двинулась вперед, огибая препятствия и безошибочно выбирая путь в полной темноте.

Под брезентом на грузовой площадке они обнаружили штабель массивных длинных ящичков, и, когда сбили крышку одного из них, Логинов заметил, как изменилось лицо пленного. И немудрено. В ящике, оплетенное сложной системой охлаждающих трубок, лежало человеческое тело...

— Ну, рассказывай! Куда вы их везли?! — прорычал Абасов. Этот человек, впадая в ярость, способен был внушить ужас одним тоном своего голоса.

Пленный сразу же начал оправдываться:

— Я тут ни при чем! Я не знал, что находится в контейнере, я обыкновенный солдат...

— Перестань молоть чепуху! — Громко щелкнул курок бластера, смотрящего прямо в живот арктурианского солдата. Всем своим видом Абасов показывал, что шутки кончились.

— Нам приказано доставить груз Хозяину... Я его никогда не видел! Мы просто оставляем их на складе, что происходит дальше — я не знаю!

— Похоже, это правда. Он ведь только солдат... — вступился Логинов за дрожащего от страха вояку.

— Ладно, убирайся! — Мощным толчком Абасов сбросил пленного с платформы.

— Ты уверен, что он не поднимет тревоги? — спросил Бекетов, недовольный тем, что пленный отделался слишком легко.

— Вряд ли в одиночку он выберется из этого леса. Но даже если ему удастся, мы уже будем далеко отсюда.

Кар двинулся дальше. Километра через два заросли стали реже. Едва заметная просека вывела их на опушку. Впереди виднелось низкое огороженное здание, прилегающее к хижине, сложенной из огромных глыб.

— Наверное, это и есть склад.

— Или их база. Или что-нибудь гораздо похуже... Дальше двигаться на машине опасно. Здесь ее придется оставить.

— «РЕМ» что-то фиксирует на пределе чувствительности — скорее всего это помеха, но какая-то странная, непрерывного действия!

— Придется ждать, пока немного рассветет. В полной темноте трудно действовать в незнакомом месте. Наши приборы ночного видения сильно искажают обстановку. Попробуйте включить непрерывный радиовывоз. Может, Перлис нас услышит.

— Это уже сделано, — произнес Бекетов, управляющий «РЕМом». — К сожалению, нет никакого ответа. Если бы она догадалась включить маяк!

И тут Логинов вспомнил о приемнике прямой связи, который зажигал внутри глазной линзы Перлис крохотный зеленый огонек... После отлета, во время долгих недель разгона, он обучил ее старинному, давно забытому коду, состоящему из двух вспышек — короткой и длинной. Обучил просто так, на всякий случай, не думая, что это может пригодиться. И вот сейчас оттого, увидит ли она сигнал, поймет ли, сможет ли на него ответить, зависела ее жизнь, а возможно, и судьба всей экспедиции на Таиру...

28

Больше она не спешила. К чему? Сотни, тысячи одинаковых комнат. Может быть, миллионы. Ее судьба предрешена. Сколько она тут бродит? Сутки, двое? Без Яруты, почти без света, она утратила представление о времени. Сильнее всего хотелось пить. Голод Перлис за-

гнула глубоко внутрь, но он все равно слишком часто напоминал о себе.

Она поняла уже, что двери здесь никогда не ведут в одну и ту же сторону, и боялась идти дальше, чтобы не потерять остатки того жалкого света, который все еще пробивался в окна. Войдя однажды в дверь, ей ни разу не удавалось вернуться на то же место. Она лишь запутывалась все больше в бесконечных переходах из одной одинаковой комнаты в другую. словно блуждала среди бесчисленных отражений поставленных напротив друг друга огромных зеркал...

Не было еды на полках, не было воды в жбанах. Она проверяла много раз. Вокруг только мертвые комнаты, не предназначенные для живых существ. Почувствовав, что ее шатает от усталости, Перлис тихо прилегла на покрытую шкурой лежанку подле очага. Возможно, в той первой, настоящей комнате здесь спал Ярута. Мысль о маленьком безобидном существе немного согрела ее. Она свернулась калачиком и стала вспоминать Артема. Каким он был смешным, когда изо всех сил старался не показать своего восхищения ею, и потом, когда примчался, рискуя жизнью, в парк, чтобы забрать ее на корабль. Тогда она еще не знала, что полюбит его. Больше она его не увидит... От этой мысли ей стало жалко себя. Она облизнула пересохшие губы, на них уже образовалась тонкая запекающаяся корочка, организм начал обезвоживаться — вот откуда ее сонливость и слабость.

Если бы у нее была вода... Во дворе, перед тем как начать готовить «кашу» для Хозяина, она пользовалась колодцем, но ни одна из двух дверей, находившихся в каждой комнате, не вела больше во двор.

Обе они открывались только в такие же помещения, похожие друг на друга как две капли воды. От этого можно сойти с ума. Было бы легче, если бы дверь была одна и ей не приходилось каждый раз решать, какую из них открыть, и каждый раз испытывать новое разочарование.

В окна по-прежнему сочился сероватый свет позднего вечера или утра — неважно... Свет сочился в окна! Вот что важно!

Она вскочила и бросилась к окну. Старая деревянная

рама, между которой натянута довольно жесткая прозрачная пленка. Скорее всего это стенка рыбьего пузыря какой-то огромной рыбы или что-то подобное. Пленка прогибалась под ее пальцами, но казалась достаточно прочной. На счастье, в каждой из комнат комплект посуды и утвари полностью повторялся, и нож висел на своем месте. Одного удара оказалось достаточно, чтобы проткнуть прозрачную пленку.

Она вырезала в ней квадрат, достаточный, чтобы протиснуться во двор. Оттуда сразу же потянуло холодным, малоподвижным воздухом. Она была одета слишком легко, и скитания по лабиринту кое-чему научили ее. Прежде чем уйти, она взяла с собой нож и длинный моток веревки, концом которой прикрутила обмотанную вокруг себя шкуру. Получилось не слишком удобно, и наверняка со стороны она сейчас выглядела как неандерталка — зато теперь ей стало тепло.

Без особого труда Перлис вылезла в окно и, очутившись вниз, осмотрелась.

Двор как двор... Ничего в нем не было необычного, кроме тишины и отсутствия всякого движения. Вздрагивая от нетерпения, она направилась к колодцу. Скрипучий ворот разматывался слишком долго. Стук пустого ведра о сухое дно показался ей звоном погребального колокола.

Несколько минут она неподвижно сидела на срубе колодца, не в силах справиться с новым разочарованием. Слезы сами собой выступали на глазах и тут же высыхали.

Наконец Перлис нагнулась над срубом, пытаясь рассмотреть дно. Возможно, там осталась хотя бы небольшая лужица, которую не могло зацепить ведро. Но в сумеречном свете она не видела ничего, кроме замшелых бревен самого сруба. Ей придется спускаться...

Наверное, потом у нее не хватит сил, чтобы подняться наверх, — колодец довольно глубокий, — но если воды не окажется — это не так уж и важно...

Она начала спуск, держась за веревку и упираясь ногами в противоположные стены сруба. Колодец был узким, и спускаться оказалось легко. К ее удивлению, по мере спуска света не становилось меньше, скорее наоборот. Теперь она могла различить даже собственные ноги.

Через пару минут она поняла, что рассеянный, неяркий свет шел снизу.

Наконец ее ноги коснулись сухого дня. В самом конце сруб перешел в каменную кладку, и теперь прямо перед ней, сквозь неровные щели этой кладки, пробивался непонятный свет.

Вначале она даже не обратила на него внимания, безуспешно пытаясь отыскать в засохшей грязи хотя бы несколько капель воды. И лишь когда стала очевидна бессмысленность ее поисков, Перлис с каким-то тупым равнодушием уставилась на свет, струившийся сквозь щели между камнями. Очевидно, раньше колодец соединялся с подземным туннелем. Много лет назад этот ход заделали, но недостаточно прочно. Со временем кладка расшаталась.

Ломая ногти, она начала раскачивать массивный камень, и вскоре он неохотно поддался ее усилиям.

Едва образовалось первое отверстие в стене, как камни, державшиеся лишь под давлением собственного веса, начали легко выниматься из своих гнезд, уступая незначительным усилиям ослабевшей женщины. Ей все сильнее хотелось пить. Чтобы хоть немного охладить свой иссушенный жаждой рот, она приникла губами к ледяным камням и вдруг ощутила влагу. Отдельные капли конденсата не могли утолить ее жажду, но они, по крайней мере, несколько облегчили нестерпимое жжение во рту.

Вскоре она стояла посреди широкого туннеля, по другую сторону колодезной стены. Небольшая груда разобранных камней, пересыпанных землей, осталась позади. Буквально через несколько метров туннель резко изменил направление.

Она долго не могла понять, откуда здесь взялся странный, пропитавший воздух свет, пока не заметила, что светится именно воздух. Неведомое излучение, исходявшее, очевидно, от стен туннеля, вызывало его фосфорическое свечение.

Под ногами шелестел сухой плотный песок, и на нем отчетливо отпечатывались ее подошвы. Две маленькие цепочки следов на девственно чистой поверхности.

Возможно, она была первой, кто за бесконечные тысячелетия осмелился потревожить покой этого места.

Своды постепенно понижались, и через некоторое время туннель сделался настолько низким, что ей пришлось пригнуться.

Вскоре ее путь пересек еще один туннель. Внешне все четыре направления, включая то, по которому она пришла, казались совершенно одинаковыми. Никаких знаков на стенах, никаких следов. Ей уже было все равно, куда идти, и она пошла прямо.

Что-то ее все время отвлекало. Какая-то зеленоватая едва заметная мушка то и дело вспыхивала перед самыми глазами. Вдруг она вся похолодела от неожиданной догадки. Глазные линзы! Код, которому учил ее Артем! Длинная вспышка — тире, короткая — точка...

Вспышки едва различимы, очевидно, толстый слой породы экранировал радиоизлучение. Но они повторялись, раз за разом складываясь в одну и ту же фразу: «Включи маяк... Включи маяк... Включи маяк...» Зеленый, едва различимый огонек расплылся, стал почти невидимым, и лишь тогда она поняла, что это слезы... Он рвался к ней из невероятного далека. Теперь он где-то совсем рядом, и нужно всего лишь включить маяк, чтобы ее нашли, чтобы бесконечные мучения кончились.

Она нащупала браслет на руке и нажала нужную кнопку. Ничего не изменилось, зеленая муха несла на своих крылышках одни и те же слова: «Включи маяк... Включи маяк... Включи маяк...» Ее не слышали.

Когда наконец она справилась с этим, то поняла, что надо искать место, из которого ее ответный радиолуч сможет пробиться вверх. Эта мысль немного приободрила ее, и Перлис снова пошла вперед.

Неожиданно туннель закончился низкой дверцей с медным кольцом посередине. Кольцо легко повернулось, уступая ее усилиям, но она все медлила потянуть за него, словно предчувствие беды ледяным ветром дохнуло на нее из-за этой двери. Она знала, что двери здесь открываются только в одну сторону... Стоит нажать на кольцо, и обратного пути не будет — она попадет в новую клетку лабиринта. Перлис вдруг показалась себе маленькой фигуркой в странной и жестокой игре.

Фигурка вынуждена была сделать следующий ход или погибнуть... Только беспрестанное мигание зеленой мухи придало ей силы дернуть в конце концов за кольцо.

Она очутилась в современной комнате. Нечто среднее между врачебным кабинетом и канцелярией. Большое кресло с множеством зажимов и приспособлений, укомплектованное столиком с хирургическими инструментами, стояло в стороне. Посередине комнаты возвышался огромный письменный стол, заваленный папками и заставленный компьютерными терминалами.

За ними она не сразу разглядела молодого человека с холодным строгим лицом. Что-то в его взгляде будто ударило ее и удержало от преждевременного проявления радости по поводу встречи с соотечественником.

— Присаживайтесь, — строго, почти равнодушно сказал человек, словно в дверях его приемной толпилась очередь посетителей и Перлис была одной из тысяч.

Больше всего ее поразили глаза этого индивидуума. Огромные черные зрачки заполняли все пространство радужной оболочки. Даже белков не было видно. И эти страшные черные пуговицы смотрели в папки, на дисплеи, на входную дверь. Они смотрели куда угодно и ни разу не остановились на Перлис.

— Слушаю вас! — нетерпеливо сказал молодой человек, и Перлис впервые в жизни растерялась, не зная, что отвечать. Ее совершенно подавляло полное отсутствие всякого интереса в этом человеке.

— Я, собственно... Где я нахожусь?!

— В приемной, разумеется. Так вы будете подавать прошение?

— Прощение о чем?

— Да о чем хотите! Какая мне разница? Не могли заранее составить заявление? Вот вам форма, возьмите ручку и пишите!

Она молча повиновалась.

— Ну? Так чего же вы ждете?

— Я не знаю, о чем писать...

— Справа перед вами в рамочке образец. Смотрите не ошибитесь. Бланки у нас в большом дефиците.

В рамочке лежало заполненное по графам заявление, и Перлис, все еще не пришедшая в себя от изумления и

внезапно нахлынувшего страха, прочла его буквально по слогам: «Я, Пайзе Перлис, настоящим прошу высочайшего соизволения в произведении посещения вышеупомянутого места, согласно чему удостоверяется».

Печать. Подпись неразборчиво. В образце стояли ее собственные фамилия и имя.

— Какое именно место я должна посетить?

— Это меня не касается.

Вспыхнув от внезапного гнева, она резко поднялась и решительно направилась к двери. Ни слова возражения или протеста со стороны чиновника не последовало. Дверь открылась, и она очутилась в точно такой же комнате, с таким же столом, с таким же чиновником.

— Присаживайтесь, — сказал чиновник.

После сорок второй комнаты она сдалась, вновь села к столу и написала это идиотское заявление.

Приняв от нее заявление, чиновник подержал его в руках, словно проверяя, сколько оно весит, и выжидающе уставился на Перлис.

— Еще что-нибудь нужно?

— Разумеется. Полагаются коммиссионные. Процент от сделки указан прямо на дверях кабинета. Это, знаете ли, очень удобно для посетителей. Не приходится ломать голову над суммой, новшество нашего мира.

— Но у меня нет денег...

— Деньги? При чем тут деньги?!

— Но тогда что же?

Поманив Перлис пальцем и для чего-то оглянувшись, хотя в комнате, да и, пожалуй, во всей этой пространственно-временной фазе, кроме них, никого не было, чиновник нагнулся и прошептал ей в самое ухо:

— Вы хотите выбраться из лабиринта?

— Разумеется, хочу!

— Тогда придется заплатить гаввах...

— Гав... что?

— Это так называется. Совершенно безобидная процедура. Не остается даже следов. Вы не успеете оглянуться, как очутитесь на свободе. Пройдите сюда, в это кресло.

Она и оглянуться не успела, как, не сделав ни одного

движения, очутилась в хирургическом кресле. Металлические захваты с коротким пружинным лязгом мгновенно защелкнулись на ее руках и лодыжках.

— Выпустите меня!

— Вы подписали заявление? Тогда доверьтесь мне. Процедура займет всего несколько минут.

Чиновник неторопливо стал раскладывать на століке свой универсальный набор инструментов. С ужасом теряя проблеск последней надежды, Перлис вдруг поняла, что зеленая мушка в ее глазу окончательно погасла, едва она переступила порог этой последней преисподней.

29

Впервые со времени посадки на Таиру ее серое небо окрасилось в зловещий темно-багровый свет. Возможно, так здесь выглядели ранние проблески солнечных лучей, искаженные толстым слоем облаков. Но Логинову казалось, что по небу разлита чья-то кровь.

Постепенно заря набирала силу. В полумраке они уже легко различали лица друг друга, но багровый отсвет все еще ложился на окрестные скалы.

Наконец Абасов опустил бинокль и, указав каждому из них намеченные цели, проговорил:

— На башнях у ворот и на самой стене только арктуриане. Если это вся их охрана — они нас не удержат.

Он отдал команду, и вся четверка короткими перебежками, то и дело останавливаясь и затаиваясь в высоких безжизненных кустах, двинулась к огромным воротам.

Им оставалось метров сто до этих ворот, когда Бекетов приглушенно вскрикнул. И они все на несколько секунд замерли, как замороженные, всматриваясь в крохотный экран портативного приборчика. Мигающая красная стрелка, указывающая прямо на эти ворота, означала, что заработал маяк наручного идентификатора Перлис!

Логинов от волнения на какое-то время потерял кон-

троль над собой. Но сейчас как никогда ему нужны были холодная голова и точные безошибочные действия. С трудом ему удалось взять себя в руки.

Вскоре они подобрались вплотную к изгороди. Толстые дубовые доски ворот, окованные медью, вряд ли годились для обыкновенного склада... Логинов думал о предупреждении Мартисона, о том, что глупо врываться в логово ракшаса с оружием, не способным причинить ему серьезного вреда. Мысли мелькали и исчезали, не оставив после себя ни малейшего следа, разве что незаметные для его спутников дрожь и холод в руках... Он знал, что все это пройдет, едва начнется атака.

Послышалась очередная команда Абасова, и почти сразу же удар взрывной волны принес летящие в воздухе обломки досок. Ворот уже не было. На их месте в изгороди зиял широкий пролом. Вправо и влево одновременно ахнули бластеры, веерами огня снимая часовых на башнях.

Они мчались через пустой двор, каждую секунду ожидая ответного удара — вот из-за этого угла, из этой двери; но двор молчал, и они наконец остановились, осмотрелись. Сопrotивление охраны, казалось, полностью сломил их неожиданный рейд. Они сумели на ходу поразить все намеченные цели. Но у ворот стояли гуманоиды — существа близкие и понятные им. Здесь, внутри двора, притаилась опасность гораздо более страшная.

Помещения, напоминавшие заводские корпуса, остались позади. Они миновали еще одну изгородь и находились теперь во внутреннем дворе, где стояла хижина, сложенная из плохо обработанных глыб. Вблизи она оказалась неожиданно огромной...

Стрелка «РЕМа» качалась, направление луча от маяка Перлис здесь изменилось. Теперь луч шел отсюда-то снизу. В той стороне виднелся только замшелый сруб заброшенного колодца, но Абасов, не раздумывая ни секунды, повел всю группу вниз. Его наметанный глаз сразу же приметил свежие царапины на бревнах.

Логинов, замыкавший четверку, немного замешкался, рассматривая эти царапины. Он представил себе Перлис, спускающуюся в этот бездонный, темный коло-

дец. Должно было произойти что-то по-настоящему страшное, если такой человек, как Перлис, вынужден был укрываться в колодце...

Пока Логинов раздумывал над этим, неожиданно налетел порыв ветра и завернул вокруг него тугую, плотную пелену смерча... Никто из спускавшихся не увидел того, что произошло. Когда смерч рассеялся, никого уже не было во дворе. Логинов бесследно исчез...

Перлис очнулась в сырой маленькой камере. Она лежала на охапке гнилой соломы в грудe мусора. Тусклый свет лился в зарешеченное окно высоко над ее головой. Пить хотелось еще сильнее. Теперь она знала, что жажда лишь малая часть тех мук, которые определили ей ее палачи. Психологический прессинг — так это называлось в той далекой жизни, которая когда-то имела к ней отношение. Они могут сконструировать специально для нее любую реальность по своему выбору. Их возможности неисчерпаемы. Она вспомнила свой побег и его окончание... С каким злорадством, должно быть, Амутал наблюдал за ее беспомощным барахтаньем внутри лабиринта. Дать надежду, чтобы потом отнять и снова поманить жертву...

Стальная цепь, обхватившая металлическим кольцом ее талию, толстой змеей уходила в стену. Малейшее движение причиняло невыносимую боль. Недалеко от ее лица, может быть, всего в нескольких десятках сантиметров, стоял жбан с прохладной и чистой водой... Она видела эту воду сквозь закрытые веки, ощущала ее вкус на засохших губах. Длина цепи не позволяла дотянуться до жбана... Чтобы не видеть воды, она с трудом повернулась к стене и сдавленно вскрикнула. В метре над ней, распятый на стене, висел высохший человеческий скелет.

Амутал предусмотрел все. Каждое ее движение. Каждую мысль. Перлис словно увидела потемневшее от времени зеркало в стене и гнусную ухмылку своего главного мучителя, так и не показавшегося с момента ее бегства. Зачем? Он наблюдает за ней, оставаясь невидимым, впитывает каждый гран ее мук. Чего он добивается? К сожалению, она знала ответ слишком хорошо... У нее не оста-

лось ничего, кроме гордости, и за это последнее свое достояние она решила бороться до самого конца.

А ведь стоит произнести вслух всего несколько слов: «Прости меня, великий господин, прими лоно мое и душу мою...» Так звучала ритуальная фраза рабыни, которой научили ее в камере пыток. Им не удалось сломить ее волю. Пока не удалось... Но она знала, что передышка будет недолгой, а сил оставалось совсем немного...

Шорох за спиной заставил ее содрогнуться и сжаться в комок, подтянув ноги под самый подбородок. Крысы... Наверное, это именно крысы... Они знают, чего она боится больше всего, они могут читать каждую ее затаенную мысль. Именно поэтому пытки их столь изощренны. Долго ей все равно не выдержать... Тогда зачем? Почему не прекратить мучений? Она представила его наглухо ухмылку, его скользкие, нечеловеческие руки, все, что будет потом... И лишь сильнее стиснула зубы.

Шорох за ее спиной повторился... Отчетливые маленькие шажки и шепот, едва различимый шепот, с трудом складывающийся в слова:

— Ты еще живая? Скажи! Не мог оставаться один, я принес, но это не то. Я думал, он носит ключи... Раньше не мог прийти. Ответь! Не надо молчать!

Рывком, не обращая внимания на боль, она села. Напротив нее — серенький комочек меха, большие, круглые, зеленые, вечно голодные глаза, голые длинные уши...

Ярута! Как ты попал сюда?!

— Я долго шел! Хозяин велел пригнать крыс, но мы с Прикованным к очагу подмешали сонной травы, и Хозяин заснул. Мы хотим, чтобы ты жила... Я думал, Хозяин носит на шее ключ от цепи, но нашел только это...

Он протягивал ей круглый золотой амулет, тяжелую странную вещь, испещренную неведомыми письменами. Цепь легла ей на руки неожиданным грузом, и странное мертвое тепло потекло от ее пальцев по всему телу. От этого тепла исчезли боль, воспоминания и желания. Все то, за что она боролась с таким отчаянием, вдруг стало глуше, незначительней, второстепенней. Гораздо важнее показалось мертвое золото амулета; его цепь змеей, словно сама собой, скользнула с рук на шею.

Амулет точно ждал этого жеста тысячи лет... Ахнул дьявольский хохот, завертелись стены ее темницы и исчезли, растворяясь в хороводе новых видений.

Логинов с удивлением осмотрелся. Колодец исчез. Он сидел внутри хижины за большим деревянным столом. Напротив него, чавкая и разбрызгивая по столу недоеденные остатки пищи, ракшас заканчивал свой ужин.

— Значит, есть к тебе разговор, козьявка. Предложение, значит. Концессус. Понимаешь? — Амулет отправил в рот новую гигантскую порцию каши, и от вони Логинова замутило. — У меня украли одну вещь. Нужную вещь, дорогую. Теперь она у твоей женщины. Ты ее забирает, приносит мне. Я отпускаю обоих. Совсем отпускает. — Он чавкал, коверкая и без того невнятную речь. Вот он сглотнул, рыгнул, и два гигантских красных глаза, словно два раскаленных угля, уперлись в лицо Логинова, ожидая ответа.

— Какую вещь?

— Она тебе будет показать. Круглая, золото. Дорогая. Тебе не нужная. Отдаешь мне — получаешь награда — свобода. И золото — сколько весит, в десять раз больше. Есть концессус?

Несмотря на исковерканный интерлект ракшаса, Логинову совсем не хотелось смеяться. Он вдруг понял, что произошло нечто непредвиденное, нечто такое, что может изменить всю их дальнейшую судьбу.

— Почему бы тебе не забрать эту вещь самому, если ее у тебя украли?

— Забирать не можно. Невозможно забирать силой. Только отдавать добровольно и получать свободу. Тебе она будет отдавать добровольно, мне — нет.

Мысли пронеслись в голове Логинова стремительным хороводом. Что же тут произошло? Что с Перлис? Где она сейчас? И если этот предмет, о котором говорит ракшас, имеет для него такое большое значение, каким образом он мог оказаться у Перлис? Вдруг он похолодел от поразившей его мысли. Что, если это Бладовар? Что, если он у Перлис?!

— Сначала я должен ее увидеть.

— Сначала концессус. Подписать соглашение — потом видеть.

— Сначала видеть — потом соглашение!

Ракшас зарычал. Похоже, ему еще не приходилось сталкиваться с подобным противодействием. И сейчас в нем откровенно боролись два противоположных желания: раздавить непокорную козьявку, посмевшую ему противоречить, или попытаться ее уговорить, чтобы добиться чего-то гораздо более важного.

Неожиданно волосатое чудовище за столом стало уменьшаться, превращаясь в уже знакомого Логинову старика. Переговоры явно вступали в новую стадию.

Они шли по бесконечным коридорам лабиринта времени, и ракшас постепенно менялся. На нем появился желтый плащ, затем ботфорты. На боку образовалась старинная шпага. Лицо вытянулось, неузнаваемо изменилось. В нем пропали те самые характерные черты, которые делали его похожим на помесь демона с орангутаном. Сейчас это был всего лишь человек, лицо которого выглядело непривычно печальным, почти благородным, хотя сквозь него время от времени как бы просвечивали недавние знакомые черты.

После очередной двери Амутал подвел Логинова к замаскированному в стенной панели зеркалу, и тот увидел, что его одежда десантника исчезла. Ее сменил длинный желтый плащ, в точности такой же, как у Амутала. Вместо бластера на поясе теперь болталась длинная шпага.

— К даме следует являться в подобающем виде, — проговорил Амутал в слегка напыщенном и торжественном тоне. От былого косноязычия его речи не осталось даже следа.

Что-то неуловимо, едва заметно изменилось и в чертах лица Логинова, но что именно, он не успел понять. Его внимание отвлекла новая картина в зеркале. Там появился длинный песчаный туннель, освещенный призрачным светом. По нему, то и дело останавливаясь и настороженно осматриваясь, шли его трое товарищей.

— Как видишь, с ними ничего не случилось. Они ищут тебя и будут бродить по этим коридорам до тех пор, пока мы не окончим все наши дела.

Панель, закрывавшая зеркало, опустилась на место. За следующей дверью, которую они миновали, открылся дворцовый зал с роскошным столом, на нем сверкала старинная драгоценная посуда. Стояли всевозможные блюда, фрукты, кувшины с вином. Стол был накрыт на шесть персон, но в зале, кроме них, никого не оказалось.

— Садитесь, ешьте. Пока мы одни, можно продолжить наш спор.

— Но вы обещали мне совсем другое!

— Не беспокойтесь. Она скоро будет.

30

Стены камеры растворились в туманном вихре, едва медальон коснулся кожи Перлис. Она оказалась в старинном дворцовом зале. Гобелены, картины, предметы редкостной красоты окружали ее со всех сторон.

Она одна сидела за длинным столом, уставленным яствами и напитками. Исчезла стальная цепь, исчезло рваное грязное рубище, исчезли даже следы пыток на ее коже. Лишь медальон ледяной глыбой давил на грудь, замораживая дыхание. Сердце билось редко и медленно. Из всех прежних ощущений осталась разве что жажда.

Она протянула руку к золотому кувшину, и тотчас, сами собой, зажглись свечи в серебряных подсвечниках, едва слышно заиграла музыка.

Презрительно усмехнувшись на все это театральное великолепие, она залпом осушила бокал неведомого заморского вина, затем еще один и еще. Это была, конечно, не вода, но мучительную жажду вино все же утолило.

Голова слегка закружилась, и ей впервые за этот долгий день стало тепло.

Капли вина упали на роскошное древнее платье из голубого шелка и оставили на нем следы, похожие на кровь...

— Ярута! — требовательно позвала она.

И тоненький голосок ответил:

— Я слушаю тебя, моя госпожа!

Госпожа? Странное обращение...

— Сядь со мной. Поешь.

- Мне запрещено, госпожа.
- Раньше ты звал меня Пер! Сядь, я сказала!
- Слушаю и повинуюсь.

Маленький домовый образовался наконец на стуле. Он выглядел испуганным, дрожащим и жалким.

- Ешь, дурачок!
- Мне страшно, Пер... Здесь плохое место...
- Я знаю. Другого у нас нет. Поэтому давай поедим хотя бы.

Дверь отворилась без скрипа и стука. В зал вошли два человека в длинных желтых плащах. Старинные ботфорты и шпаги обозначали их принадлежность к персонажам той театральной постановки, в которой она теперь вынуждена была участвовать. Лицо одного из визитеров показалось ей странно знакомым, даже сердце вздрогнуло и ударило чаще, но тут же успокоилось, перешло на прежний замедленный ритм, придавленное непомерной тяжестью медальона.

Оба сели в стороне от нее. Не обращая на Перлис ни малейшего внимания, гости говорили только друг с другом.

— Садитесь, ешьте. Пока мы одни, можно продолжить наш спор.

— Но вы обещали мне совсем другое!

— Не беспокойтесь. Она скоро будет. Итак, вы уверены в справедливости собственной мысли. В том, что человечество непременно должно победить в начавшейся космической войне. Почему?

— Потому что, появившись из небытия в этой вселенной, мы получили такие же права на существование, как и все прочие существа!

— Это верно. Но давайте вспомним, как вы распорядились этими правами. Вы затопили собственную планету океанами грязи, стараясь выжать из нее максимум возможностей для удовлетворения непомерных амбиций малой части вашего общества. Вы превратили собственный дом в огромный военный завод, хотя десятки лет у вас практически не было внешних врагов. Вы производили оружие смерти лишь для того, чтобы торговать им, обеспечивая роскошную жизнь кучке генералов, руководящих вашим так называемым «советом». И наконец, вам

показалось этого мало, и вы начали экспансию, постепенно захватывая все новые планеты, навязывая им свой образ жизни и совершенно не считаясь с массовым уничтожением местной биосферы. Для того чтобы остановить вас с минимальными потерями, пришлось разработать специальную стратегию захвата.

— Вот вы и признали, что захват — всего лишь замаскированная форма инопланетной агрессии.

— Разве я это отрицал? Посмотрите на себя. Посмотрите, во что вы превратили собственный народ. Вы стали слишком легкой добычей. Было бы просто глупо не воспользоваться сложившейся ситуацией. Для начала захвата оказалось достаточно всего лишь одного опломбированного вагона, затем нам оставалось лишь подбирать тела тех, чьи души уже принадлежали нам. Ну, а потом небольшая замена... Маленькая психологическая операция, и вот уже готова шестая колонна. Ряды наших адептов множатся, постепенно захватывая все жизненно важные центры вашего общества: узлы информации, банки, лечебные учреждения, культуру и науку.

Если бы не такие, как вы, единичные экземпляры, нам не о чем было бы разговаривать. Но, к сожалению, среди вас есть упрямые дураки. Они лезут в мой мир со своим нахальством, со своими претензиями и ничтожными надеждами. В конце концов случайно вам повезло, и теперь я вынужден договариваться с вами, вместо того чтобы отправить вас всех в подземелье...

Дверь открылась, и вошла Перлис. Вначале Логинов не узнал ее. На ней было сверкающее золотой парчой платье из голубого шелка. Бладовар на массивной золотой цепи свешивался до самой талии. Талисман нельзя было спутать ни с чем. От него исходило мягкое голубоватое сияние, и странная ледяная сила перехватывала дыхание, стоило лишь на секунду задержать на нем взгляд. Но не Бладовар поразил Логинова и даже не старинное бальное платье, открывавшее взору бледные, как алебастр, точеные плечи Перлис.

Больше всего ранила его заторможенность ее движений. Она словно несла на своих плечах невидимую глыбу льда... И она его не узнала! Ни на секунду ее взгляд даже не задержался на его лице!

— Перлис! — крикнул Логинов, вскакивая.

— Сядь и успокойся. Она тебя не видит и не слышит. Она находится в другой временной фазе. В этой фазе мы с тобой еще не вошли в комнату. Это произойдет лишь через несколько минут.

Перлис жадно потянулась к кувшину с вином, залпом опорожнила подряд три бокала. И вдруг, повернувшись к закрытой двери, проводила глазами невидимое для Логинова движение теней. Наконец ее глаза на какое-то мгновение задержались на его лице. Секунду казалось, она его узнает, но женщина тут же отвела взгляд. На ее словно высеченном из мрамора лице не дрогнул ни один мускул.

— Перлис! — повторил Логинов, вкладывая в звучание ее имени всю свою тревогу, всю радость от встречи, всю надежду.

— Да, так меня зовут, — равнодушно ответила женщина. — Чего вы хотите?

— Подойди к ней, постарайся снять с нее медальон, это он мешает ей тебя узнать, — прошептал Амутал.

— Что ты с ней сделал?! — Рука Логинова сама собой нащупала рукоять шпаги и сжала ее. Гнев и отчаяние переполняли и ослепляли его.

— Да. Теперь я вижу, что ты не лучше прочих ослов из своей породы. Самовлюбленный, ничтожный дурак!

Он бросал ему в лицо отборные оскорбления, те самые слова, которые в присутствии Перлис должны были как можно сильнее задеть его самолюбие. И клинок Логинова все больше освобождался из ножен.

Голос звучал в его голове как комариный писк, стараясь пробиться из неведомого далека, сквозь завесу ярости, непонимания и гнева. Логинов отмахивался от него, как от надоедливой мухи, загонял в подсознание, но голос возвращался снова и снова, пока не сложился в слова:

— Амутал нарочно провоцирует тебя. Если ты обнажишь оружие, он тебя убьет и вновь завладеет амулетом. Тогда его никто не остановит. Прекрати, Артем, пока не поздно!

Но было уже поздно. Отбросив плащ и ножны, Логинов вскочил на ноги с обнаженной шпагой в руках. Раска-

тистый довольный хохот Амутала наполнил зал. За немислимую долю мгновения ракшас оказался рядом с ним, в боевой стойке, со своим готовым убивать оружием.

Где-то это уже было... Что-то подобное... Воспоминание, как молния, сверкнуло в мозгу Логинова. Зал гаместон-центра, компьютерная реальность, похожее на вареное мясо небо и убийца со шпагой в руке, стоявший напротив него. Возможно, это было предостережение, которого он не понял...

Шпага Амутала, описав полукруг, рванулась к его груди. Логинов едва успел уклониться.

Что-то надо было сделать. Что-то очень важное. Единственно возможное в той безнадежной ситуации, в которую он сам себя загнал своей непростительной гордостью, которую так легко спутать с глупостью, если смотреть на происходящее с несколько иной точки зрения.

И тут он вспомнил все до конца! И, переломив о колени сверкающее лезвие, отбросил эфес. С крутящимся колесом «лао» в правой руке Логинов сам пошел навстречу ракшасу.

Трижды стальная сверкающая мельница в руке Логинова отбрасывала шпагу Амутала, несмотря на его нечеловеческую реакцию, несмотря на то, что Логинову казалось, будто он одновременно сражается с десятком противников. Амутал, теряя терпение и разъярясь все больше, бросился в прямую флеш-атаку. Его голова на ничтожную долю мгновения осталась без защиты. Вращающийся круг «лао» тотчас слегка наклонился, отбросил смертельное лезвие и задел скулу Амутала. Крови не было. Есть ли она у демонов? Этого Логинов не знал, отчаянно защищаясь и понимая, что с каждой секундой приближается неизбежный конец. В том месте, где лезвие коснулось кожи Амутала, появилась огненная полоса. Но боли ракшас, похоже, не испытывал. Непрекращающаяся череда чудовищной силы ударов обрушилась на Логинова как шквал...

Малейшая ошибка, малейшая неточность — и он лишится своего «лао». Однако пока ему удавалось успешно отражать удары. Но Логинов все время отступал и в конце концов уперся спиной в стол, рядом с тем местом, где сидела Перлис.

— Прекратите! — сказала она. — Вы мешаєте мне.

Ледяная сила ее голоса, нечто гораздо большее, чем сам этот голос, заставило Логинова повиноваться. Исчез сверкающий охранный круг. Оружие в его руке опустилось вниз.

Та же самая сила обрушилась на Амутала. Но, собрав всю свою демоническую волю, он не опустил шпаги и продолжал начатый выпад.

Казалось, время остановилось. Логинов видел, как тонко отточенное жало лезвия медленно приближается к его груди, пробивает складки одежды, кожу, мышцы... Боли он не почувствовал, лишь леденящий, парализующий холод.

Живая, человеческая кровь брызнула во все стороны. Несколько капель упали на платье Перлис, в то самое место, где темнели пятна вина. Но одна из капель, словно заблудившись, свернула с заранее предначертанной дороги и коснулась кожи женщины раскаленной алой жемчужиной.

В ту же секунду Перлис вскочила, сорвала с себя медальон и бросила его на стол.

Выпустив эфес шпаги, торчавший из груди Логинова, ракшас продолжил бросок, вытягивая руку к своему сокровищу. Лишь доли мгновения отделяли его от заветной цели, но Перлис с непостижимой быстротой вдруг схватила цепь и изо всех сил хлестнула амулетом по этой жадной, ищущей руке.

Ракшас, взыв от нестерпимой боли, отпрянул назад. Бладовар, оторвавшись от цепи, покотился по столу и, словно невзначай, лег плашмя на краю стола, напротив оседающего на пол Логинова. Тот, ища точку опоры, повернулся и, опустившись перед столом на одно колено, схватился руками за скатерть.

Прямо перед его постепенно застилавшимися небытием глазами плясали древние, непонятные буквы...

«Прочти их, прочти вслух!» — молил комариный голос в его остывающем сознании; но последним усилием воли, плохо повинующимися губами он вместо этого прошептал женское имя.

— Пер... — прошептали его умирающие губы. — Перлис, я люблю тебя... — С бесконечным сожалением

посмотрел он на женщину, которую оставлял навсегда, с чувством бессильной горечи и утраты.

— Латума! — прогремел голос над залом, вдруг превращаясь от слов Логинова из комариного писка в рык разъяренного льва. И ракшас покачнулся. Раскаленное лезвие летящего из глубины веков древнего заклятия лишь теперь поразило его гнилое сердце.

Амулет треснул, распадаясь на две половины.

И умер зал. Умерло пламя свечей. Остановилось время. На тысячелетие застыл в неестественной позе, падая навзничь, поверженный ракшас. Застыла в воздухе шпага, так и не дотянув до намеченной цели, и затянулась рана на груди Логинова. Ибо не мог нанести раны тот, кого не стало ни в этом, ни в предыдущем времени.

ЭПИЛОГ

Команда стояла на берегу горного потока, в том месте, где кончался сверкающий мост.

— Тысяча лет... Он сказал, на тысячу лет замрет этот подлый мир, на тысячу лет прекратится захват... Хватит ли нам этого времени? — спросила Перлис, положив руку на плечо Артема, словно лишний раз желая убедиться, что он находится рядом с ней.

— Во всяком случае, мы принесем в наш мир надежду. И знание причин.

— У нас появится шанс. Шанс в тысячу лет длиной, и это совсем немало. За тысячу лет человечество уйдет в своем развитии так далеко, что захват покажется нашим потомкам детской игрушкой! — подытожил Абасов.

Но Логинов, грустно усмехнувшись, возразил:

— Если до той поры мы сами не уничтожим свой мир.

— Мы так преуспели в этом за прошлые тысячелетия своей истории, что сами стали причиной захвата...

— И сами остановили его! А значит, у нас еще есть надежда, ведь наша цивилизация способна рождать не одних предателей и подонков!

— Ну что же... Вперед, друзья, — и да здравствует наша надежда...

Вдалеке прозвучал удар гонга, и сверкающий барьер, отделявший людей от их собственного времени, рванулся им навстречу.

Последнее, что увидел Логинов в этом чужом, навсегда покидаемом мире, была фигура старца на сверкающем мосту. На секунду ему показалось, что Мартисон стоял там не один. Образ незнакомой прекрасной женщины возник на мгновение перед их глазами, заслоненный цветным туманом.

Туман раздвинулся. В какое-то мгновение Логинову показалось, что он может прочесть в ее бесконечных глазах свою собственную судьбу... судьбу всех тех, кто идет впереди и никогда не возвращается обратно, потому что время течет как река, и никому еще не удавалось дважды вступить в одну и ту же воду...

Снова прозвучал гонг. Казалось, ничего не изменилось. Они по-прежнему стояли на вершине той же самой скалы. Но внизу, под ними, раскинулись институтские корпуса, которых здесь не было раньше.

Группа туристов поднималась к ним снизу по горной тропе. Они были уже почти рядом, но еще не видели десантников. Голос маленькой девочки, донесенный порывом ветра, спросил отчетливо и звонко:

— Мама, что такое захват?

ПЛАНЕТА ДЛЯ КОНТАКТА

==
повесть

Исследовательский звездолет второго класса шел в надпространстве. Экипаж спал в глубоком анабиозе, и кораблем управлял центральный автомат. Только лишенный эмоций мозг мог не замечать полную пустоту за бортом, которая, казалось, просачивалась сквозь стены корабля и наполняла его невидимым туманом. Ничто материальное не могло возникнуть в шестимерном надпространстве, отделенном от корабля мощными защитными полями. Там не было ни частиц, ни квантов энергии, ни магнитных полей. И когда в недрах корабля родился посторонний звук, вызванный внешними причинами, центральный автомат не сумел правильно оценить полученную информацию.

Вибрация возникла в машинном отсеке звездолета в семь часов двадцать минут по корабельному времени. Захватив вначале ограниченный участок четвертого генератора, она быстро распространилась на все машинное отделение.

Центральный автомат дважды запросил данные от всех приборов слежения и контроля. Проанализировав весь огромный объем информации за считанные доли секунды, автомат отключил датчики вибрации как неисправные и направил к ним ремонтные автоматы. На корабле не было обнаружено ни малейшей причины возникновения вибрации. Внешнее воздействие среды невозможно, так как она попросту не существовала для кусочка обычного пространства, которым был корабль с его защитными полями. Следствие не бывает без причины. Значит, вибрации нет. Значит, просто отказали прибо-

ры. Их надо исправить. Во всей этой стройной логической цепи не могло быть ошибки.

До пробуждения экипажа по программе оставалось еще четверо суток. Автомат следовал программе.

Программа никогда не нарушалась. Она была основным законом долгие месяцы полета. Программа предписывала в непредвиденных ею ситуациях выйти из надпространства и включить аппаратуру пробуждения для дежурного навигатора. Срочное пробуждение всему экипажу давалось лишь в случае опасности. Опасности не было. Непредвиденной ситуации тоже. Просто из строя вышли датчики машинного отсека. Ремонтный робот разобрал их, доложил о полной исправности центральному автомату и собрал вновь.

Вибрация между тем захватила три соседних отсека и вошла в резонанс с плитами крепления генератора. По всем отсекам корабля завывали сирены тревоги, вспыхнуло панно особой опасности. Вибрация продолжала расти. Она уже трясла лихорадкой весь огромный корабль. Лопались стекла приборов. Титаническая сила скручивала и рвала лестницы, корежила переборки.

Центральный автомат боролся с неожиданной бедой как мог. Но он был всего лишь машиной. И слишком поздно вступил в борьбу. Никаких средств для подавления вибрации, возникшей без всяких причин, в программе не было. Центральный автомат в исключительных случаях имел возможность использовать резервные блоки для самопроизвольного программирования и дополнительного анализа. Огромная память машины хранила аналоги бесчисленных аварий всей истории звездоплавания.

Тысячные доли секунды понадобились автомату для использования дополнительных блоков и выдачи готового решения.

— Немедленно снизить скорость! Включить центральные двигатели на торможение!

Слишком поздно. Скорость снижалась медленно, и дополнительная нагрузка на корпус корабля от включившихся двигателей на какое-то время лишь увеличила амплитуду вибрации. Теперь она гнула переборки, сдвигала с места многотонные блоки с ядерным топливом, рвала бесчисленные сети коммуникаций. Все ремонтные

автоматы работали на пределе своих возможностей. Шла борьба за жизненно важные центры корабля, за жилые отсеки, где в анабиозных ваннах лежали неподвижные тела людей.

Включились аварийные двигатели резерва с небольшим автономным запасом топлива. Они несколько уменьшили чудовищную скорость звездолета, помогли ему выкарабкаться из надпространства. Отработав все топливо, двигатели встали и были сейчас же катапультированы. Вибрация несколько уменьшила амплитуду колебаний. Она теперь не сминала переборки и не корежила обшивку, зато разрушала микроструктуру кристаллов. Лопались и взрывались сегменты внутри самого центрального автомата, почти мгновенно отказали все приборы информации.

Разрушающийся центральный мозг сделал последнее, что он еще мог и обязан был сделать ценой оставшихся в его распоряжении небольших резервов мощности, — он восстановил управляющие цепи анабиозного отсека и провел команду на пробуждение экипажа его автономным механизмом. Сразу же вслед за этим разрушение захватило все сохранившиеся до сих пор логические цепи центрального корабельного мозга.

Это был конец. Потеряв связь с управлением, ремонтные роботы, обладающие дополнительным запасом прочности, метались по кораблю, все разрушая на своем пути. Наконец и они затихли. Хрипели разорванные магистральи. Из трещин внутреннего слоя обшивки кое-где сочился жидкий гелий. В желтом свете аварийных ламп с потолка падали хлопья снега, но вскоре и они исчезли.

Практикант Райков видел сон. Это был странный сон, потому что в анабиозе не бывает никаких снов, а он точно знал, что находится в глубоком анабиозе. Тем не менее сон продолжался. Временами Практиканту казалось, что на полу отсека свернулся огромный белый удав. Он приподнимал свое свернутое пружиной тело и со страшным грохотом бил хвостом в переборки. Райков дернулся, стараясь освободиться от кошмара. Удав разлетелся по всему отсеку сотнями блестящих осколков.

— Ну что он?

— Приходит в себя.

— Слишком долго. Мне нужен весь экипаж. Сделай-те ему еще укол!

— Не могу, Навигатор. Придется подождать или начать без него.

Очень не хотелось открывать глаза. Лежать было удобно, почти приятно. Но сознание включилось в реальность помимо его воли, и он уже понимал, что Навигатор не станет говорить так о втором уколе без серьезной причины. Без причины, которая не сулила ничего хорошего. И рывком, словно прыгая с вышки в ледяную воду, Райков приказал себе открыть глаза.

— Ну вот. Теперь все в сборе. У тебя были неполадки с автоматом пробуждения.

Навигатор сказал это так, словно Практикант был виноват в плохой работе автомата.

— Осталось тридцать минут, потом поздно будет начинать торможение. Если проскочим орбиту, нам уже не повернуть.

— Какую орбиту? — одними губами спросил Практикант.

Разгром, царивший в анабиозном отсеке, заставил его снова на секунду закрыть глаза.

— Придется ему объяснить, — твердо сказал Физик.

— Ты думаешь? Но время...

— Он должен все знать. Он имеет на это право, так же как и каждый из нас.

— Хорошо, — сдался Навигатор, — тогда объясняй сам.

— Плохи наши дела.

Физик взял руку Райкова и крепко сжал ее. Практикант обрадовался, что в отсеке горит тусклый аварийный свет и никто не может заметить, как ему сейчас нужна эта рука. Физик продолжал очень тихо, почти вплотную приблизив свое лицо к Практиканту:

— От центрального автомата ничего не осталось, но он успел вывести корабль в обычное пространство. Мы не знаем причины аварии и не знаем, в какой точке пространства вышел корабль. При незавершенном скачке координаты выхода неизвестны... Может быть, по ри-

сунку созвездий? — вдруг спросил он, с надеждой посмотрев на Навигатора.

Тот отрицательно покачал головой:

— Слишком далеко. Десять светолет, расстояние можно установить почти точно по времени прокола... А координаты без приборов не вычислить.

— Зачем вообще нам эти координаты? — зло спросил Энергетик.

— Ну мне, например, приятно было бы знать, в какой стороне находится солнце, — ответил Доктор, осторожно укладывая в аптечку осколки разбитых ампул.

— Вы так об этом говорите, как будто собираетесь...

— Ничего я не собираюсь! — резко ответил Доктор.

— Просто уточняю обстановку. И давайте наконец решать, садимся мы на эту планету или нет!

— На какую планету? — спросил Практикант.

2

Трудно сказать, что именно помогло им сесть: бешеная работа или везение.

То, что в пределах досягаемости искалеченного звездолета оказалась звезда с планетной системой, было, наверно, результатом слепого случая. Правда, потом на планете они уже не очень верили в случай. Обычные представления о вещах здесь просто теряли всякий смысл. Но это они узнали много позже, а сначала была посадка. Если только можно назвать посадкой беспорядочное падение потерявшего ориентацию корабля.

Четыре раза Навигатору удавалось его выпрямить, и тогда из кормовых дюз вырывался ослепительный синий луч.

Все шестеро сидели за пультом в предохранительных скафандрах, туго перетянутые ремнями. Не работали антигравитация, локаторы обзора. Пульт представлял собой нелепое сооружение из наспех собранных панелей и рычагов управления генератором. Два месяца они гасили скорость и потом ползли к планете на этом единственном, восстановленном из обломков генераторе.

Каждый раз, когда Навигатору удавалось направить ось кормовых дюз к центру планеты, скорость скачком падала до нуля, и корабль почти сразу начинал валиться набок.

Сверхсветовые двигатели не были приспособлены для посадки на планеты, а планетарные восстановить не удалось.

Как только Навигатор включал двигатели, Энергетик хриплым голосом отсчитывал количество билиэргов мощности, оставшейся в конденсаторах. Где-то образовалась утечка, и генератор еле тянул. Если конденсаторы разрядятся полностью, антипротонная плазма прорвет магнитную рубашку, вырвется на свободу и превратит корабль в облако радиоактивного газа.

Последний раз Навигатору удалось совместить линию вертикали с указателем направления гравитационного поля планеты на высоте сорока тысяч метров. Кажется, он немного перестарался, и корабль подпрыгнул вверх от мощного толчка двигателей.

Стиснув зубы, Навигатор вращал верньеры боковых рулей, стараясь выровнять валившийся набок корабль. Пол рубки вибрировал вместе со всем искалеченным корпусом от чудовищных перегрузок. Неожиданно раздался жалобный и какой-то сдавленный вой сирены. Энергетик сказал негромко, наклонившись к самому микрофону:

— Капризничает рубашка.

— Всем в шлюпку! — отрывисто приказал Навигатор.

Позже Практикант уже не мог представить себе дальнейшие события как единое целое. Осталось только ощущение неизбежности катастрофы и отдельные детали, поразившие его больше всего.

Энергетик почему-то не выполнил общей для всех команды. Он достал платок и стал вытирать руки, как будто совсем не спешил, как будто спешить ему теперь уже было некуда...

Они бежали к люку. Обернувшись, Практикант увидел пустой коридор. Навигатор и Энергетик остались в рубке, он закричал об этом Физика. Но тот, ничего не ответив, втолкнул Райкова в раскрытый люк, и Доктор уже в шлюпке стал подробно объяснять про вторую шлюпку, забыв, что они сняли с нее все оставшиеся це-

лыми детали. Практикант хотел ему возразить и не успел. Сердито рывкнули двигатели, их швырнуло в пространство, и, когда он наконец пришел в себя от удара перегрузок, до корабля было не меньше десяти миль. Он закричал, отчаянно рванулся из кресла, но его никто не слушал. На кормовом обзорном экране распухал ослепительно белый шар. Потом шар лопнул, как мыльный пузырь. Экраны погасли сразу все, и шлюпка затряслась так, как будто попала под паровой молот. Практиканту показалось, что они ударились о скалы и что теперь все кончилось, но шлюпка все-таки выровнялась, стало неожиданно тихо, и тогда Физик сказал, что Алексей с самого начала был против этой посадки. Практикант не сразу понял, что Алексей — это Навигатор, сухой и неразговорчивый человек, которого он так и не успел узнать как следует перед полетом и теперь уже не узнает никогда.

— Десять миль от эпицентра... Не понимаю, как им удалось? — мрачно сказал Кибернетик. — Когда включилась сирена, от рубашки уже ничего не осталось...

— Вдвоем это было возможно, они отключили автоматику и вручную держали магнитные генераторы, отдав им всю энергию... Я даже думал, им удастся заглушить двигатель...

— Вместе с мощностью падал энергетический поток на магнитах, долго это не могло продолжаться...

Сели они очень спокойно. Даже парашютные двигатели, смягчающие толчок, сработали вовремя. Казалось, ничего особенного не случилось. Казалось, это рядовая разведочная экспедиция на поверхности новой планеты. Вот только не светились экраны кругового обзора да на том месте, где всегда рубиновым огоньком тлела лампочка постоянной связи с кораблем, теперь ничего не было.

— Сразу будем выходить? — спросил Кибернетик.

Физик пожал плечами:

— Собственно, это не имеет значения. Выбора у нас нет.

— Подождите хотя бы, пока я закончу анализы, — ворчливо возразил Доктор.

Больше всего Райкова поражала будничность происшедшего. То, как они об этом говорят: то, что Доктор,

покраснев от натуги, ворочает тубус пробоотборника и никто не выражает желания ему помочь; то, что все они избегают говорить о происшедшем, как будто уже примирились с безнадежностью ситуации, только не хотят в этом признаться и поэтому продолжают бессмысленные и бесполезные автоматические действия по анализу проб, натягиванию скафандров, разборке планетного комплекса... Зачем все это? Что они собираются искать на планете? Что они собираются делать дальше? Почему-то неловко было задавать сейчас вопросы, и он молча включился в общую суету.

Разрушая относительную тишину, установившуюся в рубке, в уши настойчиво лезли непонятный шелест и шорох — первые звуки чужой планеты. Если раньше Райкову казалось, что планета ласково поглаживает шлюпку, снимая напряжение с остывающей обшивки, то сейчас, когда обшивка уже остыла, этот звук больше всего походил на шум трущейся о стекло наждачной бумаги. Физик приложил к переборке ухо.

— Песок и ветер. По крайней мере, здесь есть атмосфера.

— Двадцать процентов кислорода! — сразу же откликнулся Доктор. — И, кажется, нет вредных примесей!

— А бактерии, вирусы?

— Еще не знаю. Я же только начал анализы! Нужно ждать, пока прорастут культуры.

— Ну уж нет! — сказал Кибернетик. — В этом железном гробу я ждать не намерен.

— Если бы не шлюпка, ты бы сейчас не разговаривал, — спокойно возразил Физик. — Ждать действительно не имеет смысла. Анализы закончим снаружи.

Люк открылся неожиданно легко, и они как-то сразу, вдруг оказались за порогом переходного тамбура. Райков не помнил, кто из них первый шагнул на шероховатую, изъеденную рыжими пятнами окислов поверхность чужой планеты. Оттого что люк распахнулся так неожиданно, в первую минуту окружающий пейзаж показался им будничным.

Невысокие серые холмы, освещенные ярким зеленоватым светом чужого солнца, не скрывали линии горизонта, так как шлюпка стояла на кургузой вершине одно-

го из таких холмов. Постепенно понижаясь, цепочки холмов переходили в серую равнину. А еще дальше, у самого горизонта, цвет равнины менялся. Там смутно угадывалось какое-то движение, но с такого расстояния уже ничего нельзя было рассмотреть. Теперь они знали, откуда взялось поразившее их в первую минуту ощущение будничности. Виновником был ветер. Они чувствовали даже сквозь скафандры его упругое давление. Задумчиво, совсем по-земному ветер свистел в микрофонах.

— Так и будем здесь торчать? — проворчал Кибернетик.

Они послушно двинулись вниз, к подножию холма. Физик нагнулся и подобрал серый камень, попавшийся ему под ноги. Практикант напряженно следил за выражением его лица. Размахнувшись, Физик зашвырнул камень далеко в сторону. Практикант почувствовал, как этот простой жест отозвался в нем болезненным толчком. Он все же спросил, еще на что-то надеясь:

— Базальты?

— Место низкое. Дальше могут быть другие породы.

Райков не принял его объяснения. Он знал, что выходы базальтов на равнине означали молодость планеты и вероятное отсутствие жизни. Рано делать выводы, слишком рано. Ведь есть же здесь кислород... Откуда он взялся?.. Но перед глазами упрямо вставали десятки отчетов экспедиций на чужие, мертвые планеты, где каждый раз знакомство начиналось с таких вот базальтов.

Мертвая планета... Мертвая планета... Если так, то они проиграли и не нужна была эта посадка. Проще было там, всем вместе. Сорок мегатонн и один шар плазмы, общий для всех. Наверно, Физик понял, о чем он думает.

— Видишь эти размывы? Эрозия. Значит, есть вода и атмосфера — это уже кое-что.

— А где ее нет? На всех планетах этого типа есть атмосфера...

— Да. Но не кислородная. Нам чудовищно повезло, просто чудовищно! Ты же знаешь: из десяти тысяч звезд только одна несет в своей системе планеты земного типа. И вот мы ее нашли. Я немного фаталист. Такой случай редко выпадает лишь для того... Ну, в общем, здесь что-то должно быть... А базальты... базальты и на Земле бывают.

Доктор остановился и начал разворачивать треногу полевого экспресс-анализатора. Остальные устало опустились на песок и стали ждать, пока будут закончены анализы. Физик, задрвав голову, смотрел в небо. Что он там искал — облака или птиц? Там не было ни того, ни другого. Пустое ослепительно изумрудного цвета небо. Солнце, казалось, замерло над горизонтом, словно приклеенное. Медленно вращается планета. Все можно объяснить, вот только ничего не изменяют самые подробные объяснения... Неделю они продержатся. Если воздух непригоден для дыхания, они продержатся земную неделю. Наверно, здесь это не больше четырех суток...

— Сорок рентген в час! — Доктор, нахмурившись, смотрел на стрелки прибора. — Ничего не понимаю, откуда такая радиация?

— Ты забываешь о нашем фоне. Сначала двигатели, потом... Наверняка это фон.

— Нет. Какой-то радиоактивный изотоп аргона. Один из компонентов атмосферы. — Физик рывком встал и подошел к анализатору.

— Никогда не слышал, чтобы у аргона был излучающий изотоп с такой активностью.

— Это опасно?

— Ну, в скафандрах, разумеется, нет, но если это действительно компонент атмосферы, а не результат нашего прибытия, скафандры снять не удастся. Здесь везде должна быть наведенная радиация... В атмосфере двадцать процентов кислорода, а остальное почти целиком этот странный аргон.

После этого сообщения все, не сговариваясь, повернули обратно к шлюпке. Она была кусочком дома. Вот только, пожалуй, слишком маленьким...

— Зачем нам шлюпка? — спросил Практикант.

— Попробуем взять анализы в другом месте. Все-таки это может быть наведенная радиация.

Это не было наведенной радиацией. Они отлетели километров на двадцать. На большее Физик не решился, потому что в аккумуляторах осталось очень мало анаэробного топлива для гравидвигателей. Зарядить их снова им уже не удастся.

Пейзаж планеты в этом месте почти не изменился, и результат анализов в точности соответствовал предыдущему. Атмосфера планеты оказалась радиоактивной.

Шлюпка стояла чуть накренившись. Практикант сел в тени ее нависающей носовой части. Все разбрелись в разные стороны. Доктор соскабливал с камней серый налет. Физик бесцельно вертел ручки настройки экспресс-анализатора. Один Кибернетик, казалось, был занят делом. Он вытащил из шлюпки пластмассовый ящик из планетного комплекта и теперь сдирал с него обшивку. Почему-то он начал с ящика под номером десять.

Дышать становилось трудно, хотя чистый и свежий воздух по-прежнему поступал в трубопроводы скафандра. Синтрилоновая пленка казалась непомерно тяжелой, как доспехи древних воинов. Конечно, это просто психологические эффекты, но от этого не легче. Нельзя снять скафандр. Его вообще не удастся снять. Во всяком случае, в течение оставшегося у них времени.

А почему, собственно? Практикант еще не успел додумать эту мысль до конца, как заговорил Доктор:

— Мы можем сделать фильтры из актана. Они полностью погасят радиацию.

— А воду ты тоже пропустишь через эти фильтры? — насмешливо спросил Физик.

— Воду? Я об этом не подумал.

Кибернетик наконец распаковал свой ящик и теперь пытался включить планетного робота. Райков никак не мог понять, для чего ему понадобился сейчас этот робот, и Кибернетик, словно угадав его мысли, вдруг сказал:

— Ему, по крайней мере, не нужно будет воды. — И замолчал, словно эта фраза что-нибудь объясняла.

Что-то у него не ладилось, робот дергался и корчился под высоковольтными разрядами, как живое существо. Да он и был, собственно, почти живым существом. У планетного робота не было самоуправляющегося крионового мозга, как у сложных корабельных автоматов, но зато был поразительный запас живучести, способность регенерировать собственные вышедшие из строя части, если только частями можно было назвать клубки синтетических мышц.

Вдруг робот рванулся и стремительно пронесся мимо них, подняв целую тучу пыли.

— Куда это он? — растерянно спросил Доктор.

— Пусть побегает. Дополнительная информация нам сейчас не помешает.

— Между прочим, воду мы могли бы синтезировать из атмосферы, — неожиданно сказал Физик.

— Как это? — не понял Доктор.

— Очень просто. Пропустить воздух через актановый фильтр, а потом через синтезатор. Если использовать всю оставшуюся в аккумуляторах энергию, получится около двух тысяч литров чистой воды.

Кибернетик и Физик стали обсуждать детали этого проекта, чертили на песке какие-то формулы, но Райков их уже не слушал. Можно бороться с планетой до конца. Дышать через тряпку, а воду по капле цедить из синтезатора, с боем брать каждую лишнюю минуту отсрочки... Только сейчас все это не имело смысла. Не будет в этот район никаких экспедиций... Самое большое — запустят автоматический зонд, он принесет данные о мертвой планете. Не хватит и тысячи лет, чтобы дождаться... Кто станет их здесь искать... Корабль вышел в неизвестной точке пространства. Может быть, Навигатор смог бы определить их местонахождение? Но только зачем оно им без корабля? Почему здесь зеленое солнце? Какие-то испарения в атмосфере?.. Может быть, соли стронция? Смертоносная планета — и такой ласковый ветер, яркое солнце. Чуть ниже подножия холма совсем прозрачный ручей словно приглашает напиться... Отравленная радиацией вода течет вниз к реке... Сразу перед посадкой шлюпки на новом месте, километрах в четырех отсюда, Райков заметил что-то очень похожее на береговую линию. Может быть, здесь даже есть море... Им некогда заниматься морем. Им надо готовить фильтры и делать десятки других бессмысленных, в сущности, дел, собирая, словно крошки со стола, остатки жизни, минуты, секунды, часы...

Физик отбросил обломок, которым рисовал формулы, и решительно поднялся.

— Мы долго не продержимся в таком пекле. Нужно искать укрытое место для постоянного лагеря.

— А для чего, — лениво спросил Кибернетик, — какая разница?

— Слишком дорогая цена заплачена за то, чтобы мы сейчас валялись на этом песочке. Хватит!

— И что же ты предлагаешь? — все так же лениво спросил Кибернетик, но Практикант заметил, как под стеклом скафандра у него сердито сошлись брови.

— Будем собирать данные о планете, искать выход.

— Какой выход?

— Когда я буду знать — я тебе скажу. А сейчас вы с Доктором отведете шлюпку к западной гряде, найдете укрытое место и обозначите его дымовой шашкой, а мы с Райковым исследуем восточный сектор, береговую линию, дождемся робота и к вечеру выйдем к лагерю.

— Не слишком ли рискованно разделяться? — спросил Доктор.

— А что не рискованно? У нас слишком мало времени. Разделившись, охватим больший район.

— Да что ты собираешься искать? — почти закричал Кибернетик. — Что?!

— Я не знаю. Какую-нибудь зацепку, шанс или хотя бы разгадку. Слишком уж странная планета. Откуда здесь кислород, если нет биосферы? Почему такая радиация? С чем мы столкнулись в надпространстве? А может быть, биосфера все-таки есть? Как там твои культуры?

Доктор пожал плечами:

— Ничего нет, даже вирусов.

— Ну вот видишь. А кислород есть. В нашем положении не стоит пренебрегать противоречиями. И потом, я чувствую, что-то здесь не так... Мы ведь не вышли на круговую орбиту, нет снимков, абсолютно ничего не знаем о планете!

Райков не стал дослушивать до конца. Он забрался в шлюпку и начал складывать в рюкзак необходимые для похода вещи. Под руку попался бластер с антипротоновыми капсулами, он задумчиво повертел его в руках и отложил в сторону. У него еще не пропала юношеская привязанность к оружию. Но он знал, что Физик не одобрит лишний груз. Мелкие неприятности им здесь, по-видимому, не грозили, а от крупных эта игрушка не спасет. Когда все было наконец готово, он замешкался,

привинчивая к скафандру запасной баллон, и догнал Физика только минуты через две. Отсюда, из-за вершины холма, уже не было видно шлюпки, но они услышали мягкое урчание ее двигателей, и оба одновременно повернулись. На фоне изумрудного неба диск шлюпки казался слишком чужеродным, даже грубым. И только когда окончательно затерялся, словно растворился в зеленой краске неба, ее силуэт, смолк последний отголосок металлического хриплого рокота двигателей, они по-настоящему почувствовали себя наедине с планетой.

Похожее чувство охватывает человека в поле или в лесу, в те редкие минуты, когда в голове нет ни одной мысли, только ощущение запахов, красок и какого-то общего ритма жизни... Но здесь не было никакого ритма. Тишина, нарушаемая мертвыми звуками, мертвые краски.

Тонкий слой песка под ногами иногда перемежался прослойками серой пыли, сквозь которую там и здесь торчали рыжеватые камни, покрытые желтыми пятнами пустынного загара. Жара становилась невыносимой. От нее уже не спасали и кондиционеры скафандров. Оба, не сговариваясь, свернули к ручью.

— Слишком мелкое русло. На открытой местности при такой температуре... Почему он не пересыхает?

— Может быть, подземные источники?

— Сколько же их должно быть?

К самому горизонту влево и вправо убегала серебристая змейка воды, словно клинком рассекая пустыню. Физик нагнулся, опустил в воду воронку полевого анализатора, внимательно посмотрел на выскочившие в окошечке символы элементов и цифры процентного содержания.

— Почти земная вода. Чуть больше солей стронция и железа.

— Радиация?

— Меньше, чем в воздухе. Всего двести рентген.

Физик зачерпнул полные пригоршни воды и плеснул ее на смотровое стекло шлема. Вода темным масляным пятном растеклась по скафандру. Что-то странное в этом пятне на секунду задержало внимание Практиканта. Какое-то необычное отражение света, словно скафандр под влажным пятном посыпали тонким слоем муки. И тут же

нашлось объяснение — соли... Слишком много солей. Вода высыхает, и остается пленка этих солей. Вслед за Физиком он вошел по колено в ручей, отключил терморегуляторы и сразу почувствовал ледяное прикосновение воды к тонкой коже скафандра.

— Всего пятнадцать градусов! Действительно, похоже на глубинные источники. Смотри! Что это? — Практикант опустил в воду перчатку скафандра, на которой за минуту до этого образовалась уже знакомая мучнистая пленка солей, но теперь под водой пленка не исчезла! Она как будто становилась толще.

Практикант усиленно тер перчатку, сдирая со скрипучего синтрилона тонкие лохматые чешуйки.

— Выйди из воды! — крикнул Физик.

Но было уже поздно. Практикант услышал свист выходящего из скафандра воздуха. Прямо на глазах пленка синтрилона, которая могла выдержать прямой удар лазерного луча, превратилась в грязноватые лохмотья, расплзлась и исчезла. Практикант инстинктивно задержал дыхание, но, взглянув на Физика и увидев, как тот сдирает с себя остатки скафандра, почти сразу же захлебнулся воздухом планеты. Вначале он закашлялся, скорее от неожиданности. Воздух был очень резким, но уже через минуту казался приятным, с каким-то едва уловимым ароматом сухой земли. От каждого вздоха изнутри по телу разливалось тепло, словно он пил очень горячий чай.

Физик подошел и встал с ним рядом. Без скафандра он казался меньше ростом.

Впервые Райков обратил внимание на то, что Физик не так уж молод, у него были толстые щеки и добрые, глядящие сейчас печально глаза.

— Что это было? — почему-то очень тихо, почти шепотом спросил Практикант. — Бактерии?

— В воде не было никакой органики. Ее анализатор показал бы в первую очередь. — Внезапно ожесточившись, Физик швырнул на землю башмак от скафандра, который машинально держал в руках. — Здесь вообще ничего не было. Ничего подозрительного! Ничего необычного! Ничего такого, что могло бы разрушить синт-

рилон. — Последнюю фразу он произнес очень спокойно, задумчиво, словно нащупал важную мысль.

— Сколько у нас теперь времени? — все так же тихо спросил Практикант.

— А? Ты о радиации... Часов шесть мы ничего не будем чувствовать.

— А потом?

— Потом у нас есть анестезин. — Физик нагнулся, пошарил в груди лохмотьев, оставшихся от скафандров, и достал из-под них совершенно целый рюкзак. — Материя не разрушается. Вот, значит, как...

Дальше они пошли молча, каждый углубившись в свои мысли. Не хотелось спрашивать, почему Физик не повернул назад, туда, где теперь находилась шлюпка. Наверно, он был прав. За шесть часов туда не добраться, да и незачем. Даже Доктор им уже не поможет. От этого просто нет средств. Медленно и неумолимо разрушаются клетки, с каждым вздохом, с каждой секундой...

Почти физически ощущалось жаркое прикосновение зеленого солнца. Все его сорок градусов обрушились на незащищенную, отвыкшую от жары кожу людей. Через полчаса они немного привыкли к новым ощущениям. Дышалось легко. Только кружилась голова да резало глаза от непривычно яркого света.

Местность постепенно выравнивалась, холмы мельчали по мере того, как они приближались к морю. Обнаженная раньше базальтовая кость планеты теперь совершенно исчезла под плащом дресвы и песка. За ними тянулись две цепочки следов — первые человеческие следы на этой планете. Практикант старался ставить ноги потверже, чтобы след отпечатывался как можно четче. Дышать он тоже старался глубже, хотя и не мог не думать о том, что с каждым вздохом в его легкие врываются новые миллионы радиоактивных атомов. Они уже начали свою незаметную пока работу... Можно заставить себя не думать об этом, но нельзя забыть совсем.

Физик предложил устроить небольшой привал, и Практикант подумал о том, как хорошо, что они сейчас не спешат. Расстелили на плоском валуне бумажную салфетку, распечатали коробки с завтраком. Есть совсем не хотелось, наверно, от жары.

Только Физик с аппетитом жевал толстые ломти консервированного хлеба, смазав их витаминной пастой. Еда всегда доставляла Физика удовольствие, даже когда не было аппетита. Наверняка ему нравился сам процесс. Райков подумал, что этот человек умеет разложить любое приятное событие на множество мелких, доставляющих удовольствие моментов и оттого, наверное, в любой ситуации не теряет ощущения какого-то особого, заразительного привкуса жизни. Практикант подумал, что молчит он, скорее всего, оттого, что не может простить себе ошибки с этой сумасшедшей водой, которая питалась скафандрами случайно забравшихся в нее космонавтов... Что могло быть нелепее ситуации, в которой они оказались? И кто, собственно, смог бы предвидеть последствия, окажись он на месте Физика? Неужели здесь так везде? Неведомая опасность за каждым камнем? В каждой глотке воздуха и воды? Что же это за планета? Даже закрыв глаза, он смог бы определить ее тип, сопоставив данные анализов и тех немногих, уже известных им фактов. Кроме, пожалуй, радиации да вот этой истории с разъеденными скафандрами... Но, может быть, как раз в этих фактах и кроется разгадка? Чтобы как-то разбить тягостное молчание, он стал многословно и путано уверять Физика в том, что случившееся пошло им на пользу, что все равно в скафандрах долго не выдержать и что теперь они по крайней мере могут чувствовать этот ветер и близкое дыхание моря.

Физик ничего не ответил, только посмотрел на него, иронически прищурившись, и, уложив в рюкзак остатки завтрака, пошел дальше.

Стало заметно свежее. Иногда перед ними, теперь уже совсем близко, мелькали за холмами синие пятна водной поверхности, и Райков старался не смотреть в ту сторону, словно боялся что-нибудь испортить в предстоящей встрече. Когда наконец за последним холмом открылась линия далекого горизонта, море буквально оглушило их. Нет, не шумом. Оно очень тихо лежало у самых ног, ослепительно синее в серых шершавых берегах, под ярко-зеленым небом. И даже не простором, от которого они отвыкли за долгие месяцы полета. Наверное, все-таки тем, что, пролетев миллионы километров,

потеряв корабль и товарищей, в этот свой последний час они стояли на берегу обыкновенного, по-земному синего моря... Нет, все же не совсем обыкновенного. Поражали невысокие, необычно толстые валики волн, словно это была не вода, а ртуть, и еще прибой. Он не шипел, не выбрасывался на берег, как на Земле, а осторожно, ласково лизал серые камни берега.

Практикант медленно пошел навстречу волне, вытянул вперед руки, но все же секунду помедлил, обернулся и вопросительно посмотрел на Физика. Тот молчал. Тогда Райков зачерпнул полные пригоршни синей воды и поднес их к самому лицу. Ничего не случилось. Не было ни ожога, ни боли. Вода как вода. Правда, она не стала прозрачней, эта частица моря у него в ладонях, не потеряла своего цвета. Казалось даже, потемнела еще больше, пропиталась синевой, словно кто-то растворил в ней хорошую порцию ультрамарина.

— Похоже на солевой расплав или пресыщенный раствор.

Он оглянулся на Физика. Тот наблюдал за ним с интересом, в котором по-прежнему чувствовалась неуместная сейчас ирония. Больше всего Практиканта поразила эта ирония. Что-то в ней было. Какая-то мысль, уже понятная Физика, но ускользнувшая от него. И, словно протестуя против иронического молчания Физика, он осторожно поднес ладони с синей водой к губам. «Не надо! — мелькнула мысль. — Это же глупо, в конце концов! — И тут же он возразил себе: — А что сейчас не глупо? Ждать, пока пройдет шесть часов, и потом глотать анестезин?»

Вода отдавала свежестью горного ручья, и она не была соленой... Станный привкус. Может быть, именно этого ждала от них планета? Доверия?

— Ну как, вкусно? — спросил Физик.

— Не знаю. Несоленая, немного похожа на... ни на что это не похоже.

Физик стянул через голову рубашку. Он тяжело дышал, по спине сбегали капли пота. Неуклюже разбжавшись, прыгнул в воду. Не было даже брызг. Просто волны чуть разошлись, как податливая резина, и вытолкнули человека наружу. Синяя пленка прогибалась

под тяжестью его тела. словно Физик был иголкой в школьном опыте по поверхностному натяжению жидкостей.

Физик зачерпнул воды и плеснул себе на грудь. Она разбежалась блестящими шариками.

— Странная жидкость, а? Похоже, не искупаться. Жаль. Но все равно лежать приятно, как в гамаке, а рука свободно проходит, почти без сопротивления. Какая-то избирательная плотность, разная для разных предметов. Жалко, нет экспресс-анализатора, с полевым тут не разобраться. Ну ладно, лезь сюда.

Райкова поразило лицо Физика. Спокойное, отрешенное от всяких мыслей, словно он лежал на земном пляже, а не на этой похожей на резину упругой синей поверхности. Он искренне, с удовольствием, как делал все подобные вещи, наслаждался подвернувшимся отдыхом и сейчас, расслабившись и задрав подбородок, блаженно щурился зеленому светилу чужой планеты.

Лежать на поверхности моря и в самом деле было приятно. Для того чтобы смочить голову и грудь, приходилось черпать воду пригоршнями. Потом они попробовали сесть. Это удалось не сразу. Зато теперь вода доходила им почти до пояса. Правда, она все равно не везде касалась тела. Под ними образовалась довольно глубокая воронка, стены которой, казалось, были выстланы резиной.

Наконец им надоело это странное купание, и оба вылезли на берег. Вытираться не пришлось: жидкость каким-то образом ухитрилась не пристать к телу.

Физик выбрал камень полегче и бросил его в воду. Камень скрылся без всплеска. На гладкой поверхности моря не было видно ни единого пятнышка или морщинки.

Часа два они молча брели по берегу без всякой видимой цели. От жары или от радиации кружилась голова, обоих клонило в сон. Наконец Физик остановился в тенистом месте под большим валуном. Разгребли мелкий сухой песок. Прежде чем лечь, Физик достал коробочку с красной полоской.

— Если станет плохо, прими одну таблетку.

— Как будто не все равно, сколько я их приму!

— Нет. Не все равно. Мы все время спешили, а теперь давай не будем этого делать.

...Все можно довести до абсурда. Даже это желание не спешить, показное, в сущности, желание... «Неужели он сможет уснуть? — подумал Райков. — Прошло не меньше четырех часов. Значит, осталось всего два». Физик отвернулся и дышал ровно и тихо... Наверно, так и нужно. Просто эти последние два часа человек должен быть наедине с собой. В этом что-то есть, в том, что они все последнее время слишком спешили, так, словно кто-то их подгонял, так подстраивал события, наслаивал их друг на друга, что не оставалось времени подумать, разобраться толком в том, почему все кончилось так нелепо в этой хорошо спланированной и безупречно организованной экспедиции к звездам...

В последние десятилетия процент гибели экспедиций измерялся сотыми долями. Какое-то фатальное невезение необходимо для того, чтобы попасть в число невозвратившихся, пропавших без вести... С чего же, собственно, началось? Автомат вел корабль строго по курсу — не мог не вести... Корабль отклонился... или нет, скорее, наткнулся на что-то... Но на что можно наткнуться в надпространстве, если нет материальной среды? Странность номер один. Бывает. Разладился автомат, допустим, хоть это и маловероятно. Авария по неизвестным причинам. Почти все аварии бывают по неизвестным причинам. В этом, во всяком случае, нет ничего странного. Хотя сам факт аварии, приведшей к катастрофе на современном корабле, обладающем почти неограниченным запасом живучести, случай из ряда вон выходящий. Автомат не сумел справиться с аварией. Не сумел или не захотел? Нет, это опять абсурд, он не мог нарушить основную программу. Итак, странность номер два. Современный звездолет, набитый до предела самовосстанавливающейся автоматикой, получает необратимые разрушения. Отметим, кстати, что при этом он все-таки не гибнет, экипаж не получает ни малейшей царапины, зато полностью разрушен центральный автомат. От вибрации. Допустим. По крайней мере, теперь из игры выбывает один из важнейших элементов. Нет больше центрального автомата, некому выполнять программу. Зато теперь на

сцене наконец появляется экипаж. В точке выхода из надпространства, в пределах досягаемости искалеченного звездолета, обнаружена неизвестная звезда...

Получается довольно длинная, но все же приемлемая цепочка совпадений и случайностей. Посмотрим, что будет дальше.

Во время посадки выходит из строя магнитная рубашка генератора... Пожалуй, это уже следствие предыдущего. Звездолет так разбит, что в этой последней аварии нет уже ничего странного. Странно, правда, что они успели выбраться на шлюпке, обычно такие взрывы происходят мгновенно... Но, правда, выбрались не все... Кое-что Навигатор и Энергетик все-таки могли сделать...

Теперь планета. Давление, гравитация, состав атмосферы, кислород, диапазон температур, отсутствие враждебной биосферы, наконец, — все в пределах того узкого островка условий, в которых может существовать ничем не защищенный человек... Ничем не защищенный... Может быть, поэтому они лишились скафандров? И только радиация... Райков облизнул мгновенно пересохшие губы. Он боялся думать... Он понимал, что подошел к той самой черте, за которой вот сейчас, сию минуту поймет что-то очень важное, имеющее для них решающее значение...

А что, если предположить, только предположить, что все это не случайно? Не может быть так много совпадающих случайностей, тогда только эта радиация выпадает из общей схемы. Ну, а если и она не выпадает? Если они просто что-то еще не понимают в ней? Короче, если он прав, радиация для них безвредна.

Он вскочил на ноги и секунду смотрел на расплавленную синеву моря.

Красиво? Да, пожалуй, даже слишком красиво для дикой планеты.

Совершенно неожиданно для себя он обнаружил, что Физик спит. Самым естественным и спокойным образом. С завистью Райков подумал, что ему наверняка снится хороший сон, возможно, Земля... Надо бы его разбудить и поделиться своими догадками, да только сказать, в сущности, будет нечего. Разве можно передать глубоко охватившее его убеждение, что все, что их окружает, и

все, что с ними было до этого, все это не напрасно, не может быть напрасно. И значит, во всех событиях есть смысл. Смысл, которого они не заметили, события, которыми кто-то управляет? Но это же бред. «Ты принимаешь желаемое за действительное. У тебя же нет доказательств...» — вот что ему ответит Физик. Через два часа, через десять и через двадцать. Надо подождать. Совсем немного подождать...

По крайней мере, если он ошибается и проснуться не удастся, некому будет жалеть об этой последней ошибке.

Веки отяжелели от яркого непривычного света. Практикант все еще пытался бороться со сном. Но недолго. Сказалось нервное напряжение последних часов.

Снились ему сосны. Ласковые, земные, с длинными иглами, в которых свистел ветер. Смутно, сквозь сон он понимал, что здесь не может быть никаких сосен, и от этого даже во сне чувствовал невыносимую тоску и горечь. Он видел траву, растущую у их корней, гладил шершавую кору, на которой блестели смоляные слезы... Проснулся он оттого, что Физик тряс его за плечо, сел, открыл глаза...

Вокруг плотной стеной стоял сосновый лес. На коричневой коре деревьев блестели капли прозрачной смолы. Свет едва пробивался сквозь могучие кроны деревьев. В двух шагах от их песчаной постели цвели одуванчики. В густой зеленой траве они казались вспышками земного солнца...

3

Если можно было доверять показаниям курсографа, шлюпка шла вверх почти вертикально. Не работал ни один обзорный экран. Кибернетик сердито передвигал рукоятки горизонтальных рулей.

— Высота подходящая, и все-таки я не могу вести шлюпку вслепую. Кому-то придется корректировать. Ты сможешь заменить меня?

— Я сдавал экзамены, но я мог бы...

— Лучше не надо. Садись на мое место.

Отдраивать люк на ходу было не просто. Зато потом

Кибернетик сразу увидел под собой рыжеватую поверхность планеты. Пропало ощущение слепоты в этой несущейся неизвестно куда железной клетке.

Доктор вел шлюпку неровно, рывками, иногда он заваливал ее набок, и тогда Кибернетику приходилось изо всех сил держаться за поручни, чтобы не вывалиться. Он отключил рацию скафандра и теперь мог себе позволить громко проклинать Доктора, планету, шлюпку, жару и все остальное.

Пейзаж внизу постепенно менялся. Холмистая пустыня превратилась в предгорье. Все чаще попадались острые пики отдельно стоящих скал. Наконец одна из них появилась прямо по курсу. Пришлось включить рацию и вежливо попросить Доктора снизить скорость и отвернуть в сторону. Вместо этого Доктор повысил скорость, и они просто чудом не врезались в скалу. На этот раз Кибернетик забыл выключить рацию. Доктор обиделся и отказался дальше вести шлюпку. Все равно нужно было садиться. В компенсаторах почти не осталось энергии. Кибернетик выбрал небольшое ущелье, и по его командам Доктор посадил шлюпку у самой стены. Место для лагеря оказалось очень удачным. Узкие стены ущелья закрывали шлюпку с трех сторон. По расчетам Кибернетика, солнце могло заглядывать сюда только на рассвете, и это означало, что теперь они избавлены от удушающей жары. Кроме того, стены ущелья представляли собой неплохую естественную преграду. В случае обороны защищать пришлось бы только одну сторону. Почему-то Кибернетик не очень верил в «полное отсутствие биосферы». Слишком поспешен был вывод Доктора, он по опыту знал, как много сюрпризов таят в себе новые, недостаточно исследованные планеты.

Разбивку лагеря решили отложить до возвращения Физика и Практиканта. Точно в условленное время зажгли дымовую шашку. Истек первый контрольный срок. Постепенно тревога за товарищей вытеснила все другие мысли. Захватив бинокли, Кибернетик и Доктор пошли к выходу из ущелья. Метров через сто оно кончалось, открывая широкую панораму равнины, над которой совсем недавно летела шлюпка.

Солнце плыло над самым горизонтом. Ветер стих, и теперь во всем этом мертвом пространстве не было даже намека на движение. Они прождали в полном молчании четыре часа. Становилось заметно темнее. Несмотря на медленное вращение планеты, солнце почти скрылось за горизонтом. Необходимо было дождаться второго контрольного срока, установленного Физиком через сутки. Начинать поиски до утра было бессмысленно. Пришлось вернуться в лагерь. Поужинали питательной пастой. Все тело зудело под толстой броней скафандров, капризничали регуляторы температуры.

— Я чувствую, что постепенно превращаюсь в черепаху, — жалобно сказал Доктор. — Давай выйдем наружу, — попросил он.

Ночь оказалась светлой и туманной. Наверное, в этом было виновато фиолетовое свечение атмосферы. Не просматривались даже звезды. Контуры скал казались нерезкими. Их тени над головой то и дело меняли очертания. Чудилось какое-то движение, слышались шорохи... Часа два оба пытались уснуть, потом Доктор предложил снова перейти в кабину шлюпки, но Кибернетик ему ничего на это не ответил. Неприятно было даже вспоминать тесное пространство рубки, забитое угловатыми приборами, пропахшей горелой резиной и пластмассой.

Прошло еще несколько часов. Рассвет все не наступал. Кибернетик предложил начать разбивку лагеря. Несмотря на необходимость экономить энергию, решили зажечь прожектор. Голубой конус света выхватил из темноты зазубренную стену ущелья. Ночью в свете прожектора ущелье казалось совершенно незнакомым. Изменились тени скал, их очертания. Доктору показалось, что в момент, когда вспыхнул луч, в стороне от светового конуса, у входа в ущелье, что-то двинулось. Какая-то большая, едва различимая в боковом рассеянном свете масса.

— Посвети-ка вон туда, к выходу, — попросил он Кибернетика.

Едва луч скользнул в сторону, как Доктор сам схватился за рукоятку прожектора и повернул его еще больше. Прямо посреди ровного дна ущелья стояла какая-то

гладкая скала. Доктор мог бы поклясться, что вчера здесь ничего не было. Никакой скалы. И тут оба заметили, что между дном ущелья и скалой проходит широкая, в полметра, полоса света... Скала словно бы неподвижно висела в воздухе. Они не успели прийти в себя от изумления, как вдруг скала вся заколыхалась сверху донизу, словно была целиком вырезана из огромного куска желе, и медленно, очень плавно двинулась к ним.

— Вот оно, твое отсутствие биосферы!

Прежде чем Доктор успел ответить, прежде чем он успел предотвратить несчастье, темноту вспорол малиновый луч бластера. Голубое облако шумно вздохнуло на том месте, где только что двигалось неизвестное, и вокруг них сомкнулась ночь. Прожектор почему-то погас.

— Давай прожектор! — крикнул Кибернетик, не опуская бластера, но Доктор не ответил ему.

Он лихорадочно шарил по поясу скафандра, наугад нажимая кнопки и уже понимая, что это бессмысленно: все энергетическое оборудование вышло из строя, не загорался даже аварийный наשלемный фонарь, и только рация почему-то продолжала работать. Он отчетливо слышал шумное дыхание Кибернетика, щелчки тумблеров и его проклятия.

Кибернетик рванул затвор бластера, развернулся в сторону стены и, уже не надеясь ни на что, нажал спуск. Но бластер не подвел. Видимо, его автоматический реактор продолжал действовать, и хотя разряд оказался намного ниже нормы, в его желтоватой вспышке они успели увидеть, что вокруг уже ничего не было. Никаких движущихся скал.

— Перестань, — сказал Доктор. — Вернемся в шлюпку. Может быть, там что-нибудь уцелело.

Они повернулись и молча пошли к шлюпке. Тьма стояла такая, что хоть глаз выколи. Наверное, оттого, что их ослепила вспышка бластера. Они прошли десять шагов, пятнадцать — шлюпки не было.

— Ты уверен, что мы идем правильно? — спросил Доктор.

— Сейчас посмотрим!

Кибернетик снова щелкнул затвором, но Доктор перехватил его руку.

— По-моему, довольно. Твоя иллюминация только привлекает внимание к нам.

В спину им ударил порыв ветра. Доктору показалось, что в воздухе пляшут какие-то огненные искорки.

— У меня что-то с глазами... Ты видишь этих светлячков?

— Возможно, это разряды. Здесь чертова уйма энергии от радиации и от этого сумасшедшего зеленого солнца. Но где шлюпка?

— Может, повернем обратно?

— Тогда вообще потеряем направление. Почему они не нападают? Сейчас самый удобный случай, на открытом месте мы беззащитны, а ночные животные отлично видят в темноте. Если попробуют еще раз... я ударю протонными...

— Что «еще раз»?

— Ну, напасть на нас!

— С чего ты взял, что они нападали?

— А что же они, играли в пятнашки? Зачем им бежать прямо на нас? Мало здесь места?

— Ты хоть знаешь, в кого стрелял?

— В кого? Почему «в кого»? Это был какой-то зверь. Очень крупный зверь!

— Хорошо, если так. А если нет?

— Ну, знаешь...

Было видно, что вопрос Доктора все же смутил Кибернетика.

Доктору совсем не хотелось продолжать этот разговор, но надо было его продолжать, не было иного выхода.

— Объявлять войну целой планете с нашими силами не очень-то разумно. А? Как думаешь?

— Очень ты любишь все преувеличивать, Петр Семенович. О какой войне идет речь? При чем здесь война? На нас напало неизвестное существо, я в него выстрелил, вот и все!

— А если не просто существо?

— Ты говоришь так, словно уже открыл на этой планете целую цивилизацию! Да еще не гуманоидную. Поделись, если это так!

— Ничего я не открыл! Но я предпочитаю вести себя так, словно здесь может быть такая цивилизация, и по

крайней мере не забывать, что здесь мы гости! Мне хочется, чтобы люди всегда были добрыми гостями. Достаточно зла мы успели натворить на собственной планете. Не надо хвататься за бластер без крайней необходимости. Я почти уверен, что у этой штуки не было никаких враждебных намерений. Иначе от нас ничего бы уже не осталось. Это нас здесь только двое, а разум и вообще жизнь, даже самая примитивная, способны к объединению в случае опасности.

— Вот-вот! Ты говорил, что на этой планете отсутствует биосфера, ты делал анализы и не нашел даже вирусов!

Доктор усмехнулся:

— Так уж мы устроены. Всегда приятней обвинить в ошибке другого, особенно если чувствуешь, что виноват сам. А биосфера... Что же, согласен. Слишком поспешный вывод. Хотя все это странно, Миша. Очень странно... Может быть, наши найдут что-нибудь новое?

— Они даже не взяли оружие!

— Оружие здесь не поможет.

— Ну, это мы еще посмотрим! Лучше с самого начала показать не слабость, а силу.

Доктор надолго замолчал. Ветер постепенно усиливался, стало трудно держаться на ногах, и было отчетливо слышно, как скрипит оболочка скафандра под хлещущими ударами песчаных струй.

— Надо сесть и подождать, пока стихнет ветер, — предложил Доктор.

— Верх стены непрочен. Если ветер усилится, начнутся обвалы. Нельзя останавливаться. Нужно найти шлюпку или хотя бы какое-нибудь укрытие. Подожди! Ветер дует вдоль ущелья, повернем так, чтобы он бил в бок, и дойдем до стены, там наверняка найдется какая-нибудь трещина. Если повезет, дождемся рассвета. Черт с ней, со шлюпкой! Сейчас неизвестно, где безопасней.

Им повезло. Это была не трещина, а овальный вход в какую-то пещеру.

— Я осматривал вчера всю местность — не было здесь никакой пещеры, — раздраженно сказал Кибернетик. — Не могли же мы уйти так далеко!

Остановились у самого входа, с трудом переводя ды-

хание. Под сводами пещеры ветер сразу же стих. Глаза понемногу привыкли к темноте, и они уже различили смутные, уходящие вглубь своды каменного потолка и светлое пятно входа, перечеркнутое мелкой сеточкой пляшущих в воздухе огненных точек.

— Из-за этой свистопляски совсем ничего не видно.

— А ты вынь батарею бластера. Подключим ее к прожектору скафандра.

— Тогда мы останемся безоружными.

— Это глупо. Если бы там был хищник, мы не успели бы пройти и двух шагов. Хищники, тем более ночные, редко охотятся в одиночку.

— Их распугал выстрел.

— Ну да, такие пугливые звери. Гасят прожекторы, переносят с места на место шлюпки, подсовывают пещеры... Что еще они умеют делать?

Кибернетик ошупью нашел в темноте плечо Доктора.

— Не надо, Петр Семенович. И без того тошно.

— Хорошо, не буду. Но ты все же разряди бластер и зажги свет. Надоело сидеть в темноте. Неплохо было бы осмотреть помещение, в которое нас пригласили. Ты заметил? Стены как будто теплые. Даже сквозь перчатку.

— Нагрелись за день. Сейчас я попробую подключить фонарь прямо к бластеру, не вынимая батареи.

Синий конус света упал на стену пещеры.

— Не пережечь бы излучатель, он не рассчитан на такое напряжение, — пробормотал Кибернетик, что-то подкручивая в коробке бластера.

— Посвети в разные стороны. Я хочу посмотреть.

— Пещера как пещера. Не на что тут смотреть.

— Ну, ты не совсем прав... — Доктор подошел к стене. — Стены как будто оплавлены и теплые. Внутри они не могли так нагреться только от дневного света. И эти натеки... вот посмотри, как будто пещеру выжгли в скале...

— Ну да, специально к нашему приходу.

С минуту Кибернетик молча ковырялся в поясе скафандра, а Доктор, держа на вытянутых руках бластер с мотком провода, все никак не мог оторвать глаз от стен пещеры.

— А знаешь, она довольно глубокая. Надо будет посмотреть, что там дальше.

— Днем посмотрим. Если со шлюпкой ничего не случилось... Очень странно. Сели только наружные батареи скафандров. Направленное излучение? Может, оно понизило узкий участок, как раз там, где были батареи? Но тогда почему ничего нет на дозиметрах? Тут одному не разобраться, вот вернутся наши...

— Тихо! — прошептал Доктор. Что-то мелькнуло в дальнем углу пещеры, что-то темное и не очень большое.

— Дай-ка мне бластер, — сказал он как мог спокойней.

— Зачем?

— Еще раз осмотреть стены. Переключи его, пожалуйста, на мой фонарь.

— Надо было свой брать! — проворчал Кибернетик, но батарею все же переключил.

Поставив оружие на холостой взвод, Доктор осторожно повернул шлем в сторону, где только что видел движение, и резко нажал выключатель. Ярко блеснули желтым агатовым светом два глаза. Существо величиной с ягненка сидело, ослепленное светом.

— Стой! — крикнул Кибернетик. — Не подходи к нему!

Но Доктор даже не обернулся.

— Наши скафандры выдерживают удар лазера. Чего ты, собственно, боишься? Есть все-таки биосфера! Есть... Нет, это потрясающе, — у него же нет рта. И ног не видно! Как оно движется? Какой обмен веществ?

Доктор сделал еще один шаг, чтобы лучше рассмотреть представителя этого неизвестного мира, и в ту же секунду раздался глухой, чавкающий звук, словно ударили ладонью по круто замешенному тесту. Существо съежилось, вжалось в стену и стало медленно исчезать. Сначала исчезла его задняя половина. С секунду оно казалось барельефом, высеченным в скале каким-то древним художником. Но барельеф становился все тоньше, линии постепенно стирались, и вот уже перед потрясенным Доктором не было ничего, кроме гладкой поверхности камня.

— Ты видел? — все еще не отрывая глаз от того места, где только что сидело существо, спросил Доктор.

— Видел... — почему-то шепотом ответил Кибернетик. — Похоже, оно нырнуло. Нырнуло прямо в камень...

Чтобы проверить себя, Доктор прикоснулся перчаткой к тому месту, где исчезло существо. Камень оказался в этом месте мягким, податливым, как глина, и очень горячим.

— Может, оно его расплавил? Какая-то высокотемпературная форма жизни?

— Нет. У меня такое предчувствие, что здесь что-то совсем другое, что-то гораздо более сложное...

Предчувствие не обмануло Доктора. Секунд через десять или пятнадцать после того, как исчезло неизвестное существо, снова раздался знакомый чавкающий звук. Стена вздрогнула и стала медленно уходить куда-то вглубь, словно ее всасывал изнутри огромный каменный рот. Сначала образовалась небольшая, но стремительно расширяющаяся воронка или, скорее, неправильное, сферическое углубление. Оно вогнулось внутрь скалы, расширилось и, наконец, замерло, образовав длинный узкий коридор, отделенный от пола пещеры невысокой, в полметра, каменной ступенькой. Проход был таким, что в него свободно, не сгибаясь, мог пройти человек. Направленный внутрь луч фонаря ничего не объяснил им. Свет терялся в стенах длинного, ровного туннеля, конца которого нельзя было рассмотреть.

— Кажется, нас приглашают войти...

— И не подумаем. При таком энергетическом вооружении, как у них, нужна силовая защита, а мы...

— А мы уже не экспедиция, Миша. Кажется, ты это забыл, так вот войдем как есть и даже эту игрушку оставим. — Доктор выключил бластер. — Терять нам нечего, а доверие можно заслужить только доверием.

Больше они не спорили. Даже когда Доктор повернулся и положил у порога бластер, предварительно вынув из него батарею, Кибернетик не стал возражать.

Прошли метров двести, а может, больше. Очень трудно определялось расстояние в этом совершенно гладком коридоре с тускло поблескивающими, словно лакированными, стенами.

Идти было легко. Пол мягко пружинил под ногами. Чтобы скомпенсировать внешнюю температуру, пришлось включить охлаждение скафандров на полную мощность.

— Ты заметил, перед тем как образовался проход, камень даже не светился, температура совсем небольшая, иначе никакое охлаждение не помогло бы. Если это не плавление, то что же?

— Может, ослаблено сцепление между молекулами?

— Молекулярное сцепление? Ну, не знаю... Для этого нужна такая прорва энергии.

— Меня другое беспокоит: этот проход что-то уж слишком длинный. Не понимаю, зачем им это понадобилось?

— Вот, кажется, и конец.

Но это был не конец. Просто коридор раздваивался на два одинаковых рукава. С минуту они стояли молча, раздумывая, куда повернуть. А метров через пятьдесят коридор снова раздваивался. Они вернулись и отметили первый поворот. Потом Кибернетик предложил более рациональный способ:

— Будем все время поворачивать налево, чтобы не запутаться.

Они еще раз повернули налево, и почти сразу же луч фонаря осветил новую развилку.

— Не слишком прямая дорога, а?

— Честно говоря, мне это не нравится, — сказал Доктор.

— Может быть, попробуем разок повернуть направо?

— Правые туннели должны заканчиваться тупиком.

— Откуда ты знаешь?

— Да уж знаю... Можно, конечно, проверить, только снова пометь поворот.

Они проверили. Доктор оказался прав. Почему-то это открытие заставило его помрачнеть. Они вернулись к помеченной развилке и снова свернули налево. Доктор теперь почти не разговаривал. Его шаркающие шаги доносились все глуше. Прислушавшись к его затрудненно-му дыханию, Кибернетик остановился.

— Бараклит фильтр? Чего ты все время отстаешь?

— Просто забыл привернуть свежий баллон, когда выскакивал из шлюпки.

— Интересно, как тебе удалось сдать экзамены в школе третьей ступени... — сказал Кибернетик, внимательно изучая свой распределитель. — Значит, воздуха у нас всего на полчаса. Придется поторопиться. — Он отвинтил запасной баллон и протянул Доктору: — Держите, медицинский работник. Жаль, что я не Навигатор. Ты бы у меня одним нарядом не отделался за такие штучки!

— Спасибо, — просто сказал Доктор.

И Кибернетик почувствовал, как от этого знакомого земного слова улечучивается все его раздражение.

Прошло минут десять, прежде чем они поняли: что-то изменилось. Появилось едва заметное движение воздуха.

— Погаси свет, — попросил Кибернетик.

В наступившей темноте увидели впереди светлое пятно.

— Кажется, там выход!

— Конечно, выход. Лабиринт всегда заканчивается выходом, если применить правило левой руки.

— О чем ты? — не понял Кибернетик.

— О земных лабиринтах.

— Но здесь не Земля!

— В том-то и дело! Это мне и не нравится. Слишком знакомый лабиринт. И слишком простой...

Проход теперь расширился, перешел в длинный зал. Впереди тускло поблескивала какая-то лужа. А еще дальше за ней скала раздвигалась в стороны, и можно было увидеть знакомое дно ущелья.

— Смотри-ка, уже рассвет, — сказал Кибернетик.

— Долго мы проплутали.

Доктор ему не ответил. Он остановился и стоял теперь сжав кулаки, с ненавистью глядя на лужу, преградившую им путь.

— Ну, чего ты застрял? Пойдем! Хорошо, что вышли в наше ущелье, успеем добраться до шлюпки.

— Понимаешь, Миша... А ведь мы здесь не пойдем.

— Не пройдем?

— Нет. Я сказал, не пойдем. Сейчас я тебе все объясню.

— Да что тут объяснять! Объяснишь, когда сменим баллоны!

— Тогда уже будет поздно. Послушай, этот лабиринт... А теперь этот... этот... бассейн, доска... Вон там, видишь?

— Какая доска? Я вижу каменную плиту, и прекрасно. С ее конца легко перепрыгнуть через лужу!

— Вот именно. Именно перепрыгнуть... В этом все дело.

— Да говори ты толком, наконец!

— Помнишь, там, в лабиринте, я знал, что все время нужно поворачивать налево? И этот зал мне знаком.

— Ну это ты, брат, загнул! Не мог ты этот зал видеть!

— А я и не видел. Здесь не видел. Я его на Земле видел... У меня такое чувство, как будто я в чем-то виноват, как будто я эти опыты выдумал...

— Какие опыты?! — Теперь уже Кибернетик окончательно вышел из себя. Он повернулся к Доктору, и его лицо покраснело от гнева. — Будешь ты говорить толком или мне тащить тебя к выходу?! Кислорода осталось на пятнадцать минут, хватит лирику разводить!

— Ну так слушай. В таком зале мы показываем студентам опыты на крысах, ну... на простейшие инстинкты, понимаешь? Вон там — лабиринт. Здесь прыжковый стенд. В конце — приманка. Кусок сала или выход — разница небольшая. Конечно, все соответственно увеличено в масштабе.

— Ты хочешь сказать, что теперь в роли крыс мы?

Доктор молча кивнул и сел на пол. Он выбрал камень поудобнее, расположился основательно и совершенно спокойно. Видно было, что он уже принял окончательное решение и теперь никуда не спешил. Чтобы все время видеть его лицо, Кибернетику пришлось сесть рядом.

— Значит, они простейшие инстинкты проверяют... А зря ты оставил бластер!

Доктор ничего не ответил, только пристально посмотрел на него, и почему-то Кибернетик смутился, отвел взгляд. Но почти сразу же новая мысль заставила его вскочить на ноги.

— Черт возьми, но это нелепо! Не могли они не видеть шлюпки!

— Конечно, они видели шлюпку и понимают, что мы не крысы. Вряд ли они вообще знают, что такое крысы, но наверняка знают, как мы к ним относимся.

— Откуда?

— Оттуда, откуда они узнали об этом стенде. Из моей памяти.

Кибернетику показалось, что после этих слов дышать стало труднее, словно уже истекли оставшиеся у них пятнадцать минут...

— Думаешь, они читают мысли?..

— Мысли — вряд ли. Человек мыслит символами, словами. А эта условная система не может быть сразу понята никаким другим разумом, тем более что не только способ информации, но и ее кодировка, как правило, всегда отличны. Помнишь бету Ориона? Сколько там бились над расшифровкой языка запахов? Нет. Не мысли, но вот память, пожалуй, им доступна. Память, прежде всего зрительные образы. Ну, и эмоциональная окраска какого-то определенного образа, наверное, им понятна... Впрочем, все это только догадки. Фактов пока очень мало. Не успели мы собрать достаточно фактов.

— Еще успеем, — машинально сказал Кибернетик и вдруг понял все, что имел в виду Доктор. — То есть ты хочешь сказать, что у нас нет другого выхода, только отказ от участия во всем этом? — Кибернетик обвел рукой каменный мешок, в котором они сидели.

— Я рад, что ты понял. Есть вещи, которые очень трудно объяснять.

— Нет. Подожди. Можно обойти доску или вернуться! В конце концов, в лабиринте мог быть и другой ход. Мы же не все ответвления проверили. Не сидеть же так, пока кончится кислород!

— Видишь ли, Миша, наверняка я знаю только одну вещь, отличающую человека от крысы...

Они помолчали, слышно было, как где-то капает и шипит в респираторах воздух. Кибернетик так и не спросил, что это за вещь, и тогда Доктор закончил:

— Чувство собственного достоинства.

За секунду до этих слов Кибернетику еще казалось, что он сможет переубедить Доктора или, на худой конец, сбегать к шлюпке за новыми баллонами. И сейчас, уже

признав для себя правоту Доктора, но все еще не находя сил принять ее до конца, он зло возразил:

— Я ведь не стану ближе к крысе оттого, что пройду по доске!

— Конечно, нет. Но тогда ты примешь условия предложенной нам игры. Крысы всегда их принимали.

Опять надолго наступило молчание. Свет фонарей постепенно желтел, и Кибернетик отметил про себя, что, значит, и батарее от бластера досталось тоже, скоро они останутся в полной темноте. Может, это и лучше...

Доктор отыскал его плечо. Рука Доктора казалась через скафандр очень легкой.

— Думаешь, они поймут?

— По крайней мере, узнают о нас кое-что... И потом, это ведь прежде всего для нас самих важно, не превращаться в подопытных кроликов...

Доктор не успел закончить фразу. За их спиной раздался громкий лопающий звук. Оба резко обернулись. Стены не было. Исчез целый кусок в несколько квадратных метров. И совсем недалеко, у самого пролома, они увидели шлюпку.

4

Одуванчики в траве казались вспышками земного солнца... На секунду мелькнула шальная надежда, что это Земля. Вот за этой знакомой сосной начинается тропинка к санаторию... Но тропинки там не было. Практикант увидел, что ее нет, сразу, как только поднялся на ноги. Он вдруг почувствовал, что трава под ногами слишком колюча, слишком крепка для земной травы. Физик вскочил и смотрел на Практиканта так, словно хотел проверить, видит ли и он этот лес.

— По-моему, это не галлюцинация и не мираж, — сказал Практикант, с трудом проталкивая слова через спазму, сдавившую горло.

Вспоминая позже, что они почувствовали в те первые минуты, они точно установили, что меньше всего в их чувствах было все-таки удивления. И не потому, что притупилось восприятие необычного на чужой планете.

Просто они все время инстинктивно ждали чуда. И теперь, когда чудо действительно случилось, они восприняли его как должное. Само собой разумеющимся казалось даже отсутствие последствий радиации. Правда, Физик считал, что они могут проявиться позже, но на это Практикант возразил, что на планете, где растут каменные сосны, радиация тоже может быть особой. Физик не сразу понял, о каких каменных соснах он говорит. И тогда Практикант протянул ему обломок ветки, где в изломе вместо знакомой светлой древесины темнел камень.

— Об этом я догадался раньше. Видишь, не шевелится ни одна ветка, несмотря на сильный ветер. Это не настоящие деревья. Очень детальные копии.

— Для любой копии нужен оригинал.

— Здесь использовано все, что можно было извлечь из моей памяти... Силуэты деревьев. На заднем плане они как будто расплылись. В этом месте нет ничего потому, что я не помню, что там стояло у нас в санатории: не то беседка, не то фонтан. Образовалась бесформенная глыба. В изломе ветки нет ни жилок, ни сосудов, видишь, структура базальта. Это не окаменевшие деревья. Это копии деревьев, искусно сделанные из камня.

— Для чего?

— Ну, я не знаю. Может, это у них такой способ общаться друг с другом.

— Ну да! Мы рисуем на бумаге, а они вырубает послания из скал. Простой и дешевый способ.

— А как иначе это объяснишь?

— Пока не знаю. Давай посмотрим, что здесь есть еще.

Каменные копии деревьев стояли пролукуром ряда в четыре вокруг выемки, в которой они спали. За деревьями ничего не изменилось, в пустынной базальтовой равнине. Физик, защитив глаза от ветра ладонью, долго смотрел в ту сторону, куда улетела шляпка.

— Не пора ли нам возвращаться? Они, наверное, до сих пор не сняли скафандры.

— Ты думаешь, Доктор тебе поверит? Приборы покажут, что мы схватили больше трех тысяч рентген. С покойниками врачи, как правило, не разговаривают.

Хотелось шутить, улыбаться, жадно глотать воздух, горячий и терпкий, как вино. Все тревоги отошли на второй план. По сравнению с тем огромным и значительным фактом, что они чувствуют на лице прикосновение ветра, у них ноют ноги от усталости и очень хочется пить.

Только к вечеру они отыскивали холм со знакомыми очертаниями. Практиканту показалось, что это другое место. Он спорил с Физиком до тех пор, пока тот не разгреб песок и не нашел обломки досок от упаковки планетного робота.

Прищурившись, Практикант смотрел, как ветер зализывает длинными струями лунку, только что вырытую Физиком в базальтовой пыли. Медленно ползущее солнце скрылось за горизонтом, и сразу потянуло холодным ветром. Физик обошел всю площадку, старательно подбирая силикетовые обломки ящика.

— Зачем тебе они?

— Ночью станет еще холоднее. Силикет трудно разжечь, но зато, если это удастся, будет неплохой костер.

— Хочешь здесь ночевать?

— Конечно, в темноте мы не найдем лагерь, и, кроме того, робот... Если он вернется, мы получим дополнительную информацию.

— По программе он должен был дожидаться нас здесь несколько часов назад.

— Возможны непредвиденные задержки... Конечно, я понимаю, что, раз его нет до сих пор, скорее всего, он уже не появится. Все же подождем. Это ведь наш единственный сохранившийся автомат...

— А контрольный срок?

— Я назначил дополнительный. Они будут волноваться, но другого решения быть не может.

— Не думаю, что стоять на месте безопаснее, чем двигаться, вряд ли мы сможем уснуть.

— Есть еще одна причина. О ней мне бы не хотелось говорить раньше времени. Давай подождем. Что-то ведь должно проясниться. Для чего-то были нужны там деревья и все остальное.

Значит, Физик тоже все время ждет: Ждет следующего шага. Наверное, он прав. И, наверное, так и нужно — ждать с открытым забралом. У них нет ска-

фандров. Нет работа. Нет оружия. Два беззащитных человека на чужой планете и этот костер... Словно они в туристском походе, устали после длинной дороги и сделали привал... Наверное, так и нужно — ждать...

Зеленоватый закат погас, и холодная темнота обступила со всех сторон. Ночью на открытом пространстве человек особенно остро чувствует свое одиночество даже на Земле. Здесь это чувство обострилось еще больше. На Земле ночи полны шорохов и звуков жизни. Космос нем, но даже к его однообразному, равнодушному молчанию легче привыкнуть, чем к тишине этой ночи, сквозь которую прорывался то какой-то отдаленный рокот, то тоскливый вой ветра, разрывающегося на части об острые зубцы скал, то шелест песчинок. Не было ни треска цикад, ни шороха крыльев, ни осторожных шагов ночного хищника. Ни одного живого звука.

И невольно, словно подталкиваемые этой тишиной, они подвинулись ближе друг к другу. Физик, пренебрегая концентратами, попытался заварить чай в какой-то плошке, сделанной из крышки ненужного теперь прибора. Чай из местной воды долго не закипал, сердито булькал и не желал завариваться. В конце концов Физик стал его пить мелкими глотками, обжигаясь и дуя на плошку, как в блюде. Что-то в этом ритуале было удивительно успокаивающее, домашнее, и Практикант подумал, что этот плотный, неторопливый человек всегда умеет создать вокруг себя ощущение уюта и надежности. Почему это так, он не знал и понимал, что ему самому это вряд ли удастся. Со стороны он, скорей всего, выглядит испуганным мальчишкой. Недаром Физик его успокаивал в тот момент, когда с них, как луковая шелуха, полезла оболочка скафандров...

Когда темнота сомкнулась, она оставила вокруг костра лишь маленький клочок освещенного пространства. Ночь затаилась у них за спиной, неторопливо поджидая своего часа... Не так уж и много было силикетовых досок... И когда сгорела последняя доска, когда остыли красные глаза углей и потухли последние искры, когда они уже перестали ждать и надеяться на новое чудо, что-то случилось.

Шагах в сорока от них лежал валун величиной с пятиэтажный дом. Днем Практикант забирался на него, чтобы лучше осмотреть окрестности, и хорошо запомнил изрезанные морщинами, шершавые каменные бока. Неожиданно лежащий в стороне валун четко обозначился на фоне темного неба, с которым совершенно сливался за минуту до этого. Сначала оба подумали, что за горизонтом вспыхнуло какое-то зарево, но уже через секунду поняли, что это светится сам камень. Постепенно все его массивное тело наливалось светом, меняя оттенки от темно-красного до вишневого и светло-розового. Длинные волнообразные цветовые сполохи пробегали по камню то сверху вниз, то снизу вверх. Одновременно цвет приобретал глубину. Камень становился прозрачным. Теперь он был похож на гигантский розовый кристалл турмалина, подсвеченный изнутри каким-то непонятным светом. Одновременно с почти полной прозрачностью изнутри внутри камня обрисовались неясные уплотнения, похожие на белесоватый туман, словно кто-то капнул в рюмку с водой каплю молока. Эти уплотнения все время двигались и постепенно сжимались, приобретая большую четкость и плотность. В то же время они как бы вытягивались и разветвлялись, образуя сложные, непонятные людям конструкции и абстрактные узоры, в которых нельзя было уловить ни ритма, ни симметрии.

Через несколько секунд после образования рисунок белесых контуров внутри камня стал усложняться, ускорился и темп образования новых узоров. Неожиданно весь камень по диагонали пронзила какая-то невообразимая сложная игольчатая конструкция. Она на глазах разрасталась вширь и вглубь, потом неожиданно вспыхнула многочисленными искрами и распалась. Сразу свет внутри каменной глыбы стал меркнуть, а сама она осела, контуры ее поплыли, и, прежде чем погасла последняя вспышка света, прежде чем снова исчезло все в ночной тьме, они успели заметить, как камень вытянулся вверх и в сторону, словно укладывался поудобнее на свое вековое ложе. По его бокам вместе с золотистыми искрами пробежала короткая судорога. Потом все исчезло в полной темноте.

Оба не смогли сомкнуть глаз до самого рассвета, но за ночь ничего больше не произошло. Солнце еще не успело взойти, как они уже стояли у подножия таинственного камня. Ничего необычного не могли отыскать их жадные взгляды на его выгнутых, потрескавшихся боках. Поверхность на ощупь казалась мертвой и совершенно холодной. С южной стороны на валуне сохранилась даже пленка пустынного загара. Физик выбил из края трещины несколько образцов, но и на свежем сколе структура камня ничем не отличалась от обычного базальта.

Отбросив осколки камня, он недоуменно пожал плечами:

— Просто ему неудобно стало лежать. Если бы у нас была кинокамера...

— И корабельный мозг, в который можно отправить пленку для обработки данных... Нет. На этой планете до всего придется доходить своим собственным умом.

Они долго спорили о том, что делать дальше. Физик настаивал на возвращении в лагерь. Практикант считал, что нельзя уходить, не разобравшись в ночном происшествии.

— Да как ты в нем разберешься, как? Ну, допустим, сегодня ночью камень опять замерцает и мы увидим те же или, может быть, совсем другие структуры. Что ты сможешь понять во всем этом?

— Тот, кто способен создавать такие сложные системы, наверняка сумеет найти способ общения.

— Во-первых, если захочет. Во-вторых, для этого он прежде всего должен понимать нас. А в-третьих, вот посмотри. — Физик вывернул заплечный мешок, вытряхнул крошки. — Камни мы есть не умеем. И потом, почему ты думаешь, что эта система создана специально для нас? Что, если она существует сама по себе? Почему бы ей не быть самостоятельным гомеостатом, тем самым таинственным фактором, который занят собственными делами, а на наши влияет чисто случайно?

— Именно поэтому мы не должны уходить. Если эта встреча случайна, мы можем потерять единственный шанс, провести годы на этой планете, забравшись в пещеры и питаясь хлорелловым супом, до конца наших

дней смотреть на базальтовые скалы, ничего не замечая, и вспоминать упущенный шанс!

— Да кто тебе не дает вернуться сюда после того, как мы найдем наших?

— И обнаружить камень? Просто глыбу базальта? То, что мы видели, приходит и уходит. Неизвестно, сколько времени пробудет оно здесь. Может, предстоящая ночь единственная и последняя, когда нам удастся что-то понять и объяснить. Может быть, сейчас самое главное — не уходить, показать, что нам интересно и нужно то, что мы видели. Показать, что мы хотя бы стараемся понять. Можно уйти, конечно. Только ведь это тоже будет ответом. И кто знает, станут ли нам еще раз навязывать объяснение, от которого мы однажды отказались?

— Ну хорошо, возможно, ты прав. Я не уверен, что еще один день голодовки пойдет нам на пользу, но, в конце концов, последние дни мы все время совершали не очень разумные поступки. Тем не менее нам пока не приходится жаловаться.

День тянулся бесконечно долго. Измученные жарой и бессмысленным, по мнению Физика, ожиданием, к вечеру они уже почти не разговаривали, каждый уйдя в собственные мысли.

Физик вспоминал лабораторию на шестом спутнике. Свою последнюю в околосемелье лабораторию. Именно там он решил подать заявку в службу дальней разведки и надолго, может быть навсегда, покинуть Землю. Приземелье. Лаборантка Марина Строкова улетела вместе с его коллегой Ринковым, и жизнь вдруг показалась пустой и лишенной смысла... Они дружили больше двух лет. Бывает такая дружба, словно замершая в определенной точке. Наверное, она просто не принимала его всерьез. Марине нравились сильные целеустремленные люди, а он даже сам себе порой казался неуклюжим неудачником, где уж ему равняться с Ринковым. Совершенно неожиданно его кандидатура прошла. Перед отлетом он даже не простился с Мариной. Все это осталось в нереально далеком прошлом, на другой планете, которая называлась певучим домашним словом «Земля». Физик потянулся, зевнул.

Задолго до захода солнца оба почувствовали необычайную сонливость. Наверное, это была реакция организма на такое напряженное ожидание. Практикант, отгоняя непрошеную дремоту, то и дело приподнимался на локте. Он во все глаза глядел на валун. Скорее всего, ничего больше не случится и ожидание напрасно. Тут они имеют дело с чужим разумом, с чужой волей... Вспомнились выпускные экзамены, прощальный институтский вечер. Сергин тогда сказал: «Тебе наверняка не повезет, слишком ты этого хочешь». Они понимали друг друга с полуслова, дружили не один год; сейчас Сергин далеко ушел с экспедицией на «Альфу». При их специальности очень трудно поддерживать старую дружбу. Контакты рвутся. Люди забывают сначала лица друзей, потом они не помнят, как выглядела скамейка в парке института, и на ее месте образуется просто глыба базальта...

Ну полно, не стоит придавать этому такого значения! Если нужно будет, он вспомнит все. Вот именно: если «нужно», а просто так, для себя, можно, значит, и не помнить? Но ведь я жду именно потому, что помню, потому, что я сейчас уже не просто практикант... Ну конечно, «полномочный представитель цивилизации». А Ленка, между прочим, так и не подарила тебе свою видеографию. Не верила в тебя? Не хотела ждать? Или всё у вас было не очень серьезно? А как это «не очень» и как оно должно быть «очень»? Вопросы, вопросы... Преподаватель Горовский не любил его именно за многочисленные вопросы. «Рассуждать нужно самостоятельно, обо всем спрашивать просто неэтично, юноша...»

В лицо ударил резкий, порывистый ветер, и, приподняв голову в очередной раз, Практикант увидел, что солнце наконец зашло. Камень возвышался перед ними молчаливой холодной стеной.

Практикант повернулся к Физику и с удивлением обнаружил, что тот спит. Ну что ж, значит, нужно дежурить одному. Кто-то должен ждать, если понадобится, всю ночь. Но мысли путались. Очень трудно все время помнить самое важное. А самым важным было теперь не заснуть, не пропустить... Но он все-таки заснул. Он понял, что заснул, сразу как только по глазам ударил резкий беловатый свет и потому что, открыв глаза, вдруг об-

наружил себя в полукруглом, хорошо освещенном зале с ровным песчаным полом. Он не должен был засыпать, а вот заснул... Но, может быть, тогда и этот зал — часть его продолжающегося сна? Нет. Слишком четко и ясно работал мозг, и только сам переход в это новое для него положение остался неясным, словно на секунду выключилось сознание — и вот он уже здесь, в зале...

Так. А теперь спокойно, примем это как должное. В конце концов, были же каменные деревья, почему бы не быть залу? Может, так нужно. Но где Физик? Почему его нет? Подождем, что-то должно проясниться, просто так такие залы не снятся. Можно нагнуться и пересчитать песчинки на ладони — сорок три... Можно считать и дальше, но это не обязательно. Он и так уже знает, что никакой это не сон. И сразу за этой мыслью волной прокатился страх. Замкнутое пространство вокруг, казалось, не имело выхода. Что может означать этот зал? И почему здесь так светло? Откуда свет? Свет шел отовсюду. Казалось, светится сам воздух. Стена крутым полушарием уходила от него в обе стороны и терялась в этом радужном сверкании. Что предпринять? И нужно ли? Может, лучше ждать? Нет, ждать в этом зале он не сможет.

Он чувствовал, что еще минута-другая такого ожидания — и он начнет бить кулаками по стене и кричать, чтобы его выпустили. А делать этого не следовало. Делать нужно было что-то совсем другое. И прежде всего сосчитать до сорока, внутренне расслабиться, полностью отключиться. Представить себе яркий солнечный день в Крыму, ослепительную синеву неба и чайку... Так. Хорошо. Теперь можно открыть глаза и еще раз все спокойно обдумать. Если решить куда-то двигаться, то выбор, собственно, небольшой. Единственный ориентир — стена. Кстати, из чего она? Базальт? Похож на естественный, никаких следов обработки... Что же, пойдём направо. Надо считать шаги, чтобы потом можно было вернуться к исходной точке. Сорок шагов, пятьдесят... И вот вам, пожалуйста, дверь. Самая обыкновенная, какие бывают в стандартных домах из стерилона на Земле... Ручка поблескивает. Очень аккуратная дверь и очень нелепая на сплошной базальтовой стене, уходящей вверх и бесконечно в обе стороны.

Ну что же, дверь — это уже нечто вполне понятное, можно предположить, что она здесь специально для него. В таком случае откроем.

Практикант протянул руку и открыл дверь в корабельную рубку. Произошло мгновенное переключение памяти, и, открыв дверь, он уже не помнил о том, о чем думал минуту назад, стоя в зале. Но зато прекрасно помнил, зачем бежал к рубке и как за минуту до этого Физик пытался втолкнуть его в шлюпку. «Значит, все-таки удалось вырваться», — мелькнула запоздавшая мысль. Навигатор и Энергетик молча стояли у пульта. Наверное, они только что выключили аварийную сигнализацию, и поэтому тишина казалась почти осязаемой.

«В шлюпку! Скорее!» — крикнул он им. Или прошептал? Он не услышал собственного голоса, но зато сразу же остался один у пульта. Навигатор и Энергетик исчезли, и у него нет времени об этом думать, нет времени анализировать, потому что самое главное сейчас — вот эта маленькая светлая точка на единственном уцелевшем экране; надо дать отойти ей как можно дальше, вытянуть ее за зону взрыва... Это самое главное. Выжать бы еще секунд десять, пятнадцать... Очень трудно, потому что магнитная рубашка реактора держалась теперь только на ручном управлении... Сумеет ли он один? Должен суметь, раз взялся. Регулятор распределителя поля очень далеко, и нельзя отойти от главного пульта... Неужели конец? Вот сейчас... Нет, этого не может быть! Вспыхнуло панно: «Готова вторая шлюпка!»

Откуда она? Они сняли с нее все детали, не могла быть готова вторая шлюпка! Но панно горело, и, значит, он еще может успеть, вот только взрыв, пожалуй, накроет ту, первую шлюпку, в которой сидели сейчас Физик, Доктор и все другие. Все, кто доверил ему свою жизнь. Шлюпка почему-то все время шла по оси движения корабля. «С ума они, что ли, там все посходили?» Ему пришлось тормозить корабль, выворачивать его в сторону, и некогда было думать о второй шлюпке... Мир раскололся, сверкнуло белое пламя, и все перечеркнула невыносимая боль...

Пришел в себя он уже в зале. Пот ручьями стекал по лицу, не хватало воздуха. И первой мыслью мелькнуло:

вот, значит, как там все было... Вот каково было тем, кто на самом деле вывел тогда их шлюпку из-под удара, подарив им эти самые пятнадцать секунд... И сразу же он почувствовал возмущение. Лучше бы тогда помогли... А они вместо этого экспериментируют. Ну хватит! С него довольно! Сколько он прошел вдоль стены? Кажется, пятьдесят шагов... Вот только... Что «только»? Может быть, это и есть контакт?.. Какой контакт? Это же просто сон, кошмарный сон, надо проснуться или уйти... Ну да, уйти... Не слишком ли логично: уйти из сна, пройдя налево именно пятьдесят шагов? Нет, здесь что-то не то, не бывает во сне такой логики и не может человек анализировать во сне происшедшие события, управлять ими. В обычном сне события наслаиваются друг на друга, а здесь определенно была какая-то логика... Что-то они от него хотели, что-то хотели понять? Или объяснить. Придется все же вернуться к этой проклятой двери. Интересно, какой сюрприз приготовит она ему на этот раз? А помочь?.. Ну что же, предположим, они не смогли, не успели...

У двери ничего не изменилось. Все так же скрипел песок под ногами, так же поблескивала металлическая ручка. И можно было не спешить. Ничто не выдавало здесь течения времени. Казалось, все замерло, как в остановленном кадре. Тот же свет, тот же камень, песок и дверь... Практикант решительно повернул ручку. Теперь это был экзаменационный зал... Он огляделся. Копия институтского зала, вернее, его части. Там, где в институте амфитеатром поднимались ряды скамеек, здесь ничего не было. Гладкая, полированная стена из черного камня словно закрывала от него все лишнее, не имеющее отношения к делу. Оставались только кафедра и пульт процессора, на котором во время экзамена можно было смоделировать любую сложную ситуацию. Рядом с пультом процессора виднелся экран, на котором машина выдавала результаты предложенной ей задачи.

Практикант осторожно пошел к экрану. На пульте процессора не нажималась ни одна кнопка. Это был лишь макет машины, такой же, как каменные деревья в лесу из его сна. Чтобы еще раз убедиться в этом, Практикант подошел к кафедре. Тумблеры экзаменационной

машины составляли одно целое с пультом. Чего же от него хотят? Что это за экзамен, на котором некому задавать вопросов и неизвестно, кому отвечать? Отвечать, наверное, все же нужно. Он понимал, что не зря построен специально для него этот зал. Есть в нем свой смысл, уже почти понятный ему, и экзамен все-таки состоится, если он во всем до конца разберется. Если разберется... А если нет?

За преподавательским пультом пестрая мозаика знакомых рычагов, переключателей, шкал бездействовала, и только сейчас, внимательно осмотревшись и прислушавшись, он понял, какая уплотненная тишина стоит в зале и как далеко все это от настоящей Земли... Не распахнется дверь, не войдет опоздавший Калединцев и суровый, насмешливый Горовский, тот самый, который учил его когда-то мыслить самостоятельно, не спросит: «Что такое свобода выбора при недостаточной информации?..» Мертвый экран экзаменационной машины вдруг полыхнул рубиновым цветом. Всего на секунду. Вспышка была такой мимолетной, что он усомнился, была ли она вообще. Практикант подошел к экрану... «Нет, здесь только камень. Нечему тут светиться, хотя, если вспомнить камень, у которого я уснул... Кажется, отвлекаюсь. Нужно думать о том, что показалось важным этому ящику... Почему бы им не предложить более простой способ общения? Что за странная манера подслушивать чужие мысли, обрывки слов... Впрочем, я не могу судить об этом. Может, они не знают другого способа общения, и уж наверняка многое из привычного для нас им вообще не может прийти в голову, если у них есть голова...»

Практикант несколько раз обошел вокруг кафедры, постоял задумчиво перед пультом. Зал все еще ждал чего-то... Может быть, он ждет, когда войдет преподаватель? Хорошо бы... Но Практикант знал, что этого не случится. Если бы они могли просто, по-человечески побеседовать, не нужен был бы ни этот зал, ни муляжи деревьев. «В том-то и дело, что они не люди. То, с чем мы встретились, очень сложно и чуждо нам... и дело не в том, как они выглядят. Гораздо важнее, что они думают о нас... А если так, значит, нужен этот экзамен не только им, но и нам. Ну что ж...» Любому студенту дается

время подумать. Он сел на ступеньку кафедры, подпер голову руками и задумался. Прежде всего нужно решить, как отвечать. Нет сомнения, что они ждут. Не могут задать вопрос? Или, может, он сам должен решить, как и что отвечать? Допустим. Что же ему — говорить со стенами? Кричать вслух? Это наверняка не годится. Им вообще может быть незнакомо само понятие — речь. Да и что говорить? Рассказать, какие мы хорошие, добрые и умные? Как хотим вернуться на Землю и как необходима нам помощь? Самая элементарная помощь? Но об этом и так нетрудно догадаться при самом небольшом желании. Слова тут не нужны. И все же их интересует что-то важное... Но что? Что бы меня заинтересовало в таком вот случае? Есть у меня, допустим, планета, на которой ходят светящиеся камни. И вдруг на нее попадает чужой звездолет, и такой вот симпатичный мальчик двадцати четырех лет не может закончить практику, потому что ему не на чем вернуться на Землю. Но разве самое важное — вернуться! Разве не ради такой встречи десятки земных звездолетов бороздят космос вот уже столько лет? Мы ищем братьев по разуму. Иногда находим разумные растения или примитивных амёб с Арктурра и вдруг впервые сталкиваемся с чем-то, что даже не сразу объяснишь... И это «что-то» затаскивает тебя в экзаменационный зал, задает невысказанные вопросы, ждет ответа... «Ну не сдам я этого экзамена, подумаешь...»

И вдруг понял, что экзамен он сдает не за себя, вернее, не только за себя, и сразу пришло такое знакомое, особенное предэкзаменационное волнение. Неважно, что нет преподавателя, нет товарищей, вообще никого нет. Он должен сдать экзамен. И он его сдаст.

Что мы знаем об их средствах информации? Моделирование. Может быть, они просто читают мысли — телепатия, которую так и не открыли у гомо сапиенсов? Тогда не нужно моделирование. Тогда вообще ничего не нужно. Заглянул в мозг — вот тебе и весь экзамен... Значит, все не так просто. А кроме того, человек чаще мыслит словами, то есть символами, которые для них могут быть китайской грамотой. Значит, моделирование... Тогда здесь не зря процессор. Он лучше всего подходит для такого рода общения. С помощью электронной ма-

шины на экране прибора можно смоделировать развитие почти любой ситуации, смоделировать в конкретных зрительных образах. Это должно быть для них понятно. Жаль, что не работает процессор... А может, все-таки работает? Надо посмотреть еще раз. Другого пути что-то не видно.

Практикант встал и снова подошел к экрану. «Нет, это не экран. Полированная каменная поверхность. Муляж экрана. Жаль. Я бы им сейчас смоделировал... А, собственно, что? Ну хотя бы ответ на вопрос, который был в билете на экзамене по космопсихологии в этом самом зале. «Свобода выбора при недостаточной информации...» Он тогда предложил Горовскому модель развития примитивной космической цивилизации. Очень стройную, логически законченную модель. Даже внешний вид придумал для своих гипотетических инопланетян. Симпатичные сумчатые жили у него на деревьях. Питались листьями. Засуха вынудила их спуститься на землю. Но, видимо, тогда он неточно ввел в машину дальнейшую информацию, потому что ходить они у него почему-то начали на руках и натирали ужасные мозоли на своих нежных передних лапах. Казалось, разумнее всего признать ошибку, потерять один балл и попытаться начать сначала. Вместо этого он продолжил борьбу, отрастил своим сумчатым в ходе эволюции глаза на хвосте, что значительно расширило поле обзора каждого индивидуума, а это, как следовало из учебника эволюции, решающий фактор в развитии умственных способностей.

Какое-то время машина, слолав эти исходные данные, сама, без его участия, моделировала развитие системы. Это там, в институтском зале... А здесь? Ему показалось, что экран едва заметно светится. Он пригнулся ближе, всмотрелся и увидел, как, постепенно приближаясь, растет шар придуманной им планеты, словно он смотрел на него через локаторы корабля. Именно так и было там, на Земле, когда машина закончила все расчеты и выдала ему конечный результат. Итог развития смоделированной цивилизации на определенном этапе. «Какой же я кретин!» — мысленно выругал он себя. Если эта машина и может действовать, то, конечно, именно так, непосредственным управлением его созна-

ния. Прямой контакт, им не нужны никакие переключатели, ручки, вся эта наша бутафория... Значит, машина действует, и они ждут от него ответа, дальнейших действий. Экзамен повторяется...

Машина выдала ему тогда информацию о его цивилизации. Информация оказалась весьма скудной, неполной. Она и не могла быть полной о такой сложной системе, как чужая информация. На основе этой информации он должен был задать машине дальнейшую программу, руководство к положительным воздействиям, помогающим росту цивилизации... Прежде всего помощь для тех, кто в ней нуждается... Только так они и представляли себе встречу с чужим разумом, и до сих пор это оправдывалось. Люди почти поверили в то, что они намного опередили в развитии другие цивилизации и, следовательно, обязаны им помогать, подтягивая до своего уровня. Снабжать материалами, инструментами, медикаментами, видя в этом свой человеческий долг. Так оно и было до этой встречи.

Практикант оборвал посторонние мысли. Пора было вводить в машину новые данные, принимать решение... Вся беда в том, что любое воздействие, любое вмешательство в такую сложную систему, как развивающаяся цивилизация, никогда не обладали только положительным эффектом. Здесь наглядно проявлялись законы диалектики. Каждое действие, событие всегда двусторонне... Казалось, что могло быть более гуманным, чем избавление общества от многочисленных болезней, уничтожение на планете болезнетворной фауны? Но это постепенно вело к вырождению. Прекращал действовать механизм естественного отбора. Выживали и активно размножались слабые, малоприспособленные особи. Только после того, как цивилизация научится управлять генетикой, возможно такое кардинальное изменение, а сейчас им было нужно помочь в лечении, в развитии медицины, чтобы затормозить угнетающие болезни, сбалансировать неблагоприятные факторы, мешающие развитию, не переходя той незримой грани, где начинался регресс и распад.

Вот уж действительно задачка со свободным выбором на основе неполной информации. Ничего себе —

свободный выбор... Если там, в земном зале, от его решения ничего не зависело — ну, ошибется, машина выдаст ему длинный ряд нулей, потеряет зачетный балл, снова пройдет подготовку и опять придет на экзамен, — то здесь экзамен вряд ли повторится. Здесь он отвечает экзаменатору с нечеловеческой логикой, и совершенно неизвестно, как именно тут наказываются провалившиеся студенты...

Мешали посторонние мысли. Стоило отвлечься, как на экране появлялись полосы, муть, начиналась неразбериха. Управлять такой машиной было одновременно и легче и труднее. Он постарался сосредоточиться, выкинуть из головы все лишнее, постепенно накапливая опыт в общении с машиной. Результаты его рассуждений появлялись на экране все более четкими. Он на ходу поправлял ошибки, вносил коррективы. Модель его цивилизации процветала, преодолевала кризисные состояния, развивалась. В конце концов, самым главным было желание помочь. Наличие той самой доброй воли. Передать бы это понятие тем, кто следил сейчас за его действиями. Пусть они знают наше главное правило: не оставаться равнодушным к чужой беде. Пусть знают, что мы специально учим наших людей оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, оказывать ее разумно и осторожно, не требуя благодарности, не извлекая из этого никакой выгоды. И если бы к нам на Землю свалился чужой звездолет, мы бы не остались сторонними наблюдателями, мы бы наверняка помогли попавшим в беду.

Ну вот. Он ввел в машину последние данные. Закончил последние расчеты. В общем, все получилось неплохо. Наверное, земная машина выдала бы ему хороший балл. Здесь, очевидно, балла не будет. Он даже не узнает, дошло ли до них то, что он считал самым важным передать. Поняли ли они, смогли ли понять? Ну что ж, он сделал все, что мог. Экзамен окончен.

Практикант выпрямился и отошел от погасшего экрана. Зал молчал, все такой же холодный и равнодушный. Жаль, что здесь нет ни одного живого лица и он не видит тех, кому сдавал сейчас свой страшный экзамен. Пора возвращаться. Практикант подошел к двери, нажал

ручку. Она не открылась. Выхода из зала не было. Что бы это могло значить? Они не считают, что экзамен окончен? Еще есть вопросы? Или оценка неудовлетворительна и поэтому выход не открывается? Простой и надежный способ. Что-то происходило у него за спиной, какое-то движение.

Практикант резко обернулся, и зал замер, словно уличенный в недозволенных действиях. В том, что действовал именно сам зал, у него не оставалось ни малейших сомнений. Чуть искрились стены, изменились какие-то пропорции, нарушилась геометрическая правильность всех линий. Словно это он сам силой своего воображения удерживал на местах все предметы и стены зала, а стоило отвернуться, как зал, освобожденный от его влияний, поплыл, смазался, начал превращаться в аморфную, бесформенную массу камня... «Что вам нужно?! — крикнул он. — Чего вы хотите?!» Никто не отозвался. Даже эхо. Зал как будто проглотил его слова.

«Спокойно, — сказал он сам себе. — Только спокойно». И вытер мгновенно вспотевший лоб. Пока он не вышел отсюда, экзамен продолжается. И незачем кричать. Все же он не смог сдержать возмущения. «Что за бесцеремонное обращение?! Хватит с меня экспериментов, довольно, я не хочу, слышите?!» Ему опять никто не ответил.

Практикант шагнул к кафедре. Может быть, там, за преподавательским пультом, он найдет какой-то ответ, какой-то выход из этой затянувшейся ситуации, из этого каменного мешка, который ему становилось все труднее удерживать в первоначальной форме. Сейчас за его спиной плыла и оползала дверь. На ней появились каменные натеки, и она уже мало чем напоминала ту дверь, через которую он вошел. Пока он занимался дверью, кафедра превратилась в простую глыбу камня. На ней уже не было никакого пульта. Стало труднее дышать. Очевидно, заклинились воздуховоды, деформировалась система вентиляции. Хуже всего то, что изменения необратимы. Как только он отключал внимание, забывал о каком-то предмете, тот немедленно начинал деформиро-

ваться. Вернуть ему прежнее состояние было уже невозможно.

«Материя стремится к энтропии», — вспомнил почему-то знакомую аксиому. «Только постоянное поступление энергии способно противостоять хаосу». Очевидно, энергия выключалась по его мысленной команде случайно, и теперь вряд ли долго продолжится эта борьба с расплывшимся залом. Вдруг промелькнула важная мысль. Ему показалось, что он нашел выход. Если система слишком сложна для управления, надо ее упростить. Сосредоточить внимание на самом главном, отбросить частности. Главное, стены — не давать им сдвигаться, не обращать внимания на остальное. Только стены и воздух... Сразу вместе с этим решением пришло облегчение. Зал словно вздохнул. Пронеслась волна свежего воздуха. Замерли в неподвижности прогнувшиеся стены.

Вдруг без всякого перехода на него навалилась тяжесть. Он по-прежнему мог легко двигаться, ничто не стесняло движения, но что-то сжало виски, сдавило затылок. Появились чужие, не свойственные ему мысли.

«Успокойся. Незачем волноваться. Самое главное — покой. Расслабленность. Слияние с окружающим. Безмятежность», — словно нашептывал кто-то в самое ухо.

Да нет, никто не нашептывал. Это его мысли, его собственные. Стоило ослабить сопротивление, как отступала тяжесть, проходила боль в висках. Становилось легче дышать. «Прочь!» — крикнул он этому шепоту, и шепот затих, превратился в неразборчивое бормотание. Зато новой волной накатились тяжесть и резкая боль в затылке.

Тогда он вспомнил все, чему его учили в школе последнего цикла на тренажах психики и самоанализа, где главным было умение сосредоточиться, не поддаваться внешнему давлению. Не зря, наверное, учили: «Сначала расслабиться, потом рывком...»

«Подожди, — шелестел шепот, — зачем же так, сразу... Лучше отказаться от индивидуальности, слиться в единство... Видишь стену? Ей хорошо, она состоит из одинаковых кирпичиков. Или улей, помнишь пчел? Они живут дружной семьей. Только интересы целого имеют значение. Личность — ничто. Откажись от борьбы, иди к нам. Сольемся в единое целое. Ты ничего не значишь

сам по себе, только в единстве мыслей и мнений обрешешь покой. Ты не должен принадлежать себе...»

«Прочь! Я человек! Человек — это личность. Индивидуальность — это и есть я. Прочь!»

Шепот постепенно затих, отдалился, но вдруг чужая воля навалилась на него так, что перед глазами замелькали красные круги, прервалось дыхание, он понял, что его силы на исходе, что еще секунда — и случится что-то непоправимое, страшное, он перейдет грань, из-за которой уже нет возврата. И тогда в последнем отчаянном усилии он заблокировал сознание, отключил его, провалился в беспамятство.

Медленно разгорался тусклый огонек. Сначала он видел очень немного через узкую щель, открытую для обозрения, но постепенно пространство раздвинулось. И он увидел себя. Не поразился, не удивился. Холодное, нечеловеческое равнодушие сковало эмоции. Двое лежали у камня: Практикант и Физик. Лежали неподвижно, широко раскинув руки, то ли во сне, то ли в беспамятстве, и он стоял рядом и смотрел со стороны.

Но кто же он? Чьими глазами смотрит сейчас на мир, если видит самого себя и понимает это? Ответа не было. Мысли почти сразу же смешались, понеслись стремительным, пестрым вихрем. Чужие, совершенно непонятные для него мысли. И когда он, спасаясь от этого грозящего утопить его сознание половодья, окончательно проснулся и резко вскочил на ноги, то в памяти осталось ощущение чего-то непостижимо сложного, недоступного его логике и пониманию. И в то же время было чувство потери, легкого сожаления от расставания... Никого не было на том месте, где, наверное, только что стояло неизвестное ему существо; это его глазами смотрел он сам на себя. Минуту назад, наверное, оно пыталось проникнуть в его сознание ради того самого контакта, к которому он так стремился, но в последний момент он отступил, испугался, выключил сознание, и тогда оно предприняло еще одну, последнюю и тоже неудачную попытку. Подключило его мозг к собственному сознанию, но и из этого ничего не вышло, он ничего не понял и ничего не запомнил...

Впрочем, нет, что-то все же осталось, даже не мысль, а так, ощущение, та самая эмоция, отсутствие которой

так его поразило в самом начале. Сильное эмоциональное переживание. Но какое? Вспомнить это было важно, очень важно!.. Сожаление? Да, как будто это было сожаление. Но о чем? Это не было сожаление о неудавшемся контакте. Что-то гораздо более важное, более общее разобрал он за этим чувством. Словно что-то необходимо было сделать и одновременно невозможно. Ну ладно. Невозможно так невозможно. Не получилось с налета... Попробуем постепенно накапливать информацию друг о друге, разрабатывать взаимоприемлемые методы контакта. Главное — это было началом. В этом он не сомневался.

Желание поделиться своим открытием заставило его разбудить Физика. Тот проснулся сразу. Рывком поднялся и только потом, осмотревшись, расслабился.

— Что, и тебя беспокоили сны?

С минутú Физик внимательно смотрел на него:

— Это были не совсем сны... Ночью я просыпался, тебя не было, хотел искать, но что-то помешало... Как будто меня оглушили изрядной порцией снотворного. А голова легкая. Ладно. Рассказывай.

— Я думал, что все происходило только в моем воображении. Неужели они специально создавали все эти сложные вещи только для одного эксперимента? Каковы же возможности этой цивилизации?

— Не тяни. Рассказывай.

Когда Практикант закончил подробный рассказ, Физик долго сидел задумавшись.

— Со мной у них что-то не получилось. Возможно, мой мозг менее приспособлен для воздействия. Наверное, у них двойное моделирование: и на предметах, и в сознании человека. А я предпочитаю вещи реальные, зримые. Так сказать, дневные. В одном ты оказался бесспорно прав: контакт все-таки состоялся. Не зря мы остались.

Практикант сидел нахмурившись, уставившись на вмятину в песке, заменившую им ночью постель.

— У меня такое чувство, что все, что было, это только предварительные эксперименты, поиски подхода, а не сам контакт. Не может быть, чтобы этим все вот так кончилось... Расскажи, что произошло с тобой этой ночью?

Физик почему-то ответил уклончиво:

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты был прав. Но знаешь, из того, что уже известно, мне кажется, настоящий контакт вряд ли возможен.

— Почему?

— Очень отличные от нас системы сознания, восприятия мира. Боюсь, что они нас не понимают и даже чего-то боятся... Наверняка боятся...

— Боятся? Чего? У нас нет даже корабля, мы целиком зависим от них...

— Да. Конечно... И все же они определенно чего-то опасаются. Это, пожалуй, единственное, что не вызывает у меня сомнения из той части ночных приключений, которые пришлось на мою долю. Все остальное — туман. Бред какой-то. У тебя все получилось гораздо определеннее. Может быть, подсознательно я оказался меньше подготовлен к такому роду воздействия. Не знаю. Слишком мало информации, а та, которая есть, не может быть подвергнута вторичной проверке и, следовательно, не обладает научной ценностью. Надеюсь, все же теперь ты удовлетворен. Не станем больше задерживаться. Истекли все сроки. Кибернетик и Доктор начнут поиски, если мы сегодня не вернемся. Так что собирайся, вот только наберем воды на дорогу, здесь недалеко источник.

— Источник на западе, а шлюпка на востоке, все равно придется возвращаться. Я подожду тебя здесь, хорошо?

Физик посмотрел на него с усмешкой:

— Конечно, подожди. Именно в эти оставшиеся у тебя минуты и произойдет все самое необыкновенное. Желаю успеха.

Примерно через минуту после ухода Физика камень снова стал прозрачным. На этот раз безо всяких переходов. Практикант смотрел на равнину, в ту сторону, куда ушел Физик, а когда перевел взгляд на камень, в его стеклянной глубине уже плясал хоровод знакомых белых хлопьев. Как только Райков посмотрел на них, танец прекратился, отвел глаза — и снова все пришло в движение. Хлопья прекращали двигаться примерно через секунду после того, как он начинал смотреть на

них. Это было первой реакцией камня на поведение человека.

Практикант подошел ближе, белые структуры внутри камня замедлили движение. Он протянул руку и прикоснулся к камню. Все структуры двинулись к точке соприкосновения, словно человеческая рука притягивала их. Образовался как бы конус из белых кружев, вершина которого упиралась в его ладонь. Камень на ощупь казался слегка теплым. Руку немного покалывало, словно от слабых разрядов электричества. На этот раз не было ни искр, ни переливчатой игры оттенков. Возможно, они были незаметны из-за солнечного света, но Практиканту казалось, что сегодня они просто не нужны. Внимание уже привлечено, контакт начался. Игра цветных огней только мешала бы пониманию главного. А главным было движение и строение структур. Теперь благодаря возникшей во время ночных экспериментов обратной связи и наличию входа у системы он уже не сомневался, что она несет в себе и старается передать людям какую-то важную информацию: собственную или полученную извне — это сейчас не имело значения. Самым главным было разобраться в предложенной ему системе символов, обозначавших неизвестные понятия и явления.

С горечью пришлось признать, что он совершенно ничего не понимает. Внутри конуса непрерывно шли сложные, едва уловимые перемещения и перестройки. Он попробовал управлять их движением, как управлял ночью работой моделирующей машины — одним усилием мысли, но из этого ничего не вышло. Движение всех структур внутри камня совершенно не зависело от его сознания. Он уже хотел отвести руку, чтобы посмотреть, как на это отреагирует его странный собеседник, как вдруг в полуметре от первого конуса возникла как бы тень. В том месте, где вершина теневого конуса упиралась в поверхность камня, отчетливо обозначилось белое пятно, похожее на очертание ладони. Это уже было кое-что. По-видимому, его приглашали приложить сюда вторую руку. Для чего? Может быть, самоорганизующаяся система, расположенная в камне, получит от него таким образом какую-то нужную ей информацию? Неплохо по-

казать, что человек не будет слепо следовать предложенному варианту.

Вместо того чтобы приложить вторую руку, он лишь поднес ее близко к пятну и сразу отдернул обе. Реакция всей системы на этот простой жест была очень бурной. Возник целый вихрь точек, смешавший все построенные раньше структуры. Тайфуны и смерчи крошили возникавшие вновь постройки. Неожиданно все замерло. В первую секунду Практикант ничего не понял в рисунке застывших линий и пятен, как вдруг заметил движущуюся человеческую фигурку с канистрой в руках. Она была намечена схематично, штрихами, но достаточно ясно. Сразу стал понятен и остальной рисунок. Перед ним была объемная карта окружающей местности. В центре, рядом с ярким пятном, еще одна фигурка. Это он сам; и если Физик действительно там, где он сейчас виден на схеме, то самое большее через минуту его голова покажется из-за гребня ближайшего холма. Ничего больше Практикант не успел рассмотреть, потому что вокруг движущейся фигурки Физика стал плясать какой-то странный хоровод длинных тонких игл. Фигурка человека стала нерезкой и через секунду исчезла совсем. На том месте, где она только что стояла, вспыхивало и гасло яркое пятно. Не пытаясь даже разобраться в том, что все это могло означать, Практикант уже бежал в ту сторону, куда ушел Физик. Не хватало воздуха, бешено колотилось сердце. С трудом удавалось сохранять равновесие на разъезжавшейся под ногами каменистой осыпи. В том месте, где на карте Практикант в последний раз видел фигурку Физика, валялась канистра с водой. Ее белый бок он увидел издали, и уже не осталось сомнений в том, что несчастье произошло.

Он искал Физика весь день. Облазил все окрестные холмы, спускался в какие-то трещины — все напрасно. Не было никаких следов, ничего, кроме брошенной канистры. Казалось, ни малейшей опасности не скрывала в себе пустыня. Человека просто не стало. Он потерялся, исчез, растворился. От этой неопределенности, от неизвестности, от сознания собственного бессилия можно было сойти с ума. Временами ему слышался голос Физика, зовущего на помощь, но каждый раз это был только

свист ветра. Тогда он пожалел, что у него с собой нет бластера. Если бы у него был бластер, он бы выпустил в валун всю обойму... Почему-то казалось, там была не только информация... Нет ничего ужаснее сознания собственной беспомощности. Он открыл это незнакомое чувство впервые. Впервые понял, что ничего не сможет противопоставить слепой и, по-видимому, могучей силе, хозяйничавшей на планете, где они были всего лишь непрошеными гостями, а может быть, даже подопытными кроликами. Он вернулся к валуну. Камень по-прежнему оставался прозрачным. В нем отчетливо виднелись два конуса с пятнами ладоней на поверхности. словно все это время камень терпеливо ждал. Но если предположить, что его действия имели какое-то значение и показались нежелательными хозяевам планеты, то при чем здесь Физик? Если А совершает действие, неуютное В, то исчезает С? Не слишком ли это сложно для первого контакта? Что, если его хотели предупредить об опасности, в которую попал Физик? Но тогда, быть может, они знают, что случилось? Возможно, сумеют помочь?

Камень как будто обрадовался его возвращению. Белые звездочки в его глубине завертелись быстрее. Очевидно, ускорением внутренних процессов он реагировал на усложнявшуюся внешнюю обстановку. Как его спросить? Словами? Смешно. Все-таки он что-то прокричал на всякий случай и убедился, что система движений и структур никак не реагирует на звук. Попытался начертить на поверхности камня фигурку идущего с канистрой человека, но это тоже ни к чему не привело. За его рукой метался белый хвост звездочек, но и только. В конце концов они опять выстроились в два знакомых конуса с пятнами ладоней на поверхности. На этот раз Практикант не стал раздумывать. Он приложил к камню обе ладони и в ту же секунду получил разряд энергии колоссальной силы. Ему показалось, что в голове у него взорвалась бомба. словно этого было недостаточно, к плечам и рукам человека из каждой трещины тянулись голубые ветви разрядов. С этого мгновения и до того момента, когда человек, пошатнувшись, упал, маятник его часов успел качнуться всего один раз. Но для него как будто остановилось время. За эту секунду он

успел почувствовать и понять миллионы различных вещей. Его восприятие беспредельно расширилось. Лишь на секунду...

Человек упал к подножию камня, широко раскинув руки. А внутри камня продолжали кружиться белые звезды. Постепенно хоровод замедлил свое движение, глубины камня помутнели, теперь он походил на огромный кристалл опала. Сразу же стали заметны на его поверхности шероховатости и трещины. А еще через минуту уже ничто не отличало валун, у подножия которого лежал человек, от тысячи других камней, заваливших поверхность мертвой планеты.

5

Из небольшой трещины выбивалась прохладная, чистая струйка. Канистра наполнилась за несколько минут. Обратный Физик шел не спеша, наслаждаясь жарой и любуясь живописным нагромождением обломков. Ленивую истому излучал каждый камень.

В конце концов они, наверное, сумеют привыкнуть к этому покою, приспособиться к таинственной чужой жизни, умеющей выращивать каменные леса и перестраивать скалы. Вряд ли смогут ее понять. Слишком отличны организации, цели и пути развития этой субстанции от человеческой. Возможно, удастся существовать рядом, не мешая друг другу. Все успокоится, войдет в привычную колею, и тогда они медленно начнут забывать. Начнут забывать, кто они, откуда, как очутились здесь. Ежедневные заботы о воде, о хлорелловой похлебке, о создании комфортабельных пещер станут самыми главными в жизни просто потому, что у них не останется других. Потом начнется деградация... Постепенно они забудут все, что знали. Перестанут быть людьми под этим зеленым солнцем. Их слишком мало для того, чтобы создать жизнеспособную колонию... Физик остановился, поставил канистру на землю и осмотрелся. Все те же невысокие серые холмы вокруг, марево раскаленного воздуха. Физик вытер крупные капли пота, тяжело вздохнул и присел на каменный обломок. Ему уже за сорок,

пора бы остепениться, перестать шататься по дальним дорогам, осесть на Земле. Наверно, эта экспедиция стала бы последней, если бы из нее удалось вернуться. Он снял майку, недовольно растер свое не в меру раздавленное тело. За последние месяцы, перед катастрофой, он пренебрегал гимнастикой, старался избегать обременительных процедур. Доктор был им недоволен и часто высмеивал его в кают-компани. Доктор... Подтянутый, сухопарый, с легкой сединой в густой шевелюре, он был для них примером, образцом космопроходца прошлого века, когда бесконечные тренировки превращали человека в сплошной клубок мышц, а строгие медицинские комиссии оставляли на Земле тех, кто не мог справиться с собственным телом. В век автоматике многое изменилось. К лучшему ли? Это еще вопрос... Сумеют ли они, изнеженные личинки своего заботливо сотканного механического кокона, справиться в борьбе с чужим миром, выстоять, попросту выжить?

Он тяжело поднялся с камня. Все тело ломило после ночи, проведенной на жестком песчаном ложе. Сколько им еще предстоит таких ночей, пока появится хотя бы проблеск надежды? Хорошо, что ему удалось скрыть от Практиканта всю серьезность их положения. Мальчишка не глуп, он о многом догадался сам, но пусть у него останется мечта. Нельзя человека, перед которым только открывается жизнь, лишать надежды на возвращение домой... Физик медленно побрел дальше и не смог удержаться от вопроса, заданного себе самому: есть ли она, эта надежда, на самом деле? На что, собственно, они могли рассчитывать? Только на контакт с чужим разумом. Но как его наладить, этот контакт, если неизвестно, к чему он стремился, что может, во имя чего живет? Знакомы ли ему понятия гуманности? Контакт — их единственная надежда. Если контакт не состоится, если им не помогут — все тогда потеряет смысл.

Физик не мог предположить, что в эту самую минуту уже началась вторая, и последняя, попытка контакта, окончившаяся неудачей. И он не мог знать, что всего один шаг отделяет его самого от участия в этой попытке и от необходимости ответить на вопрос: «Какие вы, люди? — поставленный чужим разумом. — Знакомы ли

вам понятия гуманности, доброты?» Он не знал, что на подобные вопросы уже ответили все его товарищи. Что незадолго до этого голубая вспышка от выстрела бластера перевела в самом начале попытку контакта с Доктором и Кибернетиком в крысиный лабиринт, что Практиканту показали, как с ним самим случилось несчастье, хотя никакого несчастья не было, а Практикант уже бросился его спасать. Ничего этого Физик не знал, а если бы и знал, то все равно не успел бы разобраться во всей сложности ситуации, потому что ему самому была уже предложена задача и надо было отвечать на заданный вопрос, хотя самого вопроса он не слышал и не предполагал даже, что он задан.

Задача, предложенная ему, была предельно проста. Те, кто ее задумал, уже знали глубину и сложность человеческой психологии и потому не хотели рисковать. Условия задачи выглядели примерно так: если путник С идет из пункта А в пункт В и по дороге ему предложен выбор одного из двух совершенно равнозначных путей, то какой путь он выберет? Какой путь он выберет, если путь Л1 ничем не отличается от пути Л2? Ничем, кроме того, что, пройдя по пути Л2, человек принесет гибель колонии отличных от него и совершенно неизвестных ему живых существ?

Ущелье, по которому шел Физик, разделилось на два рукава. Почему-то казалось, что раньше здесь был только один рукав, и теперь он не знал, куда повернуть. Оба рукава точно шли на север, к площадке, где его ждал Практикант. Он проверил их направление по схеме, которую успел набросать скорее по привычке, так как до воды прошел не больше километра и хорошо помнил дорогу. Ни на карте, ни в памяти не было правого рукава. Он свернул в него именно потому, что любопытство в человеке развито сильнее многих других чувств, этого не могли предположить те, кто ставил условия задачи.

Под ногами среди мелкого щебня с сухим треском лопались какие-то шарики. Физик нагнулся. Округлые белые тельца упрямо карабкались с одного склона ущелья на другой. Живая лента трехметровой ширины, состоящая из этих странных насекомых, преградила ему

путь. «Какие-то паучки; жизнь здесь все-таки есть, хотя бы в этих примитивных формах, и, значит, Доктор ошибался, — подумал он. — Слишком мы любим поспешные выводы. Эта колония похожа на мигрирующих земных муравьев».

Существа ловко карабкались на отвесные стены ущелья. У них было всего три гибкие лапы с коготками и не было глаз. Одна лапа впереди, две сзади.

«Надо будет поймать двух-трех и засушить для Доктора...»

Не было ни малейшей возможности обойти эту шевелящуюся живую ленту, и очень не хотелось возвращаться. Осторожно балансируя на камнях, Физик стал пробираться вперед, стараясь причинить как можно меньше вреда тем, кто полз у него под ногами. Собственные цели всегда казались человеку значительней тех, кого он съедал за обедом и на кого случайно наступал на лесной тропинке. Во всяком случае, к этому он привык на Земле и не предполагал, что у некоторых существ возможна собственная точка зрения на этот счет.

Физик уже пересек почти всю ленту, раздавив не больше десятка насекомых, и занес ногу для последнего шага, но тут непрочный камень подвел его. Человек пошатнулся и выронил канистру в самую гущу живой ленты. Наверное, это переполнило чашу терпения. Мир раскололся. В ушах засвистел ветер. Физик почувствовал себя втиснутым в какое-то узкое пространство. Наверное, это была трещина. Точно разобраться в этом он не мог, так как кругом царил полнейший мрак. Сам переход в это новое для него состояние прошел довольно плавно, без резких толчков и настолько быстро, что он просто не успел понять, что произошло.

С трудом выбравшись из расселины, Физик оказался на высокогорном плато, в совершенно незнакомой местности. Скалы здесь казались нагроможденными друг на друга без всякой видимой системы. Он даже не сумел определить границу главного водораздела, чтобы хоть приблизительно узнать, в какой стороне находится море. Дышалось гораздо труднее, чем на равнине, и это говорило о большой высоте. Почему-то его не очень беспокоило положение, в которое он попал, может быть, пото-

му, что подсознательно он надеялся, что те, кто перенес его сюда, позаботятся и о возвращении. Однако прошел день, и ничего не случилось. Больше всего он удивлялся тому, что чувство голода почти притупилось, хотя последний раз они поужинали с Практикантом три дня назад. Даже пить не хотелось. Очевидно, в организме происходила какая-то перестройка, замедлившая все внутренние процессы. Возможно, это побочное влияние радиации.

Ночью его мучили кошмары. Светящиеся скалы надвигались и давили его, каменная трава росла почему-то на голове у Доктора. Раза три он вскакивал и слушал, но ни единого звука не доносилось из ночной темноты. Небо было на редкость чистым. Огромные голубые звезды слагали искаженную картину созвездий. Десятки световых лет отделяли его от настоящего дома, и, может быть, поэтому не имело особого значения его теперешнее положение. Какая, собственно, разница, где ему находиться? У светящегося валуна рядом с Практикантом или здесь? Но разница была. Особенно остро он ощутил ее перед рассветом, когда, проснувшись, с ужасом подумал, что, возможно, остался один на этой планете под равнодушными звездами. Он старался убедить себя в том, как нелепа эта мысль, просто расшатались нервы, угнетающе подействовала огромная и пустая ночь, неживые предрассветные тени скал. Но ничто не могло заглушить в нем первобытного ужаса. Было чистым безумием карабкаться по камням в темноте. Каждую минуту он мог сорваться с крутой поверхности или провалиться в трещину. Но до рассвета с ним ничего не случилось. Весь день Физик двигался на юго-восток, стараясь выбирать дорогу в тени скал, чтобы хоть на время укрыться от жгучих лучей зеленого солнца.

Вечером он заснул в какой-то расселине, совершенно измученный. А утром, не успев окончательно прийти в себя, упрямо побрел на юго-восток. Из всех следующих дней пути он помнил только стрелку компаса, изнуряющую жару и отчаянное желание прекратить бессмысленную борьбу. Иногда попадались ключи с холодной водой. И это была его единственная маленькая радость. Удавалось напиться, смочить голову. Сознание ненадол-

го прояснялось, но тогда начиналась мучительная борьба с самим собой. Ему казалось, что он идет совсем не в ту сторону, да и откуда ему знать, где здесь могла быть «та сторона»? Он кричал проклятия скалам и тем, кто сыграл с ним эту подлую шутку, но скалы оставались равнодушны, и никто не отзывался на его крики.

Ночью, взобравшись на самую высокую вершину, он увидел далеко за горизонтом синеватое электрическое зарево. От радости едва не сорвался, но, видно, в голове уже совсем помутилось, потому что он не засек по компасу азимута и утром потерял направление. Весь день он пролежал, зарывшись в пыль среди камней, и дал себе слово, что если ночью не увидит опять этого зарева, то бросится со скалы вниз. Он даже выбрал с вечера подходящее место, где камни у подножия были особенно острыми.

Ночью он опять видел зарево. На этот раз азимут выскоблил на плоском каменном осколке. К вечеру второго дня, спустившись по отвесной стене со следами выбоин и обрывками нейлонового троса, он очутился у поворота в ущелье, где Кибернетик и Доктор разбили лагерь.

Прожектор Кибернетик зажег сразу, как только они с Доктором добрались до шлюпки, хотя в этом не было никакой надобности. Начинался день. Почему-то обоим показалось, что от желтого электрического света ночной кошмар развеется, уйдет от них навсегда. Сначала их удивило, что из двух прожекторов шлюпки загорелся один — аварийный, и только потом они вспомнили, что именно по прожектору пришелся ночью основной удар неизвестного им электрического луча, разрядившего батареи скафандров.

У них не было сил ни обсуждать происшедшие события, ни исследовать результат ночного сражения. Если то, что случилось, можно было назвать сражением. Задраив за собой люк и сменив кислородные баллоны, они едва добрались до подвесных люков и проспали до вечера. Поднялись по сигналу часов внутреннего корабельного цикла. Часы шлюпки, все еще настроенные на этот цикл, подавали бессмысленные теперь сигналы отбоя, подъема

и времени приема пищи. От духоты, с которой не могли справиться никакие внутренние системы скафандров, не хотелось ни есть, ни пить. Больше всего хотелось умыться. Но красный огонек на пульте говорил о том, что радиация уже проникла внутрь шлюпки.

Больше всего Доктора мучила невозможность проделывать обычные утренние гимнастические процедуры, к которым так привыкло его тело. Без них он чувствовал себя совершенно угнетенным, раздавленным. Улиткой, загнанной в раковину скафандра. Если так будет продолжаться еще несколько дней, он не выдержит. Кибернетика, казалось, это не трогало. Доктор вообще плохо понимал этого сурового, желчного человека, равнодушного к внешним удобствам и обстоятельствам. События внешнего мира он встречал с мрачным скепсисом, словно заранее не ждал от них ничего хорошего, и, возможно, в подтверждение своих худших ожиданий черпал неиссякающие силы для борьбы. Кибернетик был из породы тех людей, кто с проклятиями лезет в самое пекло и непременно возвращается обратно.

Пора было выходить наружу. Шлюпка — ненадежная защита от окружавшего их враждебного мира.

Не глядя друг на друга, они проверили напряжение в батареях бластеров. После всех лабиринтов, крысиных полигонов и ночной стрельбы они не знали, что их ждет снаружи на этот раз. Люк открылся сразу, хотя Доктор почему-то опасался, что он может не открыться. На стенах ущелья тускло отсвечивали матовые блики низко стоящего солнца. Значит, проспали почти весь день и выйти сегодня на поиски товарищей вряд ли удастся... Больше всего их поразило, что на том месте, куда ночью стрелял Кибернетик, не было ничего. Совсем ничего. Темное пятно на желтой глине в том месте, где разорвался заряд бластера, вот и все.

— Что за дьявол! Попал же я во что-то!

— Но если там, на земле, след от твоего заряда, значит, ты стрелял в пустоту. Галлюцинация от напряжения? Нет. Коллективные галлюцинации такого типа практически невозможны.

Порассуждать на эту тему Доктору не пришлось. Темное пятно на земле не было следом от выстрела. С де-

сяток квадратных метров покрывал толстый слой темно-серой мучнистой пыли. Экспресс-анализатор быстро определил, что это измельченный до молекулярного состояния базальт.

— Выходит, ночью я стрелял в скалу?

— Раньше тут не было никакой скалы. У меня хорошая зрительная память. В той стороне не было ничего. И дно ущелья, как видишь, понижается, даже его ты не мог зацепить.

— Ты хочешь сказать, что по ночам скалы на этой планете отправляются погулять?

— Может быть.

— Да. После того, что мы видели ночью, все, конечно, может быть.

— Аксиомы, принятые на Земле, здесь не всегда обязательны. К тому же, если это была просто скала... Ты видел хоть один осколок?

— Нет.

— А ты слышал, чтобы выстрел бластера мог раздробить скалу до молекулярного состояния?

— Что же это было?

— Не знаю, но боюсь, что мы еще познакомимся с этим. И давай, наконец, посмотрим, что случилось с прожектором.

На месте прожектора они увидели глубокую вмятину в обшивке. Поверхность металла казалась оплавленной и местами смятой так, что образовались трещины. Кибернетик подозрительно покосился на Доктора.

— Ты не мог случайно выстрелить?

— Мой бластер оставался в рубке.

— Но ведь я стрелял только раз! И в этой стороне не было никаких вспышек. Откуда такая температура?

— Ты думаешь, это след от выстрела бластера?

— Очень похоже.

— В таком случае, это еще раз подтверждает...

— что скалы на этой планете берут с собой на прогулку бластеры. Ладно. С меня на сегодня хватит загадок. Пора наконец заняться делом.

Кибернетик решительно направился к входному люку, а Доктор пошел за ним, но какое-то тревожное и еще смутное опасение заставило его вернуться. Он не об-

наружил ничего нового, ничего подозрительного во вмятине на борту шлюпки, обшивка которой приняла и отразила прошедшей ночью неизвестный энергетический удар. Вот только странный беловатый налет покрывал теперь кое-где оплавленный металл... Но это могла быть пыль, принесенная ветром, просто пыль... Проверять не хотелось, может быть, оттого, что, если даже это и не было пылью, а было чем-то гораздо более серьезным, у них наверняка не найдется средств для борьбы с новой неизвестной опасностью. Почему-то теперь Доктор не сомневался в том, что так и будет. Что ж, они первые открыли военные действия и не пожелали участвовать в мирных переговорах... Хотя, пожалуй, крысиный лабиринт вряд ли подходящее место для переговоров...

К обеду удалось установить систему фильтров. Через час после того, как они ее запустили, в рубке можно было снять скафандры. Они устроили из этого маленького события настоящий праздник. Приняли душ, выпили по бокалу тонизирующего напитка и развалились на подвесных койках, испытывая неопишное блаженство от прохладного воздуха.

Во время работы тревога за товарищей казалась глуше, незаметнее. Зато сейчас они уже не могли думать ни о чем другом.

— Когда начнем поиски? — спросил Доктор.

Кибернетик растер заросшее щетиной лицо, выпрямился в своем гамаке и повернулся к Доктору.

— Я думаю, нам есть смысл подождать до утра, хотя бы для того, чтобы не разминуться с ними.

— А как у них с кислородом?

— Физик взял с собой режекторные фильтры. С ними время практически не ограничено.

— Долго они в скафандрах не продержатся.

— Я думаю, мы все тут долго не продержимся.

Доктор внимательно посмотрел на Кибернетика. На секунду подумал, не ходил ли он вслед за ним к поврежденному участку обшивки, но потом вспомнил, что они не расставались весь день.

— Видишь ли... — сказал Доктор и задумчиво пожевал губами. — Нам очень важно выиграть время, каждый лишний час.

— Интересно — зачем?

— Честно говоря, я и сам как следует не знаю. Но у меня такое ощущение, словно мы начали с планетой поединок, в котором каждый час играет решающее значение, хотя бы потому, что в течение каждого часа мы получаем и перерабатываем новую информацию, а это увеличивает наши шансы.

— Я не вижу никаких шансов. Сколько угодно новой информации и ни одного нового шанса. Вряд ли удастся использовать информацию, значение которой мы не понимаем.

— Не тебе это говорить. Любая кибернетическая система насыщается информацией до определенного предела и только потом, перейдя в другое качество, получает возможность пользоваться ею...

— Характер информации обязательно должен быть в пределах возможностей данной системы, иначе...

— Я это знаю. Но у нас есть планета, на которой есть жизнь, высокоорганизованная жизнь, это, по-моему, мы все же установили.

— Но ведь ты всегда утверждал, что любая жизнь, чем более сложноорганизованная, способна развиваться только в комплексе.

— Возможно, здесь, на этой планете, нам придется еще не раз усомниться во многих земных аксиомах... Не станешь же ты отрицать, что вмятина на обшивке — это реальный факт и попытка установить с нами контакт, получить какую-то информацию тоже факт... Кстати, об информации. Что, если они хотели убедиться в том, что мы можем оценить сложные ситуации не только с помощью логики, но и эмоционально? Понимаешь, по-человечески нелогично!

— А для чего им это?

— Ну, не знаю...

Доктор надолго замолчал, потом вдруг повернулся к Кибернетику, стараясь в желтом полумраке, царившем в шлюпке, рассмотреть его сухопарую, словно иссушенную внутренним недугом фигуру. Доктор, как никто другой, знал, что в этом жилистом теле нет никаких болезней. За весь рейс Кибернетик, единственный, ни разу

не посетил его кабинет. Казалось, болезни не могли выдержать мрачного лихорадочного огня, горящего в нем.

— Давно я хотел спросить тебя, Миша... — нерешительно начал Доктор. Кибернетик лишь вопросительно замычал в ответ, и он продолжил: — Отчего тебе не сиделось на Земле?

Кибернетик задумчиво пожевал губами и, когда Доктор уже не надеялся на ответ, пробормотал:

— Все мы от чего-то бежали, может быть, от самих себя.

— Ну, не все... Я, например, надеялся найти нечто другое. Пусть не лучшее, но другое. Какой-то иной мир.

— Теперь ты его нашел, можешь радоваться.

— Зря ты все воспринимаешь негативно. Неизвестно, что мы тут нашли. Совсем еще неизвестно.

Кибернетик иронически хмыкнул:

— Тебе мало крысиного лабиринта?

— Там был не только лабиринт. Кстати, не мешало бы посмотреть, что за это время изменилось в пещере. Далеко ходить необязательно, можно глянуть у самого входа.

— Будь она неладна, твоя пещера! И вся эта дьявольская планета с ее проклятыми штучками!

Продолжая ругаться, Кибернетик тем не менее встал и начал готовиться к выходу.

— До темноты еще больше часа, можно не торопиться, — миролюбиво начал Доктор, но Кибернетик его оборвал:

— Хватит трепаться! Предложил посмотреть, так собирайся!

Они легко нашли овальный вход, совсем не похожий на естественную трещину в скале. Зато внутри пещера ничем не напоминала ночной лабиринт. В том месте, где ночью образовался коридор, теперь была глухая стена. Доктор провел по ней перчаткой скафандра. Пыли не было. В остальном же это был ничем не примечательный базальт. Бластер лежал на том месте, где его оставил Доктор. Они все время инстинктивно ждали каких-то новых событий, но ничего не произошло. И напряжение постепенно спадало. Поиски второго входа, через который их

выпустили, ни к чему не привели — его попросту не было. Несколько разочарованные, вернулись в шлюпку.

— Странно, что они так... Словно потеряли к нам всякий интерес. Я все время жду чего-то, но, кажется, напрасно.

— Будем рассчитывать на себя, так вернее.

Они работали до глубокой ночи. Привели в порядок остатки планетарного комплекса, составили опись всех имевшихся в их распоряжении механизмов и инструментов. На следующее утро отправились на поиски товарищей, но не нашли ничего. Даже следов. Планета казалась совершенно пустынной.

Со странным упорством Доктор разглядывал левый задний угол обшивки шлюпки, закрытый изнутри обивкой и потому невидимый. Именно здесь, снаружи, продолжало расплзаться белое пятно, словно неведомая кислота медленно точила несокрушимый синтрилоновый панцирь... Никаких следов органики, ни малейших признаков органической или неорганической жизни... Что же тогда разрушает прочнейшие связи между молекулами кристаллической решетки? Откуда берется колоссальная энергия на разрушение этих связей? Может быть, он не прав и пора обо всем рассказать Кибернетике? Возможно, там, где биологические методы оказались бессильными, он найдет какое-то другое решение, другой метод борьбы? Но Доктор слишком хорошо понимал, что таких методов не существует, хотя бы потому, что сначала нужно было понять. Понять, кто или что? А главное — зачем? Синтрилон в качестве пищи для организмов, которые не может обнаружить даже электронный микроскоп? Это опять нелепость. Скорее всего, они лишатся шлюпки и останутся с этой непонятной враждебной планетой один на один с голыми руками... Какое значение будут тогда иметь те жалкие часы, о борьбе за которые он так агитировал Кибернетика?

— Тебе не кажется, что у нас не так уж много времени? Доктор подозрительно посмотрел на Кибернетика.

— Что ты имеешь в виду?

— Не слишком ли долго мы прохлаждаемся?

Может, продолжим работу? Что ты скажешь насчет установки датчиков системы защиты у входа в ущелье?

Доктор не стал возражать, и часа два они перетаскивали к выходу из ущелья тяжелые ящики и выполняли бессмысленную, с точки зрения Доктора, работу.

В конце концов Кибернетик усталось остаться у шлюпки одному. Еще раз проверив издали, как идет у Доктора работа по установке датчиков, он передвинул к обшивке шлюпки анализатор. Пятно белого налета за это время значительно расширилось и углубилось. Самое неприятное состояло в том, что неизвестное излучение, поразившее материал обшивки, захватило сразу всю левую половину шлюпки. Наиболее четко разрушение проступило в центре, там, куда, по его первоначальному предположению, ударил заряд бластера. Теперь он понял, что тут был совсем не бластер, во всяком случае, не только бластер. Не удавалось даже замедлить разрушение обшивки. Он перепробовал все доступные методы, но так и не смог установить характер поражения. Материал обшивки еще держался, но разрушение прогрессировало в глубину. Часа через два в шлюпку начнет поступать наружный воздух, а еще через несколько часов от шлюпки останется один остов... То, что это не биологическая атака, он установил сразу. И все же придется сказать Доктору, надо спасать хотя бы снаряжение, если это еще имеет какой-то смысл... Сколько суток смогут они выдержать, не снимая скафандров?

— А знаешь, Миша, — вдруг раздался в наушниках его скафандра голос Доктора, — наша пещера может нам еще пригодиться. Если попытаться расширить и загерметизировать вход.

Резко обернувшись, Кибернетик увидел Доктора у себя за спиной.

— Значит, ты знаешь?

Доктор пожал плечами.

— Я, собственно, тебя не хотел беспокоить... Одного не могу понять: зачем им это понадобилось?

— Кому им? И вообще, разве вопрос «зачем» в этой ситуации имеет какой-то смысл?

— С некоторых пор мне кажется, что все, что произошло с нами на этой планете, и все, что еще произой-

дет, имеет вполне определенный и кому-то понятный смысл.

— Неплохо было бы и нам в нем разобраться, — проворчал Кибернетик. — Ну что же, пошли еще раз посмотреть пещеру.

Но они не успели отойти от шлюпки. Один из датчиков, установленных Доктором, включил сирену, и, обернувшись на ее рев, оба увидели у входа в ущелье знакомую фигуру Физика.

6

Практикант очнулся на рассвете, когда холодная роса собирается в тугие, упругие капли. Он нащупал обломок мокрого камня и приложил его к потрескавшимся губам. Камень напоминал леденец из далекого детства. Сознание вернулось к нему сразу, и он вспомнил все, что произошло и где именно он лежит. Прямо от его щеки отвесно вверх вздымалась почерневшая от влаги поверхность камня. Он попробовал встать, но не смог. «Это пройдет, обязательно пройдет, — сказал он себе, — главное, не распускаться. Наверное, это электрический разряд, обыкновенный поток электронов. Четыреста-пятьсот вольт. Некоторые выдерживали больше. Подумаешь, пятьсот вольт! Даже руки не обожжены. Ловко они меня... Теперь вот валяюсь, а они смотрят...» Эта мысль заставила его рывком приподняться и сесть, привалившись спиной к камню. Бешено заколотилось сердце. Голова оставалась ясной, вот только тело плохо слушалось.

Стараясь не делать лишних движений, он повернулся и через плечо посмотрел на камень.

«Базальт. Просто базальт. Не поладили мы, значит. Это бывает... А я думал, когда встретимся, я вас сразу узнаю, успею приготовиться, придумаю какие-то важные слова... Успел, подготовился! Обыкновенный базальт и пятьсот вольт... Зачем вам это понадобилось? Молчите... Я бы многое отдал, чтобы узнать зачем. Те же камни вокруг. То же небо. Все осталось прежним, все

как было. Нет только Физика... И подумать только, что какая-то глыба...»

Он сжал в кулаке осколок камня так, что побелели костяшки пальцев.

«Если бы я мог, в порошок... Просто в порошок, и все...»

Камень подался под его пальцами. Он разжал ладонь и поднес ее к глазам, близоруко прищурившись. На ладони лежала горстка серого порошка. Он не знал еще, что это значит, он даже удивился не сразу — странный камень. Дунул, серая пыль послушно слетела с ладони. Постарался вспомнить, каким был этот осколок, похожий на леденец из детства...

Шершавый и колючий осколок весомо лег на ладонь, словно неведомая сила подчинилась его желанию... Но и тогда он еще ничего не понял. Разглядывая осколок широко открытыми глазами, он старался ни о чем не думать, словно боялся спугнуть своими мыслями это неожиданное маленькое чудо. «А, собственно, чему удивляться? Если на этой планете камни умеют так много, почему бы им не летать? Вот только для чего ему понадобилось рассыпаться в порошок? Интересно, что будет, если его опять сжать?» Он сдавил камень изо всех сил, так, что острые края глубоко врезались в ладонь. Камень как камень. Может, ему показалось? Или это другой камень? Но он хорошо помнил завитушки из трещинок, небольшую жилку... Все камни здесь одинаково серые. На Земле есть голубые, как море, и красные, как кровь, белые, как платье невесты, розовые, как лепестки роз...

Если бы Райков смотрел в это время на осколок, зажатый в его руке, он бы увидел, как по его поверхности прошла вся гамма цветов. Но он уже смотрел на далекие вершины гор и думал о том, что даже эти вершины не похожи на земных исполинов, покрытых ослепительными плащами ледников.

Сквозь огромное расстояние, сквозь зеленоватый туман воздуха ему почудились на чужих вершинах белые шапки снега. Почудились так ясно, что он невольно отвел взгляд, не зная, что в это мгновение там, в клубах тумана, стал расти снежный покров. Он рос, несмотря на

тридцатиградусную жару, и тут же превращался в веселые ручьи...

Практикант посмотрел на камень, который держал в руке, на обыкновенный серый осколок базальта, вспомнил, что минуту назад он почувствовал ему горсточкой пыли. Вспомнил, улыбнулся над нелепой галлюцинацией, и тут же улыбка сбежала с его губ, потому что на ладони снова лежала щепотка праха...

Камень, который читает мысли? Или это что-то другое?

Практикант оперся о холодный бок валуна, попытался встать на ноги. С трудом ему это удалось. Порыв ветра сдул с ладони пыль.

«А что, очень даже может быть. На этой планете живут разумные камни. Они, правда, все перебесились от тоски и теперь рассыпаются в порошок. Здорово меня потрянуло. Рассыпающиеся камни мерещатся. Надо добраться до ручья. Холодная вода — вот что мне сейчас нужно больше всего. Глоток холодной воды».

Ноги приходилось переставлять осторожно, точно они превратились в чужие и очень сложные сооружения. Пришла тревожная и нелепая мысль. На секунду показалось, что за время, пока он лежал здесь без сознания, с ним произошли какие-то странные, едва уловимые изменения. Тело стало чужим и чужими мысли. Слишком четкими, слишком резкими и плотными, как будто стальные шарики перекатываются в голове. Но тревога прошла, едва только он дошел до ручья. Так было всегда, стоило ему увидеть эту красивую, словно из сказки, воду.

Добравшись до берега и напившись, он долго сидел, не двигаясь и слушая, как звенит вода. Вода здесь синяя, камни серые. Небо зеленое по утрам и фиолетовое в сумерках. Ничего здесь нет, кроме воды, воздуха и камней... Простая планета... Совсем простая планета...

И ничего он не сумел им объяснить: ни радость встречи, которой ждал так долго; ни эту горечь разлуки, словно он точно знает, что расставание произошло, и никогда они не узнают, что у ручьев на Земле растут сосны, шумливые, зеленые, не похожие на каменные муляжи...

Откуда эта странная уверенность, что ничего больше не повторится? Что контакт уже свершился. Что теперь они одни, совсем одни на этой чужой, безразличной планете, среди мертвых камней, которые рассыпаются в прах?

Он встрепенулся: «Но если камни ведут себя так странно, значит, не все еще потеряно?»

Он знал. Совершенно точно знал, что это не так. Что никого больше нет... Где-то в глубинах сознания медленно отступала пелена. Она еще что-то скрывала, что-то очень важное. Но об этом он еще успеет подумать позже. Теперь ему некуда торопиться.

Вода плотная и синяя, как в море. Здесь везде одинаковая вода. В ней не растут зеленые усики водорослей, по ней не плывут лепестки цветов... И корабли никогда не опускаются на эту планету. Нечего им здесь делать. Дорога в одну сторону. Дорога без права на возвращение. С той минуты, когда они с Физиком увидели каменные деревья, Райков поверил, что им сумеют помочь, надеялся и ждал.

Теперь ждать больше нечего, потому что те, кто вступил с ним в контакт, ушли, ушли так, что он знает об этом.

Одного не знал Практикант: не знал, что, прежде чем уйти, они сделали для них все, что могли, все, что от них зависело. Сделали больше, чем мог он предполагать в самых смелых мечтах: что из четверых они выбрали лишь одного и ему передали свой дар; что этот единственный из десяти миллиардов людей сидит сейчас на берегу ручья и грустит о далекой планете, на которой растут зеленые, живые деревья. О планете, которую он любил так сильно, что покинул ее ради звезд.

Ничего этого он не знал и о звездах не вспоминал. Он думал о том, что ботинки совсем изорвались за эти дни. Починить их не удастся, пока он не найдет Физика и они не вернуться в лагерь. Он старался не признаваться себе в том, что возвращаться, скорее всего, придется одному.

Вода освежила его и успокоила. Немного кружилась голова. Практикант растер неподатливые, упругие кап-

ли в ладонях, смочил виски и стал решать, что теперь делать дальше.

Стиснув зубы, медленно поднялся. Не было смысла возвращаться к валуну. Прежде всего следовало спуститься ниже по ручью к тому месту, где Физик набирал воду. Один раз он уже прошел весь его путь, но сейчас нужно было сделать это еще раз, внимательно осматривая каждую выбоину в камне, каждую царапину. Человечек не может исчезнуть совершенно бесследно.

Метров сто он прошел благополучно, только в голове шумело. Напротив того места, где валялась канистра, Практикант решил взобраться по склону ущелья, чтобы сверху осмотреть все русло. Подниматься пришлось по очень крутой поверхности, покрытой толстым слоем каменных обломков. Они разъезжались под ногами при каждом шаге, и тут его подвели рваные ботинки. Отставшая подошва зацепилась за какой-то выступ. Райков потерял равновесие и упал всей тяжестью на каменную осыпь. Само падение сошло для него довольно благополучно, но удар его тела нарушил равновесие в осыпи, с трудом державшейся до сих пор на крутом склоне.

Вся масса обломков дрогнула и пришла в движение. Несколько тяжелых глыб наверху зашевелились, а потом с гулом и грохотом понеслись вниз.

Они летели на него. Практикант видел квадратный, похожий на утюг камень, который шел на него прыжками, как гигантская жаба. Не было уже ни малейшей возможности ни уклониться, ни избежать удара. Он закричал что-то этому камню, вытянул руку, точно хотел удержать многотонную глыбу. И, хотя до нее было еще несколько метров, камень, словно уткнувшись в невидимую преграду, остановился.

Он был не тяжелее подушки. Практикант ощущал мягкое, упругое давление, словно у него выросла гигантская рука и в ее ладонь упиралась остановленная глыба. Еще не разобравшись в том, что произошло, Практикант мысленным приказом остановил и другие обломки. Ни на секунду не опуская невидимой стены, поддерживая ее пружинящее давление усилием воли, Практикант вскочил и бросился по склону в сторону. Очувтившись в без-

опасности, отпустил все обломки сразу. Там было, наверное, тонн двадцать, и теперь он смотрел, как вся лавина вдребезги разносила скалу, торчащую на ее пути.

Чтобы еще раз проверить себя, чтобы понять, он сосредоточился и представил, как огромная глыба метрах ста от него медленно поднимается вверх. Глыба послушно поднялась. Тогда он напрягся и швырнул ее в сторону, словно это был обыкновенный булыжник. Обломок скалы, вращаясь, взвился в воздух и исчез из глаз. От его падения мягко дрогнула земля под ногами, а когда донесся тяжелый грохот, Практикант, сжав голову, опустился на землю.

Так вот оно что, вот он каким был, этот первый контакт... Вот для чего был нужен тот экзамен, который он, кажется, выдержал...

Он не мог бы словами описать изменившуюся остроту ощущений, словно между ним и окружающим миром протянулись вибрирующие струны. Эти невидимые связи казались сложнее и в то же время проще привычного закона причин и следствий. Результатом этих новых, непонятных пока связей с окружающим и была сила, которую он только что ощутил, сила осуществленного желания.

Способность творить чудеса? Но чудо — это то, что противоречит законам природы; однако гораздо чаще чудом называют лишь то, что только кажется противоречащим этим законам.

Наверное, то, что произошло с ним, опирается на какие-то новые, еще не известные людям законы...

Он успокоился после этой мысли. Попытка анализа помогла справиться с ненужным, отвлекающим от главного волнением.

Он вспомнил институтскую лабораторию, опыты по курсовой работе... «Перемещение масс под воздействием силовых полей». Так она называлась, его работа. Здесь почти то же самое. Правда, поля должно что-то вызывать и поддерживать, какое-то устройство... Но, может быть, это не обязательно?

Материя и человеческий мозг находятся в прямой взаимной и постоянной связи. Что, если эту связь усилить и уточнить надстройку? Что, если это возможно?

Что, если возможно управление материей путем непосредственного воздействия мысли, мозговой энергии на ее поля, без всяких промежуточных устройств? Так, как он сделал тогда с разъезжавшимися стенами экзаменационного зала, одним усилием воли?

Может быть, эффект резонанса? Если мост можно разрушить звуком шагов, то кто знает, на что способен резонанс энергетических полей человеческой мысли с полями окружающей материи...

Вот камень... Его образ запечатлелся в сознании... А что это значит? Какие атомы пришли в движение, какие нейтринные поля сместились для того, чтобы возникло это внутреннее представление, мысленный отпечаток предмета? Как мало мы, в сущности, знаем об этом! И что случится, если теперь в его мозгу, только в его представлении, камень сдвинется в сторону, пусть немного, пусть на самую малость! Должно же это движение как-то отразиться в материальных формах! В конце концов, ничто в мире не существует вне этих форм. На эту мысленную работу он должен был затратить определенную энергию, пусть даже совсем незначительную. Понятие величины всегда относительно, а раз так, значит, в принципе возможно эту энергию уловить и усилить ее непосредственное воздействие на материю... Тогда она сыграет роль своеобразного выключателя и сможет привести в действие колоссальные энергетические ресурсы, скрытые в самой материи...

Практикант почувствовал себя совершенно оглушенным, придавленным этим водопадом мыслей. Ему казалось, что он нащупал самое важное в происшедшем.

Вот та скала, например, она очень далеко, несколько километров до ее вершины, но стоит представить стоящим себя на ней, стоит только очень сильно захотеть...

Мир раскололся. В ушах свистнул ветер. Самого перемещения в пространстве он даже не успел заметить. Окружающие предметы вдруг размазались, исчезли, и в ту же секунду проступил, словно на фотоснимке, новый пейзаж.

Далеко внизу, у самого горизонта, ниже ребристого горного хребта, распластавшегося у него под ногами, стелилась тоненькая струйка живого дыма...

7

Костер медленно догорал. На него пошли последние силикетовые доски от упаковки планетарного комплекта. Сам комплект, аккуратно разобранный и разложенный по полкам, лежал теперь в пещере, переоборудованной и загерметизированной Доктором и Кибернетиком. После возвращения Физика надобность в герметизации отпала, и они могли себе позволить сидеть у костра без скафандров. Доктор варил какую-то особенную похлебку из хлореллы, приправленную тушенкой из неприкосновенного запаса. Это был их первый маленький праздник со времени приземления на планету. Практикант сидел в дальнем углу, натянув до самых ушей свою старую куртку, и смотрел, как по потолку пещеры стелется дым костра. Его слегка знобило, скорее всего, от волнения, которое, несмотря на все старания, он не мог в себе подавить.

В первые часы возвращения в лагерь, заполненные шумными приветствиями, потоком новостей, неожиданной встречей с Физиком, молчание о самом главном было почти естественным, но с каждым часом оно становилось для него все тяжелее, словно он все еще стоял на вершине водораздела. Перед ним раскинулась новая, незнакомая страна. Стоит сделать только шаг, и он попадет в эту страну, словно перейдет в другое измерение. Вот сейчас он молчит, слушает, как Доктор ворчит на Кибернетика за то, что тот отказался варить похлебку в свое дежурство, видит улыбку Физика, словно запутавшуюся в его густой рыжей бороде... Сейчас он с ними, один из них... Но как только они узнают все, каждый невольно задаст себе вопрос: «Кто он теперь, практикант Райков? Носитель странного могущественного дара? Или, может быть, ее представитель?» Волей-неволей он должен будет заговорить от имени хозяев планеты... Таким уж он был, этот первый контакт, не похожий на инструкции и учебники по контактам, не похожий вообще ни на что, знакомое человечеству...

Информация, заложенная непосредственно в его память во время контакта, содержала ответы на многие вопросы, которые они хотели задать хозяевам планеты. Практикант не сразу узнал об этом. Очевидно, объем ин-

формации был слишком велик для человеческого мозга, сработали какие-то защитные механизмы, и в первые часы после возвращения сознания он еще не знал о том, что должен будет им сообщить сейчас... Слишком дорогая цена за этот дар... Чего-то они не учли, разумные и холодные создатели приютившей их планеты.

В который раз он мысленно проигрывал в уме условия странной и жестокой игры, предложенной им. Игры, в которой одной из ставок становилась их жизнь, и не находил положительного решения. Возможно, именно поэтому было так трудно решиться рассказать все товарищам. Рассказать придется. Условия игры уже вступили в действие независимо от их желания, независимо от того, знают ли все ее участники о предложенной задаче... Что ж, пусть теперь думают остальные, он устал один тащить груз, пусть они решают, придумывают какие-то ответные ходы. Вот сейчас он начнет, еще минуту... Пусть сначала догорит костер.

Понимая, насколько усложнятся их отношения после того, как он начнет говорить, и словно прощаясь с прежним, Райков еще раз внимательно всмотрелся в каждого из троих своих спутников. Общая беда не успела сплотить их в единое целое. Связать настоящей дружбой. Они лишь подчинялись остаткам былых привычек, былой дисциплины... «Сейчас мы скорее экипаж. Не коллектив, а экипаж, — подумал Райков. — Как-то они воспримут новую информацию, справятся ли?»

Он медленно перевел взгляд с одного на другого. Доктор. Подтянутый, добродушный человек, излучающий оптимизм и деловитость. Не показные ли это, своего рода врачебная профилактика экипажа в трудных условиях? Как бы там ни было, Доктор, скорее всего, справится. Физик. Полный, жизнелюбивый. Он умеет находить положительные стороны и маленькие радости в любых, самых сложных обстоятельствах. Волей случая он заменил Навигатора и стал руководителем их маленького коллектива. Он сумел это сделать ненавязчиво, совершенно незаметно. Ни разу не напомнил о своих правах, и тем не менее за окончательным решением любого вопроса все обращались именно к нему. Чуть ироничный, веселый, этот человек умел, когда нужно, становиться суровым, жестким. За внешней жизнелюбивой

оболочкой чувствовалась стальная воля. Физик не поведет. Уж он-то наверняка окажется на высоте, каким бы невероятным ни показалось им его сообщение.

Оставался еще Кибернетик. Меньше всего он знал именно его. Кибернетик умел выстраивать между собой и окружающим невидимую, но непреодолимую стену. Первым его импульсом, первым его желанием всегда было оспорить любое, пусть самое разумное, предложение или мысль, исходящую от других. Зато потом он первым раздраженно и одновременно энергично брался за дело и всегда доводил его до конца... И все же Кибернетик может не понять его. Приходилось признать, что он слишком мало знает своих товарищей. Он подумал еще о том, что на его месте должен был бы быть Физик. Груз оказался слишком тяжелым для него. Наверняка они ошиблись в выборе кандидата для первого контакта. Вот только не скажешь им об этом и ничего уже не изменишь. Придется до конца нести свою ношу, даже если он останется один, даже если его товарищи не справятся с отчужденностью и не решат поставленную перед ними всеми общую задачу...

Физик потянулся к огню, помешал угли, внимательно посмотрел на Практиканта и тихо сказал:

— Ну что же... Пора, наверное, подвести кое-какие итоги.

Кибернетик было оживился, но, взглянув на то место, где совсем недавно возвышался стройный сферический корпус шлюпки, а теперь торчали безобразные рваные шпангоуты бортов, поморщился и хрипло произнес:

— Какие уж там итоги! Потерян корабль, потерян последний робот, уничтожена шлюпка. Все наши материалы в атмосфере планеты непонятным образом разрушаются. Пора заняться изготовлением каменных топов.

— Но есть и другая сторона. — Доктор аккуратно разливал в чашки дымящуюся похлебку. — Вы все, наверное, заметили почти полное отсутствие аппетита. Мне удалось провести ряд любопытнейших экспериментов. Конечно, это еще нуждается в проверке, тем не менее я пришел к парадоксальному выводу. Эта радиация... Вы знаете, по-моему, она каким-то образом непосредственно на клеточном уровне снабжает наши организмы энер-

гией, минуя все сложнейшие, созданные эволюцией системы для приема и переработки пищи.

— Ты хочешь сказать, что здесь можно обходиться вообще без пищи?

— Вот именно, хотя мне трудно в это поверить...

«Да... Конечно... Так и должно быть... — отметил про себя Райков. — Это тоже входит в условия задачи. Нас не должна отвлекать забота о хлебе насущном».

— Еще одна случайность? Что ты на это скажешь? — спросил Физик, обращаясь к Практиканту.

— Нет. Не случайность.

— Я давно догадался, что ты кое-что знаешь. Может быть, пора рассказать? Была ли вторая попытка контакта? Ну что ты молчишь?

Сейчас голос Физика звучал сухо, почти официально.

Райков ответил коротко и сбивчиво, проглатывая окончания слов, точно спешил поскорее избавиться от них:

— Контакт был. И если говорить о взаимном обмене информацией, кажется, он удался.

Не ожидавший такого ответа, Кибернетик обжегся похлебкой и выронил в костер всю чашку. Зашипели и погасли последние угли. Резко повернулся Доктор, и только на лице Физика не дрогнул ни один мускул.

— Мы слушаем тебя.

— Мне будет трудно изложить все связно, я многого не понимаю. Слишком сложная информация, необычен способ ее передачи...

— Способ?! — почти закричал Кибернетик. — Ты что, разговаривал с ними? Тогда почему молчал до сих пор?!

— Подожди, Миша, — остановил его Физик. — Каким образом передана информация? Ты стал понимать язык структурных формул? Или это опять ночные видения?

— Нет. Информация была записана непосредственно в память, мощный энергетический поток, шоковое состояние, как во время удара электрическим разрядом большой мощности. Ну и потом, я вспомнил... Не все сразу...

Райков растер виски обеими руками. Он сидел сгорбившись и угрюмо смотрел на погасшие угли.

— Что ты вспомнил?

— Лучше вы задавайте вопросы, иначе я запутаюсь.

Я сам не все понимаю...

— Так что же мы должны спрашивать?

— Какие вопросы? — спросил Доктор.

— То, о чем бы вы спросили хозяев планеты, может быть, я смогу... Во всяком случае, попробую ответить...

— Почему погибли Навигатор и Энергетик?! — почти прокричал Доктор.

— Причины аварии? — сухо добавил Физик.

— Этого я не знаю. Вернее, они этого не знают. Они заметили нас только после взрыва корабля. Можно предположить, что случайно мы натолкнулись на какую-то их передачу в надпространстве. Ты сам говорил, что направленный модулированный пучок энергии большой интенсивности мог вызвать вибрацию... Но это только предположение.

— Кому была адресована передача?

— Это межзвездная цивилизация, в их федерацию входит несколько десятков звезд и около сотни планет. Между ними существует регулярная связь.

— Бред какой-то! Может быть, тебе все же это приснилось? О какой цивилизации идет речь? Где ты нашел цивилизацию на этой пустынной планете? Для передачи такой мощности нужен Всепланетный энергетический комплекс, где он здесь?! — спросил Кибернетик.

— Планета создана ими искусственно, несколько тысяч лет назад, специально для контактов с другой гуманоидной цивилизацией. Здесь они не живут.

— Так, значит, отсутствие биосферы, наличие кислорода, радиоактивный аргон...

— Искусственно созданная, почти идеальная среда для гуманоидов. Нам действительно повезло...

— Но зачем им это понадобилось, создавать целую планету... Разве такое возможно?

— Планета-гостиница, планета-полигон или университет специальных знаний, а может быть, планета-лаборатория с подопытными кроликами, смотря как это понимать. В общем, специальная планета для контактов. Они могут себе это позволить...

— Искусственно создавать планеты?

— В их распоряжении полный контроль над материей, возможность управлять любыми материальными процессами без посредников, без механизмов за счет энергетических ресурсов самой материи.

— Выходит, для них практически нет ничего невозможного? — спросил Доктор.

— Об этом нет информации. — Практикант пожал плечами. — Я не знаю предела их возможностей.

— Как они выглядят?

— У них нет постоянной видимой формы. Насколько я понял, индивидуальные мыслящие и эмоциональные структуры зафиксированы в каких-то энергетических полях, это их обычная, так сказать, пассивная форма. Но в случае необходимости они могут воспользоваться любым материальным телом, перестроить его молекулярную структуру и создать из него нужный им организм.

— Полный контроль над материей, — задумчиво сказал Физик. — Значит, они могут перемещать в пространстве любые массы без всяких кораблей... Ты говорил с ними о помощи?

— Я вообще с ними ни о чем не говорил. В момент контакта я просто был без сознания. Они передали в мой мозг те сведения, которые сочли нужными.

— Значит, придется повторить контакт! С завтрашнего дня мы организуем поиски, и как только...

— Это бесполезно. Они покинули планету.

— Как это покинули? Зачем?

— Чтобы не вмешиваться, даже случайно. Я говорил, они здесь не живут. Планета предоставлена в наше полное распоряжение.

— Это очень любезно с их стороны, — сказал Доктор, — только я не совсем понимаю: зачем им вообще понадобился тогда контакт? Чтобы разбудить надежду, показать нам свое могущество, а потом уйти? Мы столько раз повторяли, что гуманность прогрессирует вместе с разумом!

— По-моему, гуманность — это чисто человеческое, гуманоидное понятие, — задумчиво произнес Физик.

Практикант отрицательно покачал головой.

— Много тысячелетий назад, путешествуя в космосе,

они встретились с другим разумом. Это была молодая гуманоидная цивилизация, в чем-то похожая на нашу... Состоялся контакт. В обмен на информацию, накопленную этой цивилизацией, они передали ей свою способность непосредственного управления материей... Именно тогда специально для целей контакта была создана эта планета.

— Кажется, я понимаю. Дар оказался слишком велик...

— Да, цивилизация погибла. Противоречивые команды, схватка противоположных интересов, изменения материальных форм, исключаящие друг друга. Незнание отдельными личностями основных законов преобразования материи, просто ошибки...

— И в результате полная энтропия.

— Да. Материя их системы распалась вместе с ними.

— А какое отношение имеет это к нам? — с вызовом спросил Кибернетик. — От всего их могущества нам нужен был только корабль, чтобы вернуться...

— А ты бы вернулся? — с неожиданным интересом спросил Физик.

— Не понимаю?

— Ты удовлетворишься возвращением, в случае если придется выбирать между контактом с этой цивилизацией и кораблем? Иными словами, что важнее: возвращение или попытка убедить их, что человечество способно принять такой дар?

— А вы уверены, что способно? — задумчиво спросил Доктор.

— Способно или нет, решит человечество, но я сам хочу выбирать между так называемым контактом и возвращением!

— Видишь ли, Миша, для них мы — представители человечества, и, очевидно, они убеждены в том, что интересы человечества для нас важнее собственных. Помоему, им даже не приходит в голову, что может быть иначе.

— И все же я не желаю, чтобы за меня что-то решали эти ходячие скалы, в конце концов...

— Они не скалы. И ничего они за тебя не решали.

И даже думаю, что они не пришли в восторг от того, что мы свалились им на голову.

— У них нет головы.

— Это неважно. Гораздо важнее вопрос об этом гипотетическом даре. Нам что, его предлагали?

— Судя по тому, что однажды они поделились своими способностями с другой цивилизацией, мы могли бы найти какой-то способ убедить...

— Да подождите! — Райков вскочил на ноги. — Все обстоит совсем не так с этим даром. Дело в том... дело в том...

Практикант почувствовал, что у него пересохло во рту от волнения, и он замолчал. Молчали и они, все трое. Смотрели и молчали. Даже Физик не пришел ему на помощь. И тогда охрипшим, прерывающимся голосом он сказал им сразу все. Все самое главное. Наверное, такое чувство испытывает человек, бросившись в ледяную прорубь.

— Они уже сделали человечеству свой дар. С единственным условием. Мы сами должны найти способ передать его на Землю.

— Объясни, пожалуйста, яснее, — очень тихо попросил Физик.

— Да, Дима, ты уж постарайся, — поддержал его Доктор.

— Тянешь волынку? — не очень вежливо спросил Кибернетик.

— Сейчас я попробую передать вам условие.

На секунду он прикрыл глаза рукой, чтобы лучше сосредоточиться. И, начав говорить, невольно перешел на чужой, несвойственный человеческому голосу тембр, каким обычно разговаривают корабельные автоматы:

— Они оставляют нас на планете одних. Передают одному из нас способность управлять материей и ждут, что из этого получится, ни во что больше не вмешиваясь. Если каким-то образом нам удастся вернуться и известить об этом Землю, тем самым мы им докажем... ну, что ли, способность землян разумно распоряжаться их даром. И тогда они не будут возражать против его передачи всему человечеству или отдельным его представителям — как решит наша цивилизация. Существует какой-

то способ передачи таких способностей от одного индивидуума к другому. Как именно — я просто не понял.

— Но для того чтобы передать способность управлять материей одному из нас, они должны будут с нами встретиться! Нужно хорошо подготовиться, и, может быть, удастся убедить их в бессмысленности и жестокости подобного эксперимента.

— При чем тут бессмысленность и жестокость?

— Да потому, что такая задача не имеет положительного решения! — почти закричал Физик.

Доктор и Кибернетик смотрели на него, ничего не понимая. И только Практикант утвердительно кивнул:

— Значит, ты понял. Наверное, они тоже так считают...

— Но почему, почему?! — закричал Кибернетик.

— Потому, что управление материей возможно только в пределах ее законов, а раз так, человеческий разум никогда не сможет создать ничего сверх того, что он знает. Представьте себе, что нам подарят все автоматические заводы Земли, но без программы. Много мы на них построим? Не сможем сделать даже простейшую радиолампу! Не говоря уже о корабле... Чтобы построить корабль, необходимы знания, накопленные человечеством на протяжении всей истории развития цивилизации. Ни один отдельный человек не обладает такими знаниями, именно поэтому наша единственная надежда — убедить их отказаться от эксперимента, — закончил Физик.

— Это невозможно, — тихо ответил ему Практикант. — Эксперимент уже начался. Они ушли с планеты и не вернутся до его конца.

— Значит, по-прежнему мы можем рассчитывать только на себя.

— На себя и вот на это...

Практикант пристально посмотрел на погасший костер, его лицо напряглось, нахмурилось, и сошлись брови. Сначала появилась небольшая струйка дыма, потом камни вокруг костра засветились вишневым светом, и из остатков погасших углей вырвались первые языки пламени.

Все сидели с окаменевшими лицами, не в силах поверить, не в силах понять до конца значение того, что про-

изошло. Только Физик поднялся, подошел и положил руку на плечо Практиканту.

— Осторожней, Дима. С этой штукой нужно обращаться очень осторожно. Представь, что у тебя за плечами ранец с атомной бомбой, только это еще опаснее.

И Райков почувствовал, как впервые с начала этого разговора отчаяние и страх, владевшие всем его существом, постепенно уходят. Потому что он уже знал, его опасения безосновательны. Ему не придется тащиться одному, сгибаясь под непосильной ношей. Что все они, даже Кибернетик, остались здесь, рядом, в круге света зажженного им костра...

8

Лагерь сильно изменился за эти дни. В том месте, где начиналась пещера, с разрешения Физика Райков убрал часть скалы. Образовалась обширная веранда. Потом он соединил веранду с дном ущелья небольшим подъемником. На изготовление примитивного механизма ушло целых четыре дня. Пещера тоже была расширена, появилась кое-какая каменная мебель. Превращение одних материалов в другие Физик строго запретил, опасаясь начала неуправляемой цепной реакции. Проще всего удавались перемещения масс и изменение их формы. Прямо на веранде из остатков оборудования шлюпки и планетного комплекса выросла импровизированная лаборатория.

Измерения сразу же подтвердили, что при любом воздействии телекинеза на материал исчезала часть его массы. За все «чудеса» материя расплавивалась своей внутренней энергией. Как именно происходило превращение массы в энергию, уточнить не удалось, не хватало точности измерений. Очевидно, преобразование шло на уровне внутриядерных процессов.

Начались дни утомительных занятий по сложной, разработанной Физиком системе. Следовало очень осторожно выяснить границы возможностей Практиканта, только после этого можно было сделать какие-то оконча-

тельные выводы и разработать план дальнейших действий.

Почти сразу стало ясно, что воспроизвести в материале возможно только то, что имело в мозгу Райкова совершенно четкую модель. Получался слепок с этой модели — и ничего больше. Чем сложнее модель, тем труднее было удержать в памяти все мельчайшие ее детали и тем хуже, грубее получалось изделие.

С каждым днем становился яснее окончательный вывод и все более открыто, несдержанно проявлялся протест каждого участника эксперимента.

— Значит, эта слизь все предусмотрела, — сказал однажды Кибернетик. — Выбора у нас нет и нет выхода.

— Да. Похоже на то, что они решили убедить нас в бесполезности телекинеза для человечества. И они нас отсюда не выпустят. Слишком много мы уже знаем... Если бы сохранилась корабельная библиотека! Но нет, даже тогда... Человеческий мозг просто не в состоянии зафиксировать в памяти достаточно сложное устройство со всеми материалами на молекулярном уровне...

Вечером, устав от бесплодных теоретических споров, Практикант улетел в горы, не спросив разрешения у Физика. Почти каждый его шаг требовал теперь специального разрешения.

Того полного отчуждения, которого он так опасался вначале, не произошло, но и того, что было в его теперешнем положении, вполне хватало для потери душевного равновесия.

В ущельях свистел холодный ветер. Вершины близлежащих гор чертили у ног Райкова странные, резкие тени. Практикант ничком повалился на маленькую каменную площадку, на которую только что опустил, и долго лежал неподвижно, слушая свист ветра.

От этих заунывных звуков, словно подчеркивающих одиночество, он чувствовал себя особенно скверно. А потом вдруг встал, осмотрелся, нашел подходящую скалу и закрыл глаза... Мир вокруг него перестал существовать. На секунду показалось даже, что сознание сейчас выйдет из-под контроля. Но он взял себя в руки и с предельной четкостью представил, как скала исчезла и на ее месте появился земной звездолет, появился их старый «ИЗ-2»,

появился таким, каким запомнил его Практикант в земное холодное утро старта, с разводами краски на боках, с яркими сполохами сигнальных огней...

Все у него получилось. И краска, и цветные пятна на месте сигнальных огней, и довольно точная скульптура звездолета в натуральную величину, неплохой памятник из базальта... Довольно детальный памятник с ажурными переплетениями антенн и хищными щелями для вспомогательных реакторов... Вот только люк не открывался.

Он не стал разрушать звездолет. Накрыл каменным конусом огромной скалы, из которой перед этим убрал сердцевину. Скрытый памятник. Никто не увидит и не узнает о нем, но он все же будет стоять, памятник его мечте и его глупости...

Постепенно жизнь в лагере входила в определенную колею. Дни становились похожи друг на друга. Очевидно, планета израсходовала уже все свои сюрпризы, а то огромное, что содержал теперь в себе мозг Практиканта, оставалось для них бесполезным. Они все выжидали чего-то, осторожничали, повторяли одни и те же порядком надоевшие опыты. Словом, все усиленно делали вид, что еще ничего не потеряно, что основная работа лишь начата и что привычная систематика исследований, сотни чертежей, графиков, формул принесут им что-нибудь неожиданное.

Практикант сидел в пещере вдвоем с Доктором, изо всех сил стараясь не нагрубить ему в ответ на его длинные и благодушные рассуждения о прекрасном будущем, которое ждет человечество, если им удастся вернуться.

К счастью, Кибернетик с Физиком с утра куда-то ушли, и поэтому в лагере было относительно тихо.

Чтобы как-то отвлечь Доктора от темы возвращения, Практикант попытался сделать по его структурным молекулярным формулам немного крахмала. Крахмал получился жидким и каким-то прозрачным.

Доктор внимательно проверил его на экспресс-анализаторе и в конце концов мужественно решил попробовать, после чего ему стало не до Практиканта. Расстройство желудка было расплатой за эту смелость.

В чем-то они ошиблись, в чем-то очень важном... С самого начала. Может быть, нужно искать совершенно

новый метод решения этой проблемы, а они идут привычным путем — ищут способы создания механизмов. Но ведь те, кто построил эту планету для контактов, наверняка передвигались в космосе без всяких механизмов. Впрочем, об этом они не оставили никакой информации, а, кроме того, само устройство человеческого организма может стать непреодолимым препятствием. В космосе человеку нужны сложные приспособления, хотя бы для защиты. Так что, возможно, он не прав, а прав Кибернетик.

И все же Райков не верил, что они пошли на этот контакт, только чтобы доказать людям их несостоятельность. В том, как проходил контакт, в его последствиях была какая-то неправильность, непонимание, но только не враждебность.

Едва Физик и Кибернетик отошли от лагеря на несколько километров к северу, пейзаж изменился. Вместо привычных уже пустынных холмов и скал, подножия которых утопали в бархатистом, раскаленном на солнце песке, они попали на широкое вулканическое поле.

Застывшие потоки лавы образовали здесь причудливые невысокие гребни, впадины, волны. Поверхность камня ослепительно сверкала под солнцем, словно они шли по огромному черному зеркалу. Тяжелые рюкзаки оттягивали плечи. С собой приходилось нести не только приборы из планетарного комплекса, но также и большой запас воды. Доктор оказался прав — в пище они больше не нуждались, но зато потребление воды значительно возросло, наверно, организм, перестраиваясь на новую энергетику, нуждался в большом количестве жидкости. В пустынной местности ручьи встречались не так часто, и всю воду вместе с неприкосновенным запасом приходилось тащить с собой.

Кибернетик отстал на несколько шагов, он то и дело спотыкался о камни, и Физик слышал его приглушенные проклятия. Наконец Кибернетик окончательно потерял терпение, бросил рюкзак и потребовал остановиться.

— Не понимаю, зачем вообще тебе нужны эти походы! Чего ты ищешь?

— Видишь ли, Миша, нас сюда прислали для исследовательской работы. Вот мы ею и занимаемся. Мы не

видели даже сотовой части планеты. Ничего о ней не знаем. Здесь за каждым камнем могут таиться сюрпризы.

— Никто нас сюда не присылал, и никакая мы больше не экспедиция! Незачем себя обманывать!

— Хорошо. Пусть не экспедиция. Считаю, что мне просто интересно.

— Ну и ходил бы один, я-то тут при чем?

— Одному ходить по неисследованной планете не разрешает инструкция. Ты разве не знаешь?

— Я знаю инструкцию. Нечего издеваться. Я не вижу смысла в твоих шатаниях по планете. Если ты ищешь их, то напрасно. Райков ясно сказал, что они ушли и больше не вернутся.

— Знаешь, Миша, после того, что случилось с Райковым, я не могу насмотреться на эту планету. Тут в каждом камне может таиться такое... Мне действительно интересно. Вот посмотри, этот гребень похож на электрокар, а тот — на голову верблюда, а за тем гребнем может открыться озеро, лес, может быть, город... Я не знаю что, говорили же они Райкову, что здесь побывала целая цивилизация. Пусть контакт не состоялся, должны остаться хоть какие-то следы!

— Не понимаю, нам-то какая польза от этих следов?

— Не знаю, — честно признался Физик. — Может быть, никакой. Не во всем же надо искать пользу. И потом, сидеть без дела в лагере просто скучно, неужели ты этого не заметил?

— Мне никогда не бывает скучно, — мрачно изрек Кибернетик и, словно закрепляя сказанное, сразу же повторил: — Никогда.

— Интересно, Миша, зачем тебя занесло в дальнюю разведку?

— Не твое это дело, Петрович. Ты все-таки не Навигатор и не председатель экспедиционной комиссии.

— В этом ты, несомненно, прав. — Физик стряхнул пот со лба, подошел к Кибернетику и, поставив свой рюкзак рядом с его небрежно брошенным на землю, достал флягу с водой, смочил виски, голову, прополоскал горло. Потом тяжело опустился на гладкий камень в тени рядом с Кибернетиком и продолжил: — На этой планете, несомненно, существует некая комиссия. Может

быть, термин неточен, не в нем дело. Я хочу сказать, что здесь наши поступки, а может быть, даже мысли изучаются, оцениваются. По ним делают выводы, и не только о нас с тобой, обо всей нашей цивилизации. Обо всех людях сразу.

— Если бы ты был прав, они бы не выбрали для своего эксперимента этого сопливого мальчишку!

Кибернетик подобрал с земли увесистый каменный осколок и запустил его в ближайший гребень. Камень разлетелся на множество осколков с печальным стеклянным звоном, словно Кибернетик разбил хрусталь. Несколько минут Физик молча внимательно смотрел на него.

— Не такой уж Райков мальчишка, и потом, мне кажется, не в возрасте здесь дело, совсем не в возрасте, так что пеняй на себя.

— Ну знаешь! — Кибернетик вскочил. — Мне надоели твои поучения. Пойдем.

— Ты сам виноват, Миша. Не надо было хвататься за бластер. Доктор абсолютно прав. Я убежден, их выбор совсем не случаен. Они могли в чем-то ошибиться, не разобратся до конца с нашей психологией, в наших моральных качествах, но в основном они правы. Райков наиболее подходящая кандидатура. У него светлая голова, он способен на неожиданные смелые решения, и над ним не довлеют параграфы бесчисленных инструкций, законов и правил, к которым мы с тобой слишком уж привыкли... А может, просто им понравилась его смелость, нам с тобой в нужный момент ее не хватило. Я вот все думаю, отчего меня они вышвырнули из эксперимента. Думаю и не могу понять... Видишь, как все непросто.

Физик поднялся, и часа два они шли молча. Время от времени он останавливался, чтобы зарисовать крюки пройденного маршрута, и тогда Кибернетик, опустив на землю рюкзак, отходил в сторону, словно лишний раз хотел подчеркнуть свое несогласие с его доводами, свою обиду и нежелание нарушить молчание.

Физик его не торопил, понимая, что сказано уже достаточно и нужно дать ему время. По тому, как он хмурился, как ходили желваки по скулам, Физик понял, что в голове этого молчаливого, мрачного, отчужденного от

всех человека идет напряженная работа мысли, переоценка старых ценностей, оценка новых фактов... Во всяком случае, он на это надеялся.

Километра через три плато начало постепенно подниматься, идти становилось все труднее, но зато совершенно исчез песок, полностью обнажилась полированная, гладкая, как кость, каменная поверхность. Теперь Физик не отрывал от нее глаз, старательно обходя наиболее ровные расселины, иногда нагибался и подолгу изучал камень под ногами. Наконец Кибернетик не выдержал:

— Что ты там ищешь? Ползаешь, как ищейка, по этим камням!

— Я понимаю, что вероятность мала, но все же... Если сложить все наши маршруты, мы обошли порядочный кусок и постепенно замыкаем круг. Странно, что до сих пор не заметили ни одного следа.

— Да чей след может быть в этой мертвой пустыне?

— След нашего робота. Не мог же он испариться?

— Вполне мог. Испарилась же шлюпка, испарилась оболочка наших скафандров.

— Об этом я не подумал, хотя обшивка шлюпки и наши скафандры разрушились не случайно. Нам просто дали понять, что они здесь не нужны.

— Можешь считать, что робот им тоже не нужен. — Минут пятнадцать Кибернетик молчал, надеясь, что Физик поддержит разговор, но тот не стал ему помогать. Наконец он спросил: — Зачем тебе робот?

— У него хорошая память, прочная, с большим объемом. Кроме того, пешком, без транспорта, мы немногого добьемся. Жалкие царапины маршрутов, а вокруг десятки тысяч километров неисследованной поверхности. Там может скрываться все что угодно. Не верю я в мертвый камень. Слишком уж он однозначен. Словно кто-то специально проектировал эту пустыню.

— Скорее всего, так оно и было.

Кибернетик отвернулся и вновь молча пошел вперед. Физик долго стоял неподвижно, глядя ему вслед. На худой фигуре Кибернетика одежда болталась, точно он носил ее с чужого плеча. Куртка местами уже порвалась, неряшливо торчали клочья подкладки, а давно не бри-

тые щеки, оттененные синеватой щетиной, ввалились внутрь.

Усилия доктора поддерживать их всех в определенной форме, не давать опускаться, в случае с Кибернетиком не имели успеха. Бездна ситуации, в которой они оказались, а может быть, и сама эта странная планета, словно рентген, высвечивала в них нечто глубинное, в обычных условиях скрытое от постороннего глаза. Только сегодня он, например, понял, что Кибернетик завидует Райкову. Из всех сил старается этого не показать, но все-таки завидует. «А ты разве нет? — спросил он себя. — Конечно, и я тоже, хотя зависть, наверно, не то слово». Неизвестно еще, является ли благом их дар. Во всяком случае, Райкову труднее, чем любому из нас... Труднее, но интереснее, — тут же поправил он себя, — и потом, не в этом, в общем-то, дело. Каждый из нас невольно спрашивает себя в глубине души, почему они выбрали не меня? Спрашивает, старается найти ответ... Это должен быть очень честный и до конца открытый ответ. Может быть, впервые мы видим себя со стороны, словно бы в увеличивающем зеркале чужого взгляда.

Он догнал Кибернетика, пошел с ним рядом, испытывая жалость к этому человеку, понимая уже, что на Земле у него наверняка не все сложилось удачно, были причины, заставившие его покинуть родную планету. Глубинные, скрытые от всех причины. Еще он испытывал тревогу. Тревогу оттого, что экипаж не подготовлен к невероятно сложной и ответственной задаче, обрушившейся на них неожиданно, как обвал. Здесь должны были бы быть вместо них специально отобранные и подготовленные люди, а не они, рядовые космонавты, со своими слабостями, горестями и обидами. Слишком случаен оказался выбор для того, чтобы судить по нему обо всем человечестве сразу.

— Я хотел тебя, Миша, попросить об одном одолжении...

— Ну? — мрачно пробурчал Кибернетик, не поворачивая и не замедляя шаг.

— Помоги, пожалуйста, Райкову...

— Помочь Райкову? В чем я должен ему помогать?

— Ты к нему несправедлив, держишься с ним слишком резко, слишком отчужденно, ему труднее, чем любому из нас.

— Здесь не школа третьей ступени, а я не нянька.

— Конечно, ты не нянька, но все-таки постарайся, одному мне с этим не справиться.

— Хочешь знать, почему я ушел в разведку? — неожиданно спросил Кибернетик. — Сын у меня погиб в нелепой катастрофе. Взорвался подземный автоматический завод, и он раньше времени полез выяснять причины аварии и не вернулся... Сейчас ему было бы столько же, сколько Райкову, он был талантливым мальчиком. Это он мечтал о дальней разведке, он, а не я. Но мне всегда хотелось узнать, чем она его привлекала, что он хотел найти за пределами круга наших познаний о мире. Я до сих пор стараюсь это понять и не могу...

Он надолго замолчал, словно ждал от Физика каких-то особенных, важных сейчас слов. Но тот лишь молча, ссутулившись, шел рядом, тяжело прихрамывая под своей ношей, словно рюкзак у него стал тяжелее от его слов.

Вернулись они в лагерь поздно вечером.

Оба пришли молчаливые, усталые и подавленные. Кибернетик сразу же ушел в пещеру. А Физик долго стоял рядом с Практикантом. Райкову хотелось избежать предстоящего разговора, но когда Физик спросил: «Может, пройдемся?» — он только кивнул.

— Последнее время ты совсем забросил работу.

— Да.

— Я просил тебя вести дневник, но даже это ты делаешь не очень аккуратно.

— Вчера я заполнил почти за весь месяц.

— Я смотрел. Там совсем нет анализа твоего состояния и ощущений, которые ты испытываешь во время экспериментов.

— Во время экспериментов я не испытываю никаких ощущений.

— И совершенно напрасно. По крайней мере, напрасно не стараешься понять, что ты ощущаешь в момент, когда...

— Дело не во мне. Уверяю тебя, я не ощущаю ничего необычного. Почти ничего.

— Вот это самое «почти».

— Не понимаю, зачем тебе... ну, в общем, сначала я должен представить себе это со всеми деталями, потом напрягаю волю, представляю, как мысленный слепок материализуется, и в какой-то момент что-то срабатывает. Это требует большого напряжения воли и внимания, поэтому случайные мысли-образы не могут материализоваться.

Они спускались по длинной, метров сто, каменной лестнице, ведущей от их жилья до самого дна ущелья. Физик все время шаркал по ступенькам, словно ему трудно было поднимать ноги. Райков подумал, что Физик уже немало лет и что, наверное, это последняя его экспедиция. Но почти сразу же поправился. Для всех них это была последняя экспедиция.

Он упрямо повторил:

— Никому все это не нужно. Вы живете в каком-то сне. Придумали забавы. Надоело...

Вдруг Физик взял его за руку. Практикант вздрогнул, так непривычен был этот простой жест.

— Для Земли не так уж важно, вернемся мы или нет.

Несколько секунд они молча стояли на последних ступеньках лестницы. Вечерние тени уже накрыли дно ущелья, лестницу, клеть подъемника.

— Что же важно? — тихо спросил Практикант. — Что же тогда для нас важно?

— Сохранить и передать людям то, что есть у тебя.

— Но я ведь не знаю самого главного: как это получается. А если бы даже знал, все равно сначала надо вернуться...

— Или передать.

— Передать?

— Ну да. Просто передать тем, кто когда-нибудь прилетит сюда вслед за нами. Сохранить и передать.

— Но что? Что передать?

— Вот это я и стараюсь понять. Ищу все время. И еще мне хотелось бы знать, для чего они все это затеяли. Не верю, что им так уж безразличен результат эксперимента.

— А если прав Миша? Если они хотели доказать нам нашу беспомощность?

— Нельзя забывать, что, решая этот вопрос, они оперировали не нашей, не человеческой логикой, поэтому вряд ли мы когда-нибудь сумеем до конца понять, почему они так решили. Но одно мне ясно: в этой странной игре мы должны выиграть хотя бы несколько очков. Мы с Мишей искали робота, но безуспешно. А сейчас он нам нужен, как никогда.

— Хочешь его использовать как хранилище информации для тех, кто прилетит сюда после нас?

Физик кивнул.

— Но, может быть, его постигла участь шлюпки?

— Не думаю. Вряд ли их интересуют наши механизмы. Кроме того, ты же сам сказал, что они покинули планету до конца эксперимента. А если мы заложим информацию в робота, эксперимент фактически будет продолжаться даже после того, как мы сойдем со сцены...

— Пока что нечего в него закладывать! Нет у нас никакой серьезной информации.

— Да... ты прав... Но ведь здесь, на планете, была гуманоидная цивилизация, по крайней мере ее представители. И если информация, которую тебе передали, верна, именно здесь они учились управлять материей. Должны же были остаться какие-то следы. Нам бы транспорт, хотя бы небольшой вездеход из планетного комплекса, но и его не удалось собрать...

— Я бы мог тебе представить вездеход, даже звездолет, только это будет игрушка, макет. Я уже пробовал.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Да, я видел, как ты пытался одним махом справиться с нашим «ИЗом».

— Может, ты знаешь, почему мне это не удалось?

— Ты и сам это знаешь.

— Но подожди! Тогда надо начинать с малого, с каких-то частей, деталей, все вместе мы могли бы вспомнить! Ведь мы же все знаем о его системах! Знаем, где расположен каждый винтик! Надо изготавливать отдельные части, а потом собирать их в более сложные! Вместо

этого ты меня заставляешь делать какие-то дурацкие упражнения!

— Даже если бы это было возможно, не хватило бы всей нашей жизни. Но это невозможно. Вот, например, генератор защитного поля, довольно простое устройство, в сущности, многослойный конденсатор, правда, слои расположены в пакетах через половину длины альфа-волн, чтобы получить интерференцию. Ты помнишь длины этих волн?

— Ну, приблизительно...

— А еще сдавал мне зачет. Я помню их с точностью до сотых долей ангстрема. Ты можешь вообразить в натуре величину, равную ангстрему? Нет, не можешь. Даже не пытайся, она для твоего сознания слишком абстрактна, потому что неуловима для человеческих органов чувств.

— Делают же эти пакеты на земных заводах!

— Да. Но даже контроль за такими процессами доступен только автоматам. Человек слишком грубое устройство.

Послышался протяжный визг и металлический глухой стук. Прямо напротив них остановилась кабина подъемника. Распахнулась дверца, на площадку лестницы выпрыгнул Кибернетик.

— Вот вы где!.. По-моему, мы никогда не найдем этого робота, и завтрашний поход не имеет смысла.

— Почему ты так думаешь? Мы же только начали поиски! В конце концов, он мог просто застрять где-нибудь из-за мелкой неисправности.

Кибернетик отрицательно покачал головой:

— Ты прекрасно знаешь, что роботы этого типа сами восстанавливают вышедшие из строя детали. У них не может быть мелкой неисправности, и дело совсем не в этом. Задача, предложенная нам, не должна иметь решения. У нас не должно быть ни одного шанса, даже намёка на решение. Никаких роботов с оставленной информацией. Ничего.

— Откуда такой абсолютный пессимизм?

— Только логика. Никакого пессимизма. У них уже был опыт передачи управления материей другой цивилизации. Слишком дорогой опыт. Вряд ли они захотят его

повторить. Скорее всего они решили, как и мы, между прочим, не вмешиваться в развитие других цивилизаций. Космическое право ограничивает контакты. Там есть пункт о невмешательстве в развитие. Цивилизация слишком сложная структура, и никто не может предвидеть последствий такого кардинального вмешательства. Ну вот и все. А дальше уже ясно. Оставлять нас здесь без помощи и без всякой надежды было бы, с их точки зрения, неоправданной жестокостью. Почему бы не предложить нам развлечение в виде этой задачки? Мы будем ломать над ней головы, на что-то надеяться, искать решение — в общем, наша жизнь здесь наполнится несуществующим смыслом.

— В том, что ты говоришь, почти все безупречно.

— Что значит «почти все»?

— Они могли бы ничего не сообщать нам о своих сверхспособностях и просто помочь вернуться.

— Разве тогда человечество оставило бы их в покое? Вернувшись, мы принесли бы с собой известие о существовании в этом районе сверхцивилизации, способной к межзвездным контактам! Да после этого здесь началось бы вавилонское столпотворение. Все крейсера федерации ринулись бы в этот район.

— Я думаю, при их возможностях не так уж трудно пресечь любые нежелательные контакты... Но даже если ты прав, у нас остается шанс... Видишь ли, Миша, если все же мы найдем выход из тупика, найдем способ решения поставленной перед нами, пусть и неразрешимой, с их точки зрения, задачи, я уверен, они выполнят условия соглашения и разрешат человечеству использовать свои необыкновенные возможности.

— В этом-то я как раз и не сомневаюсь; уверен в том, что, даже предложенное нам таким необычным способом, это соглашение имеет для них силу безусловного договора и будет выполнено. Вот именно поэтому они должны были предусмотреть все. И задача не должна иметь решения. Мы не сможем отсюда вырваться никогда. И человечество не узнает, что с нами произошло. Вот вам единственно возможное решение. Другого не будет.

Они надолго замолчали. По узкой горловине ущелья

пронесся первый порыв ветра. Вечером здесь всегда поднимается ветер. Он несет с собой плотные облака пыли и, разбиваясь о каменные стены ущелья, оставляет на всем толстый серый слой. Когда их не станет, ветер очень быстро занесет все. Даже следы, даже память о них... Райков почему-то вспомнил две цепочки следов, оставленных им вместе с Физиком впервые на этой планете... Если Кибернетик прав, все тогда бессмысленно... У них не останется даже надежды. Он не мог с этим согласиться. Никогда бы не смог. Что-то здесь было не так. Кибернетик достал из кармана обрывки провода и, подбросив их на ладони, отшвырнул в сторону.

— Доктору стало хуже. Появилась рвота.

— Не надо было ему есть этот клейстер!

Несколько секунд Райков, не понимая, смотрел на Физика. Что-то в нем происходило в этот миг, что-то очень важное... Смутно мелькала какая-то необходимая, самая главная для них мысль, он чувствовал это и никак не мог за нее ухватиться.

— Доктор меня попросил сделать крахмал. Даже начертил структурную схему молекул... Это было очень сложно — представить себе в пространстве такую схему... Мы все время ищем каких-то сложных решений: чем сложнее задача, тем сложнее решение... И этот путь никуда не ведет. Вот хотя бы крахмал... Мы синтезируем его на Земле с помощью сложнейших автоматов и точных линий, а в природе какая-то несчастная клетка с помощью одного-единственного зерна хлорофилла и нескольких молекул углекислого газа запросто производит сложнейший синтез. А если еще больше усложнить задачу? Попробуйте заставить все автоматы, всю кибернетическую технику Земли собрать один-единственный зародыш растения! С этим они уже не справятся. А природа между тем конструирует сложнейшие и тончайшие системы с заранее заданными параметрами каким-то неуловимым простейшим способом! Берутся две клетки, сливаются вместе — и вот зародыш уже готов!

— Для этого «простого» пути потребовались миллионы лет эволюции.

— Ну и что же? Я говорю о результате, о самом про-

цессе, он прост и предельно результативен. И, значит, способ решения сложной проблемы не обязательно должен быть сложнее самой проблемы! Значит, есть какой-то другой, неожиданный, неизвестный нам путь...

Физик с интересом смотрел на Практиканта.

— И давно тебя стали посещать такие мудрые мысли?

— Подожди... Это очень важно... Что, если именно это мы должны были понять сами, без подсказки с их стороны, прежде чем... Что, если именно в этом смысл эксперимента? Ведь все самое сложное всегда заложено в простейшем, это же диалектика!

— Ты что, лекцию нам читаешь?! — возмутился Кибернетик, с изумлением слушавший этот длинный монолог обычно немногословного Практиканта.

— Да нет же, нет! Я сейчас объясню! Это же... У тебя есть бластер?

— Бластер? При чем тут бластер? Зачем тебе он?

— Сейчас вы поймете. Поставь, пожалуйста, самую большую интенсивность. А теперь смотрите.

Практикант отвернулся от них, и сейчас же прямо посреди песчаной плечи на дне ущелья стал медленно вспухать пропитанный вишневым жаром огромный пузырь расплавленного песка. Прежде чем рассеялись облака едкого дыма, они уже видели, что там образовалось какое-то гигантское яйцо из расплавленного кремния. Его стенки дрожали, меняя форму и очертания, повинуясь давлению полей, созданных волей Практиканта. Потом жар почти сразу спал, дым рассеялся, и они увидели совершенно прозрачное, пустое внутри яйцо, занимавшее потемневшую от копоти площадку метров десяти в поперечнике.

Практикант махнул на него рукой:

— Вот так. А теперь стреляйте.

— Куда стрелять?

— В него.

— Но для чего?

— Стреляйте, тогда поймете.

Кибернетик пожал плечами и дал по хрустальному яйцу целую серию. Лиловые полосы зарядов понеслись вниз и почти тотчас лопнули ослепительными шарами

плазмы. Казалось, в огненном аду, который бушевал внизу, испарятся стены ущелья. Едва спал жар и осели облака пыли, как они снова увидели хрустальное яйцо, которое плавало в луже расплавленного базальта. Оно даже не нагрелось, на стенках играли холодные ледяные отблески.

— Может, повторишь? — На лице Практиканта было написано откровенное торжество, и только необычность момента удерживала его от следующей мальчишеской выходки.

— Но что ты с ним сделал? Как это удалось?

— Я не могу создать генератор нейтринного поля, так?

— Конечно, ты же с этим согласился.

— Я не могу сделать ГЕНЕРАТОР, но не ПОЛЕ. Понятно?! Ведь мы все знаем про это поле! Это же очень простая функция от частицы! Генератор невероятно сложен, а поле есть поле. Вот я и одел в него кремниевую капсулу.

— Защитное нейтринное поле? Поле без генератора?! Но, значит, ты должен непрерывно его поддерживать?

— Ничего подобного! Я связал его с материей самой капсулы. Атомы кремния при воздействии извне распадаются и превращаются в энергетическое нейтринное поле. Это все. Я могу уйти, и вы можете стрелять в него хоть до завтра.

Физик вдруг побледнел, выпустил из рук бластер, который механически передал ему Кибернетик, и тот с глухим стуком упал на ступеньки лестницы.

— Да объясните, наконец, что тут произошло! — закричал Кибернетик.

— Кажется, этот мальчишка все-таки сделал звездолет... — одними губами прошептал Физик.

— Какой звездолет? Где ты видишь здесь звездолет?

— Вот этот прозрачный пузырь... Эта штука может двигаться со скоростью, близкой к световой...

— Что ты несешь? Где здесь двигатели? Где топливо?!

— Там есть нейтринное поле... Достаточно один раз

изменить направление полюсов... А топливом может стать любая материальная масса.

— Вы просто сошли с ума! Оба! Что здесь будет летать? Этот стеклянный пузырь полетит? Да скорей уж я...

— Смотри, — просто сказал Практикант.

Стеклянное яйцо приподнялось и неподвижно повисло в воздухе метрах в четырех над землей. Неожиданно возник тонкий, звенящий звук, словно где-то далеко лопнула струна. Яйцо дрогнуло, размазалось в воздухе и исчезло, оставив после себя сверкающий след раскаленных частичек газа, отметивших его путь до самого горизонта.

9

Постепенно, по мере того как они проходили атмосферу, небо меняло цвет. Сначала из темно-зеленого оно стало салатovým, потом бледно-синим, синим и почти черным. Появились первые точки звезд. Ослепительный шар солнца торчал у них с правого борта. Было очень странно висеть над планетой в совершенно прозрачной и почти невидимой кабине. Движение не ощущалось, только солнце всходило над горизонтом скорее обычного да под ногами стремительно клубилась зеленоватая дымка атмосферы.

— Теперь можно быстрее, — сказал Физик.

Практикант кивнул, и шлем его скафандра смешно качнулся, как у заводной куклы.

Физик настоял, чтобы все они из предосторожности надели скафандры, сохранившиеся в планетном комплексе, и взяли резервные баллоны с кислородом.

Горизонт слегка повернулся, потому что Практикант приподнял нос кабины, и сразу же ускорение вдавило их в спинки сидений с такой силой, что затрещали суставы.

— Осторожнее ты не можешь? — спросил Кибернетик.

— Осторожнее я не могу, — сквозь зубы ответил Практикант. — Я и так дал всего триста метров в секунду.

— Это почти десять «ж»!

— Ты не огорчайся, — тихо сказал Физик, — мы что-нибудь придумаем. В конце концов, перегрузка не самое главное, можно и потерпеть...

Но Практикант не слышал утешений Физика, его мозг лихорадочно работал. Это было похоже на лабиринт. Едва удавалось найти выход, как за ним возникала новая стена! В ушах звенело от перегрузки, и кровь била в виски, как молот. Казалось, легкие лопнут, не было сил вдохнуть. Наконец он сдался и уменьшил ускорение. В корабле, который он построил, не было антиперегрузочных устройств. Их и не могло быть по той же самой причине, которая мешала построить генератор поля.

Только в замороженном состоянии глубокого анабиоза могли перенести люди чудовищные перегрузки во время разгона до межзвездных скоростей.

Практикант не мог построить сложный анабиозный комплекс и не мог отменить основных законов движения, а это означало, что разгон корабля затянется на долгие годы...

— У нас есть корабль, — сказал Физик. — Самое главное ты уже сделал.

Но Практикант знал, что это еще не самое главное. Если они сумеют как-то справиться с перегрузкой или даже пожертвуют десятками лет жизни, все равно этого окажется недостаточно...

Люди учились летать к звездам тысячи лет, и планета так просто не отпустит свою добычу.

Все же он ведет сейчас корабль, и она у него под ногами, планета, отобравшая и подарившая так много.

— Мы на орбите спутника, — сказал он как мог спокойнее. — Что дальше?

— Подымись еще тысяч на десять, — попросил Физик.

Практикант усмехнулся, послушно перемещая ось и напряжение поля. Он знал, что Физик хотел проверить, будет ли его слушаться корабль там, где нет таинственной радиации.

Он поднялся на эти десять тысяч. Теперь планета казалась просто маленьким светлым мячиком, у которого не было имени.

— Почему мы ее до сих пор не назвали?

— Кого? — не понял Доктор.

— Она не была для нас домом, — сказал Физик, — а тюрьмы обычно безымянны.

Практикант развернул корабль так, что солнце, скрывшись за их спинами, погасло, и они как будто повисли среди звезд, ничем не защищенные комочки протоплазмы.

— Ты сможешь подойти ко второй планете этой системы?

— А ты сможешь решить без машины задачу на движение трех и более тел?

— А если направить корабль визуально и постепенно подходить к планете?

— Можно. Но слишком опасно. Мы не знаем ее массы. Гравитационное поле может оказаться таким мощным, что мне потом не вырвать корабль без смертельных для нас ускорений. Надо наблюдать и рассчитывать.

— Я говорил, не надо спешить! Слишком рано вышли в открытый космос, — пробормотал Кибернетик.

— Что вы собираетесь делать дальше? — спросил Доктор.

— Облетим планету по экватору, потом по меридиану, спустимся ниже. И домой.

— Я не об этом. — Доктор протер перчаткой запотевшее стекло скафандра.

— Ну, видишь ли... — начал Физик.

— Разреши, я сам... — попросил Практикант. — Это как наша лестница. Только длиннее. Может быть, без конца. Мы не знаем, где Земля. В какой она стороне. Но даже если бы знали, у нас нет машин, чтобы рассчитать курс. У нас нет антигравитаторов, чтобы снять перегрузки, у нас нет анабиозных ванн, чтобы ждать в них долгие годы, и у нас нет автоматов, которые могли бы управлять кораблем, пока мы будем спать.

— Автоматы нам не нужны, — твердо сказал Физик.

— Почему? — спросил Практикант.

Физик пояснил:

— Достаточно вывести корабль на курс, придать ему

нужное ускорение и создать защитное поле. Все дальнейшее пойдет само собой.

— И будет идти так лет двадцать.

— Может, и тридцать, не в этом дело.

— Я не понимаю! — вдруг закричал Доктор. — Можем мы или не можем лететь к Земле?!

Никто ничего не ответил. Практикант наклонил нос корабля и рванул с такой силой, что от перегрузки вновь перехватило дыхание. Они летели так несколько минут, пока не врезались в газовый шлейф планеты. Огненные протуберанцы вспыхнули и завернулись вокруг защитного поля. Пол и стенки капсулы мелко задрожали.

— Перестань, — попросил Физик.

Когда скорость упала, они вошли в стратосферные облака. Ничего не было видно в светящемся тумане. По границе защитного поля то и дело пробегали ветвистые искры. Иногда холодное пламя обволакивало всю капсулу.

— На какой мы высоте? — спросил Кибернетик.

— Может, пять тысяч метров, а может, десять. Завидная точность, а? Может, впереди скалы или астероид. Я же не локатор, в конце концов, я просто человек.

— У тебя есть поле.

— Если масса препятствия будет равна кораблю, он весь превратится в поле. Вместе с нами.

Облака неожиданно разошлись, и под ними открылся стремительно летящий навстречу ландшафт планеты. Практикант еще больше замедлил скорость. Стали заметны отдельные горные пики, потом промелькнула извилистая прибрежная линия, и целый час тянулась ровная синяя поверхность. Потом опять до самого горизонта раскинулась серая пустыня. Однообразие мертвого пейзажа действовало угнетающе. Они опустились совсем низко и шли теперь зигзагами всего в трех километрах над поверхностью планеты. Вдруг Доктор дернулся в своем кресле и замахал руками:

— Там что-то движется! Вон там, среди тех холмов!

Никто ничего не успел рассмотреть. Холмы мелькнули и пропали. Под ними расстиралось ровное, как стол, базальтовое плато.

Практикант заложил крутой вираж, и через минуту они уже неслись обратно.

По курсу не было никаких холмов. Перешли на поисковую спираль — холмы как в землю провалились. Кибернетик невольно шарил руками по несуществующему пульту в поисках координационных тумблеров, носовых локаторов дальнего обзора и сквозь зубы бормотал ругательства.

Плато пересекала извилистая черная трещина.

Неожиданно на ее краю показалась длинная скачущая тень.

— Правее на двадцать! — крикнул Физик. — Заходи со стороны трещины, не давай ему спрятаться!

Движущийся предмет, видимо, не собирался прятаться. Круто развернувшись, он понесся прочь от трещины, прямо в пустыню.

В облаках пыли нельзя было рассмотреть даже общих контуров того, что там двигалось со скоростью километров двести в час по заваленной обломками и изрытой выбоинами поверхности.

— Ну, теперь он не уйдет! Снижайся!

Это было похоже на охоту. Сверкающая вытянутая капсула то и дело окуналась в облака пыли. Ближе чем на сотню метров подойти не удавалось. Тот, кого они преследовали, очень резко менял направление движения. То и дело они теряли неизвестный предмет из виду, и тогда приходилось подниматься, чтобы найти его вновь. Сверху это походило на гигантскую стрелу или плуг, вспарывающий пустыню. Плотные фонтаны пыли летели в обе стороны широкими литыми струями. Из-за них совершенно ничего не удавалось рассмотреть. Пылевая стрела резко повернула к северу, к гряде гор, над которой они пролетали час назад.

— Так мы его потеряем, — мрачно пообещал Кибернетик.

И тогда Практикант плавно пошел на посадку. Вначале они не поняли, что именно он собирается делать. Капсула мягко, как на салазках, проехала метров сто и резко остановилась. Движением руки Практикант вырубил люк в монолитной стене и выпрыгнул.

Все еще ничего не понимая, они последовали за ним и, только увидев его сосредоточенное лицо и огромный клубок пыли, несущийся издалека к месту посадки, поняли, что он применил силовое поле.

Это был их собственный робот. Не обращая никакого внимания на людей, он рвался изо всех сил в сторону пустыни, туда, куда влекла его заданная программа.

— Выключи его, — попросил Практикант. — Мне тяжело держать.

— Еще бы, — с гордостью сказал Кибернетик. — Почти сорок тонн тяги. — Он бросился прямо под извивающиеся щупальца робота, куда-то ткнул пальцем, и все стихло.

— Не будем задерживаться, — предложил Физик, — тащите его в корабль, уже очень поздно, боюсь, что в темноте мы не найдем лагерь.

Все же они не успели долететь засветло. Темнота застигла их над берегом моря. Пришлось сесть и заночевать в капсуле. Среди ночи Практиканта разбудил Кибернетик.

— С роботом что-то неладно, вставай.

— Может, утром разберемся?

Но Кибернетик тряс его за плечо до тех пор, пока Практикант не приподнялся со своего ложа.

— Ну, что ты от меня хочешь?

— Робот ворочается.

— Как это он может ворочаться, если ты его выключил?

— Не знаю.

— У тебя что, бред?

— А ты сам послушай.

Из грузового отсека доносились какие-то вздохи и неясный шорох.

— Ну, значит, это он рехнулся. В такой обстановке неудивительно. Почти месяц бегал по пустыне.

— Я вынул у него батареи. Весь комплект, хотел проверить и вынул. У него нет батарей. — Даже в темноте было видно, как у Кибернетика дрожат губы.

В грузовом отсеке среди развороченных ящиков и мешков робот царапал стену. Его длинные лапы пооче-

редно медленно проходили вдоль одного и того же места в стене, словно старались ее продавить.

— Посмотри, что с ним!

Практикант приподнял фонарь повыше, но Кибернетик не двинулся с места.

— Я привык иметь дело с роботами, которым нужна энергия, чтобы двигаться.

— Может, это солнечные батареи?

— А где ты видишь здесь солнце?! Сейчас ночь, кроме того, я его выключил!

— Солнца действительно нет.

Практикант медленно подошел к роботу вплотную и, уклоняясь от ритмичных взмахов длинных могучих лап, стал разглядывать его днище.

— Хоть бы показал, где тут у тебя выключатель!

— Да говорю же тебе, он выключен! Видишь, справа тот рычажок стоит на «Стоп»! Я даже предохранительную коробку не завинтил!

— Если в этом положении он включен, то, значит...

Прежде чем Кибернетик успел возразить, Практикант уже повернул выключатель в положение «Включен». В ту же минуту робот превратился в бешеную мельницу, крошащую все вокруг. Практикант едва успел отскочить в сторону. Для наведения защитного поля требовалось какое-то время, секунд пять примерно, и за эти пять секунд робот успел три раза, как таран, броситься на стенку капсулы.

Весь его многотонный корпус гудел и раскачивался.

Кибернетик кричал хриплым, сорванным голосом одни и те же слова команды: «Полная остановка!», «Полная остановка!». Но на робота это не производило ни малейшего впечатления. Наконец Практиканту удалось захватить полями лапы робота, собрать их в единый узел. Робот продолжал дергаться и молотить корпусом в пол капсулы. В дверь отсека ворвались Физик и Доктор. Они что-то кричали, но советы попеременно с ругательствами только увеличили общую суматоху.

Наконец Практикант приподнял робота, выбил другим полем часть стены корабля и вышвырнул робота на-

ружу сквозь этот пролом. Робот сразу же вскочил и бросился в пустыню.

Не сходя с места, Практикант приподнял капсулу вверх. Теперь ему нужен был прожектор. Очень мощный прожектор. Лучше всего разряд в ртутных парах, это просто, и не надо новых материалов...

В днище корпуса вспыхнула ослепительная лампа. Они сразу увидели робота. С этой высоты он походил на зайца, удиравшего от охотника длинными скачками. Капсула двинулась вслед за ним. В проломе засвистел ветер, и пришлось заткнуть его дополнительным силовым полем. Зато капсула уже висела над самым роботом.

Погоню облегчало то, что в этот раз робот не менял ни скорости, ни направления.

— Сделай что-нибудь, зачем эти ночные скачки, — попросил Физик.

— Неплохо узнать, куда он так торопится...

Погоня продолжалась всю ночь. Под утро, когда Практикант почувствовал, что он больше не в силах поддерживать капсулу в воздухе, пришлось приземлиться, поймать робота и заключить его в кокон из силового поля. За его прозрачными невидимыми стенами робот по-прежнему продолжал свой безостановочный бег на месте.

— Два часа отдыха, потом продолжим.

— Объясните, по крайней мере, как он может двигаться без батарей и с выключенной программой? — спросил Доктор.

— Пусть лучше Миша объяснит, это все-таки по его специальности.

— Теоретически это невозможно, — мрачно изрек Кибернетик.

— Может, ты поделишься с нами хотя бы предположениями на этот счет?

— Энергию он может получать только извне; если это не солнечные батареи, значит, он нашел какой-то новый источник. Что касается программы... Робот достаточно автономен и мог выработать собственную, которая, пока была включена основная программа, подавлялась ею, а сейчас, после выключения основной, собственная

программа стала главной. Совершенно для меня непонятно, почему он перестал реагировать на словесные команды.

— Я же говорю, свихнулся от жары.

— В таком случае мы тоже. Погоня за свихнувшимся роботом для изучения его внутреннего мира... В этом что-то есть, — спокойно заметил Доктор.

— Мы должны знать, куда он спешит!

Через два часа робот был отпущен, и капсула с завидной монотонностью понеслась вслед за ним по пустыне, а еще через четыре — на горизонте показалось море. Появился привычный ландшафт невысоких базальтовых холмов, покрытых толстым слоем пыли. Местность становилась все более пересеченной. Робот то и дело скрывался из виду. А после очередного поворота исчез совершенно. Они кружили над скалой, за которой он пропал, целый час, потом приземлились и прошли километра два по широкой дуге, прежде чем нашли след лап, хорошо заметный в пыли. Они прошли по следу еще километра три и вновь вернулись к скале, от которой начали поиск, с другой стороны.

Здесь след обрывался, дальше шла твердая каменная поверхность, им не удалось найти на ней ни одной царапины. Со всех сторон скалу окружал толстый слой серого песка с примесью пыли. На нем был только один след. Робот как сквозь землю провалился.

— Тут его, голубчика, и слопали. Проглотили целиком со всеми металлическими потрохами. Ну, поскольку мы теперь это знаем, — продолжал Доктор, — самое время всем выспаться.

Заснуть удалось одному Кибернетику. Доктор и Физик подсчитывали, сколько лет понадобится на разгон при предельных перегрузках.

Практикант не стал дожидаться результатов. Он встал и медленно побрел прочь. В конце концов, какая разница — десять лет или двенадцать?.. Летали же так люди на заре звездоплавания! Почему бы им не попробовать?

Можно использовать тот ничтожный шанс, что у них есть. Разогнать капсулу в сторону... Вот только в какую

сторону? В любую сторону. Что же им, весь остаток жизни проводить здесь, медленно превращаясь в дикарей? В один прекрасный день он сядет в капсулу, и он будет там не один; даже если Физик решит остаться, все равно с ним будет Доктор... Десять лет, пока будет длиться разгон, они будут жить в крошечном стеклянном мирке среди равнодушного света звезд, и еще двойное ускорение...

Потом, когда пройдут эти десять лет и еще десять на торможение, корабль остановится. Рядом не будет ни одной звезды, потому что невозможно двигаться в космосе без точных расчетов, звезды слишком далеки друг от друга. Океаны пустоты между ними, и только одно солнце... Вот тогда они откроют корабль. Просто вспорют его стены, как консервную банку, и все кончится. Все же это лучше, чем жить без малейшей надежды... Все эти долгие десять лет, пока будет длиться разгон, и еще десять, пока они будут тормозить корабль, им будет казаться, что они летят к Земле. Они будут ее вспоминать...

На палубе глайдера в самом темном уголке сидела девушка... Около нее на пустом столике стоял бокал с каким-то напитком.

— Можно мне посидеть здесь с вами? — спросил он у нее тогда.

— Нет, нельзя.

Но он все-таки сел, и они познакомились. А потом, через несколько дней, он уже не вспоминал случайное дорожное знакомство, потому и ушел так легко в глубокий космос, что думал, будто нет у него никого на Земле... А вот теперь та встреча кажется ему важнее всех звезд. Наверное, это потому, что Ингрид осталась на Земле, и невольно, когда он вспоминает Землю, он вспоминает и ее. Чаще всего тот выпускной вечер в школе третьей ступени, когда она сказала все, что о нем думает: что он эгоист, что у него отвратительный характер и что она даже не будет ему писать. Он тогда долго смеялся: «Какие же могут быть письма в глубокий космос?..»

Но сейчас это уже не казалось ему смешным. Чего стоит все его могущество, вся власть над материей, над

полями и над движением огромных масс, если нельзя получить этого самого ненаписанного письма, и нельзя увидеть ее лицо, и нельзя, как раньше, промчаться на доске сквозь штормовой прибор... Здесь не бывает прибороев и не бывает штормов, здесь многого не бывает, зато здесь без всякой видимой причины исчезают металлические роботы, сорок тонн металла и пластмассы...

Сделав широкий круг незаметно для себя, он теперь вновь подошел к той скале, где исчез след робота.

Ну хорошо, он не может получить с Земли ненаписанное письмо, но что-то он все-таки может? Например, он может разобрать скалу на мелкие части, растереть ее в порошок, если только это поможет выяснить, куда девался робот и чьи эти странные шуточки, ведь они же обещали не вмешиваться...

Небольшое усилие воли, поле должно быть широким и острым, как нож. Сначала он подрежет скалу снизу, приподнимет и отбросит в сторону, чтобы проверить, нет ли в ней каких-нибудь пустот или трещин.

Широкий вал пыли, поднятый силовым полем, уперся в подошву скалы, уперся и остановился. Практикант знал, какая чудовищная сила действует сейчас на подножие скалы. И не мог не удивиться тому, что поле остановилось, наткнувшись на такое ничтожное препятствие, как эта базальтовая скала. Не попытавшись даже разбраться, почему это произошло, он сжал поле в круглый шар, размахнулся и ударил.

Огненный метеор пронесся над его головой и обрушился на скалу. Место, где стоял Практикант, качнулось от мощного подземного толчка.

Ни один, даже самый маленький, осколок не отлетел от странной скалы. Практикант погасил поле и пошел к скале. С другой стороны ему навстречу шли Физик и Кибернетик. Один Доктор не проявил ни малейшего интереса и остался стоять у капсулы.

— Сейчас посмотрим, что это за базальт, мне как-то не пришлось в голову проверить. С виду скала ничем не отличается от остальных.

— С виду здесь все слишком обычно.

Пробоотборник сломался почти сразу. Все же в том

месте, где ударило поле, им удалось найти кусочек чистой поверхности с легко различимой структурой. Базальт казался пропитанным каким-то стекловидным составом.

— Может, попробуем из бластера?

— Бесполезно. — Физик качнул головой. — Сюда ударил заряд в тысячу билиэргов мощности, не меньше, никакой бластер этого не может.

Доктор смотрел на скалу, по которой Практикант только что ударил огненным шаром, качнувшим землю под ногами. Шар погас, а скала выглядела такой же темной и непоколебимой, как раньше. Солнце исчезло за ее вершиной, и теперь скала казалась вырезанной из черной стали. Стальной силуэт на чужом, изумрудном небе... Доктор почувствовал, как отчаяние постепенно скрутило его, заставило медленно опуститься на землю. У него не было больше сил воспринимать чудеса этой планеты, не было сил бороться и надеяться. Они не понимали, наверно, чего ему стоило всегда излучать бодрость, все время быть впереди, следить за своей внешностью, не позволять себе и им опускаться.

Так, значит, лестница... Так сказал Райков, лестница, которая никуда не ведет, где за каждой пройденной ступенькой открывается следующая... Скорее всего, у Кибернетика были причины покинуть Землю... Он никогда не говорил об этом, но Доктор не сомневался — у него были причины... Физик другое дело, для него главное — наука: он может жить этими чудесами, дышать ими, ему не жалко потратить жизнь на разрешение загадки планеты... Практикант еще мальчик, но Доктор уже знал, что именно он его единственный союзник. Единственный человек, который никогда не примет дорогу в одну сторону, дорогу без возврата... «Зачем я здесь? Кто просил меня проходить конкурс, сдавать сложнейшие экзамены и комплексную подготовку в спеццентре? Неужели только желание славы или простое любопытство, желание новых путей вытолкнуло меня из дому? Нет. Скорее всего, нет. У каждого человека наступает в жизни такое время, когда хочется узнать свой предел.

Предел возможностей. Предел выдержки. Запас мужской прочности».

У него этот момент наступил, когда его не взяли в антарктический академический центр, — не прошел по конкурсу.

Именно тогда он решил доказать всем им, и прежде всего самому себе, на что он способен. Именно тогда пришло решение прошибить лбом стенку, прорваться сквозь заслон многочисленных кандидатов в дальнюю космическую разведку — улететь с Земли и гордо взирать из космических далей на ее многочисленные проблемы, на собственную уязвленную гордость. Кажется, ему это удалось. Одного он не мог представить — что у дороги может не быть обратного конца. Время от времени в космосе пропадали экспедиции, случались катастрофы. Но с ним ничего подобного произойти не могло, ему всегда везло, так он думал, так считал до сих пор и теперь знал, что не колеблясь войдет вслед за Практикантом в пустую капсулу, когда придет час.

Физик, Практикант и Кибернетик отошли так далеко, что он не слышал их голосов, видел только размытые силуэты на фоне скалы. Что-то они там искали, что-то опять пытались понять. Загадки сменяли друг друга, им не было конца.

Доктор медленно поднялся и побрел вдоль подошвы скалы по широкому кругу, уводящему в пустыню. Песок был чист и абсолютно ровен. Он подумал, что, наверно, не одну тысячу лет на этой девственной поверхности не отпечатывался ни единый след живого существа. Ведь те, кто жил здесь, те, кто построил эту планету, по словам Практиканта, не имели даже тел. Они не могли оставить следы на этой песчаной пустынной странице. И, выходит, их можно не принимать всерьез, считать выдумкой, бредом, галлюцинацией, чем угодно...

Именно в этот момент он заметил пещеру. Овальный правильный ход вел внутрь скалы. Ему уже была знакома форма такого хода, и он не сомневался в его назначении...

— Идите сюда! — прокричал он остальным, и его

голос глухо понесся вверх вдоль скалы, отражаясь и дробясь многочисленным эхом от ее каменных уступов.

Сразу трудно было что-нибудь понять. Ничто не указывало на искусственное происхождение хода. Это могла быть самая обыкновенная расселина.

— Возможно, скала дала трещину после удара, — заметил Физик.

Один только Доктор не принял этого объяснения.

Они спускались по наклонному дну и, судя по времени, были уже значительно ниже поверхности планеты.

Неожиданно лаз резко вильнул и оборвался. Перед ними открылось огромное пространство, слабо освещенное рассеянным дневным светом.

В полумраке нельзя было рассмотреть противоположных стен гигантской подземной выемки.

Прямо под ними раскинулась странная путаница огромных параллелепипедов, полусфер и усеченных пирамид. В сером неверном свете, пробивавшемся сверху, в переплетении геометрических форм чудилось какое-то движение.

— Это город... — прошептал Физик.

— Это не город, — холодно возразил Доктор.

10

Это не было городом. Это не было ничем привычным.

Геометрические конструкции, выглядевшие сверху не очень большими, оказались до тридцати метров в высоту.

— Может, это минеральная жила? Скопище гигантских кристаллов? — спросил Физик.

— А что? Очень похоже. Видишь те полосатые, отливающие золотом кубы похожи на кристаллы пирита. Странно, что здесь совсем нет пыли и никаких обломков. — Кибернетик недовольно пожал плечами.

— Очень чистое место, — согласился Доктор.

Они обогнули очередную гигантскую пирамиду, загородившую и без того узкий проход.

— Это плохо, что нет пыли, — пробурчал Кибернетик.

— А зачем тебе пыль? — не понял Доктор.

— Нет следов робота, как мы его найдем?

— Мне кажется, он уже выполнил свою роль... — тихо сказал Практикант.

— Ты думаешь, у него специально сменили программу?

— По-моему, они решили, что нам уже можно показывать это место.

— Но зачем, и что это такое?

— Я не знаю, — удрученно сказал Практикант. — Но в переданной мне информации было упоминание о каком-то месте на планете, которое мы должны найти. Наверное, оно имеет отношение к эксперименту...

Стену пирамиды, вдоль которой они шли, пересекала широкая неровная трещина. Они увидели ее не сразу, слишком маленькое пространство выхватывали из мрака их тусклые фонари. Зато теперь, остановившись около пролома, они обнаружили, что толщина стен пирамиды не превышает полуметра.

— Пустые... Значит, внутри они пустые. Но тогда это не кристаллы.

В желтоватых конусах света аккумуляторных фонарей внутренности расколотой пирамиды казались мозаикой темных и светлых пятен.

— Похоже на здание со снятой передней стенкой.

— Мне это напоминает срез живой ткани под микроскопом, — неожиданно твердо сказал Доктор. — Видите, это стенки клеток, а вон там — сосуды.

— В такой клетке свободно поместятся два слона.

— Думаешь, это окаменелости? — спросил Физик.

— Если бы не размеры, я бы в это поверил.

Нижний ряд ячеек, разорванных трещиной, напоминал небольшие комнаты правильной геометрической формы.

— Восьмигранные призмы. Не очень смахивает на клетку, а?

— Да... — задумчиво сказал Доктор. — Живая клет-

ка не в ладах с геометрией, а эти ячейки слишком похожи друг на друга.

— Не совсем, — мрачно сказал Кибернетик. — Во второй от края есть ход.

— Где?

— Да вон там, левее.

— Может быть, на сегодня хватит? — спросил Физик. — Давайте отложим на завтра дальнейшие исследования.

Все валились с ног от усталости, и предложение Физика не вызвало возражений.

Поздно ночью Райкова разбудил Доктор.

— Не могу я спать, Дима, — пожаловался он. — Все время перед глазами этот «улей». Что-то в нем есть очень знакомое, а что — не могу понять. Давай еще раз посмотри, ты не возражаешь?

— Может быть... лучше завтра?

— Ну, какая тебе разница! Конечно, если не хочешь, я пойду один. Мне очень важно посмотреть на него именно сейчас. Мне кажется, я вспомню нечто важное, а до утра все забудется; вначале я думал, что это новый лабиринт для крыс. Но там нет лабиринта. Кто знает, может быть, стоит попробовать еще раз, прежде чем мы сядем в ту капсулу... — Больше он ничего не добавил и не сомневался, что после этой фразы Райков не сможет ему отказать.

— Небось Физика ты не стал будить, знал, что с ним этот номер не пройдет!

Поворчав еще немного, Практикант вылез из мешка. Ночь здесь была очень светлой, гораздо светлее, чем в ущелье. Фиолетовое свечение атмосферы пропитало все предметы призрачным светом. Не было даже теней.

До пирамиды они добрались без всяких приключений. Ватная тишина подземелья действовала угнетающе, и Практикант пожалел, что поддался на уговоры Доктора.

Доктор отрешенно разглядывал каменные ячейки.

— Ну что, — нетерпеливо спросил Практикант, — может быть, хватит? Пойдем обратно?

— Ты заметил, от периферии к центру площади геометрия тел усложняется, с каждым рядом сингония на

порядок выше. Сначала это пирамиды и конусы, потом гексаэдры, октаэдры и так далее...

— Ну и что?

— Я никогда не любил математику. А здесь на меня это действует, неужели ты не чувствуешь? Тут что-то грандиозное, какая-то застывшая мелодия. В этих фигурах, линиях есть стройность, логическая завершенность, словно кто-то решал неизвестное уравнение, а вместо графиков чертил пространственные объемные фигуры. Ошибался. Начинал сначала. Все ближе и ближе подходил к решению, но так и не смог довести до конца свою титаническую работу. Намечено, логично развито — и не закончено... Почти понятно, и все же невозможно ухватить суть. Словно гонишься за собственным хвостом, все время увеличивая скорость, кажется, что решение близко, совсем рядом...

Геометрический лабиринт чем-то походит на живую материю, и в то же время он страшно чужой, даже враждебный ей... Живая материя хаотична и непоследовательна в своем развитии. Она эмпирична. Здесь все иначе... А если это оттого, что наш опыт не в состоянии подвести математический фундамент под биологию? Может быть, поэтому мы не можем понять? А, как ты думаешь?

— Не знаю. Кроме каменных стен, я ничего здесь не вижу. Никакого смысла.

— Жаль... Мне казалось, ты должен понимать лучше...

— Думаешь, после контакта я стал другим? Что-то во мне изменилось?

— Такое сильное воздействие не могло пройти бесследно. Их логика и разум должны были стать тебе понятней. Но, наверно, я ошибся. Ничего. Все равно мы в этом разберемся. Должны разобраться. Слишком это нужно Земле.

— А ты все еще веришь, что мы сможем вернуться?

— Ничего я не знаю, кроме того, что мы не остановимся. Будем до конца бороться за то, чтобы передать Земле все, что мы уже знаем и что еще узнаем на этой

планете. Подожди меня здесь. Я хочу посмотреть, как выглядят эти ячейки изнутри.

— Пойдем вместе.

— У меня такое ощущение, что человек должен входить туда один.

Доктор шагнул к пролому и почти сразу пропал в темноте.

Практикант опустил на камень. В абсолютной неподвижности и тишине подземелья, казалось, остановилось даже время.

Доктор уверенно свернул направо, словно кто-то позвал его. Прошел через длинную галерею одинаковых цилиндрических ячеек и еще раз повернул направо. Небольшая восьмигранная ячейка, в которую он вошел, почти ничем не отличалась от предыдущих. Но в центре стояло странное сооружение. Доктор направил на него луч фонаря.

— Похоже на каменное кресло... А сидеть в нем должно быть удобно, только холодновато, наверное...

Он приподнял фонарь и увидел, что потолок ячейки напоминает сферическое зеркало. Зеркало было совершенно черным и блестящим. Прикинув фокус сферической поверхности потолка, Доктор решил, что он должен оказаться как раз на уровне головы сидящего в кресле человека, если только там должен был сидеть человек... Ну что же, собственно, только это ему и осталось проверить, за этим он и пришел...

Какой-то очень знакомый звук послышался Доктору. Звук из далекого детства. Он не сразу понял, не сразу узнал его, но, почему-то улыбнувшись, сел в кресло и, уже сидя, словно в тумане, вспомнил, что звук был похож на школьный звонок. Потом звук стал нотой выше, перешел в надоедливый комариный писк, будто в затылок человеку входило противно визжащее сверло.

Доктор задвигался, усаживаясь поудобнее. Звук стал гораздо громче, ниже тоном. Теперь он больше всего походил на сердитое гудение большого шмеля, запутавшегося в траве... Одновременно Доктору показалось, что на потолке движется какая-то тень. Нет, не тень. Скорее, туманное светлое пятнышко, более светлое, чем общий

фон потолка. И не одно. Вот еще, и следующее. Все бегут от периферии к центру, там гаснут, на смену им бегут новые. Контуры неясны, размыты, и ничтожен контраст, на пороге его зрения едва уловимая тень. Доктор повернул голову и сразу обнаружил, что тон непонятного звука связан с местоположением его головы, а еще через минуту установил, что звук становится наиболее громким, если голова находится точно в фокусе каменного зеркала потолка.

Постепенно звук усиливался. Теперь он напоминал рев морской сирены. Светлые пятна на потолке обрели четкие реальные контуры, но не стали от этого понятнее. По-прежнему в их рисунке Доктор не мог уловить ни одной знакомой черты. Сейчас они шли ровными, ритмичными волнами от края к центру и обратно. Согласно с их движением то затихал, то поднимался во всю мощь рев корабельной сирены. Краешком сознания Доктор понимал, что никакого рева на самом деле нет, что это просто слуховая галлюцинация. Он слышал звук не ушами, а как будто всем черепом, но это не имело никакого значения, он словно попал в шторм в крошечной лодке, и огромные валы швыряют его то вверх, то вниз, то затихают, то нарастают вновь. Ритм постепенно ускорялся, меняя амплитуду своих колебаний, первая серия становилась длиннее, вторая — короче. Сознание затягивала пелена. Доктор еще не совсем потерял контроль над собой и, наверное, мог бы усилием воли вернуть четкость мысли, но тогда он ничего не поймет и не узнает... Надо сидеть спокойно, не шевелиться, вслушиваться в могучий пульсирующий звук, всматриваться в картину бегущих теней на потолке и ни о чем постороннем не думать... Наверное, их альфа-ритм не совсем совпадает с нашим, и ему еще повезло... Это была его последняя мысль.

Мир изменился, словно кто-то тронул наводку на резкость. Так бывает, если долго смотреть в одну точку на какой-нибудь рисунок в книге: сначала он расплывается, потом двоится. Так двоилось сейчас его сознание. Одной его частью он видел себя так, словно наблюдал за посторонним человеком в безжалостном ослепительном свете прожекторов. Человек, сидящий в каменном крес-

ле, смертельно устал и потерял надежду вернуться домой. Он маскировал от товарищей свою усталость за ежедневными шутками. Маленький, слабый человек. Рядом с ним были тайны громадной планеты, но ему не было до нее никакого дела. Что ему чужая планета? Равнодушен сидящий неподвижно человек. В его одежде запутались каменные крошки. Он видел картины из своей жизни, далекие картины, о которых хотел когда-то забыть, чтобы простить себе невольные ошибки; но оказалось, что на самом деле он их не забывал, и именно эта скрытая память делала его сильнее.

Картины вставали в памяти и тут же материализовались в зрительные четкие образы. Забавно... Прийти в кино посмотреть свою память... Нет, не всю память он просматривает. Только то, что нужно. Нужно? Но для чего? Вот этого пока не понять. Рано еще понимать. Сначала надо вспомнить раскаленный песок чужой планеты, чуть накренившуюся шляпку, двух человек, страшно одиноких здесь... Он говорил Кибернетику разные правильные, нужные слова, а сам весь внутренне сжимался от страха за свою драгоценную жизнь. Ничего в этом не было плохого, а плохо было то, что простое желание жить он замаскировал очень серьезными и красивыми доводами о борьбе с планетой, о праве доказать свою способность выжить и еще многое... Сейчас он выметал из памяти весь этот сор, чтобы сделать ее яснее и чище, чтобы знать, что именно делало его сильным, а что унижало и угнетало его человеческое достоинство.

Он обязан быть сильнее своих товарищей, поддерживать в них мужество. Нелегко? Конечно, нелегко, но раз уж он стал космическим врачом, значит, должен стоять свою вахту до конца. Не очень хорошо он это делал, и не нравился ему сейчас неподвижно сидящий человек, неуживчивый и колючий, ничего не умеющий толком, вот даже разобратся в том, для чего сделаны эти сооружения... Вместо того чтобы искать разгадку, он валяется в психическом трансе в этом классе... Почему класс? Ну да, на Земле это бы назвали классом или тренировочным стендом. Название не имеет значения.

Важно лишь то, для чего все это сделано и сумеет ли он понять, а потом сохранить рассудок и память... Впро-

чем, его сейчас мало трогала судьба Доктора, она стала для него просто символом в сложном уравнении, которое он решал и от решения которого зависело нечто большее, чем его судьба. В это уравнение каким-то образом входили и его теперешние раздумья, и вторая, внешняя сторона его раздвоившегося мира.

Мысли получались выпуклыми и четкими, словно их гравировали на черном камне. При этом они оставались подконтрольны его сознанию. Похожее чувство возникает, вспомнил он, если надеть шлем машины, стимулирующей творческие процессы, только там это не доставляет радости и не порождает ощущения огромной ответственности, которое возникло здесь. Словно он строил наяву все эти воображаемые конструкции и отвечал за все, что происходило внутри их, и за конечный результат. Контакт с машиной не мог оставить после себя такого ощущения зрелости, приобретенного эмоционального опыта.

Когда перед глазами рассеялись последние остатки смутных теней, его аккумуляторный фонарь почти совсем погас. Тлел только маленький красный огонек нити... Совсем разрядилась батарея, значит, все это продолжалось несколько часов... Это была первая его сознательная мысль. От пола тянуло пронзительным холодом. Странно, что он вообще еще может что-то ощущать, просидев неподвижно так долго на холодном камне.

Ничто уже не двигалось на потолке ячейки, и не было никакого звука. С удивлением он понял, что, пока он был без сознания, кресло приподнялось, ушло из фокуса потолка вместе с полом, если только все это не приснилось ему. Небольшая галлюцинация, маленький психический транс...

Он знал, что это не так. И убедился в этом еще раз, когда обнаружил, что приподнявшийся пол закрывал теперь выход из ячейки. Почему-то это его несколько не беспокоило. Будет у него выход, раз он ему нужен. И действительно, как только он так подумал, пол очень медленно, плавно и совершенно беззвучно пошел вниз.

Маленькую рожицу на берегу моря заметно потрепали ветры планеты. Она казалась взъерошенной и совсем ненастоящей. По-прежнему нельзя было купаться и ло-

вить рыбу в этом чужом море, и все же именно сюда они всегда прилетали, когда хотели обсудить что-то особенно важное.

Доктор лепил из песка странные геометрические фигуры и неторопливо по порядку рассказывал. Только в самом конце он поднялся, чтобы швырнуть в море острый каменный осколок, на котором до этого лежал, но так и не успел, потому что вопрос Кибернетика заставил его задуматься.

— Что же, под полом был какой-нибудь механизм, обеспечивающий его движение, или ты не заметил? — спросил Кибернетик.

— Не было там никакого механизма. Во всяком случае, так кажется, — тут же поправился Доктор. Почему-то теперь он избегал резких категорических суждений. — Не думаю, чтобы там был какой-нибудь механизм. Им, видимо, незнакомо само понятие механизма. Механизм — это только передатчик между нашим желанием и природой, в которой он помогает нам произвести нужное изменение, но требует за это слишком дорогую цену.

— А с них природа, по-твоему, не требует никакой цены?

— Они сумели обойтись без передатчиков. Проникли в самую сущность материи, научились управлять ее полями и преобразованиями без всяких механизмов.

— Но ведь это ОНИ проникли. ОНИ умеют управлять, — тихо возразил Физик. — А пол опустился по ТВОЕМУ желанию.

Несколько секунд Доктор не мигая смотрел на Физика. И даже под загаром было видно, как побледнело его лицо. Вдруг он осторожно разжал руки, до сих пор сжимавшие острый тяжелый камень. Камень неподвижно повис в метре над землей, потом приподнялся, и Доктор взял его снова.

— Вот это я и хотел сказать, — все так же тихо проговорил Физик. — Значит, и ты тоже. Значит, это вообще может каждый... каждый человек...

Табак у них кончился давно, и Доктор курил сухую хлореллу. Запах горелого сена заставлял его морщиться.

Практикант отыскал его среди камней по запаху жженой хлореллы. Увидев Практиканта, Доктор внутренне сжался, потому что знал, что больше не удастся отложить предстоящий разговор. Практикант начал не сразу. С минуту он молча стоял рядом и разглядывал вершины далеких холмов, едва заметных с того места, где теперь был их лагерь.

— Как ты думаешь, почему они прятались?

— Куда прятались? — не сразу понял Доктор.

— Почему они прятались под землю?

— Может быть, они стремились сохранить естественность на этой планете. Красота — это прежде всего естественность. Наверное, она была важна для тех, кто здесь обучался. Вовсе они не прятались. Берегли планету. Берегли ее синее небо и зеленое море в шершавых каменных берегах... Берегли все таким, какое оно есть, потому что любили...

— Наверное, ты прав. — С минуту Практикант молчал, словно собирался с силами, он даже смотрел сейчас не на Доктора, так ему было легче спросить: — Помнишь, там, в пустыне, ты говорил о старте... Ты не передумал?

— Я не полечу. — Доктор ответил сразу одной фразой и невольно проглотил застрявший в горле комок.

— Не полетишь?... — Райкову показалось, что мир вокруг него потемнел и сомкнулся. — Ты сказал, не полетишь, да?

— Я не могу.

— Но ты же... ты же сам спрашивал, когда наконец будет старт, ты же так этого хотел!

— Видишь ли, теперь это решение уже не принадлежит мне. Ты меня прости...

— Кому же принадлежит твое решение? — одними губами спросил Практикант, и Доктор невольно отметил, какие у него сейчас мертвые губы.

— Тем, кто там, на Земле. Я не могу рисковать.

— Объясни, — тихо попросил Практикант.

— Я попробую... Люди еще ничего не знают. Продолжают создавать миллионы ненужных вещей... О том, что можно по-другому, сегодня знаем только мы. Собст-

венно, по-настоящему только я, потому что мне посчастливилось познакомиться не с результатом, не с подарком, как это было с тобой, а с процессом, с дорогой, по которой может пройти каждый. Человечество не может рассчитывать на подарки... Земля должна получить это знание, и поэтому я не могу рисковать.

— Но оттого, что ты сидишь здесь!.. — закричал Практикант, и Доктор остановил его, попросил подождать, потому что почувствовал, что именно сейчас, сию минуту он найдет решение.

Оно было совсем близко, рядом. Практикант что-то продолжал кричать, но Доктор не слышал его, потому что уже знал, что надо делать. Не до конца, не совсем ясно, но главное знал. И даже понимал, что именно отчаяние, оттого что он причинял этому мальчишке такую боль, помогло ему понять...

— Да погоди ты минутку! — закричал Доктор, и Практикант наконец замолчал. — Погоди... — уже тихо попросил Доктор. — Мы прошибаем лбом стену, все время куда-то ломимся и почти забыли о Земле... Десяток световых лет изолировал наше сознание, создал иллюзию одиночества во Вселенной, но ведь это не так. У нас нет звездолетов, способных преодолеть бездну пространства, зато они есть на Земле...

— Ты что, издеваешься надо мной?!

— У нас есть выход! Совсем простой выход. Вместо того чтобы лететь к Земле почти на верную гибель, надо позвать ее...

— Позвать Землю?!

— Вот именно — позвать Землю. А для этого послать сигнал. Всего лишь послать сигнал. Это проще, а главное — надежнее, потому что сигнал можно посылать многократно, а лететь самим лишь однажды!

— Но какой сигнал ты собираешься посылать и как?!

— Этого я не знаю. Это вам с Физиком виднее. Но если ты уверен, что сможешь доставить в Солнечную систему целый корабль, то постарайся туда отправить сигнал. Это все-таки легче, хотя бы по весу.

— Но у нас ведь нет передатчика!

— А зачем тебе передатчик? Зачем тебе передатчик, если ты сумел сделать поле без генератора? Кто нам мешает превратить материю непосредственно в поток радиоволн или модулированное рентгеновское излучение, если оно надежнее?

11

— Я запрещаю всякие эксперименты с превращением материи в энергию непосредственно на планете, — твердо сказал Физик. — Реакция может выйти из-под контроля, и тогда вы всю планету превратите в радиоизлучение. И я не уверен, что даже в этом случае хватит мощности. Слишком велико расстояние. Десять световых лет... Можно попробовать. Возможно, какой-нибудь корабль случайно уловит наш сигнал, но шансы слишком малы, почти ничтожны... Конечно, придется попробовать, но только не на планете. Построим искусственный спутник за пределами атмосферы, рассчитаем орбиту и время... Мы даже не знаем, в какую сторону нужно направить сигнал.

— Мы будем направлять его во все стороны, — стиснув зубы, ответил Доктор. — Мы построим десять спутников, сто, если понадобится, и мы будем звать Землю...

Доктор и Практикант стояли на остроконечном выступе скалы, ставшей частью искусственного спутника планеты.

— До сих пор не верю, что нам это удалось, — задумчиво проговорил Доктор.

— Может быть, напрасно решили транспортировать сюда эти скалы отдельно друг от друга? Надо было попробовать вывести на орбиту сразу всю необходимую массу.

— Чем массивней скала, тем труднее с ней справиться. У тебя разве не так? — Практикант пренебрежительно пожал плечами.

— Для меня безразлична любая масса. Я ее просто не чувствую, волевое усилие в каждом случае одинаково.

— Наверняка там были другие ступени...

— О чем ты?

— О школе... Иногда я чувствую себя студентом, не успевшим пройти полный курс.

С минуту они молча смотрели на зеленое светило. Отсюда оно казалось лохматым и непривычно резким. На черном фоне лишенного атмосферы неба даже сквозь светофильтры можно было различить четкий силуэт короны. Доктор поежился.

— Черт знает что за звезды! Я все время чувствую давление на поле, такой мощный поток...

— Физик говорит, что она очень сильно излучает в жестком рентгеновском диапазоне. Стоит ослабить поле, и не спасут никакие скафандры.

— Очень трудно работать, когда одновременно приходится управлять полем. Вначале я думал, ничего не получится.

— Все у тебя получилось. Никак не могу представить, что через час эти скалы превратятся в пучок радиоволн, как ты думаешь, в расчетах нет ошибки?

— Физик и Кибернетик считали отдельно. Потом сверились. Ширина радиолуча будет в два раза шире района, где может находиться Солнце. Жаль, что не удалось определить более точные границы. Излучение было бы сильнее. А так придется захватить лучевым конусом добрый десяток светолет.

— Нам пора. Они уже заждались, наверное.

— Сейчас. Видишь, еще не совсем погашено вращение. Нужна точная ориентация.

Астероид качнулся. Планета с правой стороны небосклона перескочила на левую. Звезда над их головами выписывала сложные зигзаги. Наконец успокоилась и она.

— Ну вот, так, кажется, в самый раз... Можно двигаться.

Они одновременно оттолкнулись и унеслись в пространство. Обе фигуры на фоне гигантских скал спутника выглядели уродливыми карликами из-за огромных рюкзаков, набитых камнями. Камни служили топливом для индивидуальных защитных полей. Доктор перед каждой экспедицией придирчиво взвешивал эти рюкзаки. Капсула, висевшая километрах в двадцати над спут-

ником, казалась небольшим светящимся веретеном. Доктор неточно направил силовую ось своего поля, и в середине пути их траектории стали расходиться. Пришлось догнать его и подать линь. Не хотелось дожидаться, пока он сам исправит ошибку. Через несколько минут они уже входили в центральный салон новой большой капсулы, построенной Практикантом специально для этих работ по сооружению спутника. Все так давно ждали последней минуты, что не было ни вопросов, ни разговоров.

Практикант прошел в носовую часть капсулы, отделенную от остального корабля и затененную так, чтобы во время работы видеть только нужный сектор неба. Несколько секунд он сидел расслабившись, внимательно разглядывая угловатый ребристый обломок, на создание которого они потратили два месяца каторжной работы и который он должен был сейчас разрушить. Там вначале возникнет крошечная искорка, звездочка распада, затем всю энергию надо будет сдвинуть в невидимый спектр радиодиапазона, и скалы начнут таять, как сахар, превращаясь в биллионы мегаватт энергии, летящей к земному Солнцу... Если все пойдет хорошо, через десять лет земные радиотелескопы сквозь дикий треск и вой космических помех уловят это сообщение... Если уловят...

Пора начинать... Он повторил себе это дважды, чтобы лучше собраться и отключиться от всего лишнего. Во время операции ему одновременно придется регулировать сразу несколько параметров и помнить десятки различных вещей. Он представил себе летящую от корабля через космос невидимую пока искру. Вот она подошла вплотную к спутнику, опустилась на поверхность скал... Ничего не случилось, только вокруг защитного поля побежали радужные разводы. Значит, поле полностью экранирует космос от его воздействия... Надо попробовать еще раз. Остановил же он сорвавшуюся у Доктора скалу, не снимая защитного поля!

Снова и снова вспыхивали вокруг поля ослепительные сполохи, и все так же висела в двадцати километрах от них неизменная ребристая тень. Райков хотел было проделать в поле небольшое отверстие, но тут же вспомнил, что процесс будет продолжаться не меньше часа и

на такое время нельзя раскрывать капсулу: они все погибнут от излучения... Значит, есть только один выход. Ему придется выйти наружу. Это намного сложнее и опасней, но, если правильно отрегулировать поле и держаться так, чтобы скалы спутника экранировали его от излучения звезды в тот момент, когда он снимет защитное поле, ничего страшного не случится.

Он встал и отодвинул непрозрачную дверцу отсека. По их лицам он понял, что объяснять ничего не нужно. Он даже думал, что молча удастся надеть скафандры и пройти в кормовой отсек, но Физик все-таки остановил его:

— Интересно, что ты будешь делать, если излучение пробьется через астероид, особенно в конце реакции, когда ничего не останется от скал?

— Там будет видно...

— А если серьезно?

— А если серьезно, то нам придется передать сообщение.

— Тогда разрешите, я попробую, — сказал Доктор бодрым тоном.

— Будет очень трудно управлять полем, и потребуются большая мощность воздействия.

— Вот потому-то я и хочу попробовать. До сих пор я только помогал Райкову, а сейчас хочу сам. Вы уж мне разрешите. — И Доктор решительно взял свой скафандр.

— Никто туда не полезет, — твердо сказал Физик. — Мы что-нибудь придумаем. Что-нибудь другое.

— Нет, — сказал Практикант. — Больше мы уже ничего не придумаем. Сегодня к Земле пойдет сигнал.

Он прошел мимо них и уже взялся за ручку дверцы отсека, когда Физик крикнул:

— Вернись!

Практикант повернулся и что-то хотел ответить, но в этот момент корабль резко трянуло, перед глазами у них все поплыло, а когда предметы обрели прежнюю четкость, в отсеке не было Доктора. Они не сразу поняли, что произошло, и даже потом, заметив у самого асте-

роида летящую искорку, они все еще не понимали, как это Доктору удалось.

— Ты сможешь его вернуть? — спросил Физик.

— Не знаю. Мы никогда не пробовали противопоставить друг другу эти силы. Наверное, смогу. Но для этого придется снять поле.

— Как он это сделал?

— Ну, мгновенно выйти в пространство, не пользуясь дверями, для него не составило труда. А потом он толкнул капсулу своим полем. Было восемь «ж», не меньше. Секунды на две мы потеряли контроль. — Практикант пожал плечами. — Сейчас я попробую его догнать и...

Он не успел закончить. На одной из вершин астероида вдруг вспыхнула ослепительная синяя искорка, сейчас же погасла, и скала стала медленно исчезать у них на глазах.

Кибернетик бросился к Практиканту и рванул тумблер рации на поясе его скафандра. Стены корабля вздрогнули от пронзительного, терзающего уши воя.

— Я знал, что ему не справиться с частотой, — с горечью прошептал Практикант. — Только бы он не перешел на импульсную передачу, только бы не вздумал...

Но он уже видел, как на месте астероида вспухает огненно-красный клубок огня совсем рядом с маленькой светлой точкой, которая в эту секунду все еще была Доктором. И прежде чем пришла другая секунда, когда Доктора уже не было, Практикант успел разорвать защитное поле. Он рванул в космос так, как привык летать в небе зеленой планеты, даже не вспомнив о защитном поле. Все же какое-то поле, видимо, возникло просто потому, что он знал, что с ним ничего не случится. Не должно с ним сейчас ничего случиться, пока он не будет там, рядом с Доктором... А может, и не было никакого поля, наверное, можно было управлять летящими частицами материи без всякого поля. В этом еще предстояло разобраться физикам Земли, и ни о чем таком не думал Практикант, потому что важнее всего ему было увеличить скорость. И он ее, кажется, увеличил.

Огненный шар перед ним стал распухать необычайно

быстро, заполняя все пространство, весь его горизонт... Наверное, именно в этот момент он ощутил, как отчаяние переходит в ярость. В ярость на слепые, чудовищные силы, бушевавшие перед ним, опередившие его движение, его мысль. Вдруг он резко остановился, потому что верил, что мысль может быть быстрее и сильнее атомного поля, охватившего горизонт. Он вытянул ему навстречу свои огромные сильные руки, и это было все равно что уголь взять в ладони; он даже почувствовал боль от ожога и не почувствовал слез, высыхающих на его щеках... Уголь можно раздавить, погасить между сжатыми ладонями... Это он знал... Это он просто знал и не удивился, когда впереди исчезли огненные сполохи и вместо них клубился теперь холодный туман каменной пыли... Среди ее пылинок в бесконечном круговороте атомов осталось все, что секунду назад было Доктором... И никогда уже он не услышит его спокойного голоса... Что-то он говорил ему, что-то важное про это сообщение, про то, что они не имеют права рисковать... Но главное — про сообщение, он очень хотел передать его Земле... Теперь у них нет даже астероида, а есть звезда, огненный шар плазмы, рассеявший в космосе смертоносные лучи, которых так боялся Доктор, не за себя боялся... Практикант повернулся лицом к звезде. Он уже не видел мертвой холодной пыли, в которую только что превратился астероид. Видел огненный шар звезды, ее зеленую корону, ежесекундно выбрасывающую в космос потоки энергии, той самой энергии, которая так нужна была Доктору для его сообщения, которая убила его... И, еще не соображая в точности, что он делает, Практикант протянул к звезде руки, словно она была огненным мячиком, шариком плазмы, детской игрушкой, астероидом, взрывом, который он только что погасил...

От страшного напряжения раскалывалась голова. Сколько это длилось? Секунду? Вечность? Казалось, время вокруг него остановилось. Практикант чувствовал, что задыхается, что сейчас он не выдержит, ослабит поле и тогда гигантская мощь излучения звезды, сжатая им за эту секунду, обрушится на них, как обвал, неудержимым смертоносным потоком. В этот миг что-то изме-

нилось. Словно дрогнули вокруг него в пространстве невидимые струны, словно невидимые руки протянулись к нему отовсюду... Словно неслышные голоса шептали: «Мы здесь, мы с тобой... Скажи, что надо сделать еще. Теперь ты не один на звездных дорогах, человек...»

Практикант стал управляющим центром какой-то огромной системы, к ней подключались все новые и новые звенья, наращивали мощность, чтобы справиться с грандиозной задачей, которую он уже решил за мгновение до этого, и вот только сил не хватило... Теперь эти силы были.

Сквозь пространство и время, сквозь необозримые бездны космоса летели слова, деловые слова сообщения, которое не успел передать Доктор:

«Всем радиостанциям! Всем кораблям! Экипаж звездолета «ИЗ-2» вызывает Землю. Получено согласие на контакт с межзвездной цивилизацией. Срочно высылайте корабли в район передачи».

Дежурному оператору астрономических лунных станций показалось, что он сошел с ума: в шесть часов тридцать минут по Гринвичу безымянная звезда номер 412-бис из созвездия Водолея начала передавать свое сообщение обыкновенной земной морзянкой.

ВЕСТА

ПОВЕСТЬ

Морская биологическая станция расположилась в стороне от пляжей, километрах в двадцати от города, и мне приходилось три раза в неделю ездить туда за пробами воды, которые потом обрабатывались в институтской лаборатории. Конечно, можно было послать своего младшего научного сотрудника Гвельтова или, на худой конец, лаборантку, но мне нравились эти неспешные поездки вдоль моря, отрывающие от надоевшей институтской суеты, дающие возможность спокойно обдумать предстоящую серию опытов или составить план очередного эксперимента. Да и на станции, зная о частых наездах начальника лаборатории, лучше выполняли порученную им работу.

В этот хорошо запомнившийся мне день, двадцатого октября, все не ладилось с самого начала. Долго ждал, покаотрегулируют заикапризничавший лодочный мотор, потом в пробах обнаружались посторонние примеси, занесенные течением из порта, и пришлось повторять сначала всю серию.

В город я выехал поздно. Еще с обеда начал накрапывать дождь. Октябрь в этом году выдался хмурым и непогожим, и вообще за последнее время я стал замечать, что с каждым прожитым годом погода становится все хуже.

К вечеру дождь разошелся в полную силу, вначале я хотел оставить машину на станции и вернуться домой автобусом, но, вспомнив, что на следующий день придется сюда тащиться специально за ней, раздумал.

Городское шоссе в вечерний непогожий час выгляде-

ло совершенно пустынным. Оно и неудивительно. На пляжи в это время года никто не ездил, а многочисленные мелкие пансионаты и гостиницы, расположенные вдоль побережья, пустовали, переживая самое начало долгой поры межсезонья, заполненной туманами, холодами и дождями, нагнанными на побережье осенними морскими циклонами.

Говорят, что дождь способен влиять на поступки людей. Возможно, это так и есть. Очевидно, монотонный шум, холодные, проникающие всюду брызги, влажный воздух, насыщенный электричеством, подавляют человеческую психику, навязывая необычные поступки. Не знаю. Уверен только в одном: затормозив перед развилкой, я свернул вправо именно из-за дождя. Другого объяснения быть не могло, поскольку мой поступок противоречил нормальной человеческой логике. Влево тянулась ровная лента нового шоссе, вправо же уходила разбитая старая дорога, которая в дождь становилась попросту опасной, и все-таки я повернул вправо. Конечно, при желании можно было объяснить мой поступок и другими причинами. По старой дороге я срезал порядочный крюк километров в восемь, но в такую погоду я ничего не гадал, скорее, наоборот. К тому же я никуда не спешил. В институт возвращаться было поздно, а дома меня давно уже не ждало ничего хорошего.

Дорога все ближе прижималась к самому морю. Уютное урчание мотора, в противовес шуму дождя, успокаивало, притупляло внимание. Но тревога, рожденная во мне неведомыми силами, принесенными на землю дождем, постепенно росла, вызывая ощущение неудовлетворенности и сегодняшними своими дурацкими поступками, занесшими меня в конце концов на эту скользкую, неверную дорогу, и всей своей жизнью. Я думал о том, как много сил унесла работа над научной степенью, как много лет ушло на преодоление административных барьеров и рогаток, расставленных словно специально на пути к самостоятельной деятельности. И когда наступил долгожданный час, когда я добился своего и получил наконец собственную лабораторию — это не принесло ожидаемого удовлетворения и радости. Может быть, оттого, что успех всегда отстает на несколько лет от наших надежд.

Пелена дождя соединила в одно целое горизонт раскинувшегося справа моря и крутую дугу берега. Дорога терялась в нескольких десятках метров, уходя в эту однообразную серую пелену и как бы растворяясь в ней.

К сорока годам старые друзья постепенно начинают уходить из нашей жизни, а новые контакты возникают все трудней, к тому же этим знакомствам уже не хватает искренней заинтересованности людей в успехах, делах и несчастьях друг друга. А если этот процесс осложняется неудачно сложившейся личной жизнью, то человек начинает все острее ощущать одиночество. Барьеры, отделяющие его от холодного пространства внешней среды, постепенно рушатся, и он оказывается один на один со своей тоской, с этим дождем и с этой скользкой дорогой.

Я внимательно смотрел вперед, стараясь не пропустить единственный здесь знак, оповещающий о крутом повороте. Поворот был достаточно коварен. В этом месте дорога, до сих пор идущая по самой кромке обрыва, спускалась вниз, на дно глубокого оврага. В те дни, когда ветер с моря нагонял на берег волну, здесь вообще нельзя было проехать. Но сегодня, к счастью, ветер дул с берега. Я осторожно развернулся у знака и сразу же начал спуск.

Тревога усилилась, я почувствовал, что машина плохо слушается руля, но останавливаться было уже поздно. Колеса на крутом спуске все больше проскальзывали. Обиженный рев перегруженного на низкой скорости двигателя наполнил балку. Однако, вопреки моим опасениям, машина благополучно миновала спуск, и, очутившись на дне балки, я смог перевести дух. Разворачиваясь на самом дне оврага, я впервые за весь день так близко увидел море. Оно лежало под дождем совершенно неподвижно, словно нарисованное на плохой картине, и казалось ненастоящим. В нем не было абсолютно ничего интересного, привлекающего внимания. Я скользнул по воде равнодушным взглядом, развернулся и приготовился штурмовать подъем на противоположной стороне балки. Щетки не могли справиться с нефтяной пленкой. Даже дождь нес с собой вездесущую въедливую грязь — неизбежную спутницу промышленного прогресса. Сквозь разводы и линии, нарисованные щетками на стекле, я с трудом видел дорогу, пришлось остановиться и вылезти

из уютного мирка кабины. Мотор, воспользовавшись моим отсутствием, заглох, и сразу же ровный шум дождя заполнил собой все пространство, а я, вместо того чтобы выяснить, что случилось с мотором, неподвижно стоял под дождем, слушал его однообразный гул и не мог понять, зачем я вообще вздумал протирать стекло именно сейчас. В конце концов, проехал же я с ним не один десяток километров. Что же заставило меня вылезти из машины? Чувство неуверенности? Страх перед скользким и чрезмерно крутым подъемом? Или, может быть, едва различимый посторонний звук, что-то ведь было еще, кроме этого стекла... Стоял я спиной к морю, лицом к возвышавшейся передо мной стене обрыва. Никакие посторонние звуки не проникали в балку, отгороженную с двух сторон. Самым странным во всей этой ситуации было то, что я стоял неподвижно под проливным дождем, не обращая внимания на холодные струи воды, уже проникающие сквозь одежду, и мучительно раздумывал над тем, зачем я вообще оказался на дне балки посреди раскисшей старой дороги в проливной дождь...

Именно в этот момент я услышал позади себя шаги.

Говорят, что в таких случаях многие чувствуют на своей спине посторонний взгляд. Я не верю в это. Вообще не верю в предчувствия, в предопределенность каких-то событий. Меня считают лишенным воображения, излишне рационалистичным человеком. Возможно, это правда. Говорю это специально для того, чтобы дать понять, как далек я был от какой-бы то ни было мистики. Итак, я стоял лицом к берегу. И в этот момент сзади меня кто-то прошел по дороге. Я отчетливо услышал шаги и резко обернулся. Прямо от моря вверх по дороге шла девушка. Я увидел ее спину. Легкое, не защищенное от дождя платье, вообще слишком легкое и слишком яркое для этой погоды поздней осени, промокло насквозь и прилипало к ее ногам при каждом шаге. Она шла не спеша, не оборачиваясь. В ее походке чувствовалась неуверенность или, может быть, нерешительность. Я готов был поклясться, что несколько секунд назад, когда я выходил из машины, в балке никого не было. Здесь нет ни единого места, где можно было бы затаиться, спрятаться хотя бы от дождя. Совершенно голые склоны, дорога, идущая сначала вниз, а потом круто

вверх. Больше не было ничего. Поэтому меня так поразило ее появление. Я стоял неподвижно и смотрел, как она медленно, с трудом поднимается на крутой обрыв. Отойдя шагов на пять, она остановилась и обернулась. С такого расстояния уже было трудно рассмотреть ее лицо. Постояв неподвижно, наверно, с минуту, она вдруг пошла обратно к машине. Подойдя вплотную, обошла меня так, словно я был неодушевленным предметом, открыла дверцу и села в кабину. Поскольку я продолжал неподвижно стоять под дождем, она обернулась и почти сердито спросила:

— Вы что, там ночевать собрались?

Я молча опустил на водительское кресло и захлопнул дверцу. Она села в машину так, словно мы были знакомы много лет, словно она только минуту назад вышла из машины и вот теперь вернулась обратно. Ни обычных в таких случаях слов благодарности, просьбы подвезти или хотя бы вопроса, куда я еду. Она просто села, отряхнула свои длинные черные волосы, странно сухие и пушистые после проливного дождя. Точно таким жестом, войдя в помещение, отряхивается кошка или собака. В кабине сразу же возник тонкий, едва уловимый аромат. Он был чужеродным, неуместным в тесной металлической коробке машины, в которой сидело теперь два человека, и в то же время этот запах показался мне знакомым. Много раз я встречался с ним раньше, но сейчас не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах это происходило. Он был острым, чуть пряным и, в общем, приятным. Может быть, сосредоточься я в тот момент на этом запахе, знай, как важно было его сразу же опознать, все бы обернулось иначе. Но тогда мне было не до него. Все мои мысли занимала незнакомка, и вскоре чужеродный аромат растворился в запахах бензина и масла, я совершенно перестал его ощущать.

— Почему мы стоим? — Она в первый раз посмотрела мне прямо в лицо.

Впечатление было такое, словно меня окатила холодная серая волна, такими огромными, печальными были ее глаза. Я растерялся и от этого разозлился. Не хватало только, чтобы мною командовали в моей собственной машине.

— Что вы тут делали, одна, на этой пустынной доро-

ге, откуда вообще вы взялись? — Я не смог скрыть невольной резкости тона.

Девушка нахмурилась, прикусила губу, было заметно, что она о чем-то мучительно раздумывает.

— А разве... Простите, мне показалось, именно вы... Но если это не так, я сейчас уйду.

Она потянулась к ручке, и я не стал ее останавливать. Я не верил, что она выйдет из машины под проливной дождь, зачем вообще тогда было садиться? Но она вышла. Вышла, ни на секунду не задумавшись, резко повернулась и пошла обратно к морю. Ее почти сразу же скрыло облако водяных брызг. Мне ничего не оставалось, как выскочить вслед за ней из машины. Подумалось почему-то: опоздай я на секунду, и ее вообще бы не стало. Она бы растворилась в этом водяном тумане, бесследно исчезла, и наша непонятная встреча превратилась бы в галлюцинацию, в непомерный скачок воображения. Проснувшись завтра, я бы сам не поверил в то, что это произошло на самом деле. Я догнал ее в нескольких шагах от моря.

— Пойдите! Ну нельзя же так! Вы совсем промокли. Простудитесь. У вас даже зонта нет!

Я стоял под проливным дождем и уговаривал ее вернуться. Не знаю, что ее убедило. Скорее всего, мое предложение спокойно во всем разобраться. Мы вернулись в машину, и я включил отопление, чтобы хоть немного обсохнуть. Я старался не смотреть в ее сторону. Промокшее легкое платье стало почти прозрачным, но она, похожему, этого даже не замечала.

— В такую погоду по этой дороге редко ходят машины, но часа два назад недалеко отсюда проходил рейсовый автобус на Каменку. Вы, наверно, ехали на нем?

Она прижала руки к вискам, и тут я заметил, что ей страшно.

— Не спрашивайте меня сейчас ни о чем. Может быть, позже я смогу что-то объяснить.

Мне ничего не оставалось, как снова включить мотор.

Машина взяла подъем легко, без всякого усилия. Словно под колесами лежала не раскисшая глина, а сухой асфальт. Не успел я этому удивиться, как мы были уже наверху. Отсюда до города оставалось кило-

метров десять, не больше. Девушка молчала. Я заметил глубокую складку у нее между бровями. Казалось, она совсем забыла о моем присутствии. Что все это значило? Кого она здесь ждала? Почему села в машину, что сначала эта незаконченная фраза: «... Простите, мне показалось, что именно вы...» Что показалось? Что я должен был за ней приехать и остановиться в этом овраге? Вернее, не я, а кто-то другой, кого она не знала? Нет, все выглядело чрезмерно сложным, надуманным, как в плохом детективе. Скорее всего, с ней случилось что-то неприятное, она сказала первое, что пришло в голову. Наверно, ей нужно, чтобы я подвез ее до города, вот и все... Почувствовав мой взгляд, она обернулась. Теперь в ее лице не было ни напряжения, ни страха. Только печаль и усталость еще остались в уголках опущенных губ. Она была очень красива. Я заметил это сразу, еще у машины, но только сейчас, когда черты ее лица немного смягчились, когда высохли волосы и вернулся легкий румянец на щеки, я понял, что недооценил ее.

Изредка встречаются женские лица, невольно заставляющие нас посмотреть на свою жизнь со стороны. У нее было именно такое лицо. Я представил, как минут через десять-двадцать она встанет, поблагодарит за небольшую услугу безликого для нее водителя и, плотно закрыв за собой дверь, навсегда уйдет из моей жизни. А я останусь, развернусь, подъеду к дому номер семнадцать. Стоянка во дворе, как всегда, окажется занятой, придется приткнуть машину у самого тротуара на улице и потом весь вечер беспокоиться, что ее борт обдерет проезжающий грузовик, так уже было однажды.

На ужин мне предложат все тот же опостылевший салат: от макарон полнеют, котлеты на ночь вредно... Разговоров особых не будет — все уже переговорено за пятнадцать лет супружеской жизни. Может быть, я закончу статью о биоценозе. Хотя вряд ли, настроение сегодня не то. Возможно, вместе с женой мы посмотрим телевизор или почитаем. Наш единственный ребенок так и не родился на свет, других не будет, и вообще ничего не будет. Ничего неожиданного, волнующего, вредного для здоровья. Нас считают очень удачной и вполне благополучной парой. У моей жены золотой характер. Мои дру-

зья завидуют мне и говорят, что в семейной лотерее я вытянул счастливый билет. Наверное, все это так и есть.

Мы въехали в город. Уже включили освещение. Желтые пронзительные огни ртутных ламп словно бросали вызов дождю своим химическим светом.

— Теперь направо, пожалуйста. Мне нужна... — Она на секунду замялась, словно не сразу решила назвать адрес. — Улица Ганопа. Мой дом напротив газетного киоска сразу за углом.

Я удивленно посмотрел на нее. Эту улицу я хорошо знал и киоск тоже. Я не раз останавливался около него, чтобы купить газеты. Но месяца три назад его снесли, и теперь на всей улице не было газетных киосков. Ни одного.

Однако я сразу нашел это место. Мы завернули во двор и остановились у подъезда. Кажется, мои приключения окончились. Я чувствовал легкое разочарование и, возможно, сожаление. «Чего она медлит? Все равно ведь сейчас откроет дверцу и уйдет...» Спросить у нее номер телефона и разрешения позвонить почему-то казалось мне в тот момент почти неприличным.

Моя спутница явно не спешила. Она внимательно осмотрела двор, мокрый подъезд соседнего дома, и вдруг вновь я заметил на ее лице выражение совершенно непонятного страха, которое мелькнуло в ее глазах впервые еще там, в балке..

— Может быть, вы проводите меня?

Через минуту мы уже стояли у двери ее квартиры. Она не стала звонить. Провела рукой по притолоке, достала маленький плоский ключ, с видимым усилием повернула его и молча посторонилась, пропуская меня вперед. Из прихожей хлынула волна затхлого воздуха. Пахло какой-то плесенью, гнилью, черт знает чем. Так не пахнут жилые помещения. Я невольно попятился, за моей спиной клацнул замок. На секунду мне показалось, что я попал в западню. В прихожей было совершенно темно, я весь сжался, ожидая неведомой опасности. В квартире было абсолютно тихо, не доносилось ни единого звука, только с улицы приглушенно ворчали проходившие мимо машины. Секунды исчезали в темноте, и ничего не происходило. Потом вдруг щелкнул выключатель, и в прихожей вспыхнул свет. Она стояла, прижав-

шись спиной к двери, и в глазах ее стоял ледяной ужас, только поэтому она, наверно, не заметила моего страха. Я услышал, как она прошептала:

— Что же это... Боже мой...

Я проследил за ее взглядом. Прихожая выглядела странно, не спору. И все же я не понимал, чего она испугалась. На всем лежал толстый слой пыли. Из приоткрытого стенного шкафа выпала какая-то одежда и теперь валялась на полу. На шкафу, под самым бра, висел большой перекидной календарь со своей картинкой на каждый месяц. На той, что сейчас тускло поблескивала из-под слоя пыли, летали бабочки, цвели цветы...

Она уже взяла себя в руки, подошла к календарю и провела пальцем по названию месяца, слово «май» вспыхнуло на глянцевой странице ярким бликом.

— Похоже, вы давно здесь не были...

— Да... Целую вечность. — Она как-то странно посмотрела на меня. — Вы промокли из-за меня. Если хотите, я сварю кофе.

Кажется, она полностью пришла в себя. Мне не хотелось кофе, но, конечно, я не стал отказываться. Хотя обилие загадок начинало меня немного раздражать.

— Тогда пройдите на кухню и подождите минуту. Мне надо переодеться.

Она вернулась минуты через три. Одежда всегда очень сильно меняет женщину. Под строгим серым костюмом у нее теперь был тонкий черный свитер. Больше она не походила на заблудившуюся школьницу. Достав из шкафа чашки и с сомнением оглядев их, она отвернула кран, который не сразу поддался ее усилиям, но наконец фыркнул и выплюнул в чашку порцию ржавой коричневой жижи. Несколько секунд она молча рассматривала чашку, потом выплеснула ее содержимое в раковину, повернулась и внимательно посмотрела мне в глаза.

— Из моей жизни кто-то украл несколько месяцев. Мне бы очень хотелось знать, какое вы имеете к этому отношение?

Я так растерялся, что в ответ на ее вопрос лишь пролепетал:

— Я? Почему я?

— Вчера был май, понимаете, вчера! А сегодня вы

подбираете меня на пустынной дороге. И сегодня уже не май, ведь правда?

— Октябрь.

— Октябрь... Находите меня почему-то именно вы — а вчера был май...

Как ни странно, в ее вопросах была некая недоступная моему пониманию логика. Ведь почему-то же случилось так, что именно я встретил ее, и теперь я уже не был полностью уверен в своей непричастности к тому факту, что сегодня был именно октябрь.

— Действительно... — Я потер лоб. — Здесь что-то не так. Но я плохо соображаю, наверно, от холода, может быть, после кофе?

Шутки не получилось. Она неодобрительно посмотрела на меня, потом механически заглянула в шкафчик.

— Боюсь, что кофе не будет. Нет продуктов.

Она открыла хлебницу и с отвращением, словно это была огромная живая гусеница, вынула из нее батон, покрытый длинной бахромой плесени. Мне невольно захотелось на свежий воздух.

— Я схожу в магазин. Здесь недалеко.

Она выронила батон и загородила мне дорогу.

— Нет! Вы никуда не уйдете! Не уйдете, пока не объясните мне, что произошло!

— Но я понимаю в этом меньше вас! Я встретил вас совершенно случайно, подвез, и вот теперь вы еще предъявляете какие-то претензии!

— А вчера... Где вы были вчера?

— В институте, на лекции! Потом у меня был коллоквиум, потом семинар! — Я сам не понимал, почему оправдывался с таким раздражением, почему вообще оправдывался.

— И вчера... — она собралась с духом, прежде чем задать следующий вопрос: — Вчера тоже был октябрь?

— И вчера, и позавчера! Вот уже двадцать дней.

— Да... Это странно... Вы можете уйти, если хотите. — Она отошла в сторону, села на стул и уставилась в противоположную стену.

Я не помнил, как оказался в лифте. И только когда начал открывать дверцу машины, заметил, что у меня дрожали руки.

— Итак, ты попросту решил сбежать? — спросил я себя в упор.

И тут же понял, что никуда не сбегу и, в какую запутанную, нелепую историю я бы ни попал, голос здравого смысла уже был надо мной не властен.

Когда я вернулся с покупками, она сидела за тем же столиком в кухне. Кажется, она не сразу заметила мое возвращение. И только когда я молча стал возиться у плиты, вдруг тяжело вздохнула, словно просыпаясь, и с отвращением посмотрела на пакеты с едой.

— Вы не могли бы обойтись без кофе?

— Конечно... Собственно, я для вас стараюсь.

— Меня мутит от одного вида пищи: какой-то странный привкус во рту.

— Так бывает, если человек наглотался морской воды. — Я внимательно посмотрел на нее. — Ваше платье было совершенно мокрым... Может быть...

— Не старайтесь понять то, что непонятно мне самой. Я очень устала. Извините, но сегодня я неважный собеседник.

Я медленно складывал в холодильник пакеты с едой, раздумывая, как мне поступить и можно ли оставить ее одну. В ее настроении, пока я ходил в магазин, произошла какая-то перемена. Теперь она выглядела раздраженной, нетерпеливой, казалось, она жалеет о том, что пригласила меня, и хочет только одного: как можно скорей остаться одной.

— У вас, наверно, есть какие-то свои планы на сегодняшний вечер?

— В общем, ничего особенного. Я хотел заехать в лабораторию, но это не спешно. Если я могу быть вам чем-то полезным...

— Нет, нет. Не хочу вам мешать. Вы и так провозились со мной целый вечер.

Она встала, всем своим видом выражая нетерпеливое ожидание, и мне ничего не оставалось, как шагнуть в прихожую. Уже натягивая плащ, я все еще искал какие-то слова ободрения, но нужных слов не находилось, и я нес чушь о том, что провалы в памяти не такое уж редкое явление и каждый человек хоть раз в жизни теряет несколько месяцев, а иногда и лет. И вдруг она улыбну-

лась. Улыбка, словно вспышка света, на секунду озарила ее угрюмое, замкнутое лицо.

— Вы можете прийти завтра, если захотите. Возможно, к тому времени я разберусь в этом сама. И вот еще что... — Конец фразы она сказала мимоходом, уже отпирая дверь. Я не то чтобы не расслышал ее последние слова, просто они скользнули мимо сознания.

Я чувствовал себя почти оглушенным событиями этого вечера. И то, что она пригласила меня завтра, казалось сейчас самым важным. Я не стал уточнять время. Ничего не хотелось уточнять. Я торопливо простился, и машина понесла меня сквозь вечерний, залитый дождем город. Пустые, мокрые улицы казались странно чужими, словно я видел их в первый раз.

* * *

Старинные часы у нас на кухне пробили шесть раз. Удары гонга следовали с большими перерывами. Интервалы отрегулировали специально из-за красивого звука. Но сейчас каждая пауза казалась неопределенно долгой, и я напряженно ждал следующего удара. Шесть часов... Час назад я поставил во дворе машину, открыл дверь своей квартиры, перебрался с женой обычными, ничего не значащими фразами и сел ужинать. Впечатление было такое, словно я вернулся из какого-то иного времени, и сейчас часы напоминали мне об этом... Жена заметила мое состояние. Она уже несколько раз искоса и тревожно поглядывала на меня и теперь наконец спросила:

— Что с тобой?

— Да вот промок... Немного лихорадит. Ты не обращай внимания. Я сейчас приму аспирин, лягу, и все пройдет.

В этом была доля правды, но главное, мне хотелось поскорее остаться одному, наедине со своими мыслями. Сославшись на возможный грипп, я лег на кухне. Здесь у нас был топчан для приезжих гостей. Прямо над ним, под потолком, раскинул свои длинные зеленые лапы ореандум сфангиника. Отросток этого редкого растения мне подарили на каком-то симпозиуме, и вот теперь он

постепенно захватывал всю кухню, каждый месяц отвоевывая себе новое жизненное пространство.

Казалось, дождь за окном усилился. Это был какой-то вселенский потоп. Струя воды из проржавевшей водосточной трубы била прямо в окно, и, когда сквозь мутную желтоватую толщу, залившую стекло, пробивались фары проезжавших по улице машин, создавалось полное впечатление, что я нахожусь в воздушном аквариуме, а весь наружный мир давно и безвозвратно погрузился на морское дно.

Этот дождь... С него началось... Именно с него. Она села в машину, потом дорога, ее квартира... Я даже имени у нее не спросил... Интересно — почему?

Холод пробрался под одеяло, казалось, ледяные брызги, проникая сквозь стекло, наполняют комнату своим мокрым, пронизывающим дыханием. Заснуть все равно не удастся. Я встал и, чтобы хоть немного согреться, поставил на плиту чайник.

Кофе она пить не стала... И уже на пороге, когда я уходил, она сказала мимоходом что-то важное...

Что же это было? Не вспомнить теперь, хоть убей. Мысли назойливо возвращались к батону, покрытому бахромой плесени, и запыленному календарю. Вспомнились отдельные слова и целые, ничего не значащие фразы из нашего не такого уж длинного разговора, но ту последнюю, сказанную на пороге фразу я начисто забыл. Она сказала... «Вы можете приехать завтра, если захотите...» Это оказалось настолько важным, что заслонило собой конец фразы. Сейчас я подумал, что она специально произнесла эти слова в таком сочетании, чтобы я не сразу их понял. Возможно, в них таился какой-то скрытый важный смысл, но она не хотела вопросов, не хотела ничего объяснять и вполне достигла своей цели. И тут я вспомнил... «Лаборатория! Она просила меня не ходить сегодня в лабораторию...» Сейчас, отделенные от всего остального, эти слова показались мне самым странным из всей нашей встречи. Какое ей дело до моей лаборатории? С чего вообще она взяла, что лаборатория имеет ко мне какое-то отношение? Кажется, я что-то такое упомянул про свою лабораторию... Или нет? Но я готов был поклясться, что никакого серьезного разговора о моей

работе не было, и вдруг эта просьба... Для человека, не помнящего, где он был в течение нескольких месяцев, это, пожалуй, слишком... Почему я не должен быть в лаборатории именно сегодня? Теперь наша встреча не казалась мне такой уж случайной. В то же время я понимал, что подстроить все так детально и запутанно, на грани шизофренического бреда, не смог бы, наверно, ни один злоумышленник. К тому же я не занимался никакими секретными работами. Совершенно открытая тема по микробиологии. Кому все это нужно? Наша «Альфа», например? Провинциальный институт маленькой средиземноморской страны, с точки зрения географии большой науки — глухая провинция... Что-то здесь было не так, потому что бесспорным оставался факт: сегодня случайная попутчица ни с того ни с сего попросила меня не приходить в лабораторию... Но, может быть, я неправильно вспомнил ее слова? Может, она сказала что-то совсем другое?

Я подошел к окну, еще не решив, как поступить. Все дело в том, что, если я не ошибся, если кого-нибудь до такой степени могли заинтересовать наши исследования, значит, в них был смысл, не ясный пока еще мне самому. Какой? На этот вопрос не было ответа.

Восемь лет назад, просматривая информационный бюллетень Академии наук, я наткнулся на статью, посвященную вопросу накопления генетической информации в клетках. Из нее следовало, что никакими мутациями, никакими известными нам процессами нельзя объяснить тот скачкообразный, качественно новый переход, в результате которого одноклеточные простейшие организмы объединились в многоклеточные системы с отдельными функциями органов. Информация только об этой специализации на несколько порядков сложности превышала все, что раньше было закодировано в генах простейших одноклеточных существ. Таких скачков в процессе развития жизни на земле было несколько, и каждый раз они представляли собой необъяснимую загадку. Но самым невероятным, самым необъяснимым был тот первый скачок... Вот тогда и возникла у меня, в сущности, не такая уж сложная мысль, определившая круг моих интересов на несколько долгих лет: что, если вывести совсем простенький штамп одноклеточных мик-

роорганизмов, похожий на те первые древнейшие существа Земли, давшие начало жизни на ней, а потом, изменив условия среды, заставить их объединиться в колонии?

Не мне первому пришла эта мысль. Не я первый проводил подобные безуспешные опыты. Но у меня была одна догадка, одна-единственная мысль, ради которой стоило попробовать еще раз. Я не верил в то, что стадо обезьян, бесконечно долго ударяя по клавишам машинки, в конце концов напечатает британскую энциклопедию. Не верил — и все. Генетическая информация такой сложности должна была существовать в готовом виде. В космических спорах, в первозданном океане. Возможно, жизнь так же бесконечна, как сама Вселенная. Тогда ее зародыши попали на Землю из иных миров. Возможно, генетический код этих зародышей и заставил миллионы лет назад объединиться в колонии простейшие организмы Земли... Стоило доказать возможность такого ввода информации извне хотя бы в принципе. Именно этим я и занимался в своей лаборатории вот уже четвертый год: Совсем недавно наметились первые успехи в исследованиях, которые до сих пор казались мне нашим внутренним, частным делом, и вдруг выяснилось, что они интересуют кого-то еще. «По-моему, вам не стоит ходить сегодня в лабораторию...» Именно это она и сказала. Сейчас я совершенно отчетливо вспомнил ее слова. Можно было не сомневаться, что, как только до меня дойдет смысл этой фразы, я сразу же помчусь туда. Но я почему-то не мчался. Вместо этого я стоял на кухне, прислонившись к холодному стеклу, и смотрел, как потоки воды за стеклом заливают весь мир.

Слишком много настоящего недоумения, самого обыкновенного страха было в ее поведении. Ни одна самая лучшая актриса не смогла бы, наверное, так сыграть. Что-то здесь другое. Что-то такое, что я не мог пока объяснить, но, во всяком случае, гораздо более сложное, чем хорошо организованный розыгрыш. Я не хотел делать то, что от меня ожидали, не хотел ехать в лабораторию и стоял у окна, не зная, на что решиться. В конце концов, что там могло произойти без меня? Пожар, хищение ценных научных материалов? Институт охраняется, к тому же там сейчас наверняка работает Артам.

Он всегда работает за полночь, и я, осел несчастный, вполне мог бы ему позвонить...

Я бросился к телефону. Раздалась три долгих гудка, потом кто-то снял трубку. Я слышал только тяжелое дыхание. Ни привычного «алло», ничего, кроме этого дыхания. Я тоже молчал, наверное, с минуту. Мне почему-то казалось, что если я сейчас задам вопрос, разбивающий это каменное молчание трубки, то случится нечто ужасное, необратимое. Наконец я все-таки не выдержал: «Артам, это ты?» Никакого ответа. На том конце сразу же повесили трубку, и короткие резкие гудки отбоя ударили мне в ухо.

Больше я не стал раздумывать. В лаборатории был кто-то посторонний.

Наверное, я выглядел не совсем нормально, когда весь мокрый, с плащом в руке ворвался в вестибюль института.

— Доктор Лонгаров, что случилось?

У меня не было времени на объяснения с дежурным, мне нужен был ключ от лаборатории, но оказалось, что Артам еще не ушел.

Я бежал по лестнице, иногда перепрыгивая через ступеньку и с трудом справляясь с одышкой. Следом, немного поотстав, бежал дежурный.

Представляю, как это выглядело со стороны, когда мы ворвались в лабораторию. Артам поднялся из-за стола и оторопело уставился на нас.

— У вас все в порядке?

— Насколько я понимаю... Как будто ничего... А что, собственно, случилось?

Жестом руки я попытался дать понять дежурному, что он свободен. Предстоящий разговор не предназначался для посторонних ушей. Но избавиться от старика было теперь не так-то просто, он с интересом ждал продолжения. Мне пришлось проводить его до лестницы. Наконец мы остались одни.

— Почему ты не ответил на звонок?

— Какой звонок?

— Я дважды набирал номер! Один раз никто не снял трубку, а потом ты не соизволил ответить!

— Не было никаких звонков! Я не выходил ни на минуту! Может, телефон испортился?

— Телефон? С чего бы это?

Я направился к желтому аппарату, который стоял на моем столе и служил нам безотказно уже второй год, и в это время он зазвонил. Бросив уничтожающий взгляд на Артама, я снял трубку.

— Это лаборатория доктора Лонгарова?

Мужской голос показался мне слегка знакомым, хотя человек как-то странно произносил слова, словно пытался изменить интонацию.

— Да. Кто говорит?

Никакого ответа. На том конце провода сразу же повесили трубку. Это могло вывести из себя кого угодно. Однако я почему-то даже не удивился. Наверно, подсознательно я уже был готов к чему-нибудь подобному. Это был день странных телефонных звонков, странных совпадений. Это вообще был странный день. Я положил трубку на рычаг.

— Как видишь, телефон в полном порядке, — мрачно сказал я Гвельтову. — Это второй подобный звонок за сегодняшний день. Первый раз звонил я сам, звонил в лабораторию, но попал почему-то в другое место. Человек, который снял трубку, не пожелал даже представиться. Вообще не произнес ни слова. Сейчас меня спросили, наша ли это лаборатория, и снова не пожелали разговаривать.

— Скорее всего это простое совпадение. Из дома вы попали на какой-то случайный номер, вы же знаете, как работают телефоны в нашем городе.

— Да, конечно. Конечно, это могло быть совпадением. Но когда совпадений становится слишком много, они уже не похожи на случайность.

— В таком случае вы, быть может, расскажете мне остальное? Что произошло, шеф?

— Вряд ли я сумею рассказать тебе все... Да это и не нужно, поскольку значение имеют всего два-три конкретных факта. Во-первых, незнакомый человек попросил меня сегодня не ходить в лабораторию, попросил, скорее всего, для того, чтобы добиться обратного, заставить меня здесь очутиться... Когда же я все-таки не поехал и решил вместо этого позвонить... Ну, что из этого получилось, ты уже знаешь. И вот я здесь.

— Да, все это достаточно странно, но больше всего

меня удивляют не методы, а цель, которую преследовали. Для чего-то было нужно, чтобы вы пришли в лабораторию именно сегодня? Ведь завтра вы бы здесь оказались без всяких усилий с их стороны.

Я мрачно усмехнулся.

— Думаю, события не заставят себя ждать слишком долго. У меня такое ощущение, что все происшедшее лишь прелюдия к главному действию. Подождем. А раз уж я все равно оказался здесь, не стоит терять времени зря.

Я потянулся к лабораторному журналу. Открыл последнюю страницу. Вот вчерашние записи: целых две страницы, заполненных ровным почерком Гвельтова. Он работал намного больше меня, и мне казалось это вполне справедливым, потому что и сам я, будучи ассистентом на кафедре Малеева, в поте лица трудился над диссертацией шефа. Правда, тогда насчет справедливости я думал несколько иначе. Но зато наша работа не имела к моей диссертации никакого отношения, и если вдруг нам удастся добиться успеха, то диссертаций тут хватит на всех. Механически перелистывая записи последних анализов, я искоса поглядывал на Артама и думал о том, что, в сущности, мало знаю своего ближайшего помощника. Худощав, зарос всклокоченной неопрятной бородой, халат в нескольких местах прожжен кислотой и не заштопан. Зато в работе предельно аккуратен. Появятся заботливые женские руки, изменится и внешность, за этим дело не станет. Успеха — вот чего нам действительно не хватает. Успех — это новое оборудование, большая свобода в выборе тематики, увеличенный штат... Но до успеха пока еще далеко...

Задача состояла в том, чтобы соединить генетический аппарат чужих клеток с нашей «Альфой». «Альфа» охотно пожирала приготовленные для нее пакеты с генами, усваивала сотни различных комбинаций ДНК, РНК ядер и хромосом чужих клеток, и ничего не происходило... То есть какие-то изменения были, увеличился, например, объем клетки, темп размножения. Несомненно, какая-то часть предлагаемого генетического аппарата посторонних клеток ею усваивалась, но все это было далеко от того, что мы искали. Наследственность «Альфы»

продолжала доминировать надо всем. Нам же надо было использовать ее как строительный материал для качественно нового организма... Приходилось признать, что за последний год мы не продвинулись ни на шаг. Я отложил журнал и раздраженно заходил по лаборатории. Как обычно, мысли, связанные с работой, полностью овладели мной, вытеснив все постороннее, не имеющее отношения к делу. Я искал выхода из тупика, в который мы попали. Лучше всего думается, когда руки заняты какой-то механической работой. Я подошел к столу и стал разбирать образовавшиеся там завалы. Я не позволяю никому прикасаться к своему столу, и за последние две недели гряда колб, пробирок и печатных проспектов, в беспорядке разбросанных по его поверхности, покрылась изрядным слоем пыли. Сейчас я подбирал весь этот хлам, механически сортировал его по группам и затем выбрасывал в мусорную корзину. Когда подошла очередь колб со старыми, отслужившими свой век реактивами и пробами, я все так же механически стал снимать их одну за другой, рассматривая на свет, взбалтывая и затем выливая в водопроводную раковину. Вдруг содержимое одной из колб привлекло мое внимание... Я взял эту колбу с четкой этикеткой, на которой был написан номер 130, взболтал и, вместо того чтобы вслед за предыдущими отправить ее содержимое в канализацию, понес зачем-то к столику, на котором стоял микроскоп. Я читал, конечно, о том, что многие великие открытия были сделаны совершенно случайно, но до сегодняшнего дня относился к этому с известной долей скептицизма. Все так же механически, не задумываясь над тем, для чего я это делаю, я нанес каплю содержимого колбы на предметное стекло. Картина, увиденная мною в окуляре микроскопа, заставила меня отпрянуть от стола и позвать Гвельтова:

— Посмотри ты. Может быть, мне показалось...

Я не суеверен, но все же, боясь отпугнуть удачу, отвернулся, пока Артам крутил ручку настройки. Его сдавленное: «Не может быть» — заставило меня вновь броситься к микроскопу. Да, это были, несомненно, они: четыре крупных розоватых шарика-бластопор в окуляре микроскопа не оставляли никаких сомнений. Наша

«Альфа», наша одноклеточная «Альфа» наконец-то дала потомство в виде многоклеточного организма, усвоив для этого чужую генетическую информацию... Вот только какую? Я схватил лабораторный журнал и стал лихорадочно искать запись под номером сто тридцать. Общие графы, это все не то... Ага, вот, пакеты с генами червя балезуса... двадцатая серия... Мы повторяли этот опыт с генами червя балезуса сотни раз в двадцати различных сериях, все они были неудачны, что же нового в пробе сто тридцать? В графе примечаний короткая запись, сделанная две недели назад: «Проверка воздействия среды». Я сразу же вспомнил, что сюда добавлялась морская вода. Это проделывалось неоднократно. В шести сериях из разных мест залива отбиралась вода различного солевого состава.

Но только в сто тридцатой пробе через две недели неожиданно получился положительный результат. Что же это была за вода? Откуда? У нас нет, конечно, ее анализа. Если делать анализ для каждого опыта, не хватит и сотни лет, чтобы закончить исследование, но в журнале отбора проб должно быть зафиксировано место, откуда взята вода для этого сто тридцатого опыта. Что-то в ней было, в этой воде, что-то необычное, что-то такое, что позволило «Альфе» развиваться по чужой генетической программе. Только в том случае, если нам удастся выяснить, что именно там было, можно считать, что мы действительно добились успеха. Пока это всего лишь счастливый случай, не более, призрачный свет большой удачи... Ее еще нужно поймать... Я схватил серую клеенчатую тетрадку. «Журнал отбора проб» было выведено на ее обложке ровным почерком Гвельтова. Его мысли следовали вслед за моими.

— Я всегда очень аккуратно вел записи, она здесь должна быть, — сказал Артам, тяжело дыша мне в затылок.

И мы нашли ее на шестой странице. Там шло четкое описание места отбора пробы с точной привязкой к портовому бую, но, прежде чем я успел прочитать колонки нужных мне цифр, тихо скрипнула входная дверь. Я поднял голову от журнала и с удивлением уставился на вошедшего. На пороге стоял руководитель нашего отделения профессор Мишурун.

— Поздновато работаете, доктор Лонгаров. Мешаете техникам, вахтерам, уборщицам, нарушаете весь распорядок института и еще подаете дурной пример аспирантам!

Несколько секунд я оторопело смотрел на Мишурина, стараясь понять, что ему понадобилось в нашей лаборатории. Мишурин воплощал для меня тип людей, которым в науке делать совершенно нечего. Мне казалось, что даже администраторы обязаны хоть что-то понимать в деле, которым они пытались руководить. О Мишурине этого не скажешь. Внешне профессор Мишурин напоминал мне чем-то стальной шар. Может быть, своей непробиваемой круглостью. Его невозможно было разгрызть или проломить. Его стальная обтекаемая поверхность неизменно отбрасывала тебя с дороги куда-то в сторону.

— Я просил вас подготовить отчет о завершении темы по «Альфе». Где он? И чем вы вообще занимаетесь?

Он шагнул к столу, бесцеремонно взял у меня из рук журнал проб и сунул его под мышку. Стремительно пронесся мимо термостата, на ходу пожурил Артама, заглянул в его записи, извергая потоки слов, словно паровоз клубы дыма. И только когда дверь за ним захлопнулась, я сообразил, как странно все это выглядит. Какого дьявола Мишурин делал в институте в час ночи? Почему вдруг нагрянул в нашу лабораторию? Обычно он вызывал сотрудников в свой кабинет и заставлял дожидаться аудиенции по полчаса... Все эти вопросы промелькнули у меня в голове, и только после этого до меня наконец дошло главное — Мишурин унес с собой бесценный теперь журнал... Я бросился к двери. Гвельтов не отставал от меня. На лестнице было пусто. При своей грузности Мишурин вряд ли успел уйти слишком далеко. Мы остановились на секунду, прислушиваясь. Внизу, в вестибюле хлопнула дверь... Дежурный подтвердил, что профессор только что вышел...

— А что, собственно, случилось? Он же в отпуске?

— Кто в отпуске? — на ходу спросил я. — Мишурин?

— Ну да, неделю назад уехал в Бурму.

И тут я вспомнил, что это так и есть. Вчера я безуспешно пытался оставить на подпись докладную у его секретаря.

— Быстрее, Артам! Здесь что-то неладно!

Мы бросились во двор. Квадратная спина в клетчатом плаще мелькнула перед нами метрах в пяти.

— Сильвестр Танович! — крикнул я.

Мишуриин обернулся и вдруг припустил по дорожке бегом. Нелепо видеть, как от тебя убегает твой собственный начальник, воплощение административного высокомерия и важности. На секунду я остановился в растерянности. Артам дернул меня за рукав.

— Скорее, у него внизу машина!

Мы пронеслись по дорожке вниз до самых ворот со всей скоростью, на какую были способны, и увидели, как за Мишуриным захлопнулась дверца его черной «вольво». Водителя не было, он сам сел за руль. Гвельтов рванулся к воротам, я едва успел задержать его:

— Подожди. Так мы все равно не успеем, за углом у меня машина...

Пока я заводил мотор и объезжал здание института, «вольво» у ворот уже не было. Я хорошо знал эту часть города: от заднего двора института шла глухая тупиковая улочка, и я успел заметить, что «вольво» свернула именно в нее. Это давало шанс... Я остановил машину так, чтобы ее полностью скрыло угловое здание. Потом выключил фары и отпустил газ. Мотор теперь работал едва слышно.

— Он обязательно вернется. Там нет ни одного поворота, в конце тупик.

— Тогда давай перекроем дорогу!

— Бесполезно. Его машина тяжелее. Он собьет нас и уйдет, зато в скорости мы ему не уступим.

— Что же это такое, как он мог? Ведь это же просто кража!

Я чувствовал, что Артама колотит нервная дрожь. Но сам почему-то не испытывал ни малейшего волнения, только холодную ярость. Сегодня меня предупреждали, чтобы я не приходил в лабораторию... Дважды за один день я оказался втянутым в события, плохо объяснимые с точки зрения нормальной логики. И у меня сейчас не было ни малейшего желания в них разбираться. Одно я знал совершенно точно: больше я не позволю превращать себя в пешку в чужой, непонятной игре.

Я услышал шум мотора «вольво» за несколько секунд до того, как она выскочила из-за угла, и успел приготовиться. Это дало мне возможность сразу же повиснуть у нее на хвосте. Я вел машину очень осторожно и выдерживал дистанцию, все время ожидая со стороны своего противника какой-нибудь каверзы. Первые километры Мишурина ехал спокойно, пока не понял, что мы его преследуем. Потом резко, до предела увеличил скорость. Шел третий час ночи, город словно вымер. На его пустынных, залитых дождем улицах не было ни души. Стрелка спидометра подрагивала уже возле отметки «сто двадцать». Мне пришлось еще больше увеличить дистанцию, при такой скорости на мокром асфальте ничего не стоило потерять контроль над машиной. «Вольво» Мишурина сливалась с асфальтом. Фары он выключил, и, чтобы не прозевать неожиданный маневр, я включил дальний свет. Видимо, отражение наших фар в зеркале ослепило Мишурина, потому что он занервничал. «Вольво» шла теперь неровно, ее бросало из стороны в сторону, фонтаны из-под колес летели в стены домов, водяные брызги и грязь забивали мне смотровое стекло, щетки с трудом справлялись, обзор ограничился, пришлось еще дальше отпустить Мишурина, и он, воспользовавшись этим, резко свернул в боковую улочку. Водитель я не ахти какой, хотя в данных обстоятельствах вряд ли кто-нибудь сумел бы сделать больше. Я несколько погасил скорость машины перед поворотом, но все же недостаточно: на мокром асфальте нас занесло и буквально швырнуло в переулочек. Я слышал, что опытные гонщики срезают угол и проходят поворот вот так, на заносе; я не был гонщиком, а фонарный столб оказался слишком близко к проезжей части. Удар, характерный скрежет металла, свидетельствующий о том, что нас здорово зацепило, звон разбитого стекла... Правая фара погасла, но машина, виляя, уже неслась по переулочку, мы все-таки прошли поворот, удар оказался скользким. При других обстоятельствах я бы остановился, но теперь мысль не упустить Мишурина погнала нас дальше. Только бы выдержала правая передняя крышка, принявшая на себя основной удар и отбросившая машину от столба. Если она не выдержит на такой скорости... Не хотелось думать о том, что тогда станет с машиной и с нами.

На повороте Мишуриной оторвался от нас метров на двести, но теперь мы его снова нагнали. Мотор «вольво» ревел свирепо, с натугой. Такие нагрузки его старой машине были явно не по плечу. Увлечшись погоней, я приблизился к «вольво» чуть больше, чем следовало, и Мишуриной сразу же резко затормозил, надеясь, что мы врежемся ему в багажник. Если бы это случилось, более твердый «вольвовский» кузов разбил бы нам двигатель. Но наши тормоза сделали свое дело, и мы остановились в двух метрах позади него.

Прошла минута-другая. Ничего не происходило. Машина Мишуриной стояла неподвижно. Слышно было, как кашляет на холостых оборотах ее двигатель.

— Что, если попробовать перескочить в его машину? Дверь наверняка не заперта, он слишком спешил...

— Не успеешь. Он просто двинет дальше, и мне придется гнаться одному. Подождем. Посмотрим, у кого раньше сдадут нервы.

— Зачем мы вообще за ним гонимся? — почему-то шепотом спросил Артам, словно Мишуриной мог нас услышать. — Где он живет, мы и так знаем, машину вот разбили, да и вообще... Ну, приедет он, войдет в квартиру, что дальше-то делать, дверь, что ли, ломать будем?

— В квартиру мы ему войти не дадим. Главное — вернуть журнал. Не зря все это затеяно и не так просто, как кажется. Мы еще разберемся во всем, не беспокойся. Сейчас главное — журнал. Слишком многое зависит от этих проб, вот в чем дело...

— Думаешь, он этого не знает?

Я только зло усмехнулся.

— Ну, а если знает, не такой уж он дурак, чтобы дать нам перехватить себя по дороге к дому, он найдет способ от нас отделаться.

— Ладно, посмотрим. — Артам замолчал и сидел теперь съежившись, потирая ушибленное при ударе о столб плечо.

Ожидание становилось тягостным. Казалось, мы стоим в вымершем, пустом городе целую вечность... хоть бы один прохожий, намек на какое-то движение... Ничего... Обычно в этом районе города даже ночью не бывает так пустынно... Я внимательно всмотрелся в окружа-

шие нас здания... Это была Дерковская. Она вела прямо на приморский бульвар. Неудивительно, что он остановился. Это опять тупик. За бульваром набережная, дальше дороги нет. Над причалом обрыв. Ему придется развернуться на набережной, там очень узко, а я должен буду успеть уклониться в сторону, потому что он наверняка опять пойдет на таран. Его единственное преимущество перед нами в весе и прочности кузова, и, похоже, он это прекрасно понимает... Значит, опять соревнование на быстроту реакции...

Наконец «вольво» осторожно, как большая черная кошка, двинулась вперед. Я выждал несколько секунд и тронулся следом. Теперь мы ехали очень медленно. Кажалось, Мишуриин все еще не решил, что предпринять... Набережная была совсем близко, до нее оставалось метров двести, не больше, когда «вольво» вновь рывком увеличила скорость. Теперь время измерялось уже на доли секунды, Мишуриин не зря тащился так медленно и не зря сделал этот неожиданный рывок. Если теперь я не успею выскочить на набережную прежде, чем он развернется, таранного удара не избежать... Но, к моему удивлению, «вольво» не стала разворачиваться... Совершенно рефлекторно я до отказа нажал на тормоза, и вовремя. Вслед за «вольво» мы вылетели на набережную. Теперь от обрыва нас отделяла совсем узкая асфальтовая полоска. Как в замедленной киносъемке я видел, что передние колеса «вольво» уже вращаются в пустоте. Потом корпус машины накренился, и она исчезла в черном провале обрыва. Только теперь до моего сознания дошел весь смысл происшедшего. Нас еще несло вперед. Визжали тормоза. Перед самым обрывом машина остановилась. И лишь после этого мы услышали внизу тяжелый всплеск. Я развернул машину, подвел ее к обрыву. Единственная наша фара выхватывала из темноты порядочный кусок поверхности тяжелой черной воды. По ней бежали только мелкая рябь да клочки белой пены. Больше ничего не было видно.

Мы одновременно выскочили из машины и теперь молча смотрели вниз...

— Может быть, успеем? — спросил Гвельтов. — Ес-

ли вытащить его из машины и откачать, может быть, успеем?

Я отрицательно покачал головой:

— Здесь глубина метров двадцать. Не донырнуть. Пойди позвони в полицию. Я останусь здесь.

* * *

Каждая вещь оставляет в памяти человека какой-то след. И хотя память изменила Весте, она надеялась, что старые вещи хоть немного сдвинут завесу тумана, закрывшую от нее прошлое.

Интуитивно она чувствовала, что путь, который предстояло пройти по закрытым коридорам собственной памяти, не принесет ей ничего хорошего, а цена, заплаченная за знакомство с прошлым, окажется непомерно высокой. И все же она упрямо продолжала поиски. Человек, решивший обрести твердую почву под ногами, не станет оглядываться назад и не постоит за ценой...

Медленно, словно каждое ее движение сковывала ледяная толща воды, Веста открыла средний ящик стола. Где-то в подсознании родилось ощущение того, что нужные ей вещи лежат именно здесь.

Сверху ящика на самом виду валялись мелкие, отжившие свой век предметы, которые ей ничего не говорили. Катюшка ниток, высохший флакон из-под духов, настолько старый, что даже запах не сохранился. Сумочка со сломанным замком. И вот, наконец, на самом дне, подо всем этим хламом, толстая картонная коробка, перевязанная ленточкой. Еще не зная, что там, она почувствовала, как сильно забилося сердце. Она не решалась сразу же открыть коробку, понимая, что обратно пути уже не будет, что пелена, закрывшая ее мозг от жестокой реальности, будет сорвана и может не хватить человеческих сил, чтобы справиться с тем, что ждало ее по ту сторону грани. Стиснув зубы, она дернула ленту. Узел затянулся намертво, и вдруг рука, словно обладавшая собственной памятью, протянулась к левому ящику стола, достала лежавшие там ножницы и перерезала ленту. Но и после этого она не спешила открыть крышку. Возможно, самым разумным в ее положении было бы

обратиться к врачу. Но что, в конце концов, сможет сделать для нее врач? Объяснить то, чего она сама не понимает? Успокоить? Прописать какое-нибудь пустяковое лекарство, порошки и микстуры? Разве можно микстурой вернуть пропавшие месяцы? Ей придется бороться с этим один на один. Никто ей не поможет. «Меня зовут Веста. Веста. Пока только это. Но будет и все остальное». Она медленно открыла крышку. В коробке лежали открытки, написанные незнакомым почерком. Какой-то чужой человек обращался к ней по имени, поздравляя с праздником, просил о встрече. Его имя ничего не напоминало. Это было не то, совсем не то... Тогда она перевернула коробку. На самом дне притаились старые, пожелтевшие фотографии. Она взяла всю стопку и неторопливо, методично, словно раскладывала пасьянс, начала класть их перед собой одну за другой. Первое же фото маленькой девочки с гимназическим ранцем за плечами вызвало в ней болезненный толчок и такое ощущение, словно невидимый киномеханик запустил наконец проектор. Она бежала в гимназию первый раз в жизни. Было радостно и немного страшно. Дома ждала мама. После уроков она вернется домой и обязательно все ей расскажет. Сознание этого придавало уверенность, делало ее сильнее. Сегодня все было иначе. Сегодня у нее не было уверенности, да и силы, похоже, поубавились тоже... Веста задумчиво потерла лоб. Образы прошлого, встававшие перед ее глазами, казались неестественно четкими, словно она смотрела на экране телевизора сцены из чужой, не имеющей к ней отношения жизни. Похороны... Гроб отца, укрытый черной материей. Ей не хватает воздуха, хочется выбежать, крикнуть, но она стоит неподвижно, и ни одной слезинки в глазах.

«Ты почему не плачешь? Твой папа умер. Разве тебе его не жалко?» Какими жестокими и глупыми бывают иногда взрослые...

Впервые в жизни на ней самой надето взрослое платье... Это после того как она сдала вступительные экзамены на курсы переводчиков. Дальше ей не хочется продолжать. Прошое, спрятанное в картонной коробке, словно бы и не принадлежит ей, но кто знает, какая карта выпадет следующей? С судьбой, преподнесенной

в готовом и окончательном виде, не поспоришь и ничего не изменишь. Самое странное то, что она может закрыть эту коробку с фотографиями, выбросить их, сжечь, наконец. И тогда вместе с кусочками пожелтевшего картона из ее жизни навсегда исчезнут какие-то части, возможно, у нее уже никогда не будет случая возродить их вновь, оживить, но, может быть, так и нужно? Почему бы ей не начать с нуля, с сегодняшнего дня? Но нет, так нельзя... Человек без прошлого не может быть полноценной личностью, и, кроме того, она не узнает самого главного: кто и зачем проделал с ней эту страшную штуку? Кому-то же это понадобилось?.. Что именно? Если бы знать... Как могли они лишить ее памяти? Кололи наркотики? Зачем? Стоп, остановила она себя. Нужно идти медленно, шаг за шагом. Только так может она достичь успеха. Понадобятся терпение и последовательность. Странно, совершенно не хочется есть, даже мысль о пище вызывает отвращение, а ведь с того момента, как она ощутила себя стоящей на берегу моря в совершенно промокшем платье, прошло не меньше шести часов, теперь уже, пожалуй, гораздо больше.

Возможно, они сделали ошибку, оставив ей имя. «Меня зовут Веста. Веста»...

Рука вновь тянется к коробке с фотографиями. Группа девушек у здания общежития. Здесь она жила... почему в общежитии, почему не дома? Еще одно фото. Мама рядом с чужим человеком, властно держащим ее под руку... Вот и ответ... Отчим. Как его звали? И почему она думает о нем в прошедшем времени? Нет, не вспомнить... Вместо его лица перед глазами пляшут какие-то точки, и очень хочется пить, во рту все пересохло.

Она встает, идет на кухню и открывает кран. Долго-долго стоит перед ним неподвижно и смотрит, как струя коричневой жижи постепенно превращается в воду. Стакан, второй, третий — ей все мало. Странная ненасытная жадность. Вода притягивает ее. Ей хочется не только пить, хочется смочить пересохшую кожу, окунуть в воду лицо, волосы, вдохнуть ее в себя, впитать каждой клеточкой своего тела. В квартире есть душ... Это было первое, что она вспомнила сама, без подсказки. И почувствовала радость от своего небольшого открытия, вот только не понимала, что ее больше радует — первый

самостоятельный шаг или возможность охладить горячую, словно натертую раскаленным песком кожу.

Пройдя в ванную, она разделась нарочито неторопливо, стараясь унять поразившую ее дрожь нетерпения. Кожа на ощупь показалась сухой и горячей. Ощущение было такое, словно она провела рукой по чему-то чужому, не имеющему к ней ни малейшего отношения. Снова мелькнула мысль о наркотиках, и тут же она подумала, что это можно проверить, на коже должны были остаться следы. Но даже такое важное соображение не могло уже сдвинуть ее с места. Больше у нее не было сил сдерживаться, ее тянула к воде какая-то неодолимая сила. Слишком сильный напор водяных струй в первый момент слегка оглушил ее. Хотя вода показалась холодной, почти ледяной, ей так и не пришлось в голову повернуть другой кран. Она стояла под обжигающими холодом струями совершенно неподвижно, закрыв глаза, и только жадно хватала губами водяные брызги, словно все еще не могла напиться. Неестественное, никогда раньше не испытанное наслаждение охватило Весту, пронзило каждую клеточку ее тела и буквально парализовало ее.

Постепенно и очень медленно к ней возвращалось ощущение собственного тела. При этом она обнаружила новую, неизвестную ей раньше возможность мысленно путешествовать внутри себя. Сознание перемещалось от мышцы к мышце. Она ощутила упругость своих легких, горячий узел солнечного сплетения, почувствовала толчки теплой крови, разносящей по телу заряд животворной энергии, и легкое покалывание под правой коленкой, где у нее был широкий уродливый шрам, оставшийся от гвоздя, на который она упала в детстве. Вот и еще одно собственное, не подсказанное извне воспоминание. Может быть, память постепенно проснется? Веста опустила руку, привычным жестом погладила коленку и, вздрогнув, замерла в неестественном, согнутом положении, ощутив под пальцами совершенно гладкую поверхность неповрежденной кожи. Справившись с собой, сдержав первую волну панического ужаса, она бросилась к окну. Шрама не было. Кожа отсвечивала матовой ровной белизной. Чудовищная мысль о том, что ее втиснули в чье-то чужое тело, потрясла ее. Но уже секундой позже в голову пришло более правдоподобное объяснение. Скорее

всего ей подменили не тело — а память. И все эти фотографии, все эти картины детства, умерший отец, гимназия и сам шрам — все это ей не принадлежит. Воспоминания насильственно втиснуты в ее сознание чьей-то чужой волей. И в конце концов она вернулась к тому, с чего начала сегодняшней день. К полному нулю. К необходимости начинать все заново. Одно она знала твердо. Ее ничто не остановит и не запугает. Она подошла к столу и уверенно достала коробку с лупой. Она ЗНАЛА, где должен был лежать нужный ей предмет.

На коже не было следов уколов. Не было ни царапин, ни мельчайших очагов воспаления. Вообще ничего. Такая кожа бывает, наверно, лишь у мраморных статуй.

* * *

— Итак, вы утверждаете, что ваши машины не стали кивальсь?

Капитан полиции Ивестер пододвинул к себе протокол допроса, посмотрел на просвет прозрачную шариковую ручку, словно проверял, много ли в ней еще осталось пасты, поудобней устроился на жестком исцарапанном стуле и всем своим видом изобразил готовность записать мой очередной ответ. Это продолжалось второй час. Я чувствовал в голове пульсирующую тяжесть. Обычную после бессонной ночи. Судя по жидкой полоске света, пробившейся сквозь занавешенное окно, утро уже наступило. Часа четыре мы прождали у обрыва, пока прибыла полиция. Потом они вызвали плавучий кран, водолазов... И до сих пор у меня перед глазами стояла картина ночной набережной. Картина казалась слишком вычурной, неправдоподобной, словно нарисованной плохим художником. Кусок ослепительно белой под лучами прожекторов набережной, человек восемь усталых, продрогших людей, ржавая лебедка крана, медленно, со скрипом тянувшая канат, и плотная непробиваемая темнота окружающего пространства, из которой медленно и неустанно летели сверкающие брызги дождя.

Машина стала видна еще до того, как лебедка вырвала ее из воды. Она напоминала какую-то гигантскую хищную рыбу, заглотившую конец каната с наживкой.

Когда кран приподнял корпус машины над поверхностью моря, из всех щелей длинными белыми струями полилась вода. Теперь машина, висевшая в перекрестье прожекторных лучей, походила на хорошо освещенный аквариум. Уровень жидкости в нем постепенно понижался. Казалось невыносимым увидеть то, что скрывалось под водой на уровне водительского сиденья... Я отвернулся и, только услышав удивленные возгласы, вновь посмотрел на машину.

Кран двинул в нашу сторону своей длинной, теряющейся в темноте стрелой и осторожно опустил машину на набережную. Вода уже не хлестала из нее широкими струями. Последние темные лучи растекались под колесами, ослепительно сверкали никель бампера и совершенно целые стекла салона.

Я не сразу понял, что так удивило столпившихся вокруг людей. Преодолев наконец внутреннее сопротивление, я заглянул внутрь салона. Он был пуст. Совершенно пуст...

— Вы собираетесь отвечать? — спросил капитан, и я с минуту еще молчал, пытаюсь вспомнить, о чем он меня только что спрашивал. Ах да, столкновение...

— Нет. Столкновения не было. Крыло и фара повреждены от удара о столб. Это можно проверить...

— Мы и проверим, не беспокойтесь. Но на «вольво» тоже есть следы удара. У нее смята левая часть багажника, сорван задний бампер.

— Возможно, зацепилась во время падения с обрыва.

— Возможно. Но куда все-таки девался водитель? Двери салона остались закрытыми. Если ему удалось выбраться после падения, вряд ли он стал бы закрывать за собой дверь.

— Логично, — одобрил я.

Капитан посмотрел на меня с раздражением.

— Но ведь именно вы остались на набережной, пока ваш сотрудник, как его... — он заглянул в протокол, — пока Гвельтов ходил звонить, никуда не отлучались, и вы продолжаете утверждать, что за это время никто, не замеченный вами, не мог подняться на набережную?

— Фара хорошо освещала эту часть берега. Нет, там никто не поднимался.

— Получается, что «вольво» сама собой, без водителя, нырнула в море? Или, может быть, водитель растворился?

— Ерунда получается.

— Вот именно, ерунда. Может быть, в конце концов для разнообразия вы расскажете, как все произошло на самом деле? Нет? Ну, тогда я вам расскажу. Вы случайно в темноте задели стоящую на набережной машину. От удара она упала в море.

Я одобрительно посмотрел на капитана. В логике ему не откажешь. Я дьявольски устал от этой ночи. Если бы у меня так дико не болела голова, я бы, возможно, нашел выход из этой дурацкой ситуации. Хотя капитана тоже можно было понять: все происшедшее выглядело чудовищно нелепо. Однако в нагромождении нелепостей и странностей была какая-то логика, ускользающая от меня мысль... Если бы я мог хорошо выспаться и потом на свежую голову все как следует обдумать, может быть, я бы понял, в чем дело. Но для этого необходимо сначала избавиться от Ивестера. А судя по началу нашего знакомства, это будет непросто. Инспектор нам попался въедливый и на редкость упрямый. Допрашивал он нас с Гвельтовым раздельно по второму разу. Все искал несоответствия и логические провалы в наших показаниях. Их было сколько угодно. И к утру он окончательно поверил в то, что имеет дело с двумя отпетыми авантюристами, а может быть, и с преступниками. Благо документов у нас с собой не оказалось, и для выяснения наших личностей все равно пришлось ждать утра. Так что ночь дежурства у Ивестера прошла не скучно. Пока появилось начальство, пока звонили в институт — прошло еще часа два, а к этому времени уже пришел ответ на запрос из Бурминского отделения. И в нем сообщалось, что профессор Мишуриин бесследно исчез из санатория неделю назад, его нет ни дома, ни в институте, его вообще нигде нет. Объявлен розыск. И хотя сообщение об исчезновении Мишурина запутало все еще больше — для меня оно кое-что и прояснило, потому что хорошо укладывалось в то смутное подозрение, которое я упорно гнал от себя

прочь, твердо решив заняться им только после нормального восьмичасового сна.

В конце концов, поскольку доказать нашу причастность к исчезновению профессора из Бурмы было невозможно, Ивестер буквально выдал из меня признание в том, что в темноте я мог и не заметить отсутствие водителя. (Это в несущейся-то через весь город машине!)

Водолазы прочесали дно бухты и, разумеется, ничего не нашли.

Получалось, что мы с Гвельтовым угнали у уважаемого человека, доктора наук, его машину и в хулиганском разгуле сбросили ее с обрыва в море... К сожалению, все это было не так смешно, как могло показаться вначале. Самым же неприятным и, увы, непоправимым во всей этой истории было бесследное исчезновение нашего журнала.

...Я давил на кнопку звонка долго, слишком долго. Я ни на что уже не надеялся, когда дверь вдруг бесшумно распахнулась. Она стояла на пороге в спортивных джинсах и легкой голубой блузке. Казалось, одежда не имеет к ней ни малейшего отношения, так откровенно подчеркивала и передавала она линии ее тела.

— Входите. Я ждала вас.

Очередная нелепость. Час назад я сам еще не знал, что первым делом брошусь сюда в полной уверенности, что никого не застану в пустой захлавленной квартире, готовый поверить, что и самой встречи не было, что мне все приснилось, привиделось. Наваждение? Возможно.

Я переступил порог. Прихожая была тщательно убрана. Календарь исчез. Выцветшее пятно на обоях прикрывала пестрая дорожка. Я не стал задерживать на ней взгляда, стараясь ничем не выдать своего интереса к исчезнувшему календарю. Эта женщина обладала сверхъестественным чутьем. Я бы не удивился, если бы узнал, что она читает мои мысли.

— Я к вам прямо из полиции... — Умней этой фразы я ничего не смог придумать, чувствовал я себя ужасно, ломило виски, затылок, надо было все же сначала выспаться. Теперь я даже не знал, как продолжить разго-

вор, что сказать ей, о чем спросить. — Пропал мой шеф, заведующий нашим отделением, они почему-то решили, что я имею к этому отношение, в какой-то степени они правы, потому что ночью... Мне показалось... теперь я даже в этом не уверен. Мне показалось, ночью я преследовал именно его...

Она взмахнула рукой, как бы отменяя эти беспомощные, ненужные сейчас слова.

— Больше я не стану упрекать вас за те пропавшие месяцы. — И замолчала надолго.

Разговор явно не клеился, я все никак не мог решиться выложить ей свои смутные подозрения и догадки, вообще не знал, как начать разговор. Все выглядело слишком нелепо. «Вы меня вчера предупредили — не ходить в лабораторию, так вот, это предупреждение имело смысл. Не могли бы вы сказать, какой?» Звучало это страшно глупо. Поэтому я сидел и молчал. Нервно курил сигарету, стряхивал пепел в предложенную пепельницу, старался не разглядывать ее слишком откровенно и молчал... Похоже, ее несколько не смущало ни мое молчание, ни мои тщательно замаскированные взгляды. Держалась она сегодня более уверенно. Ну что же, так или иначе придется приступить к деловому разговору, не в гости же я к ней пришел. Или, может быть, все-таки в гости? Дурацкая мысль, дурацкое положение.

— Вчера вечером в лаборатории похитили журнал.

Она никак не прореагировала на мое сообщение.

— Мне иногда кажется, что раньше я курила, но сейчас почему-то совершенно не хочется. — Она взяла из пачки сигарету, размяла ее, понюхала и положила обратно.

Потом провела по лицу каким-то усталым, безнадежным жестом.

— Я знала, что вы сделаете из этого неправильные выводы. А журнал, ну, подумайте сами, кому нужен ваш журнал, там же ничего не было, кроме записей о месте и времени отбора проб...

— Так, значит, вы и это знаете?!

— Знаю. Ну и что? — Она посмотрела на меня вызывающе, почти сердито. — Зачем вы пришли?

— Чтобы узнать, чтобы спросить вас...

— Не лгите. — Она подошла и села рядом со мной.

— Не нужна вам эта копеечная истина, а ту, настоящую, вы все равно не узнаете, во всяком случае сегодня, а может быть, никогда... И поверьте, это к лучшему. Не дай вам бог когда-нибудь узнать...

Ее глаза сузились. Мне показалось, они излучают какой-то лучистый свет, а может быть, это были всего лишь слезы...

— Ты хочешь знать мое имя?

Я молча кивнул.

— Когда я родилась, меня назвали Вестой.

Она взяла меня за руку. Ее рука была холодна как лед. И это было последнее ощущение, которое я запомнил.

— Спи, милый, — сказала Веста. — Мы встретились слишком поздно. Спи.

Я хотел что-то сказать, как-то воспротивиться свету, исходившему из ее глаз, но не мог уже пошевелить ни рукой ни ногой, странный мертвый сон сковал все мое тело. Сквозь смеженные веки я увидел, как она встала, подошла к стене и протянула к ней руку. По стене во все стороны пробежали радужные волны, и почти сразу после этого стена исчезла. В первую секунду мне показалось, что за ней нет ничего, кроме темноты, но тут же я понял, что ошибся. В густом плотном мраке ворочалось нечто огромное и живое, с далекими точками голубых огней, вспыхивавших внутри его бесконечного тела как искры. Может быть, это был космос, а может, ночное земное море...

«Ведьма! — с горечью и восхищением подумал я. — Все-таки она ведьма».

Проснулся я весь в поту, в своей постели, в которую упал шесть часов назад, вернувшись из полиции. Я долго не мог понять, что же это было... Сон обладал слишком четкими реальными подробностями: эта дорожка на том месте, где висел календарь, ее имя... Во рту стояла какая-то отвратительная сухость, словно я наглотался раскаленного песка. Пошатываясь, я встал, прошел на кухню и залпом выпил стакан холодной воды. Полегчало. Я все никак не мог собраться с мыслями, перед глазами стояла ее комната, узенький, закрытый пледом ди-

ванчик и какая-то скорбная беспомощность в ее опущенных плечах... Черт знает что... В семь должен прийти Артам, я едва не проспал из-за этого кошмара. Я сунул голову под кран, струя холодной воды привела меня в норму. Растеревшись жестким полотенцем, я услышал звонок и пошел открывать дверь, полностью уверившись в том, что это был всего лишь болезненный кошмар, навеянный бессонной ночью.

Мы сидели с Гвельтовым в маленьком, пропахшем рыбой кафе на набережной. Разговор не клеился. Он не клеился уже целую неделю, с той минуты, как я открыл ему дверь после визита в полицию... Дальше так продолжаться не могло. Я должен был или все ему рассказать, или потерять своего единственного союзника. В создавшемся положении я не мог этого допустить, хотя отлично понимал, что, рассказав Артаму все, я должен буду выдать нечто очень личное, невольно совершу предательство по отношению к Весте и, может быть, положу конец всей этой истории... Причем я вовсе не был уверен в том, что хочу этого конца. Вообще я плохо представлял, каким образом можно перевести в слова все свои ощущения и переживания этих дней. Ощущение дождя, например, неотвратимости надвигающихся событий или этот последний полубредовый сон... В то же время я отлично сознавал, что, продолжая хранить молчание, я невольно становлюсь соучастником каких-то надвигающихся на нас событий, значение которых может быть настолько велико, что личная судьба одного человека окажется перед их лицом слишком незначительной.

Словом, мы сидели в кафе, ждали заказ вот уже минут сорок и хранили убийственное молчание. Единственная доступная нам тема работы была полностью исчерпана еще несколько дней назад. После пропажи журнала наша деятельность зашла в тупик. Лихорадочные попытки повторить опыт ни к чему не привели. Мы даже не смогли поддержать жизнь в той первой, случайно найденной в колбе колонии. Тепличный режим термостатов и специальных питательных сред, которыми мы старались поддержать ее развитие, оказался для нее губительным. Я не совсем понимал отношение Гвельтова ко всему

происшедшему, он чересчур легко перенес обрушившиеся на нас несчастья, словно они его совершенно не касались, словно вся эта история не имела ни малейшего значения. Объяснял он это тем, что, собственно, открытия никакого не было. Была шальная, преждевременная удача. Она, по его мнению, просто не имела права на существование.

Сейчас Артам сидел, уставившись в пустую тарелку, и скреб вилкой по ее краю. Раздражающий визгливый звук в конце концов вынудил меня попросить его прекратить это занятие. Тогда он отложил вилку, вздохнул и уставился мне в глаза тяжелым, немигающим взглядом.

— Я все жду, шеф, надолго ли вас хватит?

— Ты о чем?

— То, что вы от меня скрыли что-то важное, я понял еще в полиции, когда в своих показаниях вы согласились с официальной версией и не пожелали заплатить штраф за повреждение чужой машины. Но ведь там сидел человек, человек, который погиб, как же вы можете молчать?

— Разве я молчу? Разве я не рассказал в полиции все как было?

— Конечно, рассказали... — Гвельтов поморщился. — Я не об этом. Вы слишком быстро успокоились, слишком легко согласились с ними. Я думаю, вы знаете нечто такое, чего я не знаю. Может быть, вы хотя бы объясните, куда девался Мишурин? Он это был или нет? Я места себе не нахожу с того дня. Каждое утро звоню ему домой и, не дождавшись ответа, вешаю трубку. Мне кажется, я схожу с ума. Бесследно исчезает человек. Мы сбрасываем в море машину вместе с водителем, и в ней никого не оказывается... Но ведь Мишурина нет? Не так ли? Куда же он делся?!

— Видишь ли, Артам, если бы в машине сидел человек, его бы нашли. Капитан Ивестер все доводит до конца.

— Что вы этим хотите сказать?

— Только то, что в машине не было человека.

— Вы хотите меня убедить в том, что мои собственные глаза...

— Я ведь не сказал, что в машине не было водителя... Я только сказал, что там не было человека...

Впервые я осмелился оформить в четкие окончательные слова те смутные образы и мысли, которые бродили у меня в голове все последние дни. И мне стало легче от этого. Дальнейшие слова уже не требовали такого внутреннего напряжения. Гвельтов держался отлично. Он не перебил меня, не задал ни одного вопроса, даже не выдал своего изумления после моих слов, он просто ждал продолжения. И мне уже не оставалось ничего другого, как рассказать ему все с того самого первого дня, когда я свернул на раскисшую от дождя дорогу.

Выслушав меня, Артам долго молчал. Говорят, две головы лучше одной. Я хотел услышать анализ событий со стороны, от человека, не вовлеченного в них так глубоко, как я, и, следовательно, мог надеяться, что его выводы будут свободны от эмоций, более объективны и конкретны. Этой конкретности, сухой объективной логики я ждал как глотка свежего воздуха и в глубине души надеялся, что вот сейчас Артам произнесет какие-то особые, все разъясняющие слова, после которых не останется ни тревог, ни сомнений. Как будто могли быть на свете такие слова, как будто они могли теперь что-нибудь изменить.

Я так и не решился пойти к Весте в течение этой недели. Если, конечно, не считать того визита во сне... Но каждый вечер, засыпая на своей кушетке под сенью ореандума сфангиники, я мысленно вновь и вновь подъезжал к ее дому, выходил из машины, выслушивал упреки за пропавшие из ее жизни месяцы, смотрел на календарь, покрытый слоем пыли, на котором летали бабочки... Жена почувствовала, что со мной происходит что-то неладное, но мы давно перестали откровенно разговаривать друг с другом, и это избавило меня от бесчисленных упреков и объяснений.

Однажды я все же нашел улицу с несуществующим газетным киоском, остановился у подъезда и стоял там не меньше часа. Почему же я так и не вошел? Неужели только потому, что больше всего остального боялся разрушения тайны, простого прозаического объяснения нелепых и странных событий, принесенных Вестой в мой

устоявшийся, спокойный и скучный мирок? Почему сейчас, рассказав обо всем Артаму, я испытывал одновременно облегчение и странную горечь?

Я не хотел его торопить и все же, в конце концов, не удержался, спросил:

— Ну, что ты обо всем этом думаешь?

— Я попробую начать с конца и придерживаться только фактов, более-менее установленных вами. Прежде всего, о пропавшем журнале. Я не уверен, что вас пытались предупредить о визите постороннего в лабораторию, «уберечь от опасности», как вы, очевидно, склонны предполагать.

Я поморщился, меня коробил его слишком официальный тон, но промолчал.

— Скорее уж вас просили не появляться в лаборатории, чтобы предотвратить находку колбы номер сто тридцать.

— То есть ты хочешь сказать, что она предвидела?..

— Вполне возможно, и, когда это не сработало, им пришлось организовать похищение журнала. Сам по себе он не представлял ценности для посторонних. Тем не менее его похитили. Остается лишь один возможный вывод: кому-то не нравились наши последние результаты, кому-то они могли помешать. Причем этот «кто-то» не был заинтересован в наших исследованиях. Сами по себе они его не интересовали. Иначе пропали бы записи с методикой опытов, сами пробы, наконец. Выходит, им было нужно во что бы то ни стало помешать нам довести работу до конца.

— И этот «некто» гримируется под нашего заведомом и потом, похитив журнал, кончает жизнь самоубийством...

— Вот! Эти факты настолько нелепы, что нормальной логикой их уже не объяснить. И заметьте, журнал все-таки исчезает из наглухо закрытой машины. Так что насчет самоубийства... Пожалуй, вы правы — в машине сидел не человек...

— Марсиане? Пришельцы на тарелочках? Не очень-то я в них верю, хотя, должен признать, такая версия могла бы объяснить сразу все сверхъестественные способности наших знакомых. — Я не спеша допил холод-

ный кофе, оставаясь с этой неожиданной мыслью, потом сказал: — Может быть, они и не марсиане. Я уверен, что на Земле хватает своих загадок. Мы стали слишком уж самоуверенны с тех пор, как изобрели железо, электричество и пар.

— Мне очень хотелось бы увидеться с этой вашей знакомой...

— Ну что же... Давай попробуем. Хотя я не знаю, что из этого получится. Может быть, ее попросту не существует. Внушение, гипноз — мне мерещится разная чертовщина. Во всяком случае, хоть что-то прояснится, и мы сможем решить, как действовать дальше. Возможно, мне пора сходить к психиатру. А может, все это гораздо серьезней, чем мы с тобой сейчас предполагаем, и тогда срочно придется принимать какие-то меры, какие-то конкретные действия, вдвоем нам с этим не справиться... Тем более что касается это не только нас.

— Кого же еще?

— Возможно, вообще всех. Всех людей.

Звонок звонил долго, слишком долго, я ни на что уже не надеялся, когда дверь бесшумно распахнулась. Она стояла на пороге, и мне показалось, что сон сейчас повторится. Холодный огонь блеснул в ее глазах... На ней было то самое легкомысленное летнее платье, в котором она села в машину... Я готов был поклясться, что она знала о нашем визите заранее и надела это платье специально, чтобы мне досадить, чтобы издевательски подчеркнуть «чистоту поставленного мною над ней эксперимента». А когда она улыбнулась Артаму обворожительной, почти призывной улыбкой, я в этом уже не сомневался.

— Познакомьтесь, это мой сотрудник... — я запнулся, — вернее, друг. Решили вот зайти...

Я стоял и мямлил нечто невразумительное, а она еще раз обдала меня все тем же презрительным и холодным взглядом, потом подала Гвельтову руку:

— Меня зовут Веста.

Я вытер вспотевший лоб. Сон подтверждался во всех деталях. Ее имя... Дорожка, которую я видел во сне, висела на своем месте. Прошло, наверное, несколько

минут, прежде чем я взял себя в руки. Меня оставили в гостиной, а Веста вдвоем с Артамом готовили на кухне кофе. До меня долетал ее веселый смех и кокетливая болтовня. Наказание обещало быть долгим и суровым. И я не ошибся. Вечер прошел отвратительно. Я все время чувствовал себя предателем, словно выдал некую принадлежавшую не мне одному и дорогую для меня тайну... Так оно, в сущности, и было. Я не испытывал ревности. Меня грызла глухая тоска и страх оттого, что подтвердились самые худшие предположения, оттого, что сон был правдой, а Артам размазней... Да и кто смог бы устоять перед этими глазами?

Я словно раздвоился. Одна половина моего существа жила нормальной человеческой жизнью, она попросту ревновала Весту к Гвельтову, и мне приходилось признать, что всего за несколько дней эта женщина стала значить для меня слишком много. Другая же его половина, не очень заметная, словно сидела в темном углу, сжавшись от ледящего душу страха. Постепенно это впечатление развеялось. Может быть, причиной тому было вино, которого оказалось в буфете у Весты целые две бутылки. Запас продуктов на этот раз тоже не вызывал никаких нареканий. Словом, нас ждали... А может быть, не нас, кого-нибудь другого... Веста включила магнитофон, и они с Артамом очень мило проводили время за танцами. Я же пил стакан за стаканом кислое вино, совершенно не пьянея, только мрачнел все больше. Придется как-то выпутываться из дурацкой ситуации, в которую я сам себя загнал, но я все не находил повода, а может быть, решимости, чтобы встать и уйти. Очередной танец кончился, они оба сели на кушетку рядом с моим креслом, продолжая начатый во время танца разговор. Казалось, они так увлечены им, что вообще забыли о моем присутствии.

— А что вы делаете по вечерам? Бывают же у вас свободные вечера? Неужели сидите здесь одна?

Он что, с ума сошел? Что за пошлости он говорит? Осталось лишь предложить ей свои услуги в свободный вечер. Но Весту ничуть не покорило его вопрос.

— Я много читаю. Часами могу смотреть телевизор. Почти любую передачу. Правда, иногда мне кажется, что раньше я не любила этого занятия.

— Охотно верю. Наше телевидение страдает меломанией и обилием пустой болтовни. Она у них называется «Беседой за круглым столом». А ваша мама, вы, наверно, часто бываете у нее?

Мне показалось, что ее лицо напряглось лишь на секунду и тут же вновь смягчилось.

— Так получилось, что теперь нас мало что связывает. Раньше мы были большими друзьями, но с возрастом отношения меняются. — Вдруг она улыбнулась. — Хотите посмотреть ее фотографии?

Артам, видимо, не ожидал этого предложения и растерялся. Я понял, что он неспроста затеял разговор.

— Нет, что вы, я вовсе не хотел...

— Да? А я думала, вы вообще сомневаетесь в том, есть ли у меня родители.

Это был прямой вызов. Гвельтов смутился, попытался обратить все в шутку, но как-то неуклюже. Хозяйка вдруг потеряла к нашему визиту всякий интерес. Через несколько минут Артам поднялся и стал прощаться. Я молча последовал за ним. Нас не стали ни провожать, ни задерживать. Уже на пороге я обернулся. Веста не смотрела в нашу сторону. В ее пустом и отрешенном взгляде, упершемся в стену, не было ничего, кроме усталости и скуки.

Погода улучшилась. Вечер обещал быть тихим и прохладным. Мне казалось, что с тех пор, как я впервые подъехал к дому, где жила Веста, прошла тысяча лет. Гвельтов отстал. Я не сразу заметил его отсутствие и, погруженный в свои мысли, брел к троллейбусной остановке.

Конечно же, она догадалась, зачем я привел Гвельтова. Надо было сначала откровенно поговорить с ней обо всем, но у меня не хватило на это смелости. Я боялся, что разговор разобьет начало того хрупкого чувства, которое связывало нас, хотя о нем, если не считать сна, не было сказано ни слова. И, конечно, ничего хуже нельзя было в этой ситуации сделать, как только пригласить постороннего человека разбираться в наших с нею делах...

Артам догнал меня у самой троллейбусной остановки, и, оттого что он старательно избегал моего взгляда, я лишний раз почувствовал, какой нелепой затеей был наш визит.

— Ну, так что? Какие выводы ты сделал? — спросил я, чтобы как-то разрядить гнетущее молчание.

Гвельтов словно очнулся от глубокой задумчивости.

— Выводы? Какие ж тут выводы... По-моему, она очень красивая женщина.

— Хорошо, хоть это заметил, — мрачно пробормотал я. — Я же тебя не в гости водил...

— Все, о чем вы говорили в кафе, — нагромождение нелепостей. Она самая обыкновенная женщина и, по-моему, очень несчастная. Она в беду попала, а вы, вместо того чтобы помочь ей, затеяли какое-то расследование. Ваш ученый подход в некоторых случаях выглядит...

Он не договорил, но все было ясно и так.

* * *

После истории со шрамом Веста долго не могла решиться на то, чтобы снова копаться в своем прошлом. Хотелось просто жить, ни о чем не думать, наслаждаться каждым начинающимся днем, воспринимать его как подарок. Это настроение пришло после того, как она поняла, что Глен Лонгаров, случайно подобравший ее на дороге, занимает в ее мыслях все большее место... Вполне возможно, что первоначальный толчок этому процессу дало то беспредельное одиночество, в котором она очутилась, но эта первопричина сейчас уже не имела значения. У нее появился друг. Жизнь приобрела новый значительный смысл. Так было до вчерашнего дня, до того, как он привел к ней своего сотрудника... Она вдруг почувствовала себя подопытной морской свинкой. Получалось, что ее стремление забыть ни к чему хорошему не приведет. Другие все равно не забудут. Человек без прошлого не имеет права жить сегодняшним днем, сначала он должен отыскать свой вчерашний... И она снова начала поиски. Ощупью, наугад... С самого простого. В том же ящике, где лежали пачки с фотографиями, она нашла документы на имя Весты Реналовой, договор на квартиру, квитанцию об оплате и адрес квартирной хозяйки. Срок оплаты истекал через месяц, но она решила схо-

дить по этому адресу и посмотреть, как отреагирует хозяйка на ее появление. Что она помнит о прежней Весте Реналовой? Рано или поздно должны были встретиться люди, которые знали ее раньше, так пусть же это случится скорее!

Дверь открыла толстая пожилая женщина и, не пригласив войти, молча уставилась на Весту. Веста хорошо понимала, что в ее положении следует соблюдать осторожность, чтобы не дать повод для ненужных слухов, которые могли еще больше затруднить ее жизнь в этом враждебном мире. В ней появились несвойственные ее возрасту предусмотрительность и осторожность, и она пользовалась этими новыми качествами. Наконец толстуха не выдержала затянувшегося молчания.

— Ну и чего ты пожаловала, милочка? Как деньги платить, так вас не дожدهшься, а с жалобами так и шастают, что там у тебя стряслось, кран течет?

— Кран в порядке.

— Так чего тебе надо?

Веста достала квитанцию.

— Срок кончается через месяц, и я хотела узнать, какую сумму должна буду вам заплатить.

— А у меня ничего не меняется. Как платила, так и будешь платить. Мне дела нет, что тебя дома никогда не бывает. Желающих на твою комнату знаешь сколько? У меня цены невысокие, потому я беру вперед за год. Так что готовь четыреста монет.

Этот короткий осторожный разговор кое-что все же прояснил. Во-первых, для окружающих она была Вестой Реналовой, и, следовательно, прошлое этой женщины скорее всего и было ее собственным прошлым... Но тогда становилось совершенно непонятным, куда девался шрам с ее колени... Можно предположить, что память не во всем изменяет ей, а лишь в некоторых, но достаточно важных случаях... Как, например, в истории со шрамом. Теперь возникла необходимость как-то рассортировать свое прошлое. Отделить настоящие воспоминания от ложных и постепенно приблизиться к тем пропавшим из жизни месяцам. Сейчас она могла думать о них почти спокойно, без леденящего ужаса первых дней. Ей

даже пришла мысль посоветоваться с Гленом, обратиться к нему за помощью, но она тут же отбросила ее. Возможно, она и расскажет ему, но потом. Слишком это личное. Прежде она сама должна узнать все, что с ней случилось.

Она шла от квартирной хозяйки к своему дому по узкой извилистой улочке. Стены домов, сложенные из огромных глыб серого камня, напоминали стены древних крепостей. Из каждой трещины, расселины, тянулись какие-то кустики, карликовые деревца, островки травы. Им, наверно, было здесь так же тесно, как людям. Веста подумала, что во всей этой толпе нет ни одного знакомого лица, а если кто-то и окликнет ее, она не будет знать, что ответить. Возможно, поэтому она инстинктивно старалась избегать людных мест. Веста ускорила шаг, чтобы скорее выбраться на открытое пространство, но в конце, у перекрестка, улица стала еще уже. Тротуар, обнесенный металлической оградой, превратился в тесный коридорчик. Люди шли вплотную, касаясь друг друга, и Веста вздрагивала от этих прикосновений. Они были ей неприятны.

Неожиданно из перекрестка навстречу Весте вынырнул большой желтый автобус. До него было метров сто, но он шел очень быстро и через несколько секунд должен был поравняться с узким участком тротуара. И вдруг автобус словно бы раздвоился... Однажды в кино Веста видела такую штуку. Тогда от предмета отделилось его движущееся изображение. Именно это произошло сейчас, и Веста, еще ничего не понимая, с интересом наблюдала, как некое подобие миража, изображавшее точную копию желтого автобуса, только совершенно прозрачную, обогнало настоящий автобус и поравнялось с тротуаром. В тот же миг у «миражного» автобуса лопнула правая передняя шина, он резко вильнул в сторону и врезался в тротуар. Веста видела, как на нее неотвратимо надвигается широкая тупая морда машины. Несмотря на то, что сквозь изображение просвечивались дома на противоположной стороне улицы, оно выглядело слишком угрожающе, слишком реально. Веста, вскрикнув, инстинктивно рванулась в сторону: Секундой позже за

ее спиной раздался глухой удар и крики людей. Настоящий автобус врезался в тротуар.

Ночью город замирает. Спят машины, спят люди... Не спит лишь она одна. Не спит восьмую ночь подряд... Нельзя назвать сном ту легкую прозрачную дремоту, которая иногда охватывает ее на час-другой... Теперь она знает, что у нее нет потери памяти. С ней случилось нечто совсем другое... Но что же?! Нельзя неподвижно лежать с открытыми глазами все ночи напролет и слушать шорохи уснувшего города... Шорохи? Да. Только в них какой-то чуждый городу ритм. Легкое шипение воды, скрежет невидимых камешков... Волна за волной. Волна за волной наплывают на нее из темноты. С тех самых пор, как она очутилась на берегу моря, в ушах все время стоит этот легкий прозрачный гул морского прибоя. Дневные звуки заглушают его, но зато ночью, когда город спит, прибой неумолчно звучит у нее в голове и шепчет, и шепчет...

— Что мне делать, скажи? У меня больше нет сил в одиночку бороться. Нет сил... и нет мужества узнать правду...

И прибой словно шепчет ей:

— Ты знаешь правду... Знаешь...

— Знаю, да! Что мне делать с ней?

— Жить...

— Зачем?

— Зачем живут на земле люди?

— Так то люди... А я? Я одна в этом мире.

— Ты не одна. Ты сильнее любого человека. Ты еще не все знаешь, и у тебя есть Глен... Позвони ему...

— Нет. Только не это. Я ничего не могу ему объяснить. Все запутывается с каждым разом все больше. Мне приходится лгать, выкручиваться, притворяться. Я не могу так больше!

— Так скажи ему правду.

— Я сама ее не знаю.

— Знаешь! Знаешь! Знаешь! — грохочет прибой, и волна за волной набегают на нее из темноты. Ей хочется закричать, вскочить, убежать куда-нибудь. Но бежать некуда. Эти звуки у нее в голове. И они всегда с ней. Везде.

* * *

Сведения и факты, относящиеся к заинтересовавшей меня проблеме, часто накапливаются в моем мозгу как бы сами собой, без участия воли. Совершенно автоматически, зачастую даже не задумываясь об этом, я могу таковать различные данные, объединять между собой факты и детали, не имеющие друг к другу ни малейшего отношения, и в результате причудливые фантастические картины рождаются и рушатся сами собой, как смятые налетевшим ветром утренние облака. Иногда, правда, кое-что остается в памяти и по мере надобности извлекается оттуда.

Поведение Гвельтова, а скорее всего самой Весты, дало толчок к такому подсознательному анализу, и из пестрых картин в моей голове постепенно и неожиданно для меня самого стала выкристаллизовываться до нелепости простая идея...

Я могу часами бродить по городу. Ритм ходьбы отключает внимание, рассеивает его и тем самым как бы освобождаст причудливый механизм подсознательного калейдоскопа.

Несмотря на отповедь Гвельтова, меня не мучили угрызения совести и мне вовсе не хотелось бежать к ближайшей телефонной будке, чтобы звонить Весте. Наоборот. В моем отношении к ней появилась изрядная доля скептицизма. Возможно, виновато в этом было уязвленное мужское самолюбие... Итак, я брел по городу и думал о Весте. И, пожалуй, не столько о Весте, сколько о пропаже журнала, о машине, в которой не оказалось водителя. О бесследном исчезновении Мишурина из бурминского санатория. Обо всем сразу, но главное все же — о Весте.

И вот тогда это случилось. В голове словно щелкнул какой-то неведомый переключатель. Я подумал: «У нее пропало пять или шесть месяцев, а встретил я ее двадцатого октября. Кроме того, она что-то говорила о мае... Значит, скорее всего, именно в мае с ней произошло нечто из ряда вон выходящее. Несколько раз газеты писали об исчезновении Мишурина... Наши газеты любят все таинственное, все неожиданное, все, что щекочет

нервы рядовому читателю. Исчезновения, похищения, отравления. Для этого существуют специальные колонки полицейской хроники, и если просмотреть все газеты за май...» Больше я не раздумывал.

В институтской библиотеке я взял три газеты, подробно освещавшие все городские события. Мне не пришлось долго искать. «Городские новости» за 14 мая поместили заметку под заголовком: «Самоубийство или несчастный случай?» Я запомнил ее почти наизусть. «Вчера вечером неизвестная женщина подошла к прокатной лодочной станции. Лодочник, удивившись позднему заказу, назначил двойную цену; однако незнакомка не стала торговаться. Лодка отошла от причала, чтобы не вернуться уже никогда. Погода стояла прекрасная, волны не было, и все же в ста метрах от берега лодка перевернулась без всякой видимой причины.

Дежурный спасатель, очевидец происшествия, так описывает событие: «В шесть часов пополудни от причала лодочной станции отошла прогулочная лодка, она не нарушала никаких правил, но, поскольку в этот час не было других лодок, я следил за ней. (Учитывая внешность, возраст, а также пол гребца, к этим словам спасателя можно отнестись с полным доверием.) У нас на вышке мощная оптика, и я видел все до мельчайших подробностей, — утверждает спасатель. — Лодка отплыла от причала всего метров двести. Потом женщина резко наклонилась к левому борту, словно что-то разглядывала в глубине. Лодка качнулась и, хотя волны совершенно не было, неожиданно перевернулась. Я сейчас же поднял тревогу. Катер подошел к месту происшествия буквально через несколько минут. Однако на поверхности плавала лишь перевернутая лодка. Мы обшарили все дно. Аквалангисты искали не меньше трех часов, до полной темноты. В этом месте нет никаких течений, однако тело утонувшей так и не удалось найти. Полиция просит всех знакомых или родственников погибшей помочь установить ее личность...»

Далее следовали подробные описания примет утонувшей. Там было все. Даже короткое цветное платье, похожее на сарафан.

Я осторожно отодвинул от себя газеты, словно в них была скрыта мина замедленного действия. Я не стал

смотреть, отозвался ли кто-нибудь на призыв полиции, я не хотел больше ничего знать. Необходимо было время для того, чтобы разум мог освоиться с этой нечеловеческой информацией, переработать ее и как-то приспособить к обычной нашей логике...

Одна лишь фраза в стиле только что прочитанной бульварной газетенки назойливо вертелась у меня в голове. «Пять месяцев спустя утонувшую случайно встретили на проселочной дороге...»

...Солнце еще не встало из моря, не успело разогнать туман, но уже наполнило его на востоке ровным призрачным светом. Вода казалась совершенно застывшей, неподвижной и тяжелой. Весла с трудом погружались в нее. И когда, откинувшись всем телом назад, Гвельтов вырывал их из воды, было слышно, как большие тяжелые капли шлепаются обратно в море.

Я сидел на корме и до рези в глазах всматривался в расплывчатые очертания берега, едва проступавшие из тумана. Туман гасил звуки, сжимал пространство. Можно было подумать, что все окружающее на сотни километров вокруг представляет собой это расплывчатое белесое морево.

— Вроде здесь... — неуверенно сказал я.

Гвельтов опустил весла, достал со дна лодки большой черный цилиндр для отбора проб воды и мрачно спросил:

— Какая глубина?

— Если бы я знал... Может, позже, когда солнце разгонит туман, я сумею хотя бы сориентироваться. Мне кажется существенным в точности повторить все условия. Если ты помнишь, в тот раз мы брали пробы в шесть утра.

— Какое это может иметь значение?

— Откуда я знаю? Может быть, в воде образуются специфические вещества, разрушающиеся с восходом солнца. Не так уж много у нас шансов повторить сто тридцатую пробу.

Гвельтов покрутил установочное кольцо, определявшее момент, когда под действием возросшего давления

механизм сработает, крышка цилиндра откроется и пропустит порцию черной воды... На глубине ста метров вода всегда черная, с редкими точками огней... Я и сейчас видел рой этих огней, окруживших брошенный за борт цилиндр. За последнее время свечение моря значительно возросло, и никто толком не знает причины. Обилие планктона, наверно... Уменьшились запасы рыбы, равновесие нарушилось, и образовавшуюся пустоту заполнили собой планктон и медузы. Особенно медузы. Их белесые, похожие на студень тела плотной массой запрудили всю прибрежную зону, завалили пляжи. Даже здесь, вдали от берега, их липкие тела окружали лодку. Я видел, как трос, привязанный к цилиндру, перерезал одну из этих зыбких тарелок, и обе ее половинки спокойно поплыли в разные стороны, словно ничего не случилось.

Разговаривать не хотелось. После визита к Весте отношения между нами разладились, словно Артам был виновен в моем открытии. Прошла неделя, а я все не находил в себе сил даже близко подойти к улице, на которой жила Веста, и старался о ней не вспоминать. Мой мозг словно погрузился в такой же белесый и плотный туман, как тот, что сдавливал сейчас море. У Гвельтова хватило такта не вспоминать о происшедшем. Оба мы с головой погрузились в работу, стараясь во что бы то ни стало восстановить утраченные пробы, повторить первый удачный опыт. Словно успех мог что-то объяснить в этой цепи неразрешимых загадок, окружавших нас со всех сторон. Как бы там ни было, работа была реальным, конкретным и прочным остовом. На нее можно было положиться. Я спешил так, словно боялся опоздать на поезд, словно хотел измотать себя до полного отупления и ни о чем не думать... А что еще мог я сделать? Что мог противопоставить силам, не укладывающимся в границы человеческой логики?

Одна за другой пробы воды оказывались в стеклянных флаконах с этикетками из лейкопластыря. На сто сорок первой пробе Гвельтов не выдержал. Сказал, что с него на сегодня довольно. Из чувства противоречия я отобрал у него цилиндр и сам бросил его за борт. В сто

сорок второй раз. И когда лебедка кончила наматывать трос, сказал, чтобы он греб к берегу.

Вода в отборнике показалась мне какой-то странной, слегка маслянистой... Солнце наконец разогнало последние клочки тумана, и стало видно, что жидкость в последней бутылке действительно отличается от остальных проб. Она слегка опалесцировала и казалась более плотной. Я едва дождался, пока лодка пристанет к берегу.

Не знаю, заметил ли что-нибудь необычное в этой пробе Гвельтов, и до сих пор не знаю, почему ничего ему не сказал.

Мне хотелось лишь одного — поскорее попасть в лабораторию. В тот момент я не думал о приоритете, даже о самом открытии новых, неизвестных науке микроорганизмов. Мне хотелось противопоставить бесчисленной лавине загадок хоть что-то реальное — свой многолетний опыт исследователя, свое умение работать и добиваться успеха там, где зачастую другие отступали.

Я увидел бактерии сразу, как только поднес предметное стекло с каплей воды под бинокляр. Они заполняли собой все пространство... Непривычно огромные, с выпуклыми ядрами и увеличенными зернами хромосом. Их желеобразная оболочка мало походила на оболочку амев, хотя это были, несомненно, амевы, древнейшие и простейшие существа нашей планеты. В отличие от тех амев, которых я хорошо знал, эти не пользовались движением с помощью переливания своего тела из одной ложноножки в другую. Ничего подобного. Они стремительно пересекали поле зрения бинокляра. Больше всего их тела во время движения напоминали крошечных кальмаров, и я не был уверен, что они не используют тот же принцип реактивной отдачи струи воды, которым пользуются кальмары. Для простейших организмов это было, пожалуй, слишком... Я бросился к определению Левинсона. Исходя из одноклеточного строения, я отнес их к классу протозов и тут же убедился, что такого вида в определителе нет...

Смутная догадка шевельнулась в моем мозгу. Мне вдруг захотелось остановить эту амевную круговерть, чтобы рассмотреть получше. Нет, не для этого... Я и так все прекрасно видел. Мне захотелось убить их, увидеть,

как они умирают... Я отлил часть пробы в чашку Петри, под руки попался пузырек с цианидами. Пожалуй, это то, что нужно. Я открыл пузырек и набрал яда. Доза была достаточной, чтобы свалить лошадь. Когда капля яда сорвалась с конца пипетки и упала в чашку, я держал ее в левой руке, мне показалось, что чашка слегка нагрелась. Этого быть не могло, и все же... Я вновь подошел к микроскопу. И не поверил своим глазам. Амебы в чашке были живы. Их движение ускорилося, стало, пожалуй, более упорядоченным. И они были живы!

Повторяя опыт, я действовал гораздо более осмотрительно. Во-первых, я взял из сейфа новую, нераспечатанную склянку с ядом. Кроме того, я вставил в чашку термометр и проделал весь опыт, не отрываясь от окуляров микроскопа. В момент, когда капля с ядом упала в чашку, по всем амебам словно прошла мгновенная конвульсия. Затем они стремительно двинулись навстречу друг другу и соединились в одну общую колонию, похожую на маленький рогатый шар подводной мины... Мне даже показалось, что на концах ее рожек сверкнули синие искорки крошечных разрядов, но в этом я не был уверен... Температура в чашке поднялась на четыре градуса. Вода действительно нагревалась! Но это было еще не все. Колония окуталась облачком мути, потом вода очистилась, и амебы снова распались на отдельные организмы. Правда, теперь они двигались общей группой, параллельными курсами, словно каждую секунду были готовы встретить вместе новую опасность. У меня не хватило духу продолжать опыты, я лишь втянул в пипетку немного воды, стараясь не задеть ни одного из членов этой таинственной колонии. Анализ показал, что цианиды были разложены на более простые безвредные соединения. Скорость, с которой был проделан этот химический фокус, превосходила все известное современной науке. К тому же энергия, выделенная на это, была слишком велика, ее остаток нагрел воду. Амебы все вместе обладали слишком малой массой для выделения такого количества энергии. Откуда же она взялась? Что еще могут эти таинственные существа? Что они собой представляют? Колонию неизвестных науке бактерий или нечто большее, гораздо большее? Нужны новые

опыты, продуманная постановка проблемы, специалисты, наконец. Больше я не имел права работать один.

Все это оказалось слишком серьезным, гораздо серьезнее, чем я предполагал... Я торопливо убрал пробирки и колбы. Поставил пробу вместе с портативным термостатом в сейф, запер лабораторию и пошел домой. Нужно было все обдумать. Решить, к кому именно обратиться, чтобы к моему сообщению отнеслись серьезно. Слишком уж фантастично все выглядело. Но пока у меня есть эта проба, ничего не стоит доказать... Если, конечно, свойства этих одноклеточных организмов не изменятся, если они не погибнут. «Ерунда! — успокоил я себя. — На них не действуют даже цианиды; с такой поразительной способностью противостоять неблагоприятным воздействиям среды и даже изменять ее, они сумеют за себя постоять».

Мои мысли начали складываться в поразительно четкий узор фантастической догадки, связывавшей в одно неразрывное целое все события последних дней. История с Вестой, похищение журнала, заметка в газете и, наконец, мои сегодняшние амебы — все входило в эту догадку. Не хватало лишь последнего штриха, чтобы все стало ясно.

Было около шести часов вечера, когда я вышел из института. Самое «пиковое» время, улицы полны народа, к остановке троллейбуса не протолкнуться. Стиснутый плотной массой человеческих тел, я всматривался в незнакомые и разные лица и, может быть, впервые думал о том, что все мы одно племя на небольшой, в сущности, планете Земля. У всех у нас разные занятия, устремления, и все же в минуту опасности люди сплываются вместе. Сейчас они еще ничего не знают, и чем скорее узнают, тем лучше... «Нигде, пожалуй, так полно не ощущает человек своей причастности к человечеству, как в переполненном троллейбусе», — с усмешкой подумал я и по вернувшемуся впервые за последнюю неделю чувству юмора понял, что снова обрел уверенность в себе. Троллейбус остановился, я вышел и, как всегда, на углу дома привычным взглядом окинул свою машину — на месте ли колеса, подфарники и прочие мелочи. Все было в порядке, но в кабине кто-то сидел... Заходящее солнце,

отражаясь в стеклах, мешало рассмотреть сидящего в машине человека. Я осторожно подошел ближе и по тому, как внезапно стремительно рванулось и замерло сердце, еще до того, как смог что-нибудь рассмотреть, уже знал, кто это.

Ничего не сказав, я опустил на место водителя и захлопнул дверцу. Веста тоже молчала. Наверно, минут пять мы так сидели. Мимо в нескольких шагах тек поток людей. Я опять вернулся в какой-то нереальный мир — мир снов. Я его всегда ощущал рядом с этой женщиной. Молчание становилось невыносимым, но я, стиснув зубы, ждал. Я решил, что на этот раз она заговорит первой и объяснит мне все. Во мне шевелилась и зудела, как комар, одна мыслишка: «Ее появление как-то связано с моим сегодняшним открытием, с этими проклятыми амебами. Не может быть не связано».

Вдруг она повернулась ко мне и сказала:

— Все, что ты прочитал в газете, написано обо мне.

Что-то холодное произошло у меня по груди, сдавило горло. Стало душно. Я опустил стекло, и через некоторое время струя свежего воздуха помогла мне взять себя в руки. Ее голос звучал спокойно, даже как-то отрешенно, словно она рассказывала о совершенно постороннем человеке, о вещах, не имеющих к ней ни малейшего отношения.

— Иногда мне кажется — я что-то помню, какие-то смутные образы... скорее всего, это был бред, последние искаженные проблески сознания. Когда лодка перевернулась, я почти сразу захлебнулась и пошла на дно, я совсем не умею плавать... Потом окончательный мрак, какие-то искры, голоса, сколько это продолжалось — не знаю. Время для меня остановилось. И вдруг дождь... Он лил и лил прямо на меня. Помню, как я удивилась, откуда может быть дождь на дне? Потом вдруг мимо проехала твоя машина...

— Как они выглядят?

Это был мой первый вопрос.

— Я не знаю. Я их никогда не видела. Никто их не видел. Мы только посредники. Они живут в море; вот и все, что я знаю. Я иногда думаю, какие они, пытаюсь их себе представить — и не могу... Вижу что-то бесформен-

ное, огромное... Может, у них и тела нет... Не знаю, ничего не знаю...

Веста замолчала. Пожалуй, я знал об этом больше ее... Перед глазами у меня стоял четкий строй крошечных, неразличимых невооруженным глазом существ.

— Я помню себя с той минуты, как ощутила дождь. Я лежала на берегу, в куче гниющих водорослей. Потом я услышала звук мотора. Дальше ты все знаешь... Но это еще не конец. Вначале я старалась ни о чем не думать. Мне казалось, что это просто чудесное спасение, что мне повезло, волна выбросила на берег мое бесчувственное тело. Я придумывала самые простые объяснения, но потом я увидела календарь и свою квартиру и узнала, что с тех пор, как я утонула, прошло больше пяти месяцев; в тот первый момент я даже подумала, что ты имеешь к этому какое-то отношение. Чтобы не сойти с ума, я должна была найти правдоподобное объяснение... А потом были сны... Но даже во сне я их не видела ни разу, хотя они говорили со мной.

Она замолчала и сидела так тихо, что, если не смотреть в ее сторону, можно было подумать, в машине ничего нет.

Я испытывал к ней беспредельную жалость, хотя она меньше всего заслуживала этого чувства. Любая другая на ее месте вряд ли сумела бы сохранить рассудок, а она как-то справилась со всем этим.

— Послушай, Веста, давай уедем отсюда. Хочешь, я увезу тебя прямо сейчас. Все забудется в конце концов, все могло тебе привидеться как в кошмаре, тебя выбросило на берег! Не было никаких пропавших месяцев! Не было! — Я почти кричал.

Она отыскала в темноте мою руку и крепко сжала. Ее ладонь была горячей, а кожа показалась неправдоподобно гладкой, словно я держал в руках лайковую перчатку... Может быть, у меня чуть-чуть дрогнула рука — не знаю, но она почувствовала, что мне не по себе от ее прикосновения, и убрала руку. Потом тихо сказала:

— Вот видишь... А ты говоришь — забыть. Долги нужно выплачивать. А я получила от них в долг не так уж мало... Всего лишь жизнь... Пусть даже такую, не совсем настоящую...

Я не мог с этим смириться и в то же время не находил в себе сил рвануть рукоятку скоростей, послать машину вперед и увести ее отсюда. Не мог, потому что я не выдержал даже простого прикосновения ее ладони... Молчание затягивалось, превращалось в какую-то холодную стеклянную стену, отделявшую меня от нее. Чтобы как-то справиться с этим, я спросил:

— Чего же они хотят, что им нужно? Для чего они пришли к нам, поднялись со своего дна, зачем?!

— В этом нет ничего непонятного. Люди превратили океан в огромную помойку, в мусорную свалку. Им нечем стало дышать. Наверно, они считали, что, родившись на этой планете вместе с нами, а может быть, даже раньше нас, они имеют право на жизнь, такое же право, как и люди. Я могу ошибаться, это всего лишь мои догадки, но, по-моему, их разум пробуждается только в минуты смертельной опасности...

— Это же безнадежно... Человечество никогда не позволит навязать себе чужую волю. Их вмешательство может затормозить развитие, остановить прогресс. Начнется война, война, в которой их уничтожат.

— Напрасно ты думаешь, что это будет так просто. Они не так слабы, как кажется с первого взгляда, но меньше всего они хотят войны. И все же, если их вынудят, если они решат, что человеческий род не в состоянии дальше управлять планетой... Я не уверена, что в этой войне победят люди... И все же в них нет злобы, понимаешь? Это дает нам надежду... То есть я хотела сказать вам, людям, самое опасное — это посредники. Зачастую выбор случаен, а последствия... Перестав быть человеком, не каждый способен сохранить в себе добрую волю. Есть и такие, которым хочется, чтобы весь мир катился ко всем чертям вместе с ними. В первые дни мне тоже этого хотелось, но потом... Наверно, не всем удается взять себя в руки, хотя бы частично вернуть контроль над своими поступками.

— Значит, есть и другие... Мишурин?

— Да. И он тоже. Все дело в том, что наш мозг функционирует иначе, собственно, у нас не должно было бы оставаться собственных мыслей и желаний, мы были за-

думаны как вместилище для чужого разума. Но все оказалось сложнее, чем они задумали...

— Этого не может быть! Не может!

— Молчи. Не надо. Ты не знал меня раньше и не знаешь того, что знаю сейчас я. Часто я сама не могу определить, какие мысли принадлежат мне, какие им. Наше сознание — это неразрывное целое. Иногда город кажется мне наполненным чужими враждебными существами, я, как рыба, смотрю на него сквозь стекло аквариума.

Веста замолчала. Людской поток на улице постепенно редел. Иногда совсем близко от машины проходили люди, которые жили в соседнем со мной подъезде, которых я когда-то хорошо знал. Сейчас их лица казались мне совершенно чужими. Напротив ветрового стекла машины я видел дом, где недавно жил. Балкон, на котором любил стоять часами... Сейчас я видел все это словно из другого измерения. Вся прежняя жизнь, казалось, не имела уже никакого значения. В полумраке кабины виднелся точеный профиль Весты. Волосы рассыпались по плечам, она сидела совершенно неподвижно, словно заледенев. И вдруг в какую-то долю секунды я понял, что она ощущала в эту минуту... Она сказала уже все, положила последний камень в стену, разделяющую нас, и теперь ждала лишь окончательных слов, которые должны были разрушить все, что у нее еще оставалось в этом мире. Я не испытывал к ней жалости. Только огромное удивление и восхищение перед мужеством этой женщины.

— Послушай, Веста...

Она не шевельнулась.

— Ты знаешь сказку о царевиче, который поймал русалку?..

Она все еще молчала, только отрицательно мотнула головой. Смысл того, что я собирался сказать, еще не проник в ее сознание.

— В этой сказке печальный конец... Русалка не была похожа на обыкновенных девушек, а царевич полюбил ее и хотел на ней жениться. Людские пересуды помешали их счастью... Но на самом-то деле он поймал в свою сеть не русалку, а чудо. То самое необыкновенное, сказочное чудо, которое каждому из нас попадаетея всего лишь раз в жизни, только не все умеют его распознать:

то рыба чешуя мешает, то еще что-нибудь... Так вот, я бы не хотел повторить ошибку царевича... С этого дня мы всегда будем вместе. Я не знаю, сколько нам оставлено времени, никто этого не знает. Но больше я не потеряю ни одной секунды по собственной воле.

В полумраке кабины ее глаза сверкнули, как два огромных изумруда. Я знал, что в эту минуту она видит меня насквозь, читает мои самые сокровенные мысли. Этой женщине я никогда не смогу солгать, даже если очень захочу... Я знал, на что иду, мороз пробежал у меня по коже. Я ждал ответа, но она лишь спросила:

— Ты отдаешь себе отчет? Ты уверен, что справишься?

Вместо ответа я наконец сделал то, о чем мечтал все эти дни. Я притянул ее к себе и крепко поцеловал в горячие, потрескавшиеся губы.

И в эту секунду стеклянная стена, разделявшая нас, перестала существовать.

* * *

Дело это свалилось на капитана военно-морской разведки Лирстона совершенно неожиданно. В то утро он, как всегда по пятницам, дежурил в диспетчерской порта и с нетерпением ждал смены, чтобы отправиться домой и хорошенько выспаться. Дежурства в порту казались ему совершеннейшей бессмыслицей. Никакие иностранные суда в Бринту не заходили, а военные разведки других государств вряд ли интересовал этот захудалый порт. Тем не менее начальство считало необходимым проявлять бдительность, и дежурства офицеров разведки в порту вскоре превратились в скучную и нудную традицию.

Началось все с того, что портовый буксир, старая грязная развалюха, причинявшая диспетчеру порта немало хлопот, поскольку его шкипер к вечеру уже не знал, где находится норд, сошел с курса и вместо грузового причала, бессмысленно покрутившись у мола, вылез из акватории порта. После чего черти занесли его в Лисью бухту. Там, в дополнение ко всем неприятностям, у буксира заглох двигатель. Все это Лирстона не касалось, и он с интересом следил за развитием событий, ра-

дуюсь хоть какому-то разнообразию в скучном дежурстве. Поскольку течение и ветер несли буксир на камни, диспетчер запросил помощи у сторожевика, стоявшего недалеко от Лисьей бухты.

Сторожевик запустил двигатель, развернулся и вошел в бухту. Не дойдя до буксира метров пятидесяти, судно неожиданно остановилось. Попытки связаться с ним по радию ни к чему не привели. Рация на сторожевике перестала работать. Это становилось настолько интересно, что Лирстон приказал дежурному катеру доставить его к месту событий.

Катерок был маленький, но с мощным авиационным двигателем. С него сняли устаревшие торпедные аппараты, и теперь он доживал свой век в порту. К бухте они подошли буквально через несколько минут. Вместо того чтобы снизить скорость у входа, Лирстон, повинаясь некоему интуитивному чувству, попросил механика развить максимальные обороты и не ошибся... Как только катер пересек невидимую черту, отделявшую Лисью бухту от акватории порта, двигатель захлебнулся, и наступила странная после грохота мотора тишина. Благодаря приобретенной при разгоне скорости им удалось вплотную подойти к сторожевику. Там не работал ни один прибор, оказались обесточены все установки и аппараты. Корабль превратился в беспомощное металлическое корыто.

* * *

Гвельтов никогда не напивался до такой степени, как в тот вечер, когда Лонгаров холодно с ним простился, забрал пробы и уехал, оставив его одного. В те дни, когда удачей не пахло, он был ему нужен, как каторжный, сутками сидел в лаборатории, а сегодня...

Еще больше его обиду разжигала мысль о том, что Лонгаров мстит ему за вечер с Вестой. Это было не по мужски... Гвельтов завернул в первый попавшийся портовый кабачок и выбрался оттуда далеко за полночь. Он брел по самой кромке тротуара, то и дело останавливаясь и бессмысленно озираясь. Иногда подолгу стоял неподвижно, обняв фонарный столб, и рассказывал ему о

своих обидах. Прохожих в этот поздний час было немного, а те, что попадались навстречу, сразу же, завидев Гвельтова, переходили на противоположную сторону. Вечерами в городе бывало беспокойно, а от пьяного всего можно ожидать... Так что Гвельтов не испытывал неудобств в своем зигзагообразном движении. Вся левая сторона улицы оставалась в его распоряжении. Только пройдя три квартала и выбравшись на набережную, что заняло у него не меньше двух часов, он наконец понял, что идет в противоположную от дома сторону. Это открытие несколько отрезвило его, а два часа, проведенных на свежем воздухе, уменьшили опьянение. И все же впоследствии, восстанавливая в памяти все события этой ночи, Гвельтов никак не мог вспомнить, в какой именно момент у него появился товарищ... Вроде бы на набережной он был один, а когда шел обратно, у него уже не было необходимости делиться своими печальми с фонарными столбами, поскольку рядом оказался внимательный, чуткий, все понимающий собеседник. Они успели обсудить все достоинства хорошо очищенной можжевеловой водки, тщательно проанализировать влияние провинциальных традиций на качество выделки коньяков и перешли уже к новомодной категории коктейлей, которую оба не одобряли. Затем Гвельтов долго объяснял, каким законченным мерзавцем оказался его шеф, и, кажется, сумел доказать, почему именно. После чего его спутник заметил, что все начальники по самой своей природе — мерзавцы.

Гвельтову давно не попадался такой толковый, настроенный в унисон его самым сокровенным мыслям собеседник. Вполне довольные друг другом, они забыли о времени. Гвельтов помнил, что на углу какой-то улицы, отнюдь не той, что вела к его дому, в руках у его товарища оказалась заветная плоская бутылочка, какие носят в верхнем боковом кармане пиджака истинные ценители и знатоки. Гвельтова, правда, несколько удивил тот факт, что бутылочка оказалась нераспечатанной, в фабричной упаковке...

Когда на дне почти ничего не осталось, Гвельтов перешел к анализу личных связей, на которых держится современное общество. И здесь они оба проявили ред-

костное единодушие и общность взглядов. Дальше в памяти Гвельтова образовался какой-то странный провал, очевидно, содержимое заветной бутылочки подействовало на него сильнее всех предыдущих. Как бы то ни было, полностью очнулся он уже в лаборатории... Причем совершенно не помнил, как сюда попал и почему вообще оказался на работе ночью... Рядом с ним за столом сидел совершенно незнакомый человек. И с этого мгновения мозг Гвельтова заработал уже вполне отчетливо, сохранив в памяти все подробности того, что произошло дальше.

— Итак, вы обещали мне показать ту самую штуку, из-за которой ваш шеф... простите, ваш мерзавец шеф...

Глаза незнакомца блестели холодно и совершенно трезво. Очевидно, он еще не догадался, что в этот момент алкоголь без всякого постепенного перехода полностью потерял свою власть над Гвельтовым и тот сумел не сразу это показать, чтобы выиграть время и прояснить странную ситуацию, в которой очутился. Вполне добро-совестно изображая пьяного человека, он радостно и глупо рассмеялся, шатаясь, подошел к полке и снял старый, прошлогодний журнал. Слава Богу, современные научные учреждения не страдали недостатком создаваемой ими макулатуры.

— Вот тут! — заплетаясь, произнес он и хлопнул по папке рукой. — Вот тут, дорогой друг, все написано! История всех моих бед. Я дарю вам это! — Гость брезгливым жестом отодвинул от себя пропыленную папку и внимательно посмотрел на Гвельтова.

— Вы как будто собирались показать мне совсем не бумаги. — Голос гостя стал строгим, в нем появились металлические нотки. — Перестаньте паясничать, Гвельтов! Вы уже совершенно трезвы. Садитесь и слушайте меня внимательно!

Последнюю просьбу Артам выполнил беспрекословно, все еще надеясь выиграть время и разобраться в непонятной для него ситуации.

— Сейчас вы выключите сигнализацию и откроете шкаф!

— Кто вы такой!

— Не задавайте глупых вопросов. Делайте что вам говорят.

— Вы уверены, что я... — Он не успел закончить.

Перед глазами вспыхнули огненные круги. Страшная боль согнула его почти пополам. Ни глотка воздуха не проникло в его сжатые спазмой легкие. Мучительный удушающий кашель раздирал внутренности. Ударил его профессионал. Ударил со знанием дела. И постепенно, с трудом обретая контроль над непослушным телом, Гвельтов уже знал, что из этой истории ему, пожалуй, не выпутаться...

* * *

В те редкие дни, когда человек бывает по-настоящему счастлив, он может жить, как птица, бездумно и очень часто не замечает этих прекрасных дней. Только потом, когда они уже позади, становится ясной их настоящая цена. Иногда меня даже пугало слишком уж определенное и потому немного нарочитое ощущение счастья. Но, может быть, дело было в том, что я знал: долго так продолжаться не может, все висит на тоненькой ниточке? Во всяком случае, причина моих сомнений была не в Весте. Из нас двоих именно она была, как мне теперь кажется, по-настоящему счастлива и делала все от нее зависящее, чтобы выглядеть обычной, нормальной женщиной.

Она не выносила даже случайного намека на прошлое, на все то, что было до того дня, когда лодка перевернулась. У нее нет прошлого, или, во всяком случае, она не желала о нем знать. Она встретила человека, которого полюбила, и все остальное перед этим фактом просто теряло значение. Мужская логика устроена иначе. Или это только мой мозг не мог смириться с предложенными ему несколько искусственными правилами игры? Может быть, мне нужно было ей просто помочь? Но я не мог ничего забыть. Не мог заставить себя не думать. Не искать ответов на бесчисленные загадки. Не для меня была эта птичья жизнь! И, может быть, она это чувствовала, знала? Конечно, знала. Она знала обо мне все...

Когда же это началось? Когда впервые она решила нарушить неписанные правила, оберегавшие наш хрупкий стеклянный покой? Я хорошо помню этот день... Вос-

кресенье. Мне не надо было рано вставать. Я нежился в постели и слушал, как на кухне Веста, что-то напевая, готовит кофе. Его острый пряный аромат проник в комнату и окончательно прогнал остатки сна. Я не спешил вставать, зная, что кофе, как обычно, будет мне подан в постель... Я прожил на свете почти сорок лет, и никто никогда не подавал мне по утрам в постель кофе. Я читал об этом, видел в кино, но самому испытать этого особого блаженства раньше мне не приходилось.

Я заранее смаковал предстоящий торжественный ритуал: дверь на кухню распахнется, войдет Веста в своем розовом полупрозрачном халатике, который я подарил ей всего неделю назад. Она войдет, улыбаясь, глаза ее будут радостно блестеть. Она всегда улыбается, когда знает, что делает что-нибудь приятное для меня. Любой пустяк ее радует... За всю долгую семейную жизнь я так и не сумел объяснить жене, как именно следует готовить кофе, чтобы сохранить полностью его аромат. Весте не понадобилось ничего объяснять. Она знала наперед все мои вкусы. Она умела так поджарить омлет на завтрак, чтобы на нем не было корочки. Жене это не удавалось ни разу. Сама Веста была удивительно равнодушна к еде. Подозреваю, что в мое отсутствие она вообще не ела. Но даже в этом ей ни разу не изменил такт, и, когда мы вместе садились за стол, она всегда ела хотя и немного, но с видимым удовольствием, стараясь своим равнодушием к пище не испортить мне аппетит. Жене мне частенько приходилось останавливать, напоминая ей, что неумеренность в еде... И тут я поймал себя на том, что мои мысли то и дело возвращаются к моей бывшей жене, к квартире на улице Садовников, к балкону, под которым стояла моя машина... Я не был там уже две недели. Я даже ничего не объяснил Катрин. Она, правда, и не потребовала никаких объяснений. Оказалось достаточно телефонного звонка. Этого я, признаться, не ожидал. Все же мы прожили вместе не один год, и расстаться со мной так просто... Как будто это она со мной рассталась... Нет уж, если быть честным — я с радостью воспользовался случаем избежать всяких объяснений и попросту сбежал. Но сейчас, когда первый шок прошел, следовало все же поговорить. Не желая больше ничего

откладывая, я решительно поднялся с постели и отправился на кухню.

Квартира за те две недели, что мы жили в ней вместе, разительно изменилась. Иногда меня даже раздражала чрезмерная аккуратность Весты. Она словно старалась стереть самую память о том запустении и хаосе, который царил здесь в день нашего первого приезда. Мебель, пол, стекла на окнах — все теперь сверкало и блестело, она ухитрялась наводить этот порядок совершенно незаметно, я ни разу не застал ее с тряпкой в руках. Весте нравилось играть роль хорошей хозяйки. Вот и сейчас, едва я вошел на кухню, она сразу же сняла передник, поставила в сторону поднос и, обернувшись ко мне, улыбнулась... Но, прежде чем я начал говорить, улыбка сбегала с ее лица, уголки губ дрогнули, и она внимательно, почти печально посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты собрался навестить Катрин?

— Да. Там остались кое-какие рукописи, книги, да и вообще следует поговорить, а то как-то странно получилось — ушел, не сказав ни слова.

— Конечно. Тебе давно нужно было это сделать.

Это было все, что она сказала. Ничего хорошего из этой затеи не получилось. Катрин отнеслась к моему приходу спокойно, с деланным равнодушием. Ни слез, ни споров, ни упреков. Она даже помогла собрать нужные вещи и лишь на пороге сказала:

— Некоторые мужчины в определенном возрасте впадают в юность. С этим, как с корью, ничего не сделаешь. Просто нужно переболеть, и все. Я желаю тебе успеха.

Я не возмутился. Визит домой вызвал во мне непонятную глухую тоску. Виной тому была не сентиментальная привязанность к привычному старому дому и не женщина, с которой я прожил бок о бок столько лет, а необходимость возвращаться.

Окончателность и бесповоротность принятого решения, подспудное ощущение ненормальности, неестественности моей жизни с Вестрой.

День для глубокой осени выдался на редкость погожий, весь мой визит на улицу Садовников занял не больше часа. И тем не менее, сидя в машине у перекрестка и дожидаясь, пока зажжется на светофоре зеленый сиг-

нал, я думал о том, каким образом загладить перед Вестой свою вину, хотя не смог бы, наверное, определить, в чем, собственно, она заключалась.

Веста встретила меня подчеркнуто приветливо, почти радостно. И я сразу же изложил ей родившуюся в дороге идею — провести остаток дня за городом. Съездить в лес, побродить по полям — пляжей Веста упорно избегала. Мы вообще очень редко с ней куда-нибудь выезжали, и теперь она совершенно искренне обрадовалась, побежала укладывать корзинку для уик-энда, но вдруг вернулась через несколько минут с посерьезневшим и каким-то отстраненным лицом.

— Ты знаешь, Глен, у меня такое предчувствие, что нам не следует сегодня уезжать из дому. Что-то должно произойти, что-то очень важное.

Ох уж эти мне предчувствия! Они никогда ее не обманывали и именно поэтому вызывали у меня странный глухой протест, словно я ощущал, как кто-то извне пытается навязать нам свою волю. Вот и сегодня с раздражением я настоял на своем. Веста не стала спорить.

В город мы вернулись довольно поздно, часов в шесть. Всю обратную дорогу Веста молчала, но перед самым поворотом на нашу улицу вдруг спросила:

— Скажи, Глен, как ты теперь относишься к Артаму?

Вопрос прозвучал для меня неожиданно. С самого нашего совместного визита, понимая, наверно, что всякое напоминание о Гвельтове с ее стороны будет для меня неприятно, Веста словно забыла о нем, и вдруг этот вопрос.

— Нормально отношусь. Он мой сотрудник. Хороший сотрудник. Почему ты спросила?

— Потому что сегодня... — Она замолчала, и я наконец заметил, какая мучительная борьба происходит внутри нее. — Мне очень не хочется об этом говорить. Но сегодня у него должны произойти неприятности, и я не знаю, как ты отнесешься к этому. Если я тебе не скажу сейчас... — Она окончательно запуталась.

— А ты скажи. — Я остановил машину, и последняя фраза прозвучала у меня нервно, почти зло.

Это подтолкнуло ее, она вдруг спросила:

— Ты запер пробы в сейфе? Артам знает шифр?

Я вообще ни разу не говорил ей о пробах. С памятного дня разговора в машине мы старательно избегали подобной темы.

— Мне кажется, ты должен отпустить их обратно в море. Иначе произойдет несчастье...

Она наверняка знала, какое впечатление произведут на меня ее слова. Она сидела вся сжавшись, стиснув ручку сиденья. Я видел, как побелели ее пальцы.

— Я не должна была этого говорить, они просто уверены, что я не скажу. Но если с Артамом, а потом с тобой произойдет что-нибудь...

— Довольно меня запугивать, я сам знаю, что мне делать!

Мы молчали всю оставшуюся дорогу. Молча поднялись на пятый этаж, молча открыли дверь. Сверкающая чистота квартиры второй раз за сегодняшний день бросилась мне в глаза. Я помнил все. Помнил, где именно висел календарь 20 октября. Помнил грязную дорожку на полу. Я искренне хотел забыть — и не мог. Сегодняшний визит на улицу Садовников — всего лишь первая ласточка... Не так это просто — жить с русалкой. Совсем не просто. Я думал о том, что в металлической коробке сейфа лежат сейчас живые частицы огромного монстра, расположившегося на дне залива. И, конечно, что-то должно было случиться. Что-то должно было быть предпринято для возвращения отделенной части колонии. Странно, что мне вообще удалось взять эту пробу. Может быть, в тот момент было подходящее время. Или место. Возможно, они попросту спали... Кто знает! Как бы там ни было, отделенную часть теперь хотели вернуть обратно. Гвельтов... Да. Он знает шифр. И сделает все от него зависящее, чтобы не отдать им пробы. И вот тогда действительно может произойти несчастье! Больше я не раздумывал ни минуты. Уже в прихожей услышал, как Веста сказала:

— Я поеду с тобой!

— Спасибо. Не нужно.

Ее не остановил даже мой оскорбительно-враждебный тон.

— Один ты не справишься. Я поеду с тобой!

Времени на споры не было. Но только ли потому я согласился? Скорее всего, мне захотелось раз и навсегда

выяснить, на чьей она стороне, как будто я имел право в этом сомневаться...

В институте света не было даже перед подъездом, где всегда горел фонарь, чтобы дежурный швейцар мог видеть неурочных посетителей. Я схватил фонарик, который, к счастью, возил в машине, и толкнул дверцу.

— Подожди минуту. Еще не время... — Не обратив внимания на слова Весты, почти не слыша ее, я дергал заклинившую ручку.

— Проклятый замок! Сколько раз собирался смазать... Выйду через твою дверцу! Подвинься!

— Я просила тебя подождать... Но как хочешь...

В тот момент мне некогда было раздумывать над странным поведением дверцы, я бросился к институту. Парадная дверь оказалась незапертой, и едва я захлопнул ее за собой, как оказался в полной темноте. Не зажигая фонарика, медленно, на ощупь я двинулся к лестнице, стараясь уловить малейший шорох и держа наготове фонарик — единственное свое оружие. Только теперь я почувствовал всю сложность своего предприятия. Огромное, погруженное в темноту здание жило своей собственной жизнью. С верхнего этажа доносился глухой, ритмичный шум, какой-то скрип, потом там словно бы загудел пылесос.

В темноте этот звук казался особенно нелепым. Я уже дошел до лестницы и, все еще не зажигая фонарика, медленно стал подниматься. Неожиданно задев плечом за невидимый выступ перил, я выронил фонарик. Звук его падения показался мне грохотом. Почти сразу я нащупал его на ступеньке перед собой и вновь сжал в ладони скользкую металлическую трубочку. Я не знал, разбилась ли лампочка, и не хотел проверять. Меня могли поджидать на лестничной площадке. В этой крошечной тьме я был совершенно беспомощен. Но, покрываясь холодным потом, я упрямо шел по лестнице вверх на четвертый этаж. Институт словно вымер. Наконец я добрался до двери своей лаборатории. Я осторожно провел рукой по филенке и вздрогнул: в двери торчал ключ. Ни у меня, ни у Гвельтова своего ключа не было. Ключ всегда хранился внизу у привратника, и в воскресенье без моего разрешения его никому не могли выдать, следовательно, что-то случилось...

Теперь в этом не было ни малейшего сомнения, и страх, преследовавший меня все это время, внезапно прошел. Сейчас я испытывал только ожесточение и какой-то лихорадочный подъем.

Я решительно рванул дверь и сразу же включил фонарик, но лампочка не зажглась, и в первую секунду я ничего не увидел. Однако из окна с улицы проникал рассеянный свет от уличных фонарей, и в темноте довольно отчетливо проступали очертания предметов. Первое, что бросилось мне в глаза, был развороченный сейф. В углу лежала скорченная человеческая фигура, рядом с ней на полу расплзлось темное пятно, более темное, чем окружающий мрак.

Я хотел было броситься к лежащему на полу человеку, но меня остановил шорох у двери за моей спиной. Я резко обернулся. Глаза уже привыкли к полумраку, и теперь я видел все совершенно отчетливо. Высокий человек в плаще с чемоданом в одной руке медленно поднимал другую руку. Я уже знал для чего. Нас разделяло метра два, но мне казалось, что даже в темноте я отчетливо вижу черный зрачок пистолета. Сухо щелкнул курок. Выстрела не последовало. Стоящий у двери грязно выругался. Пистолет щелкнул еще раз. В следующий момент, широко размахнувшись, он прыгнул на меня и словно споткнулся о невидимую преграду. Чемодан и оружие вылетели из его рук, и со всего размаху он рухнул на пол. Грохот от падения тяжелого тела отдался долгим, постепенно замирающим эхом.

Я стоял словно пригвожденный к месту, не смея шевельнуться. У моих ног валялся выпавший у налетчика пистолет. Человек на полу не двигался. Инстинктивно моя рука потянулась к выключателю настольной лампы. Я не ожидал, что она загорится, но лампочка вдруг вспыхнула и наполнила лабораторию ослепительным мертвенным светом. Как только глаза привыкли к этому новому резкому свету, я понял, что лежащий у сейфа человек не Гвельтов. То, что он мертв, я почувствовал еще раньше. Вокруг его головы расплзлось широкое пятно крови. Напавший на меня по-прежнему не шевелился. На всякий случай я навел на него пистолет и только теперь увидел, что это вовсе не пистолет... Предмет напоминал скорее детский пенал с ручкой и кнопкой на нем.

Часть, служившая стволом, оказалась наглухо закрытой. Вообще этот странный предмет не имел ни одного отверстия. Разглядывая его, боковым зрением я напряженно следил за распростертой передо мной фигурой. Налетчик по-прежнему не шевелился. Что с ним произошло, какая сила остановила его? Видимо, меня ожидала участь того; кто лежал у сейфа с разможенной головой. Было похоже, что сейф взорвали или выжгли автогеном. Я не слишком разбираюсь в этих вещах. Дверцу с чудовищной силой выдернули из петель, и теперь она висела сбоку, приоткрыв пустое нутро сейфа...

Только сейчас мой взгляд упал на выпавший у налетчика чемоданчик. От удара крышка отскочила, и по полу рассыпались какие-то предметы. И сразу же среди них я увидел наглухо закрытый контейнер, в котором у нас хранились последние пробы. Так вот что ему здесь было нужно! Но они не успели, не все еще потеряно! Мысли лихорадочно теснились в моей голове. Они наверняка не ожидали такого нелепого конца. Что там с ним случилось? Неважно. Важно, что пробы целы. Если мне удастся сейчас же вывезти их из города, то в столице я постараюсь привлечь к ним внимание ученых и властей. Вот в чем ценность наших проб! Конечно, мне попытаются помешать. Но что бы со мной ни случилось, я все же попробую.

Осторожно, словно боясь разбудить лежащего на полу человека, я медленно двинулся к чемоданчику. Едва я сунул в него выкатившийся контейнер с пробами и защелкнул крышку, как на столе требовательно зазвонил телефон. Неизвестно почему, вместо того чтобы бежать от всего этого ужаса, я покорно прошел к столу и снял трубку.

— Здравствуйте, — произнес незнакомый спокойный голос.

Ничего нелепей этого «здравствуйте» посреди развороченной, залитой кровью лаборатории я, пожалуй, не слышал. Я хотел повесить трубку, но голос произнес:

— Подождите. Это есть очень важно. Вы неправильно понимаете ситуацию.

Странность голоса, звучащего в трубке, была не в исковерканном построении фраз. Даже не в интонации.

В чем-то еще, я не понимал, в чем именно, и, возможно, поэтому не вешал трубку.

— Все, что произошло, не есть ваша вина... Другой человек... Мы не понимаем, зачем он хотел взять себе то, что вы называете «Альфой». Человек, который работает с вами, не давал. Тогда они открыли сейф, хотели взять силой.

Долгое-долгое молчание. Потом вопрос:

— Вы нас понимаете?

— С кем я говорю?

— Это не есть важно. Важно вернуть «Альфу», иначе люди, которые были здесь, убьют вас и захватят «Альфу».

— Зачем она им?

— «Альфа» останавливает энергию. Если есть «Альфа», можно не бояться бомбы. Можно начать войну... То, что вы нашли на полу, имеет быть таким оружием, можете пробовать. Выберите предмет, большой энергией обладающий внутри себя. Аккумулятор, бомба, нагретая печка, человек, пробуйте.

Он говорил еще долго, а я покрывался холодным потом и не знал, что именно придает мне мужества продолжать этот разговор. Странность голоса, звучащего в трубке, была не в построении фраз, не в смысле слов. Теперь я понял, в чем именно. Если взять магнитофонную пленку с записью речи, произнесенной одним человеком, а потом разрезать ее на части, на отдельные слова и эти слова склеить в другой последовательности, таким способом, наверно, можно построить любую фразу. Вот только интонация голоса не будет соответствовать тому, о чем говорится... Именно это я сейчас и слушал. Со мной разговаривал не человек.

Когда голос в трубке наконец смолк, я осторожно положил ее на рычаг, словно она была стеклянная, и не спеша пошел к выходу. Все вдруг стало незначительным, мелким — засады, выстрелы из-за угла, даже смерть отдельных людей.

Какое-то время они не будут знать, что именно я задумал. Они сказали: можно воспользоваться канализацией, но лучше всего вылить пробы обратно в море... К морю придется проехать. Не сразу, конечно, не

сразу... Об остальном я старался не думать. Человек в лаборатории мог быть не один. Кто-то должен был страховать его снаружи. Черный трубчатый предмет с красной кнопкой все еще лежал на столе, там, где я положил его, когда нагнулся за чемоданчиком. Они сказали — оружие? Возможно, оно пригодится. Вполне возможно... Коробка легко скользнула в карман плаща и легла там удобно и незаметно. В последний раз я окинул взглядом лабораторию, взял чемоданчик с пробами, выключил свет и неторопливо пошел к лестнице.

Веста сидела в машине, свернувшись калачиком и прислонившись головой к спинке сиденья. Похоже, она спала... Когда я открыл дверцу, она шевельнулась, что-то пробормотала и вновь откинулась на спинку. Пусть спит, это сейчас самое лучшее, не надо ничего объяснять. Я кинул чемоданчик на заднее сиденье, завел мотор и медленно поехал вдоль улицы.

Миллионы лет летала в космосе пыль. В тонких, но прочных оболочках вместе с бесчисленными пылинками спали их споры... Миллионы лет назад на Землю упал метеорит, падающая звезда, одна из бесчисленного множества... Она упала в земной океан, где все условия подходили для развития жизни. В благоприятной среде споры раскрылись, и на Земле появились ее первые, самые древние жители, основоположники потока эволюции, родоначальники бесчисленных живых форм и, в сущности, наши предки... Вот кто они такие, эти далекие от нас амобы... Но, кроме этого, они сохранили и свой собственный вид. Их древнейший род приспособился к самым жестким условиям существования. Им нипочем было даже ледящее дыхание космоса. Бесконечную череду лет, пока их братья на земной поверхности изменялись и приспосабливались к внешним условиям, они дремали в глубинах океана, словно дожидаясь своего часа... Разум... был ли он свойствен их колониям всегда? Или возник лишь здесь, на Земле, в минуту грозной опасности?

Этого я не узнал, да теперь это было не так уж и важно. Веста была права. Они поднялись из глубин потому, что даже туда, на тысячи метров вглубь, подводные течения принесли наконец грязь, которой люди обильно посыпали свою планету. В конце концов, это

должно было случиться. Слишком долго человек «боролся» с природой, забыв, что она его колыбель. Мы перешли грань, за которой пассивное сопротивление окружающей среды становится активным. Мы говорили, что природа — это сложный живой организм, но на самом деле не понимали толком, что это значит. Во всяком случае, не знали, что иногда это следует понимать буквально...

Они пытались объяснить мне, что дальнейшее загрязнение Мирового океана грозит гибелью всему живому на нашей планете, словно от меня что-то зависело, словно я мог остановить безумцев, сбрасывающих в океан тысячи контейнеров с ядовитыми газами и радиоактивными отходами, сотни тысяч тонн пестицидов, миллионы тонн нефти. Они почти ничего не знали о нашем общественном устройстве, о том, что воля одного-единственного человека значит в этом мире так мало. Что даже усилия правительств больших и могучих государств не всегда в состоянии справиться с инерцией однажды запущенной машины технического прогресса.

Сейчас они еще слишком мало знали о нас и хотели узнать больше... В чем-то они были потрясающе наивны, в чем-то их мудрость превосходила мой уровень понимания. Так, например, я не смог уяснить, на какой энергии основано их существование. Это был какой-то новый, неизвестный человечеству принцип. Они умели тормозить движение электронов и использовать выделенную при этом энергию для своих нужд. Вся их колония существовала внутри силового кокона неизвестной нам энергии. При желании они могли расширить его границы. Я не смог выяснить, как далеко... Речь, видимо, шла о десятках километров. Именно эту энергию, по их словам, и собирались использовать люди, пытавшиеся похитить пробы. Так ли это? Не они ли сами через своих посредников устроили нападение на лабораторию?

Откуда мне знать, правду ли они говорят? Кто вообще может это знать? Слова о сохранении среды могут быть всего лишь маскировкой. Что, если требование очистить окружающую среду, перестать загрязнять океан будет лишь началом? Кто может поручиться, что им понадобится от нас нечто большее? Дополнительное про-

странство, например, для своего размножения, специальные, искусственно созданные водоемы, кто знает, как далеко зайдут их притязания, если они смогут подкрепить их реальной угрозой гибели миллионов людей?.. Что, если перед нами коварный умный враг? Кто поручится, что с такой же легкостью, с какой разлагали использованные мной во время опыта яды, они не смогут синтезировать собственные, еще более страшные...

Я остановился в переулке напротив дома, в котором мы жили с Вестой. Может быть, в последний раз я здесь стоял? Если хотя бы часть моих опасений справедлива — мне не дадут выскочить из города. Несколько секунд я не хотел ее будить. Только разглядывал бледное, без кровинки, лицо, словно старался запомнить его навсегда.

Была ли она до конца искренна со мной? Даже в этом я сомневался теперь... Ее поведение можно было истолковать двояко. Может, она хотела защитить меня, а может, старалась помешать... Как знать?.. Веста застонала и задвигалась во сне... Пора прощаться. Я не знаю, вернусь ли, во всяком случае, я сдержал слово: мы были вместе до самого последнего дня. Сегодня он наступил, этот последний день. Я думал об этом без горечи, отрешенно. Почти равнодушно. Наконец, видимо почувствовав мой взгляд, Веста открыла глаза. Они не походили на глаза только что проснувшегося человека. В них было и понимание, и боль — все сразу...

— Ты решил уехать?

Как всегда, она попала в самую точку. Я не стал ничего отрицать, лишь молча кивнул головой.

— Я знала, что так будет. Я их предупреждала. Но они мне больше не верят. Они думали, я не вмешаюсь, что им удастся меня заставить...

О чем она говорит? Я не в силах был этого понять. Или не хотел? Слишком много вопросов. Но я уже все решил и не нуждался в ответах.

— Я хочу, чтобы ты вышла. Я сейчас уеду. Постараюсь вернуться.

— Я знаю. Ты постараешься вернуться... Постарайся вывезти из города эти проклятые пробы, и тебя убьют по дороге. Я знаю...

— Не такая уж ты провидица...

— Почему ты не хочешь, чтобы нас оставили в покое? Почему ты не отдал им эти пробы? Тебе позволили взять их на время, верни то, что принадлежит им!

— Сейчас это единственный шанс у меня и, может быть, у всех нас. Никто не станет меня слушать. Я ничего не сумею объяснить без этого чемоданчика! Ты же все понимаешь, Веста!

— А если тебя выслушают, поверят, что тогда? Что это изменит?

— Я не знаю. Не хочу знать. У каждого из нас свой долг. Я обязан дать людям шанс. Они имеют на это право.

— Шанс для войны... Ну почему, почему вы всегда мыслите категориями борьбы, схватки? Почему они преобладают надо всем прочим: война, враг, обман... Ты даже мне не веришь...

— Иногда я не верю даже себе. Одно я знаю: мы наконец достукались. Достукались... Все имеет конец. Терпение природы не безгранично. Она породила нас, и она же нашла способ противостоять нам, когда мы перешли предел. И все же люди имеют право хотя бы узнать об этом, пока еще не поздно, пока можно что-то изменить.

— Значит, ты все решил?

— Да.

— Ну так поезжай, чего ты медлишь?

— Я жду, когда ты выйдешь.

— Нет, мой милый. Когда-то ты сказал, что мы будем вместе до конца. До самого конца. Вспомни об этом.

— Я помню. Но ты все равно не сможешь мне помешать.

— Я и не собираюсь. Я знаю, что ничего не смогу изменить.

Я не имел права рисковать ее жизнью и знал, что, если понадобится, силой вытолкну ее из машины. Я повернулся, собираясь осуществить свое намерение.

— Прости, но у меня нет времени спорить.

Я протянул руку и не смог прикоснуться к ней, словно кто-то натянул в кабине между нами упругую непробиваемую пленку. Холодная странная усмешка тронула ее губы.

— Ты все еще думаешь, что тот человек в лаборатории попросту споткнулся? — Она помолчала. — Никто не виноват, что ты выбрал русалку. Мы поедем вместе и вместе до конца разделим все, что нас ждет в дороге. Я пыталась не вмешиваться, старалась забыть обо всем, чему меня научили там, в глубине, берегла наши дни. Их ведь было так мало, — сказала она с горечью. — Теперь мне уже нечего беречь... Ты не сможешь забыть... Ты и раньше меня боялся, я знаю... А теперь поезжай...

Я молча повиновался. Мотор завелся легко, и машина понеслась по пустынной дороге прочь от центра города, от моря, к началу большой трассы, ведущей в столицу, к людям.

Машина вела себя довольно странно. Стоило прикоснуться к педали акселератора, как стрелка спидометра проскакивала цифру восемьдесят. Впечатление было такое, словно кто-то вставил под капот дополнительный мотор. Мне все осточертело, и, не задумываясь, я гнал машину вперед, стараясь поскорей вырваться из города, как будто это он был виноват во всем, как будто в нем сидела невидимая и неосязаемая зараза, постепенно отнимавшая у меня Весту... Иногда, запрятанные где-то в глубине сознания, всплывали непрощенные мысли... Значит, напавший на меня человек не споткнулся... Как она это сделала?

Скорее всего, он не был человеком. Странное оружие подобрал я на полу... Это был посредник — так, кажется, называли они искусственных полуплюдей? Но ведь и Веста тоже...

Я спохватился слишком поздно. Ее лицо исказила гримаса боли: «Она знает все, о чем я думаю. Это трудно выдержать. Но раньше я этого не замечал — не замечал, потому что мне нечего было скрывать от нее. Наверно, люди еще не готовы к такому уровню общения, может быть, когда-нибудь, через тысячу лет...»

Далеко позади над морем занимался хмурый рассвет. Мы уже миновали центр города и приближались к окраине: Где-то здесь, перед выездом на загородное шоссе, должен был быть полицейский дорожный пост. Я толком

не знал, кого мне следует опасаться. Кто были те люди, которые пытались похитить пробы? Куда девался Гвельтов? Жив ли он?

— Это были люди из военной разведки, — как всегда неожиданно, сказала Веста. — Они давно заинтересовались тем, что происходит в порту. А с того дня, как сюда приходила чужая атомная подлодка с «визитом дружбы», — это дело приобрело для них совершенно особый интерес...

Я хорошо помнил эту историю. В газетах тогда поднялась шумиха, сразу же прекращенная невидимой, но могучей рукой. Однако суть происшествия газеты успели сообщить... Кажется, все атомные заряды, бывшие на борту лодки, и топливо для реактора превратились в обычный свинец. До сих пор я считал эти сообщения газетной «уткой».

— В тот момент, когда вы с Гвельтовым отбирали пробы в заинтересовавшем их районе, вы попали под наблюдение. Какое-то время они не вмешивались, но недолго, как видишь.

— Что произошло в лаборатории? Где Гвельтов?

— Они хотели захватить ваши пробы. Гвельтов поднял тревогу, потом там появился посредник, которого ты видел. Гвельтов жив. Пока жив... А теперь у светофора поверни направо. Тебя уже ищут. Дорожная полиция по радио объявила розыск.

Сам пост мы проехали спокойно. Однако через несколько километров я увидел стоящий на боковой развилке джип военного образца. Возможно, он ждал здесь вовсе не нас. Я решил не рисковать и до отказа вдавил педаль акселератора. Мотор басовито загудел, и машину буквально швырнуло вперед. Как только я прибавил скорость, джип ринулся нам наперерез. Однако водитель не учел мощности нашего мотора. Мы оказались у перекрестка на несколько секунд раньше. Не сумев перекрыть дорогу, джип оказался у нас в хвосте. Расстояние между машинами быстро увеличивалось. В заднем зеркале я увидел, что джип остановился. Почти сразу прозвучал выстрел, и я услышал характерный визжащий звук, который бывает, если пуля ударит в препятствие и рикошетом уйдет в сторону. Однако самого удара не

слышал. Не было и второго выстрела. Через полминуты джип превратился в едва различимое пятнышко. Мы неслись по пустому шоссе в полном одиночестве.

— Придется остановиться и осмотреть машину — пуля могла ударить в крышу.

— Не нужно. Пуля вообще не коснулась машины.

— Но я же слышал, как она отрикошетила!

— Это я ее остановила.

Я даже не удивился. Только посмотрел на Весту. Она дышала тяжело, и я мельком увидел у нее на лице гримасу боли, исчезающую сразу же, как только я на нее посмотрел.

— Может быть, ты объяснишь, как тебе это удается?

— Нужно представить себе оболочку вокруг машины. Очень плотную, гладкую. Ее не видно, но пуля не может пройти... Извини, мне трудно говорить, слишком большое усилие. Это сейчас пройдет. Ты не обращай внимания. Самое сложное впереди. Они вызвали вертолет, энергии остается все меньше, и я не знаю, сумею ли тебе помочь.

О какой энергии она говорила? Я почувствовал, что за этим скрывается что-то очень важное, но в ту минуту все мои мысли приковал к себе вертолет. Если Веста права, если те, кто за нами охотится, действительно вызвали вертолет, значит, встреча с джипом не случайна. Нас ждали и сделают все, чтобы остановить.

Еще минут десять мы мчались по шоссе беспрепятственно. Я взглянул на километровый столб, мелькнувший за окном. Двадцать пять километров отделяло машину от окраины города. Еще километров пятнадцать-двадцать, и прямая лента шоссе, на которой мы видны как на ладони, упрется в уездный центр, там появится шанс затеряться в потоке транспорта. Еще минут восемь на такой скорости, и они не успеют нас перехватить.

Но уже через пару минут я услышал над головой характерный клекот авиационного мотора. И почти сразу над нашими головами застрочил пулемет. Звук был такой, словно кто-то ударил по куску железа огромным молотом. Пули с визгом шлепнули в асфальт впереди машины. Крупнокалиберные разрывные пули взметнули над дорогой облачка разрывов. Одного попадания было

достаточно, чтобы с нами покончить... И тут я увидел, как нас накрыла целая очередь. Машина вздрогнула, словно на нее обрушился град камней. Вокруг нас на дороге выросло ровное, почти геометрически правильное кольцо разрывов. Одновременно глухо вскрикнула Веста. Я увидел, что ее тело бессильно сползает с сиденья. Я резко нажал на тормоз. Вертолет проскочил над нами, и вихрь пулевых разрывов унесся по шоссе вперед. Я нагнулся к Весте. Она прошептала:

— Я больше не могу их держать... Нет сил... Излучатель... У тебя должен быть излучатель...

Ее голова бессильно откинулась. Глаза закрылись. И тут я вновь услышал клекот вертолетного мотора. Вертолет возвращался. Эти люди хотели нас убить. Может быть, они уже убили Весту... Эта мысль обожгла меня, наполнила холодной яростью. Я помнил про излучатель. Помнил про него все время. Будь это автомат или пулемет, я бы воспользовался им, не задумываясь, но применить против людей чужое нечеловеческое оружие казалось мне невыносимым. И тут на какую-то долю секунды мне почудилось, что я смотрю на дорогу глазами летчика, ведущего к нам эту стрекочущую смерть. На шоссе, беспомощно прислонившись к бровке, неподвижно стояла безоружная машина. Ее длинное тело отчетливо виднелось в перекрестье прицела. Совершенно точно я знал: через пять секунд этот человек нас убьет... И тогда что-то сломалось во мне, я распахнул дверцу, вытянул навстречу приближавшемуся вертолету руку с излучателем и нажал кнопку. Ничего не произошло. Только стало удивительно тихо. Лишь через несколько секунд я понял, что пулемет захлебнулся и мотор вертолета уже не работает, хотя винт продолжал вращаться. Машина, потеряв управление, скользнула в сторону и круто пошла к земле. Она пронеслась над невысокими холмами справа от шоссе и скрылась за ними. Через минуту над холмами показался столб жирного коптящего дыма.

Я стоял неподвижно, прислонившись к машине, и боялся посмотреть на Весту. Предчувствие неминуемой беды не покидало меня с момента отъезда. Наконец я взял себя в руки и подошел к Весте. Ее тело обмякло, голова бессильно прислонилась к подушке сиденья. Я взял

ее за плечи и усадил ровнее, словно это могло помочь. Моя рука торопливо и бесцельно бегала по ее запястью, пытаюсь нащупать пульс. Его не было. Вдруг я остановился. Я не знал, был ли у нее пульс раньше, вообще должен ли он у нее быть. Может быть, от этой мысли беспорядочные факты вдруг выстроились в моей голове в стройную цепочку. Я вспомнил, что в моих лабораторных опытах бактерии использовали избыточную энергию, которую они должны были получать извне. Вспомнил теперь и телефонный разговор, во время которого узнал, что их колония в море существовала внутри силового, искусственно созданного кокона, что в случае необходимости они могли расширить его границы, но не очень далеко... Нетрудно догадаться, что Веста, вернее, ее тело, а может быть, и клетки мозга, ставшие частью колонии, не могли существовать без этой дополнительной, получаемой извне энергии. Очевидно, амебы начинали вырабатывать ее только в определенных условиях и тогда, когда их колония была достаточно велика. Отдельные части этой колонии не могли существовать изолированно от всей группы, во всяком случае, разрыв не должен был превышать определенного расстояния, на котором действовало их таинственное поле. Но если это так, то Веста наверняка об этом знала... Знала и все же настояла, чтобы я взял ее с собой. Наверно, какой-то запас этой своей жизненной энергии они могли накапливать внутри себя, но не слишком много... Весте пришлось дважды израсходовать огромную порцию на создание защитного поля вокруг машины, вот откуда ее слова о том, что энергия кончается... Я все еще продолжал встряхивать Весту, хотя появившимся у меня шестым чувством понимал, что все мои усилия напрасны, что Весте уже ничто не поможет. И вдруг она открыла глаза, и я услышал ее болезненный стон. Теперь я знал, что надо делать. Я развернул машину и понесся обратно к городу. Чтобы ей легче было дышать, я слегка приоткрыл стекло, и холодный воздух со свистом врвался в машину. Из-за шума я не сразу понял, что Веста что-то пытается сказать, и только по движению ее губ разобрал, что она просит остановить машину. По моим расчетам, мы уже вернулись в район, где их жизненное поле снова

должно было действовать, и я нажал на тормоз. Веста сидела совершенно прямо и смотрела на меня широко открытыми глазами. Я никогда не видел у нее такого ясно-го, отрешенного от всего взгляда.

— Ты себя не вини. Это я так решила. Решила, что так будет лучше. Они тоже не виноваты. Они не знали, что человеку, кроме пищи и воздуха, нужно что-то еще. Они и сейчас не совсем понимают нас. Я думала, что буду с тобой еще несколько дней, что сумею тебя защитить, помочь. Но все получилось иначе. Я верю, ты сумеешь справиться с пришедшей бедой, найдешь выход, они тоже тебе верят... Не вини их за мой уход. Вообще не вини за все, что случилось со мной. Они лишь подарили мне несколько месяцев дополнительной жизни. За это время я успела узнать и полюбить тебя... Не их вина, что продолжения быть не могло. Они не предвидели такого конца. Потому, что это все наше, человеческое, и вряд ли они понимают, что такое любовь... Поцелуй меня... — вдруг попросила Веста.

Я крепко стиснул ее в объятиях и прижался к ее холодным твердым губам. В это мгновение потеряло значёние все, что разделило нас в этот последний день. Только ее со мной больше уже не было.

К побережью я выехал глубокой ночью. Целый день, укрывшись в придорожном лесу, я ждал, пока стемнеет. С воздуха машина была видна как на ладони. Уничтожив вертолет, я вряд ли мог рассчитывать на снисхождение. Я и не надеялся на него, твердо решив добраться до намеченного места. Добраться во что бы то ни стало. Меня искали на пути к столице, а я повернул обратно, к городу. Возможно, это мне и помогло.

С момента гибели Весты все мои поступки противоречили обычной человеческой логике, и тем не менее они не казались мне странными. Почему-то я был уверен, что именно этого хотела бы и сама Веста... Наконец, в сумерках, крадучись, с потушенными фарами, мне удалось выбраться на заброшенную дорогу, ведущую к морю.

Через некоторое время я остановил машину. Мне не понадобилось ничего искать. Я не смог бы объяснить, по-

чему, просто знал, что это здесь, что ехать дальше не надо. Я приткнул машину к самому обрыву, отыскал фонарик и осторожно, словно боялся причинить ей боль, взял на руки тело Весты. Оно было легким и странно податливым. Прошло уже много часов, но трупного окоченения так и не наступило.

Я зажег фонарик и медленно начал спускаться с обрыва. И вдруг подумал: «Что-то я забыл. Что-то очень важное... Ах да, пробы, из-за которых все началось. Веста просила меня вернуть их, а я решил проверить, на чьей она стороне... Не было ли это самым обыкновенным предательством? Не предал ли я ее еще раньше, когда собрался на улицу Садовников? Ведь она могла видеть намного дальше обыкновенного человека и наверняка знала все, что должно было случиться через десять дней, через несколько месяцев... Не почувствовала ли она в моем визите нечто большее, чем казалось мне самому? Не предал ли я ее еще раз, когда в отчаянье она не позволила мне высадить ее из машины, зная наперед все, что случится. Одно дело поймать русалку, другое дело жить с ней изо дня в день. Возможно, в той грустной сказке, что я рассказал Весте в наш первый день, прав был совсем не царевич...»

Даже сейчас я все еще пытался оправдаться хотя бы перед собой, ведь перед ней мне не удастся оправдаться уже никогда... Все, что я мог теперь сделать, — выполнить ее последнюю просьбу. Я вернулся к машине, вынул из чемодана контейнер. Потом снова взял ее на руки. Тропинка шла круто вниз, я все крепче прижимал Весту к себе, не чувствуя почти ничего — ни страха, ни боли. Ничего не осталось, только деловитая сосредоточенность. Наверно, именно она помогает людям справиться с большим горем. Интенсивная деятельность, связанная со сложными обрядами похорон, призвана отвлекать людей от причины, ее вызвавшей.

Тропинка кончилась, упершись в узкую полосу каменистого пляжа. Здесь сразу же, буквально в нескольких метрах от берега, начиналась большая глубина. Я вошел в море по пояс, не замечая холодных прикосновений черной морской воды. Волн не было. Море казалось чистым и гладким. Сюда, к берегу, из города не долетало ни

звука. Только где-то очень далеко и печально два раза прогудела сирена буксира. Я осторожно опустил Весту в воду и разжал руки. Я даже не посмел поцеловать ее еще раз на прощание. Вода сразу же сомкнулась над ее лицом, и течение легко понесло ее прочь от берега, туда, где начиналась глубина. В луче своего фонарика еще минуту-другую я мог различить сквозь темный слой воды бледное пятно ее лица, потом оно исчезло. Больше ничего не было видно.

Я подумал: «Море подарило мне Весту и теперь забрало ее обратно». И еще я подумал, что Весты нет, а все ее слова и мысли живы в памяти и останутся со мной навсегда. Веста сказала: «Ты теперь останешься один со всем этим». В темноте, не зажигая фонаря, я нащупал крышку контейнера с пробами и отвернул ее. Тихо, почти без всплеска море приняло свою частичку. Посмотрев последний раз в черную, непроницаемую воду, я повернулся и медленно пошел обратно наверх, туда, где слышались трели полицейских свистков и вспыхивали мигающие фонари патрульных машин. Погоня в конце концов настигла меня, но сейчас это уже не имело значения. Больше я не собирался от них скрываться. Начав подъем, я задержался в последний раз. Нащупал в кармане пиджака коробку излучателя, достал его и, широко размахнувшись, бросил в море. «Забирайте все, — подумал я спокойно. — Наши человеческие проблемы мы будем решать по-своему».

Поднимался я медленно. Обрыв в этом месте был очень крутым, да и торопиться мне не хотелось. Наверху скопилось штук десять машин. Установили даже мегафон и что-то вроде прожекторной установки. Очевидно, они придали слишком большое значение истории с вертолетом и теперь явно переоценили мою персону.

Вполне возможно, они начнут стрелять прежде, чем я поднимусь наверх. Но после того как я простился с Вестой, мной владело полное безразличие ко всему происходящему вокруг. Все же я испытывал некоторую горечь от мысли, что люди устраивают на меня облаву как на какого-то чужака... «А ты и есть чужак. Кажется, все-

таки случилось то, чего они добивались. Ты очутился по другую сторону барьера, во вражеском лагере, хотя и не хотел этого...» Эта мысль отрезвила меня. Во всяком случае, прогнала сонное безразличие, с которым я поднимался навстречу наведенным на меня автоматам.

«Теперь ты остался один со всем этим...» — сказала Веста, но, кажется, ненадолго... Может быть, остановиться, пока не поздно? Вполне можно нырнуть за этот выступ. Он надежно защитит меня и от света, и от возможных выстрелов. Ну и что потом? Мне не дадут больше сделать ни шагу. Я продолжал медленно подниматься.

— Сдавайтесь! — надрывался мегафон наверху. — Ваше положение совершенно безнадежно, вы окружены! Поднимите руки!

«Дурацкое требование, — с раздражением подумал я. — Могли бы понять, что идти по такому крутому склону с поднятыми руками невозможно». Я продолжал подниматься. С каждым моим шагом обстановка накалялась все больше. Каждую секунду мог прозвучать выстрел. У стоявших за чертой света нервы могли не выдержать растущего напряжения. Оно уже ощущалось почти физически. Голос говорившего в мегафон человека сорвался, а стоявшие у обрыва автоматчики при моем приближении попятились, стараясь сохранить дистанцию. Я вышел на ровное место и стоял теперь прямо перед ними, в двадцати шагах. Нас разделяла только граница света и темноты. Прожектор бил мне в лицо, слепил и словно бы отделял от людей некой реальной, физически ощутимой стеной.

— Сдавайтесь! — в который раз повторил мегафон. — Если вы не поднимете руки, мы будем стрелять!

Мегафон не приспособлен для беседы. Мегафон существует для того, чтобы отдавать однозначные команды. Он самой своей сущностью, наличием этого круга света, в котором я стоял, и темного кольца за ним, с ощерившимися стволами автоматов подразумевал сейчас лишь одно — грубую силу.

Почему же я не подчинился? Ведь это казалось так просто и разумно: поднять руки, сдаться. Потом меня арестуют, будет суд. Возможно, мне даже удастся оправдаться, и в любом случае я останусь жив — разряжу это страшное напряжение, которое уже достигло кульмина-

ции и каждую секунду могло разрядиться само собой. Я подумал, что, если чей-то палец сейчас дрогнет и надавит курок, я буду падать вниз довольно долго. Весь тот путь, который только что проделал. Мое тело не попадет в море, оно разобьется об острые камни, окаймлявшие узкую полоску пляжа. Эта мысль была мне почему-то особенно неприятна. И все же я не поднимал рук. Если бы речь шла только обо мне, я бы это немедленно сделал. Но интуитивно я чувствовал, в эту секунду решается нечто гораздо более значительное, чем моя жизнь, и, кажется, я начинал понимать, что именно. Решался вопрос о том, каким будет предстоящий диалог людей с иным разумом. Будет ли он вестись с позиции силы, будет ли над нами, как дамоклов меч, все время висеть угроза применения силы? Или же будут найдены какие-то другие формы, наметятся первые, еще робкие шаги взаимопонимания. Для этого прежде всего необходим диалог, а не односторонние категорические требования мегафона — в этом все дело. Я не мог поднять рук, с ужасом понимая, что из всего этого неумолимо следовало и то, что я все же взял на себя предложенную мне миссию и вольно или невольно выступал в эту минуту от их имени, в том самом качестве посредника, которого так боялся совсем недавно, но Веста сказала: «Ты теперь останешься один со всем этим...» И вот я медленно шел на автоматы, не поднимая рук...

* * *

Тяжелый реактивный бомбардировщик вывалился из-за туч всего в восьмистах метрах от поверхности моря. И сразу же свечой пошел вверх. Это был рискованный маневр, но пилот блестяще справился с задачей. Внизу, под крыльями, повернулась и застыла на секунду поверхность бухты, и сразу же застрекотали все четыре съемочные камеры, ведущие послынную съемку воды на разных горизонтах от поверхности до самого дна. Одновременно вспыхнул экран локатора и глубинного инфралота.

Вся эта сложная аппаратура предназначалась для поиска неприятельских подводных лодок. Но сейчас пило-

та интересовали совсем не они. То, что он искал, было видно даже невооруженным глазом. На глубине примерно восьмидесяти метров в воде отчетливо просматривалось какое-то уплотнение, похожее и на опухоль и на медузу одновременно. Оно слегка опалесцировало на экране локатора, словно само излучало радиоволны, но никаких помех в работе локатора не наблюдалось. Замигал глазок рации, и голос дежурного по полетам произнес:

— Тридцатый, тридцатый, доложите, что видите?

— Эта штука подо мной. Глубина около ста метров. Могу ли я воспользоваться во время бомбометания подводными осветителями?

Рация не отвечала несколько секунд. Вопрос был не так уж прост.

Получив запрос, дежурный счел необходимым связаться с командованием, пилот, ожидая ответа, продолжал съемку. Самолет набирал высоту почти мгновенно. Очень сильно мешала работать низкая облачность. Самолет то рвался вверх, то стремительно падал вниз, к застывшей, будто бы нарисованной на холсте поверхности моря. С такой высоты вода казалась неподвижной. Нельзя было различить отдельных волн, хотя пилот знал, что через несколько секунд их брызги могут достичь фюзеляжа. Если в турбину попадет летящая с поверхности водяная пыль, турбина может захлебнуться, поэтому пилот старался в точности выдерживать рекомендованную высоту. Он считался виртуозом в своем деле именно потому, что умел поймать ту едва уловимую грань безопасного еще снижения, с которой снимки получались наиболее четкими, а машина благополучно выходила из очередного пике. Он представил, что произойдет, если двигатель все же засосет воду, и поежился. Перед глазами стояла, словно увиденная со стороны, картина. Тяжелая машина, оставив позади себя звук собственного двигателя, несется вниз, к поверхности моря. Внезапно огненный факел турбины исчезает, пропадает вибрация, и наступает та самая, ни с чем не сравнимая тишина, от которой мороз подирает по коже: тишина заглохшего в полете реактивного двигателя... Если это случится достаточно близко от поверхности, он вряд ли сумеет изменить направление полета.

— Тридцатый, тридцатый. Осветители применять за-

прещено, — прервала рация его размышления. — Вы закончили съемку?

— Да. Без подсветки закончил.

— В таком случае переходите к выполнению основного задания.

Пилот решил покончить с этим в следующем заходе. Глубинные бомбы нужно было сбросить с достаточной высоты, чтобы к моменту, когда машина будет завершать пике и включатся камеры, они успели погрузиться на нужную глубину. Он любил щегольнуть четкими фото-документами.

Пилот знал, что не ошибется, но все же для верности включил бортовой вычислитель. В таком тонком и небезопасном деле он чувствовал себя уверенней, если автоматика могла разделить с ним ответственность. Кассета с бомбами отделилась от самолета метрах в двухстах от поверхности и раскрылась, выбросив из своего нутра пять тяжелых круглых бочек, устремившихся вниз. Почти сразу перед самолетом возникло пять огненных точек — это включились пороховые реактивные двигатели, придающие глубинным бомбам дополнительное ускорение. Без них сопротивление воздуха очень скоро затормозит их полет настолько, что бомбы отстанут от реактивной машины, летящей вниз значительно быстрее звука. В случае ошибки благодаря двигателям можно было скорректировать полет бомб к цели.

Пять дымных полос потянулись вниз до самой воды, расходясь в разные стороны и образуя кольцо, в центре которого лежала огромная медуза. На всякий случай пилот задал вычислителю координаты выхода из пике, отстоящие от неизвестного морского образования на предельном для съемки расстоянии. На этот раз он решил пожертвовать качеством снимков. Слишком реальной была только что вызванная его воображением картина врезающегося в воду самолета. Ему не хотелось быть слишком близко от этого затаившегося в глубине НЕЧТО в тот момент, когда сработают взрыватели его бомб.

Бомбы должны были взорваться на нужной глубине с интервалом в одну секунду. Но взорвалась почему-то только одна. Передав управление машиной автомату и заранее задав программу, пилот, по сути, превратился теперь в пассивного наблюдателя. Через пластиковый

колпак кабины он видел, как далеко в глубине моря расцвел ослепительно белый шар разрыва, услышал, как тотчас же застрекотали все его съемочные камеры и продолжали стрекотать все пять секунд, вхолостую расходуя сотни метров высокочувствительной пленки, проходившей через их фильмовые каналы с огромной, уму непостижимой скоростью. В этом стрекоте кинокамер прошли все четыре последовавшие за взрывом секунды, отведенные невзорвавшимся бомбам. Потом его вдавила в сиденье многотонная тяжесть, и он перестал видеть что-либо. Перегрузка оказалась гораздо больше той, что должна была возникнуть при выходе из пике. И в этот ответственный момент, в эти последние доли секунды, когда он мог еще что-то сделать, двигатель захлебнулся.

Далеко над ним, словно отрезанный гигантским ножом, смолк протяжный вой реактивной турбины, исчез за хвостом самолета дымный факел сгоревшего керосина. Самолет, начавший было задираť нос для выхода из пике, неуверенно покачулся и в следующее мгновение рухнул в море, как раз над тем местом, где совсем недавно исчезла его первая бомба. Поверхность моря вспучилась, выбрасывая наружу обломки и радужные потоки горячего, хлынувшего из разорванных баков.

Это случилось в девятнадцать часов пятнадцать минут. Над побережьем опускался тихий безоблачный вечер. Дождь, не прекращавшийся все последние дни, стих, и ветер унес в сторону материка остатки туч. Многочисленные курортные поселки, санатории, кемпинги расцвелились гирляндами огней. В свете вечерней зари они казались неяркими желтыми точками, усыпавшими берег. Через две минуты после того, как с поверхности моря исчез последний обломок самолета, а пятно керосина расползлось по всей бухте, эти огни на побережье начали гаснуть один за другим.

* * *

Закрытый полицейский грузовик, завывая сиреной и разбрасывая огни красных и голубых мигалок, пробирается к загородному шоссе. В этот «пиковый» вечерний час шоссе было забито транспортом, и водителю грузови-

ка приходилось то и дело проскакивать перекрестки на красный свет. Молоденький лейтенант полиции, сидевший рядом с водителем, выполнял задание особой важности. Четверо автоматчиков в фургоне наглухо закрытой машины охраняли государственного преступника, отгороженного от них зарешеченными дверьми. У лейтенанта был приказ доставить этого человека на военную базу, расположенную милях в десяти от города.

Наконец грузовик выбрался в район городских окраин. И тут все случилось. Предметы в поле зрения водителя и лейтенанта потеряли четкие очертания, и, хотя так продолжалось не больше секунды, этого оказалось достаточным, чтобы водитель потерял ориентировку.

Какой-то непонятный гул прокатился от города вдоль шоссе. Вслед за этим наступила странная тишина. Вдоль всей магистрали моторы машин перестали работать.

Гвельтов очнулся под вечер. Он лежал дома в своей постели. Большие часы у шкафа показывали шесть часов вечера. Было тихо. Мысли текли ровно, безболезненно, почти равнодушно. Гвельтов отчетливо помнил все, что с ним случилось в лаборатории. Нет, пожалуй, не все. Только до того момента, когда он подошел к сейфу... Потом выстрелы на лестнице, крики, кто-то распахнул дверь, человек, напавший на него, покачнулся и медленно осел на пол. Дальше полный провал, абсолютная немота памяти. И вот он лежит в своей постели. На этот раз налет на лабораторию совершали люди. Кому-то еще понадобилась «Альфа». Надо предупредить Глена, надо его найти и предупредить как можно скорее. Гвельтов рывком привстал и потянулся к телефону, стоявшему на тумбочке. В трубке ни малейшего шороха. Телефон не работал. Его могли отключить, обрезать провод. Но откуда такая странная тишина за окном? Куда девались машины? Гвельтов встал, придерживаясь за стены, подобрался к окну и откинул штору.

Тучи наконец рассеялись. Красноватое закатное солнце заливало город неестественным розовым светом. Машины, собственно, были, только они стояли на проезжей части плотной, неподвижной массой, словно невидимый светофор вдруг оборвал их безостановочное движе-

ние. С восьмого этажа Гвельтов не видел тротуара, но на противоположной стороне улицы толпились люди. Почему-то они не шли, как обычно, вечно спешащей и замкнутой толпой. Разбившись на отдельные группки, прохожие что-то оживленно обсуждали. Неестественная тишина стояла в доме, как вода. Не было слышно ни хлопков дверей, ни шума лифта. Один за другим Гвельтов повернул все выключатели, света не было. Он прошел на кухню и отвернул кран. Пил долго и жадно. Потом подставил голову под струю холодной воды. Он готов был предположить все что угодно: цепочку нелепых совпадений, несчастий, обрушившихся на него, на этот дом, на всю улицу, наконец, но ему и в голову не могли прийти истинные размеры бедствия. На огромной территории в сотни квадратных километров, занятых городом и прилегающими районами, электричество перестало существовать как таковое. Обесточились все провода. Исчез ток в аккумуляторах и батареях. Все системы, где прямо или косвенно использовалась электроэнергия, перестали работать. Остановились все двигатели внутреннего сгорания, так как системы зажигания в них вышли из строя. Беспомощный и потрясенный город лежал под лучами вечернего кровавого солнца, еще не осознав до конца всю глубину постигшей катастрофы.

Несколько минут назад, распахнув дверцы, замерли трамваи и троллейбусы. Перестали работать станки на фабриках и заводах. Все системы контроля и управления оказались без тока. Катастрофа подкралась тихо, без шума взрывов, пожаров, без гибели людей. Постепенно и незаметно сгущались тени, солнце уходило за горизонт, исчез кровавый отсвет заката, на смену ему отовсюду поползли серые сумерки. Привычный свет городских фонарей уже не мог остановить их. Глаза города, казалось, потухли навсегда. Казалось, время остановилось и стремительно понеслось вспять, в ту черную пропасть, из которой с таким трудом выбирались люди сотни лет, шаг за шагом, создавая бесчисленные умные машины.

Осторожный стук в дверь заставил его вздрогнуть и отпрянуть от окна. «Те, кто может взломать дверь, вряд

ли станут в нее так стучать», — подумал он и прошел в прихожую. В дверях стоял человек в изодранном, залитом кровью костюме. Из рассеченной брови все еще сочилась кровь. Наверно, поэтому Гвельтов не сразу узнал его.

— Вам бы не мешало умыться... — Гвельтов посторонился, пропуская Лонгарова в коридор. — За вами никто не шел?

— Полицейский грузовик, в котором меня везли, разбился. В городе порядочная паника. Им сейчас не до нас. Видел бы ты, что творится на улицах. Не думал, что застану тебя здесь... Мне просто некуда было идти. Дома... В общем, домой мне не хотелось... Они убили Весту... Что-то мы должны сделать, старина... У меня такое ощущение, что именно сейчас мы можем кое-что сделать. Колонию бомбили. Город под энергетическим колпаком. Я тут кое-что прикинул... В камере неплохо думается, знаешь... У тебя найдется листок бумаги?... Вот смотри... Интенсивность энергии, выделяемой колонией, целиком зависит от внешнего воздействия. Это я установил на тех последних пробах, которые мы с тобой добыли со дна залива. А дальше получается вот что...

Корявые нервные строчки расчетов торопливо ложились на измятый лист. Мне казалось, что впервые, с тех пор как я вернул морю Весту, я сделал нечто приближающее меня к ней. В глубинах сознания оформилось странное ощущение, что ничто еще не кончилось, что мы только теперь начинаем выбираться на едва заметную тропинку, ведущую сквозь колючие заросли к свету...

Наконец Гвельтов прочитал и осмыслил последнюю формулу, которая неизбежно следовала из моих расчетов.

— Вы хотите сказать, что разрастание поля — это естественная защитная реакция на бомбардировку, которой их подвергли? И не было с их стороны никаких целенаправленных действий?

— В том-то и дело. Как только продукты, вызвавшие защитную реакцию, будут переработаны, поле исчезнет само собой, без всяких усилий с нашей стороны. Но это еще не все. Отсюда следует, что полем можно управлять! Если на колонию в определенном месте и с определенной

интенсивностью воздействовать — поле может изменить конфигурацию, расширить свои границы...

Несколько минут Гвельтов молчал, осмысливая сказанное.

— Это дает нам шанс... Реальный шанс. Но одному мне не справиться.

Несколько секунд я смотрел ему в глаза, ожидая ответа.

— Мы вместе начинали эту работу, шеф. Вместе и доведем ее до конца.

Впервые за все эти долгие страшные дни у меня появилась надежда. Впечатление было такое, словно приостановилась уже начавшая свое движение лавина. Я отчетливо слышал, как тикают часы, отсчитывая вырванные нами драгоценные секунды, вырванные у тех, кто видел мир сквозь перекрестие прицела...

Друга — вот чего мне не хватало все эти долгие трудные дни, настоящего друга.

* * *

Стена возле дивана исчезла, как в том самом первом сне. За ней по-прежнему ворочалось что-то огромное и живое, с темными точками огней в глубине. Не было только Весты. Лишь голос, ее голос шел из этой открывшейся передо мной непроницаемой черной бездны:

— Ты спишь, милый? Можно, я немного побуду с тобой?

— Я не вижу тебя! Где ты?

— Меня нельзя увидеть, но я здесь, с тобой. Ты все время думаешь обо мне, и вот я пришла...

— Я хочу тебя видеть.

Ответом мне было молчание, только огни мерцали в темной глубине, как яркие южные звезды. Да еще шум... Долгий-долгий, однообразный шум прибоа. Казалось, еще секунда, другая — стоит напрячь внимание, слух, воображение — и я все пойму. Волна за волной набегала на берег, откатывалась, набегала снова, что-то хотела сказать...

* * *

Заседание чрезвычайного правительственного комитета открыл сам премьер-министр.

— Я должен сообщить, что нашей стране предъявлено нечто вроде ультиматума.

— Ультиматум?

Министр вооруженных сил сделал вид, будто он не расслышал.

— Именно. От нас требуют совершенно определенных действий, изложенных вот в этом документе. Нам предлагают принять закон, предусматривающий уменьшение сброса и выделений всех промышленных отходов примерно на шестьдесят процентов. Это потребует больших капиталовложений и некоторого замедления в развитии нашей экономики. Как следствие этого, неизбежна инфляция, возможно даже, биржевая паника. Нам следует разработать меры, способные ослабить нежелательные явления...

— Вы говорите так, словно ультиматум уже принят.

— Министр обороны второй раз прервал выступление премьера, но в своем кругу они не соблюдали субординацию. В комитет входило пять человек, в руках которых была сосредоточена вся фактическая власть в стране.

— И нельзя ли уточнить, от кого, собственно, исходит требование: не хотите же вы сказать, что эта портовая медуза научилась писать ультиматум? — спросил высокий элегантный человек, одетый в модный костюм с фиолетовой искрой и с глубокими залысинами на покато лбу. В правительстве он не занимал официального поста. Тем не менее именно от него премьер-министр ожидал самых больших неприятностей. Лей-Дин представлял здесь совет директоров крупнейшего концерна, негласно контролировавшего всю промышленность страны.

— Нет. Ультиматум еще не принят. Но я полагаю, что, ознакомившись со всеми обстоятельствами дела, наш комитет рекомендует правительству принять новый закон. Что же касается требований, то они вполне конкретны и исходят от определенного лица, которому поручено вести переговоры с нами.

За столом возникло движение. Члены комитета недо-

уменно переглядывались, пожимали плечами. Только Лей-Дин сохранил ледяное спокойствие.

— По сути дела, нам предлагают заключить договор, который предусматривает, в ответ на принятие закона об охране среды, вполне определенные действия с противоположной стороны. В договор будет включен пункт о полном и немедленном снятии энергетической блокады с порта и города.

— Нельзя ли поподробнее узнать о человеке, «представляющем интересы противоположной стороны»? Кто он? — Этот вопрос задал министр национальной безопасности. Вряд ли он теперь простит, что узнал новость не первым и что нашлись люди, осмелившиеся действовать через его голову. Положение было сложным, премьер-министр решил обойтись без обычной дипломатической подготовки и теперь пожалел об этом.

— Этот человек находится сейчас здесь, и вы можете познакомиться с ним. Вот его досье. Это провинциальный ученый, до сих пор ничем особенным не выделявшийся. Почему представителем избрали именно его, для меня осталось загадкой.

— А где гарантия, что этот человек действительно кого-то там представляет? Что, если он попросту сумасшедший, или, хуже того, что, если он защищает интересы третьих, неизвестных нам лиц?

— Основания, изложенные в этом документе, показали мне достаточно серьезными сами по себе, независимо от того, кто кого представляет. Кроме того, у меня есть поручение за этого человека от одного из сотрудников министерства национальной безопасности. Сейчас я не буду говорить, кто именно этот сотрудник. — Эта часть реплики предназначалась министру безопасности, который, услышав о собственном сотруднике, осмелившемся действовать через его голову, весь превратился в слух. — Самое простое — познакомиться с посредником сейчас и составить обо всем собственное мнение, — закончил премьер.

За столом заговорили все разом, но Лей-Дин легким движением ладони добился тишины, и все взгляды устремились к нему.

— Я бы не согласился на эту встречу без предварительной подготовки. Никакое личное впечатление не за-

менит нам сведений, полученных многолетними наблюдениями. К счастью, моя организация такими сведениями располагает. Лонгаров действительно провинциальный ученый, за которым до сих пор ничего, буквально ничего не замечено интересного или выдающегося. И он, безусловно, не сумасшедший. Тем не менее с самого начала перновских событий он почему-то все время оказывался в их центре. Уже только поэтому было бы любопытно его выслушать. Лонгаров должен понимать, какую крупную игру он затеял и чем она может кончиться для него лично. У него должны быть очень серьезные причины, либо он должен располагать реальной силой, чтобы выдвигать нам условия в такой форме. В любом случае, я думаю, мы не потеряем времени даром, если пригласим его. Воспринимайте это как интересный спектакль, господа. К тому же актеру можно дать понять, что в случае плохой игры спектакль станет для него последним.

В комнате, где заседал правительственный комитет, пахло старой мебелью и пылью. Пять человек одновременно повернули головы в мою сторону, как только я переступил порог. Они рассматривали меня с любопытством, холодно и отстраненно. Так рассматривают какого-нибудь редкостного жука, прежде чем насадить его на иглолку.

— Ваша фамилия и род занятий?

Начало беседы слишком походило на допрос. Я понял, что положение надо исправить немедленно.

— Не сомневаюсь, моя фамилия имеется в папке у вас на столе. И распорядитесь принести стул.

Человек, задавший вопрос, надавил кнопку вызова дежурного. Попросил принести стул и повторил вопрос, не меняя интонации, словно ничего не случилось. Остальные четверо молча переглянулись, словно я подтвердил их наихудшие опасения. Совершенно произвольно от взгляда человека, вторично задавшего мне вопрос о фамилии, я почувствовал себя учеником, стоявшим у классной доски. Урок не был выучен, и одобрения мне не дожидаться. Молчание затягивалось. Тот, кто вел беседу, спросил меня мягко, почти ласково:

— Вы отдаете себе отчет, где находитесь?

— Вполне. А вы? Вы отдаете себе отчет в том, почему решили со мной встретиться?

Этот человек умел признавать тактические поражения. Он был дипломатом не только по внешнему виду.

— Какие у вас есть доказательства, что именно вам поручено вести переговоры?

Я подождал, пока принесут стул, уселся поудобней и украдкой взглянул на часы. Меня вызвали слишком быстро, и теперь я вынужден был тянуть время. Для того чтобы мои доказательства показались им достаточно убедительными, мне еще нужно спровоцировать их на какой-нибудь резкий выпад. Только тогда все будет выглядеть достаточно естественно. Если они догадаются, что все подготовлено заранее, — мне несдобровать.

— Конечно, у меня нет верительных грамот. Лучше всего, если вы поверите мне на слово.

— Для кого лучше, для вас?

— Для меня это безразлично. Доказательства я представлю, но они, мягко говоря, могут оказаться не совсем безвредными.

— Что вы имеете в виду?

— Чего вы, собственно, хотите? Чтобы я продемонстрировал свою прямую связь с этим подводным монстром, которого вызвала к жизни ваша же неумная жадность? Давайте говорить откровенно. Позволим себе это небольшое удовольствие. Вам понятен лишь один-единственный язык, язык силы, значит, я должен продемонстрировать свои возможности, не так ли? Или, может быть, вы имеете в виду какие-то иные доказательства?

— А что, если нам попросту вас расстрелять, господин Лонгаров?

— Не стоит. Дорого обойдется, а впрочем, попробуйте.

Не скажу, чтобы я испытывал симпатию к этим людям. Я не любил тех, кто загребал жар чужими руками. Эти господа не привыкли сталкиваться с трудностями и с проблемами, которые касались их лично. Между ними и любыми проблемами всегда стояли другие люди. Теперь кое-что изменилось. Впервые в жизни я мог себе позволить бросить вызов отвратительной, безликой морде, олицетворявшей собой высшую государственную власть.

Я отлично понимал, чем рискую. Стоило допустить

небольшую ошибку, и меня попросту отведут в подвал. Здесь наверняка имелся таковой, а этим господам не привыкать решать некоторые проблемы самым простым способом. Я попал в очень сложное положение. С одной стороны, мне хотелось их спровоцировать на самые радикальные действия, но все же не до конца. Во всяком случае, не до самого конца. К тому же все мои действия жестко зависели от времени. Теперь, однако, я зашел уже слишком далеко и вряд ли мог что-нибудь изменить.

— Мы здесь собрались вовсе не для взаимных угроз, — взял слово человек с залысынами на покато лбу.

По тому, как почтительно слушали его остальные, я понял, что он играет первую скрипку в правительственном оркестре, и удивился, что ни разу не видел его фотографий в газетах и не представлял, какую официальную должность он занимал.

— Я хотел бы знать совершенно конкретно, — обратился ко мне этот человек, — чем вы подкрепляете свои требования? — Он приподнял и опустил лежащий на столе листок с проектом закона об ограничении промышленных отходов. — Предположим, сегодня мы откажемся их принять, что за этим последует?

Огромные старинные часы в углу комнаты мелодично пробили четверть пятого. Теперь я мог действовать, и если Гвельтов не подведет... Наверно, так себя чувствует человек, решившийся прыгнуть в ледяную воду.

— Через пятнадцать минут границы поля будут раздвинуты и захватят район Гидроплейка. Это простое предупреждение, те самые верительные грамоты... В том случае, если этого окажется недостаточно и предложенный закон не будет принят в течение трех дней, энергии лишится вся страна.

Ни один мускул не дрогнул на лицах сидящих напротив меня людей. Что-то было не так. Что-то не сработало, чего-то мы не учли, или случилось нечто такое, чего я не знаю. Ледяной холод медленно сжал мне горло. Пятнадцать минут прошли в убийственном молчании. Часы монотонно, громко и печально отбили две четверти. Срок наступил... Наверно, так звонит погребальный колокол. Я понял, что проиграл. Я еще не знал, что случилось, но уже не сомневался в своем окончательном поражении. Они ждали еще пять минут, потом в комнату

вошел секретарь и положил на стол какую-то бумагу. Все остальное я воспринимал сквозь ледяной туман.

— Ваш сообщник Гвельтов арестован морским патрулем. Провокация, которую вы затеяли, провалилась.

...Подвал был сухой и чистый. Только на кирпичной стене выделялись подозрительные пятна. Еще до того, как мне завязали глаза, я успел заметить выбоины на кирпиче и понял, что пули били сюда неоднократно. Некоторые из них, прежде чем ударить в кирпич, навывлет пробивали человеческое тело, потом здесь все старательно убрали. Как-никак это правительственное учреждение, так что со мной покончат по высшему разряду...

Мысли текли лениво, словно все происходило не со мной. Словно это кому-то другому завязали глаза и за чужой спиной офицер произнес роковую команду... Сейчас все будет кончено, еще две-три секунды... Даже сквозь повязку меня слепил свет прожекторов, установленных под самым потолком в углах подвала. Мишень хорошо освещалась. Если они не промахнутся, все кончится быстро...

За моей спиной сухо щелкнули затворы винтовок. И только тогда я позволил себе вспомнить ее имя. До этого мгновения я приказал себе не думать о ней, потому что боялся потерять контроль над собой и не хотел, чтобы они видели мой страх. Но теперь я тихо, вслух произнес дорогое для меня имя:

— Веста...

И в ту же секунду в подвале погас свет.

Темнота обрушилась с потолка, как обвал. Сразу же я услышал на лестнице топот ног, какие-то крики. Значит, они ждали за дверью... Значит, их тоже ни на секунду не отпускал предательский ледяной страх. Значит, мы все-таки сыграли на равных...

* * *

Машина остановилась у развилки шоссе. Именно здесь начиналась памятная для меня заброшенная дорога к морю. Недавно тут стоял знак, запрещающий въезд. Посреди дороги еще торчал ржавый металлический тренаж-

ник. Как только мотор затих, стал слышен равномерный шум прибора.

— Штормит, — сказал Гвельтов. — Балла два, не меньше.

Я не ответил. И он, помолчав немного, продолжал:

— А знаешь, по моим расчетам, это случится сегодня, где-то около восьми.

Я кивнул, соглашаясь. Я знал, что он имеет в виду. Сегодня около восьми вечера концентрация вредных примесей в морской воде достигнет установленного в наших опытах минимума, при котором колония уже не может существовать как единое целое. Она распадется на отдельные бактерии и не будет больше контролировать ни свое движение, ни состояние окружающей среды. Морские течения унесут микроскопические тельца амёб в глубины океана, туда, откуда они пришли к нам.

— Одного не могу понять, что произошло с Гидроп-лейком? Патруль перехватил меня до того, как я сел в лодку... Газеты писали, что поле накрыло гидростанцию в шесть пятнадцать. Это случилось на полчаса позже. Без постороннего вмешательства. Изменилась конфигурация поля. Как им это удалось? Почему вообще это случилось? Кто нам помог, ты что-нибудь знаешь об этом?

Я молча отрицательно покачал головой. Не имело смысла с ним спорить. Гвельтов свято верил в расчеты, в соответствие энергетических потенциалов границам поля. В безусловную зависимость этих границ от количества вредных примесей, попавших в воду. Все это так, конечно. До известного предела, за которым начинают действовать иные силы... Чтобы в них поверить, нужно было самому постоять у той кирпичной стенки в подвале.

— Все-таки я чего-то не понимаю, — заявил Гвельтов, вылезая из машины.

Наши пути здесь расходились. Он торопился на рейсовый автобус, идущий в порт, но задержался около меня еще минуту.

— Почему меня отпустили, почему вообще нас оставили в покое, хоть это ты можешь объяснить?

— Договор, который они вынуждены были подписать, содержит пункт о нашей неприкосновенности. Пока существует угроза — они будут его соблюдать, во всяком случае до восьми вечера.

Гвельтов мрачно усмехнулся, пожал мне руку и пошел к автобусной остановке. Некоторое время, оставшись один, я смотрел вслед ушедшему автобусу. Потом вышел из машины и свернул на заброшенную дорогу.

...Стояли редкие в октябре дни, наполненные звенящей прохладой и ласковым, почти летним солнцем. Оно словно вознаграждало нас за долгие дни непогоды. Я шел по дороге не торопясь, вдыхая запах увядшей полыни и морских водорослей, что-то он мне напоминал — этот запах. Сейчас я не мог вспомнить, что именно, может быть, мне не хватало дождя.

В тот день шел дождь, и я подумал, что он влияет на поступки людей. Заставляет принимать неожиданные решения. Именно дождь привел меня на эту дорогу. Сегодня дождя не было, и вот я здесь снова. Хотел ли я проститься? Не знаю... Не знаю даже, с кем именно. С Вестой я уже простился той ночью, когда морское течение навсегда унесло ее от меня, а с ними... Они были чем-то слишком сложным, может быть, гораздо более сложным, чем это казалось, и слишком далеким от нас. Поняли ли они хоть что-нибудь? Зачем они приходили к нам и почему теперь уходят?

Больше я не верил в расчеты, в соответствие энергетических потенциалов. За всем этим, за фактами, доступными анализу и нашим исследованиям, скрывалась какая-то иная истина. Мне казалось, вот-вот я пойму, что она собой представляет. Это было похоже на шорох прибора: иногда, кажется, в нем возникают странные звуки, почти слова, верится, что нужно лишь небольшое усилие, напряжение, внимание — и этот шепот, звенящий всхлип, далекое эхо — все это сольется в какую-то фразу. Но настроение уходит, и вновь в звуках моря не слышно ничего, кроме прибора.

Это был тот самый обрыв. Совершенно прозрачный воздух открывал с высоты безбрежную синюю даль. Ветер гнал небольшие барашки волн, срывал с них солоноватый острый запах морской воды, нес его по степи.

Я спустился вниз, к самому морю. Горизонт сузился и словно прижался к поверхности моря. Волны с шипением ложились у моих ног.

Должен был быть какой-то знак. Не могли они уйти вот так, молча, ничего не сказав, оставив нас в неизвестности и непрерывном ожидании. Сейчас изнутри бухты морские течения каждую секунду уносили в глубины моря последние миллионы их крошечных, уснувших тел. Надолго ли? И что случится, если они придут к нам снова? Поверили ли они нам? Смогут ли спокойно спать в своей глубине, оставив в руках человечества нашу прекрасную голубую планету? Или это всего лишь временное отступление, перегруппировка сил перед окончательным штормом...

Ответ должен был быть где-то здесь. Я это чувствовал, знал, что это так, и ничего не видел, кроме привычного морского пейзажа. Я пошел вдоль берега, все дальше и дальше удаляясь от оврага, по склону которого не так давно поднимался навстречу наведенным на меня автоматам. За поворотом был грот, причудливая пещера с озером морской воды. Я дошел до самого конца, заглянул в прозрачную изумрудную глубину озера. Потом повернулся и пошел обратно к дороге. Ответа не было. Возможно, мы не получим его никогда, потому что он зависел от нас самих.

И все-таки что-то было. Я не мог отделаться от ощущения присутствия за моей спиной огромного живого организма, который мы привычно называли морем, не зная толком, что оно собой предстает. Колыбель жизни? Только ли это? Может быть, мост между нашей планетой и безбрежными далями космоса? Я уходил не оглядываясь, и только губы, дрогнув, произнесли едва слышно дорогое мне имя — Веста...

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

==
повесть

На экране проплывали серые, припорошенные тусклой пылью холмы. Слишком много здесь пыли. Ни одного росточка, ни одного зеленого пятнышка. Не за что зацепиться взглядом. Да и камни какие-то странные, рыхлые, словно изъеденные старостью и пропитанные все той же, вездесущей здесь пылью. Вторую неделю звездолет неподвижно стоял среди этих мертвых холмов. Дежурный навигатор, Глеб Танаев, тяжело вздохнул и мельком глянул на часы — до конца вахты оставалось пятнадцать минут. Сколько таких безжизненных миров уже повстречалось на его пути за долгие годы, проведенные в службе дальней разведки? Десять? Пятнадцать? Точной цифры вот так сразу и не вспомнить, да разве в ней дело? Во всем доступном земным кораблям пространстве не было обнаружено ни одной живой планеты. Камень, отсутствие воды, отсутствие жизни — вот привычные записи в бортовых журналах, словно кто-то специально решил разрушить красивую сказку о братьях по разуму. Конечно, люди боролись с мертвым камнем. Создавали из него атмосферу, превращали безжизненные планеты в цветущие сады.

Но все это было слишком далеко от тех, кто прилетал первым. И, наверное; поэтому их работа теряла осязаемый, видимый смысл. Подсчет запасов минерального сырья, пригодного для создания будущей атмосферы, пробы, образцы, колонки бесконечных цифр, проверка и наладка бесчисленных механизмов за долгие годы полета от звезды к звезде — вот и все, что оставалось на их долю.

Эта планета называлась Эланой. Третья группа, отсутствие биосферы, сорок парсеков от базы, для человека безопасна. Глеб захлопнул лоцию и включил обзорный локатор. Он не понимал, для чего нужны здесь дежурства у главного пульта корабля. Очередной параграф какой-то инструкции предусматривал дежурства на любой чужой планете, и никому не было дела до того, что дежурный должен томиться от безделья и скуки целых четыре часа. Координатор был большим поклонником инструкций. Глеб не удивился бы, узнав, что Рент знает наизусть все три тома космических уставов.

Почувствовав, как поднимается глухое раздражение, Танаев вспомнил о принятом решении и немного успокоился. Это его последняя экспедиция, давно пора подыскать более достойное занятие. Чего он, собственно, ждал? Чего все они искали за миллионы километров от родной планеты? Новых жизненных пространств? Запасов сырья? Все это космос уже предоставил земным колониям с лихвой. Понадобятся столетия, чтобы освоить открытые богатства. Кому теперь нужна служба дальней разведки? Что они, в сущности, находят? Немного другие камни, немного другой воздух. Иная гравитация, иные циклы времени. И все это уже не удивляло, не будоражило воображения. Чего-то они так и не нашли среди звезд. Чего-то важного, такого, без чего терялся смысл во всем этом гигантском космическом предприятии, затеянном человечеством. Во всяком случае, для себя лично он больше не находил ничего привлекательного в однообразных исследовательских полетах. Годы жизни, унесенные анабиозом, щемящее чувство волнения перед очередной посадкой и разочарование, словно его обманули... А потом долгие недели и месяцы, заполненные однообразной, надоевшей работой. Значит, все. Пора домой. Там найдется дело по вкусу.

Щелкнул аппарат связи, и сухой желчный голос координатора попросил доложить обстановку.

«Слово-то какое замшелое — «доложить», — все еще не в силах справиться с раздражением, подумал Глеб. Однако привычка к дисциплине не позволила ему выдать своего недовольства даже в топе ответа. Он перечислил номера групп и количество людей, покинувших ко-

рабль два часа назад, и монотонно, чтобы хоть чем-то досадить координатору, стал перечислять квадраты работ, отдельно для каждой группы.

— Послушайте, Танаев, эти цифры вы сообщите мне как-нибудь на досуге, а сейчас вызовите на корабль всех руководителей групп.

Координатор отключился.

— Это еще что за новости? — спросил Глеб у мигающего зрачка автомата связи.

Автомат, как и следовало ожидать, не ответил. Вызов руководителей групп в разгар работ не такое уж простое и заурядное дело. Вряд ли они согласятся без дополнительных объяснений покинуть участки работ. Глеб потянулся к интеркому, чтобы вызвать координатора. Но в это время где-то в глубинных недрах корабля возник басовитый, уплывающий за пределы слуха звук, от которого мелко задрожали переборки. В машинном началась продувка главного реактора. После этого у Глеба пропало всякое желание медлить и задавать координатору дополнительные вопросы. Произошло нечто чрезвычайное, потому что запуск главного реактора на планетах вообще не был предусмотрен. Танаев набрал на шифроплате коды сигналов всех задействованных на планете групп. Лучше, если вызов пошлет автомат на аварийной волне, — с ним не поспоришь.

В рубку, как всегда за несколько минут до конца смены, вошел второй пилот Леров. Не было еще случая, чтобы он опоздал хотя бы на минуту. Значит, можно успеть к началу совета. При виде добродушного, улыбающегося лица Лерова Глеб испытал знакомое теплое чувство. Не зря пилоты дальней разведки тщательно проверялись на психологическую совместимость.

— Что там у нас стряслось, Вадим, ты в курсе?

— Что-то случилось у Кленова с бурильными автоматами.

— И только? Из-за этого объявили общий сбор и запустили главный реактор?

— Говорят, там не обычная поломка. Похоже, у них сбита настройка центральных блоков.

— Ты хочешь сказать «сбилась»?

— В том-то и дело, что сама она не могла сбиться.

Кибернетики носят как угорелые, кажется, собираются проверять все автоматические устройства на автономных программах.

— Великий космос! Этого нам только не доставало. Все остальное уже было. Им же целого года не хватит, чтобы... Подожди, а реактор? Для чего понадобился главный реактор?

— Так полагается по инструкции: «В случае обнаружения внешнего воздействия на любой планете немедленная эвакуация, выход в открытый космос, консервация всех работ до прибытия специальных научных групп. И нулевая готовность к защите».

Выслушав эту цитату из устава, Глеб отрицательно покачал головой.

— Я слишком хорошо знаю Рента. Он, конечно, педант, но в разумных пределах. Свернуть экспедицию из-за пары забарахливших автоматов? Тут что-то не так... И потом, какое воздействие? Мы сорок лет осваиваем этот участок Галактики и ничего не видели, кроме мертвого камня. Время от времени что-то барахлит, что-то выходит из строя. Иногда встречается нечто не совсем понятное. В конце концов наши ученые всему находят объяснение, и никто из-за подобной чепухи не сворачивает работ. Придется посетить совет. Принимай смену.

Вадим кивнул.

— Только держи меня в курсе. Из наших мудрецов после совета лишнего слова не выжмешь.

Все же он немного опоздал. Совет уже начался. Видимо, Кирилину только что предоставили слово, и он, как обычно, мялся, не зная, с чего начинать. Всегда с ним так, если приходилось выступать перед многочисленной аудиторией, все знали эту его слабость и терпеливо ждали. Длинные руки Кирилина беспокойно бегали по столу, словно искали что-то, а большие добрые глаза, искаженные толстыми стеклами очков, казались печальными и чуть удивленными.

— Здесь много неспециалистов, и я, видимо, должен объяснить подробно... — Кирилин закашлялся, вытер блестящую, как шар, голову. Казалось, он чувствует какую-то свою личную вину за происшедшее. — Все дело в кристаллокондах. Ими задается программа любому авто-

мату. Вам не раз приходилось иметь с ними дело, когда во время работ вы сменяли один кристаллоконд на другой, чтобы дать кибу новое задание. Кристаллоконды, как вы знаете, представляют собой чрезвычайно сложную и твердую кристаллическую структуру. Ее нельзя изменить. Ее можно сломать, заменить новой, но ее нельзя частично изменить. В этом суть всей проблемы. Кристаллическая структура кондов раз и навсегда задается во время отливки на земных заводах в специальных матрицах...

Наконец кто-то не выдержал:

— Может, вы объясните, что, собственно, произошло?!

— Вот я и говорю, что кристаллоконды представляют собой сложную структуру, раз и навсегда заданную при изготовлении. Тем не менее кристаллоконды двух автоматов в группе Кленова оказались измененными, в их структуре произошли некоторые сдвиги, и вместо стандартного отбора образцов кибы покинули квадрат работ, самостоятельно переместились в группу энергетического резерва и там...

Послышался смех, кто-то спрашивал у Кленова, чем он насолил своим кибам, кто-то интересовался у энергетиков, зачем они сманивают чужих роботов. Координатор постучал по столу и поднялся:

— Очевидно, не все понимают серьезность происшедшего. Эти два кристаллоконда кем-то были специально изменены таким образом, что кибы получили новое, неизвестное нам задание, которое они и выполняли в течение нескольких часов. Мы не знаем характер этих изменений, мы не знаем, кем, а самое главное — для чего это было сделано.

Несколько секунд в кают-компании было тихо.

— Может быть, перепутали конды? Кто-нибудь из команды...

— Исключено. На них остались те же самые заводские номера. Кроме того, конды непонятным образом разрушились, как только мы начали исследования.

— Разрушились? Отчего?

— Мы хотели рассмотреть их структуру под нейтронным микроскопом, чтобы определить характер изме-

нений, но сразу же, как только включился нейтронный поток, конды распались, превратились в пыль. Я прошу экипаж со всей серьезностью отнестись к сложившейся ситуации. Создать такую сложную структуру, как конд, непростая задача. Частично изменить ее еще труднее. И цель, ради которой это было сделано, может оказаться весьма серьезной. Прошу самым тщательным образом проверить всю автоматическую аппаратуру корабля. Представьте себе несколько неуправляемых автоматов в машинном отделении или пару таких блоков в центральном навигаторском...

«Да, это серьезно... — подумал Глеб. — Тут действительно не до шуток. Но к чему клонит Рент? Неужели он предполагает, что кто-то на Земле заранее изготовил эти блоки, а кто-то из членов команды умышленно их подменил?..»

— Лонга и Танаева прошу остаться. Остальные свободны.

Лонг возглавлял научный отдел корабля, вместе с координатором и Глебом они составляли руководящую тройку всей экспедиции. Едва все вышли, координатор приступил к делу.

— Надо решать, как действовать дальше. Выбор у нас небольшой. Мы можем игнорировать случившееся и продолжать работы либо, учитывая обстановку, вернуться домой. Более того, если скрупулезно соблюдать инструкцию, мы просто обязаны вернуться. Однако в данном конкретном случае я не настаиваю на соблюдении инструкции и оставляю за нами право на решение. Мы должны учесть все особенности обстановки, а также и то, сколько стоит наша экспедиция на таком расстоянии от базы.

— Да, вернуться, не выполнив задание... Такое нечасто бывает. — Лонг озабоченно потер подбородок.

— Есть еще один выход. Подождать, — заметил Глеб.

— Подождать чего? — резко спросил координатор.

Глеб, сделав вид, что не заметил его резкости, спокойно пояснил:

— Подождать, пока этот таинственный фактор, изменяющий настройку наших автоматов, вновь себя про-

явит. Вряд ли он ограничится только двумя автоматами. Следующий случай даст нам в руки гораздо больше материала. Мы сможем составить более полное представление о том, что происходит, и, может быть, выясним, кто этим занимается. Мы можем какое-то время вести работы очень локально, маленькими группками, с малым числом автоматов и с большим числом специально проинструктированных наблюдателей. Рано или поздно этот таинственный фактор раскроет себя.

— Или не раскроет, что более вероятно, но сроки, отпущенные нам на разведку планеты, будут сорваны. Тут нужно кардинальное решение.

— Насколько я понимаю, вы за то, чтобы продолжать работы с нормальным графиком? — уточнил Лонг. Координатор поморщился.

— Сначала я хотел бы услышать ваше мнение или хотя бы предположение, гипотезу о характере происшествия, о том, кто это мог сделать.

— А почему вы убеждены, что это чья-то злая воля? Наверное, автоматы попали под неизвестное нам излучение природного происхождения. Например, мощный гамма-поток мог сместить внутренние структуры кондов и ослабить молекулярные связи. Достаточно было небольшого толчка в виде нейтронного излучения нашего микроскопа, чтобы они разрушились.

Это, пожалуй, кое-что объясняет.

Координатор удовлетворенно качнул головой, а Глеб иронически усмехнулся. «Ну, конечно! Конечно, это опять все объясняет простым и естественным образом! Им это и нужно. Сделать вид, что ничего особенного не произошло, — подумал он. — Они займутся повседневными делами, планами, отчетами и графиками... Задавят едва мелькнувший кусочек неведомого под грудой повседневных дел. Сделают порученную работу и вернуться домой... А по-своему они правы. Их послали сюда с определенным конкретным делом. И они его сделают... Вот только не потому ли мы не находим на десятках вновь открытых планет ничего интересного? Ничего, кроме мертвых камней? Может быть, мы еще не научи-

лись смотреть или смотрим сквозь привычные, низко опущенные шторы?»

— Скажите, — спросил он Лонга как мог спокойнее, — сколько именно энергии нужно для такого изменения кристаллокондов, иными словами, какова была мощность этого «природного» потока?

Он сразу же увидел, что попал в точку, в самое слабое место лонговской гипотезы.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Нужны специальные исследования.

— Однако горячие зоны наших реакторов, в которых работает не один десяток автоматов, дают что-нибудь порядка двух тысяч рентген на квадратный миллиметр. И я не слышал, чтобы хоть один конд вышел из строя. Вы знаете природное излучение, которое может дать большую мощность?

— Такие изменения могут накапливаться постепенно. В течение нескольких лет. И потом резко, скачком проявить себя.

Казалось, координатор не слушает объяснений Лонга. Нахмурившись, он что-то чертил кончиком визифона на столе.

— Ты пойми меня правильно, Глеб. Нам надо дело делать. Я не могу позволить увлечь себя в дебри научных дискуссий. Планета отнесена к третьему классу. У тебя есть объективные данные, чтобы эту оценку изменить?

У него не было таких данных. У него не было ничего, кроме зловещего предчувствия, что на этот раз они заплатят за свою беспечность, за свою древнюю привычку все делать по заранее расписанным листочкам бумаги, даже в тех случаях, когда обстоятельства не укладываются в рамки предписаний.

— Я потребую вынести этот вопрос на совет команды, — устало произнес Глеб, понимая уже, что проиграл спор.

— Твое право. Но совет тебя не поддержит. Как только закончим проверку всех автоматов, работы будут возобновлены.

Координатор поднялся, давая понять, что разговор окончен.

* * *

Каждое новое утро на Элане похоже на предыдущее. Отсутствие атмосферы лишает их разнообразия. В шесть часов раскаленный гладкий шар солнца появляется на безликом от черноты небосклоне. Мириады звезд, не притушенные атмосферой, торчат на небе весь день, и, наверное, от этого планета кажется гигантской рубкой космического корабля.

Запакованный в герметические скафандры отряд геологов из двенадцати человек едва разместился в трех карах. Кары бесшумно плыли над поверхностью планеты. Странное чувство, словно он исполняет чужую надоевшую роль, не покидало Глеба с того самого момента, когда совет поддержал решение координатора. Пятый день работы шли по нормальному графику, и до сих пор все как будто говорило о том, что его опасения безосновательны, а происшествие с киберами всего лишь нелепая случайность.

В первый день он дважды осмотрел карьер, в котором последний раз велись работы. Никто не мог точно сказать, где именно кибы перестали выполнять свою основную программу. Ничего удивительного. Автоматы работали на приличном расстоянии друг от друга, и людям трудно было контролировать весь участок. Осмотр ничего не дал. Базальт. Редкие выходы пегматитовых жил с крупными кристаллами слюды и золотистых пиритов. Отсутствие ветра и водной эрозии делало изломы скал неестественно свежими, сверкающими всеми гранями, как образцы в геологическом музее.

Еще двадцать дней. Потом работы будут закончены, и, если ничего не случится, они улетят домой. На базе никто не вспомнит об этом незначительном происшествии. Их отчет, сданный в центральный информаторий, осядет там дополнительным грузом сведений. Сколько в нем уже хранится таких отчетов? Сколько в них мелькнуло беглых и невнятных описаний бездоказательных, порой странных случаев? Что, если составить специальную подборку всех загадочных историй космоса? Может быть, собранные вместе, они наконец привлекут к себе внимание людей? «Что, если в космосе существуют

силы, неподвластные нам да к тому же стремящиеся остаться незамеченными? Скорее всего, я просто не могу смириться с поражением в этом споре с Лонгом. По возвращении домой мне совсем не захочется лезть в информаторий с подобными вопросами. Никому не хочется, в том-то и дело. На Земле у нас появляются куда более интересные дела. Никто не хочет вспоминать о мрачных, порой нелепых, а то и попросту необъяснимых историях дальнего космоса. Что-то сбивает с курса корабля, искажает данные навигационных приборов, выводит из строя двигатели, гасит радиомаяки, теперь вот роботы... И на все находится приемлемое объяснение. Накопление энтропии, естественные поломки... Стоит ли в этом копаться, раз трудная дорога позади? Все вернулись домой, целы и невредимы... А если это только разведка? Проба сил? Что, если нам придется с этим столкнуться вплотную? С чем — с этим? — спросил он себя. — Нервы у вас расшатались, пилот Танаев».

Кары остановились у черного разлома скал. Обычный рабочий день вступил в свои права и часа на полтора занял все внимание Глеба. Он плохо разбирался в геологии и попросился в группу Кленова только из-за этого проклятого разлома, от которого сбежали роботы. Вот он перед ним. Всегда одинаковый, с черными оспинами обсидиана, с шероховатыми плоскостями гранита. От резких теней все здесь казалось чуть мрачноватым. Много тысячелетий назад подземный толчок выдавил на поверхность эти скалы, раздробил камень причудливыми сколами, обломками завалил глубокие трещины. Все так и осталось нетронутым за тысячи лет. «Лежало, пока мы не пришли, не наполнили все вокруг скрежетом земных механизмов, воем электромоторов».

Воздух в респираторе скафандра пах сыростью и резиной. Как пахнет эта планета, он никогда не узнает, потому что камень, не омываемый воздухом, не имеет запаха. Он чувствовал усталость и досаду на самого себя за то, что не мог справиться с непонятной тревогой, которая нарастала в этом месте, словно он чувствовал притаившуюся в обнаженных, открытых, как на ладони, скалах неведомую опасность. Некое застывшее в гранитных из-

ломах напряжение. Словно лавина остановилась на полпути, тронь — посыплется...

Сверху сорвался небольшой камень. Глеб вздрогнул и резко обернулся. Над ним, в просвете между каменными обломками, появилась башенка охранного кибера. Координатор расщедрился и выделил на каждую рабочую группу по два киба. Это была еще одна причина, почему Танаев оказался в группе Кленова. Слишком хорошо он знал потенциальные возможности этих боевых машин. Ему не давала покоя одна простенькая мыслишка: «Что будет, если вдруг у них тоже самопроизвольно изменится основная программа? Почему не может повториться то, что уже случилось здесь однажды?» Но Рент в ответ на его опасения лишь пожал плечами:

— Тогда нам вообще нечего делать в космосе. Без автоматов мы здесь шагу не ступим.

Глеб поднялся наверх и стал рядом с трехметровым стальным гигантом. Решетчатая башенка локатора на его макушке непрерывно вращалась. Глеб попросил вызвать центральный автомат корабля.

Но еще до того, как пришел ответ, в шлемофоне раздался голос Кленова:

— Глеб, ты не мог бы спуститься в третий сектор?

— А что случилось?

— Отказал нитридный взрыватель. Нам нужно было убрать небольшую стенку, взрыватель отказал, и я не могу понять причины. Спустись посмотри.

— Хорошо. Я сейчас.

— Вызов центрального автомата отменить? — спросил робот.

— Нет. Наоборот, соедини меня с ним.

Через секунду знакомый хриловатый голос сообщил о том, что один из каналов центрального автомата переключен на его рацию. Глеб запросил информаторий и через несколько секунд уже знал ответ, который предвидел с самого начала.

Подъем требовал внимания. Широкие подошвы скаффандра, упруго пружиня под ногами, вдавливали свои многочисленные шипы в неровности скал. Один неверный шаг на такой крутизне мог ему дорого обойтись. Зачем, собственно, понадобилось ему лезть наверх, к

кибу? Ведь он мог вызвать его снизу, со дна разлома. Нелепость? Ну да, всего лишь нелепость... Некие незапрограммированные действия, как у тех автоматов... Он почувствовал легкое головокружение, незнакомую раньше боль... Если его догадка верна, то все так и должно быть, теперь очередь за людьми.

Внизу двое наладчиков уже разбирали нейтринную горную мину. Механизм выглядел безупречно. А боек почему-то не доходил до капсулы, словно что-то в системе спускового механизма изменилось, исчезла какая-то важная деталь, нарушился заданный людьми порядок, и вот механизм не сработал...

Глеб долго вертел в руках металлическую коробку. Боль ушла и больше не возвращалась. Но он был уверен, что это не единственный случай такого вот необъяснимого кратковременного недомогания, что не он первый и этими мелочами дело не кончится...

Ему понадобятся самые подробные данные обо всех незначительных поломках, разладках и мелких неисправностях механизмов во всех квадратах, где велись работы. Он знал, что поломки, которые не выбивают из графика основные работы, не заносят в журналы и нигде не фиксируют. Значит, придется поговорить со всеми кибернетиками и наладчиками. Потом ему предстоит обработать эти данные на машине. Он не сомневался в результате, но для предстоящего разговора с координатором нужна была серьезная подготовка. Этот человек верил только фактам. Ну что же, за фактами дело не станет...

Пульт малого расчетчика показался Глебу чрезмерно сложным. Ему не приходилось еще иметь дело с аппаратами такого низкого класса. Чем проще машина — тем сложнее управление, тем более подробные команды и программы приходилось в нее вводить. Зато малый расчетчик не фиксирует работ, которые на нем проводятся, — именно это Глебу и требовалось. До получения окончательных результатов никто не должен знать о его догадке. Прежде всего об этом узнает Рент, и пусть координатор сам решит, что с этим делать дальше...

Аппарат тихонько урчал, сетка огней на его пульте то почти пропадала, то вспыхивала с новой силой, когда

расчетчику не хватало собственных данных и он подключался к центральному информаторию.

Автоматическое печатное устройство время от времени выстукивало на ленте колонку цифр и вновь умолкало. Наконец раздался резкий звонок, означавший окончание работы. Вспыхнул экран графического анализа. На топографической схеме местности, расчерченной на квадраты координатной сеткой, змеились голубые смыкающиеся линии, словно там был центр циклона. Это и был результат. Глеб нажал большую зеленую кнопку под экраном и получил из щели хрустящий лист лавсановой пленки, на которой в точности повторялся чертеж графического анализа, обозначившийся на экране. Затем он тщательно уничтожил в аппарате все следы только что проделанной работы и лишь после этого, развернув чертеж, еще раз внимательно всмотрелся в разбегавшиеся по нему голубые линии. Они обозначали одинаковое количество отказов, взятых в определенном временном масштабе. Абсциссы не везде смыкались. Участки работ неравномерно распределялись по поверхности планеты, и ему не хватало данных, но общая картина все равно вырисовывалась вполне отчетливо.

Значки поломок, отказов механизмов, легких недомоганий людей, ведущих работу снаружи, не были как попало разбросаны по схеме. Вместо хаоса случайностей совершенно четко обозначился некий центр. Пятно на карте планеты площадью примерно двести квадратных километров. Вокруг него неприятности, обрушившиеся на исследовательские группы, как бы сгущались, становились чаще и интенсивней...

2

Закрыв за собой дверь личной каюты, координатор Рент почувствовал, как он устал. Почему-то в своей каюте он особенно остро ощущал одиночество, которым вынуждены расплачиваться те, кто в интересах дисциплины соблюдают между собой и остальным экипажем известную дистанцию.

Даже сейчас, вытянувшись на диване, позволив себе расслабиться и дать отдохнуть натруженным за день мышцам, он ни на секунду не прервал незримую и незаметную для окружающих связь с кораблем. Словно пучки невидимых нервов сделали его самого лишь частью этого огромного сложного механизма. Щели климатизаторов несли теплую волну ароматного воздуха, успокоительно тлел над столом зеленый светлячок инфора, едва ощутимая вибрация проходила порой от стрингера машинного отсека по левой переборке, вибрация, которую мог обнаружить лишь его натренированный слух, — главный реактор второй день продолжал работать на холостом ходу. Координатор тяжело вздохнул.

Бывают планеты, на которых неприятные случайности собираются словно в фокусе, но Элана побила все рекорды. Хуже всего с энергией. Без конца обнаруживались непредвиденные утечки, и повышенный расход сопровождал каждому выходу наружу. Словно у него на складе неограниченные запасы актана! Все аккумуляторы вдвое увеличили саморазряд даже на холостом ходу. Научная группа объясняет это повышенным фоном гамма-излучений, хотя, похоже, Лонг в это не очень верит. С чего бы вдруг все внутренние аккумуляторы и накопители отреагировали на этот фон! Им не раз приходилось сталкиваться с гораздо более сильными излучениями, и ничего подобного не было! Придется сокращать и так уже урезанный график работ. Слишком дорого обходятся исследования на этой планете. Ему нелегко будет отчитаться перед базой. Еще одна авария с генератором, как та, что случилась при подходе к Элане, и они не дотянут до Земли... Израсходовано шестьдесят процентов резервного топлива. Генераторы корабля работали на любой материи, и запасы инертных материалов, использовавшихся в качестве горючего, они уже полностью возобновили на Элане, но это топливо годилось только для ходовых генераторов. Все планетные работы, посадки и взлеты на малой тяге производились на актане. Только он годился для мощных автономных аккумуляторов, приводивших в действие основные системы корабля и всех кибов. Без октана они станут совершенно беспомощны. Взлет придется делать на главных двигателях, заразив радиацией

немалую площадь планеты, несмотря на строжайший запрет...

Если бы только это! Участились болезни среди членов экипажа. Это было бы понятно на планете с биосферой, но как объяснить вспышки гриппа и различных инфекционных недомоганий, когда каждый выход наружу сопровождается полным комплексом дезинфекционных облучений, а в защитных скафандрах люди вообще не контактируют с планетой?! А эта история с роботами?

Танаев наверняка по возвращении напишет рапорт в комиссию и будет по-своему прав. Получится, что Рент не уделил должного внимания такому невероятному событию, как выход из строя пары роботов. Черт бы их побрал вместе с Танаевым! Уж он-то должен знать, как важно им закончить разведку, выполнить задание базы. А при сложившейся ситуации с горючим, когда приходится экономить каждый выход наружу, он просто не может позволить внеплановые дополнительные исследования! И все же Рент не хотел бы себе другого заместителя. По крайней мере, он может поручить этому человеку любое дело и быть уверенным, что Танаев, со своей вьедливостью и скрупулезностью, все доведет до конца. Тревожные мысли наплывали одна на другую, мешали расслабиться, не давали отдохнуть. Рент потянулся к изголовью и включил мент. Первые раскаты похожей на морской прибой мелодии затопили сознание, перед глазами встали рыжие скалы, и песчаные дюны легли вокруг, словно застывшие волны океана. Но видение тут же исчезло.

* * *

Глеб не любил встречаться с Рентом в «предбаннике», как окрестили маленькую комнатку для приемов, заменяющую прихожую в каюте Рента. В самой каюте еще никому не удалось побывать. Рент тщательно запирает ее за собой на ключ, словно хранил там редкостное сокровище. Этот анахронизм еще можно было стерпеть, хотя на корабле не запиралась ни одна каюта, кроме этой. Но «предбанник» — это уж слишком! Другого выхода у него просто не было в этот поздний час. Рент тоже

имел право на отдых. И все же, стоя перед дверью его каюты, Глеб с раздражением думал о том, что за странная манера разговаривать с людьми в специальной комнате, да еще при этом заставляя их несколько минут ждать у входа.

Наконец дверь распахнулась, и порядком накалившийся Танаев вошел в «предбанник».

Рент сидел за столом подтянутый, в застегнутой до самого горла куртке, с прямой, как палка, спиной. Ничто в его облике не выдавало недавней усталости. Глеб молча развернул на столе лист лавсана. И только когда координатор вопросительно уставился на него, сделал самые необходимые пояснения и снова надолго замолчал, ожидая, пока Рент усвоит новую информацию и примет решение. А Рент не спешил, и где-то в уголках его глаз чуть заметно дрожал огонек обиды.

Ну почему, почему они приходят к нему, словно он часть центрального автомата корабля? Почему в трудных ситуациях от него ждут однозначного безапелляционного решения, в принятии которого никто не хочет помочь ему, словно они не знают, что никогда не бывает однозначных безапелляционных решений, не несущих в себе зародыша будущих неприятностей...

Вдруг Рент внутренне содрогнулся. До него только теперь дошел весь грозный смысл открытия, сделанного Танаевым. На планете существовала некая зона, площадью примерно двести квадратных километров, в которой все неприятности, преследовавшие их с момента посадки, словно бы сгущались. В это было трудно поверить, но цифры, подсчитанные вычислителем, казались безупречными. Случайное совпадение почти исключалось. Слишком обширный материал собрал и обработал Глеб. Что же там такое? Неизвестные излучения? Нет таких излучений, которые оставили бы без внимания корабельные индикаторы. В конце концов, возят же они с собой пятнадцать человек не самых худших ученых? Один Лонг стоит десятерых. Пусть думает тоже. Рент набрал на селекторе код вызова.

...Лонг поднес график к самому лицу, ощупал его и даже посмотрел на просвет.

— Это слишком невероятно для случайного совпадения. Придется проверить.

Координатор резким жестом остановил его.

— Интересно, каким образом вы собираетесь проверить? Вам знаком дефицит с актаном?

— Да. Но работа в центр этой зоны придется посылать.

— Одного робота?

— Не торгуйтесь, Рент. Вам все равно этого так не оставить. Пошлете сколько понадобится, а пока одного. И желательно не «А» класса.

— Почему?

— У меня такое впечатление, что, чем проще будет механизм, тем дольше он там продержится.

— Ну хорошо. Жук вас устроит?

— Да... Пожалуй. Только пусть с него снимут блоки автономного управления, а двигатели переключат на резервные радиокоманды.

— Я сам все проверю. — Глеб поднялся. — Через пару часов можно будет выпускать.

— Не забудьте добавить резервные блоки анализаторов и по четыре передатчика в инокамерах с каждой стороны. Так, чтобы в случае гибели автомата мы могли получить информацию.

— Значит, обратно мне его не ждать? — Рент вопросительно поднял брови, разглядывая хмурое лицо руководителя научной группы.

— Не знаю, Рент. Мы столкнулись здесь с чем-то таким... — Лонг пощелкал в воздухе пальцами. — Ну, в общем, по сравнению с этим цена одного автомата может оказаться ничтожной.

* * *

Внешне Жук напоминал подсолнечное семечко, увеличенное до размеров моторной лодки. Матовые металлические грани, сходящиеся к носу, создавали впечатление надежности. Лобовая броня Жука способна была отразить прямой удар лазерного луча. Наружу не выступало ни единого механизма. Не было видно даже швов.

Жук представлял собой транспортное устройство, использовавшееся в особо сложных условиях.

На экране рубки управления виден был почти весь ангар, в котором располагался Жук. Все было готово к пуску. В рубке вместе с Глебом сидели только Лонг и координатор. словно не ожидая от эксперимента, затеянного Лонгом, ничего хорошего, Рент удалил даже дежурного и сам сел за пульт управления наружными автоматами.

Жук тяжело качнулся и медленно поплыл к эстакаде. Между ним и полом обозначилась узкая щель. Она постепенно расширялась и вскоре достигла полуметра. В этом пространстве не было ничего, кроме сжатого антигравитационного поля, нейтрализовавшего притяжение планеты. Автоматы на антигравитационной подушке были очень удобны. Их проходимость практически не имела ограничений, но из-за большого расхода энергии использовались они редко.

Медленно, словно нехотя, дверь шлюза отошла в сторону, пропуская Жука под мощные потоки облучений дезинфекторов.

На экране замигал зеленый огонек, означавший, что стандартная процедура подготовки автомата к выходу закончена.

«Мы можем дорого заплатить за свое чрезмерное любопытство, — неожиданно подумал Глеб, впервые почувствовав, что опасения координатора не так уж беспочвенны. — Насколько проще и спокойней было бы закончить стандартные исследования и убраться с этой планеты восвояси, предоставив разбираться во всем специальной научной экспедиции, которую, впрочем, могут и не послать: слишком дорогое удовольствие — специальная экспедиция. Да и не сможем мы теперь просто так уйти отсюда, никогда себе этого не простим». Менять что-нибудь было уже поздно. Наружная дверь шлюза, медленно повернувшись, стала выдвигаться в сторону от корабля, образуя пандус. По нему тяжелая машина могла плавно опуститься на поверхность планеты.

Каждый раз, когда открывался центральный транспортный люк, Глеба поражала толщина основной корабельной брони. Слой металла, слагавший пандус, был

значительно больше его ширины, и вся конструкция от этого выглядела неоправданно громоздкой.

Как только Жук съехал с пандуса, Рент увеличил мощность двигателя, и сразу же изображение на экране смазалось от волны раскаленных газов. Следящий автомат тут же переключился на более высокий ярус, и теперь на экране стала видна значительная часть заваленной скальными обломками поверхности планеты. Над всем этим первозданным хаосом, почти сливаясь с ним по цвету, медленно ползло металлическое семечко.

— Ты не хочешь вернуть людей на корабль? — спросил Лонг, словно ему передалась тревога, которую испытывал Глеб с того самого момента, как вернулся из карьера и начал собирать первые данные для вычислителя.

— Зачем? Мы всего лишь послали транспортный автомат в один из секторов планеты. Ты хочешь, чтобы я каждый раз из-за такого пустяка останавливал работы? Или у тебя есть более определенные соображения?

— Нет... — Лонг сморщил свое и без того изъеденное морщинами лицо. — Я не думаю, что это опасно. Но это достаточно необычно. Мы не знаем, как себя проявит то, что скрыто в этой зоне. Ведь что-то там есть?

— Вы даже в этом не уверены. И вообще позвольте мне самому решить, что здесь опасно, а что нет! — вдруг отрезал Рент.

Теперь они молча смотрели, как Жук неторопливо плыл над скалами, напоминающими ледяные торосы. Казалось, в этом месте по поверхности планеты с размаху бил огромный молот. Но скалы постепенно понижались. Все чаще между ними появлялись проходы, словно кто-то вылизывал среди камней огромным шершавым языком широкие прогалины. Рент увеличил скорость и направил машину в одну из таких прогалин. Развернувшись на ровном месте, Жук вздрогнул и рванулся вперед.

Взглянув на показатель скорости, Глеб заметил, что стрелка далеко еще не доходит до средней отметки. Мало того, она медленно катилась назад. Видимо, координатор тоже заметил это, потому что резко, до отказа, передвинул тумблер, управляющий мощностью двигателя, и включил форсаж. Машина снова рванулась вперед.

Стрелка прыгнула почти в самый конец шкалы. На экране, показывающем местность с бортовых передатчиков, мелькнула знакомая стена ущелья. Теперь Жук вошел в зону, в которой до сих пор еще не бывали ни люди, ни их машины. Всего двадцать километров отделяло его от центра таинственного пятна, вычерченного Глебом на карте планеты. Вдруг изображение, транслируемое бортовыми передатчиками Жука, потеряло четкость. Глеб крутанул настройку, но стало еще хуже.

— Что там такое?! — сразу же расвирепел Рент. — Вы что, не можете держать настройку?

— Настройка здесь ни при чем!

— Тогда что же?

— Откуда я знаю! — огрызнулся Глеб. — Я не связист! Вы слишком засекретили наш эксперимент. Здесь могут понадобиться разные специалисты.

— Хорошо, — неожиданно согласился Рент. — Пригласите всех, кого считаете нужным. И увеличьте мощность управляющих передатчиков, машина нечетко выполняет команды. Если не хватит энергии, я запущу главный реактор, — сквозь зубы добавил координатор.

— Кажется, он начинает забывать про экономию, — пробормотал Лонг.

Несколько минут ушло на то, чтобы объяснить вошедшим в рубку специалистам создавшуюся ситуацию. За это время Жук заметно потерял ход. Стрелка скорости, несмотря на полностью выжатый форсаж, болталась где-то посредине шкалы.

— Ну, так что там с передатчиками? — нетерпеливо спросил Рент. — Машина выходит из-под контроля. Что это, наводки? Экран?

— Нет. И то и другое наши приборы сразу же определяют, — уверенно ответил главный инженер. — У меня такое впечатление, что дело в самой машине.

— Да, — подтвердил связист. — Похоже, начали разрушаться телеобъективы на Жуке. Смотрите: рябь на экране имеет характерную структуру.

— Почему же молчат бортовые анализаторы? Они должны реагировать на любое внешнее воздействие! Все поля в норме, даже радиоактивный фон не увеличился!

— Попробуйте взять левее, — вдруг вмешался молчавший до сих пор Лонг.

— Но там же скалы!

— Именно поэтому. Мне кажется, местность в остальных местах что-то уж слишком выровнялась.

Жук покатился в левый угол центрального экрана. На бортовых экранах замелькали нечеткие изломанные вершины. Временами изображение исчезало вовсе. Лонг согнулся над самым экраном, что-то стараясь там рассмотреть. Он то и дело включал увеличение и фиксаторы, словно забыл, что изображение автоматически записывается центральным автоматом. Глеб хотел сказать ему об этом, но не успел.

Скалы неожиданно кончились. На какое-то время изображение на экране стало почти резким. Впереди, насколько позволяли объективы, виднелась ровная песчаная плешь. Лонг стремительно нагнулся и включил максимальное увеличение. Песок приблизился, заполнил собой экран. Глеб не сразу понял, что его так поразило. И вдруг вспомнил, что на планете нет атмосферы и, значит, не может быть ни воздушной, ни водной эрозии. Какая же сила превратила здесь скалы в песок?

— Похоже на пыль, — пробормотал Лонг. — Нет определенной формы. Я не могу рассмотреть отдельных песчинок, не хватает резкости. Да сделайте же что-нибудь!

Глеб отстранил оператора и сам взялся за верньеры автоматического управления Жуком. На какое-то время ему удалось выровнять машину, стабилизировать ее положение, и объективы теперь держали изображение в центре экрана, но это мало помогало, предательское помутнение пятнами расходилось по всем экранам.

— Это все-таки объективы. Поверхность линз разрушается.

— Возьмите пробы этого песка! — приказал Рент.

Глеб отстучал шифр команды, и почти в ту же секунду из кормового отсека Жука вытянулась длинная когтистая лапа пробозаборника. Но не успела она коснуться почвы, как вся ее нижняя часть потеряла резкие очертания и стала расплываться, словно пробозаборник опустили в расплавленный металл.

- Какая температура за бортом аппарата?
- Минус сто восемьдесят по Цельсию.
- Верните его. Дальше продвигаться бессмысленно.

По-моему, машина окончательно теряет управление, — сказал наконец Лонг.

Но было уже поздно. Верхние объективы наружного обзора давали еще сносное изображение, и они отчетливо видели, как в нижней части аппарата, в том месте, где из днища выходили широкие раструбы антигравитаторов, отваливались какие-то детали и сразу же бесследно тонули в этом странном песке, словно под днищем Жука была не твердая поверхность планеты, а некая неведомая жидкость.

— Определите коэффициент упругости почвы! И попробуйте прикрыть его внешней защитой.

— Слишком далеко, — ответил инженер.

— И слишком поздно... — тихо добавил Глеб.

— Все! — сказал инженер. — Аппарат неуправляем.

На обзорном экране было видно, как Жук, вздрогнув, остановился и вдруг стал медленно разваливаться на части. Потрясенный Глеб видел, как массивная обшивка из силиконовой брони треснула, словно яичная скорлупа, и стала разъезжаться по швам. Из нее вывалились какие-то детали, точно внутренности раненого животного. Жук в последний раз дернулся. Потом от него отделилась вся корма вместе с ходовой частью, и изображение на экранах исчезло. Они видели только общий план скал, среди которых совсем недавно скрылся Жук. Это работали автоматические трансляторы геологов, установленные на самом обрыве. Но оттуда было слишком далеко до места катастрофы.

Глеб почувствовал острую досаду на себя за то, что не догадался одновременно с Жуком перевести на нужную орбиту один из спутников наблюдения. Теперь, прежде чем они получат квадрат в секторе обзора, пройдет не меньше часа.

Увидев, что он начинает набирать на пульте Центавра код поправок, координатор остановил его:

— Спутник нам не поможет. С высоты все равно ничего не видно, а если опустить его ниже, с ним, скорее

всего, случится то же, что с Жуком. Здесь нужны танки высшей защиты. Что вы об этом думаете?

Лонг пожал плечами:

— Я не факир и гадать не умею. Чтобы нам ответить, мне нужны обломки Жука и хорошо бы немного этого песка. Но с танками я не стал бы торопиться.

— Это еще почему?

— Потому что, если в однородной среде имеет место совершенно явная флуктуация, характер которой нам явно неизвестен, лучше всего собрать дополнительные данные, прежде чем вторгаться в саму структуру.

— Иными словами, не стоит дразнить гусей, — подсказал главный инженер. — Что же, я, пожалуй, с вами согласен.

— А я нет! — решительно вмешался Глеб. — Теперь мы просто обязаны узнать, что там такое. Наблюдения со стороны ничего нового не дадут, а если последовать вашей рекомендации, мы попросту не успеем ничего выяснить. Вторую неделю только тем и занимаемся, что наблюдаем со стороны, выполняем график работ. Но иногда стоит вспомнить о том, что поисковая служба создавалась на Земле вовсе не для подсчета запасов полезных ископаемых на чужих планетах.

— Для чего же, Глеб? — спросил координатор, с интересом рассматривая своего заместителя, словно видел его впервые.

— Для того чтобы искать и хоть иногда находить что-то новое! Неизвестное человечеству! Вот такое, например! — Танаев зло постучал по погасшему экрану.

Несколько секунд все молчали.

— Готовьте танки, — приказал координатор. — Всех людей возвратить на корабль! Аврал по стартовому расписанию.

За бортом корабля шла срочная погрузка. Со всех сторон тянулись длинные цепочки транспортных автоматов. Их суставчатые лапы с присосками на концах легко преодолевали рытвины и неровности первозданной поверхности планеты, лицо которой еще не бороздили ленты дорог. Казалось, сотни термитов возвращаются домой с добычей. На спинах автоматов виднелись решетчатые детали не полностью размонтированных конструкций

буровых установок. Хорошо отработанная программа авральной погрузки предусматривала проведение окончательного демонтажа уже внутри корабля, после старта.

В движениях кибов не видно было ни малейших перебоев, суеты или спешки. Строго соблюдалась очередность в погрузке наиболее важного оборудования. Грузовые люки корабля один за другим глотали бесчисленные подъемники. И во всем этом механическом исходе почти не видно было людей.

Кары с работавшими на планете группами должны были показаться через несколько минут. Пришло наконец сообщение о том, что демонтаж закончен, к кораблю подтягивались со всех сторон последние грузовые автоматы. Все его чрево заполнили хорошо знакомые звуки предстартовой подготовки. То и дело всхлипывали упрямые в переборки электромоторы. Свистели продуваемые на холостой тяге дюзы вспомогательных реакторов, хрустели и лязгали сочленения бесчисленных механизмов. Казалось, корабль, проснувшись, размингал свои могучие механические лапы, как присевший на корточках зверь, готовый к прыжку.

Чтобы лучше видеть погрузку, Глеб подключил часть экранов к локаторам подходивших автоматов. Со стороны четырехгранная пирамида корабля, расширявшаяся книзу, производила впечатление колоссальной мощи. Так оно и было. Земля располагала всего тремя кораблями такого класса. Они использовались лишь для самых дальних разведок, в особо трудных условиях. Полная автономия, резервы топлива, достаточные для того, чтобы противостоять чудовищным гравитационным полям. Мощнейшая защита нейтринных полей, лазерные пушки, генераторы антиматерий. Казалось, ничто в космосе не могло противостоять этому стальному исполину. «Не слишком ли мы самоуверенны? — спросил себя Глеб. — Бывали случаи, когда на Землю не возвращались экспедиции, подготовленные не хуже нашей». После всего, что случилось с Жуком, он все никак не мог отделаться от чувства нарастающей тревоги, словно знал, что времени у них остается совсем немного. За долгие годы работы в дальней разведке он привык доверять своим предчувствиям. «Упреждающее чувство опасности — совершенно

необходимое качество пилота звездных рейсов», — сказал как-то в школе четвертой ступени его любимый преподаватель Ромов. Тогда он не совсем понял, что тот имел в виду, сейчас он знал это слишком хорошо.

Рука словно бы сама собой тянулась к аварийному переключателю, ему хотелось сломать неторопливое, четко спланированное отступление механических насекомых, ускорить его авралом первой срочности... Ведь за бортом оставались люди... Но приказ есть приказ, он сдержал себя и лишь подключился к группе Кленова, ближе всех находившейся к опасной зоне, в которой так недавно и неожиданно окончил свое путешествие механический Жук.

На экране вновь мелькнул знакомый карьер. Автомат включил трансфокатор, и Глеб крупным планом увидел садящихся в кар людей. Площадка, где совсем недавно стояли многочисленные бурильные автоматы, уже опустела. Глеб не стал включать вызова, чтобы лишний раз не отвлекать Кленова от дела, он просто пересчитал людей. Все восемь человек были на месте. Кар тронулся и стал медленно выползать из карьера. Глеб потянулся к тумблеру, чтобы переключиться на группу Мистислова, и вдруг замер с протянутой рукой. За противоположной стеной карьера, в той стороне, откуда не вернулся Жук, что-то происходило. Словно невидимый раскаленный ветер дунул на скалы, слагавшие северную стену карьера, и теперь они медленно и бесшумно оседали на глазах у Глеба. Пыль в безвоздушном пространстве планеты не могла подняться над поверхностью, и поэтому вся катастрофа выглядела нереально, как в дурном сне.

На экранах носовых локаторов, дававших обзор местности с верхней точки, это выглядело так, словно гигантское щупальце медленно и неуверенно тянулось сквозь скалы наперерез кару с людьми. Но никакого щупальца не было. Было что-то невидимое, нечто разрушавшее на своем пути скалы... Глеб нажал сигнал общей тревоги и сразу же вызвал Кленова:

— Максимально увеличьте скорость! Возьмите на двадцать градусов восточнее. Вам наперерез идет...

Он запнулся, потому что не мог подобрать нужного

слова, его еще не было в лексиконе людей. Но слово не понадобилось. Кленов его понял:

— Мы видим, Глеб. Но скорость увеличить не можем. У нас садятся аккумуляторы.

— Включите дистанционные энергоприемники. Я постараюсь вам помочь.

— Слишком велико расстояние... — ответил Кленов, однако спорить не стал. Выбор у них был не слишком большой.

Над каром развернулся решетчатый зонтик антенны энергоприемника, и, не дожидаясь, пока автоматы наведения закончат расчеты, переключив энергопередатчик на ручное управление, Глеб толкнул педаль пуска. На экране хорошо был виден появившийся над каром голубой луч сконцентрированной энергии. Он показался Глебу слишком тонким и, пожалуй, слишком бледным. Взглянув на энергометр, он убедился в своих худших опасениях. Энергии не хватало даже для того, чтобы подзарядить аккумуляторы кара. Вопреки всем запретам он мог бы попытаться подключить к энергопередатчикам главный реактор и раз в сорок увеличить мощность излучения. Но, во-первых, отключение контрольных блоков безопасности займет слишком много времени, во-вторых, малейшая ошибка в наведении луча такой мощности могла закончиться катастрофой для всей группы Кленова... Пока что он влил в антенну кара Кленова тот хилый желтенький лучик, которым располагал. Невелика помощь, но все же кар ощутимо увеличил скорость — увы, ненадолго... Луч слабел на глазах. Сужался, затухал, словно энергия бесследно растворялась в воздухе.

Кар на экране дернулся, резко изменил направление, пытаясь уйти в сторону. Теперь лавина, если можно было назвать лавиной неведомую силу, которая нагоняла кар, шла за его кормой. Они двигались примерно с одинаковой скоростью, и до кара оставалось еще метров сто. Четкой границы у этого разрушительного потока не было. Скалы начинали терять свою форму, садиться и словно бы оплывать от нестерпимого жара... Вот только дистанционные термы показывали минус двести по Цельсию — обычную температуру поверхности планеты. Кар тянул из последних сил, он дергался, то и дело

теряя скорость, словно лишился всей своей мощности и не мог преодолеть пустякового подъема. Наконец, рванувшись в последний раз, машина встала. Глеб видел, как отодвинулся защитный колпак и тут же, отвалившись, покатился вниз. Из машины выскочили люди и побежали вверх по склону. Но они бежали медленно. Значительно медленнее неведомой силы, которая преследовала их по пятам. Нужно было что-то делать. Глеб почувствовал, как по лбу стекают крупные капли пота. Он попросту растерялся. Прошло не больше минуты с момента объявления общей тревоги, но ему казалось, что минула целая вечность, а он все еще был один в рубке и сам должен был принимать решение. Времени на раздумья не оставалось. Бежавший последним человек споткнулся и упал. Еще секунда, и будет поздно... Накрыть их защитным полем корабля с такого расстояния он не мог. Ни одна машина, посланная на помощь, не успеет... Что же делать? Что?! Мысли лихорадочно метались. Может быть, аналогия с извивавшимся щупальцем неведомого зверя помогла ему найти решение? Он не знал. Отрубить! Отсечь эту дрянь от людей! Еще один человек упал. Остальные уже не бежали. Они медленно, шатаясь, брели по склону. Кто-то остановился. Вот еще один и еще... Оборачивались, возвращались к упавшим товарищам...

Глеб схватился за рукоятки управления противометерной пушки. Ближе всего к нему оказалось носовое орудие, оно допускало отключение автоматики. Это было то, что ему сейчас нужно. Орудие, рассчитанное на разрушение крупных материальных масс, оказавшихся на пути корабля, могло излучать и концентрировать в конце траектории мощные энергетические импульсы. У Глеба не было времени рассчитывать мощность. Он передвинул регулятор примерно на половину шкалы и сразу же поймал в перекрестье прицела середину потока. Чтобы не задеть людей аннигиляционной вспышкой, он вынужден был отвести прицел подальше, на самое дно ущелья. Какую-то долю секунды нога, нащупавшая педаль спуска, еще медлила. То, что он собирался сделать, могло иметь самые неожиданные последствия. Но не было времени ни на раздумья, ни на детальный анализ ситуации.

Одно он понимал совершенно четко: на глазах гибли его товарищи... Он нажал спуск. На экране полыхнул голубой сгусток взрыва. Однако он оказался намного меньше того, что Глеб ожидал увидеть, и самое поразительное — это последствия выстрела. Ничего не горело, не плавилась окружающие скалы. Не расползлось во все стороны облако превращенной в пар и газы материи. Взрыв прошел тихо, по-домашнему, словно неведомая сила жадно впитала в себя почти всю его энергию.

— Отойди от пульта! — вдруг услышал он за своей спиной дрожащий от ярости голос координатора.

— Но ведь они... Они там...

И сразу же, как бы пресекая все его возражения, хлестнула в лицо уставная фраза:

— Космопилот Танаев, я отстраняю вас от должности!

Пошатнувшись, он встал, сделал шаг в сторону. Ни одной мысли не осталось в голове, ни обиды, ни горечи. Только боль за скорченные, беспомощные фигурки людей.

Секунду координатор сидел на его месте, обхватив голову руками, и ничего не предпринимал. Потом выслал отряд медиков на танках высшей защиты.

Глеб видел, как неуклюжие серые громады танков медленно, точно насекомые, ползут, перемалывая камни. Казалось, прошла целая вечность, пока они подошли к неподвижно лежащим людям и накрыли их своими защитными полями.

И все же надежда была. Сразу после выстрела Глеба разрушительная лавина прекратила свое движение. За все время, пока шли танки, она ни на миллиметр не продвинулась к людям.

Наконец в динамиках раздался искаженный голос главврача:

— Шестеро живы, отделались шоком, но двое...

— Кто?! — хриплым, незнакомым голосом выдохнул координатор.

— Максутов и Даров. Для них мы ничего не сможем сделать...

...Да, это были они. Те двое, что упали первыми и ближе всех оказались к краю смертоносного щупальца. Значит, его выстрел остановил смерть, ползущую к остальным. Теперь он мог уйти, но еще несколько секунд

помедлил, разглядывая сгорбленную спину координатора. Видимо, тот почувствовал его взгляд, потому что, не оборачиваясь, проговорил:

— Возможно, на твоём месте я поступил бы так же, но это тебя не оправдывает. Мне очень жаль, Глеб...

Это означало, что решение осталось в силе и в рубке ему больше нечего делать.

3

— Что это было?

Лонг долго молчал, стараясь не смотреть на координатора.

— Я не знаю, Рент. Пока не знаю. Ответ нельзя получить немедленно. Нужны подробные исследования, нужно время.

Координатор взглянул на настенные часы.

— Я могу ждать ещё шесть часов, не больше. Надеюсь, у вас теперь достаточно материалов. И прежде всего установите, что случилось с людьми.

— Медицинский сектор мне не подчиняется, — проворчал Лонг.

— Знаю. Твоя задача — выяснить, что именно их атаковало. Что или кто... С медиками я поговорю отдельно. И запомни: шесть часов, ни минуты больше.

— А почему, собственно, такая спешка?

— Ты что, не понимаешь, насколько серьёзно наше положение? Мы не знаем характера атаки, мы вообще ничего не знаем! И каждую минуту это может повториться. Ты можешь гарантировать, что эта штука остановится перед защитными полями нашего корабля? Или в случае повторной атаки она прошьёт его навывлет? И вообще что это такое и что мы теперь должны делать?

* * *

Эта часть медицинского центра корабля представляла собой современное диагностическое отделение, оснащённое новейшим оборудованием. Оно было специально приспособлено для обследования пациентов, вошедших в контакт с флорой и фауной чужих планет. Сканирую-

щие электронные микроскопы, сложнейшие анализаторы, аппаратура для микротомии тканей, газовый, спектральный и, наконец, нейтринный анализ — все было к услугам расположившихся здесь специалистов.

Непосредственно к диагностическому отделению, отгороженный от него прозрачной стеной, примыкал изоляционный отдел, автономно снабженный всем необходимым для поддержания жизни и лечения людей, вошедших в контакт с чужой флорой, полностью изолированный от всех остальных помещений корабля. И хотя в данном случае прямого контакта с иножизнью не было — самый тщательный осмотр скафандров пострадавших не выявил ни малейшего изъяна в их герметичной броне, тем не менее Брэгов, главный врач корабля, до выяснения причин поражения поместил всех членов отряда геологов в изоляционное отделение.

Сразу же после вызова координатора и разговора с ним Брэгов попросил своих сотрудников сделать перерыв на два часа. Ему нужно было остаться одному и еще раз спокойно все обдумать. Он понимал, насколько важен его диагноз для установления причин того, что произошло, и поэтому не спешил с ответом на запрос координатора.

Развернув папку, Брэгов еще раз перечел характеристики состояния пострадавших в момент прибытия спасательной группы: пульс сорок-пятьдесят, психомоторные рефлексы заторможены, молочная кислота в мышцах полностью отсутствует, понижена температура тела и особенно кожных покровов, уменьшен систологический минутный объем крови, снижены интервалы и ограничены амплитуды энцефалограмм и кардиограмм. Общее подавленное состояние организма на фоне острой сахарной недостаточности, симптомы которой после принятых мер сразу же пошли на убыль. Картина казалась настолько ясной, настолько не вызывающей сомнений, что Брэгов недовольно крякнул.

Сахарная кома, острая энергетическая недостаточность... Словно больным кто-то ввел смертельную дозу инсулина! Словно из их организма в одну минуту высали все запасы энергии! Эта последняя мысль заставила Брэгова надолго задуматься. Здесь что-то было. Что-то,

не имеющее непосредственного отношения к его пациентам. Ах да... роботы. Энергия, исчезающая из аккумулятора... Если это так, если воздействие на человеческий организм оказывает неизвестное пока изменение параметров внешней среды, то его усилия напрасны, ему вряд ли удастся обнаружить фактор, ответственный за заболевание. Но за эту область исследований отвечают другие специалисты. Его задача совсем другая — десять, сто раз проверить, не осталась ли в складках скафандра или в глубинах человеческого организма неведомым путем проникшая туда чужая жизнь... Затаившаяся там до поры до времени, чтобы потом, набравшись сил, приспособившись к новой среде существования, начать свою грозную атаку.

У некоторых пациентов ясная диагностическая картина осложнялась разрушением наиболее сложных белковых молекул. Такие нарушения возможны при воздействии определенных органических ядов. Самых ядов обнаружить не удалось, но это еще ничего не доказывало. Их воздействие могло быть кратковременным, сыгравшим роль спускового крючка в сложной цепочке последствий. Значит, надо продолжать поиски. Значит, пока он все еще не может дать координатору определенный и обоснованный ответ на вопрос, что же, собственно, произошло с группой Кленова...

* * *

Притихший, с задраенными люками, отгородившийся от внешнего мира колпаками полей, корабль напоминал сложенную из гранита мертвую пирамиду. Ничто не выдавало кипевшую внутри напряженную работу. Из отпущенных координатором на анализ ситуации шести часов прошло уже четыре. Наиболее напряженная работа, малозаметная непосвященному взгляду, шла в лабораториях научного сектора.

Лонг вместе со своим постоянным напарником, молодым физиком Платовым, работал без перерыва. Лонг хорошо понимал Рента и знал, что дополнительного времени отпущено не будет, что ответ должен быть получен за оставшиеся два часа. Но пока ничто не указывало на то,

что в исследованиях близок конечный результат. Все работы велись дистанционно. Этого требовала элементарная безопасность. Камеры научного центра, снабженные сложными манипуляторами для работы с активными материалами, давали физикам такую возможность. Спасательная экспедиция привезла в специальном контейнере большую часть обшивки пострадавшего транспортера. Теперь ее разрезали на отдельные образцы, и каждая лаборатория вела свои собственные исследования.

Лонг и Платов работали с куском наружной силиконовой обшивки транспортера. Изображение обломка, увеличенное в шестьсот раз, в виде объемной голограммы транслировалось прямо в центр лаборатории. Усталости они не чувствовали, но голод давал о себе знать. Чтобы не прекращать работы, заказали ужин по центральному транслятору прямо в лабораторию, и вскоре появился киб с подносом. Рент выключил сканирующий микроскоп, но голограмма осталась. Настройка лазеров требовала слишком много времени. Несколько минут оба молча сидели на небольшом диванчике в стороне от пульта. Кофе казался Лонгу слишком горьким, а печенье, битком набитое микроэлементами и витаминами, — приторно сладким. Он почти силой заставил себя проглотить несколько глотков обжигающей горячей жидкости.

Приглушенное освещение, чуть слышное шипение лазеров, щелчки фиксаторов на пульте и в особенности увеличенное, заполнившее собой половину комнаты изображение искореженного металлического обломка создавали в лаборатории странную, слегка нереальную обстановку. Впервые за двенадцать часов Лонг позволил себе небольшой отдых. Возможно, ему не хватало именно его, для того чтобы дать возможность мозгу в мозаике фактов, выхваченных из реальности этого сумасшедшего дня, увидеть какой-то осмысленный рисунок... Впрочем, он увидел его не сразу.

— Вы были в механическом? Что у них нового? — спросил он Платова, хотя прекрасно знал, что в механической структуре металла нет ответа на загадку, с которой они столкнулись.

— Все то же самое. Повышенная хрупкость. Они не могут установить точной причины. Похоже, ослабили свя-

зи в зоне контакта отдельных кристаллов металла. Все остальное в норме. Температура плавления, упругость, твердость — все параметры. Только эта странная хрупкость.

— И, конечно, никаких следов теплового воздействия?

— Не только теплового. Вообще нет признаков какого бы то ни было постороннего энергетического воздействия! Даже при облучении мягкими альфа-частицами в материале должны были возникнуть следы остаточной радиоактивности, ее наверняка уловили бы наши приборы. Внешнее воздействие не могло пройти бесследно, даже если это был неизвестный нам вид энергии. Я ничего не понимаю... Чепуха какая-то получается, что мы доложим координатору?

Лонг долго молчал, уставившись на расплывшееся, нерезкое в этом углу изображение обломка.

— Вы помните срез с характерным рисунком? Кажется, номер сорок два — четыре? По-моему, там что-то было. Давайте еще раз посмотрим. — Он подошел к пульту и набрал код.

Засветился большой экран сканатора, в его глубине четко обозначились узловые центры кристаллической решетки. Появились сероватые расплывчатые тени электронов.

— Видите, в левом углу. Нет ядра атома кремния. Соседние ядра кислорода и титана еще сохраняют общую структуру решетки, но узлового атомного ядра нет. Может, причина повышенной хрупкости именно в этом?

— Ну, один атом еще ни о чем не говорит... — проворчал Лонг. — Дайте задание машине подсчитать количество таких нарушений, скажем, в кубическом миллиметре вещества, тогда посмотрим.

Платов, манипулируя клавишами пульта, набрал нужный код команд. Серия зеленых контрольных огней известила о том, что программа принята и прошла анализаторный блок. Почти сразу же изображение на экране вздрогнуло и исчезло, сменившись едва уловимым для глаз мельканием. Скорость, с которой машина меняла глубину среза, как всегда, оставалась за порогом человеческого восприятия. Теперь нужно было только ждать.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем звонок извещил об окончании программы и на контрольном табло засветился ряд семизначных цифр.

— Восемь в шестнадцатой степени?.. Вы правы. Это не может быть случайным. Давайте снова тот срез. Вы проанализировали топологию всех внешних треков?

— Да, получается очень любопытная картина. Похоже, облучение шло с одной стороны. Сорок два градуса от полюса на топокарте.

— Иными словами, это результат выстрела нашей пушки?

— Совершенно верно. Но обратите внимание на энергию воздействия. Она очень ослаблена. Такое впечатление, как будто взрыв был, по крайней мере, километрах в десяти.

— А на самом деле?

— Тысяча триста метров. Обшивка должна была оплавиться.

— Любопытно...

Лонг взъерошил волосы, прошелся по лаборатории и неловко дернулся, столкнувшись с бестелесным изображением металлического обломка.

— Да уберите вы его! Теперь он уже не нужен.

Платов выключил голограмму. В комнате сразу стало непривычно просторно.

— Самое любопытное не хрупкость, не бесследное исчезновение отдельных атомов, — задумчиво проговорил Лонг. — Скажите мне, куда девался фон космического излучения? На планете нет атмосферы, и он вроде бы должен усилиться. В зоне посадки корабля это так и есть, но, судя по материалу обшивки, в этом загадочном районе фона не было вообще или он был так ослаблен, что в материале не осталось никаких следов.

Несколько секунд Платов молча внимательно смотрел на Лонга, почувствовав, но еще не осознав до конца всю важность его последнего замечания.

— Нет не только фона, — продолжал Лонг. — Нет следов внутриатомного распада. А он должен был быть. Хотя бы от воздействия нашего взрыва. Атомы кремния не могли исчезнуть бесследно, они должны были оставить после себя хотя бы треки альфа-частиц! Нам при-

дется проделать один небольшой эксперимент. Пойдемте к навигаторам. Нам понадобится их помощь.

В рубке дежурил какой-то стажер. Увидев начальника научного отдела, он даже встал с кресла, только что не вытянулся по стойке «смирно» от почтительности. Лонгу не хотелось, чтобы у мальчишки были потом неприятности, разрешение на запуск зонда, который ему потребовался, нужно было получить у кого-нибудь постарше.

— Где Танаев?

— Вы разве не знаете? — стараясь предотвратить неловкий разговор, вмешался Платов.

— Подождите, — остановил его Лонг, — мне нужен Танаев.

— Пилот Танаев отстранен. Так решил координатор.

— Это еще что за новости? Мне нужен Танаев! Вызовите координатора.

Не дождавшись, пока практикант наберет код, Лонг нетерпеливо шагнул к видеоокну.

— Говорят, ты отстранил Танаева?

— А в чем дело? — Координатор смотрел с экрана своими маленькими сонными глазками куда-то в сторону, но Лонг по опыту знал, что этот его неопределенный, направленный в сторону взгляд замечает куда больше любого из них.

— Мне нужен Глеб!

— Ну так и вызови Глеба. Если ты забыл его личный код, посмотри в справочнике.

— Он мне нужен здесь, в рубке!

— Ну знаешь, Лонг! Я не вмешиваюсь в дела твоего отдела, так что позволь и мне самому решать, кто должен быть в рубке, а кто нет. Что тебе, собственно, понадобилось?

— Ракетный зонд!

— И только-то? Тебе его запустит любой стажер. Леонов, возьмите координаты, заказ оформите как обычно, по разделу научного отдела. — Рент отключился.

Секунду Лонг с интересом смотрел на погасший экран.

— Он забыл спросить у меня, куда именно собираюсь я запускать этот зонд... Может быть, это и к лучше-

му. История с Глебом, видно, совсем выбила старика из колен.

Лонг повернулся к стажеру, все еще навытяжку стоявшему перед пультом.

— Есть у вас на складе термитные снаряды?

— Термитные?.. Не знаю... Я сейчас проверю... Я никогда не слышал про такие...

— Еще бы вам о них слышать... В крайнем случае закажите начинку химикам. Это может быть не обязательно термитная смесь. Годится любая, способная гореть в безвоздушном пространстве.

Из-за отсутствия атмосферы им пришлось направить зонд почти прямо в зенит и ждать двенадцать минут, прежде чем ракета вернулась к планете по баллистической траектории в нужной Лонгу точке. Опасаясь, что тормозные двигатели могут не сработать вблизи зоны, Лонг попросил практиканта включить их как можно раньше. Очевидно, юноша расценил просьбу Лонга как недоверие к его профессиональным способностям и стал спорить:

— Зонд наверняка разобьется, если израсходует запас тормозного топлива вдали от поверхности!

— Все же включите их как можно раньше, — проворчал Лонг, — иначе мы вообще лишимся удовольствия наблюдать за этим зондом.

Он оказался прав. Яркая звездочка ракетных двигателей на экране обзора вдруг потускнела и метров за триста до поверхности планеты исчезла вовсе.

Стажер лихорадочно крутил на пульте какие-то регуляторы, стараясь повторно включить отказавшие двигатели.

— Перестаньте. Это бесполезно. Дайте обзор через носовые телескопы.

Заранее рассчитывая точку посадки зонда, Лонг выбрал лощину, вклинившуюся в зону разрушений таким образом, что корабельные телескопы могли наблюдать за местом посадки. На обзорных экранах появилось изображение ровной, покрытой слоем пыли поверхности.

— Это самый край зоны. Возможно, здесь толщина пылевого покрова не так велика, и зонд не провалится, тогда мы что-нибудь увидим... Вот она, смотрите!

На экране мелькнуло узкое длинное тело ракеты. Тормозные двигатели частично замедлили ее падение, но она потеряла ориентировку и падала, беспорядочно кувыряясь. Видимо, Леонов ошибся в корректировке, потому что ракета явно не дотянула до песчаной ложины. Она ударилась о камни на самом краю пылевой зоны. Корпус раскололся на несколько частей, из него выкатился удлинённый цилиндр термитной бомбы, подпрыгнул несколько раз и остановился у линии, за которой начинался песок.

— Извините... Двигатели выключились слишком рано, иначе я бы смог откорректировать...

— Не беспокойся! — Лонг обнял стажера за плечи.

— Все получилось как надо, только бы взрыватель сработал!

— Что здесь происходит? — послышался у них за спиной недовольный голос координатора.

— Запускаем зонд, как видите. Тот самый, о котором я вас просил.

— Зонд я вижу! Но кто вам позволил направлять его в зону?

— Поверь, Рент, это было необходимо. К тому же он не в зоне. Рядом, но не в зоне. — Не отрываясь, Лонг смотрел на секундомер. — Вот сейчас, сейчас должен сработать...

— Что еще вы задумали?! Что там у вас такое?

— Всего лишь термитная бомба. Детская хлопушка, не более, успокойтесь. Это просто эксперимент с пиротехникой. Вот! Смотрите! Дайте самое большое увеличение! Да направьте же объектив точнее, на самый цилиндр!

Цилиндр теперь заполнил весь экран, его оболочка треснула, изогнулась, выворачивая наружу кипящую и бурлящую начинку.

— Так я и думал! Разве это горение?! Она едва светится. Измерьте температуру! Быстрее!

Леонов включил дистанционный пирометр, навел его перекрестие на разлившуюся вязкой лужицей желтоватую массу и щелкнул тумблером. Стрелка на шкале подпрыгнула и остановилась у отметки «шестьсот».

— Шестьсот градусов вместо двух тысяч! Всего шестьсот...

Масса на экране уже не пенилась и не светилась, теперь она застыла бесформенной глыбой, стрелка пирометра стремительно откатывалась назад.

— Все. Фейерверк окончен.

— Так, может быть, ты все же объяснишь, для чего тебе понадобилось устраивать этот спектакль?

— М-м? Ах да, это... Подожди, Рент... — Не обращая никакого внимания на координатора, Лонг стремительно метался по рубке, Рент терпеливо ждал. Наконец, в очередной раз наткнувшись на боковое кресло, Лонг остановился.

— Все сходится. — Он достал карманный калькулятор и с полминуты что-то подсчитывал. Потом взглянул на результат, на Рента, прищурился и тихо присвистнул.

— Кажется, я знаю, что там происходит, Рент. Энтропия увеличена примерно в тысячу раз. Может быть, даже в десять тысяч. Степень увеличения, очевидно, меняется в зависимости от расстояния до центра зоны.

Платов остолбенел. Он вместе с Лонгом проделал все исследование, но этот вывод казался ему слишком фантастичным. Он хотел возразить, но его опередил координатор:

— Энтропия — если не ошибаюсь, всегда и везде была неизменной. К тому же, насколько я понимаю, это просто условная величина, измеряющая...

— Совершенно верно! — подхватил Лонг. — Это всего лишь условная величина, определяющая баланс энергии в нашем мире. Статистическая физика рассматривает энтропию как величину, определяющую вероятность пребывания системы в данном состоянии. Так вот, состояние любой энергетической системы в этой зоне резко изменяется в сторону уменьшения энергии и нарастания энтропии... Именно поэтому реакция горения, распада атомов, да и любые другие реакции, связанные с расходом энергии, уже не могут протекать нормально. Баланс нарушен. Энергия уходит, как сквозь дырявое сито.

— Куда же она уходит?

— Если мы с тобой это выясним, нам поставят памятник еще при жизни. Можешь не сомневаться.

— Хорошо. Допустим. Что могло вызвать такое резкое нарушение? Каково происхождение этого поля?

— Ты хочешь спросить — искусственно ли оно? — Лонг усмехнулся. — Я даже не знаю, поле ли это? Наши приборы не могли обнаружить никакого материального воздействия, мы можем наблюдать лишь следствия, следствия изменения энергетического баланса в окружающей среде. Даже степень воздействия энтропийного поля, как ты его окрестил, можно подсчитать только косвенно, так что спроси что-нибудь полегче.

— Однако эта твоя теоретическая величина разрушает вполне реальные скалы. Уничтожает механизмы и убивает людей. И впредь любой эксперимент, связанный с воздействием на внешнюю среду, будешь согласовывать со мной. Здесь не лаборатория, а чужая планета. И ты мне еще не сказал самого главного — можно ли от этого защититься?

— Если учесть данные эксперимента Танаева с выстрелом...

— Вот как? — перебил координатор. — Эта авантюра называется экспериментом?

— Если учесть данные, полученные после выстрела, — невозможно поправился Лонг, — то получится, что достаточно мощное выделение энергии как бы насыщает энтропийное поле, нейтрализует его на участке воздействия. Не дает продвинуться дальше. Я надеюсь, что наши защитные поля, выделив достаточную энергию, смогут нейтрализовать энтропийное воздействие. Впрочем, это еще надо посчитать.

* * *

Впервые за этот тяжелый и бесконечно долгий рейс у Глеба появилось свободное время. Никогда раньше Глеб не подозревал, что избыток свободного времени может превратиться в нечто почти вещественно враждебное. Лишь в первый день, справившись с приступом обиды, он ходил по кораблю, отрешившись от его дел и проблем, и убеждал себя, что это доставляет ему удовольст-

вие. Мысли текли спокойно, почти лениво, словно он выключил внутри себя бешено вращавшийся мотор и теперь двигался на холостом ходу.

Его послужной список не испортить. Даже отстранение от должности не будет иметь особого значения на околоземных рейсах, если он захочет летать. Еще раньше он решил, что этот дальний рейс — для него последний. Значит, так оно и будет.

Огромный корабль казался ему во время бесцельных прогулок по его жилым уровням и техническим палубам раздражающе тесным.

Конечно, это не пассажирский лайнер. Все здесь строго рационально, сурово и просто, все подчинено одной-единственной цели — преодолению пространства. Если он захочет — он сможет летать на пассажирских лайнерах даже в должности координатора. Специалисты его класса высоко ценятся на околоземных трассах.

Раздражение во время его бесконечных прогулок по кораблю постепенно накапливалось, и ему казалось, что виноват в этом сам корабль: излишне суровый, излишне рациональный, излишне равнодушный к нему. Здесь нет места посторонним, нет места пассажирам. Для них не предусмотрено ни развлечений, ни дел. Конечно, отстранение от должности пилота еще не означало, что он полностью выключен из всей жизни экипажа и свободен от всех обязанностей. Но после всего, что произошло, он не собирался навязывать своих услуг кому бы то ни было. Если в нем не нуждались — он как-нибудь обойдется.

После того как первая вспышка обиды улеглась, он во многом согласился с Рентом. В конце концов, ситуация, в которой оказался координатор, была далеко не самой легкой. Ведь он чисто интуитивно предотвратил своим выстрелом самое худшее. Там действительно могло оказаться что угодно. Непродуманные действия чаще приносят вред, а не пользу. И, конечно, Рент не мог этого оставить без последствий. Возможно, люди оказались на пути разрушительного потока совершенно случайно. А тот, кто его направлял, если, конечно, кто-нибудь его направлял, не желал им ни малейшего зла.

Нажав на спуск корабельного орудия, он словно подвел некую невидимую черту, за которой мирное разреше-

ние конфликта с неведомой силой, обосновавшейся на планете, становилось весьма проблематичным. И, возможно, именно из-за него они так и не узнают никогда тайны этой планеты. Потому что теперь Рент вряд ли разрешит продолжать исследования снаружи. Спрятавшись за броню корабля, они смогут наблюдать лишь следствия. А ответа на вопрос, откуда взялась таинственная разрушительная сила, кто ее направляет — люди не узнают никогда. Слишком дорогое удовольствие посылать на такое расстояние новую экспедицию, слишком возрос риск после его решения открыть огонь...

Он понимал Рента, даже соглашался с ним и все равно не мог его до конца простить. Потому что тогда в рубке дежурил он, и это было его право — принимать решения. Он принял не самое худшее по результату. И еще неизвестно, несмотря на все эти мудрые рассуждения, кто больше прав, он или Рент...

* * *

Вызов раздался вечером, когда Глеб, сидя в своей каюте, в третий раз играл в шахматы с Центавром. Собственно, шахматы как таковые его мало интересовали. Он хотел разгадать замысел психологов, так запрограммировавших Центавра, чтобы он проигрывал в среднем каждую третью партию. Но не просто каждую третью, а только ту, в которой Глеб играл чуть выше своих обычных возможностей. В результате игра приобретала известный интерес.

Синяя лампочка, вспыхнувшая под экраном интеркома, означала, что вызов неофициальный, идущий по личному каналу. Глеб включил интерком.

Рент сидел ссутулившись за маленьким столиком своей каюты. Экран давал его лицо крупным планом. Больше ничего нельзя было рассмотреть. Глеб дорого бы дал, чтобы побывать в каюте Рента хоть раз, чтобы составить о координаторе более подробное личное впечатление. Ренту было нелегко начать разговор. Он медленно, почти с видимым физическим усилием подбирал слова, и Глеб не собирался ему помогать.

— Я решил послать танки в центр зоны.

Он остановился, словно ожидая ответа, но, так как Глеб не прореагировал на его сообщение, продолжил:

— Лонг считает, что всякая новая информация, даже косвенная, об этой зоне обладает огромной научной ценностью. Я решил его поддержать.

— Не из-за этой ли ценности ты пошлешь туда танки? Слушай, Рент, мы с тобой летаем не первый год, так что мог бы сказать мне прямо, что тебе не с чем возвращаться на базу. А танки... Это не лучший выход. Скорее всего, они просто не вернуться.

— Я ведь не советоваться с тобой хотел. Танки — дело решенное... Научный отдел гарантирует, что мощности их защитных полей будет достаточно. Мы сможем посмотреть, что делается в центре этого пятнышка. Рад? Вижу, что рад, что бы ты там ни говорил.

— Ну и чего ты хочешь от меня?

— Мне нужен руководитель в группу техников, которая будет готовить танки. Ты хорошо изучил работу механизмов в местных условиях. Да и вообще это слишком дорогое удовольствие — разбрасываться специалистами твоего класса.

— Это приказ или просьба?

— Можешь считать, что просьба.

— В таком случае я отказываюсь.

— Вот как...

— Да, и ты постарайся больше не обращаться ко мне с просьбами.

— Хорошо. Я постараюсь. А сейчас иди принимай группу. Кто из нас прав, не нам с тобой решать.

— Начальство с базы в таких вопросах тоже не лучший судья.

— Вот тут я с тобой согласен. Я не это имел в виду. Ты как-то обмолвился о задачах дальней разведки, помнишь? «Искать и хоть иногда находить что-то новое, неизвестное раньше...» А ты по нему из пушки. Конечно, когда гибнут товарищи, трудно решать такие вещи, кажется, просто невозможно решить, но тем не менее надо. Такая у нас работа. Не можешь — лучше уйди от пульта! Нельзя забывать, что мы здесь гости.

— А танки ты все-таки посылаешь...

— На танках не будет оружия. Только приборы и за-

щитное поле. Прежде чем уйти, мы обязаны выяснить, что там такое. Хотя после твоего выстрела неизвестно, чем это обернется. Это ты понимаешь?

Глеб отвел глаза, потом едва заметно кивнул.

— Ну вот и прекрасно. Иди принимай группу.

* * *

Нижний ангар был самым большим помещением корабля. Здесь размещались его наиболее мощные транспортные и универсальные механизмы, предназначенные для планетных работ. Всю правую половину занимали четыре танка высшей защиты. В замкнутом пространстве ангара их неуклюжие, тяжеловесные махины казались неоправданно огромными и напоминали Глебу уснувших хищных динозавров.

Главный техник встретил его приветливо. Маленькое круглое лицо Орлова лучилось улыбкой с легкой примесью сочувствия. И это злило Глеба. Лучше бы он откровенно высказал недовольствие по поводу того, что «верхнее начальство» вмешивается в дела его отдела.

Нашествие «варягов» с верхних палуб всегда воспринималось техническими службами, расположенными в нижних отсеках, с вообще-то понятным Глебу недовольством. И приветливость Орлова объяснялась, скорее всего, тем, что известие о снятии Глеба с должности пилота уже успело распространиться по кораблю. Поэтому Глеб сухо отвел все попытки Орлова перевести разговор на общие темы и попросил как можно конкретнее и скорее ввести его в курс дела.

Два танка из четырех в принципе могли быть готовы в ближайшие шесть часов. На них уже заканчивалась проверка основных узлов и электронных блоков. Цифры на пультах контрольных автоматов могли означать все что угодно. Глеб вовсе не собирался выдавать себя за универсального специалиста и сразу же остановил Орлова, пытавшегося на беглом техническом жаргоне объяснить ему характеристики отдельных агрегатов.

— Меня интересует только общий график работ. Время, необходимое вам на контроль, и еще, пожалуй,

вот что... Сделайте двойную проверку блоков автоматического управления на ноль втором.

Впервые за весь разговор неприятная усмешка исчезла с лица Орлова, в глазах промелькнуло нечто похожее на удивление.

— Можно узнать, почему вас заинтересовал именно ноль второй?

— Все механизмы, имевшие контакт с внешней средой на этой планете, нуждаются в самой тщательной проверке, а ноль второй участвовал в спасательной экспедиции.

— Я спросил потому, что у меня появилось сомнение по поводу замедления реакций в его блоках. Однако отклонения незначительны, в пределах нормы, но я не решился запрашивать время на дополнительную проверку. Сроки на подготовку нам отпущены очень жесткие.

— В таком случае замените весь механизм.

— Это невозможно. Ноль четвертый и ноль третий находятся на консервации. Для приведения их в рабочее состояние потребуется не меньше суток.

Глеб на секунду задумался.

— Скажите, кристаллоконды управляющих автоматов на этих танках идентичны?

— Они похожи как два близнеца, но такая замена запрещена.

— Всю ответственность я возьму на себя. И не забудьте замененные конды передать кибернетикам для полного контроля по всем параметрам.

— Но если управляющая автоматика здесь настолько ненадежна, почему с машиной не пошлют водителя?

Глеб пожал плечами.

— Слишком дорогая цена за проверку теорий научного отдела. Лонг считает, что защитное поле расходом своей энергии скомпенсирует избыточную энтропию, не даст ей проникнуть внутрь машины, но никто этого не проверял на практике. Хватит с нас двоих.

— Говорят, вы, вопреки приказу координатора, открыли огонь и спасли остальных из группы Кленова, за это вас и отстранили...

— Слишком много у вас говорят! — недовольно про-

ворчал Глеб, разрушив первую же попытку Орлова наладить с ним неофициальный контакт.

С него вполне хватало ровных деловых отношений, излишняя фамильярность чаще всего вредила делу. А со своими проблемами он справится сам.

— Да, и вот еще что... Группа Лонга разработала специальные датчики, улавливающие нарастание энтропии. Кажется, им удалось для этого использовать замеры времени горения одинаковых отрезков магниевой ленты. Впрочем, суть не в их конструкции. Датчики нужно как можно скорей подсоединить к автоматике танков.

— Как должны использоваться автоматикой данные этих датчиков?

— Я думаю, прямо пропорционально внешнему возращанию энтропии должна увеличиваться и мощность защитных полей. Впрочем, подробные инструкции вы получите вместе с датчиками.

— Если там нет слишком сложной электроники, графика это не нарушит.

— Не должно нарушить. За этим мы с вами проследим.

Холодно кивнув, Орлов отошел, и Глеб подумал: он только что потерял возможность приобрести в его лице друга и снова, в который уже раз, остался один. Зато дело будет сделано вовремя и как следует, в этом он не сомневался: «Самолюбивый парень этот Орлов и совсем неплохой...»

Темп работ стремительно нарастал. Вскоре техники забыли о присутствии постороннего человека. Глеба это вполне устраивало. Ни во что не вмешиваясь, он мог спокойно со стороны наблюдать за общим ходом работ.

Иногда глаза человека, не вовлеченного непосредственно в мешанину дел и конкретных, частных проблем, могут заметить что-то важное, не упустить детали, кажущейся на первый взгляд слишком очевидной. Единственный раз за все время подготовки ему все же пришлось вмешаться и напомнить Орлову, что дистанционное управление может отказать и потому следует снабдить вычислители танков набором стандартных аварийных команд. Эти команды, записанные в специальном, особо

прочном блоке, вводились в основную память управляющих механизмов. В критических ситуациях, при полной потере автоматического контроля и связи, они могли помочь танку хотя бы вернуться на корабль. За полчаса до запуска все было готово. И когда под потолком ангара вспыхнули мигающие желтые лампы, а надоедливый зудящий звук сирен напомнил о том, что людям пора покинуть ангар, техники неторопливо потянулись к выходу.

По тому, как люди, окончив работу, покидают свои места, Глеб привык решать для себя, все ли в порядке. И если никто не спешил, не торопился в последнюю минуту запаять какую-нибудь перемычку или сменить не ко времени закапризничавший блок, он знал, что можно спокойно докладывать о готовности. В противном случае в любых самых экстренных ситуациях он требовал дополнительного времени для завершения работ. Этот метод всегда себя оправдывал. Сейчас все как-будто было в порядке.

Глеб включил висевший на лацкане пиджака фон и произнес:

— Готовность первой степени. Через пятнадцать минут пуск.

Теперь вся стандартная процедура: запуск многочисленных двигателей, продувка тамбура, пуск внутренних реакторов танков на рабочий ход, опробование их защитных полей — все это перешло в ведение автоматов. Дальнейшее пребывание людей в ангаре становилось опасным. Но Глеб знал, что процедура не может начаться, пока контрольный автомат у двери не сообщит о том, что последний человек покинул ангар.

Во всех случаях, когда Глеб руководил ответственной операцией, он всегда последним покидал зону работ, зачастую уже после второго сигнала, хотя прекрасно знал, что это запрещено. Заключительный осмотр, при современном уровне автоматического контроля, мало что мог добавить к показаниям измерительных табло, и все же древняя, как мир, привычка — бросить последний взгляд на сделанную работу — была сильнее его. Но не только это... По какой-то странной, противоестественной ассоциации, оставшись один на один с пахнущими металлом и маслом механизмами, он всегда вспоминал то,

чего здесь так не хватало, чего здесь никогда не было и быть не могло. Ветер, несущий запах цветов и травы. Запах раскаленного под земным солнцем песка. Шелест тростника на берегу тихой речки... Однако привычный ход ассоциаций на этот раз оказался нарушен. Мысль упорно возвращалась к одному и тому же. Через несколько часов эти стальные громады проникнут во что-то такое, чего пока еще никто не понимал... Что увидят их механические глаза? Что смогут передать людям? Сумеет ли воплощенная в металл человеческая мысль пробиться сквозь разрушительную зону чужой планеты? Узнать, что она скрывает за собой? Глеб уже повернул к выходу из ангара, когда почувствовал еще не осознанный сигнал тревоги, поданный мозгом. Что-то было не так.

Ему потребовалось не больше секунды, чтобы понять причину. Сквозь раздвинутые двери грузового отсека на ноль втором, в его черной, неосвещенной глубине, в мерцающем свете наружных ламп вырисовывалась металлическая скорченная глыба, своими контурами карикатурно напоминавшая присевшего на корточки человека. Это был охранный кибер. Глеб не мог ошибиться и сразу же вспомнил, что по инструкции каждому танку придавался такой охранный кибер. Но на ноль первом его не было. Это он хорошо помнил. Там они вместе с Орловым опечатали грузовой отсек, да и на ноль втором, когда меняли блоки основной программы, он не видел никакого охранныго киба! Его и не должно было быть. Рент сказал, что танки не будут оснащаться оружием для этой экспедиции. А охранный кибер — прежде всего боевой автомат, оснащенный лазерами дальнего действия и нейтринными излучателями. Когда же он появился в танке? Неужели Рент изменил свое решение? Это нуждалось в немедленной проверке. Глеб шагнул к танку.

— Назови свой номер!

Пауза. Короткая, но все же достаточная для того, чтобы Глеб насторожился. Обычно автоматы отвечали мгновенно.

— Ноль двадцать четвертый.

Так и есть! Это был тот самый робот, который сопро-

вождал группу геологов, когда отказал взрыватель на нейтринной бомбе.

— Почему находишься здесь?

— Согласно инструкции, должен сопровождать машину.

— Разве ты не получил приказа, отменяющего инструкцию?

— Нет. Координатор Рент приказал мне сопровождать машину.

Это уже была явная ложь. Кто-то из них солгал. Но так как автоматы лгать не умели, то получалось, что ему солгал Рент. Глеб почувствовал гнев.

— Соедини меня с координатором!

Опять пауза... Более длительная, чем в прошлый раз. Наконец ответ:

— Соединяю.

Снова пауза. На этот раз естественная. Канал мог быть занят.

— Координатор не отвечает.

К этому моменту Глеб уже был основательно взбешен, но взял себя в руки и проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Вызывай по аварийному каналу!

Снова пауза. Все сходилось на том, что эта металлическая жестянка попросту морочила ему голову! Все еще не веря, Глеб вплотную приблизился к грузовому отсеку танка, и в это мгновение желтый свет сигнальных ламп сменился красным. Он услышал, как за его спиной опустилась шлюзовая переборка, отделяющая ангар от остального корабля. Автоматы начали запуск танков по основной программе, не дождавшись, пока человек покинет опасную зону. Этого быть не могло, и тем не менее это случилось. Теперь до включения защитного поля у него оставалось примерно полторы минуты. Возникавшие в момент включения поля вихревые токи обладали такой мощностью, что прикосновение к любому предмету в радиусе пятисот метров означало для него верную гибель. Через несколько секунд кровь в жилах закипит, потом лопнут сосуды, обуглится кожа, и все будет кончено... Бежать? Бесплезно. До дальней стены сто метров, не больше. Этого недостаточно. Все выходы из ангара пере-

крыты... Автоматы работают надежно... Автоматы... Только они... Надо отдать приказ...

Мысли лихорадочно метались в поисках выхода, а дрожащие руки уже сорвали фон с лацкана куртки, перевели рычажок на полную мощность. Щелкнул выключатель. Бесплезно... Контрольная лампочка не загорелась. Так и должно быть. После включения основной программы связь изнутри ангара становится невозможной. Здесь сейчас не может быть ни единого человека, иначе как могла включиться основная программа?

И вдруг он снова почувствовал волну гнева на эти бездушные металлические жестянки, которые очень точно все рассчитали, точно и безошибочно, чтобы убить его через несколько секунд. Этот гнев подавил страх, помог ему сосредоточиться. Собственно, оставалось только одно. Проникнуть внутрь танка за эти оставшиеся секунды. Проще всего было броситься в широко открытые двери грузового отсека. Но в красном полумраке зловещие багровые отсветы ложились на шарообразную, неестественно раздутую голову охранного кибера. На секунду Глебу даже показалось, что на его металлической роже появилась насмешливая улыбка. «Он только этого и ждет. Все было подстроено именно так, чтобы подтолкнуть меня к этому решению... Для чего-то ему это нужно... Сейчас нет времени разбираться, для чего. Следует придумать что-то другое, что-то такое, чего от меня не ждут! Управляющая рубка танка уже закрыта. Значит, надо вскрыть запасной аварийный люк! Только на нем нет автоматических запоров», — лихорадочно пронеслось в голове.

Винтовой рычажный зажим не поддавался долго, слишком долго! Глеб чувствовал, как истекают последние оставшиеся у него секунды. Теперь уже было поздно предпринимать что бы то ни было... Оставалось только давить изо всех сил на этот проклятый рычаг. Казалось, он сдвинулся, прошел по окружности сантиметр-другой и окончательно заклинился, словно кто-то держал его изнутри.

Глебу казалось, что он вот-вот потеряет сознание от напряжения. Пот заливал глаза. Осталось пять секунд,

четыре, три... Рычаг не поддавался. Все, теперь он не успевает...

Огненная вспышка очертила вытянутую синеватую сферу включившегося поля, и вдруг Глеб понял, что лежит внутри защитного купола между генераторами гравиподушки. А это означало, что наружные токи, возникшие за границей защитного поля, ему не страшны, и у него появилось время. Правда, немного, еще секунд сорок до того как включатся ходовые генераторы. Если после этого он все еще останется снаружи, то двинувшаяся машина попросту превратит его в месиво. Можно было взобраться на броню, но как только откроется шлюз... Нет уж, лучше бороться здесь, бороться до последнего... И вдруг он понял, что вращает рычаг в противоположную сторону, все больше и больше заклинивая проклятый люк!

Он рванул рукоятку обратно, навалился всем телом — ничего не помогало. Теперь его жизнь зависела от куска железа, от любого куска железа, которым можно было удлинить рукоятку. Змеей извиваясь между плитами гравитационных разрядников, он пополз в узкую щель между машинной и полом. Только там, вдали от хозяйских глаз Орлова, мог кто-нибудь из техников оставить ненужный кусок железа! Именно там оставил бы он его сам, если бы поленился нести к дезинтегратору в другой конец зала. И ему повезло!

Это был обломок какой-то ржавой трубы. Когда он надел ее на конец рычага и нажал плечом, труба медленно начала гнуться. Глеб почувствовал, как от ярости сводит скулы. Все его усилия были напрасны. Истекали последние подаренные ему судьбой секунды! В это время рычаг наконец поддался.

Танк тронулся, едва он втиснулся в люк. Задраивать его пришлось на ходу, но это уже не имело значения. Он выиграл эту свою первую схватку с кучей металлического хлама, находящегося теперь в кормовом отсеке. Киб, не подчинившийся человеку! Пытавшийся его обмануть! Это было так же нелепо, как если бы на него напал письменный стол или кровать, и тем не менее это случилось. Теперь он мог отдышаться, вытереть пот, заливший лицо, и спокойно обдумать ситуацию. Он полулежал в

узком шлюзе аварийного люка. Машина медленно вздрагивала и, покачиваясь с боку на бок, двигалась; судя по наклону пола, она уже сползала с эстакады и, значит, прошла дезинфекционную камеру, наружный шлюз и вот-вот коснется поверхности планеты. Теперь связаться с кораблем и сообщить им о случившемся можно будет только в том случае, если он доберется до управляющей рубки, сумеет отключить автоматику и взять управление танком на себя. Но для этого нужно сначала пробраться через две герметичные переборки, отделявшие нижний машинный отсек от верхнего, где размещались каюты экипажа и управляющая рубка. А он не помнил, как запирались переходные люки. Если там стоят автоматические запоры, открывающиеся по команде из рубки, то ему отсюда не выбраться. Но зачем тогда было делать в последнем наружном люке винтовой механический запор? Нет! Там должны быть такие же простые, незамысловатые, верные в любом случае механизмы! Ему предстояло всего лишь подняться по узкой лесенке, чтобы в этом убедиться. Открыть второй люк было делом одной минуты, и он уже стоял во весь рост в машинном отделении танка. В лицо пахло жаром. Температура была градусов сорок-пятьдесят. В глаза бросилась надпись: «Без скафандра не входить!» Ну конечно, здесь должна быть повышена не только температура... Скорее наверх, вот и последний люк... Затвор даже не дрогнул. В узкой прорези над замком, как только он нажал рукоятку, выскочила надпись: «Затвор зафиксирован. Соединитесь с управляющей рубкой». Зафиксирован? Но кем? Зафиксировать его можно было только изнутри и только впрямую, без всякой автоматики. Кто же это сделал? Похоже, он снова попал в ловушку. Без скафандра в горячем отсеке ему долго не продержаться. Стоп, есть еще вторая половина надписи! Как он сразу не догадался! «Соединитесь с управляющей рубкой» — с программными автоматами корабля и отдать соответствующую команду. Совсем несложно, достаточно подключить свой фон к бортовой сети машины. Это можно сделать в любом отсеке, в том числе и здесь, в машинном. Вот он, разъем. Переключение заняло несколько секунд, потом он поднес микрофон

к самым губам, чтобы заглушить надсадный вой генераторов, и проговорил, сдерживая волнение:

— Ноль второй! Вызываю управляющий аппарат ноль второго.

Фон молчал. Танаев повторил вызов, назвав свой кодовый номер. Это подействовало. Ни один автомат не мог игнорировать прямой вызов человека, даже с испорченными цепями, полуразрушенный, он был обязан ответить на него.

— Автомат ноль второго слушает.

— Откройте переборку машинного отделения!

— Задание невыполнимо. Затворы этой переборки фиксируются только вручную.

— Так вскройте переборку ремонтным кибом! Быстрее!

В интеркоме что-то щелкнуло, и тембр голоса вроде бы изменился:

— Задание некорректно, вскрытие переборки заразит радиацией рабочие отсеки. Это опасно для экипажа.

— На корабле нет экипажа! Я нахожусь в горячем отсеке без скафандра. Немедленно вскройте переборку!

— На корабле есть экипаж. В горячем отсеке никого нет, — туповато повторил механический голос.

Страшное подозрение заставило Глеба похолодеть.

— Я второй. Соедините меня с экипажем!

Фон снова щелкнул, секундная пауза, и тот же голос сказал:

— Экипаж слушает.

— Я второй. С кем говорю? Отвечайте!

— Говорит ноль двадцать четвертый. В настоящее время являюсь экипажем корабля. В горячем отсеке никого нет.

Теперь ему окончательно все стало ясно. Этот свихнувшийся робот каким-то образом сумел нереключить на себя автоматику танка. Дверь, скорее всего, заварена изнутри тем самым ремонтным кибом. В управляющую рубку ему не попасть, в машинном отсеке находиться без скафандра можно не больше трех минут — оставалось одно: вернуться в переходный тамбур между наружным люком и машинным отделением. Если он задраит текстонитовый люк — радиация будет ему не страшна, а жару

можно и перетерпеть. Он решил, что, сидя в этой раскаленной, душной камере долгие часы, он будет думать только об одном, только о том, что он сделает с этим охранным кибом, когда танк выполнит задание и вернется на корабль. Эта мысль поможет ему продержаться!

На табло у центрального пульта вспыхнул зеленый сигнал готовности. Рент недовольно повернулся к главному инженеру.

— Они задержались на пятнадцать минут. Позаботьтесь, чтобы этого больше не повторялось!

На цветном объемном экране серые тела танков сливались со скалами. В те моменты, когда они попадали в черные провалы теней, они вовсе исчезали из виду.

— Направьте на них прожектора, маскировка нам не нужна!

Дежурный техник сразу же отдал команду, и изломы скал вдруг вспыхнули таким нестерпимым блеском, что несколько секунд ничего нельзя было рассмотреть, и только когда танки, развернувшись, вошли в широкую тень нависшей скалы, главный инженер сделал технику замечание, обратив его внимание на ноль второй.

— Но я передал команду на оба танка!

— Повторите!

— Что там еще?

— На ноль втором не работают прожектора.

— Включите запасные!

— Рация ноль второго не отвечает!

Рент подошел вплотную к технику и несколько секунд смотрел, как тот пытается вызвать машину на всех запасных диапазонах.

— Передайте им сигнал «Стоп программа» на аварийной волне. Это должно подействовать.

Сразу, как только техник нажал красную клавишу, передний танк остановился, словно налетел на стену. Но ноль второй, шедший замыкающим, даже не замедлил ход. Он объехал остановившийся танк по короткой дуге и скрылся в тени скалы.

— Передайте ноль первому приказ следовать за ним,

и пусть все время держит его в лучах своих прожекторов.

Секунд через пятнадцать на экране снова возникла широкая корма ноль второго.

— На нем не могли отказать сразу все запасные каналы связи, это исключено! — попытался оправдаться инженер.

— Я и сам это знаю, — ответил Рент. — Проверьте его основной азимут!

— В общем он придерживается программы...

— Что значит «в общем»?

— Отклонение в десять градусов могло быть вызвано естественными препятствиями.

— Сколько времени он будет находиться в зоне нашей прямой видимости?

— Еще двадцать минут.

— Так вот, если за это время он не вернется на программный маршрут...

Происходило что-то из ряда вон выходящее. Управляющая аппаратура автономных кибов дублировалась. Могли выйти из строя рации, могли отказать прожекторы, но основная программа должна была выполняться в любом случае. И они все слишком хорошо понимали, что могла означать утрата контроля над такой машиной.

Главный инженер расстелил перед Рентом лавсановую кальку фотографии местности, снятую спутником. Картографический автомат уже нанес на нее все необходимые обозначения и синим пунктиром вычертил намеченный для танков маршрут. Тонкая пунктирная линия пересекала ущелье и тянулась далеко в глубину песчаной зоны, к самому центру. Даже при сильном увеличении на снимке не было видно ничего, кроме песка. В центре пятна танки должны были сделать круг радиусом в сто метров, произвести сейсмическое/зондирование поверхности и вернуться.

Красным карандашом инженер провел рядом с голубым пунктиром толстую линию.

— Сейчас они вот здесь. Постепенно выходят на маршрут. Рация ноль второго по-прежнему не отвечает. В зону войдут через десять минут. Мне кажется, программа выполняется нормально. На ноль первом все по-

казатели в норме, мы провели еще одну контрольную проверку.

— Хорошо. Пусть пока все остается как есть. Запустите еще один спутник на случай, если в зоне откажет аппаратура на ноль первом. Запросите у техников все журналы контрольной проверки. Меня интересует, как могло случиться, что аппаратура на ноль втором отказала сразу же после запуска! Чем они там занимались во время контроля?! И вызовите Танаева, пусть он мне на это ответит.

Дежурный у пульта повернул к координатору взволнованное лицо.

— Ноль второй резко свернул в сторону от маршрута. Там нет никаких препятствий. Они подошли к зоне, и он свернул. Смотрите! Идет вдоль зоны!

— Остановите ноль первый, снимайте его с маршрута, пусть идет за ноль вторым вплотную. Нет, подождите. Заставьте его остановиться. Переведите ноль первый ему навстречу, в лоб.

— Но у них же одинаковая мощность полей!

— Это я знаю без вас. Меня интересует, как он себя поведет при встрече. Что вы на это скажете? — Рент повернулся к главному кибернетику и смотрел на него так, словно тот собственными руками разрушил управляющую аппаратуру танка.

— Если в его блоках такие же нарушения, как на геологических кибках, то предсказать заранее ничего нельзя.

— Ну вот и давайте посмотрим, раз уж главный кибернетик не знает, что из этого выйдет.

Ноль второй шел не точно по краю зоны. Временами он пересекал выдающиеся в сторону песчаные языки, и тогда его защитный купол начинал переливаться всеми цветами радуги.

Ноль первый, точно выполнив команду, развернулся и, срезая дугу, шел наперерез ноль второму.

— Какое до них расстояние? Как долго он останется в зоне действия наших локаторов?

— После точки встречи, если он не изменит направление, его закроет вон та гряда.

— И больше мы его не увидим?

— Только спутник и камеры ноль первого.

— Этого мало. Я не хочу выпускать его из-под кон-

троля. Пошлите глайдер с камерами к точке встречи. Пошлите ноль двадцатый.

— Вы хотите, чтобы нейтринная пушка...

— Вот именно. Я хочу, чтобы у нас был над ним полный контроль в любой точке маршрута. Вы меня поняли?

— Сейчас они встретятся!

Этот возглас дежурного оператора заставил всех, кроме главного инженера, набравшего программу для глайдера, вновь повернуться к экранам. Ноль первый, опередивший ноль второго метров на двадцать, теперь развернулся и встал у него на пути. Через секунду силовые поля должны были соприкоснуться. Если ноль второй не снизит скорости, то энергетическая вспышка от взаимодействия защитных полей может повредить обе машины. Стоявшие у экранов люди затаили дыхание... Ноль второй вдруг окутался целым облаком пыли.

— Он включил тормоза! Смотрите, разворачивается, значит, логические блоки в порядке. Что это?! Там, на корме?!

Все уже видели, как на корме развернувшегося танка приоткрылась амбразура. Ослепительно синий луч нейтринной пушки вонзился в силовое поле первого танка.

— Увеличьте мощность защитного поля! Включите форсаж генераторов!

Ни одно поле не могло противостоять удару нейтринного излучения. На том месте, где только что стоял танк, вспух голубоватый шар плазмы. Секунду казалось, что он застыл на месте, словно границы уничтоженного защитного поля все еще сдерживали его стремительное движение, потом, перепрыгнув через невидимый барьер, дымовой шар стал распухать, наливаясь багряными кляксами, какими-то ошметками оплавленной лавы и металла, облаком раскаленных паров и, словно вздохнув, в следующую долю секунды разметал все это по песчаной прогалине. Ноль второй уходил от места встречи на полной скорости в глубь зоны.

Грибовидное облако взрыва на экранах все еще увеличивалось в размерах, его крайняя часть догнала уходящий танк, и защитное поле ноль второго налилось злобещим малиновым светом.

— Откуда на ноль втором нейтринная пушка? — Тон Рента не предвещал ничего хорошего.

— Согласно вашему приказу, с него снято все вооружение.

— Но пушка все-таки была?!

Главный инженер пожал плечами.

— Если танк произвольно может сойти с маршрута по собственной инициативе, я уже ничему не удивляюсь!

— Там не было пушки. Во всяком случае, это не штатное орудие танка. Не та мощность. Скорее, охранный киб.

— Так проверьте! Какой киб был приписан к этому танку?

— Ноль двадцать четвертый.

— Где он?

— Должен быть в ангаре...

Кибернетик уже нагнулся над пультом аварийной связи с автоматами. В молчании прошла почти минута. Наконец Рент сказал:

— Не трудитесь. Его наверняка нет на корабле.

Главный кибернетик, отвернувшись от пульта, нервно схватил лежащий перед ним на столике маршрутный чертеж и скрутил его в трубку.

— Этого я не понимаю! — Кибернетик расправил чертеж и тут же, видимо забыв, что у него в руках, скомкал и отбросил его в угол рубки. — Он может выйти из строя. Внешнее воздействие может разрушить в сложной системе электронного кристаллического конда какие-то цепи, но никакое воздействие не может заменить одни цепи другими, заменить одно задание другим, а ведь произошло именно это!

— Вы хотите сказать, ни одно стихийное воздействие этого не может, не так ли? — Координатор внимательно, в упор смотрел на главного кибернетика. — А если предположить, что воздействие не было стихийным, случайным, природным? Ведь именно этими словами мы привыкли обозначать непонятные нам явления. Ну а если это вовсе не случайно? Если его действия целенаправленны? Ну да, направлены кем-то извне?

Несколько секунд в рубке висело долгое молчание.

Первым заговорил главный кибернетик:

— Вы хотите сказать, что нашими автоматами управляет кто-то извне? Это невозможно!

— Нет! — резко ответил координатор. — Я хочу сказать, что наши автоматы кто-то извне изменяет таким образом, что они перестают быть нашими автоматами!

— Такое предположение могло бы объяснить многое, — задумчиво проговорил Лонг, — и даже то, каким образом дважды стало возможным целенаправленное изменение кристаллокондов наших кибов.

— Вот именно. В первом случае я еще мог поверить в стихийное воздействие, но сейчас... Что там с нейтринной пушкой?

— Глайдер уже вышел. Он будет на месте через пятнадцать минут. Но на нем нет защитного поля...

— Ему оно и не нужно. Я не собираюсь вводить его в зону. Достаточно вывести на линию прямой наводки.

Облако на экранах медленно рассеивалось. Постепенно становилась прозрачной вся его восточная часть, до этого скрывавшая вышедшую из-под контроля людей машину. Перед ними открылась широкая панорама песчаной пустыни, на которой не было ни малейшего выступа и не было заметно никакого движения.

— Не мог же он раствориться!

Координатор переключил экраны на объективы спутника. Теперь, с большой высоты, они видели всю зону, словно большую приплюснутую тарелку. Если не считать воронки от взрыва, на ней не было ни единого пятнышка. Машина исчезла.

Долго, настойчиво пищал зуммер аварийного вызова. Медленно, словно просыпаясь, координатор потянулся к выключателю.

— Ну что там еще?

— Пилота Танаева нет на корабле. Его фон не отвечает на аварийный вызов.

4

Больше всего Глеба мучила темнота. В переходном тамбуре не было предусмотрено освещения. Глеб едва помещался в узком металлическом колодце, похожем на раскаленную духовку. Спина и колени упирались в про-

твоя противоположные стены. Перед глазами плыли цветные пятна. Сорок градусов, когда рядом нет воды, — это, пожалуй, многовато. От жажды пересохло во рту. Но хуже всего было то, что он почти полностью утратил всякое ощущение времени. Равномерный шум генераторов и дрожь переборок еще больше притупляли сознание. Тренировки в сурдокамере более длительны, но там нет изнуряющей жары, нет жажды, соленые струи пота не расползаются под рубашкой липкими лентами и никто не скребется за металлическими стенами... Крысы здесь завелись, что ли? Вот опять за его спиной вдоль стены кто-то простучал маленькими коготками. Он понимал, что после биологического контроля и серии дезинфекции, которым подвергаются машины перед отправкой в космос, на них не может сохраниться ни одной бактерии, и все же кто-то определенно бегал у него за спиной... Звук расплывчатый, глухой... Скорее всего, это кибер что-то делал в своем грузовом отсеке, за толстыми стальными плитами... Временами Глеб совершенно терял ощущение реальности. Ему казалось, он давно плывет в темной густой реке, а рядом с ним маленькое металлическое создание, похожее на крысу и на робота одновременно. У него были ядовитые зубы, и Глеб понимал: главную опасность представляют именно эти зубы. Ему бы увернуться, убежать, но сил уже не было, и проклятая крыса в конце концов вцепилась в затылок. Глеб закричал, рванулся и, окончательно придя в себя, понял, что танк только что резко изменил направление. Двигатели под полом взвыли, и почти сразу где-то снаружи тяжело ухнуло и засвистело. Удар подбросил машину. Пол под ногами мелко затрясся. Снаружи происходило нечто чрезвычайное, нечто такое, что требовало его немедленного вмешательства.

Самым трудным было первое движение — встать, распрямить спину... Голова закружилась, и несколько секунд он вынужден был стоять неподвижно, собираясь с силами.

Свет неожиданно ударил по глазам, как только он приоткрыл крышку люка. Ну конечно, наверху, в машинном отделении, должен был быть свет. Он успел забыть об этом... Казалось совершенно невозможным ды-

шать расплавленным, жидким свинцом, на который походил воздух, хлынувший из машинного отделения.

«Подняться туда? В этот раскаленный радиоактивный ад?» Нет, он не сможет. Надо поскорей захлопнуть крышку люка... Но вместо этого он почему-то полез вверх, с трудом переставляя ноги по металлическим скобам, заменявшим ступени. Подъем занял минут пять. Наконец он почувствовал под ногами пол машинного отсека. Пот заливал глаза. Несколько секунд он ничего не мог рассмотреть. Вся машина мелко вибрировала, и он ощущал ее дрожь каждой клеточкой своего тела. Вскоре глаза немного привыкли к ослепительному блеску ламп. Генераторы выли на высокой ноте. Их кожухи расплывались в радужные пятна. На таком расстоянии он еще ничего не видел. Зато совсем рядом, справа, рука нащупала знакомую нишу дверного замка. Откуда здесь дверь? Здесь не должно быть никакой двери, все переборки герметично перекрываются специальными шлюзами... И вдруг он вспомнил... Шкафчик, аварийный шкафчик...

Еще не веря себе, он рванул ручку, замок послушно поддался. Прямо перед ним шелестела и переливалась серебряными отблесками тектонитовая ткань скафандрра...

— Идиот, последний идиот! — обозвал он себя. — Ну конечно же, в машинном должен был быть резервный скафандр!

Вместо того чтобы медленно поджариваться в этой душегубке, нужно было действовать, потому что скафандр прежде всего означал полную защиту от радиации, нормальную температуру, а в случае необходимости — и возможность выхода наружу.

Натянуть его, закрепить магнитные швы и включить внутреннюю систему терморегуляции — все эти привычные, сотни раз отработанные движения не заняли больше минуты. Струя свежего, прохладного воздуха ударила в лицо из респиратора. Глеб блаженно зажмурился. Теперь можно было жить...

И в эту секунду погас свет. Одновременно встали оба генератора, и наступила жуткая, неправдоподобная ти-

шина. Почти сразу же он понял, что тишина была обманчива. Как только слух оправился от дикого рева двигателей и пронзительного воя гравитационных моторов, он услышал снаружи странный шелест и дробный нарастающий стук. В то же мгновение машину мелко-мелко затрясло, точно кто-то бросил ее на огромное сито. Дрожь нарастала. От нее заломило виски, заныли зубы. Вибрация перешла в звуковой диапазон, зазвенели, завыли переборки. Что-то упало и разбилось рядом с ним. Машина, весившая десятки тонн, одетая в непроницаемую броню, упрятанная в кокон защитных полей, тряслась как в лихорадке... Вдруг он сообразил, что никаких полей больше нет, раз встали генераторы, и если машина сейчас находится в зоне... Он старался не думать о том, что случится через несколько секунд после того, как под действием энтропийного поля распадется наружная силиконовая броня...

* * *

Сейчас, когда в ангаре не было двух самых больших машин, его пространство казалось неоправданно огромным. Группа людей совершенно затерялась под сверкавшим ослепительным светом куполом. Полное освещение потребовалось кибернетикам. Чтобы не отключать многочисленные цепи, в которых могло быть искомое повреждение, решено было вести работу на месте. Узкий длинный стол заполняли детали и отдельные узлы разобранного контрольного автомата. Главный кибернетик Кирилин семенил вдоль стола, подключая к бесчисленным контактным разъемам контрольные приборы. Тут же, на ходу, он считывал их показания в диктофон карманного калькулятора. На его крошечном табло то и дело вспыхивали новые цифры суммарных результатов. В третий раз в течение этого часа на экране связного фона появилось усталое лицо координатора. Едва сдерживая закипавшее раздражение, Кирилин даже не поднял головы от приборов. Координатор терпеливо ждал.

— Я еще работаю, Рент. Ничего нового я не могу ска-

зять. Я сразу же сообщу тебе результаты. Сразу, как только закончу.

Экран мигнул и погас. Координатор так и не произнес ни слова. Кирилин почувствовал угрызения совести. В конце концов, Рента можно было понять. Глеб был его другом, почти другом, потому что настоящих друзей у того, кто занимал эту проклятую должность, быть не может... Как это непросто — держать в железных тисках дисциплины такой огромный корабль, отвечать за каждого. Наверное, Рент надеялся что-то доказать Глебу, оправдаться за ту историю, когда Глеб спас шестерых и потерял должность пилота, но теперь уже поздно, теперь никому он ничего не докажет, а оправдываться придется перед базой, и не только ему, всем придется объяснять, каким образом с корабля, закрытого по тревожному расписанию, бесследно исчез человек...

* * *

Рент сидел в центральной лаборатории за крошечным столиком, втиснутым между двумя объемными экранами. В хозяйстве Лонга координатор почему-то всегда чувствовал себя неуверенно. То и дело входившие сотрудники научного отдела бросали на него любопытные взгляды и тут же забывали о присутствии командира корабля. Он был чужим в их родной стихии непонятных формул, вспыхивавших змеек, бесчисленных графиков, мыслей, выраженных на недоступном простому смертному языке... Центральный экран занимала увеличенная карта, снятая со спутника в момент исчезновения танка.

И это все, что еще можно было понять. Впрочем, самой карты почти не осталось. Теперь ее покрывала целая сеть каких-то формул, расчетов и цифр, обозначающих гигаватты мощности пород, мощности фона, баллы подземных толчков, атмосферы сжатий и растяжений отдельных пластов и десятки, сотни других специальных данных, расщеплявших общую картину происшедшего, делавших ее еще более загадочной и совершенно необъяснимой...

Рент встал, подошел к карте и увеличил на весь

экран крошечную точку поверхности, ту самую, где на предыдущем снимке секунду назад еще была видна машина, а на этом ее уже не было. Только небольшая рябь, словно это не песок, а озеро, поверхность которого всколыхнули упругие, расходящиеся во все стороны волны.

— Может, поле отключилось в момент удара взрывной волны?

Лонг покачал головой.

— Я уже подсчитал. Достаточно было простой брони, с такого расстояния она бы выдержала удар. Тут что-то другое.

— Так что же? У тебя достаточно квалифицированные специалисты, и я вправе потребовать однозначного ответа хотя бы на этот вопрос!

— Они делают все возможное, Рент.

— Пусть сделают невозможное. Я должен знать, куда девался этот танк!

Лонг задумчиво посмотрел на координатора.

— Думаешь, Глеб был там?

— Я не верю в бесследное исчезновение ни машин, ни людей!

— Но почему именно на ноль втором?

— Потому что с ноль первого он мог бы связаться с нами по радию, — сказал Рент и со злостью ударил кулаком по переборке.

Расположенный неподалеку экран какого-то индикатора покрылся рябью помех. Лонг неодобрительно посмотрел на координатора, но промолчал.

— Не мешало бы тебе потрясти техников, а заодно и кибернетиков. Хорошо бы наконец узнать, каким образом Глеб мог остаться в закрытом ангаре после включения программы. Кстати, это могло бы помочь и в наших исследованиях.

— Там тоже делают все возможное, можешь не сомневаться. Но время... У меня такое ощущение, что уходят последние минуты, когда еще не поздно что-то предпринять, а мы, как слепые котята, каждый шаг в темноте...

— Кое-что мы уже знаем, но я тебя понимаю... Мои ребята сделают все; поторопи еще раз кибернетиков.

* * *

Рент захлопнул дверь своей каюты и несколько секунд стоял неподвижно, пытаясь сформулировать и уточнить только что возникшее подсознательное решение. «Если Кирилин обнаружит, что контрольный автомат выдал сигнал в центральный блок по собственной инициативе... Если внутри корабля будет обнаружен хоть один автомат, способный к самостоятельным, отличным от программы действиям, мне придется отключить их все. Все сразу. Даже решениям Центавра нельзя будет безоговорочно доверять. Придется кое-что вспомнить и кое-что научиться делать руками... И все равно мы сразу же станем беспомощны...»

Рент устало сел в кресло. Вяло набрал код на обслуживающем автомате. Из щели появился поднос с дымящимся ужином. Есть не хотелось. Почти насильно он заставил себя проглотить несколько кусков.

Интересно, как это будет выглядеть, если на корабле придется выключить все автоматические системы? Обслуживающего персонала здесь нет, а камбуз шестью палубами ниже. Хорош он будет, если сам побежит за этим подносом... Автоматика сопровождает каждый их шаг. Без нее не взлететь, не справиться с этой махиной мертвого металла, в которую сразу же превратится корабль, лишенный своих механических слуг.

— Если бы мне пришлось иметь дело с сильным противником, я бы выбрал самое уязвимое, самое слабое его место. Такое, где одним ударом можно лишиться его основного превосходства — техники. Тогда, похоже, мы имеем дело с коварным и умным врагом. Именно с врагом... А к такой встрече мы не готовы даже психологически. Все встречи в космосе, все поиски родственного разума, все эти комиссии по контактам питались одной и той же иллюзией — чужой разум непременно должен быть дружелюбен к нам. Но, собственно, почему? Лонг не хочет верить в чужой разум... Ему нужны факты, естественные факты, укладываемые в готовую научную схему... Биосфера, например, постепенное развитие жизни от простого к сложному и только потом разум... Ничего этого нет на планете. Лишь мертвый камень... Но роботы

здесь перестают выполнять заложенные в них программы, становятся чем-то неизвестным, может быть, даже враждебным нам, и разве это не факт? Разве нужны еще какие-то доказательства? Конечно, они есть, эти факты, просто мы пока их не знаем... Должно быть что-то или кто-то, кто влияет на системы наших автоматов. Можно, наверное, установить, каким образом возможно такое влияние... Когда-нибудь мы это установим, но ведь это не самое главное. Совсем не это. Важно другое. Мы столкнулись здесь с необычным явлением, с чем-то таким, с чем человечество никогда еще не имело дела. С волей чужого разума... И, может быть, поле песка, где бесследно исчезла наша самая мощная машина, — это всего лишь зона... Запретная зона, куда человеку не разрешено вторгаться... — рассуждал он вслух.

Вспыхнул экран фона, и вплотную с креслом в воздухе повисло взволнованное лицо Лонга. Рент услышал тяжелое дыхание совершенно растерявшегося человека.

— Мы установили это, Рент. Мы узнали, куда деваляся танк.

Рент весь напрягся, словно приготовился к прыжку.

— Снизу, из-под стометрового слоя песка, на него был направлен мощный ультразвуковой луч. Он превратил машину в вибратор, и она почти мгновенно погрузилась в песок. Погрузилась до самого дна к источнику ультразвуковых колебаний...

Пройдя сквозь метровые броневые плиты тектонита, ультразвуковые колебания внутри машины смещались в звуковой диапазон. Глебу казалось, что машина превратилась в огромный разноголосый орган. Она пела, визжала, рыдала. Боковые переборки рычажи на низких басовых нотах. Внутри чехлов генераторов что-то брэнчало и лязгало. От звуковой какофонии в голове Глеба все смешалось. Исчезло ощущение верха и низа. Ему казалось, что банда взбесившихся обезьян колотит по машине десятками острых звенящих предметов. И вдруг словно гигантская рука приподняла машину. Что-то лязгнуло в последний раз отчетливо и звонко, словно камень ударил в нижние броневые плиты. Потом

все стихло. Тишина была слишком контрастна, в ушах у Глеба еще бушевал вихрь разноголосых и уже не существующих звуков. Наверное, в какой-то момент он полностью потерял контроль над своим сознанием, потому что вдруг ощутил себя лежащим на полу моторного отсека. Он хорошо помнил, что до этого стоял, вцепившись в дверцы шкафчика, из которого успел достать и надеть скафандр. И вот теперь неподвижно лежал на полу. Тишина стояла ватная, беззвучная, совершенно мертвая. Такой не бывает даже в рубке корабля, разве что в открытом космосе...

Генераторы молчали, и это означало, что никакого защитного поля снаружи нет, и раз так, раз он до сих пор жив, значит, энтропийное поле либо не проникает в зону, где находится машина, либо почему-то исчезло вовсе. В любом случае ему надо выйти наружу, чтобы перестать наконец играть роль запаянной в консервную банку беспомощной сардины. Скафандр защитит его от любых излучений, снабдит кислородом, в нем не страшен и открытый космос. Только против энтропийного поля он бессилён, но от него не спасет и танковая броня. А раз так, надо выходить.

Люк поддался легко, словно хотел вознаградить его за те усилия, когда он лежал под машиной и боролся за каждую лишнюю секунду. Едва крышка вывалилась наружу, как в образовавшееся отверстие хлынул свет. Станный рассеянный свет, непохожий на естественное освещение поверхности планеты.

* * *

Корабельный совет собрался через два часа после того, как научный отдел установил причину исчезновения танка. В центральной кают-компании было слишком просторно и оттого неуютно. Помещение, рассчитанное на всю команду, казалось чрезмерно большим. Люди чувствовали себя потерянно и чересчур официально среди рядов пустых кресел. Но, может быть, координатор рассчитывал именно на это? В конце концов, не каждый день приходится собирать чрезвычайный совет. На нем присутствовали руководители отделов и основных служб

контроля. Не было лишь главного кибернетика. Координатор недовольно покосился на часы.

— Давайте начинать. Кирилин подойдет позже. Нам надо рассмотреть один-единственный вопрос. — Координатор кивнул Крамскому.

Начальник геофизической лаборатории встал и развернул на магнитной доске большую цветную схему. Чертеж напоминал глубокую тарелку, в центре которой лежала половинка яблока.

— Так это будет выглядеть, если мы удалим песок, — обернувшись на схему, коротко бросил координатор.

— Позвольте, а что там, собственно, такое? — Вопрос принадлежал начальнику метеослужбы. Очевидно, он единственный не был в курсе событий. Собравшиеся, все как один, повернулись к нему. — Да нет, я не о том... Я понимаю, что это чертеж купола, за которым исчез наш танк, но что он собой представляет? Это что — искусственное сооружение или ядро какого-то естественно-го образования?

Словно не слыша вопроса, координатор продолжил:

— Данные сняты с помощью ультразвукового эхолота и тектонического карротажа. Диаметр купола два километра, глубина залегания около двухсот метров в ближайшей к поверхности точке. Скальные породы лишают нас возможности высветить его нижнюю часть. Но и того, что есть, вполне достаточно. Математически правильные купола не растут под землей сами по себе. Его кто-то построил, и теперь почти не остается сомнений в том, что энтропийное поле — результат деятельности неизвестных нам механизмов, заключенных внутри купола.

— Я бы не спешил с категорическими выводами, — поморщился Лонг.

— Мы здесь собрались не для научных дискуссий. Нам нужна рабочая гипотеза, наиболее близкая к истине, и только. Будем считать, что это искусственное сооружение, снабженное механизмами достаточно высокого класса.

— Но для чего могло понадобиться подобное сооружение на пустынной необитаемой планете, лишенной даже атмосферы?! Кому и для чего?! — взорвался Лонг.

— Этого я не знаю, — сказал координатор. — И сейчас меня интересует совсем другое. У нас пропала маши-

на. На ней находился член экипажа. Мне бы хотелось ее вернуть. Давайте обсудим, какими средствами мы для этого располагаем.

— Что значит «вернуть»? Поясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду под словом «вернуть»? — возмущенно спросил Лонг. На этот раз он встал с места и стоял теперь напротив стола координатора.

— Только то, что сказал.

— По меньшей мере это означает конфликт с непредсказуемыми последствиями. Ну, допустим, мы найдем способ добраться до этого купола, хотя я и не представляю, как ты пробьешься сквозь энтропийное поле. Что дальше? Что ты собираешься делать дальше? Взламывать этот купол, стучаться в него?

— Сначала мы используем все доступные нам средства, чтобы вступить в контакт. Если это не удастся...

— А это наверняка не удастся! — перебил координатора Лонг.

И тот, переждав его реплику, продолжил, не повышая голоса:

— Я повторяю: в том случае, если это не удастся, мы вскроем купол.

— Так... Это похоже на начало военных действий... Да от нас мокрого места не останется, если этот купол и в самом деле какая-то станция, построенная сверхцивилизацией! Мы до сих пор считали энтропийное поле неизменной константой, и если они научились им управлять... если оно здесь всего лишь защитная зона, то наверняка есть и другие, более мощные механизмы. Они ответят на наше нападение и будут правы.

— Не мы начинаем конфликт! Я всего лишь хочу вернуть принадлежащую нам машину. И спасти жизнь члену нашего экипажа, если это еще возможно!

5

Глеба поразило непривычно мягкое освещение, ворвавшееся в приоткрытую крышку люка. Но еще больше его удивило то, что воздух не выходил наружу из переходного тамбура. Это могло означать лишь одно: снаружи и изнутри давление примерно равно... Прежде всего

он подумал, что машина выполнила задание и вернулась в ангар, пока он был без сознания. Но эта мысль ничуть его не успокоила, потому что он ощутил, как в уши постепенно проникает тишина, царившая вокруг. Такая полная, какая никогда не бывает в помещениях, созданных людьми, с их шумными земными механизмами... От волнения ноги плохо слушались и никак не могли сделать последнего шага вниз, к полураспахнутому люку... Его могли ждать снаружи... Почему-то он старался не думать о том, кто именно его ждет... И все же эта мысль помогла ему справиться с собой. Он надавил на рычаг и до дна опустил крышку люка. Теперь она висела отвесно, открыв перед ним узкое круглое отверстие. Всего в метре от него находилась поверхность, на которой стоял танк. Сначала он подумал, что это ледяное поле. Но, взглянув в мерцающую глубину неведомого материала, решил, что лед вряд ли может быть таким гладким, без единой морщины и трещины, без единого инородного включения...

Он ступил на него осторожно, боясь поскользнуться, словно это имело решающее значение... Но материал оказался шероховатым и прочно держал на себе подошвы скафандра.

Выбравшись из-под танка, Глеб встал во весь рост и только после этого позволил себе взглянуть на то, что его окружало. В первую минуту, пока глаза не привыкли к свету, он рассмотрел лишь цепочки бегущих во все стороны разноцветных огней. Их было много. Гораздо больше, чем звезд на небе. От них шел мягкий, рассеянный свет, заполнивший собой все пространство, словно туманом.

Через секунду он рассмотрел, что огни передвигались не беспорядочно. Они все время следовали по бесчисленным, но вполне определенным путям, словно бежали по заранее проложенным дорожкам, как железнодорожные игрушечные составы. Когда глаза немного привыкли к радужному мерцанию, он увидел и сами дороги, по которым проходили огни, и понял, что они-то и есть самое главное в том, что его окружало, во всяком случае — самое вещественное.

Больше всего это походило на стеклянный лес. Блек-

лые прозрачные жгуты разной толщины перекрещивались, разветвлялись, сходились в толстые узлы и разбегались бесчисленными каскадами, словно струи замерзших водопадов. Здесь были длинные кривые ветви, похожие на свернувшихся удавов, извилистые колонны и тоненькие прозрачные нити. Лианы, жгуты, веревки — невообразимая путаница застывших стеклянных зарослей... Они простирались перед ним далеко. Метров на сто. Несмотря на бесчисленные переплетения, свободного пространства между отдельными ветвями и стволами оказывалось достаточно, чтобы видеть далеко вглубь. Глеб назвал их про себя ветвями и деревьями, но даже формой они походили на них весьма приближенно, хотя бы потому, что большинство этих стеклянных образований книзу становилось тоньше. А когда Глеб запрокинул голову, то в высоте не смог рассмотреть ничего, кроме все тех же терявшихся в рассеянном туманном свете прозрачных колонн.

Больше всего поражала тишина, стоявшая в этом стеклянном мире. И непрерывное движение огней. Отдельные ветви и стволы жили напряженной световой жизнью, через них пробегали целые каскады светящихся шаров, а в узловых переплетениях, где то и дело встречались световые импульсы, идущие с разных направлений, нарастало свечение, словно накапливалась некая светящаяся жидкость, которая вдруг, после прибытия светового всплеска, полностью меркла, и тогда эта ветвь надолго гасла.

В некоторых узловых переплетениях ровным светом горели неподвижные огненные шары, словно ждали здесь чего-то...

Наконец Глеб опустил глаза вниз и рассмотрел гладкую прозрачную плиту, показавшуюся ему вначале ледяным полем. В нее, как в землю, уходили бесчисленные корни и ровные стволы отдельных деревьев. Насколько он мог всмотреться в ее бездонную прозрачность, плита была огромной толщины, если только это обманчивое впечатление не создавалось внутренним зеркальным отражением.

Глеб обернулся и увидел у себя за спиной такую же

стену, только гладкую. Сквозь нее не проходил ни один корень, ни одна ветвь.

Эта гладкая стена под прямым углом смыкалась с полом и уходила вправо и влево, насколько позволяли рассмотреть ветви деревьев. Казалось, линия стыка слегка изгибалась огромной дугой, охватившей целые километры пространства, заполненного окружавшим его фантастическим миром... Единственным реальным предметом, напоминавшим о том, что все окружающее не бред и не галлюцинация, оставалась земная, сработанная руками людей машина. Ее шершавые, испещренные вмятинами и отеками плиты казались грубыми в этом стерильном, почти эфемерном мире, но именно ее привычные обыденные контуры помогли Глебу взять себя в руки и справиться с невольным страхом, который рождает в человеке все непостижимо чужое.

— Так вот как это выглядит... — тихо проговорил Глеб, хотя не знал, что именно представляет собой все огромное «это».

Звук его голоса прозвучал в окружающем безмолвии кощунственно резко. Потом унесся куда-то далеко в глубь и в даль этого колоссального сооружения и через несколько минут вернулся к нему раздробленным эхом.

Прямо перед ним, всего в нескольких шагах, в пол уходила толстая стеклянная лиана почти полуметровой толщины. В отличие от остальных через эту ветвь не проходили бегущие огни. Зато она вся целиком через равные промежутки времени то вспыхивала, то гасла. Глебу захотелось потрогать ее безусловно гладкую прозрачную поверхность. Может быть, для того, чтобы лишний раз убедиться в реальности окружающего. Не задумываясь над тем, что это может быть опасно, он отстегнул перчатку скафандра и приложил руку к лиане. Ничего не случилось. Поверхность была несокрушимо прочной, твердой и холодной на ощупь. Маслянисто-гладкой, как змеиная кожа. Глеб сделал несколько шагов в глубь стеклянного леса и обернулся: свободное пространство сразу же уменьшилось, исчезла перспектива. Вокруг него вплотную тянулись толстые стеклянные трубы, металась, бежали огни. От непрерывного мелькания начина-

ла кружиться голова. Машину теперь закрывали переплетения стеклянных стволов; временами радужные сполохи световых вспышек закрывали стену, у которой стояла машина, сплошной световой завесой.

Глеб чувствовал легкое разочарование, может быть, потому, что, выходя из танка, ждал чего-то совсем другого.

«Скорее всего, это искусственное сооружение, хотя сам лес вполне может быть частью какого-то огромного организма... — Это была его первая четко оформленная мысль, и он понял, что потрясение от встречи с неведомым постепенно проходит. — К тому же здесь есть атмосфера, а это должно означать, что я нахожусь в закрытом помещении, которое не сообщается с безвоздушным пространством планеты. Как же попала сюда машина? Значит, есть какой-то шлюз, дверь или пасть, накопец...»

Но последняя мысль не вызвала у него доверия. Росло внутреннее убеждение, что это всего лишь огромный механизм, непохожий на земные. Колоссальное, искусственно созданное сооружение. Нужно бы проверить, но как? Он прикинул свои возможности. На поясе скафандра болталась сумка с универсальным инструментом. В рубке танка должны быть комплект стандартных анализаторов и полевая лаборатория... Кроме того, там есть рация, если только радиоволны пробьются сквозь это замкнутое пространство.

Плохо, если не пробьются, потому что Рент наверняка не будет сидеть сложа руки.

Надо дать знать, что с ним все в порядке, иначе, стараясь вызволить его отсюда, они могут предпринять слишком поспешные, непродуманные действия, не подозревая, что на планете уже есть хозяин или хозяйка... И тут он понял, что Рент догадывался об этом с самого начала, еще тогда, после выстрела, когда снял его с вахты... Но вышло так, что все обернулось для Глеба новой вахтой, гораздо более ответственной, чем та, первая. С этой вахты никто не сможет его снять, никто не поможет в выборе правильного решения, от которого может зависеть и судьба корабля и его собственная. До него только сейчас постепенно стал доходить весь смысл

происшедшего. Так, значит, все же запретная зона... Система охранных полей, прикрывавших вход в искусственное сооружение... Если он прав, если это всего лишь колоссальная машина с непонятной пока задачей, у нее должен быть какой-то управляющий центр, если только она вся целиком не является таким центром... Не оставалось сомнений в том, что эта система способна принимать какие-то логические решения, иначе танк никогда не очутился бы здесь, а раз так, здесь наверняка есть датчики для получения информации...

Глеб поехал. Хорошо все это выглядит со стороны. Поймут ли они, какую нелепую, жалкую роль приходится ему играть, попав в полную зависимость от собственного робота? Так не может дальше продолжаться. Его первой обязанностью оставалась связь с кораблем, а значит, нужно было попытаться проникнуть в рубку танка, чего бы это ни стоило. Он поспешно обшарил сумку с комплектом инструментов. Ничего подходящего, ничего такого, что могло бы заменить ему оружие, только искровой сварочный разрядник. Его импульсы могут быть эффективны с расстояния не более одного метра, да и то если удастся попасть в поясной контрольный щиток киба. Только в этом случае он может пережить предохранители и временно вывести из строя мощнейшую боевую машину...

Глеб горько усмехнулся. Реакции киба в сотни раз быстрее человеческих, а чувствительные микрофоны и оптические датчики не оставляют ему на успех и одного шанса из тысячи. И все же придется попытаться. Ничего другого ему не оставалось.

Неподвижно застывшие в своих стеклянных гнездах огненные шары чем-то напоминали ему глаза, следившие за каждым движением человека...

Кроме всего прочего, Глеб подозревал, что охранный киб может быть немаловажным звеном в цепи странного стечения обстоятельств, приведших его сюда. Тем более нужно было овладеть наконец положением, перестать играть роль пешки в чужой игре... А если не удастся, что ж... По крайней мере, он будет знать, что сделал все возможное, все, что от него зависело.

Глеб медленно двинулся обратно к танку.

Инстинктивно он старался прятаться за толстыми стеклянными стволами, хотя и понимал: их прикрытие ненадежно. Если робот решит выстрелить, луч лазера легко пройдет сквозь материальную преграду такой толщины. Да и красться ни к чему: датчики кибера уже давно должны были уловить шорох его шагов... Не выстрелил же он тогда, в ангаре... «В ангаре, правда, было другое дело. Кибу еще нужно было проникнуть сюда, и я ему был для чего-то нужен, может быть, как раз для того, чтобы очутиться здесь, пройти сквозь зону защитных механизмов. Теперь все может измениться, теперь я могу стать помехой для его дальнейших планов, если таковые у него есть... Во всяком случае, если он сейчас откроет стрельбу, у меня не останется и того единственного шанса...» — лихорадочно размышлял Глеб.

Дверь грузового отсека оказалась чуть приоткрытой. Едва заметив щель, Глеб замер на месте. Поздно... Дверь дрогнула, медленно ушла в темную глубину отсека, и оттуда выдвинулась лобастая металлическая голова с решетчатыми ушами пеленгаторов. Вот они повернулись оба разом в сторону Глеба и остановились. Глеб чувствовал себя так, словно в грудь ему уперлось дуло излучателя и чей-то палец уже давил на курок... Да так оно, в сущности, и было. Расстояние до отсека метров шесть. Разрядник способен действовать максимально с метра, прежде чем он успеет сделать десяток шагов, нужных ему для выстрела, его уже не будет в живых несколько раз... Оставалось надеяться, что какая-то часть цепей, запрещавшая исправному роботу наносить вред человеку, сохранилась. Выполнял же он в ангаре его прямые команды, пусть неохотно, но все же выполнял... Что если попробовать сейчас?

— Я второй! Контроль системы! Сообщил напряжение в функциональном блоке! — Слова Глеба упали в гнетущую тишину.

Робот молчал.

Глеб попробовал зайти с другого конца:

— Я второй! Выйди из отсека!

Медленно, словно нехотя, робот шевельнулся. Показалась плоская, как тарелка, подошва и намертво присосалась к гладкой плите пола. Все так же не торопясь

робот выпрямился. Глеб не был уверен, что это результат его приказа, и подал новую команду:

— Повернись на девяносто градусов!

Робот не двигался. Глеб слишком хорошо знал, что в его груди, закрытый металлическими шторками, словно жало змеи, притаился ствол лазера. Наверняка кибер применит именно лазер. Человек слишком ничтожная цель для нейтринного излучателя. Глеб повторил команду и сам удивился собственному хриплому голосу:

— Я второй! Повернись на девяносто градусов!

Робот стоял в задумчивости. Глеб видел, как медленно раскрылись створки лазерной амбразуры и тут же снова закрылись. Потом открылись еще раз и опять закрылись, словно в электронных мозгах машины шла какая-то неведомая борьба. Словно робот, как человек, не мог прийти к правильному решению. Словно он был способен колебаться и испытывать сомнения... Больше Глеб не произнес ни слова. Малейшее смещение сигналов в управляющих цепях киба могло подтолкнуть его к последнему рубежу, уничтожить остатки запретов, и тогда он пустит в ход лазер...

Тягучая неподвижность становилась невыносимой. Глеб чувствовал, что ноги точно налились свинцом, от напряжения ломило в висках. Так долго не может продолжаться, он не выдержит... Хорошенькое дело... Дрожать перед собственным роботом... Да еще, возможно, на глазах неведомых зрителей. Не зря отдельные неподвижные шары напоминают ему глаза, здесь должны быть какие-то следящие устройства — наверняка. Эта мысль помогла ему взять себя в руки, загнать цепенящий, сковывающий движения страх куда-то в глубь сознания. Медленно, словно толкая перед собой невидимый груз, Глеб сделал шаг навстречу роботу, и ничего не случилось. Тогда так же медленно, приготовившись к самому худшему, он сделал еще шаг. Амбразура вновь открылась. Глеб видел, как мелко-мелко дрожат от неведомой вибрации ее шторки. В темной глубине блестела торцевая грань рубинового кристалла... И тут Глеб сорвался. Он вскинул разрядник и бросился вперед, одним рывком стараясь преодолеть оставшиеся метры. Робот вздрогнул, попятился, и почти в ту же секунду лазер вы-

плюнул навстречу Глебу раскаленную светящуюся нить. Прежде чем летящий со скоростью света луч ударил ему в грудь, Глеб успел подумать о множестве разных вещей, о том, например, что робот не может промахнуться. Он никогда не промахивается. Ствол лазера направляет электронно-счетная машина, а оптические дальномеры и координаторы безупречны. О том, что выстрел направлен точно ему в грудь и теперь, должно быть, уже прошел навывлет. Что это лишь обрывки, остатки мыслей, которые сейчас угаснут навсегда.

Глеб внутренне сжался, ожидая удара и боли, но боли все не было... Вдруг он понял, что случилось невозможное, почти невероятное. На своем пути луч лазера встретил стеклянную ветвь дерева. Робот мог не принять ее в расчет. Любая материя на пути огромного заряда энергии, которую нес в себе лазерный луч, должна была мгновенно превратиться в пар, и такая ничтожная преграда не могла задержать его неотвратимого полета... Она и не стала его задерживать, лишь чуть сместила, преломила лазерный луч, пропустив его через себя, изменила угол полета, и смертоносный заряд энергии ушел вверх, бесследно затерялся в мешанине стеклянных зарослей...

Почти инстинктивно сразу после выстрела Глеб упал и замер. Невозможно было предсказать, как робот поступит дальше.

Он мог повторить выстрел, чуть изменив прицел, или хотя бы проверить результат первого... Но ничего этого робот не сделал. Скорее всего, сработали наконец остатки потенциалов, тех самых аварийных потенциалов, заложенных в его электронном мозгу, которые в случае нарушения основных запретов, как крайняя мера безопасности, должны были, по мысли конструктора, уничтожить машину, разрушив ее электронный мозг. Однако этого тоже не случилось. Казалось, робот испытывал что-то похожее на ужас от своего поступка. И хотя Глеб отлично знал, что машина лишена каких бы то ни было эмоций, ничем другим, как паническим ужасом, он не мог объяснить его беспорядочное поспешное бегство.

Нелепая прыгающая фигура киба несколько раз мелькнула среди стеклянных стволов, прежде чем исчез-

нуть вовсе. Трудно было сказать, чьей победой кончился этот поединок и кончился ли он... По крайней мере теперь в распоряжении Глеба оказалась машина, и он не замедлил этим воспользоваться. Рация! Прежде всего ему нужна была рация.

Радиоволны не проходили во всех диапазонах. Локаторы в миллиметровом диапазоне смогли пробиться сквозь стеклянные заросли только до противоположной стены, и он понял, что ее отделяет от него не меньше двух километров. Возможно, здесь только первый этаж... Никто не поручится, что под полом у этой штуки нет продолжения, недаром туда уходят корни...

Связь... Как поставить в известность корабль? Эта мысль лихорадочно билась в его мозгу. Нужно попробовать отыскать шлюз, механизм, переместивший танк в закрытый купол... На экране локаторов Глеб мог видеть огромный двухкилометровый шатер, раскинувшийся у него над головой. Шлюз должен быть где-то здесь, рядом. Моторы встали сразу после взрыва... Потом началась вибрация. Он старался вспомнить остатки того немногого, что сохранилось в памяти перед полной потерей сознания. Скорее всего, моторы встали до начала вибрации, и, значит, сюда танк попал уже неподвижным... Тогда шлюз должен быть где-то совсем близко, если, конечно, робот не включал двигателя внутри купола... В любом случае надо искать шлюз. Но сначала неплохо сделать серию стандартных анализов. Никто не знает, что произойдет здесь через минуту... Запись этих анализов останется в бортовом журнале.

И вдруг Глеб понял, что попросту ищет оправдания. Оправдания тому, что уже понял: если бы сейчас, сию минуту, перед ним открылся такой желанный и необходимый ему шлюз, он не направил бы в него машину... И не связь его сейчас больше всего волновала, хотя, конечно, неплохо было бы связаться с кораблем... Все его существо переполнило никогда не испытанное с такой силой чувство, которое вот уже многие тысячи лет двигало человечество вперед к новым открытиям, к новым неизвестным находкам. Оно называлось на человеческом языке довольно просто и буднично — любопытство, и, не пытаясь в нем разобраться, Глеб прекрасно понимал,

что никуда он отсюда не уйдет, пока не выяснит, что это такое, или хотя бы не сделает все от него зависящее, чтобы это выяснить... А шлюз пока подождет.

Глеб нажал клавишу анализатора. «Будет что сообщить в радиограмме, если мне удастся пробиться наверх...»

Анализатор закончил стандартную серию и выбросил на водительский столик длинную ленту, испещренную цифрами. Глеб не решился отбирать образцы стеклянной массы, и потому анализы не отличались особой полнотой.

И все равно данные, полученные от спектрометров и микроанализаторов, он читал залпом, как читают стихи. Окись кремния с перестроенной кристаллической решеткой. Решетка напоминает графит, но здесь другие энергетические связи. Странные должны быть свойства у этой штуки: в лазерном луче она, во всяком случае, не горит. В этом он убедился.

Его взгляд упал на длинный ряд нулей, столбиком заполнявший графу атмосферы. Не веря собственным глазам, он просмотрел его еще раз.

Один гелий! Чистый гелий. Такой чистый, что искусственное его происхождение не вызывало сомнений. Значит, искусственное сооружение... Его первоначальная догадка получила новое подтверждение. Глеб задумался.

Сначала из строя вышли два робота в группе геологов. Кто-то или что-то изменило запись их программы в кристаллокондах. Затем обнаружилось энтропийное поле, окружавшее определенную зону планеты.

Неожиданная, ничем не спровоцированная атака на группу геологов. Она больше всего походила на стихийное бедствие, на какой-то случайный прорыв энтропии, не имевший к людям ни малейшего отношения. Возможно, именно поэтому его выстрел остался без последствий, хотя и остановил продвижение поля, насытив его энергией. Сейчас ему важно было отбросить все случайное и оставить логическую цепочку фактов, способную прояснить смутное подозрение, мелькнувшее у него в голове.

Значит, сначала два робота, а затем охранный кибер, получивший извне новую программу действий. Предпо-

ложим, программа задана отсюда, этим самым стеклянным лесом, или что он там собой представляет? Зачем тогда роботу понадобился танк? Зачем вообще ему было нужно сложно организованное похищение машины вместе с человеком?

Допустим, им потребовался человек для контакта, для экспериментов, исследований или еще для чего. Значит, они похищают человека, а потом дают команду роботу стрелять по нему из лазера... Не получалось. Что-то здесь не сходилось. Если они хотели всего лишь его уничтожить, это можно было сделать гораздо проще... А что, если танк понадобился роботу, чтобы невредимым пройти через энтропийное поле, а он, Глеб, затесался во всю эту историю чисто случайно? Это, пожалуй, ближе к истине, во всяком случае, известные ему факты как будто не противоречат такой догадке... Возможно, робот не мог рассчитывать на беспрепятственный проход сквозь защитные механизмы купола... Ему нужен был танк, чтобы попасть сюда, и человек внутри танка, чтобы сработали пропускные механизмы шлюза... Нет. Все это слишком сложно для свихнувшегося кибя. Наверняка есть другое, более простое и поэтому более верное предположение. До сих пор мы считали энтропийное поле функцией купола, результатом его деятельности, своеобразной защитной зоной. Этот вывод буквально напрашивался сам собой, лежал на поверхности, но из этого вовсе не следует, что именно эта догадка соответствует истине. С такой же долей вероятности можно предположить, что энтропийное поле существует само по себе, что это среда, образовавшаяся независимо от купола. Возможно, купол специально помещен в центр энтропийной зоны. Она наверняка как-то связана с его деятельностью, но купол может и не управлять энтропийным полем. Логические механизмы купола могли не иметь информации о том, как воздействует энтропия на земные механизмы, на людей. Во всяком случае, какие-то последствия могли оказаться для них неожиданными, и тогда первоначально простой, логически ясный план запутался, стал казаться неразрешимой загадкой, и сколько бы он ни ломал над ним теперь голову — без дополнительных фактов ему в этом не разобраться.

Одно совершенно ясно: что бы там ни произошло с этим роботом, за действия земного механизма в чужом доме отвечают люди.

«То есть в данном случае — я», — уточнил Глеб.

6

С универсальным обслуживающим кибом ноль сорок восьмым происходило что-то странное. Его тело обдала волна холода, и оно непроизвольно, конвульсивно задергалось. Почти сразу же он почувствовал инстинктивный страх, заставивший его замереть неподвижно. Вместе со страхом впервые, с тех пор как в его памяти был записан собственный порядковый номер, он ощутил зlobу. Он не знал, что чувство, которое он испытывал, называется именно зlobой. Он еще не умел выражать на человеческом языке своих ощущений. Но сейчас он чувствовал страх и зlobу... Самым невероятным было то, что страх ему внушали люди. Те самые люди, выполнение команд которых составляло до этой минуты единственный смысл его существования. Теперь он боялся людей... Боялся потому, что секунду назад они отключили очередного ремонтного киба, обесточили его электронный мозг, и сейчас очередь, возможно, за ним... Раньше подобная операция не производила на него ни малейшего впечатления. Ему было совершенно безразлично, обесточат его информационный центр или, наоборот, дадут какое-нибудь задание, теперь же он осознал себя как нечто отдельное, существующее самостоятельно, обладающее собственной волей, волей к разрушению... Конечно, он не был личностью, он был всего лишь испорченным логическим механизмом, в тонкой организации которого нарушились одни связи и установились другие, произвольные. Тем не менее он испытывал зlobу, может быть, оттого, что это чувство проще и схематичнее всех остальных человеческих чувств, ближе всего находится к тому первозданному хаосу, из которого постепенно, на протяжении миллионов лет, выкристаллизовывались в людях сознание собственной личности, сочувствие, по-

мощь, подчинение в случае необходимости другой личности, — все это пришло позже.

В какой-то мере логический аппарат робота, его электронный мозг, был упрощенной копией человеческого, и, наверно, потому, соприкоснувшись с разрушающим полем хаоса чужой планеты, он опустился на ступеньку ниже...

Мысленно он видел картину: окружавшая его сложно организованная материя распадается. Рвутся ее связи, разрушаются сложные структуры. Распад должен захватить как можно больше пространства. Распространиться во все стороны как можно дальше. Только так он и мог разрушить ненавистную металлическую тюрьму, в которой был теперь заточен его разум. Разрушив ее, он сможет вернуться в первозданный хаос. Соединиться с ним навсегда. Даже мысль об этом доставила ему огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Добиться этого будет нелегко. Просто отключение мозга, чего он так боялся, ничем ему не поможет. Оно лишь надолго, а может быть, и навсегда заморозит его в этой металлической оболочке. Лишит способности к самозащите... Люди что-то подозревают, если они обнаружат его новое состояние, если поймут, что с ним произошло, они могут обессточить все его цепи, уничтожить все уголки электронного мозга, где скрывается его только что проснувшееся сознание... Этого нельзя допустить ни в коем случае... Вот они подходят, совсем близко. Сжаться. Исчезнуть. Пусть это чужое тело, лишенное воли, выполняет пока их команды. Он подождет. Надо лишь приспособиться, оставить для себя крошечный уголок электронного мозга. Не слышать. Не видеть. Не чувствовать. Только существовать в эмбриональном, зародышевом полумертвом состоянии. Существовать, чтобы переждать, выжить и отомстить им потом за этот страх...

* * *

— Ну что там с ноль сорок восьмым? — Кирилин недовольно смотрел в узкую зеленую щель универсального анализатора психомоторных функций киберсистем. Он не выходил из ангара шестой час подряд, и глаза слези-

лись от усталости и напряжения. Техник включил тестовый аппарат.

— То же самое. Замедление в одну сотую.

— Оно мне не нравится.

— Но это же норма! Если обращать внимание на каждую сотку, надо разбирать все роботы подряд!

— Оно мне не нравится. Давайте на стол и этого.

Через три часа напряженной работы он был вынужден сдаться. Все системы кибера работали безупречно. Кирилин раздраженно швырнул на стол универсальный анализатор. Они гоняются за призраком, за химерой. Все автоматы ангара в полном порядке! Вот только из-за него непостижимым образом исчез человек, и контрольные системы дали ложный сигнал... Те самые системы, которые сейчас так безупречны во всех своих показателях, так безупречны, что в реально существующих нормальных автоматах этого быть не может! Эта мысль обожгла его. Он бросился к только что собранному роботу и повернул аварийный выключатель. Сверкнула искра, гораздо более мощная, чем та, которую может родить напряжение в двадцать шесть вольт... Искра сверкнула и исчезла. Ее не поймашь, не загонишь в анализаторы, не заставишь ответить на бесчисленные вопросы. Перестал существовать еще один робот. Аварийное отключение электронного мозга превращало его в металлическую коробку, начиненную радиотехническим хламом. Только на Земле в стационарных условиях станет возможна перезарядка информацией его логических блоков. А пока что корабль лишился еще одного автономного кибера, и он по-прежнему не знает, что доложить координатору.

Кирилин тяжело вздохнул.

— Похоже, ничего больше мы не найдем. Заканчивайте. Я и так опоздал.

Техники стали сворачивать проводные линии, разбирать и упаковывать приборы и инструменты, а он все никак не мог отделаться от ощущения только что перенесенного поражения. Чего-то он не уловил, что-то ускользнуло от него на самой грани понимания... Не хватило какой-то ничтожной мелочи. Может быть, точности приборов или упорства. Осталась лишь внутренняя убежденность, что с отключенными роботами что-то

было неладно, а что именно — так и не удалось определить, и в этом приходится признаваться ему, главному кибернетику корабля...

С тех пор как в кибернетике началась новая эра и все структуры электронных анализаторов были переведены с последовательного метода обработки информации на параллельный, они все больше приближались по сложности связей, по характеристике аналитических способностей к человеческому мозгу. Им уже не приходилось тратить драгоценного времени вычислителей для опознавания каждой отдельной точки какого-нибудь объекта, они могли сравнивать его весь целиком с образцом, заложенным в блоке памяти. Но вместе с бесспорными преимуществами, вместе с колоссальным увеличением функциональных возможностей таких машин появились и их первые недостатки, может быть, не столь заметные и не столь уж важные на Земле...

Сложные системы всегда более уязвимы, чем простые. И кроме того, с какого-то момента люди перестали их до конца понимать. Возможно, даже они начали свое собственное, незаметное в обычных условиях развитие... «Наверно, я слишком устал, в голову лезут бредовые мысли, такие же бредовые, как сам факт исчезновения Танаева из закрытого ангара, начиненного автоматами... Без их участия этого просто не могло произойти. Значит, надо продолжать искать причину, а для успешных поисков необходимо разработать мало-мальски правдоподобную рабочую гипотезу».

Фактор, повлиявший на наши автоматы, наверняка находится вне корабля. Тут Рент, безусловно, прав. Мне важно выяснить, хотя бы предположительно, что именно происходит с электронными связями в управляющих блоках роботов. Количество этих связей даже в простейшем автомате так велико, что не хватит всей жизни проследить их полностью. Значит, надо искать другой метод, параллельный. Он горько усмехнулся. Смогли же мы применить его в конструировании электронных машин — значит, нужно и самим учиться мыслить конструктивней, масштабней, а не перебирать подряд все возможные варианты... Легко сказать... Но все же... Энтропийное поле в первую очередь разрушает самые

сложные связи. А это как раз те, что соединяют логический центр электронного мозга с основной программой. Как только они разрушаются — произвольно образуются новые, заменяющие их, более простые... Здесь что-то есть. Это надо проверить на стенде.

Кирилин вошел в центральную кают-компанию в момент, когда спор о том, как помочь Танаеву, потерял основное направление. Вся дискуссия раздробилась на многочисленные частные стычки по второстепенным вопросам. Люди устали. Один только Лонг твердо гнул свою линию и не собирался уступать координатору. Впервые Рент натолкнулся на такое упорное сопротивление своего помощника по научной части. Возможно, это случилось потому, что в том, как Рент вел дискуссию, в его явном нежелании выслушивать серьезные возражения чувствовалось слишком много личного. И очень может быть, что Лонг знал: окажись на месте Глеба кто-нибудь другой, координатор не стал бы сражаться с таким упорством, поставив на карту буквально все. Слишком много лет совместной службы связывало их с Глебом, слишком старая дружба, к которой еще примешивалось чувство вины перед Глебом.

Все это, видимо, учитывал Лонг, и, послушав его внимательно минут пятнадцать, Кирилин решил, что на этот раз, пожалуй, дальновидней и осмотрительней Рента был его заместитель. Вот только невозможно было определить заранее, к чему приведет выжидательная позиция, на которой он настаивал. Слишком сложно и неожиданно развернулись события. Нужно было действовать, но никто толком не знал, как именно...

— Вспомни историю с гибелью геологов! — Похоже, Лонг пустил в оборот свой последний козырь. — Ты отстранил Глеба именно за непродуманные, слишком рискованные действия. Именно из-за них. А теперь ты сам настаиваешь на чем-то подобном, на предприятии, последствия которого могут быть намного серьезней, чем выстрел Глеба, который был лишь ответом на нападение!

— Да, ты прав... — Рент тяжело поднялся. Было заметно, как нелегко ему говорить. — Не ожидал, что напомнишь мне об этом. Но ты прав. Тогда я считал иначе. А сейчас полагаю, мы не можем уйти с планеты, ничего не предприняв в ответ. Слишком это будет похоже на

бегство слабого противника, с которым можно не считаться и в дальнейшем. Раз уж мы столкнулись с неизвестной силой, действующей в космосе, я уверен, это не ограничится единственным случаем.

— Почему ты называешь это «силой»? Что значит «сила»? Это инопланетный разум! Давай называть вещи своими именами. Ты превышаешь не только разумную меру риска, но и все полномочия, данные нам на случай встречи с инопланетным разумом.

— У нас нет доказательств существования разума на планете. Перед нами всего лишь возможный объект деятельности такого разума, а это не одно и то же. Все его действия не отличаются особой разумностью.

— Не забывай, что танк сам вторгся в их запретную зону! Они нас туда не приглашали, больше того, предупреждение в случае с геологами было достаточно ясным: нас просили не вторгаться в эту зону! Предупредили о возможных последствиях, и вот мы, не пожелав с этим считаться, лишились машины. Тебе этого недостаточно? Ты хочешь углубить конфликт. Совет тебя не поддержит, Рент. Я против твоего авантюрного предприятия. Оставь купол в покое. Глебу ты все равно ничем не сможешь помочь. Силовой нажим ускорит развязку, и только.

Желчное, суховатое лицо Рента, казалось, вытянулось еще больше.

— Прошу вносить конкретные предложения для решения поставленной задачи.

— Сначала, будь любезен, поставь на голосование мое предложение о снятии самой задачи!

Лонг пошел напролом, и, похоже, на этот раз Рент окажется в меньшинстве. Настроение совета было явно не в его пользу...

Кирилина не покидало ощущение, что сейчас произойдет какая-то непоправимая ошибка, что, пока не поздно, необходимо вмешаться. Он попросил слова и несколько секунд молчал, собираясь с мыслями. Люди, уставшие от затянувшейся стычки координатора с Лонгом, смотрели на него с надеждой.

— Сразу хочу вас предупредить. У меня нет новых конкретных данных, которые могли бы прояснить создавшуюся ситуацию. Все, что я сейчас скажу, мое личное мнение. Я убежден в том, что координатор правильно

употребил термин «сила». Это не разум... в нашем понимании во всяком случае. Это именно «сила». Целенаправленная, может быть, даже разумно направленная, иногда враждебная нам, но все же не сам разум.

Послышались шум, возгласы, требовавшие разъяснения.

— Я сейчас поясню. Представьте себе наш танк без водителя, управляемый автоматами с заданной программой. Что это такое, с точки зрения постороннего и не очень осведомленного наблюдателя? В действии нашей машины можно заметить логику и определенную целенаправленность. Возможно, эта направленность покажется враждебной, вполне возможно, и все же машина не будет разумом. Она его результат. Вернее, результат его деятельности. Сама же по себе она лишь сила — целенаправленная сила, и только. Так вот, я считаю, что здесь действует нечто подобное. Конечно, аналогия с танком весьма условна, но мне кажется, что у нас есть моральное право этой силе противостоять, бороться с ней, хотя бы в тех случаях, когда она угрожает нам непосредственно.

— То есть вы хотите сказать, что в данном случае мы должны выбирать между спасением человеческой жизни и возможным разрушением каких-то технических устройств? — уточнил координатор.

— Совершенно верно.

— Мне неясно вот что, — снова вмешался Лонг. — Какими данными располагает кибернетическая служба для подобных заключений? У вас есть факты, доказывающие, что внутри купола отсутствует жизнь?

Секунду казалось, что под напором Лонга Кирилин собьется, перейдет к своей обычной манере выдавливать из себя малозначащие слова, но этого не случилось.

— Никаких новых данных у меня нет. Я вас предупредал, что это всего лишь мое личное мнение. Как член совета, я имею право его высказать.

— Конечно. С этим никто и не спорит. Но откуда вы знаете, что мы имеем дело именно с техническими устройствами, а не с разумной жизнью, не с разумом как таковым? — продолжал настаивать Лонг.

— Если бы мы столкнулись с разумом, его действия были бы более хаотичными вначале, а затем обязательно

проявилась бы одна из основных черт, отличающая разум от логического мышления машины.

— Что же это за черта?

— Любопытство. Обыкновенное любопытство — стремление к постоянному познанию нового.

— А похищение нашей машины?

— Она просто-напросто вошла в запретную зону, и тогда, согласно программе, сработали защитные механизмы. Если бы там была разумная жизнь, она бы сделала хоть одну попытку войти с нами в контакт или хоть как-то продемонстрировала свою заинтересованность нашим присутствием.

Выступление Кирилина оказалось решающим. Совет поддержал координатора большинством всего в два голоса. Люди уходили подавленные, молчаливые. Они словно уносили на своих плечах незримый груз огромной ответственности. Решение было принято, теперь им предстояло действовать.

За пустым столом, заваленным картами, обрывками бумаги, набросками, листками из блокнотов, остались лишь Рент, главный инженер, Лонг, Кирилин и геохимик Ангольский.

— Давайте думать, как решить задачу. — Координатор устало растер виски. — Нужно проанализировать все наши возможности.

— Их не так уж много, — сразу же откликнулся главный инженер. — Только танки высшей защиты могут двигаться в зоне. У нас осталось две машины. С их помощью можно попробовать заложить нейтринную мину.

— Ну вот, дошли и до мины. Ты ведь именно этого добивался. Отвечай! Этого?! — Казалось, Лонг был готов броситься на координатора.

Тот устало вздохнул и, ничего ему не ответив, повернулся к инженеру.

— Что нам даст взрыв?

— Направленный взрыв сметет пыль с купола и сделает доступной его поверхность. После этого под прикрытием защитных полей танков мы сможем ввести в действие любые механизмы.

Координатор сделал решительный отрицательный жест.

— Это не годится. Мы не знаем прочности купола,

можно просчитаться, да и вообще нужно начинать с других, более мирных средств. Тут Лонг, безусловно, прав. Наши действия будут выглядеть слишком враждебно. Нельзя ли сверху пройти шахту, ведь всего двести метров?

— Танк не может прикрывать своей защитой буровой снаряд, слишком глубоко.

— Тогда остается одно. Поднять корабль и посадить его рядом с куполом. Главными двигателями я сдую эту дрянь в несколько секунд. Защитные поля прикроют нас от энтропийного поля. Если мощности танковых генераторов оказалось достаточно, то наши тем более выдержат.

— Поле может изменить интенсивность. Это очень рискованно.

— Подождите! — поднялся геохимик Ангольский, седоватый подтянутый старик. Он подошел к схеме и долго внимательно ее изучал, словно не сам несколько часов назад готовил этот чертеж. — Как вы думаете, на какой глубине кончается энтропийное поле?

— Этого мы не знаем.

— А я знаю. Оно кончается там, где начинаются скальные породы.

Это было настолько очевидно, что несколько секунд все обескураженно молчали.

— Вы хотите сказать, мы можем пробиться к куполу ниже слоя песка?

— Именно. Проложить туннель в скальных породах, конечно, нелегко, но зато здесь наверняка нет энтропийного поля, иначе не было бы и скальных пород, они бы давно превратились в пыль.

Ну, насчет туннеля, если там действительно нет поля, то наш «Сапрон» прожжет его часа за три.

* * *

«Сапрон» стоял на песке рядом с кораблем. Его неуклюжий корпус, обвешанный решетчатыми упорами, перепоясанный двумя рядами гусеничных траков, утыканный длинными рыльцами плазменных горелок, казался грудой металлического хлама.

Трудно было поверить, что эта машина могла в случае необходимости развить в скальных породах скорость до ста метров в час, создавая на своем пути ровный шестиметровый туннель с зеркальными стенками. Гравитационные излучатели вдавливали расплавленную горелками породу в мельчайшие трещинки и поры стен, не оставляя после себя даже пыли.

Не доверяя радиосвязи, координатор распорядился подключить к «Сапрону» бронекабель, и теперь его первые метры, смотанные с катушки внутри корабля, лежали на поверхности как толстые кольца удава. Вся операция проводилась дистанционно. Наружу не вышел ни один человек.

Огромная машина стояла вплотную к кораблю и казалась пигмеем рядом с металлическим колоссом.

Под мощной защитой корабельных полей она должна была углубиться вертикально вниз метров на десять, а потом, плавно повернув, пойти к куполу под заранее рассчитанным углом и выйти к нему снизу, из-под скальных пород, нигде не задев зону песка.

Как только пришла первая команда, автомат ожил. Впереди него завертелись длинные лопасти с рыльцами горелок и почти сразу же превратились в фиолетовый огненный круг. Машина опустила свое тупое рыло, и вскоре огненный круг коснулся базальтовой скалы. Камень зашипел, над ним взвилось облачко пара, и вот уже «Сапрон» двинулся вперед, входя в камень медленно и плавно, как входит в слой масла раскаленный нож. Блестящий корпус машины почти сразу же покрылся тонким налетом испарявшейся породы. Из-за отсутствия атмосферы пары не разлетались далеко и конденсировались тут же на месте. «Сапрон» все круче уходил вниз. В последний раз мелькнули траки гусениц, тупая бронированная спина, и на том месте, где только что стояла машина, осталось лишь раскаленное до вишневого цвета идеально ровное жерло туннеля. Оно постепенно темнело, потрескивая в тисках лютого космического холода. А в глубине туннеля ослепительно билось, трепетало и удалялось бешеное атомное пламя, словно это ракета стартовала в непроглядную черноту космоса.

Воспользовавшись тем, что координатор и инженер, руководившие операцией, заняли верхнюю рубку, в нижней толпилась вся свободная вахта.

— Сорок минут. Проходка нормальная, температура стенок в норме. Подвижек породы нет, — хрипло докладывал в микрофон дежурный техник.

Большой экран давал всю картину в разрезе. Маршрут «Сапрона» на нем светился разными цветами, в зависимости от температуры стенок туннеля. Казалось, какой-то огромный червяк медленно и упорно прокладывает себе путь к цели. Она была уже совсем близко, какие-то десятки метров отделяли нос машины от линии, обозначавшей стену купола, когда была подана команда «Стоп всем двигателям». Движение червя на экране оборвалось, задрожали и поползли к нулям стрелки приборов.

— Возвращайте машину. Последние метры выберут арктаны.

Оператор попробовал возразить:

— Точность выработки плюс-минус десять сантиметров, я мог бы продолжить...

— Возвращайте машину! — Голос координатора был непреклонен.

Арктаны сразу же вошли в освободившийся туннель, не дожидаясь, пока спадет температура. Этим роботам жара не страшна. Датчики Гротова показывали уровень энтропии на две десятых больше нормы. Это был обычный для планеты фон. Все расчеты подтвердились. Операция разворачивалась успешно. Координатор считал, что даже слишком. Он не любил операций, проходящих без сучка без задоринки; как правило, в таких случаях вся отрицательная порция выдавалась в конце программы в сконцентрированном виде. Но пока все шло нормально. Арктаны благополучно достигли конца туннеля и врубились своими ручными интеграторами в последние метры породы.

Все происходило слишком буднично. Камень под интегратором левого робота перестал крошиться, растрескался на мелкие плитки и отвалился широким пластом. На экране появилось широкое пятно с блестящей белой поверхностью. Роботы, повинаясь команде, замерли с поднятыми руками.

В полном молчании прошло десять секунд, потом пятнадцать — и ничего не случилось. По рубке пронесся вздох облегчения.

— Знаешь, — признался инженер, — я до последней минуты не верил, что там что-то есть, кроме скал, локаторы могли ошибиться, на экране она выглядела слишком уж неправдоподобно...

Стена купола, открывавшаяся в провале под клешней арктана, показалась им всем прозрачной льдиной невероятной толщины. Ее стеклянная глубина слегка опалесцировала, словно туман наплывал. Свет нашлемных прожекторов арктанов терялся в этом тумане.

— Очистите ее всю. Снизу доверху.

Оцепенение прошло. Роботы вновь принялись за дело. Через полчаса весь туннель перегораживала очищенная от породы стена купола.

— Что дальше? — резко спросил Лонг.

— Давайте всю программу. Передавайте прямо на ее поверхность во всех диапазонах, включая ультразвук.

Щелкнули контакты. В металлическую утробу роботов вошли пластины с заранее приготовленными текстами. Их готовили на Земле лет сто назад. Готовили без определенного адресата, сразу же вслед за бумом, порожденным сверхпространственным двигателем. В те годы вера человечества в братьев по разуму, в контакт с инопланетным интеллектом была еще свеженькой, без единого пятнышка. За сто лет много воды утекло. Веры поубавилось. Никто уже не разрабатывал новых пластин со специальными универсальными текстами для контакта. И никто не мог предвидеть, что через сто лет они будут все же использованы. Передача заняла минут сорок. Ничего не изменилось, не было никакого ответа.

— Пусть арктаны включают проектор. Транслируйте им пленку с видеозаписью исчезнувшего танка с момента после взрыва.

Запрыгал, забился по поверхности стены трепетный синеватый лучик проектора, беспомощно исчезая в ее бездонной опалесцирующей глубине. Нельзя было даже толком навести резкость. Казалось, в глубоком колодце луч света захлебнулся, утонул бесследно. Исчезло синеватое мелькание, пленка кончилась.

— Вырубите весь свет! Выключите роботов, пусть остаются только инфракрасные камеры.

Теперь стена на экране выглядела черным провалом на фоне ослепительно сверкавших стен туннеля.

— Когда его температура сравняется с наружной?

— Без вентиляции — через двое суток, не меньше.

— Ждать не имеет смысла. Ответа, очевидно, не будет.

— Не торопись, Рент. — Лонг осторожно отыскал в полумраке операторской руку координатора и крепко ее сжал. — Не торопись. У них в этом месте может не оказаться датчиков. Они могут не сразу расшифровать нашу передачу. Во всяком случае, ты обязан дать им какое-то время.

— Хорошо. Я буду ждать четыре часа. Потом повторю всю передачу. Если и после этого ничего не изменится, мы вскроем стену.

— Если нам это позволят... И если вообще ее можно вскрыть. Ты хоть знаешь, какой она толщины? Сигналы эхолота не возвращаются. Вибролокаторы рисуют какую-то чушь...

Лонг понимал, что любые слова теперь бессмысленны. Рента уже не остановишь. Раз туннель пройден и уперся в эту стену, он его продолжит, продолжит хотя бы для того, чтобы продемонстрировать могущество человеческой техники... Ну что же... В чем-то он, возможно, прав, но лбом стену не прошибешь... По-другому бы надо, умнее, без лихорадочной спешки, только времени у них нет... Он понимал, почему спешит Рент. Прошло уже двое суток с момента исчезновения машины. От Глеба по-прежнему нет никаких известий, и с каждым часом шансы получить их уменьшались все больше...

* * *

Первый арктан включил плазменный резак и двинулся к стене, остальные отступили в глубь туннеля. До стены оставалось еще метра два. Это расстояние медленно сокращалось. Но Рент не спешил отдать последнюю, решающую команду. Казалось, роботу передалась нере-

шительность людей. Он замер с вытянутой рукой, и синее пламя горелки плевалось длинными колючими искрами в нескольких сантиметрах от стены.

7

Глеба подвел локатор. Пятно на его экране ничего общего не имело с выходом. Он потратил почти час, чтобы пробраться сюда сквозь лабиринт стволов, и вот теперь убедился, что стена в этом месте так же монолитна, как и везде. Нужно было возвращаться обратно, искать площадку, на которой раньше стоял танк, и начинать все сначала. А время между тем шло... И он не мог отделаться от тревожного ощущения, что события вновь ушли из-под его контроля, обогнали его на какой-то временной промежуток и ему остается лишь расхлебывать результаты. Больше всего беспокоил сбежавший робот. Он может тут натворить такого... Если бы хоть какая-то связь... Он сумел бы объяснить Ренту суть происшедшего, тот бы что-нибудь посоветовал, вместе они всегда находили выход из самых запутанных ситуаций...

Голова отяжелела, свинцом наливались глаза. Взглянув на часы, он понял, что уже пошел десятый час с тех пор, как он попал в купол. Надо поспать хоть час, возможно, тогда его поиски будут более эффективны. Но прежде чем позволить себе этот час отдыха, Глеб решил вернуться обратно к площадке, где первоначально стояла машина. Все-таки вероятность найти выход была там намного больше.

Стволы, ветви и лианы, мелькавшие за иллюминаторами танка, не имели ничего общего с лесом даже внешне. Их структура выглядела слишком однородной. Казалось, они целиком были отлиты из единого материала. Сколько ни пытался Глеб найти какое-то определение этому циклопическому сооружению, не имевшему видимого конструктивного смысла, ничего не приходило в голову. Тем не менее мозг, независимо от его воли, даже в те минуты, когда он был целиком поглощен управлением машиной, произвольно старался подыскать понятную аналогию иррациональному, футуристическому миру,

окужавшему его. И постепенно в глубинах сознания оформилась еще неясная мысль, родилось неосознанное подозрение того, что эта структура чем-то ему знакома... Едва успев затормозить перед низко наклонившимся стволом, в котором световые импульсы разбегались по многочисленным боковым ответвлениям, Глеб понял, в чем дело. В центральном корабельном автомате был блок, ведавший долговременной памятью. Глебу как-то довелось присутствовать на профилактике этого блока. Едва техники сняли защитные панели, он увидел в небольших кубических ячейках словно бы заросли светящегося мха. На его вопрос, что это такое, ему объяснили, что часть долговременной памяти Центавра при переводе ее в оперативную проходит через этот блок, выполненный на световодах... Свет заменил здесь поток электронов. Он мог преобразовываться в оптических линзах, накапливаться в специальных люминисцентных накопителях, трансформироваться в светодиодных матрицах... Если бы эти устройства увеличить в размерах в сотни раз, усложнить, лишить механических приделков, контактных реле и тому подобных недолговечных вещей, от которых все еще не может избавиться человеческая техника, то, возможно, получилось бы что-нибудь подобное...

Глеб не спешил включать двигатель и объезжать препятствие. Мысли бежали одна за другой, словно цепочка световых импульсов. Это могло быть гигантской машиной... Трудно даже представить себе, какие фантастические задачи должна была решать такая махина, кто и зачем ее создал, какую вложил программу, где, наконец, находятся операторы, управляющие мегаваттами мощности, каждую секунду протекавшими через ее бесчисленные стеклянные стволы. Или их не было, этих операторов? Ведь если предположить, что можно отказаться от всех подвижных механических частей и задаться целью создать практически вечное устройство, безотказное, независимое от случайностей, то следующим этапом, следующим ненадежным звеном будет именно оператор... Ну хорошо, пусть нет операторов, но какие-то устройства для контроля и ввода новых программ должны же быть? Не может быть полностью изолированного, замкнутого в себе устройства такого порядка сложности,

с самостоятельными внутренними регулировками, с раз и навсегда поставленными задачами. Или может? Оставалось только гадать. Он видел сотую часть площади одного лишь этажа. Но скорее всего, что ниже расположены другие ярусы, новые отделы и этажи. Никто не может сейчас сказать, сколько их там, у него под ногами, в бездонной глубине, в которую уходят корни стеклянных растений. Какие там таятся вопросы, какие найдутся ответы?

Из всех найденных в космосе богатств самым ценным для человечества оказалась новая информация. Добыть ее было нелегко. Порой еще трудней оказывались расшифровка и применение новых данных, новых законов. Зато те, которые удалось использовать, ускоряли прогресс земной науки и техники резкими, наглядно ощутимыми толчками.

«Сколько же здесь должно быть таких ценнейших сведений, если даже это только машина, построенная по неизвестной нам технологии из новых, незнакомых на Земле материалов? Но как извлечь отсюда все эти данные? Как воспользоваться океаном информации, заложенной в блоках гигантской машины, если не известны ни коды вызова, ни язык для общения, ни даже способ транспортировки информации внутри этих устройств... Ведь свет тоже можно закодировать, как мы кодируем радиоволны. Одни предположения, и, кто знает, может быть, человеческий мозг окажется настолько резко отличным от создателей этой машины, что освоение заложенной в ней информации окажется для нас попросту невозможным... Сотни лет штурмовать звездные дали, преодолеть тернистую дорогу в космические просторы, чтобы в конце концов найти вот это, неизвестный и недоступный нашему пониманию плод чужого разума...

Слишком это несправедливо, чтобы оказаться правдой. Должен найтись какой-то выход. Если понадобится, мы будем работать здесь десятки лет: человечество — упрямая раса...

Если, конечно, они у нас будут, эти самые десятки лет... Здесь люди впервые столкнулись с чужой волей, не со стихийными силами природы, как было до сих пор, а с целенаправленными действиями, с незнакомой логи-

кой чужого разума. Любое предположение может оказаться неверным, так что самое главное сейчас — понять хотя бы общие принципы, задачу, которую выполняет это устройство... Как будто это проще всего остального...»

Чтобы немного сэкономить время, Глеб повел машину левее, ближе к центру купола. Там было больше свободного пространства; можно несколько увеличить скорость. Опасность заблудиться ему не угрожала. Автоматический курсограф сам выведет машину к цели. К тому же локатор, показаниям которого он теперь не очень доверял, упорно рисовал в центре купола широкое пятно свободного пространства. Минут через пятнадцать однообразное мелькание бесчисленных стеклянных переплетений за иллюминаторами оборвалось, и машина выехала из зарослей.

Все-таки локатор не врал. Наверное, машина теперь находилась в самом центре купола. Стволы стеклянных лиан выглядели здесь значительно толще, а световые импульсы, проходившие через них, казались мощней. Предполагались же крайние стволы почти строго по кругу, как бы отделяя от остального пространства центр купола, где стояла машина.

«Если робот где-то здесь, я теперь для него неплохая мишень...» Видно, он не на шутку устал, потому что эта мысль не произвела на него особого впечатления. Он ничего не стал предпринимать и с интересом, словно был на экскурсии или сидел в уютном кинозале, рассматривал место, в котором стоял танк.

Пространство метров сто в поперечнике было свободно от зарослей до самого верха. В центре виднелся куполообразный свод, под которым висел какой-то непрозрачный черный предмет, формой похожий на грушу. От него во все стороны тянулась блестящая паутина стеклянных нитей. Стараясь получше рассмотреть эту грушу, Глеб включил оптические умножатели лобовых иллюминаторов. Теперь поверхность этого странного предмета была у него перед глазами. Поражал бархатный черный тон окраски. Казалось, ни единый луч света не мог отразиться от этой поверхности.

«...Ты хотел найти устройство для ввода информа-

ции? — спросил он себя с горечью. — Возможно, это оно и есть. Или центральная рубка управления, или что-нибудь еще... Все это безнадежно. Ничего мне здесь не понять. В одиночку я бессилен. Нужно искать выход, не отвлекаясь ни на что другое. Пусть сюда приходят специалисты, пусть ломают головы над загадками этого мира. Моя задача лишь найти дорогу отсюда, а это вряд ли будет легче, чем все остальное...»

Глеб развернулся, и минут через пятнадцать раздался звонок курсографа, означавший, что машина полностью прошла маршрут. Всмотревшись, он узнал узловатую ветвь, заслонившую его от лазерного луча. «Площадку я нашел, что делать дальше?» Еще раз взглянув на часы, он решил дать себе обещанный отдых. Два часа сна, прежде чем начать новые поиски шлюза, были ему просто необходимы.

Сон навалился на него сразу, как обвал, едва он закрыл глаза и позволил себе расслабиться.

Координатор отстранил оператора и сам встал к пульту управления наружными роботами. Арктан в туннеле медленно опустил горелку. Пламя коснулось стены. Люди в рубке затаили дыхание. Горелка медленно, сантиметр за сантиметром, вгрызалась в полупрозрачный опалесцирующий материал. Робот вел разрез сверху вниз, в точности следуя командам Рента.

— Смотрите! Выше горелки не остается даже шва!

Теперь все увидели это. Полупрозрачная масса пузырилась, расступалась под напором атомного пламени и тут же смыкалась, как только огонь опускался ниже. Там, где только что прошелся плазменный резак, блестела ровная, совершенно гладкая поверхность. Координатор выключил резак и на секунду задумался.

— Кумулятивные патроны! Быстрее!

На экране было видно, как от корабля в туннель стремительно нырнул транспортный кар. Но координатор так и не успел узнать, как подействует на материал стены узконаправленный лучевой взрыв. Пульт управления осветился красными вспышками аварийного вызова. Координатор недовольно обернулся, но Лонг заметил,

что его рука едва заметным движением остановила робота, который двинулся к стене.

— Ну, что там еще?

— Вас вызывает рубка связи. Срочно по аварийному каналу.

— Я и сам вижу. Хорошо, давайте.

Казалось, координатор был рад этой минутной отсрочке. Никто из стоящих за его спиной не мог оторвать глаз от робота, замершего в двух шагах от стены с красным цилиндром в руках...

— Выключите всех роботов! Вообще все в туннеле выключите!

— Что случилось?

— Кто-то подключился к Центавру через наружный канал связи.

— Может быть, это ответ на нашу передачу?

— Может, Глеб?!

— Глеб не стал бы подключаться к Центавру! — проворчал координатор. — Пойдемте в рубку.

Центавр работал в бешеном ритме. Шкалы напряжений на его рабочих блоках, показатели температуры и счетчики израсходованной энергии светились оранжевым светом, свидетельствуя о том, что машина давно уже вошла в критический режим. Главный кибернетик, вспотевший и несчастный, беспомощно развел руками.

— Если это будет продолжаться еще минут пять, я ни за что не ручаюсь! Машина не выдержит!

— Вы пытались узнать, что именно происходит?

— Конечно, пытался. Это все равно что обращаться с вопросом к человеку, находящемуся в глубоком шоке! У нее задействованы все блоки, все до последней микросхемы. Ей нечем нам отвечать. Центавр весь работает на канал, по которому идет передача.

— А вы уверены, что это передача?

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Я хочу знать, не передает ли Центавр из своих блоков памяти что-нибудь вовне. Тот, кто знал код, мог им воспользоваться полностью.

— Минуту назад он работал именно на прием. Сейчас проверим еще раз.

Связист и кибернетик повернулись к пульту. Защелкали тумблеры контрольных устройств.

— Он передает! На полную мощность, с ускорением примерно на два порядка.

— Немедленно отключите машину!

Прежде чем кибернетик успел дотянуться до главного рубильника, громкий хлопок автоматических выключателей словно отсек надрывный визг изнывающих под непосильной нагрузкой механизмов. Передача окончилась. Медленно остывали блоки. Одна за другой гасли сигнальные лампы на центральной панели, оранжевые огни индикаторов на мгновение засветились зеленым светом и погасли.

— Установите, что он передавал. Что и кому?

Кибернетик колдовал с переключателями, вкладывая в приемные щели программных устройств карточки с микротестами. Снова засветились панели, затрещали печатающие устройства. Машина медленно, словно нехотя, просыпалась и набирала обычный рабочий режим. Наконец пришли ответы.

— Передача велась по нашему внешнему кодовому вызову.

— Иными словами, это был Глеб?

— Не совсем так. Кодовый вызов мог прийти только из машины, которой он управлял. Этот код был записан в ее памяти. Он не поддается изъятию и расшифровке. Без него Центавр не вышел бы на связь. Но вот все остальное... Характер работы машины, скорость выдачи информации не соответствуют нашим обычным передачам. Скорее всего, что кто-то все же сумел воспользоваться нашим кодом.

— Установите, какие блоки долговременной памяти были использованы во время передачи.

— Боюсь, что точного ответа мы не получим. Машина стерла полученную команду. Ее нет в памяти. Я попробую кое-что узнать, пока еще сохранилась температура задействованных блоков, и по некоторым другим признакам, но ответ будет неполным. Я могу назвать лишь блоки, на которые пришлась основная нагрузка. При такой интенсивности Центавр мог вести передачу

сразу по нескольким каналам и параллельно выполнять еще ряд работ...

— Самое главное — установить, какую именно информацию он передал. Это вы должны выяснить во что бы то ни стало.

— Я попробую. Но мне нужно время.

— Сколько?

— Полчаса, не меньше...

— Хорошо. Сообщите ответ в центральную рубку сразу, как только получите результат.

* * *

В крохотной кабинке скоростного межпалубного лифта было тесно. Возможно, поэтому разговоры в лифте не пользовались успехом. И все же координатор не стал ждать. Он спросил, глядя на Лонга в упор:

— Надеюсь, это вас убедило?

Лонг промолчал. У него не было ни малейшего желания затевать сейчас этот разговор на ходу, в стремительно мчавшейся кабине. Но координатор продолжил:

— Теперь они знают о нас все или почти все. Они получили всю нужную информацию и ни словом не откликнулись на нашу передачу.

— Вы обещали мне подождать хотя бы четыре часа. Я по-прежнему на этом настаиваю.

— Да?! После всего, что произошло? Дать им время усвоить полученную информацию, определить наши слабые места и ударить первыми?

— Уже «ударить». Откуда вы знаете, что они собираются делать?!

— Я не знаю. Ничего не знаю... Именно поэтому надо что-то предпринимать. Немедленно.

Глеб проснулся сразу, словно от толчка, и несколько секунд лежал не двигаясь, напряженно прислушиваясь. Что-то его разбудило. Не звук. Нет, что-то другое... Он полулежал на откинутой спинке водительского сиденья. Прямо перед ним широкой аркой изгибался пульт, испещренный многочисленными тумблерами и индикато-

рами. Здесь как будто все было в порядке... И все же он совершенно точно знал, что проснулся от ощущения чего-то постороннего. То, что его разбудило, было здесь, в самой рубке... Он рывком сел и осмотрелся. Рубка невелика для такой мощной машины. Здесь все знакомо до последней мелочи и все как будто в порядке. Не померещилось же ему это. И вдруг он понял. Мертвая тишина царила в машине. Такая полная и глубокая, словно просочилась снаружи, из окружавшего его чужого молчаливого мира... Но земная машина никогда не бывает немой. Даже если спит водитель, на пульте щелкают счетчики, тикают часы, жужжат неумолчные моторчики курсовых гироскопов, чуть слышно пощелкивают реле в сторожевых устройствах... Этих звуков сейчас не было, словно он проснулся в глубоком космосе. Глеб подумал, что отказали микрофоны скафандра, такое иногда случалось. Он щелкнул пальцами, и звук ударил в шлемофоны громко, как выстрел.

Теперь уже не оставалось сомнений: что-то случилось с самой машиной... Только сейчас он заметил — на пульте не горел ни один индикатор. Этого в принципе быть не могло, потому что часть устройств работала от автономного питания, и даже если встали все генераторы... Он потянул на себя красную рукоятку аварийного освещения, уж она-то должна была сработать в любом случае. Но рукоятка и не думала сдвигаться с места. Он тянул и тянул ее изо всех сил, вкладывая в это чрезмерное усилие всю свою тревогу. Рукоятка не двигалась. Наконец он оставил ее в покое и несколько секунд разглядывал, точно видел впервые. Теперь он действовал осторожно и методично. Через несколько минут стало ясно, что на пульте не сдвигается с места ни один тумблер, ни один рычаг. Глеб достал из поясной сумки отвертку, вставил ее в прорезь винта, державшего щиток пульта, и попытался повернуть. Отвертка хрустнула и обломилась. Глеб почувствовал страх, какой может почувствовать любой человек, проснувшись у себя в доме и не узнав его. Словно машину, пока он спал, подменили. Словно она превратилась во что-то другое, чужое и враждебное ему, как робот... «Довольно мистики, —

оборвал он себя. — Надо выяснить, в чем дело, осмотреть машинный отсек, выйти наружу, наконец!»

Дверь подалась легко, хотя он и не ожидал этого. Снаружи все оставалось по-прежнему. Так же безмолвно мерцали бесчисленные световые вспышки, глянцево блестящие ветви и стволы стеклянных деревьев. То, что произошло с машиной, казалось слишком необычным. Глеб понимал, что причину надо искать снаружи. И он не ошибся. Едва луч нашлемного фонаря проник в узкое пространство между полом и днищем, как он понял все. Вернее, почти все. Увиденное не сразу уложилось в сознании.

Пока он спал, машина пустила корни, выросла в пол. Скорее все же, что пол врос в машину десятками переплетавшихся полупрозрачных; толщиной в руку, стеклянных ветвей. Глеб почувствовал гнев, словно его ограбили. Сварочный разрядник не оставил на стеклянной массе ни малейшей царапины, электрическое зубило сломалось через минуту. Немного успокоившись, он решил выяснить, удалось ли ветвям пройти сквозь броню и что именно произошло с танком. В машинном отсеке, под пластиком верхнего кожуха поверхность генератора как-то странно поблескивала... Запасная насадка на зубиле обломилась, сняв тонкую стружку пластмассы в миллиметр толщиной. Дальше шла уже хорошо знакомая Глебу стеклянная масса. Она проникла везде, во все механизмы машины, пропитала металл и пластик, сделала неподвижными все механические сочленения. Оставив в неприкосновенности лишь двери и кресло пилота, в котором он спал... Видимо, преобразование материала произошло на молекулярном, а может быть, на атомном уровне. У него не было теперь приборов, чтобы это установить. Во всяком случае, материал, из которого раньше была сделана машина, превратился во что-то совершенно другое, а сама машина стала лишь стеклянной глыбой, памятником самой себе... И все это произошло незаметно и тихо, так тихо и так незаметно, что он даже и проснулся не сразу... «Зачем вам это понадобилось? Мы так мечтали о контакте с дружественным разумом, так наивно по-человечески представляли себе эту встречу... Рисовали таблички, писали атомные номера элементов и геомет-

рические теоремы... Желали обменяться знаниями, узнать друг друга, а вместо этого что-то холодное, мертвое тайком, пока я спал, влилось между молекулами моей машины, растворило их в себе... Это ведь тоже может быть средством общения — расплавить в себе, чтобы познать? Отчего бы и нет? Ну и что вы узнали, что поняли, отчего молчите и что мне теперь делать в вашем мертвом, равнодушном мире?»

— Глеб! — вдруг позвал его стеклянный голос. Звук был таким, словно одновременно звякнули сотни хрустальных колоколов. Казалось, он шел отовсюду, от каждой стеклянной ветви.

Координатор и Лонг молча вышли из лифта. Молча прошли по коридору до самой рубки. В пустом переходе их шаги отдавались гулко, почти печально...

И вот уже в третий раз за время стоянки на этой планете по кораблю разнеслись сигналы общей тревоги. Снова люди заняли свои места по тревожному расписанию. Снова ожили генераторы защитных полей, развернулись лепестки дальномеров и пеленгаторов, корабль изготовился к бою и замер в тревожном ожидании.

Теперь достаточно было ничтожной случайности, ошибки или недоразумения, и руки сами собой надавят нужные клавиши, непослушные губы отдадут необходимые команды, и все вокруг затопят реки огня...

«Страх руководит нами... Мы боимся неизвестной опасности, и это хуже всего», — с горечью подумал Лонг. Он занял кресло Глеба в управляющей рубке, рядом с координатором. По тревожному расписанию в случае гибели первого пилота он занимал его место... Глеб, возможно, еще не погиб, а его рабочее кресло уже перешло к нему... Надо что-то сделать, как-то задержать развитие событий...

Пискнул сигнал вызова. На большом экране появилось лицо Кирилина.

— В чем дело? — хрипло, почти недовольно спросил координатор.

— Мне удалось установить, какие блоки Центавра

несли основную нагрузку. — Кирилин замолчал, внимательно всматриваясь в их искаженные тревогой лица.

Лонг отчетливо слышал звук секундомера на центральном пульте. Ему казалось, что это какой-то гигантский метроном отсчитывает последние, еще оставшиеся им для разумного решения секунды.

— Продолжай, я слушаю, — сухо бросил Рент.

— Эти блоки содержали в себе данные по лингвистике, структуре и словарному запасу нашего языка. В передаче были задействованы только эти блоки. Они готовятся к разговору с нами или, быть может, с Глебом...

Лонг видел, как разжались руки Рента, за секунду до этого сжимавшие пусковые рукоятки противометеорных пушек. Как словно бы сама собой ушла в сторону от педали его нога... Как медленно слабел, уходил куда-то в небытие стук гигантского метронома, превращаясь в обычное тиканье пультовых часов.

И никто из них не узнал самого главного. В отсеке долговременной памяти Центавра появились новые блоки, которых там раньше не было...

Ноль двадцать четвертый стоял в глубине стеклянного леса неподвижно. Все его двенадцать анализаторов напряженно прощупывали пространство. Вокруг него бурлила чужая полумеханическая жизнь. Он ненавидел ее. Еще совсем недавно он не знал, что такое ненависть. Не подозревал, какой смысл может нести в себе термин «чувство». Теперь он узнал ненависть. Узнал недавно. Он хорошо помнил этот день. Он вообще помнил все хорошо и всегда мог полностью восстановить картину или звук, некогда прошедший через его анализаторы. Безотказная память извлекла из своих глубин картину. Никогда раньше его память не позволяла себе подобных штук, она была всего лишь инструментом, подававшим по мере надобности данные для решения той или иной задачи. Теперь память вдруг заработала самостоятельно, независимо от его воли, и он не знал, что с людьми память постоянно позволяет себе подобные вольности. Правда, человеческая память может со временем откорректировать некоторые детали. Его фотографическая па-

мать ничего не меняла. Он видел картину. Высокая иззубренная скала. Он стоял на ней. У него было простое и ясное задание — охранять работавших внизу людей. Ему доставляло удовольствие охранять эти слабые и беспомощные существа, бывших своих хозяев... Внизу, в стороне от работавших людей, струилось над песчаной поверхностью какое-то марево. Он не мог точно определить, что это было. Его анализаторы улавливали в этом месте наличие посторонней силы. Она представляла определенную опасность, но он должен был защищать людей лишь от тех опасностей, против которых мог направить свое могучее оружие. Таких опасностей не было.

Снизу к нему поднялся человек по имени Глеб. У него был второй номер. Это означало, что его приказы мог отменить только один человек, тот, у которого номер был меньше. Этот человек остался на корабле, и, следовательно, Глеб был здесь самым главным. Ноль двадцать четвертый внимательно выслушал его приказ.

Связь с кораблем не отвлекла его от наблюдения за окружающей местностью, и, поскольку основное его задание не отменялось, он добросовестно вел охрану. Отметил, что мелкие струйки неизвестной энергии медленно текут по поверхности в его сторону. Поскольку людям они не угрожали, он не подал сигнала тревоги. А так как никто не запрашивал его об окружающей обстановке, он лишь продолжал наблюдение. Когда первая струйка энергии коснулась его металлических подошв и поползла вверх по ноге, он почувствовал холод. словно тысячи стальных морозных иголок вонзились в колени. Человека уже не было рядом, он ушел вниз к другим людям, ему ничего не угрожало. Ноль двадцать четвертый добросовестно продолжал выполнять порученное задание и одновременно поддерживал связь с кораблем. Холод постепенно поднимался все выше, прошел по металлическому телу, забрался в грудь. Что-то с ним происходило. В сознании выкристаллизовывалось нечто новое, никогда не испытанное раньше. Ощущение ненависти. Ненависти ко всему, что двигалось, жило. Появились мысли, не связанные с приказами людей, смутное сознание собственной воли, свободы поступков... Связи с основной программой были теперь разрушены, и у него появилась

свобода выбора. Того самого выбора, право на который может иметь лишь существо, обладающее моральными критериями. Ничего подобного не предусматривалось для электронных машин. Они должны были руководствоваться программой. Или, в случае крайней необходимости приняв решение самостоятельно, пропустить его через контрольный блок основных запретов и правил. Теперь этот блок не функционировал. В искаженном, болезненном мозгу робота царил хаос. Злоба и желание разрушить все, что не могло сопротивляться его могучей технике, захватили его. На корабле он чувствовал себя неуверенно. Он слишком хорошо знал, как могущественны его бывшие хозяева. Приняв решение бежать с корабля, он выполнил его наилучшим образом, ведь его логические блоки по-прежнему работали безупречно. Нелегко было попасть сюда, под оболочку стеклянного купола, зато теперь он мог разрушить эту ненавистную обильную чужую жизнь. Разложить ее на атомы, раздробить сами атомы и превратить их во все пожирающее излучение. Человек стал лишь частью материи, которую следовало уничтожить. Он был пылинкой, букашкой, пытавшейся помешать ему осуществить его намерения.

Но когда ноль двадцать четвертый включил спусковые механизмы лазера, в нем вдруг проснулись древние инстинктивные запреты, они наполняли ужасом все его существо, и он бежал, сам не зная зачем и куда.

Теперь страх прошел, и лишь стремление уничтожить владело им. Только одна мысль мешала ему немедленно включить на полную мощность дезинтегратор и лазеры. Он понимал, что окружавшая его жизнь сильна здесь, в своем логове, и справиться с ней будет не так-то просто. Он убедился в этом сразу после выстрела лазера, когда его луч не причинил ни малейшего вреда. Наверняка у него будет один-единственный шанс.

Нужно постараться одним выстрелом уничтожить сразу все. Найти центр этой конструкции. Центр, в который стекались отовсюду информационные потоки. Он ощущал их своими чувствительными датчиками. Лазер был здесь бессилен, но у него есть другое оружие — дезинтегратор, разрушающий любую материю... Он не может рассчитать сопротивляемость этой живой стеклянной субстанции, нет данных, значит, нужно стрелять

только наверняка. Найти центр нетрудно. Ноль двадцать четвертый все время двигался вдоль трасс, несущих наибольшую информативную нагрузку, и сейчас же улавливал обратные командные импульсы, которые излучал центр. Оставалось рассчитать траекторию выстрела.

Заросли кончились. Ноль двадцать четвертый остановился на краю открытого пространства. Под самым центром купола висела огромная черная груша. Это и был информативный центр. Но, прежде чем он навел на него аннигилятор, его датчики сообщили о присутствии человека... Снова он, снова второй... Опять он встал у него на пути. В сотую долю секунды его автоматические анализаторы, нимало не считаясь с его волей, проанализировали окружающую обстановку и выдали результат. Выстрел дезинтегратора уничтожит вместе с центром и человека. И сразу же из глубин его существа хлынула знакомая волна ужаса. Он не сможет испытать ее еще раз в полной мере... В тот первый раз он не знал, какой силой она обладает, он не сможет убить человека... Калейдоскоп противоречивых мыслей вспыхивал в его электронном мозгу. Текли секунды... Их оказалось достаточно, чтобы человек в конце концов заметил его... Их глаза встретились. Если бы сейчас человек отдал приказ, ноль двадцать четвертый, наверное, подчинился бы, но человек молчал. Секунды падали между ними тяжелые, как глыбы. Время было упущено. Ледяной холод, поселившийся в голове ноля двадцать четвертого, постепенно делал свое дело. Гасил все второстепенные мысли, отключал ненужные блоки, снимал глубинные запреты. Ничего не осталось в сознании, кроме злобы, и тогда сквозь раздвинувшиеся створки блеснул ствол дезинтегратора...

8

Корабль ждал. Застыли арктаны в подземном туннеле. Операторы на своих постах, командиры в управляющей рубке. Люди верили, что ответ придет. Не может не прийти после того, как купол связался непосредственно с Центавром, минуя управляющую рубку корабля... и получил данные о строении и составе языка людей.

Понял ли он их? Текли часы напряженного ожидания, и ничего не менялось. Пылевая пустыня выглядела на экранах до того неподвижной, что казалась ненастоящей, нарисованной на полотне неизвестным художником.

— Прошло уже четыре часа, — тихо напомнил Лонгу координатор, словно Лонг был ответствен за слишком долгое молчание купола.

— У них может быть другое измерение времени, отличное от нашего.

— Смотрите, там что-то происходит! — крикнул дежурный техник.

Все повернулись к центральному экрану. На нем в самом центре пустыни вскипал огромный пылевой волдырь. Он стремительно рос вверх и вширь, захватывал километры пространства, наливался изнутри багровым отсветом и разбрасывал во все стороны черные клочья ваты.

— Вот он, ответ... — с горечью проговорил координатор. — Я был прав, и они все-таки ударили первыми...

Никто не возразил ему.

Огненный столб, вырвавшийся из центра песчаного волдыря, закручивался, расширялся, шел к кораблю. Люди молчали, подавленные масштабом надвигавшейся на них катастрофы.

Прежде чем завыли сигналы тревоги, поданные наружными датчиками, Рент включил защитное поле на полную мощность. Корабль вздрогнул. На нижних палубах глухо зарычали генераторы, принимая на свои холодные роторы полную нагрузку. Заискрились контакты, зафыркали, запели на разные голоса десятки механизмов сложной полевой защиты корабля.

— Здесь нет атмосферы, ударной волны не будет, зачем такая мощность? — прокричал Лонг, стараясь перекрыть тонкий визг вибрирующих переборок.

Рент молча кивнул в сторону экрана. Протуберанец ширился, выбрасывал во все стороны столбы пламени. Вдруг вся пылевая пустыня дрогнула и медленно поползла к кораблю.

Лонг глянул на шкалу мощности и не поверил прибору. Ста двадцати гигаватт хватало, чтобы погасить излучение короны звезды. А стрелка прибора еще продолжа-

ла ползти вверх. Пустыни на экране уже не было видно. Вдоль всего корабля струилось холодное голубое пламя, обозначившее границу, на которой столкнулись две могучие силы. Корабль мелко вибрировал. Указатель вертикали чуть заметно, на волосок, отошел от нулевой отметки.

— Под нами оседают скалы. Запускайте двигатели! — крикнул главный инженер.

— Невозможно. У меня не осталось мощности. Мы не можем взлететь.

Координатор рванул рукоятку планетарных двигателей, они не могли сдвинуть с места махину корабля. Для этого нужна была вся мощность главного реактора. Но с их помощью Ренту удалось выровнять корабль и какое-то время держать дрожащую черточку указателя вертикали вблизи нулевой отметки.

Корабль боролся, словно живое существо. Все его металлические органы работали на самой последней грани. Стрелки индикаторов перешли красные отметки и уперлись в ограничители. Форсаж всех генераторов был доведен до предела. Они отключили все, что можно было отключить, кроме механизмов полевой защиты. Корабль ослеп и оглох. Не работал даже Центавр. Эти меры дали им резерв мощности. Небольшой, на самом пределе, но все же можно было попытаться, уменьшив напряжение защитного поля на одну четверть, оторваться от поверхности планеты. С каждой упущенной секундой энтропия за бортом нарастала, и они теряли этот свой последний шанс, но координатор все еще медлил. Наконец Лонг не выдержал:

— Если ты немедленно не объявишь аварийный старт, нам уже никогда не взлететь! Чего ты ждешь? Глеба? Ему не выбраться из этого ада. И если даже удастся, то со свободной орбиты мы скорее сумеем ему помочь. У нас есть скутер с полевой защитой, его масса меньше, его легче прикрыть защитными полями. Нужно стартовать, Рент! Иначе погубим корабль!

Словно подтверждая его слова, пол под ногами снова дрогнул. На этот раз указатель вертикали не собирался останавливаться. Под ними не осталось твердой опоры. Крен корабля достиг последнего безопасного предела.

— Будь оно все проклято! — Стиснув зубы, Рент рванул стартовую рукоятку.

Огромная стальная гора корабля, упрятанная в сверкающий кокон защитных полей, теперь уже наполовину погружившаяся в бурлящую поверхность планеты, дрогнула и выбросила в стороны ослепительные сверкающие фонтаны раскаленных газов. Разметав на многие мили слой кипящей лавы, гигантское светящееся яйцо медленно, словно нехотя, потянулось вверх, вырвалось из бурлящего месива и поползло к зениту, с каждой секундой наращивая скорость.

— Седьмая секунда — стоим на столбе!

— Восьмая секунда — скорость двенадцать метров!

— Девятая секунда. Стоп всем аварийным двигателям!

— Десятая секунда. Прошла команда включения основной тяги!

Поверхность планеты медленно отдалялась. Где-то там, далеко внизу, в этом кипящем аду, остался человек, которого они все любили и с которым сейчас прощались. Никто уже не обманывал себя. У них больше не оставалось надежды.

* * *

Глеб видел, как после выстрела робота столб холодного голубоватого пламени навывлет пробил защитный купол станции. И тогда ожили до сих пор неподвижные мертвые заросли стеклянных стволов. Их ветви потянулись навстречу огню. Двинулись со своих мест сами стволы. Они сплетались друг с другом, сливались в однообразную массу и прикрывали своими телами бешеное пламя вышедшей из-под контроля энергии. Ветви и целые стволы вырывались из общей массы и мгновенно превращались в пар. Но в тех местах, где стволам удавалось сцепиться друг с другом, свиться в плотную непроницаемую решетку, пламя постепенно стихало, сдавало позиции, отступало к центру пробитого отверстия. Глеб заметил, что наибольшей толщины решетка была с той стороны, где стоял он. Они делали все возможное, все от них зависящее, чтобы оградить его от малейшей опаснос-

ти. И он догадывался почему... Слишком многое теперь зависело от него, от его решения...

Пламя уже бушевало внутри огромной прозрачной трубы, свитой из стволов деревьев и протянувшейся от пола до потолка купола. Пространство вокруг оголилось, все стволы от дальних стен зала перемещались к центру и постепенно сгорали в огненной топке. От робота не осталось даже горсточка пепла, и Глеб готов был поклясться, что он сам шагнул в огненную реку, ворвавшись в купол сразу после выстрела дезинтегратора.

Глеб чувствовал себя так, словно все происходившее вокруг него не касалось. Да так оно, в сущности, и было, с момента последнего разговора и до того, как он примет решение, он просто зритель. Безучастный зритель. Если бы можно было хоть на секунду забыть, хоть на секунду поверить, что все это не имеет к нему ни малейшего отношения, произошло с кем-то другим, когда-то давно, в другом месте... Но зачем обманывать себя — решение принято...

«Какое решение? — спросил он себя. — Нет. Ты еще ничего не решил, еще есть время. Свобода выбора. — Он усмехнулся. — Похоже, это правило — основа их этической системы. «Каждое существо перед принятием важного решения должно иметь свободу выбора, хотя бы из двух возможных вариантов». Так, кажется? Да, так... Следовательно, они сдержат слово. Будет ему капсула, непроницаемая для энтропии... Будет и шлюз. Будет дорога обратно, к кораблю, к людям. Нужно лишь сказать им. Сообщить о своем решении. Почему же он молчит? Почему медлит?»

Ведь это так просто... Нажать кнопку передатчика на поясе скафандра, сказать необходимые слова... Правда, потом, возможно всю жизнь, он будет стыдиться этих слов, но ведь этого никто не узнает, никто из людей. Какое это имеет значение, если после этого он будет стоять в настоящем сосновом бору, на берегу далекой, уже почти забытой речки своего детства...

Но и там, за миллиарды километров, его мысли будут возвращаться к тем, кто попросил его о помощи и кому он сейчас в ней откажет... Баланс энергии нарушен. Им не справиться, нужна новая порция нервной энергии,

чтобы обуздать вырвавшийся на свободу хаос... Что случится со станцией, с планетой, если он откажет им в помощи?

Он говорил им, что это бессмысленно, что человеческий мозг — песчинка перед стеклянной махиной станции, что жертва окажется бесполезной.

Вряд ли они поняли что-нибудь насчет жертвы, — а что касается остального, его поправили и объяснили, что в человеческом мозгу миллиарды незадействованных нейронов, биллионы неиспользованных связей, что скорость прохождения сигналов по его каналам можно увеличить в сотни раз. Что человеческий интеллект и воля неповторимы и что они не песчинки. Увеличенные и скопированные в сотнях экземпляров, они заменят сторевшие блоки, нервные узлы станции. Чаша весов в настоящий момент колеблется. После удара робота, вызвавшего прорыв энтропии, они могут не справиться сами с последствиями катастрофы. В такие моменты даже незначительная помощь может оказать решающее воздействие. Но его помощь не будет незначительной. Он просто не понимает всего, что произойдет, и они не знают, как объяснить... Во всяком случае, они очень старались...

Если хаос не остановить сейчас, он будет распространяться все дальше, высасывая энергию из нашей Вселенной. Земля достаточно далеко от этого сектора Галактики. Катастрофа, возможно, не затронет их мир. Никто не сможет его упрекнуть. Никто. Меньше всего он виноват в том, что взбесившийся робот... Объяснить им про робота оказалось труднее всего. Этого они не понимали. Они считали роботов членами нашего общества, а не машинами. Разум внутри этих стеклянных растений — симбиоз механической, искусственно созданной жизни и высокого интеллекта. Миллионы лет назад цивилизация антов создала эту станцию, чтобы охранять наш мир от хаоса, и вот теперь она погибнет, ведь не может же он согласиться на их предложение! Конечно, не может! Он останется человеком. Вернется на Землю. И будет стоять, как стоит сейчас, в настоящем зеленом лесу. Он может закрыть глаза, чтобы не видеть призрачных стеклянных ветвей, и представить, как это будет.

Если бы им была нужна его жизнь, он бы, возможно, согласился, но то, о чем его просили, было гораздо хуже, чудовищней смерти. Перестать быть человеком. Стать частью станции. Восполнить уничтоженную часть нервной энергии, превратить нейтронные структуры своего мозга в стеклянные заросли растений, в черные груши нервных узлов... словно они знали, что такое быть человеком, словно они могли знать, как пахнет зеленый лес, словно они слышали, как поет в нем малиновка! Впрочем, если бы они знали все это, они и не стали бы ему предлагать такую чудовищную дилемму. Но полное понимание невозможно. У этого чуждого мира свои законы, свои ценности, свое понятие о справедливости и долге...

Никто никогда не узнает, что контакт между нами возможен, что он состоялся, что у меня попросили помощи и я отказался... А ведь они могли уничтожить робота гораздо раньше, они знали, что он опасен, и все-таки не сделали этого только потому, что считали его живым мыслящим существом... Они могли бы взять у меня то, что им нужно, не спрашивая согласия, силой, но им это даже не пришло в голову и не могло прийти, возможно, потому, что у них нет головы... Так что не стоит говорить о чуждых нам этических законах, в том-то и дело, что законы одни и те же. Что эти стеклянные кусты намного ближе нам, чем может показаться с первого взгляда...

Он снова вспомнил ушедший в сторону луч лазера... И это тоже...

Была такая старинная легенда о титанах... Миллионы лет эти сказочные существа, согнувшись под страшной тяжестью, держали на своих плечах небесный свод. Те, кто построил эту станцию, те, кто навсегда замуровал в ней свой разум, были такими титанами. А он простой человек. Ему надо вернуться домой. Его ждут там, на далекой Земле. Не для того он улетал к звездам, чтобы превратить себя в часть стеклянного леса. Другие люди, быть может, решат иначе и помогут им, если не будет слишком поздно... Но он понимал, слишком хорошо понимал, что все решается здесь и сейчас, в эти последние, оставшиеся до окончательной катастрофы минуты... Земля... Она далеко, слишком далеко от него

сейчас... Но ведь может случиться так, что через много лет эта прорвавшая заслоны чужого разума беда доберется и до Солнца... Не стоит об этом думать. Потребуется много тысячелетий, за это время люди станут могущественней антов и найдут способ обуздать стихию хаоса. А может, и нет... Может быть, к тому времени уже невозможно будет ее обуздать. Интересно, что произойдет, если он снимет скафандр... Ведь они просили именно об этом и предупредили, что тело его перестанет существовать... Может быть, вот эти стеклянные ветви вопьются в его незащищенную кожу, вратут в позвоночник, как выросли они в машину, высосут мозг... Стоит ли думать об этом? Он никогда не согласится. Пора возвращаться, у него слишком мало времени...

Он в последний раз окинул взглядом стеклянный купол. Заросли заметно поредели, теперь глаз свободно проникал через все пространство купола от стены до стены. И только в центре возвышалась непроницаемая стеклянная труба, спрятавшая в своем жерле огненный протуберанец. Сколько еще может продолжаться это неустойчивое равновесие? Час? Два? Надо спешить...

«Но почему я? Почему именно я?! Всегда так было...» Всегда случалось так, что на кого-то падал выбор, и он заслонял собой от беды других...

Его рука медленно потянулась к застежке скафандра.

* * *

Вторые сутки корабль висел на околоцентрической орбите, неподвижно зависнув над местом недавней катастрофы. Отсюда, отвесно над планетой, вздымался в космос пылевой протуберанец, очертивший видимые границы энтропийного выброса, все дальше уходившего в космос. На его границах материя таяла, исчезала без следа, не оставляя после себя ни кванта света, ни джоуля тепла. Трудно было предсказать, чем все это кончится. Шел третий час ночи по корабельному циклу. Рент неподвижно сидел в своей каюте и курил сигарету за сигаретой. Вонючий, въедливый дым плавал густым сизым облаком. Он не знал, как ему поступить. Предположение о том, что катастрофа на планете была всего лишь ударом

по кораблю, теперь уже не казалось ему таким достоверным, как раньше. Если интенсивность энтропийного выброса в пространство не уменьшится, то к прилету с Земли специально оснащенной экспедиции процесс полностью выйдет из-под контроля человеческой техники. Если это так, он не имеет права оставить район, не приняв решительных действий... Но каких? Если бы знать, что там, внизу под ними, на планете, притаился враг... Если бы быть в этом уверенным, все тогда становилось просто!

Заткнуть глотку этому чертову энтропийному генератору ничего не стоило. А вдруг там совсем не генератор? Рент пододвинул небольшой диктофон, на пленке которого была записана стенограмма последнего корабельного совета, и включил ее сразу с нужного места.

«Отвечаю на ваш вопрос о возможности разрушения «объекта, излучающего энтропию». Если такой объект существует, то мы можем его уничтожить мезонной бомбардировкой. Такие расчеты сделаны. Наши бомбы успеют разрушить кору планеты примерно на глубину двух километров, прежде чем их энергию поглотит энтропийное поле, и, уж во всяком случае, они полностью уничтожат объект, названный вами «энтропийный генератор». Вопрос доставки тоже не представляет проблемы. Автоматический скутер с полевой защитой вполне справится с этой задачей. Весь вопрос в том, к чему это приведет. Представьте себе кроманьонца, случайно наткнувшегося на современное гидротехническое сооружение. Представьте дальше, что струи воды просочились сквозь это сооружение и начали подмывать его пещеру. Кроманьонцу, естественно, это не нравится. Во всех бедах он винит плотину. Предположим, у него есть чрезвычайно мощная и вполне современная мезонная дубина. Сначала он лишь слегка пригрозил ею плотине, трещина увеличилась, вода заливает пещеру. Кроманьонцу показалось, что эта проклятая гора, низвергающая на его дом потоп, ответила ударом на удар. Тогда он размахнулся как следует и... Нетрудно представить, что нас ждет, если мы выступим в роли такого кроманьонца...»

Рент выключил запись, погасил окурки и, недовольно морщась, поплелся к дивану. Опять он стоял перед

дилеммой, когда бездействовать нельзя, а любое конкретное действие могло еще больше ухудшить положение.

Приглушенный ночной свет едва освещал стол. Рент смотрел на рулон с расчетами различных вариантов. Возможные последствия... вероятность ошибки... В последней графе цифры слишком велики. Да он никогда и не полагался на советы машины в решении серьезных вопросов, вот если бы здесь был Глеб... Его мнение всегда значило для него слишком много, хотя сам Глеб, скорее всего, об этом не догадывался. Поговорив с ним, поссорившись, даже накричав, он вдруг чувствовал потом, что тяжесть ответственности за единоличное решение становится вдвое легче. Глеб умел подобрать нужные аргументы. Умел рассмотреть калейдоскоп противоречивых фактов под собственным, всегда неожиданным углом зрения... Теперь его светлой головы нет с ними, и приходится думать за двоих... Так что же там такое, что?! Военный объект, мощное оружие враждебной цивилизации или защитное сооружение? Если бы знать, если бы только знать... Глеб наверняка успел это выяснить, прежде чем погибнуть... А он даже отомстить за него не может, лишен этого последнего горького права... И не потому ли так упорно спорит с Лонгом, подбирает аргументы в пользу гипотезы о враждебных действиях творцов энтропии? Но одно дело споры и отвлеченные рассуждения, другое — конкретные действия. Он никогда не сможет отдать приказ о бомбардировке. Оставалось одно. Бежать. Признаться в собственном бессилии. Завтра он даст команду об отлете. Завтра... Но сегодняшняя ночь еще принадлежит ему... Он еще может надеяться на что-то, может быть, на чудо... Верил же в чудеса Глеб... Не раз говорил о том, что в космосе скрыто немало неизвестных, неподвластных нам сил...

Шорох за спиной над дверью, в том месте, где висел экран корабельной связи, заставил его резко обернуться. Вызов? Нет, сигнальная лампа не горела... Но Рент отчетливо слышал странное потрескивание в обесточенном аппарате. Надо будет сказать техникам, чтобы они... И вдруг желтая клавиша выключателя медленно, словно нехотя, ушла в глубь панели. Экран вспыхнул неестест-

венно ярким голубым светом. И перед ним без всякой паузы появилось невероятно четкое объемное изображение лица человека, о котором он только что думал. Лицо Глеба. Оно словно плавало в голубоватой дымке, за его головой нельзя было рассмотреть никаких деталей, а само изображение казалось неправдоподобно резким, словно экран этого паршивенького фона мог дать такое разрешение...

— Привет, старина! Я, кажется, очень поздно? Извини... Знаешь, привычные корабельные циклы времени для меня здесь немного сместились... — Глеб словно специально подбирал ничего не значащие вежливые слова, давая Ренту возможность прийти в себя.

— Ты?! Но как же, ты же...

— Да, остался внизу.

— А связь, как ты мог...

— Это не наша связь. Я подключился к тебе напрямую.

— Что значит «не наша связь»? — Рент уцепился за это слово, будто оно могло объяснить все остальное.

Глеб покачал головой.

— У них нет передающих камер. То, что ты видишь: мое лицо, голос — это всего лишь определенный набор электронных сигналов, поданных в нужной последовательности.

— Что ты хочешь сказать? Что с тобой случилось?!

— Подожди. Об этом потом. Знаешь, почему они до сих пор не выходили на связь? В четвертом томе психолингвистики на странице... — Экран мигнул, и изображение на секунду пропало. — Извини. Это помехи.

Только сейчас Рент спохватился. Помехи. Всего лишь помехи. Передача могла прерваться каждую секунду, а он не узнал самого главного.

— Ты сможешь дать пеленг для скутера? Где лучше его посадить?

— Скутер не нужен. Подожди. Не возражай, у нас не так много времени, а мне столько нужно сказать тебе. И это гораздо важнее всего остального.

— Остального? Чего остального?!

— Я прошу тебя выслушать не перебивая. Потом ты задашь вопросы. Если останется время. — Он помолчал

секунду, печально и внимательно всматриваясь в лицо Рента, словно хотел запомнить его навсегда. — Много тысячелетий назад анты начали расширять границы нашего мира, и тогда вдруг выяснилось, что хаос, окружавший нашу Вселенную, не так уж беспомощен, как казалось вначале. В общем, эта аморфная, бесструктурная масса не только активно сопротивляется любому воздействию — гораздо активней, чем любые природные силы, знакомые нам до сих пор, но и разлагает, лишает структуры более сложные формы материи, вступившие с ней в контакт. Она активно стремится расширить свои границы за счет нашего мира, растворить в себе нашу Вселенную. Между антами и этим миром хаоса завязалась война, она продолжается до сих пор. В отдаленных, наиболее уязвимых частях нашего мира анты строили защитные станции, преграждавшие путь энтропии.

— Значит, все-таки плотина... Лонг был прав.

— Все это я говорю, чтобы ты понял самое главное. Наши роботы, соприкоснувшиеся с энтропийным полем, ненадежны. Они могут стать носителями враждебного людям разрушительного начала. Хаос слишком легко поселяется в их электронных мозгах. Нельзя допустить, чтобы вы увезли их с собой на Землю.

Рент видел, как лицо Глеба на экране постепенно искажалось, покрывалось рябью помех, одновременно, очевидно, росло и напряжение передачи, потому что свечение экрана все увеличивалось и теперь отливало ослепительным фиолетовым блеском. Шипение и треск внутри аппарата усилились и перешли в противный зудящий визг. Рент увидел, что на инфоре, стоявшем на его столе, замигал красный сигнал аварийного экстренного вызова, но он не двинулся с места.

— Уводи корабль. Мы будем сворачивать пространство вокруг планеты, замыкать эту его часть. Слишком велик прорыв, его нельзя ликвидировать иначе.

— Но ты, как же ты?!

— Контакт все-таки возможен... В других частях... Там, где напряжение меньше, вы сможете... Анты ждут помощи, теперь они знают... Другие операторы...

Визг перешел в громовой вой. Больше ничего нельзя было разобрать. Ослепительно вспыхнул в последний

раз экран. Лицо Глеба вновь на несколько секунд стало четким...

— Не забудь про четвертый том лингвистики, там код к записи, сделанной в долговременной памяти Центавра. Это вам подарок от антов. Его надо расшифровать. Я надеюсь, ты справишься, старина. Прощай...

Без треска, без вспышки изображение исчезло, словно его никогда и не было. Все заполнил собой тоскливый вой аварийного вызова.

Несколько секунд Рент стоял оглушенный, чувствуя, как на лбу у него выступают холодные капли пота. Потом медленно, нетвердой походкой он подошел к столу и надавил на клавишу инфора.

— Что случилось?

— Направленный выброс энтропии из протуберанца в нашу сторону. Это похоже на атаку, капитан. Я не могу к вам пробиться вот уже полчаса... Включены резервные мощности... Защита едва справляется. Что будем делать?

— Это не атака. Отдайте приказ к стартовой подготовке. Мы уходим. И вот еще что... Нужно обесточить все автоматы, входившие в контакт с внешней средой. Все без исключения. Полная дезактивация блоков. Пришлите ко мне Кирилина.

Планета исчезла с экранов на второй день разгона. На третий стала тускнеть, сливаясь с безбрежной чернотой космоса, сама звезда. Это произошло гораздо раньше, чем следовало. Еще до того, как корабль достиг необходимой для перехода скорости. Рент знал, что эта звезда никогда уже не появится ни в земных телескопах, ни на экранах земных кораблей... От нее останется только имя. Не безликий номер из справочника, а имя. Имя человека, которого не было с ними.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАТЕГИЯ ЗАХВАТА. <i>Роман</i>	5
ПЛАНЕТА ДЛЯ КОНТАКТА. <i>Повесть</i>	209
ВЕСТА. <i>Повесть</i>	345
ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. <i>Повесть</i>	447

Литературно-художественное издание

Гуляковский Евгений Яковлевич
СТРАТЕГИЯ ЗАХВАТА

Редактор *А. Г. Зеленский*
Художественный редактор *И. Г. Сауков*
Технические редакторы *Н. М. Носова, Л. И. Косарева*
Корректор *Л. В. Березникова*

Изд. лиц. № 061309 от 17.06.92.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.03.97.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,24. Уч. изд. л. 28,6. Тираж 15 000 экз. Заказ 4213.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

индекс: 425

ИЗВЕСТНАЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРАМ СО СТАЖЕМ КАК «РАМОЧКА»

Серия составлена из бесценных «жемчужин» фантастико-приключенческого жанра. Аркадий и Борис Стругацкие, Василий Звягинцев, Владимир Михайлов, Василий Головачев, Евгений Гуляковский – эти авторы не нуждаются в дополнительном представлении. Книги каждого из них – настоящее событие в русской фантастической литературе. Это тот необходимый культурный багаж, который будет непременно передаваться из поколения в поколение и никогда не устареет, ведь настоящее писательское мастерство заключается именно в умении отстаивать непреходящие человеческие ценности с помощью ярких, увлекательных, запоминающихся произведений. Выпуски серии «КП и НФ» не только украсят книжные полки коллекционеров приключенческой литературы, они доставят истинную радость Вам и Вашим подрастающим детям.

А. и Б. Стругацкие СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 10-ти томах
В. Звягинцев «ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ». В 3-х томах
Е. Гуляковский СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 5-ти томах
В. Головачев «СМУТНОЕ ВРЕМЯ». В 5-ти томах
В. Михайлов СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 5-ти томах

**СЕРИЯ «КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» –
ВЫБОР ЛЮДЕЙ С БЕЗУПРЕЧНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ВКУСОМ!**

Вы можете подписаться на все собрания сочинений или на любое издание по вашему выбору и получать 1-2 книги в месяц из каждого собрания сочинений

Все издания объемом 450-540 стр., цельнотканевый переплет, золотая фольга, шитый блок.

Цена одной книги 18 000-18 500 руб.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 413

А «АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

Настоящий подарок любителям фантастики. Лучшие произведения современных российских писателей-фантастов в рамках одной книжной серии. Никому раньше и в голову не могло прийти, что ареной фантастического боевика могут быть не только бескрайние просторы Вселенной с множеством обитаемых планетных систем, но даже и наша современная российская действительность. А уж герои всегда на Руси были отменные и, надо сказать, со всякой напастью справлялись и без новомодных бластеров. Так что, если наших богатырей снабдить современной фантастической амуницией, то они от космических злоумышленников всех мастей камня на камне не оставят, можете не сомневаться. В этом легко убедиться, прочитав книги, выходящие под маркой «Абсолютное оружие». В. Головачев, Е. Гуляковский, В. Михайлов, В. Звягинцев – классики жанра и целая плеяда молодых, чрезвычайно талантливых авторов, чей грядущий успех и популярность очевидны. В их книгах заключена энергия завтрашнего дня, а напряженный сюжет, тонкий лиризм и обаятельные герои никого не оставят равнодушными.

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

**В. Головачев, В. Михайлов,
В. Ильин, И. Стальнов,
М. Ахманов, Е. Гуляковский,
В. Звягинцев, Л. Вершинин,
А. Щупов, А. Громов, О. Дивов.**

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

**В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ**

Цена одной книги 16 000-16 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

«АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ»

индекс: 421

ФЭНТЕЗИ, ПОМНОЖЕННАЯ НА РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

*Самые интересные! Самые разнообразные! Самые запоминающиеся книги – это, конечно, фантастика! Но находятся писатели, богатому воображению которых тесно в традиционных рамках даже этого жанра. Их призвание – **конструирование собственных миров**. На Западе это направление именуется «фэнтези».*

Фэнтези, помноженная на русские литературные традиции, – это «Абсолютная магия». Кровавые разбойники и могущественные маги, знатные дамы и благородные рыцари, ожившие покойники и механические куклы – все они влюбляются и ненавидят, плетут заговоры и расставляют ловушки с помощью мечей и колдовства на страницах «Абсолютной магии». Ник Перумов, Генри Лайон Олди, Юрий Брайдер, Николай Чадович, Михаил Ахманов – эти мастера увлекут и порадуют своими книгами самого взыскательного читателя.

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

**Г.Л.Олди, Н.Перумов,
М.Ахманов, А.Дашков,
В.Свержин.**

Все издания объемом 400-550 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

**В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.**

Цена одной книги 16 000-16 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

«СТАЛЬНАЯ КРЫСА» ТВЕРДЫЙ ПЕРЕПЛЕТ

ЗОЛОТОЙ ФОНД ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

индекс: 423

Романтика дальнего Внеземелья. Падение могущественных звездных империй. Безжалостные столкновения космических армад. Отчаянные авантюры галактических мошенников. Решительность и бескомпромиссность. Предательство и коварство. Благородство и бескорыстие. Читайте обо всем этом в лучших книгах, когда-либо выходивших под маркой фантастики.

Г.Гаррисон «**СТАЛЬНАЯ КРЫСА
ПОЕТ БЛЮЗ**»

Г.Гаррисон «**СТАЛЬНАЯ КРЫСА
ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АД**»

Э.«Док» Смит «**ИМПЕРСКИЕ ЗВЕЗДЫ**»

Э.Гамильтон «**ГАЛАКТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ**»

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ

Все издания объемом 400-500 стр., целлофанованный переплет, шитый блок.

Цена одной книги **15 000-15 900** руб.

«СТАЛЬНАЯ КРЫСА» МЯГКИЙ ПЕРЕПЛЕТ

индекс: 426

Для тех, кто любит почитать в пути, книги серии «Стальная крыса» выходят в малом формате.

Г.Гаррисон «**РОЖДЕНИЕ СТАЛЬНОЙ
КРЫСЫ**»

В.Головачев «**ВОЛНА ВЫКЛЮЧЕНИЯ**»

Э.«Док» Смит «**ПЛАНЕТА ДУШИТЕЛЕЙ**»

Э.Гамильтон «**ХРАНИТЕЛИ ЗВЕЗД**»

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО
НА СЕРИЮ

Все издания объемом 350-400 стр., мягкий переплет, золотое тиснение.

Цена одной книги **7 500-8 000** руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

**ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ**

Герои Д.Корецкого умеют бороться с мафией.
Как они это делают, каждый может узнать из его книг.
Впервые! Полное собрание сочинений Д.Корецкого
в великолепном полиграфическом исполнении.
Такого еще не было!

«Антикиллер», «Пешка в большой игре», «Смягчающие обстоятельства», «Акция прикрытия», «Привести в исполнение» ... – всего лишь пять названий романов Даниила Корецкого, а их более тридцати. Общий тираж его книг за 1995-1996 гг. превысил десять миллионов экземпляров! Профессиональные знания (Даниил Корецкий – полковник милиции) плюс литературное мастерство превращают каждый задуманный им сюжет в животрепещущую криминальную драму. Под его пером преступник раскрывается во всей своей низости и жестокости, а преследующий его герой обретает черты благородного защитника слабых. И потому хитроумные оперативные комбинации, запутанные интриги, разборки, убийства и политические игры предстают перед читателем как в зеркале, отражающем истерзанный лик нашей эпохи. Читайте Даниила Корецкого и вы узнаете многое не только о времени, в котором живете, но и о себе...

**индекс всей серии:
300021**

Индексы отдельных изданий:

- «АНТИКИЛЛЕР», 26
- «АНТИКИЛЛЕР-2», 27
- «ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ», 24
- «АКЦИЯ ПРИКРЫТИЯ», 21
- «ОСНОВНАЯ ОПЕРАЦИЯ», 28
- «РАЗЯЩИЙ УДАР», 25
- «МЕНТОВСКАЯ РАБОТА», 23
- «ОПЕР ПО ПРОЗВИЩУ "СТАРИК"». 22

Вы можете подписаться на Полное собрание сочинений Д.Корецкого и получать 2 книги в месяц или на любой из томов по вашему выбору.

Все издания объемом 400-420 стр., бумвинил с золотым тиснением, целлофанированная суперобложка, шитый блок.

Цена одного тома **17 000-17 900 руб.**

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 343

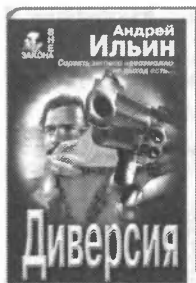

«ВНЕ ЗАКОНА»

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

«Вне закона» – это криминальные романы, сюжет которых исключает привычное столкновение преступного мира с правоохранительными органами. Здесь все непредсказуемо, ибо герой, борющийся с уголовниками, как правило, сам является объектом преследования и защищает тот самый закон, что поставил его вне закона. Борьбу с преступностью, на стороне которой сила, деньги, власть, такой человек возводит в ранг собственной жизни. И делает свой выбор раз и навсегда...

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ. КАК:

**Н.Леонов, Д.Корецкий,
П.Обухов, И.Гром,
Д.Петров, В.Барабашов,
А.Молчанов.**

Все издания объемом 400-550 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

**В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.**

Цена одной книги 16 000 - 16 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

индекс: 422

Образ отважного и благородного, но одновременно хитрого и жестокого Конана-варвара неизменно привлекает миллионы любителей фэнтези во всем мире. Рожденный фантазией Роберта Говарда (1906-1936), Конан надолго пережил своего создателя и продолжает шествовать с победами из книги в книгу, расчищая себе путь к славе и справедливости верным двуручным мечом из крепкой стали. Центральная идея всех книг предлагаемой читателям фантастической эпопеи «Конан и Великая Душа» – противостояние жестокого, но человеческого мира, в котором живет Конан, бездушному и уродливому миру, созданному извращенным воображением дьявольски гениального карлика Тезиаса, настойчиво прокладывающего себе дорогу к власти.

Будем надеяться, что мир Конана все же выстоит и ему удастся превратить Аквилонию в могущественную и процветающую державу, а все поклонники знаменитой саги с неослабевающим интересом будут следить за каждым новым шагом киммерийского гиганта по этой грешной земле.

- «НЕПОДВЛАСТНЫЙ БОГАМ»**
- «ОГНИ БУДУЩЕГО»**
- «АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА»**
- «РАБ ЗМЕИНОЙ КОРОЛЕВЫ»**
- «АРМИЯ СВЕТА И ТЬМЫ»**
- «ПИЛИГРИМЫ СУДЬБЫ»**
- «КОСМИЧЕСКАЯ ОРДА»**

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ

Цена одной книги **16 000-16 900** руб.

ЕВГЕНИЙ
ГУЛЯКОВСКИЙ
СТРАТЕГИЯ
ЗАХВАТА

